

ЮРИЙ НИКИТИН

ЮРИЙ НИКИТИН

КУЯВИЯ

Цикл Троецарствие

Артания

Придон

Куявия

КУЯВИЯ

Москва

2007

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Н 62

**Оформление серии
и иллюстрация на переплете *М. Петрова***

Никитин Ю. А.
Н 62 **Куявия: Фантастический роман / Ю. А. Никитин. —**
М: Эксмо, 2007. — 800 с.
ISBN 5-699-20373-7

Эхо великой войны между Артанией и Куявией докатилось до затерянной в горах Долины Драконов. Мальчонка Игтельд, спасший крохотного дракончика от гибели, не желает воевать: Куявия и Артания далеки, однако кто избегает войны, того она находит сама. Отряды артан подошли к Долине Драконов, богатыри сражаются с богатырями, маги с чародеями, колдуны с волшебниками.

Но это только начало великой битвы.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-20373-7

© Никитин Ю. А., 2007
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2007

*Очаровательным женщинам:
Татьяне, Лиске, Anais, Pearl, Karele,
Нечто Рыжей, Суламифи, Ruth, Сударушке, Инне Tiggi, Mar —
чье присутствие смягчает суровые нравы буйной Корчмы
<http://nikitin.wm.ru/> — с любовью и нежностью:-))*

Часть I

ГЛАВА 1

Солнце склонялось к западу, на вершины гор пал темно-лиловый свет. Каменные острия вспыхнули огнем, словно железные наконечники стрел в раскаленном горне. На долину пала прозрачная пепельная тень, а высоко в небе застыли привычно мелкие багровые облака. Кудрявые ползут ниже долины, на них можно взглянуть с края обрыва. Здесь, в Городе Драконов, знают, что кучерявые никогда не поднимаются над вершинами, а вот эти растрепанные, мелкие, похожие на разметанные ветром перья, брезгают опускаться ниже...

Из дома войта вышел громадный человек, зевнул, посмотрел, щурясь, на багровый диск солнца. Мальчишки зашептались почтительно:

- Ратша!
- Ратша вышел!
- А правда, что дракона тащил за хвост?

Иггельд с почтительным трепетом рассматривал великого воина. Ратша — латник, что значит — в латах с головы до ног. Шлем сверху круглый и блестящий, как яйцо, без всяких плюмажей, как у беров или беричей, из-под шлема на плечи, грудь и спину опускается кольчужная сетка. Латы простые, скрепленные кожаными ремешками, но в щель между ними попасть не так просто, если не привязать его к дереву. Меч тоже прост, похож на меч великого богатыря Дуная, разве что самую малость потяжелее, зато щит — металлический. Хотя нет, основа деревянная, как будто бы взяли щит Дуная, а сверху наложили листы из металла, умело приклепали.

Эти же латы укрывают его до середины голени, там дальше защиту принимают сапоги. Простые, правда, без железа, но прятать и ступни — уж слишком.

Простое бесхитростное лицо всегда дышало сдержанным мужеством. Он добр, Иггельд дважды налетал на него с разбегу, и ни разу Ратша не дал пинка. Только они двое, великий воин Ратша и он, Иггельд, проводили все свободное от домашней работы время в питомнике, в то время как остальные мужчины и мальчишки находили дела поинтереснее: мужчины сидели в корчме, а мальчишки играли в набеги, в колдунов, брали в осаду черные башни или умело их же защищали. Самым почитаемым человеком во всем городе был Теодорик, в недавнем войт, староста, а недавно пожалованный именем берича.

Однажды в самом деле дракон не пожелал подчиниться зрителю, торопливо побежал к котловану и уже сунулся было туда, но Ратша, что оказался вблизи, ухватил одной рукой за хвост, другой уцепился за каменный выступ, и все видели страшный поединок, когда дракон ревел и тупо стремился попасть в родимый котлован, лапы бессильно скребли по камню, а Ратша, покраснев от натуги и растопырившись, как распятый, удерживал за хвост, пока не прибежали другие зрители. Общими усилиями утихомирили дракона и все-таки заставили что-то там выполнить, настаивать надо всегда, дракон очень быстро понимает, что если не противиться, то его оставят в покое или позволят не слушаться.

Иггелду показалось, что Ратша улыбнулся уголком губ, узнал, и детское сердце запрыгало от счастья. Ветерок донес тяжелый запах сильных зверей. Земля чуть вздрогнула, это со вздохом обрушился, задев каменную стену, дракон. Они всегда, нацелившись прилечь, обрушиваются на землю, будто подламываются лапы. Или будто совсем уж покидают силы. И каждый раз вздыхают так горестно, что кто-нибудь из зрителей обязательно говорит иронически сверху, мол, да, все верно — тяжелая жизнь у драконов: ешь да спи!

В долине двенадцать вырубленных в каменной толще глубоких котлованов. И достаточно широких, чтобы дракон мог не только поворачиваться, но и делать хотя бы пару шагов из стороны в сторону. Две трети сейчас пустые, в трех выращивают молодых драконов, а в четвертом уже немолодая дракониха, усталая и потертая, неделю назад одраконилась, как говорят, сейчас там копошатся крохотные толстенькие, пока еще слепые существа, похожие не столько на драконов, сколько на крупных неуклюжих жаб.

Иггелд вместе с другими детьми бегал первые дни к котловану, свешивался через каменную ограду и до рези в глазах всматривался в полутьму. Другим детям быстро наскучивало, уносились играть, а он все всматривался, глаза наконец привыкали, начал не только различать крохотных дракончиков, но и постепенно научился отличать друг от друга.

Дядя Ортард, у которого жил, на него не обращал внимания, довольствуясь тем, что дал сироте кров и хлеб, своих забот хватает. Из родни Иггелда никого не осталось: отец и мать, как и два старших брата, погибли во время одного из налетов артан на Нижнюю Куявию, что сожгли всю деревню и перебили жителей. Дядя тогда был на охоте и сумел спрятаться в лесу, а Иггелд с сестренкой Яськой вдали от домов тихохонько удили рыбу. Детей попросту не заметили в густых камышах, а потом, когда они вернулись и застали только пепелище, их увел с собой Ортард, тоже осиротевший. Вообще-то не дядя, просто сосед, но пока брели через всю Куявию, стали считать родным дядей. Яську пристроил по дороге в доме одинокой семьи, чьи дети не выживали, а с Иггелдом шел, пока не уперся в горы, но и тогда взобрался как

можно выше, чтобы проклятые артанские дикари уж точно сюда не пришли и чтобы не пришлось пережить ужас потери родных и близких. Здесь еще раз попробовал начать сначала, женился на одинокой женщине с ребенком, мальчиком старше Иггельда, да еще прижили троих, двое выжили, и с рождением каждого на Иггельда обращали внимания все меньше. Так что был предоставлен сам себе, сам находил себе занятие, друзей, игры.

Сейчас Иггельд, свесившись через край, следил, как дракониха облизывала детенышей огромным розовым языком. Жалобно попискивая, все теснились, отталкивая друг друга, старались пробиться к задним соскам, где молока больше. Молока на всех не хватит, еще в первую же неделю половина умрет от голода, Иггельд это знал, сердце сжималось от жалости, хотелось плакать и хотя бы ухватить этих бедненьких малышей на руки и погреть за пазухой.

Дракониха несколько раз поднимала голову и смотрела на него, сперва враждебно, потом взглядывала лишь в первый момент, когда появлялся. За несколько дней, что торчал над краем котлована, свесивши голову, привыкла к нему, как и к большой корзине, в которой ей раз в день опускают большие глыбы мяса.

Корзина устроена таким образом, что, если дернуть за веревку, днище раскрывается, мясо вываливается прямо перед мордой драконихи, чтобы меньше двигалась и не давила детенышей. Правда, все равно встает раз в сутки, уходит в дальний угол котлована, где журчит, уходя в стену, вода, присаживалась, и в это время даже Иггельд отшатывался от поднимающейся снизу вони. Но тут уж ничего не поделаешь, надо, хотя и в этом случае все равно следила издали за детенышами, а когда возвращалась, ложилась на подстилку медленно и бережно, прислушиваясь, не пискнет ли протестующе снизу.

Уже со второго дня Иггельд научился различать детенышей, а их двенадцать, заранее мог сказать, какие выживут, а какие умрут от голода, сердце сжималось от жалости. Особенно несчастным выглядел крохотный дракончик, весь чер-

ный, в то время как остальные либо благополучно серые, либо серые с зеленым, а этот совсем черный, вечно опаздывал, его всегда отталкивали, а к соскам попадал, когда оттуда уже вытягивали молоко до последней капли.

Он слабел день ото дня, на пятый Иггельд чуть не со слезами на глазах смотрел, как крохотный дракончик, жалобно попискивая, пытается ползти к матери. Задние ноги волочатся, как перебитые, с трудом подтягивался на передних лапках, ему холодно и страшно. Мать в это время вылизывала другого, Иггельд метнулся к корзине, вскочил, быстро-быстро закрутил колесо, опускаясь вниз.

Дракониха головы не подняла, смотрела пристально громадными злыми глазами. Иггельд подхватил черненького жалобного дракончика, сделал три быстрых шага и приложил к соскам матери.

Высоко вверху кто-то сдавленно ахнул. Иггельд держал черненького, приговаривал умоляюще:

— Ешь!.. Ну ешь же!.. Не умирай, ешь!..

Совсем ослабевший дракончик наконец захватил уже белыми бескровными губами сосок. Иггельд освободил одну руку, слегка прижал теплое вымя. Густое молоко пошло дракончику в рот, фыркнул, закашлялся, вяло мотнул головой. Глаза вытаращились, слабо махал передними лапками, стараясь высвободиться.

— Ешь, — говорил Иггельд, едва не плача. — Ешь, вот молоко... Ешь!.. Ешь, мой чернышик, чернушик, чернышонок... Я не хочу, чтобы ты умирал!

Дракониха повернула голову, глаза грозно сверкнули. Дыхание стало громче, почти сделала попытку приподняться и достать дерзкого зубами, но вздохнула и опустила голову на камни. Плотные веки опустились, глаза погасли.

Наверху голоса стали громче, но Иггельд не поднимал головы, черненький дракончик начал хоть и слабо, но чмокать сам. Остальных Иггельд отпихивал растопыренными пальцами, больно бойкие, перебьются, и так уже как быки, топчете моего чернышика, моего чернулика, самого жалобного дракончика на свете...

Черныш налопался так, что заснул, не выпуская соска из

порозовевшей пасти. Лапки дергались, словно полз к теплому боку.

Иггельд потихоньку оставил его там, попятился, только возле корзины повернулся, переступил через борт, но прикоснуться к колесу не успел, корзина сама пошла вверх с большой скоростью. Когда поравнялась с краем, увидел, что за ручку бешено крутит Ратша, а у борта застыли: Апоница, престарелый Якун и молодой энергичный наездник Шварн. Смотрят выпученными глазами.

Апоница покачал головой, из узкой груди вырвался тяжелый вздох.

— Фу-у... ты рехнулся, малыш!.. Это же зверь, а в такой период на всех бросается!.. Вон Якун по ней как угодно топчется, метлой уши чистит, и то сейчас близко не подходит!.. А ты?

Ратша закрепил ручку, глаза сердито поблескивали, но на Иггельда посматривал с некоторым уважением.

— Как он, а? — сказал почти весело. — Подбежал так это по-хозяйски! Мол, отодвинься, дура.

Апоница сказал строго:

— Еще раз сотворишь подобное — больше с драконами не общаться!

Иггельд взмолился:

— Но я же знал, что не тронет!

— Откуда знал?

Иггельд растерянно переступил с ноги на ногу, развел руками. Неожиданно старый и рассудительный Якун сказал неторопливо:

— Апоня, остынь... Он, конечно, рисковал, не спорю. Ты, Иггельд, больше так не делай, понял?.. А не тронула потому, что сам еще... щенок. Любого из нас сразу бы в ключья. И сожрала бы, как... как мясо. А он... гм... от него самого еще материнском молоком пахнет. Не сочла, что вот такое мелкое — угроза. Наверное, и его бы накормила!

Он захохотал, довольный шуткой, Иггельд побагровел от обиды, Апоница покачал головой.

— А что, все может быть. До сего дня за драконами ухаживали только взрослые.

Якун перестал хохотать, сказал серьезно:

— Это значит, что с помощью мальчика можно начинать заниматься молодым выводком намного раньше.

— Тогда уже с помощью мальцов, — буркнул Апоница. — Но где их взять столько? Это только Иггельд сумасшедший. Остальные грезят о мечях и кровавых схватках врукопашную. Впрочем, ты прав, этого мальчика я использую теперь на всю длину веревки.

С того дня Иггельд получил под личную опеку детенышей, но все равно для себя выделял этого самого жалобного дракончика, которого назвал Чернышом. Но главное, должен теперь спускаться в котлован и помогать драконихе с ее приплодом. Она вскоре привыкла и уже с третьего дня перестала грозно взрывать, когда массировал животики щенкам, чтобы опорожнили кишечник, а они на это жалобно пищали. Правда, после этого обязательно облизывала их сама, проверяла его работу.

Вообще-то с детства обожал драконов, грезил ими, лепил из глины их фигурки, говорил только о них и знал про драконов больше, чем иной из тех, кто их выращивал. Это и оказалось решающим, что Апоница, главный смотритель питомника, видя, как управился в тот раз, решил допустить к новорожденным, хотя мальчишка из чужаков, переселившихся в их город недавно, не имеет чести принадлежать к привилегированной касте повелителей драконов.

Иггельд с восторгом принял все, что касалось дракончиков: чистку, кормление, уборку нечистот, трехразовое приготовление пищи. Их приходилось постоянно шупать, массировать толстые животики, но делал все с удовольствием, счастливо, и Апоница, наблюдая за ним, уверился, что мальчишка на своем месте. Да и характер ровный, сильный, спокойный, твердый и терпеливый. Как раз то, что нужно, чтобы день за днем поворачивать воспитание дракона в нужном человеку направлении и так же терпеливо изживать то, что повредит потом.

Иггельд с жалостью видел, что эти детеныши грозного

дракона — всего лишь ящерицы, у них нет своего тепла, греются только под горячим материнским боком да еще у него за пазухой. Только к концу недели у них появилось собственное тепло, хоть и очень слабенькое, начали открываться глаза и уши, но по-прежнему ничего не различают, судорожно тыкаются мордочками во все стороны, стараясь понять, что же за пятна появились в их уже привычном темном мире.

Ползали только на передних лапках почти месяц, и все это время упорно следил, чтобы более сильные не оттесняли Черныша от задних сосков, где молока больше всего. Уставал дико, до изнеможения. Однажды Апоница, не обнаружив его вместе с остальными работниками, подошел к котловану и увидел, что мальчишка скрючился под боком у драконихи. Апоница пару раз окликнул, но измученный малец спал мертвецки, а дракониха подняла голову и посмотрела с явным раздражением.

— Все-все, — сказал Апоница торопливо. — Ты права. Во всем права, не сердись... Я ухожу.

На следующий день ничего не сказал мальчишке, только начал присматриваться внимательнее. Тот уже настолько пропитался запахом дракончиков и так примелькался, что Якун прав: она уже допустила бы и до сосков. А возможно, так и бывало, ведь, чтобы пообедать, надо долго выбираться из котлована в корзине, а для Иггельда любое расставание с драконами кажется наказанием.

Правда, в первое время заботиться приходилось больше о самой драконихе, чем о ее выводке. Чтобы молока хватало на всех, ее кормили особо обильно. Перед ней, стараниями Иггельда, всегда стояла бадья с водой, он чистил огромное закованное в кожаные доспехи тело, скреб, топтался на спине и колотил по бокам, она сладострастно кряхтела и пробовала перевернуться на спину, а он истошно орал, чтобы не задавила детей.

Правда, они сами поднимали визг, едва прижимала кому-то хвостик или лапку, но Иггельд тоже бдил, как никто. В результате только у нее выжили и уцелели все двенадцать детенышей, небывалое дело; когда выживала треть, считалось событием.

Апоница хмурился, качал головой.

— Перестарался, — сказал он недовольно. — Слабые должны умереть. Природа всегда отбраковывает слабых!.. А ты выходил всех. Ну и что? Допустим... только допустим!.. что слабые и дальше выживут и вырастут. Тогда и они дадут потомство. А уж оно точно будет большим и хилым.

— Черныш не слабый! — запротестовал Иггельд.

— У тебя доброе сердце, — упрекнул Апоница.

— Это плохо?

— Вообще-то хорошо, но доброта бывает малая и большая.

— Как это?

— А вот смотри. Ты пожалел самого слабенького, это хорошо, выказал доброту, не дал ему умереть. Теперь вырастет, даст потомство. Слабое. Уже не один слабый, а двенадцатеро. Придется убивать уже двенадцать детенышей... А разве одного убить труднее, чем двенадцать? Но если оставить жить, то в бою не покажут всей драконьей мощи. Или струсят... Или накинута, без команды, не разбирая ни своих, ни чужих. Вот так малая доброта может привести к большой... гм... недоброте. Недоброте к людям и драконам.

Иггельд с тоской смотрел на крохотного дракончика, что уже ползал за ним на подгибающихся лапках, падал, скулил от горькой обиды, что могучий друг перестал обращать на него внимание.

— Он не слабенький, — выговорил он наконец, — он просто... отстает от других!

Апоница вздохнул. Широкая ладонь опустилась на голову мальчика.

— Ладно, почаще перекармливай к задним соскам. Там молока больше. А потом начинай подкармливать мясом. Первую неделю придется жевать для него самому.

— Все сделаю!

— Но материнским молоком старайся как можно дольше, — предупредил Апоница. — Ничто не сравнится с материнским! Никакая еда.

Самые крепкие и сильные дракончики пробовали взбираться на спину мамы, у нее панцирь весь из плотно по-

догнанных костяных плит, крохотные коготки легко цеплялись за едва заметные щелочки, Иггельд не понимал, почему сразу настораживается и, едва начинают приближаться к загровку, грозно взрывает, слегка встряхивается, и все позорно катятся, как со снежной или покрытой травой горки.

Один, самый шустрый, сумел добраться до металлического штыря в ее загровке. Иггельд видел, как все ее тело конвульсивно дернулось, она приподнялась на всех четырех лапах и тут же рухнула обратно, но, к счастью, никого не придавила.

Теперь уже сам перехватывал шустряков, затеявших опасную игру в наездника драконов, ссаживал. Дракониха сперва следила с недоверием, потом то ли поняла, то ли увидела, что не обижает детей, тяжело вздохнула и опустила в полудреме тяжелые кожаные веки.

Однажды дракониха начала беспокоиться, даже отпихивала требовательно пищущих щенков. По совету Апоницы Иггельд подстриг им быстро подрастающие коготки, и дракониха успокоилась, позволяла подолгу теревить соски лапами, выдавливая остатки молока.

Через две недели Иггельд заметил, что дракончики часто пищат, много ползают и перебирают соски. Пришлось давать матери мяса на треть больше, щенки успокоились на целую неделю, затем все началось снова. Пробовали увеличить норму еды для матери, но все равно лежала исхудавшая, тощая, обессиленная.

Это был сигнал, что пора начинать прикорм. Иггельд так и сделал, но слабенького Черныша продолжал прикладывать к задним соскам. Остальные жадно глотали коровье молоко, потом молоко с куриными яйцами, затем уже пережеванное мясо, только Черныш еще целую неделю питался материнским молоком, но затем прорезались зубки, мать стала отпихивать кусачего, и Черныш поневоле перешел на мясо.

Детеныши сильно мерзли, от холода погибает почти треть, Иггельд своего любимца брал на руки и даже совал за пазуху, где тот отогревался и засыпал. Во сне крохотные лапки по-

тешно дергались, а губы плямкали и вытягивались трубочкой: продолжал сосать материнское молоко.

Дракониха не обратила внимания, когда ушел с Чернышом за пазухой к корзине, покрутил колесо и поднялся наверх. Весеннее солнце греет уже сильно, хотя воздух холодный, Иггельд сел на край каменного заборчика, потихоньку приоткрыл рубашку, чтобы дракончик увидел солнце. Он в самом деле увидел, фыркнул, зажмурился, потом попробовал хватить зубами, а когда не получилось, вытянул переднюю лапку.

Иггельд засмеялся:

— Не достанешь!.. До него даже Ратша не дотянется. Лучше грейся, солнышко — это хорошо...

Сбоку раздался негромкий голос:

— Это с кем разговариваешь?

Апоница подошел, редкие брови удивленно всползли на лоб. Был он худой, сгорбленный, костлявый, уже немолодой, но семьи у него, говорят, так и не было, из-за драконов, по слухам, так и не успел связаться с достойной женщиной, а недостойные сами не стремились связывать себя прочной веревкой брака.

— Я его на солнышко, — пролепетал Иггельд испуганно. — Я сейчас обратно, это на чуть-чуть... Она видит, что я ничего, что я только на солнышко...

Дракончик с любопытством смотрел на Апоницу, но пахнуло свежим ветерком, мордочка недовольно сморщилась, он юркнул обратно, видно по вздувающейся рубашке, как топчется, устраивается поудобнее.

— Приручаешь? — спросил Апоница. К удивлению Иггельда, сел рядом на прогретый солнцем камень, с удовольствием запрокинул голову, подставляя белое изрытое морщинами лицо уже жарким лучам. — Это бесполезно...

— Я его просто люблю, — возразил Иггельд.

— Это другое дело, — проговорил Апоница. Глаза закрыл, прямое солнце убрало тени от морщин, лицо казалось почти молодым. — А приручать — бесполезно...

— Почему?

— Драконы все еще звери дикие, — разъяснил Апоница.

Повернул голову, приоткрыл один глаз. Увидев непонимание в глазах Иггельда, с улыбкой добавил: — Как и кошки.

— Кошки? — переспросил Иггельд. Оглянулся, совсем недавно через дорогу перебежала тощая кошка с мышью в зубах, переспросил: — Разве кошки... дикие?

Апоница снова опустил веки, тяжелые и набрякшие, как кожистые шторы на выпуклых глазах дракона, сказал мягко, наслаждаясь теплым солнышком, весной, чистым воздухом, пока ветерок относит вонь из котлованов в другую сторону:

— А ты сам подумай... Возьми для примера свинью. Как зовется свин?.. Правильно, кабан. А их детеныш?.. Верно, поросенок. А если взять кобылу?

Иггельд ответил послушно, еще не понимая, к чему клонит старый смотритель:

— Кобыла, конь, жеребенок.

— Корова?

— Корова, бык, теленок!

— Видишь, как у всех свои названия. А у собаки?

— Кобель, сука, щенок. Еще можно — пес... Понимаю, овца, баран, ягненок, а у кошки только: кошка, кот, котенок?

Апоница кивнул, голос ласковый, он жмурился и нежил-ся, как кот на солнце.

— Видишь, сам разобрался. Для домашних у нас есть названия для всех, а для диких — одно. Вот если волк, то как ни крути, а есть только волк, волчица и волчонок. Так и дракон: нет своего названия для самки, для детеныша.

Иггельд возразил:

— Но ведь кошка не дикий зверь!

— Дикий, — ответил Апоница просто. — Слишком мала, чтобы охотиться на людей, но ей хватило ума, чтобы жить среди людей, раз уж не охотятся на нее. Мышей в людских поселениях больше, чем в лесу или степи, там нет таких складов с зерном, вот кошки и прижились, приспособились. А были бы с крупных собак или же с телят, то вполне охотились бы на людей. Нет кошки, что выскакивала бы навстречу хозяину, как выбегает пес, ни одна кошка еще не визжала от радости, не прыгала ему на грудь, не тосковала о его гибели,

не пыталась защитить! Точно так же и дракон на человека не очень-то обращает внимание. Подчиняется, как подчиняются нам кошки, когда уступают дорогу, опасаясь пинка.

Иггельд вытащил из-за пазухи и поднял черненькую жабу ближе к лицу. Тотчас же выметнулся розовый язычок, и, как ни быстро Иггельд отодвинул дракончика, тот успел лизнуть в нос. Все четыре короткие лапки протестующе махали, стараясь зацепиться за воздух. Дракончик извивался всем телом, но Иггельд держал крепко, начал почесывать горбатую спинку, и дракончик сразу разнежился, лапки повисли, пасть приоткрылась, а выпуклые глаза смотрели на огромного человека с обожанием.

— Не знаю, — ответил он слабо, — но я его люблю. Очень люблю!.. И он меня... тоже.

Апоница сказал грустно:

— Пока что чувствует от тебя тепло и ласку. Ладно, неси обратно. Это плохо, что привыкаешь.

— Плохо? Почему?

Апоница нахмурился, голос прозвучал глухо:

— Плохо.

ГЛАВА 2

Он самозабвенно возился в котловане с этими быстро растущими ящерицами, когда высоко над головой зазвучали незнакомые голоса. У барьера появились богато одетые люди, дородные, в теплых одеждах из дорогого и редкого меха. Апоница склонился над каменным барьером, указывал вниз, что-то говорил быстро и заискивающе.

Иггельд ощутил недоброе, рядом с Апоницей появился Якун, тоже взволнованный, лицо побледнело, покрылось красными пятнами, будто переел лисьих ягод. Иггельд уловил быстрый взгляд, что бросил на него Якун, уловил незаметный взмах руки, но не понял, что надо делать, на всякий случай перестал играть с детенышами и пошел менять воду.

Апоница крикнул:

— Иггельд, раз уж ты там, возьми дракончиков и отнеси по одному вон к тому краю!

Иггельд, гордясь силой, ухватил сразу двух, отнес, пыхтя, в указанное место. Один из богато одетых сказал, смеясь:

— Крепкий мальчишка!.. Уж его точно выбраковывать не стоит.

Другие тоже смеялись, кто искренне, кто угодливо, но все внимательно следили, как детеныши, разлученные с матерью, с жалобным визгом поползли обратно. Их задние лапы волочились, как перебитые, оба скулили, дракониха вскинула голову и смотрела внимательно. Апоница прикрикивал повелительно, удерживая ее на месте. Малыши совсем выбились из сил, один полз все медленнее, другой распластался и жалобно скулил.

Иггельд хотел подбежать и отнести, но Апоница сказал незнакомым голосом:

— Стоять!.. Не мешай.

Первый дракончик кое-как дополз до материнского брюха, ткнулся мордой в теплое вымя, но так измучился, что сразу заснул. Второй начал ползти, снова остановился, опять прополз пару шагов...

Иггельд услышал голоса:

— Я полагаю, со вторым ясно...

— Да, конечно.

— Погодите, — возразил третий голос, — может быть, остальные будут такими, что и второй покажется бегуном.

— Да, вы правы, сперва пересмотрим всех...

— Запомнили, у этого хвост почти белый?..

Апоница кивком позволил Иггельду отнести к матери и второго, сказал:

— Донесешь еще двух?

— Легко, — ответил Иггельд, деваться некуда, хотя в тот раз думал, что глаза лопнут от натуги, дракончики прибавляют в весе с каждым днем. — Туда же?

— Да.

Он отнес и остановился, приходя в себя, а дракончики резво поползли обратно. На этот раз добрались к матери без передышек и остановок, почти вровень. Апоница кивнул

удовлетворенно, но лицо оставалось все еще встревоженным.

Третья пара тоже оказалась резвой, хотя второй отстал, и намного, но просто первый не полз, а почти бежал. Иггельд видел, что этого взяли на заметку особо, указывали Апонице, он кивал и улыбался. Четвертая пара была последней, которую Иггельд донес, да и то дважды ронял по дороге, потом, к его стыду, пришлось носить дракончиков по одному. Правда, оставалось всего четверо.

Сердце его похолодело; наконец-то дошло, что эти нарядные и празднично одетые люди и есть те безжалостные убийцы, что всякий раз обрекают на смерть половину, если не больше, любого потомства вот так в первый же отбор. А потом, через два месяца, и второй, когда снова половину на смерть, останется только трое, а потом и вовсе один...

В глазах закипели слезы. Последние два ползли вяло, хотя выглядят крепкими и здоровенькими, то ли переели, то ли хотят спать, но ползут едва-едва, два таких толстеньких комочка, по дороге тычутся мордочками во все выпуклости, отыскивая теплый бок матери.

Голоса над головой раздавались недолго. Когда Иггельд всех детенышей расположил у матери под брюхом и поднял взгляд, над барьером оставался только Апоница. Иггельд потащился, донельзя усталый, к корзине. Апоница сам взялся за ручку, начал вертеть, а Иггельд вертел вторую, внизу, так поднялся вдвое быстрее.

— Якун повел их угощать, — объяснил Апоница. Он усмехался, но в глазах была грустная ирония. — От них многое зависит...

— Почему?

— Знатоки, — объяснил Апоница лаконично.

Они сели рядом на каменный заборчик, Иггельд чувствовал, что и бывший наездник драконов испытывает к нему симпатию, хотя ему, Иггельду, едва исполнилось четырнадцать, а наезднику, подумать только, какой старый, уже почти пятьдесят!

Иггельд спросил тоскливо:

— Ну почему, почему отбор так рано?

— Ты же сам видишь, — сказал Апоница с мягким упреком, — кто из них едва жив, а у кого тельце сильное и крепкое. Это видно уже на вторую-третью неделю. Но только через два месяца станет видно, какой детеныш смиренный, какой трусливый, а какой чересчур злобный. Мы и так первый отбор проводим только в этом возрасте, чтоб уж совсем точно, хотя напрасно переводим драконье молоко. Потом проводим отбор уже среди сильных, но отбраковываем крайности: чересчур трусливых и чересчур раздражительных... Тут затягивать нельзя, потом вставлять штыри поздно. Или очень трудно. Уже бывало нехорошее...

Иггельд помрачнел. Хоть и говорят, что в раннем возрасте дракончики еще ничего не чувствуют, но почему же они тогда так жалобно кричат, визг и писк доносятся даже до города? И зачем их напаивают дурман-травой?

— Один штырь, — сказал Апоница, словно ощутив мысли мальчишки. — А раньше вживляли в шею три!.. Да, на старых рисунках у дракона три штыря. И наездник сидел чуть ближе к спине, штыри на расстоянии растопыренных рук. А теперь мы научились пользоваться одним, дракону не так больно... Иггельд, не переживай так! Разве коню не больно от шпор? Разве не пользуются плетью, хлыстом? А удила, которыми всадник рвет коню рот, тому в радость?

Через две недели, помнил Иггельд, старшие зрители придут снова. Черныш едва-едва в прошлый раз прошел отбор, но сейчас из шести оставшихся если не самый слабенький, то почти самый, другие уже дерутся друг с другом, играя, а Черныш отползает в сторону и смотрит на них большими непонимающими и, хуже всего, испуганными глазами.

Он безвылазно находился в питомнике трое суток, почти не покидал котлована, чтобы не пропустить Хоту Золотой Пояс, главного оценщика. Тот явился после сытного обеда, устроенного в его честь в доме главного смотрителя драконов. За ним неспешно двигались, посапывая и сыто взрыгивая, шестеро членов городского совета.

Иггельд взял на руки Черныша, тот сразу попытался

вскарабкаться ему на плечо, Иггельд не пустил, прошептал на ухо:

— Ты должен показать себя сильным и здоровым!.. Постарайся! Я очень тебя прошу!

Наверху заблестали яркие одежды, он отпустил Черныша к остальным, тот сразу зашпешил к маминому брюху. Над барьером показалась голова главного оценщика, Хоты Золотой Пояс, рядом появились еще четверо, все рассматривали дракониху и ее потомство холодно и оценивающе. Хотя окинул взглядом молодняк, нос поморщился, Иггельд вздрогнул, когда сверху донесся неожиданно резкий неприятный голос:

— Эти два слева чересчур нежные. Медленно соображают, суетливые, костяк хрупкий, утонченны. Мускулатура слабая, плоская. Суставы нерельефные, грудь узкая... Такие часто болят, до взрослости обычно не доживают, их нужно кормить особо, беречь от жары, холода, ветра, даже от дождя... тьфу! Что вы мне показываете?

Апоница сказал суетливо:

— Это те, что остались от прошлого отбора! А взгляните на вон тех двух...

Иггельд тоже посмотрел на дракончиков, те в сторонке затеяли возню друг с другом, а сверху тут же раздался брюзжащий голос:

— А эти суховаты. Такие возбуждаются по любому поводу, бросаются на стены, а когда надо в бой, уже лежат с высунутыми языками. Эти покрепче, чем те... нежные, но все равно для боя не годятся. Нет, они не струсят, но зачем вам, чтобы бросались в бой, не слушая команды?

Подошел еще один, Иггельд не знал, кто это, не из дракозников, тогда бы узнал, явно один из тех загадочных и страшных людей, что дают деньги на прокорм, дают то больше, то меньше, а могут, как не раз он слышал разговоры взрослых, могут и вовсе перестать давать, драконы почти не приносят прибыли. Он держался гордо, спесиво, перед ним гнулись, а он заговорил громко и важно, любуясь каждым словом:

— По голове дракона можно понять о нем все! Величина

головы и выступающие кости говорят о развитости всего костяка, грубости или нежности телосложения. Голова дракона бывает грубой, тяжелой или сухой...

Иггельд посматривал на дракозников, слушают эту чушь, как будто слышат впервые, ни один не повел даже бровью, когда этот важный заявил, что у здорового дракона кончик носа всегда влажный, если не спит, конечно, и не болен, ни один не сказал, что здесь это все дети знают, молчали и кивали, пока он не устал или не сказал уже все, что знал о драконах...

— Ну-ка, — раздался наконец сверху рычащий голос Хоты, — давай собирай всех в корзину...

Иггельд не понял, что и зачем, послушно носил детенышей, дракониха подняла голову и наблюдала за ним, а когда он отнес последних, забеспокоилась, поднялась, явно намереваясь пойти следом и в пасти попереносить всех обратно.

— Давай! — раздался сверху голос.

Раздался страшный хлопок с треском, Иггельд невольно вздрогнул, это наверху кто-то ударил дубиной по туго надутому бычьему пузырю, и тот лопнул. Одновременно упали стенки корзины, трое детенышей с жалобным писком помчались к матери, Черныш спешил третьим, но не потому, что испугался меньше, он от ужаса спотыкался и падал, в то время как другие неслись почти прыжками, добежали до материнского брюха и прижались, дрожащие, перепуганные.

Лишь трое щенков не бежали, хотя один сперва было выскочил, но тут же начал с любопытством осматриваться, отыскивая, что же это за странный новый звук. Двое остались в корзине, один рыча скалил зубы, а второй пытался взъерошить несуществующий гребень на спине.

Сверху послышались голоса:

— Я думаю, все ясно...

— Да, не пришлось долго отбирать...

— Удачно, что все они проявили себя так явно.

— И так ярко! Никаких колебаний.

— Вы тоже так думаете? Тогда на этом и решим. Апонича, из этих трех одного отберем через неделю, а тех можете сегодня же... Поздравляю, эти показали себя неплохо. В про-

шлом помете, как вы помните, только один не струсил. Да и то, гм, можно сказать, с натяжкой.

Голоса отдалились, истончились, стихли. Дракончики, не слыша повторения странного звука, пошли к матери. Пошли неспешно, без страха, с достоинством. Иггельд потерянно смотрел на Черныша, в глазах защипало, испуганный дракончик задрожал и расплылся, а его огромная мать как будто вошла в огромное серое облако и ворочалась там, утробно вздыхая.

Ноги дрожали, он весь трясся, как осиновый лист, а когда пошел к корзине, его повело в сторону, и он ударился о каменную стену. Наконец перенес ноги через край, ухватился за ворот. Пошло очень легко, а когда поднялся, Апоница закрепил ручку и сделал шаг навстречу. Морщинистое лицо старого наездника было грустным, в глазах Иггельд увидел море сочувствия.

— Сядь, — предложил Апоница мягко, — переведи дух. День был трудным и... тяжелым.

Иггельд вскричал, слезы брызнули из глаз:

— Что, это все? Все?

— Все, — подтвердил Апоница.

— Так быстро?

— На этот раз... да.

Он заплакал громче, плечи затряслись, рыдания распирали грудь и становились комом в горле.

— Но разве так можно? Так просто?

— Это жизнь, — сказал Апоница.

— Я не отдам!.. Я не отдам его убивать!

Апоница с сочувствием привлек его к себе на грудь, широкая шершавая ладонь с твердыми мозолями с неловкостью прошлась по спине, по плечам, пригладила волосы.

— Я понимаю, — сказал он тихо. — Думаешь, я с легким сердцем отдаю на смерть? А чего же я тогда в такие вот дни напиваюсь... трое суток меня корчит! А за все эти годы должен был привыкнуть, как думаешь?

Иггельд оторопел, даже слезы высохли. Неверящими глазами смотрел на главного зрителя. Да, все знали, и он

знал про запои лучшего знатока драконов, но как-то не приходило в голову связать их с отбраковкой молодняка.

— Как же вам тогда плохо, — вырвалось у него.

— Очень, — признался Апоница. — Но что делать? Ты можешь предложить другой выход?

Иггельд дернулся.

— Нет, не могу!.. Но и отдать Черныша на смерть не могу. Это же мой... Я его с рук кормил! Он мой палец сосет, когда спит. Он такой теплый, такой ласковый... Он все понимает!

— Он слабый, — обронил Апоница грустно.

— Он не слабый!

— Слабее других, — уточнил Апоница.

— Ну и что?

— Для дракона, малыш, это самое главное — не быть слабым. И так намного слабее людей... в сравнении, конечно. У человека почти все рождаются нормальными, уроды — редко. У драконов почти все уроды, ты сам видел безглазых, безлапых, двух- и трехголовых... Другие вроде бы с виду нормальные, но не смогут давать племя, у кого-то не отрастут крылья, иные помрут от неведомых болезней... Это все наказание, как говорят маги, за грех подражания Творцу. А по моему, никакое это не наказание, а просто неумение сотворить живое. Одно дело Творец, другое — эти критиканы, что решили утереть нос старику и показать, как надо. Так что, если хотим спасти драконов, должны заранее отбраковывать всех, кто помешает полноценным. Иггельд, мы могли бы прокормить вдвое больше драконов. Даже втрое!.. Но отбираем только самых здоровых. И то, сам видишь, сколько большого потомства от этих самых здоровых.

Он говорил тихо, с болью, потрясенный Иггельд наконец смутно ощутил ту огромную тяжесть, которую несет на себе наблюдатель, но тут же душа испуганно запахла, он вскрикнул:

— Я ничего не хочу понимать! Я не хочу, чтобы мой Чернышик умер! Не хочу, чтобы его... убили.

Апоница привлек его к себе, широкая заскорузлая ладонь гладила по голове, а Иггельд, уже не сдерживаясь, рыдал навзрыд. Плечи вздрагивали, весь трясся, слезы выходили труд-

но, уже не светлые детские, а горькие мужские, слезы жгучей потери.

Апоница сказал мягко:

— Пойди погуляй. Если хочешь, отдохни день-другой. Работал тяжело, за троих взрослых мужчин. Заслужил отдых. А потом, когда наберешься сил, приходи.

Иггельд спросил горько:

— А Черныша за это время убьют?

— Не Черныша, — объяснил Апоница, он поморщился. — Я всегда против того, чтобы давать имена детенышам. Потом они как будто уже... ну, почти люди. Даже больше, чем люди. Родственники! Не Черныша убьют, а среди детенышей выберут самого сильного, понял? И отважного. Так это называется. Называется правильно.

Иггельд покачал головой.

— Черныша... Черныша убьют...

Апоница помрачнел, сказал зло:

— С сегодняшнего дня всякого, кто даст имена детенышам до последней выбраковки, — выгоню! И назад не приму. Путь Куявии — уменьшать страдания человеческие.

Закат на редкость долгий, а облака громадились в несколько этажей, снежно-белые вверху и раскаленно-красные снизу, даже видно, как пылают днище, рассыпаясь на пурпурные угли. Ночь не приходила и не приходила, он измаялся, истомился, наконец пурпур на небе сменился багровостью, а та уступила темной синеве, на смену которой наконец-то пришла звездная чернота горной ночи.

Он прокрался из дома, дядя уже заснул, как и его жена с детьми, воздух снаружи показался даже теплым, хотя на самом деле не успел остыть после теплого июньского дня. На улице тихо, от корчмы доносятся шум, песни и треск табуреток.

У котлована горят два смоляных факела, а над местом, где раньше спускали лестницу, а теперь — корзину, настоящий фонарь с двойными стенками из бычьего пузыря. Корзины нет, он пометался вдоль котлована, пока не наткнулся

на запертый сарай. Замок огромный, а ключ, как он помнит, только у Апоницы.

Сердце застыло, похоже, Апоница что-то чувствует, никогда раньше не запирает корзину. Никто в здравом уме не полезет ночью в котлован к драконихе с ее выводком, а если и полезет, то таких не жаль, среди людей тоже нужна чистка от больных, слабых и дураков.

Он уже отчаялся, когда вспомнил о мастерской Якуна, у того всегда на стенах мотки веревки. Волосы встали дыбом от одной только мысли, что украдет, нарушит, по всему телу пробежала волна страха. Поколебался, однако ноги уже несли к мастерской, дрожащие пальцы тихохонько взялись за дверную ручку.

Отворилось без скрипа, через окошко падал слабый лунный луч, но и без него Иггельд отыскал бы веревки, их здесь множество: толстых, тонких, гладких, как будто смазанных жиром, и мохнатых, будто со вставшей дыбом шерстью.

Вскоре, закрепив веревку за столб у заборчика, спускался по темной стене в еще большую темноту. Сильный запах могучих зверей достиг ноздрей внезапно, Иггельд успел удивиться, почему же раньше не обращал внимания, потом подумал, что днем и так много впечатлений, а сейчас в полнойшей темноте только и надежда на запахи...

Ступни наконец коснулись твердого. Иггельд постоял, прислушиваясь, но лунный свет не доставал до дна котлована, тот казался перерезанным наискось пополам: верхняя часть залита слабым призрачным светом, извиваются струйками воздушные потоки, поднимаются, а здесь придется идти на ощупь...

Впереди послышался грозный всхрап. Иггельд остановился, прошептал:

— Это я, Иггельд!.. Не раздави меня нечаянно.

Дальше продвигался, стараясь не поднимать ноги высоко, чтобы не опустить на спину или голову нечаянно отползшего дракончика. Запах становился сильнее, в лицо пахло жарким и влажным теплом, он догадался, что стоит перед пастью драконихи. В темноте вспыхнули, казалось, два светильника, желтые, приглушенные, Иггельд застыл: никогда раньше не видел, что у драконихи глаза светятся.

— Это я, — повторил он с трудом. Плечи затряслись, он повторил: — Это я... Дай мне Чернышка... я просто поиграю с ним. Дай, я ему не сделаю больно... Я сберегу, я его люблю... Ему со мной будет хорошо...

Наклонившись, он щупал спинки, тельца, и одно извернулось под его пальцами, руку пригнуло к земле, и по ней поползло, вгоняя острые коготки в старенькую одежду из невыделанной кожи, тяжеленькое существо.

— Черныш, — прошептал Иггельд с нежностью. — Мой горбатенький... Сам почувал меня...

Он поднялся, в полутьме смутно виднелась огромная серая масса, огромные, как миски, желтые глаза рассматривали немигающее пристально. Пахло тяжелым животным теплом.

— Я его спасу, — прошептал Иггельд. — Я вынесу отсюда и... спасу! Это не похищение, понимаешь?

Он начал отступать, не сводя взгляда с этих горящих недоверчивых глаз. В темноте послышался мощный вздох, в лицо ударила тугая волна перегретого влажного воздуха, чуть не сбила с ног. Глаза медленно гасли. Иггельд, едва не падая, повернулся и поспешил к стене.

Черныша пришлось пересадить на плечо, дракончику там не понравилось, попробовал забраться на голову, едва не свернул шею. Растопыренные пальцы наконец ухватили веревку, Черныш в это время переползал с плеча на плечо и едва не сорвался, но с такой силой вонзил когти, что проткнул коготками ветхую кожу рубашки насквозь. Боль стегнула по всему телу, хотя Черныш вцепился только в шею.

— Сиди тихо, — прошептал Иггельд. — Иначе я не смогу тебя спасти!

Он начал подниматься по веревке, ее раскачивало, Черныш похрюкивал, уверенный, что это новая игра, и поглубже вонзал коготки. Иггельд добрался до края в полуобморочном состоянии, по спине под рубашкой ползли теплые капли. Он перевалился через край, упал, стараясь не придавить Черныша, из-за чего больно ударился о камни лбом, ночь на мгновение озарилась искрами, но только он сам, ослепленный, ничего кроме искр не увидел.

Домой пробрался тихонько-тихонько, но здесь везение кончилось: со второго этажа по лестнице спускался дядя, ступеньки поскрипывали под грузным телом, в ночном халате, в растоптанных башмаках и с фонарем в руке.

— Так вот ты где? — сказал он ворчливо. — Все бегаешь по ночам? Воровать начал, что ли... Боги, что это у тебя?

Черныш, сидя у большого и всемогущего друга на загравке, смотрел бесстрашно и с любопытством. В больших зеленых глазах отражался маленький толстенький человечек с непонятной штукой в руке, надо попробовать ее на зуб. Ортард отшатнулся, едва не выронил фонарь.

— Это дракончик, — сказал Иггельд торопливо. — Его зовут Черныш.

— Что за Черныш?

— Он ласковый и добрый...

— Убери эту гадость! — вскрикнул Ортард. — Это что же за толстая жаба... или раскормленная ящерица в моем доме! Выброси ее, сковырни... сошвырни с себя!

— Это Черныш, — торопливо повторил Иггельд. Голос дрожал, он почти захлебывался словами: — Его нельзя выбрасывать, он стоит дорого!.. Правда, дорого! Вы же знаете...

Ортард приблизил с опаской фонарь, Иггельд отвернул голову, ослепленный, а Ортард, морщась и зло кривя губы, рассматривал Черныша, а тот с интересом рассматривал огромного человека с непонятной светящейся штукой в руке. Здесь, в теплом и надежном месте, совсем не страшно. Всегда можно быстренько сползти вниз и спрятаться за пазуху, там тепло, уютно и безопасно.

— Зачем принес? — спросил Ортард все еще враждебно. — Отнеси и брось обратно в яму!

Он стоял на лестнице, загораживая дорогу наверх. Иггельд потоптался на месте, осторожно попытался снять Черныша, тот еще сильнее вогнал когти в ветхую одежду, снова зацепив тело. Иггельд постарался не дрогнуть лицом, а Черныш, очутившись на руках, довольно захрюкал и начал умищаться поудобнее, из-за чего Иггельда раскачивало, как тростинку на ветру.

Привлеченная громким голосом, в боковых дверях спальни показалась заспанная жена Ортарда, достославная, ее так и называли, достославная Греманна. Волосы цвета старой соломы стояли торчком, заспанное лицо походило на грудку недожаренных оладий, глаза едва смотрели из щелей между припухших век.

— Что за шум? — спросила она недовольно. — Дети ж спят...

Увидела Черныша, рот округлился для вопля. Ортард сказал торопливо:

— Не вопи! Город перебудишь.

Греманна посерела, и без того серое и рыхлое лицо стало уже не горкой оладий, а свернулось в ком сырого теста. Иггельд с тоской вспомнил, что никогда не позволяла ни ему, ни своим забытым детям даже спрашивать о щенке или котенке. Однажды Чилбук и Кеич, младшие дети Ортарда и Греманны, подобрали и притащили домой жалобно мяукающего котенка, так она по возвращении вышвырнула в окно, детей нещадно выпорола. Котенок, не разобравшись, вернулся в дом, где дети снова накормили и обогрели, она выпорола детей еще жестче и велела занести эту гадость подалее и утопить.

Сейчас он в беспомощности переступал с ноги на ногу, наконец собрался с духом, выпалил:

— Это Черныш!.. Он самый умный!.. Но его смотрители сегодня убьют...

Ортард спросил рассерженно:

— За что?.. Хотя убьют и убьют, им виднее.

— Он не самый быстрый, — ответил Иггельд. — А им нужен самый быстрый...

Ортард сказал резко:

— Все. Хватит болтовни! Ты явился с этой гадостью, перебудил всех, а теперь еще хочешь занести эту дрянь в дом? Так?

— Так, — ответил Иггельд упавшим голосом. Самому теперь показалось глупым, просто куда еще мог пойти. — Я... я только зайду наброшу на плечи что-нибудь... а то холодно...

— Ночью всегда холодно, — фыркнул Ортард. — Мы ж не на равнине, здесь горы, если заметил! Ладно, иди. Но я не ухожу спать! Подожду здесь, пока не унесешь эту пакость!

Иггельд торопливо проскользнул в комнатку. Чилбук и Кеич спали, но Елдечук, старший сын Греманны, проснулся, тер глаза, тарачился сонно.

— Ты че? — спросил он сонно. — Ты это... ой, че это у тебя?

Иггельд осторожно опустил Черныша на пол. Тот замер, опасливо приглядываясь и принюхиваясь, прежде чем сделать шаг в незнакомом месте. Елдечук вытаращил глаза, свесился с постели. Иггельд торопливо перебирал нехитрые вещи, собрал теплое, сунул в мешок, взял лук, колчан со стрелами и повесил за спину.

Елдечук разрывался между диковинным дракончиком и сводным братом, что ведет себя так непонятно.

— Что случилось?

— Я ухожу, — ответил Иггельд.

Эти слова вырвались сами, но тут же сообразил, что в самом деле уходит, ничего другого не придумать, как уйти из этого дома, уйти отовсюду, где Черныша обрекли на смерть. Елдечук смотрел вытаращенными глазами, спросил шепотом:

— Можно его потрогать?

— Только не напугай, — сказал Иггельд. Он осторожно открыл окно, тихонько скрипнуло, он замер, скрип показался оглушительным. — Все, Елдя, прощай!.. Подай мне Черныша.

— Его зовут Черныш?

— Давай его сюда.

Елдечук, страхась дракончика и донельзя гордый, сграбастал и, покраснев от натуги, поднял до подоконника. Иггельд принял на руки, потом наконец сообразил, что и Черныша можно в мешок. Тот отчаянно забарахтался, Иггельд зачихал с силой, стукнул по голове, и Черныш присмирел, понял, что здесь свобода заканчивается, где-то бунить и сопротивляться можно, а где-то нельзя.

Елдечук спросил жалобно:

— А когда придешь?

— Когда-нибудь, — ответил Иггельд. — Когда-нибудь.

Мир уже спал, спали люди, звери и птицы, только соловьи, они как будто не птицы, пели тщательно, виртуозно, очень умело и красиво, днем слишком много грубого шума и грубых звуков, днем кричат, полагая, что поют, грубые неотесанные птицы, и потому соловьи молчат, а вот сейчас, ночью, поют и поют, и неважно, что нет слушателей, соловьи поют потому, что не могут не петь... и к тому же знают, что хоть один человек в огромном городе да не спит, слушает, а им лучше один вот такой слушатель, чем целая толпа пьяных гогочущих мясников.

Он скользнул вдоль глухой стены дома, перелез забор и оказался на улице. На миг представил злорадно, каким будет лицо дяди, когда подождет-подождет, а потом красный от гнева пойдет в детскую комнату, готовый разорвать на части, а там обнаружит только спящих детей, если Елдечук не перебудит Челбука и Кеича и не расскажет им, что приходил Иггельд и приносил настоящего дракона, вот такого огромного, в двери не пролезал, вон царапины на косяке...

Злорадство испарилось, едва подумал, что в самом деле ведь ушел, а куда идти, во всем городе нет человека, который приютил бы с дракончиком на руках, да еще с таким, которого надо утопить как непригодного.

ГЛАВА 3

Черныш отчаянно барахтался в мешке, пришлось переложить за пазуху. Там сразу свернулся клубочком и затих. Но едва вышли из дома, Иггельд сделал пару шагов и с разбегу наткнулся на столб из металла, так показалось. Вскинул голову, на него смотрел огромный и красный, словно выкованный из красной меди, гигант Ратша. Сердце Иггельда застыло, а за пазухой, как назло, зашебуршилось. Не успел перехватить, из распахнутого ворота высунул голову Черныш.

Ратша крикнул, спросил гулким, как из пещеры, голосом:

— Ого, что это у тебя?

- Это?.. Да это так просто...
- У тебя зверь за пазухой, парень.
- Это не зверь, — ответил Иггельд затравленно.
- А кто?
- Черныш!
- Ах, Черныш, — протянул Ратша. — И куда ты его не-
сешь?..

Голос звучал строго, Иггельд посмотрел в широкое лицо, Ратша уже не улыбался, смотрел внимательно, рука лежит на плече Иггельда, пальцы в любой миг могут стиснуть так, что захрустят косточки.

- Он... — выдавил Иггельд. — Он...
- Ну-ну, говори.
- Его забраковали, — выдавил с трудом Иггельд. — Он должен умереть...

Пальцы на плече разжались. Иггельд не поверил глазам, огромный человек кивнул, произнес с сочувствием:

— Да, это тяжело. Когда человек гибнет, так ему и надо, не жалко. А вот этих... да, жалко. Не знаю почему, но жалко. Ладно, неси, попросайся с ним.

Иггельд миновал гиганта, еще не веря, что пронесло, пустился бежать, опомнился не раньше, чем ноги вынесли за пределы города и обжитой долины. Дыхание из груди вырывалось с хрипами, пот выступил на лбу, а между лопатками взмокло. Мешок, туго привязанный, разболтался при беге, надо бы остановиться и привязать снова, но сейчас уже никто не гонится, да и не гнался, а при ровной ходьбе в спину не колотит, только от него жарко даже в эту холодную ночь.

Он отчаянно прикидывал, куда пойти и что делать, а ноги все несли и несли навстречу рассвету, и когда солнце показалось из-за края, город уже лежал далеко внизу у ног, а он по узкой тропке забирался все выше и выше в горы. И тогда понял, что неосознанно уже решил, где спрячется, переждет, пока минует для Черныша опасность, а потом вернется в город с большим и сильным дракончиком, здоровым и быстрым. И все увидят... И все поймут, и все скажут...

Высоко в горах есть еще долина — маленькая, холодная и негостеприимная, насквозь продуваемая свирепым север-

ным ветром, из-за чего там никто никогда не селился. Иггельд поднимался туда однажды, в надежде подстрелить горного козла, начался снегопад, а следом — метель, наверняка пришлось бы превратиться в ледышку, но просто чудом обнаружил, что одна из щелей ведет в пещеру, просторную, сухую, чистую, а через пещеру к тому же бежит ручеек с чистойшей водой.

В тот раз переждал метель, выбрался через заметенный снегом вход, увидел свежие следы коз, поохотился и с добычей вернулся в город. Потом еще поднимался в ту долину, всякий раз добывал либо козла, либо барана, а то и дикого кабана: в уголке долины приютилась небольшая дубрава, там обитало целое стадо свиней. На них никто не охотился, и если бы им было что жрать, заполонили бы всю долину и хлынули бы вниз неудержимым потоком.

Сейчас торопливо поднимался по знакомым местам, уже год не был здесь, с тех пор, как полностью посвятил себя драконам. Ничего не изменилось, это же горы, а не быстро-растущая трава...

Звезды колыхались в небе при каждом шаге. Вообще-то в горах никто не смотрит на звезды, это не ровная, как стол, степь, где иначе заблудишься, в горах ориентирами служат вершины. Он знал, что, кроме него, почти никто ни разу не поднимался выше Города Драконов, только слышали, что в самых горах есть еще клочок ровной земли, там горы источены норами, но никто там не живет, там такие свирепые ветры, что замораживают даже драконов.

Он поднимался, поглядывая на звезды и вершины гор, воздух становился все холоднее, а к утру, перед восходом солнца, ему казалось, что он попал в разгар зимы, дыхание замерзло прямо на губах, облачко пара вылетало белое, сразу превращалось в крохотнейшие снежинки.

Солнце поднялось из-за сверкающих вершин, ослепило, он некоторое время стоял, держась одной рукой за стену, другой прикрывал глаза. В двух шагах начинается обрыв, бездна, придется идти вот так, вдоль обрыва, а дальше, насколько он видел, тропка даже сужалась, над обрывом при-

дется продвигаться, чуть ли не прижимаясь к стене животному... Или спиной, если захочет смотреть в бездну.

Он хотел повернулся к пропасти спиной, но зашевелился Черныш, начал брыкаться. Задняя лапенция запуталась в рубашке, и если вот так толкнется в стену, как брыкает в живот, то кувыркнутся с обрыва. Пришлось прижаться спиной и так пройти с десятков страшных шагов, глядя остановившимися глазами в жуткую пропасть, что начинается прямо от его подошв. Все это время Черныш шевелился, устраивался, вертелся, даже высовывал мордочку из ворота, но, глотнув морозного воздуха, предпочел обиженно скрыться в тепло и уют, и как раз в это время тропка расширилась, можно повернуться и даже чуть отойти от края пропасти.

Ветер начал усиливаться, толкал в спину. Он ощутил, что страшноватая долина уже близко, заставил усталые ноги двигаться чаще. Черныш скулил, тыкался мордочкой в грудь, живот, искал привычное теплое вымя.

— Потерпи, — прошептал он, — мы должны добраться...

Ветер уже ревел, свистел в ушах, толкал в спину, продувал во все щели. Отвесные стены впереди сузились, оставался широкий проход, впереди открывалась просторная долина, дальше за пеленой вихря видна новая вертикальная стена, но он от ужаса застыл еще больше: гладкий камень под ногами отполирован ветром так, словно превратился в ровный блестящий лед.

Он сделал еще несколько шагов, свирепый ветер подхватил, толкнул в спину. Он поневоле побежал, откинувшись всем корпусом назад и стараясь противиться, но ураганный ветер опрокинул, потащил по гладкому камню. Иггельд зажмурился, обхватил Черныша и старался принимать толчки на себя, на плечи, на руки, защищая маленького дракончика.

Снизу оцарапало до крови, ветер не стих, но основная струя шла прямо через долину, а его отшвырнуло к внутренней стене. Он осмотрелся, лязгая зубами уже от холода, высмотрел щель, поднялся и побежал к ней, все еще подгоняемый свирепым ветром.

Из темной расщелины пахнуло нечистым воздухом, шер-

стью, что-то огромное метнулось навстречу. Он успел увидеть горящие глаза, хищную звериную морду с растопыренными ушами, с приплюснутым, как у свиньи, носом. Она с жуткой смертоносной бесшумностью метнулась мимо, только лица коснулась мерзкая гладкость. Сердце остановилось в смертельной тоске, словно воочию увидел смерть, повернулся, провожая взглядом, и понял, кого напоминают ему драконы, особенно вот так, в полете, с растопыренными угловатыми крыльями.

Пещера оказалась тесной, даже теснее, чем помнил, но в прошлом году сам был меньше, ветер бессильно ревет у входа, там крутится снежок, холодно блестят отполированные до блеска камни. Иггельд, шатаясь, почти теряя сознание от усталости, пробрался на середину пещеры, сбросил с плеч мешок. Теплое одеяло, еды на два дня, огниво, малый запас для растопки первого костра, маленький котел, всякие мелочи...

Наконец он запустил руку за пазуху, пальцы коснулись свернувшегося в колечко тельца.

— Вылезай, лежебока... Здесь будем жить.

Черныш появился из-за пазухи с обвисшими лапами, голова тоже бессильно падала на бок, а глаза затянуло пленкой. Ужас ударил в голову, Иггельд вздрогнул от собственного отчаянного крика:

— Черныш!.. Черныш, не спи!

Но с ужасом видел, что Черныш не спит, а умирает или уже умер. От голода или холода, а может быть, сам придавил насмерть, когда тащило ветром, детеныш дракона первый год жизни вообще слабый и беззащитный, они одинаково умирают от холода и от жары, умирают от недостатка воды или воздуха, хотя человеку такой воздух кажется обычным, умирают от ушибов, которые не замечают кошки или собаки их размеров.

— Черныш!

Черныш бессильно свисал с ладони, лапы даже не дернулись. Иггельд пощупал, помял, слезы брызнули горячие, он орал, плакал, целовал застывшую мордочку, положил на землю и вдвух в маленькую пасть воздух, тормошил, тербил,

снова дул в рот воздух... в какой-то момент лапки слабо дернулись, Иггельд заорал счастливо, теребил и тормозил сильнее, целовал, грел озябшим телом, тельце дрогнуло, по нему пробежала судорога, глазки открылись.

— Черныш! — крикнул Иггельд. От слез почти не видел дракончика, горячие капли падали на мордочку, высунулся красный, как пламя, язычок, слизнул, мордочка перекривилась, слезы горькие и соленые, жгучие. — Черныш, только не оставляй меня!.. Только не оставляй!.. Я же один на всем свете!.. Кроме тебя, у меня никого нет!..

Дракончик задрожал. Иггельд поспешно укутал в самое теплое одеяло, торопливо разжег огонь и, держа Черныша в одеяле, как ребенка, старательно отогревал перед костром. Щель завесил вторым одеялом, заткнул мешком, и вскоре воздух в пещере прогрелся, он сам перестал дрожать, но Черныша нацеловывал, грел дыханием, совал за пазуху, вытаскивал и снова целовал, проверяя, живой ли.

Только сейчас осознал во всей пугающей ясности, что в самом деле порвал со сплоченным обществом зрителей драконов и даже... людей. Он уложил Черныша на толстое меховое одеяло, сам лег рядом, обнял, а в черепе пошли чередой пугающие мысли.

Когда детеныши появляются на свет, дракониха сама разгрызает и поедает скорлупу яйца, освобождает маленького беспомощного дракончика, тщательно вылизывает, мордой придвигает к соскам, да и сам слепой еще и глухой детеныш находит горячие наполненные молоком соски, ползет к ним, ползет к матери или другим дракончикам, чтобы согреться, скулит, привлекая внимание... Правда, когда глаза открываются, он уже начинает исследовать мир, но и тогда за всем следит мать, чаще всего предостерегающе ворчит, чтобы не отползали далеко, а непослушных героев громадной пастью нежно хватает и относит обратно.

Это она поощряет игры маленьких дракончиков, часто сама же их и начинает, но строго следит, чтобы в азарте не начали друг друга кусать слишком сильно, но вот теперь этот дракончик целиком и полностью на нем, на Иггельде, а он

ошутил, что совершенно ничего не знает о драконах, что растерян, испуган и что взял на себя слишком много.

Мелькнула трусливенькая мысль вернуться, но, когда представил, сколько насмешек придется вытерпеть, не говоря уже о том, что этим возвращением погубит Черныша, зажмурился от стыда, помотал головой и сказал, почти прошипел со злостью:

— Нет, назад пути нет. Мы им покажем!

Черныш бегал по пещере, обнюхивал стены, пол, пробовал жрать песок, скулил, а когда вышел вслед за Иггельдом из пещеры, от неожиданности скульнул и сел на толстую задницу. Мир огромен, бесконечен, ярк и полон ошеломляющих запахов.

Иггельд ходил следом, как заботливая мамаша, а Черныш разрывался между желанием обнюхать старые следы горного козла, проследить, куда летят такие странные мелкие драконы в перьях, попробовать на вкус зеленый мох, свисающий с камней, погнаться за сороконожкой и все время оглядывался на Иггельда.

— Ага, — догадался Иггельд. — Это ж я теперь твоя мама! Я должен учить, показывать... Ладно, запоминай.

Мы не кочевые артане, сказал он себе, вкладывая в «кочевые артане» все презрение цивилизованного человека к дикарям. Мы должны выбрать себе место, где будем жить. И это место должно быть... удобное.

В горах немало пещер, больших и малых, он целыми днями лазил, осматривал, пока не отыскал достаточно просторную, но с длинным узким лазом со стороны юга. Чернышу в двух местах приходилось почти прижиматься к полу. Зато в самой пещере чисто, просторно, много песка, сухо. Холодный ветер терял силу в длинном изогнутом проходе, в самой пещере сквозняков нет, Черныш вскоре привык к новому месту, он требовал только, чтобы Иггельд находился близко.

В первые дни Иггельд просыпался от тяжести: Черныш потихоньку снимался со своего места и перебирался к спящему хозяину-папе. Иггельд, проснувшись, сердито отправ-

лял дракончика на его место, тот неохотно уходил, очень медленно и все время оглядываясь, не передумал ли могучий друг, не сжалился ли над его горбатым видом, не разрешает ли взглядом, движением... Иггельд, зажав сердце в кулак, покрикивал, и бедный Черныш, тяжело и горестно вздыхая, укладывался, делал вид, что засыпает, а сам следил, чтобы Иггельд уснул, тогда можно потихоньку встать и тихонько-тихонько перебежать к нему и лечь так, чтобы касаться его боком, лапой или хотя бы кончиком хвоста. Но лучше всего — мордой, чтобы любимый папочка, открыв еще сонные глаза, сразу увидел перед собой его любящую морду с оскаленными в улыбке зубами.

На первый день хватило еды, что захватил с собой в мешке, на второй — наведалься в рощу, без труда убил кабанчика. Помня наставления старых охотников, выбирал именно кабанчика, а не свинку, та пусть приносит новых поросят. Теперь это его долина, его роща и его свиньи, должен заботиться обо всем своем мире сам. Он должен выжить.

— Сейчас я разведу костер, — объяснил он Чернышу. — Это такой красный зверь, кусается больно... Привыкай, будет с нами жить. Если подружиться, то... словом, с ним подружиться стоит.

Он постоянно разговаривал с Чернышом, помня наставления Апоницы, что дракон должен привыкнуть к голосу зрителя, научиться различать оттенки, и тогда покажется, что дракон «все-все понимает», хотя на самом деле просто... словом, не углубляйся, как сказал однажды Апоница, это маги до всего докапываются, им нужна суть, а у нас получается — ну и ладно, этого и добивались!

Если бы не жуткий ураганный ветер, в долине можно жить, строить дома, добывать руду, он успел увидеть настоящие залежи железа, копать не надо, все наверху. Стадо свиней, что в роще, может прокормить две-три большие семьи или целый поселок рудокопов. А там можно завести и своих...

Когда-нибудь, подумал он, доберутся и до этой долины. Хотя почему «когда-нибудь»? Я уже добрался. Наверное, и

остальные забираются в новые места и обживают, потому что либо сами уходят от людей, страшась наказания, либо их изгоняют.

Черныш высунулся из уже обжитой пещеры и, задрав короткорылую мордочку, очень внимательно следил за облаками. Иггельд понимал, что очень скоро дракон обнаружит, что облака ничем не угрожают, их нельзя есть, на них не поохотишься, с ними нельзя играть, и постепенно перестанет их замечать вовсе.

— Ты по сторонам смотри лучше, — сказал он наставительно. — По сторонам!

Лобастая голова повернулась к Иггельду. На миг стало не по себе, дракон за ночь подрос еще, как показалось, морда жуткая, глаза навывкате, страшные клыки высовываются из-за прикушенных толстых губ. В следующее мгновение длинный красный язык выметнулся как молния. Лицо обожгло горячим, влажным. Иггельд завопил, начал отмахиваться, а Черныш, довольный игрой, все старался попасть языком между мелькающих рук и все же лизнуть двуногого папу в лицо, вылизать ему нос, уши...

Так прожил месяц в полном одиночестве, если не считать обществом Черныша. Выходя на охоту, щель задвигал обломком скалы, а когда возвращался с добычей, едва хватало сил, чтобы отодвинуть. Черныш бросался навстречу с визгом, он то ли чуял издали приближение любимого папочки, то ли спал сразу же возле входа. Иггельд отбивался, отплеывался, а потом, нацеловавшись, начинали вдвоем разделять зверя.

С оленями и козлами проще, а к кабанам Иггельд не подпускал: среди зрителей ходили жуткие рассказы, как даже самые здоровые драконы помирали в жутких корчах от съеденного сала. Черныш жутко обижался, всякий раз старался хотя бы лизнуть запретное.

Со второго месяца начал проситься на охоту, но на прогулках всего пугался, отпрыгивал, прятался за всемогущего родителя. Иггельд сперва тревожился, не вырастет ли дракон трусом, но когда второй раз шли той же дорогой, Черныш уже спокойнее обнюхивал ранее испугавший камень или

пень, трогал лапой, рычал, пробовал испугать, а то и пробовал на зуб.

Черныш ростом с хорошего кабаненка, такой же плотный, массивный, толстый, только лапы намного короче, а брюхом почти касался земли. На спине поблескивали крупные чешуйки, иногда казался Иггелдзу большой уродливой рыбой, иногда жабой или укороченной ящерицей, но стоило тому поднять голову и посмотреть Иггелдзу в глаза, сразу же хотелось схватить этого отважного, хоть и перепуганного огромностью мира зверящика на руки, прижать к груди и расцеловать в умную, самую замечательную в мире морду.

Труднее приучить оставаться на месте и ждать, когда Иггелдз удалялся, но без этого нет успешной охоты, а без охоты обоим голодная смерть, так что бедному дракончику пришлось усвоить жестокий урок: если противиться этому приказу, то вернут в пещеру, а гулять и охотиться родитель уйдет один.

Оставив Черныша на опушке, Иггелдз обычно крался между дубов, выбирал среди стада свиней кабанчика, те всегда самозабвенно пожирают желуди, вокруг любой свиньи по десятку полосатых зверьков, совсем не похожих расцветкой на родителей.

Одной стрелы хватало, чтобы поразить дичь. Стадо с визгом отбегало к следующему дереву, Иггелдз поспешно подбирал добычу и бегом возвращался к Чернышу, а тот, не осмеливаясь сойти с места, отчаянно рыл землю лапами и смотрел умоляющими глазами: где был так долго? Я тебя жду уже сто тысяч лет!!!

Однажды, когда шел третий месяц их пребывания в Долине Ветров, так ее называли все, несколько дней подряд стояла прекрасная теплая погода, он выбрал низкое место, где ветры проносились выше, и потащил Черныша к тому месту, где ручей пробился на поверхность и разлился почти что речкой. Черныш вытарашил и без того выпуклые глаза, смотрел непонимающе, а Иггелдз сразу же попытался затащить его в воду.

Ручей шириной в три шага, а в самом глубоком месте до колена, но Черныш уперся, вырывался, шумно дрожал, горбился и поджимал короткий хвостик под брюхо, что было признаком сильнейшего ужаса.

— Это, — объяснял Иггельд терпеливо, — вода, вода, вода... Тебе придется встречаться с нею часто. Ты же пьешь из того ручья, что в пещере? Это такой же, только больше... да это и есть тот самый, только наверху... Ну, давай, не трусь!

Он сам влез в ручей, даже присел на дно, чтобы вода поднялась почти до плеч. Черныш в ужасе носился по бережку, вопил, плакал, визжал, а потом, когда Иггельд сделал вид, что опускается под воду, плюхнулся в ручей всем телом, поплыл, тут же ощутил под лапами надежное тело родителя, стал карабкаться на голову, едва не оборвал уши и не вырвал когтями все волосы.

Иггельд вынес на берег, успокоил, снова занес на руках, прижимая к груди, начал медленно опускаться в воду. Толстенькое тельце в руках затряслось, как былинка на ветру, судорожно начало выкарабкиваться, полезло в панике на голову. Иггельд хотел присесть, но подумал, что бедный ребенок совсем рехнется, поднялся во весь рост и начал уговаривать, поглаживать, постепенно опускаясь все ниже.

Он так увлекся, что не сразу заметил подходившего издали человека с поднятыми в приветствии руками. Вздрогнул, когда тень упала на прозрачную воду ручья, резко обернулся с Чернышом на руках, что тоже попробовал вздыбить крохотный гребень на хребетике и оскалить зубы.

Апоница помахал рукой.

— Это я, я. И все еще твой друг, хотя ты, признаться, поступаешь неверно. Но это оставим, я просто беспокоюсь за тебя.

Иггельд вышел из ручья, тело пробирала дрожь, вода ледяная даже сейчас, в разгар лета. Апоница опустил на камень, глаза внимательно рассматривали дракончика, потом перевел взгляд на Иггельда.

— Настоящий дракон не должен бояться.

— Он еще не дракон, — возразил Иггельд. — Это ребенок!

— Ребенок дракона в таком возрасте ничего не боится, — сказал Апоница. — Вообще не боится. В любом возрасте. Ну да ладно, я не о нем... Как ты?

— Держусь, — ответил Иггельд. — Зато со мной Черныш. Он не трусливый, он... он осторожный! Он очень умный. Он все понимает.

— Ну да, конечно, — согласился Апоница. — Только вот не говорит. И не все делает. Зато у него глаза умные, верно?

Иггельд усмехнулся.

— Все так.

— Давай, трус, выходи, — сказал Апоница. — Не прячься!

Черныш осторожно выглядывал из-за спины Иггельда, как застенчивый ребенок. Когда Апоница слишком уж обращал на него внимание, отступал и снова прятался, а когда гость смотрел в сторону и вроде бы не замечал, Черныш потихоньку осмелел, зашел к нему сзади, обнюхал и даже попробовал подергать за полу длинного халата.

— Понятно, — сказал Апоница саркастически. — Если боимся мы, то это осторожность, а если другие — трусость. Я оставил коня там, у пещер. Думаешь, ты надежно спрятался? Твое логово любой найдет. Я кое-что привез. Это немного, но мы собрали, кто что может.

— Что?

— Да все по мелочи. На тот случай, если дурь не пройдет и вздумаешь зимовать...

— Да я не думал, — начал Иггельд и осекся. Сказать по правде, он вообще не думал о зиме, и так каждый день дается с боем. — Хотя... даже не знаю. Думаю, мне пока что нельзя возвращаться.

Апоница поинтересовался мирно:

— А когда, считаешь, придет пора?

— Когда выращу Черныша большим и сильным, — ответил Иггельд. — Когда увидят, что он вовсе не трус. Когда смогу доказать, что я прав!

Апоница грустно усмехнулся.

— А, значит, члены Совета ошибались?.. Да ты совсем ребенок. Сам вроде Черныша. Ладно, пойдем затащим в пещеру вьюки, да отбуду, пока не застала ночь. Хоть ночи летом и короткие, но не хочу в потемках над краем пропасти...

Черныш бежал сзади, потом начал шнырять по сторонам, обнюхивал камешки, переворачивал плоские, слизывал мокриц и червей, а когда впереди показалась знакомая стена с черной щелью, понесся галопом вперед, смешно вскидывая толстый зад.

Апоница сказал одобрительно:

— Задние лапы крепкие. Что значит, не в котловане рос... Много бегает?

— Да все время, что не ест и не спит.

Черныш как услышал, что говорят о нем, пронесся могучими прыжками, не сбавляя бега, к самой пещере, исчез в темноте. Когда они наконец пересекли продуваемое свирепым ветром плато, приблизились, из темноты навстречу блеснули два изумрудно-зеленых глаза.

Апоница сказал с удовольствием:

— Неужели охраняет ваше логово?

Иггельд сам не поверил, Черныш вот-вот либо убежит, либо подожмет хвост и бросится ласкаться, они сделали еще пару шагов, Черныш стал виден, он по-прежнему загораживал вход, на незнакомца смотрел вопросительно: а ты кто, что пришел вот так? Это наша пещера!

Когда Апоница попробовал подойти ближе, Черныш заворчал, гребень на спине поднялся, а молочные зубы предостерегающе блеснули. Апоница тут же остановился, подмигнул Иггельду. Тот, сам донельзя пораженный, громко и четко похвалил дракончика, поощряюще постучал палкой по боку, сунул в счастливо раскрытую пасть кусочек жареного мяса.

— Хорошо, — сказал Апоница. — Вообще-то даже отчаянные трусы защищают свое логово... особенно если загнаны в угол. Здесь другого выхода нет?

— Нет, — признался Иггельд. — Дальше глухая стена. Хотя пещера просторная.

— Все равно неплохо, — похвалил Апоница. — Если су-

мею выбраться до снегов, приведу Шварна или Чудина, помнишь такого? А то привыкнет твой зверь только меня так встречать...

Иггельд воскликнул:

— Да зачем столько трудов ради меня! Я того не стою.

— Ты не стоишь, — согласился Апоница, — а твое сумасшествие — стоит. Поверь, все смотрители драконов тебя понимают. И каждый из них в какой-то миг, день или час был тобой. И со слезами не давал... выбраковывать чернышиков, лапочек, зайчиков, любимцев! Кто-то, может быть, даже подумывал вот так же схватить своего любимца и убежать с ним куда глаза глядят. Так что мы не враги. Но мы — трезвые. И, увы, взрослые.

В тюках теплые одеяла, спальный мешок, чугунный котел и множество мелочей, при виде которых Иггельд сразу воспрянул, а жизнь показалась намного краше. Апоница помог занести вовнутрь, потом еще раз дважды попробовал зайти в пещеру, Черныш неуверенно прорычал, Иггельд громко и четко похвалил, почесал, дал жареного мяса, сырое — еда, а жареное — лакомство.

— Приведу, — сказал Апоница на прощанье, — кого-нибудь из них, а то и обоих сразу.

— Мне как-то неловко, — признался Иггельд.

— Хорошо, хорошо, — одобрил Апоница. — Дракон не должен подпускать чужих. Потом научишь различать своих и чужих, но сейчас пусть просто не подпускает никого. Пока все, кроме тебя, чужие.

К удивлению Иггельда, уже через неделю он приехал снова, с ним был Шварн, привезли еды, соли, топоры, пилу. Апоница пустил Шварна впереди себя, Черныш осторожно и пока еще неуверенно зарычал. Иггельд с удовольствием постучал палкой по бокам, почесал ею же загривок, похвалил, и Черныш в восторге, что угадал, как поступить правильно, тут же испортил образ грозного серьезного зверя, брякнувшись на спину и замахав всеми четырьмя.

ГЛАВА 4

Первое время Черныш жутко скучал по матери и братьям, постоянно просился на ручки. Иггельд, сжав сердце в кулак, всякий раз относил его на отведенное место, гладил, успокаивал, уходил. Черныш вроде бы спал, но стоило Иггельду самому заснуть, как вскоре просыпался от того, что Черныш, стараясь согреться и постоянно ощущать живое тепло матери, забирался на него, как на матрас.

Лишь через пару недель воспоминание о большой драконихе и множестве братьев изгладилось из памяти ребенка, теперь там прочно утвердился образ горячо любимого и обожаемого папочки, что такой сильный, такой теплый, который гладит, чешет, кормит и восхитительно чистит уши.

На прогулках Черныш прыгал перед ним, то приносил в пасти большой камень, то приволакивал целое бревно и снова искательно заглядывал в глаза: ну вот он я, прикажи что-нибудь, да что угодно, я тут же выполню, ты увидишь, какой я послушный, как я тебя люблю, как стараюсь сделать все, чтобы ты меня любил и не бросал...

Иггельд приказывал, гонял, заставлял бегать и прыгать, присматривался, как быстро рыхлое тельце становится тугим и мускулистым, компактным, крепким. Кажется, удалось, думал он напряженно. Самое главное в воспитании — это как можно раньше закрепить у молодого дракона полезные навыки и отучить от вредных. Если не сделать, пока еще ящеренок, то потом уже ничего не получится. Дракон не поймет, почему раньше было можно, а сейчас нельзя. Возмутится, взбунтуется. Сделает по-своему, а если человек не сумеет переломить на свое, то авторитет хозяина разлетится вдрызг. И хозяином станет дракон.

Зима запаздывала, ночами землю сковывал лед, но поднималось солнце, льдинки таяли, от земли шел пар, но однажды задул ветер с Севера, земля стала неотличима от камня, хоть ставь ее вместо каменных стен, в роще свиньи попрятались в глубокие норы, за желудями выбегали ненадолго и тут

же, торопливо набивши брюха, ныряли в свою преисподнюю.

Первое время он и Черныш пользовались запасами, что доставили Апоница и Шварн. Дважды Шварн приезжал с Чудином, молодым и неразговорчивым дракончиком, оба раза привозили зерна, масла, сыра и хлеба. Однажды Иггельд перебрал все, посчитал, прикинул, и получилось, что с великим трудом хватит до середины зимы. Потом, понятно, просто околеют от голода и холода. Страшные даже летом горные тропы сейчас засыпал снег, выбраться невозможно, и к нему тоже никто не придет, не накормит, не спасет.

Укутавшись так, что превратился в шар, он сказал строго-настрого:

— Сиди и жди!.. В огонь не суйся!.. Помнишь, как он в прошлый раз тебя куснул?.. А ты ревел, слезы катились с орех размером? То-то!

Черныш с великой обидой в глазах смотрел ему вслед, но едва Иггельд отодвинул первый камень и снял выделанную кабанью шкуру, дракончик в испуге прижался к земле от ворвавшегося холодного ветра. Иггельд протиснулся в щель, как можно более тщательно заделал вход, ветер ревел страшными голосами, дергал за одежду, старался сорвать плотно прихваченную ремешком шапку.

Едва он шагнул от заделанного входа, могучий порыв толкнул с такой силой, что Иггельд позорно покатился, как клубок шерсти. Его несколько раз ткнуло лицом в колючий хрустящий снег, а когда раскинул руки и ноги, стараясь зацепиться, его несло в таком положении, пока не ударился головой о камни, где тут же заклинило между валунами.

Он скорчился, укрываясь за камни, сгреб с лица налипший снег, пугливо огляделся. Мир, и без того безжизненный, страшный и злой, стал жутким, мертвым, угрожающим. Земля вся усыпана снегом, но везде выглядывают камни, снег не задерживается, струйками змеится по каменным плитам, слышно шипение и сухой шелест, с которым крупные оледенелые снежинки трутся одна о другую.

Едва приподнялся, ветер ожег щеки, швырнул в глаза

горсть крупнозернистого снега. Отвернувшись, Иггельд с тоской думал, что надо пройти целых триста шагов, чтобы добраться до роши. Сейчас даже ее продувает ветром, хотя и не сквозным, а как бы боковым, заодно, не зря свиньи выбегают ненадолго, торопливо роются в листьях, там под толстым слоем еще толще слой желудей, и снова прячутся, чтобы по весне уже нежиться там и валяться кверху копытцами...

Он перебегал вдоль стены, прячась не столько от кабанов, сколько от ветра. Наконец, добравшись до роши, притаился, вытащил лук и с ужасом понял, что от холода не сможет натянуть тетиву.

И все-таки в тот раз ему повезло, буквально сразу же довольно крупный кабан вылез из норы, вскинул морду, нюхая воздух, и направился к ближайшему дереву. Иггельд вытащил пальцы изо рта, где отогревал, сразу же ожгло холодом, но стрела довольно послушно легла на тетиву, начал оттягивать ее, пока не коснулся кончика уха.

Кабан всего в пятнадцати шагах, не промахнуться, стрела ударит точно, но и нора слишком близко... Иггельд задержал дыхание, оттянул стрелу еще чуть, сделал поправку на ветер, расцепил кончики пальцев. Вжикнуло, почти заглушенное свистом ветра, кабан подпрыгнул всеми четырьмя и, круто развернувшись, ринулся в сторону норы. Стрела торчала из-под левой лопатки, погрузилась глубоко, но нора...

— Куда! — заорал Иггельд. — Там волки!

Это было нелепо кричать такое, но кабан то ли ошалел от неожиданного крика, то ли еще чего, но пробежал мимо норы, там наконец сообразил, что сделал глупость, затормозил, круто развернулся и снова ринулся к норе. Он едва успел сунуть в нее голову, как предсмертная судорога скрутила ноги, задергался и застыл, задние ноги вытянулись в струнку.

Иггельд, плача от счастья, выбежал, ухватил тяжелое тело, выволок, из темноты вроде бы сверкнули злые желтые глаза, но он ничего не хотел знать и бояться, присел и кое-как взвалил тушу на плечо. Ветер снова пытался свалить с ног, но теперь Иггельд уже шел, прижимаясь к стене, цепляясь за камни, считал шаги, чувствуя, как дрожат от изнеможения ноги, а когда показались родные камни у входа, возмо-

лился, чтобы хватило сил дотащить и доволочь тяжелую добычу.

Да, он тогда добрался, донес, отодвинул камень, втащил, закрыл за собой и, без отдыха, доволоч кабана до костра. Черныш прыгал, сбивал с ног, вылизывал, рассказывал, виляя хвостиком, какой он хороший, никуда не бегал, ждал, даже в огонь не лез, ничего не трогал.

Огонь все еще горел, Иггельд, стуча зубами, подбросил поленьев и принялся разделять кабана. Обессиленный, он помнил, что сумел поджарить большой ломоть, съел, тут же усталость заполонила все тело, он заснул прямо у костра.

Проснулся от того, что рядом сопело и чавкало. Еще не придя в себя, ощутил, что произошло страшное, поспешно поднял веки. Черныш, уже с отвисшим брюхом, доедал кабана. Почти доедал: половина обглодана, выедены все внутренности, и, самое страшное, из-за чего Иггельд застонал и заплакал, — в первую очередь сожрано все сало, его Иггельд старательно срезал и сложил отдельно.

— Плюнь! — закричал Иггельд страшным голосом, но сам же устыдился собственной глупости. — Что ты наделал!.. Как же я без тебя?

Черныш смотрел чистыми честными глазами. Увидев, что родитель проснулся, взвизгнул и, прыгнув к нему, лизнул в нос.

— Как же я без тебя? — повторил он уже безнадежно. — Черныш, у меня ж никого, кроме тебя, нет на всем свете...

Он обхватил большую лобастую голову, язык на мгновение замер, ощутил соленые слезы, но тут же заработал чаще, с неистовым рвением, стараясь вылизать своего родителя, утешить, вылечить.

— А кто вылечит тебя? — прошептал Иггельд.

Он не выпускал его из объятий, плакал, а Черныш сопел и сочувственно вздыхал. Так, обнявшись и обессилив, оба заснули. И спали долго, Черныш — потому что любил поспать, а Иггельд не успел отдохнуть и согреться, да и потому, как он потом думал, что страшился проснуться рядом с мертвым дракончиком.

Спали они не меньше суток, если не двое. Проснулся голодный, во всем теле ни капли усталости, а только жажда двигаться, прыгать, ворочать камни. Осторожно разлепил глаза, и Черныш, что спал мордой к нему, тут же приоткрыл один глаз, убедился, что папа уже проснулся, распахнул оба глаза и приглашающе подпрыгнул на всех четырех: давай играть! Кто от кого удирает, а кто гонит и валит на спину?

Иггельд, не веря глазам, всматривался в его морду. Похоже, за время сна даже подросла, раздалась в стороны. Нос холодный, глаза ясные, губы не лопаются, а сам дракончик переполнен энергией.

— Ну ты и салоед, — прошептал он счастливо. — Как же ты выжил?.. Расскажу Апонице...

Черныш понял по голосу, что можно целоваться, ликующе бросился на грудь любимому папочке, повалил, облизал, Иггельд тоже обнимал, целовал, щупал, чесал, хватал на руки и бегом носил по пещере, приводя Черныша в дикий восторг.

По ту сторону входа свирепо завывал на разные голоса ветер. Утомившись с Чернышом, Иггельд посерьезнел, прислушался, и настроение сразу упало. Если в Городе Драконов такая вьюга случается один-два раза за всю зиму, все запираются в теплых домах и отсиживаются, то здесь это даже не вьюга, а обычная зима. А уже завтра-послезавтра надо снова на охоту. И кто знает, повезет ли на этот раз...

Свиной становилось все меньше, по крайней мере, добывать все труднее. Возможно, в норах они не размножались, а когда лютый мороз и ветер, то не до того, чтобы пропускать молодую свинку и поджидать, когда выйдет матерый кабан.

К концу зимы пришлось резко уменьшить рацион. Черныш отыскивал в дальнем углу старые кости и грыз их целыми ночами. У него менялись зубы, мучительно чесались, он готов грызть даже камни, но кости можно еще и глотать, те усваивались, Иггельд видел, как прямо на глазах кости самого Черныша становятся толще.

Пришла весна, в рошу из нор выплеснуло множество мелких полосатых поросят. Всем хватит пропитания, подумал Иггельд, он чувствовал, как исхудали, кожа да кости, быстрее растите, размножайтесь, а то взрослых почти не осталось...

Черныш придумал сам себе забаву: в ручье водилась рыба, стремительная и сильная, неизвестно чего она поднималась из долин против бурного течения, Иггельд сам видел, как даже прыгает через пороги и небольшие водопады, но поднимается упорно, а здесь Черныш с утра до вечера сидел на исхудавшей заднице и то ловил лапами, то пытался хватать зубастой пастью. Когда удавалось поймать, он с торжеством приволакивал к Иггельду, складывал к ногам, садился на задницу и смотрел в лицо папы радостными блестящими глазами.

— Спасибо, молодец, умница, — говорил растроганный Иггельд. — Давай я тебя почешу...

Черныш томно закрывал глаза и вытягивал шею. Иггельд чесал, гладил, ласкал, потом обязательно делил рыбу, отщипывая себе кусочек, чтобы приучить дракона всегда приносить хозяину, а для Черныша он не хозяин, тот искренне и честно считает его любимым папочкой, да и он сам для него вовсе не дракон, не зверь, не чудовище...

Теперь Иггельд приносил с охоты молодого кабанчика, Черныш — рыбу, и к тому времени, как дороги очистились от залежей снега и приехал навестить Апоница, оба почти нагуляли прежнее мясо.

Апоница крепко обнял, отстранил, сказал дрогнувшим голосом:

— Если честно, я не ожидал...

— Чего?

Апоница сглотнул ком в горле.

— Ты хоть понимаешь, что ты сделал?

— Я спас Черныша, — ответил Иггельд.

Апоница отмахнулся.

— Что твой дракончик!.. Ты — выжил! Я не знаю, кто из взрослых мужчин сумел бы пережить здесь зиму в одиночку?

— Я не один, — ответил Иггельд гордо.

— Ах да, конечно...

Со стороны ручья донесся рев, визг, потом оттуда выметнулся Черныш, отряхнулся всем телом, брызги разлетелись, как мелкие осколки льда, а он понесся к ним во весь опор, резко затормозил перед Иггельдом, кося огненным глазом на Апоницу, раскрыл пасть, огромная рыбина упала к ногам Иггельда.

— Молодец, — похвалил Иггельд. Он потрепал Черныша за голову, пару раз скребнул за ухом, сказал: — Иди лови дальше!

Осчастливленный Черныш унесся к ручью, смешно подкидывая зад и помахивая хвостом. Апоница проследил за ним взглядом, в глазах изумление.

— Ты что, научил его ловить рыбу?

— Я? — удивился Иггельд. — Он сам меня научит!

Апоница все еще смотрел вслед дракону. Тот спустился в ручей, видно только горбик спины, там часто слышались шлепающие удары по воде, довольный, а иногда раздраженный рев, щенячьи взвизги, высоко взлетали брызги.

— Пока еще холодно, — сказал Апоница с сомнением. — Да и вода здесь... ледяная. Они легко простуживаются.

Иггельд кивнул.

— Да знаю. Но... мы в самом деле такое пережили! И еще... мы не выжили бы, если бы не ели зимой свинину. Черныш тоже ел. И сейчас, теперь уже ничего не могу поделать, ест сало так, что за ушами трещит.

Апоница покачал головой.

— Сожжешь ему печень. Хотя... если он не в котловане, а вот так носится, то у него и сало в желудке сгорит без вреда.

Иггельд с облегчением вздохнул.

— Спасибо. Я так тревожился.

— Да ладно, — ответил Апоница, взгляд его был пристальным. — Я же вижу, что ты сам во всем разобрался. А сейчас, скажу честно, твой дракошка прошел бы любые испытания. Он выглядит здоровым, крепким. И мышцы нарастил, как... не знаю просто, у кого!

— Боролись за жизнь, — просто сказал Иггельд. — Но теперь все позади.

— Впереди новая зима, — предостерег Апоница. — Правда, будешь на год взрослее.

— И Черныш.

— И Черныш, — согласился Апоница. — Иггельд, я горд тобой. Ты поступил неправильно, это я о драконе, но у тебя чистое честное сердце, ты бесконечно добр, и ты совершил... подвиг! А я расскажу в своем клане, что у драконов гораздо больше запаса выживаемости, чем мы думаем. И больше пластичности. В котловане любой дракон помер бы, наевшись сала. И нагрузки нашим драконам можно увеличивать, если смотреть вот на твоего. Ему не повредили, еще как не повредили!

Он снял с коней возле пещеры все припасы, понаблюдал, как Иггельд и Черныш носят вдвоем: Черныш держал в пасти тяжелейший мешок, тот волочился по земле, дракончик скидывал пасть повыше, даже привставал на коготки, чтобы стать выше ростом, ташил, пыхтел, гордый, что ему тоже доверили работу взрослых.

— Старается, — сказал он с непонятной усмешкой. — Странно все это...

— Что?

— Никогда не видел драконов вот так... на свободе.

Иггельд пожал плечами, глаза показались Апонице глазами взрослого человека.

— А что такое свобода? Посуду мою и здесь. И точно так же рублю дрова, жарю мясо... Правда, со мной Черныш, а это и есть то, ради чего нужна свобода.

Апоница посмотрел на небо, сказал обеспокоенно:

— Пойдем в твою пещеру, хлебнем хоть горячей воды, если у тебя есть нечего. Дни пока что короткие, не хотелось бы, чтобы меня с лошадьми ночь застала на узкой тропке.

Они носились по долине взад-вперед и наискось, преодолевая ревушую ярость ветра, Иггельд соорудил из шкур плотные мешки, нагрузил камнями, так и бегали наперегонки. Черныш сперва противился, комично изгибался и пробо-

вал задней лапой сорвать тяжелый груз, но Иггельд в конце концов сумел убедить наивного и доверчивого ребенка, что ему так красивее, что все его с этим грузом любят больше, и Черныш смирился, бегал с мешком камней на спине, который стараниями Иггельда становился все тяжелее и тяжелее.

Правда, увеличивая нагрузку, он следил, чтобы подрастающий дракончик не таскал сам по себе палки, а затем бревна. А если таскал, чтобы захватывал их только коренными зубами обеих челюстей. У молодых драконов привычка хватать клыками нижней челюсти, что вытягивает ее, потому все зрители в первую очередь следили, чтобы прикус у драконов был правильным. Страшное и восхитительное зрелище, когда огромные страшные зубы, способные дробить не только кости быков, но и каменные валуны, красиво перекусывают листок так, словно разрубывают острейшим мечом.

При смыкании клыки и резцы челюстей дают ту знаменитую хватку дракона, из-за которой их в старину ценили во время Великой Битвы молодых богов со старыми. Тогда только драконы сумели переломить ход тысячелетней войны, после чего тцары и князья начали давать денег на разведение и воспитание драконов, посылать им стада скота на прокорм, хотя по-прежнему велели держаться с драконами подалше от городов и сел.

Да, Апоница прав: размеры, рост, сила — все это зависит от того, какие родители. Но Апоница и не прав в том, что ориентироваться надо только на родителей. Если даже человека слабого и хилого можно в каменоломне превратить в здоровяка с грудями мышц, то дракон куда больше зависит от того, чем кормят, чему учат, как нагружают. Прав Апоница только в одном: невозможно оставлять все двенадцать детенышей, ведь дракониха может давать приплод через каждые два года, и если всех оставить жить, драконами уже через сотню лет был бы заселен весь мир. Но это другое, это не к нему, есть же люди, что спокойно могут убивать даже людей, а он не может раздавить даже муравья или жука, если тот его не кусает... но даже если укусит, он такого муравья осторожно снимет и посадит на дерево или на листок.

Что драконы могут сильно меняться, он узнал из рассказов самих же зрителей драконов, знатоков всех легенд, историй, сказаний, бывальщин, подлинных случаев. Самое простое изменение — на жарком юге, как гласят летописи, драконы уже во втором поколении полностью освобождаются от толстого подкожного жира, с которым здесь уже рождаются, высоко в горах у них легкие втрое больше, чем у тех, кто живет в подножьях, а у драконов, что живут и даже спят на снегу, между костяными плитками выросла длинная и очень плотная шерсть.

Драконы, что рождаются и живут среди драконов, ничем от них не отличимы, но те драконы, с которыми люди общаются, он сам видел, стали совсем иными по привычкам, образу жизни. Значит, очень много зависит от того, в каких условиях дракон живет, чему и как его учат, в каком направлении развивают.

Апоница, конечно, жалел о потере такого умелого и работающего только за хлеб зрителя за драконами, но сам же, похоже, сумел обратить это себе на пользу, теперь приезжал часто, привозил еду, теплые вещи, даже прихватывал на запасных конях вязанки дров — все пригодится в холодную зиму. И наблюдал, советовал, но не настаивал, когда Игтельд что-то не выполнял или делал по-своему.

Прошло два года, в город доходили слухи о чудачковом мальчишке, что сдружился с драконом и живет с ним в горах, вместо того чтобы жить с людьми. Многие посмеивались, поговаривали, что едва у парня появится интерес к женщинам, он придет в город. И уже не уйдет, здесь за эти годы подросли очень горячие девушки.

«Подружился», — это слово заинтересовало Апоницу, он отметил его как ключевое, как самое точное слово, почему дракон все еще не сожрал своего хозяина, почему так охотно выполняет его команды, почему старается понравиться, искательно заглядывает в глаза и даже надоедает требованиями: ну прикажи мне что-нибудь, ну пошли куда-нибудь и веди принести, я очень хочу, чтобы ты увидел, какой я послушный и как тебя люблю!

Апоница приехал не один, Иггельд с удивлением и испугом увидел на крупном, совсем не рабочем коне высокую фигуру Ратши. Апоница помахал издали, крикнул:

— Ты пока спрячь или придержи дракона, а мы привяжем коней понадежнее!

— Как вы добрались? — спросил изумленный Иггельд.

— С трудом, — признался Апоница.

— Но там же не проехать на лошади с вьюками!

— Вьюки в самом узком месте пришлось перенести на руках, — признался Апоница, — а потом снова на коней.

Ратша спрыгнул, небрежно бросил повод Апонице, сам с любопытством рассматривал Иггельда. Иггельд решил про себя, что Ратша изменился, но не понял чем: все те же раздутые мышцы, толстые руки, шея как у быка, сильное мужественное лицо...

За спиной послышался быстрый топот, Иггельд, не оборачиваясь, вскинул руку и сказал громко:

— Ко мне!.. Рядом!.. Спокойно!

Черныш, уже размером с молодого бычка, с готовностью остановился рядом, торопливо сел на толстый зад, выпуклые глаза уставились в незнакомого человека. Не смея сойти с места, он вытянул шею, стараясь если не дотянуться до Ратши, то хотя бы лучше уловить от него запаха.

Ратша заметно напрягся, не двигался, Апоница же привязал и успокаивал коней, те дрожали и роняли пену, крикнул Жизнерадостно:

— Ты заметил, как он вырос?

— Еще бы, — ответил Ратша. — Эта долина поставила перед выбором: умереть или нарастить мускулы.

— А какие бревна он таскает! — сказал Апоница.

— Представляю, — ответил Ратша.

Иггельд, смущенный, подошел, Апоница его обнял, а Ратша хлопнул по плечу. И снова на Иггельда повеяло изменениями, причину которых не мог уловить.

— А как грызет, — добавил Апоница, — бревно толщиной в ногу перекусывает за раз!

Ратша отстранил Иггельда, с удивлением посмотрел на его рот.

— В самом деле?

— Ну да, — заверил Апоница. — Я не представляю, каким он станет, когда отрастут крылья!

— Крылья? — удивился Ратша еще больше. Понял, засмеялся: — Ну ты и старый дурень!.. Что ты мне все о драконе?.. Дракон, конечно, подрос, но ты посмотри на самого Иггельда!.. Он почти догнал меня, а какие плечи, какие руки!.. А грудь, посмотри на его грудь!

Он с силой потыкал вытянутыми пальцами Иггельду в грудь. Ощущение было таким, словно с силой били тупым концом копья. Иггельд натужно улыбался, понял, с подсказкой Ратши, что именно показалось в богатыре странным: последний раз, когда виделись, он смотрел на Ратшу снизу вверх, а теперь почти глаза в глаза. Хотя, конечно, у него никогда не будет таких могучих рук, таких широких плеч и такой выпуклой груди, что будто укрыта латами из толстой меди, а вдобавок поверх еще и широкие пластины стального панциря, что на самом деле не панцирь, а все его же собственные груди мускулов. Сейчас Ратша в тонкой полотняной рубашке, а кажется, что в панцире, а каким будет, когда в самом деле наденет... Иггельд представил и содрогнулся.

Апоница засмеялся, сказал с некоторой неловкостью:

— Ты прав... но Иггельд меня поймет, мы ничего не замечаем, кроме своих драконов. Иггельд, приглашай к своему очагу, мы кое-что привезли. Твой дракон вино пьет?.. Правильно, еще мал. Ратша, да не тронет тебя этот зверь. Он еще ребенок, пока даже лягушек боится.

Иггельд возразил:

— Никого уже не боится! Но в самом деле он очень дружелюбный. А злобности его придется учить особо, хотя мне почему-то очень не хочется.

Он оглянулся, взмахнул рукой.

— Черныш, свободен!.. Гуляй!

Они пошли к пещере, сзади прогремел тяжелый топот. Апоница и Ратша, хоть и привыкшие к виду драконов, в ис-

пуге шарахнулись в стороны, видя несущуюся за ними вприпрыжку гору мускулов, закованную в костяной панцирь.

Иггельд оглянулся, огромная туша дракона едва не сшибла с ног. Он прикрикнул, Черныш с готовностью отпрыгнул. Он смотрел на своего старшего друга, учителя и самого лучшего в мире папочку, который совсем недавно носил на руках, преданно, с любовью и обожанием.

Ратша переводил дух, стараясь сделать это как можно незаметнее, Апоница уже пришел в себя, с сомнением покачал головой.

— Знаешь, пора его в котлован.

— Он не опасен! — взмолился Иггельд.

— Сейчас. А завтра?

— И завтра не опасен!

— Я говорю не про собственно завтрашний день, — уточнил Апоница. — Это все-таки зверь. Если разъярится, то... гм, чуть не сказал, что здесь все сметет и всех пожрет! Но здесь только ты. Будешь рисковать дальше?

Иггельд пропустил их впереди себя в пещеру, обернулся и показал Чернышу кулак. Дракончик съежился и виновато припал к земле. В пещере Ратша с любопытством огляделся, руки его размеренно вытаскивали из мешка сыр, сушеную рыбу, краюху хлеба.

Апоница оглянулся на светлую нору входа, там мелькнул и пропал темный силуэт.

— Как только увидишь, — велел он, — велел он, — что в поведении начинается всякое... тут же в загон. Нет, прямо в котлован!

— А что должно начаться?

— Всякое, — ответил Апоница с неопределенностью. — Любой детеныш дракона смотрит на человека как на что-то более сильное. Но даже подросток начинает сомневаться... со временем, верно? А молодой дракон вскоре сам пробует подчинить себе хозяина. Понимаешь, слишком уж заметна разница между человеком и драконом. Разве тебе не зазорно было бы подчиняться... крысе? Подрастая, ты не попробовал бы поменяться с нею ролями?

Иггельд задумался.

ГЛАВА 5

В Городе Драконов, он помнил, все дракозники постоянно твердили о необходимости все увеличивающихся нагрузок для молодых драконов и никак не могли придумать, как же эти нагрузки совместить с жизнью в котловане. Потом, когда в самом чувствительном к боли месте приживается железный штырь и когда можно уже сидеть на спине и гонять по тесному котловану, а затем уже взлетать, как раз и началось спешное наращивание мышечной массы, но даже Иггельд своим детским умом понимал, что время упущено.

Сейчас же он каждый день бегал с дракончиком по долине. Тот быстро уставал, скулил, Иггельд тут же останавливался: нельзя дитяню подвергать чрезмерным нагрузкам, иначе перестанет слушаться, но после короткого отдыха снова убегал, манил, и дракончик, у которого силы восстанавливались быстро, с азартом догонял хозяина.

Пробовал взбираться на Черныша верхом, тот пришел в неопиcуемый восторг, начал носиться и скакать, а когда Иггельд свалился, бросился к нему и едва не зализал до смерти, умоляя: ну давай еще! Давай залезай мне на спину, побегаем, я тебе покажу, как я умею быстро!

Иггельд сваливался после пятого скачка, потом после десятого, но даже когда научился держаться дольше, все равно это не дело, пожаловался Апонице, а тот привез старую упряжь для драконов. Вместе подлатали, подшили, а когда прилаживали на Черныша, Апоница в изумлении крутил головой. Ведь еще не дракон, только дракончик, а грудь настолько широка, что ремни без всякого запаса на последнюю дырку. Что дальше? Это уже не дракон, а что-то чудовишное...

Черныш с подозрением обнюхивал широкие ремни, Иггельд закрепил на толстой, как бревно столетнего дуба, шее, поближе к загривку, еще один ремень — широкий и толстый, протянул под грудью. На загривке укрепил свернутое втрое старое одеяло, получилось подобие седла. Пара ремней быстро и ловко застегивается на его собственном поясе. Теперь прыжки Черныша уже не сбросят со спины, а чтобы соско-

чить самому — достаточно одного движения большим пальцем.

Дракон, успокоившись, с удовольствием принял новую игру. Теперь не надо смирать себя, можно нестись во всю мочь, останавливаться на полном скаку, подпрыгивать, поворачивать так резко, что собственный хвост начинает крутить тело волчком.

Апоница отошел в сторону, вообще укрылся за выступом скалы. Иггельд, побледнев, сказал Чернышу, хорохорясь:

— Сейчас попробуем твою полную скорость!.. А то все черепашишься...

— Не сразу, — выкрикнул Апоница. — Не сразу!

— Да, — ответил Иггельд, — конечно...

Его отшвырнуло, и, если бы не ремни, упал бы на землю, а дракон выскользнул бы, как мокрая молния, но сейчас отяжелевший Иггельд видел только мелькающие вокруг камни, выступы скал, именно вокруг, потому что Черныш ухитрился носиться не только боком, но и чуть ли не вверх брюхом. Ветер свистел в ушах, рвал волосы, а от мелькания в глазах стало дурно.

Донесся вопль Апоницы:

— Смирйай!.. Смирйай, пока не поздно!

Иггельд уперся ногами крепче, перед глазами все мельтешит, Черныш несется вдоль каменной стены, на ходу игриво задевая ее костяным боком, чешется, закричал во весь голос:

— Прямо!.. На простор!.. Прямо!

В подтверждение приказа он начал дергать ремни, довольно бестолково, но Черныш мгновенно понял, понесся, как Иггельд и велел, хотя вряд ли дергал верно. Апоница с облегчением вздохнул, глядя им вслед. Черныш носился кругами, долина для него уже мала, хотел выскочить через горловину, но ветер с такой силой ударил в морду, что Черныш ошалел, выпучил глаза, зарычал в ответ. Ветер вбил в пасть мешок воздуха, рык перешел в хрип, дракон даже попытался лапой достать из пасти этот злой и недобрый ветер, что вот так ни за что напал, из груди вырвался визг. Иггельд поспешно похлопал его по спине, постучал ногой, приказывая по-

вернуть обратно. Черныш еще показал ветру острые клыки, мол, не боюсь, после чего все же повернулся и понесся огромными прыжками обратно.

Иггельд едва сумел остановить его возле пещеры, Апоница сидел на камне и, откинувшись на скалу, подставил лицо солнечным лучам, глаза закрыты. Так, с закрытыми глазами, сказал ровным голосом:

— Ого, все еще слушается?.. Иггельд, на сегодня хватит. Дай свиненку отдохнуть.

— Да он не устал, — возразил Иггельд. — Вон как скачет! Дрожит весь, так побегать хочется!

Они сорвались с места, Апоница лишь усмехнулся вслед.

Чуть ли не к вечеру Иггельд свалился, едва живой от усталости, мрачный, в ссадинах, молча и долго жаднопил, наконец пожаловался сорванным голосом:

— Эта тварь совершенно не слушается!

Апоница вскинул брови, глаза его весело блеснули.

— Вот как? А ты же доказывал, что он не устал!

— Он и сейчас не устал, — возразил Иггельд. — Но слушаться перестал.

— Мне показалось, что он тебя обожает.

— Может, и обожает, — ответил Иггельд хрипло, — но когда сам захочет.

— Эх, — сказал Апоница с сожалением, — у тебя много любви к драконам, но мало выдержки. Ты же сам знаешь, что легко приучить слушаться любого, пока он сыт и весел, и трудно, если устал.

— Он не устал!

— Молодому дракону скучно, — сказал Апоница наставительно, — когда его подолгу заставляют повторять одно и то же. У него голова устает раньше, чем ноги. Это старый может выполнять команды до бесконечности, а молодому хочется играть! Вот и делай так, чтобы обучение походило на игру!.. Ты тоже подстраивайся под него...

— Я?

— Если ты умнее, — сказал Апоница с усмешкой, — то

тебя это не унизит, а только развеселит. Играя с драконом, научить его слушаться себя беспрекословно — что может быть лучше? Да ты все и так делал играя, а сейчас делаешь вид, что для тебя это новость!

С этого дня Иггельд ежедневно ездил у Черныша на спине, заставляя бегать все дальше и дольше. Все повторялось, хотя теперь дракончик перепрыгивал даже широкие трещины с Иггельдом на своем загривке. Наконец Иггельд привык носить, как ветер, огромными прыжками, он сам на спине и два мешка с камнями по бокам, но быстро взрослеющий Черныш перестает ощущать и такую тяжесть, приходилось то заставлять бегать до изнеможения, то нагружать еще и еще, а потом мчаться по прямой, обгоняя птиц.

Возвращались не раньше, чем Черныш начинал уставать, Иггельд чувствовал, что недалеко до момента, когда дракон перестанет слушаться, и, едва останавливались перед пещерой, хвалил, обнимал, чесал, гладил, чистил уши. Вскоре у Черныша выросли такие мышцы, каких Иггельд не видел даже у самых могучих взрослых драконов. Когда-то это позволит отрастить могучие крылья, а пока он, как бескрылый кузнечик, скакал по камням с такой легкостью, которую никогда бы не показали драконы из питомника.

Но уже не детеныш, а для подростка другие требования: Иггельд часто лупил толстой палкой по спине и груди молодого дракона, а потом и по животу, подавая это все как игру, и у Черныша там в ответ утолщалась кожа, нарастали чешуйки. Теперь ему для прокорма требовалось много мяса, но, хорошо это или плохо, после обильной кормежки Черныш почти полностью терял слух и обоняние, старался забиться в нору и спать, спать, спать...

Крупного оленя теперь съедал целиком за раз, но зато, правда, этого хватало на пару недель. Правда, через неделю готов сожрать второго, но, если не дать, как будто и не чувствовал голода. Несмотря на то что съедал всегда с костями, копытами и шерстью, приходилось долго ждать, когда что-нибудь наконец-то выпадет из-под хвоста. Обычно это случалось на седьмой-восьмой день после кормежки, Иггельд

сперва тревожился так, что места не находил, совсем забыл про такую важную мелочь из жизни этих больших ящериц с крыльями.

В первый и даже второй год не было даже намека на крылья, просто крупная такая, толстая ящерица, даже не ящерица, а жаба с нагло выпученными глазами, на третий год наметились бугорки, начали приподниматься. Черныш беспокоился, часто переворачивался на спину и ерзал так, а верх блаженства для него наступал, когда Иггельд чесал по этим выступам палкой или скреб жесткой щеткой.

Затем, когда зуд достиг такой степени, что Черныш не мог заснуть, бугры лопнули, оттуда высунулись жалкие культяпки крыльев. Пока еще толстенькие жилистые пальцы без всякого намека на перепонки, потом медленно пошли в рост, и восхищенный Иггельд понял, что крылья — это всего лишь передние лапы, у которых между пальцами натянута перепонка. Как у жаб, которым драконы — прямые родственники. Только если у жаб вся мощь в задних лапах, а передние у нее просто жалкие отростки, то у драконов передние разрослись, пальцы вытянулись, перепонки между ними оставались такими же тонкими и прочными, что первым драконам помогало перепрыгивать с дерева на дерево, а потом пере скакивать пропасти, а их потомкам уже позволило летать.

По всем старым летописям Иггельд знал, что в глубокой древности драконы были только с двумя лапами, задними, а передние превратились в крылья. Все птицы, которые тоже были ящерицами, а потом их боги превратили в птиц, тоже только с задними лапами, но у драконов есть и все четыре лапы, и... крылья! Апоница отмахивался от вопросов, слишком занят, чтобы ломать голову над чепухой, что не относится прямо к кормлению и воспитанию драконов, другие дракозники даже не желали слушать.

И все-таки он сам дошел до ответа, когда вспомнил, что у ящериц отрастают оторванные хвосты, у раков — клешни, у кузнечиков — оторванные ноги. Иногда природа ошибалась, и вместо оторванной лапы отрастал хвост, у раков часто

вместо оторванной клешни отрастал усик, он сам видел однажды ящерицу, у которой вместо хвоста отросла лапа. Иногда лапы отрастали на месте глубоких ран. Скорее всего, у одного дракона на месте ран отросли лапы. Он выжил и дал потомство, а его дети сумели тоже выжить и постепенно расплодились. С четырьмя лапами получили преимущество, и двулапых драконов постепенно вытеснили. Двулапые остались, по слухам, только в горных труднодоступных районах Артании.

Хотя, подумал внезапно, муравьи и есть шестилапые. Или у жуков вот и крылья, и все лапы на месте. Почему дракон должен быть похож на двулапую утку, а не на прекрасного крылатого жука?

Крылья отрастали быстро, но, понятно, пока что на таких культяпках не летать, Иггельд начал учить Черныша растопыривать их по команде, Черныш с готовностью принял игру, и когда Иггельд уже убедился, что все получается, Черныш все забегал вперед и прыгал перед ним: ну скажи, чтобы я распахнул крылышки, ну скажи!.. Ты увидишь, какой я послушный!

Иггельд вынужденно хвалил, чесал и гладил, думал, как же не хватает мудрого и опытного Апоницы, ведь так из дракона можно сделать и никчемного чесуна, что привыкнет лезть на ручки к папе и подставлять холку для чесания.

Когда крылышки отросли побольше, Черныш еще не понимал, что с ними делать, пока что это было добавочное место для чесания.

Драконы, как слышал Иггельд, жили раньше в горах над обрывами, и когда их дети подрастали, просто бросались с обрыва и растопыривали крылья. Ветер подхватывал, так учились летать. Многие все же разбивались, это последний отбор. Но, понятно, своего Черныша не подвергнет такой жестокости...

Черныш бегал за ним в восторге, размахивал крылышками, как папочка руками, что всякий раз хвалил и чесал, называл умницей.

Однажды, когда бежали против ветра, Черныш поднялся в воздух, пролетел пару шагов и, от изумления перестав ма-

хоть культияпками, так шмякнулся мордочкой, что взвыл, заскулил, смотрел с патетической обидой на злой и несправедливый камень, что вот так взял и напал на него просто ни за что. Иггельд поспешил на помощь, побил камень, чтобы не обижал его дитятю, Черныш сразу же успокоился, видя немедленное отмщение, лизнул папу и попробовал залезть на ручки.

— Отвыкай, — сказал Иггельд, — хотя мне самому жаль, что уже не подниму тебя, бычок... Ну что, на сегодня хватит?

Нет, заорал Черныш молча. Нет, давай еще!

И снова носились по долине, размахивали: один руками, другой — крыльями. На третьем круге Черныш забыл про злой камень, снова поднялся в воздух и пролетел уже шагов пять, отчаянно колотя по воздуху крылышками. На этот раз ухитрился выставить перед собой лапы, даже откинулся на задницу, не ушибся и завизжал от счастья и открытия, что воздух — та же вода, только очень жидкая, можно ходить по дну, а можно всплыть, если часто-часто махать крылышками.

С того дня он уже выбегал из пещеры с особенным рвением и в жадном нетерпении смотрел на Иггельда. Если раньше была одна команда: «Гуляй!», то сейчас добавилась «Летай». Он произносил их одну за другой, чтобы у Черныша был выбор: мог летать, если хочет, или носиться по долине, переворачивая камни, слизывая длинным быстрым языком мокриц, ловить ящериц, раскапывать норы с мышами и хомяками.

Когда Черныш возвращался и распластывался, как мокрая тряпка, не в силах даже оторвать от земли морду, Иггельд всякий раз с восторгом рассматривал его распущенные в изнеможении крылья, самое удивительное, что создала природа: тончайшие, почти исчезающие не только на солнце, но даже слабый лунный свет просвечивает их насквозь, зачем-то на крыльях как бы наклеплены сверху толстые отливающие металлом узкие пластины, не шире чем в два пальца, слегка выпуклые, между пластинами по два-три шага, эти узкие пластины не смогут защитить все крыло...

И лишь когда дракон опускался на землю и начинал убирать исполинские крылья, у Иггельда захватывало дыхание от великолепной грации, с которой крылья складываются на спине. Если у гуся или лебедя они просто становятся меньше и компактно исчезают у кого на спине, у кого на боках, то здесь нежнейшая и тончайшая ткань попросту скрывается под сходящимися пластинками из металла, вся спина отливает сталью, не пробить, не поцарапать, и с первого взгляда не отличить дракона, способного летать, от простого дракона, закованного в прочнейший панцирь костяной брони.

Пластины на спине сходятся настолько плотно, что Иггельд не раз пробовал просунуть хотя бы волосок в щель — все напрасно. К тому же по краям этих металлических пластин густо растет рыжий мех, и когда дракон складывает крылья и спина становится сплошным покатым горбиком, как у покрытой панцирем черепахи, то все возможные щелочки пережимаются надежно, капли воды не пробраться.

Апоница прибыл через месяц, все те же две лошадки, нагруженные так, что остановились перед пещерой, дрожа с головы до ног, в мыле, на широко расставленных ногах, с поникшими к земле мордами. Апоница торопливо сбросил тяжелые тюки на землю, коням подвязал к мордам мешки с овсом. Привязал повыше, захватив и глаза, пусть лучше смотрят в мешок, чем увидят игривого малыша... Интересно, какой он сейчас?

Послышался топот, из остатков рощи выметнулся громадный зверь, ростом с раскормленного быка, но весь в черном блестящем панцире, огромная голова, пасть распахнута, блестят зубы, глаза горят бешенством.

Апоница застыл, а зверь налетел, прижал к стене, Апоница зажмурился в ужасе, горячий язык шлепнул по лицу, дыхание обжигало грудь. Дракон визжал, как щенок, Апоница открыл опасливо глаза. Дракон, глядя на него радостными глазами, повилял хвостиком, со скрежетом царапая каменную плиту, снова нетерпеливо взвизгнул.

— Ну что там? — раздался из темного зева пещеры недозвольный голос. — Играй сам!

— Иггельд! — крикнул Апоница. — Это я! Принимай гостей!

Из темноты показалась согнутая фигура, на свету разогнулась, рука метнулась к глазам, защищая от прямых солнечных лучей.

— Апоница?.. Как я рад!

— А как рад я, — ответил Апоница, — что ты вовремя... Или что дракон у тебя дурак...

Они обнялись, Иггельд отстранился, всматриваясь в покрытое морщинами лицо старого наставника.

— Почему дурак?

— Да все еще не сожрал меня, — ответил Апоница. — Если бы я знал, что он у тебя вот так свободно... можно сказать даже, непривязанно бегаёт, ни за что не рискнул бы вот так...

Черныш посмотрел укоризненно, взвизгнул, в нетерпении ударил лапой по земле. Брызнули искры, в твердой земле остались глубокие следы, будто прорезанные бороздой.

— Он тебя знает, — пояснил Иггельд. — И уже с тобой дружит. А кто же друзей ест?

Апоница с сомнением смотрел на дракона. Тот улыбнулся в ответ, показав два ряда зубов, способных сразу размолоть в муку любую кость.

— Не знаю, не знаю, — ответил Апоница. — Наши драконы все злобные и недоверчивые. Возможно, это все твое содержание на воле? Ты не слишком рискуешь?

Иггельд хотел возразить, но краем глаза ухватил пролетающих над горами диких гусей. Он быстро указал на них Чернышу, сказал:

— Вверх!.. Добыча!.. Третий во втором клине...

Черныш прыжками понесся навстречу ветру, прыгнул, растопырил крылья, отчаянно заколотил ими по воздуху и по крутой дуге взмыл в небо. Настолько крутой, что Апоница не поверил глазам. Хоть и против ветра, но все-таки почти отвесно вверх.

Иггельд подвигал руками, словно что-то вязал в воздухе. Сказал вслух:

— И последний, что замыкает в левой ветке...

Дракон — Апоница не верил глазам — схватил гуся, имен-

но третьего во втором клине, а затем последнего. Гуси разлетелись в ужасе, а он кругами опустился, распахнул жуткую пасть, и к ногам Иггельда вывалились два измятых гуся.

— Невероятно, — прошептал Апоница. — Такого еще не было... Никто и никогда... Как ты этого добился?

— Играючи, — ответил Иггельд с гордостью. — Нет, в самом деле, играя. Я относил гуся по дороге, а когда Черныш находил, хвалил и чесал. Потом приучил приносить. Ну, а от этого до гусей в небе — рукой подать.

Апоница не находил слов, качал головой. Как бы Иггельд ни хорохорился, за этим обучением стоит колоссальнейший труд, но ясно и другое: он добился такого в обучении, чего не смог еще ни один драконопастух.

— Все получилось очень удачно, — сказал он наконец. — Все одно к одному: ты сумел вырастить очень сильного и здорового дракона, а только здорового можно к чему-то приучать, а с больного какой спрос? К тому же ты постоянно рядом, а это установило между вами какие-то иные отношения, чем между хозяином и работником. Но самое удивительное, ты даже не замечаешь...

— Что?

— Котлованные драконы в этом возрасте даже не пробуют летать.

Апоница отбыл, Иггельд повернулся и свистнул. Черныш резво выбежал из пещеры, глаза влюбленно отыскивали Иггельда. Тот поспешно отступил, вскинул руки, защищаясь от огромного горячего языка.

— Ты меня залижешь до смерти!.. Перестань!

Черныш в нетерпении запрыгал на всех четырех. Земля дрогнула, в недрах протестующе застонало. Иггельд опустил руки, и Черныш тут же ловко лизнул его прямо в нос. Иггельд поперхнулся, замахнулся рассерженно, а Черныш вроде бы в смертельном испуге прижался к земле и заскулил, делая вид, что ну прям умирает от страха.

— Перестань, — повторил Иггельд. — Сегодня мы с тобой попробуем самое важное.

Что, молча заорал Черныш, что? Говори скорее, какой ты медленный, я же помру от нетерпения! Вот сейчас прямо упаду и умру, что ж ты меня мучаешь, черепаха бестолковая, засыпающая на ходу?

— Это попробуем без Апоницы, — сказал Иггельд нервно. — Все равно ничем не поможет, а опозориться могу... Сиди смирно! Нет, лучше ляг. И не дергайся, пока я закреплю все ремни. Сегодня их надо закрепить как следует... Попробуем взлететь. Оба. Но машешь крыльями ты один, понял? Такие вот мы, люди, коварные... И летаем только чуть-чуть! Понял?

Черныш в восторге затрубил, завизжал, едва не вывихнул шею, пытаясь дотянуться до всадника и лизнуть его в обожаемое лицо.

— Сидеть! — строго повторил Иггельд.

Черныш с готовностью плюхнулся на зад, Иггельда бросило поясницей на крохотный, пока еще остренький шип, из таких вырастет гребень, сейчас же сцепил зубы от боли, сказал зло:

— Лежать!

Черныш с великой поспешностью бросился на пузо, замер, только косил благодарным глазом на родителя: ну, прикажи еще что-нибудь! Прикажи! Ты увидишь, какой я послушный, как люблю тебя, как делаю все, что только пожелаешь!

— Молодец, — наконец проговорил Иггельд. Он перевел дыхание, копчик ноет, сказал уже громче: — А теперь бегом, понял? Лапами, лапами. И — взлет! Понял? Вверх, вверх!

Он указал на пролетевших птичек. Дракон проводил их непонимающим взглядом, оглянулся на Иггельда, в глазах недоверие, потом вспыхнул восторг. Спина затряслась, скачки все ускорялись, прыжок, похолодевший Иггельд ощутил, что оторвались от земли, впереди выход из долины, навстречу бьет тугой холодный ветер, просто режущий, Черныш растопырил крылья, бестолково колотит ими, темные скалы не приближаются, ветер даже вроде бы относит обратно... зато поднимает, поднимает!

Черныш покачивался на растопыренных крыльях, Иггельд застыл, боясь шевельнуться и тем самым обрушить неустойчивого в воздухе молодого дракона. Свирепый ветер тугой волной бьет в грудь, отталкивает, но долина резко пошла вниз, скалы справа и слева начали укорачиваться, а когда совсем опустились, Черныш сделал осторожный поворот, ветер сразу подхватил их и погнал над долиной. Внизу быстро прошли зазубренные пики.

Он бросил осторожный взгляд вниз, в глазах потемнело. За его долиной, окруженной стеной скал, сразу бездна, темный провал, конец света...

Черныш в растерянности растопырил крылья, ветер нес его, как сорванный лист. Иггельд чувствовал, как там, в глубине, колотится большое совсем не драконье, а детское сердечко, ему страшно, ему жутко, закричал громко:

— Чернышка!.. Все хорошо!.. Я тебя люблю!.. А теперь возвращаемся!

Черныш от счастья перестал махать крыльями, они провалились в воздухе так, что зад Иггельда начал отрываться от спины дракона, а во всем теле появилось странное ощущение, которое никогда в жизни не испытывал. Черныш тут же отчаянно замахал крыльями, взлетевший к гортани желудок не только опустился, но и попытался протиснуться в кишечник, тело потяжелело.

— Домой! — прокричал Иггельд, лицо налилось свинцом, нижняя челюсть и язык едва двигались. — Домой!

Черныш тут же, словно ждал, развернулся и понесся обратно. К счастью, ветер утих сразу же, едва поднялись над вершинами гор, долину не искать, вот она, облепленная почти со всех четырех сторон отвесными скалами.

Едва скалы начали уходить вверх, появился ветер, разросся, по земле, отполировывая до блеска, скользили тугие воздушные струи. Черныша трепало, бросало из стороны в сторону, он растерялся, Иггельд орал, перекрывая ветер, чтобы развернулся против ветра, Черныш едва успел повернуть прямо перед стеной, где зиял широкий темный туннель, ветер попытался снова скинуть, поднять, почти удалось, но

Черныш все-таки исхитрился подвигать крыльями, их наконец прижало к земле.

— Молодец, — похвалил Иггельд, едва двигая застывшими от страха губами. — Ты... молодец...

Черныш посмотрел на него круглыми от ужаса глазами. Его трясло от страха и усталости, лапы подогнулись, он сразу лег, вытянул шею и закрыл глаза. Бока вздымались часто, из груди доносились хрипы.

— Ты молодец, — повторил Иггельд. — Не лежи на ветру, простудишься. Пойдем, пора обедать.

Черныш кое-как поднялся и затрусил за ним, огромный и в то же время маленький и жалобный. Иггельд уложил его в пещере, хвалил, чесал, сам запихнул в пасть большой ломоть хорошо прожаренного мяса с диким луком.

Он вылетал на охоту все дальше, придирчиво высматривал горных баранов, туров, натравливал Черныша, а после победы хвалил, чесал и бил палкой по бокам, что Черныш просто обожал. Через три года это был молодой и очень сильный дракон. Ему еще не хватало боевого опыта, но по мощи уже превосходил всех, кого Иггельд видел в питомниках. Апоница навевался все чаще, осматривал Черныша, подавал советы. Иггельд выслушивал всякий раз вежливо, но все чаще про себя думал, что старый смотритель говорит не совсем то. Они с Чернышом ушли далеко вперед, Апоница даже не представляет, что драконы могут намного больше...

Он однажды отослал Черныша на охоту прямо при Апонике, а пока они беседовали, Черныш вернулся с тушей оленя в лапах и положил перед Иггельдом. Апоница непонимающе смотрел, как дракон отступил от добычи и смиренно сел на задницу, насколько позволял короткий хвост.

— Что это он?

— Олень, — объяснил Иггельд. В душе пело и плясало. — Обычный олень. Сейчас обдерем, вырежем лучшие куски, поджарим...

Апоница с оленя перевел взгляд на дракона.

— Но как же он...

— Что? Почему принес?

— Да...

— Мы же друзья, — объяснил Иггельд небрежно. — Одного сам съел, другого мне принес.

Апоница медленно приходил в себя. Бросил еще один изумленный взгляд на дракона, съязвил:

— А я думал, что ты готовишь на вас двоих!

— До этого еще не дошло, — ответил Иггельд, — хотя, если честно, он тоже предпочитает жареное. Ведь все, что останется, я даю ему. Ты увидишь, что он сперва выберет то, что зажарено с чесноком и травами, потом просто жареное, а сырые куски оставит на потом.

Апоница покачал головой.

— Не приучай к человеческой еде, — предостерег он. — Человек — свинья. Нет, человек не свинья, он в отличие от свиньи действительно ест все. А дракон на такой еде быстро спалит желудок. Тебе его не жалко?

— Жалко, — признался Иггельд, — потому и балую... Но, если не давать, обидится.

— Будь тверд, — посоветовал Апоница. — Для его же пользы!

— Но как ему объяснить, он же решит, что жадничаю.

— Будь тверд, — повторил Апоница. — Ухитряйся сочетать нужное с приятным. У тебя получается, Иггельд!.. Разве то, что он делает, он делает по своей воле? Я еще не видел драконов, чтобы не боялись воды!

Иггельд гордо и в то же время смущенно заулыбался.

— Я этого не знал, — признался он. — Думал, что Черныш такой урод. Вот и приучал мыться. Теперь его от воды не оттянешь. Правда, из-за рыбы.

— Рыбу они все любят, — согласился Апоница. — Только ни один дракон ради рыбы не полезет в ручей, даже если воды там по колено.

Прощаясь, обнял Иггельда, прижал к груди.

— Я стар, — сказал он со вздохом. — Увы, мне это уже не по силам. Но ты сделал великое дело! Даже если этот зверь тебя сожрет... следовало бы, конечно, ты ведь рушишь все,

что дракозники накопили за тысячу лет... даже если сожрет, ты все же доказал, что твоим путем тоже можно идти. Не знаю, до каких пор. Может быть, он уже завтра осознает, что подчиняется крохотному слабому человеку, взъярится от унижения и сожрет тебя?.. Не знаю, не знаю. Но ты продвинулся уже очень далеко.

Иггельд проводил старого учителя до отдохнувших коней, на душе тоскливо. Похоже, старый учитель его слушал, но не услышал.

— Надеюсь, он все-таки меня не сожрет, — сказал он, стараясь, чтобы это звучало шутливо. — Друзей не жрут.

ГЛАВА 6

Он слишком хорошо знал случаи, когда детеныши крепких и сильных драконов вырастали слабыми и трусливыми. Это случалось чаще всего, когда в драке сталкивались чересчур неравные по силам, молодой дракон получал такую трепку, что помнил всю жизнь. Хуже того, при всей трусости они становились чересчур злобными, никогда не упускали случая напасть на более слабых. При виде сильных пускались наутек, не слушая никаких приказов. Остановить их удавалось только втыканием железного штыря в спинной мозг.

Еще когда крылышки Черныша были не крылышками, а жалкими культяпками, Иггельд наметил пути, по которым будут ходить, бегать, а потом и летать. А сейчас он смотрел на них сверху, со спины Черныша, с которым вылетали теперь каждый день на охоту и на прогулки. Долина оставалась внизу и позади, далеко впереди другая долина, впятеро больше, где Город Драконов и множество котлованов, но туда летать пока рано, хотя долететь уже смогли бы, пока что исследовали ближайшие горы, скалы, глубокие ущелья, опускались возле бегущих внизу горных речек и пробовали воду на вкус.

Сила в Черныше бурлила, но уставал быстро, это бегательные мышцы уже как стальные корни, а крылья еще неле-

танные, неокрепшие, слабенькие. Иггельд понуждал опускаться на все удобные места, переводили дух, снова перелет через ущелье, через пропасть, а то и просто по кругу. Охотились, высматривая сверху стада горных баранов, козлов или оленей. Если от драконов даже тупые бараны давно научились прятаться в глубоких щелях, куда ни один дракон не просунет голову, то стрелы Иггельда догоняли на бегу, а если добыча успевала юркнуть в щель, Черныш садился рядом, а Иггельд нырял в пещеру и с торжеством выволакивал тяжелую тушу.

Постепенно исследовали все горы вокруг своей долины, убеждались, что пешком или конным попасть в нее можно только с одной стороны, там узкая горловина, один горный обвал мог бы перекрыть ее полностью. Правда, с другой стороны в стене гор длинная прямая дыра, через которую ветер и вырывается из тесной долины, но она выходит как окно на отвесной стене. От подножия до этой дыры карабкаться, как до луны, да еще и как туда попасть через нагромождение скал, через пропасти, ущелья...

Как-то нацелившись опуститься на удобное место — ровная такая длинная каменная плита, он в последний момент заметил отдыхающего в тени горного дива. Черныш уже хрипел, крылья дрожали, лететь в другое место поздно, и так обнаглели, переборщили, Иггельд сжался в ком, в голове промелькнуло все, что знал о горных дивах. Они вели род не от первого человека, созданного Творцом, а от восставших против Творца ангелов, их потомство было могучим, свирепым и одновременно слабым: чаще всего рождались безголовые или безрукие, а то и вовсе куски мяса, обросшие шерстью. А которые выживали, как выжили драконы, дивы, морские змеи или другие чудища, то либо оставались бесплодными, либо их преследовало то же проклятие: давать миру уродов. Когда-то они владели всем миром, а человек прятался в пещерах, но теперь вот драконы и все потомство восставших ангелов исчезает под натиском человека...

Черныш плюхнулся на плиту, лапы разъехались, больно ткнулся мордой, а пузом как прилип, почти расползся по

ней, словно тесто по горячей сковороде. Тяжелое дыхание вырывалось с хрипами, бока раздувались, будто у стельной коровы, а потом схлопывались, будто исчезали вовсе. Он даже глаза закрыл от изнеможения, Иггельд чувствовал под ногами, как часто-часто колотится драконье сердечко.

Див хмыкнул, шелохнулся, Иггельд увидел между ног гиганта огромную дубину, сделанную из цельного дерева. Черныш, услышав незнакомый звук, открыл один глаз, тут же он у него стал как блюдце, распахнулись уже оба, на спине поднялись пока еще мягкие иглы гребня. Из горла вырвался предостерегающий рык. Див что-то проворчал, Черныш зарычал громче.

Иггельд сказал торопливо:

— Мы не враги!.. Мы сейчас уйдем... Переведем дух и уйдем!

Рычание Черныша стало угрожающим. Он косил одним глазом на папочку, показывая, что вовсе не боится этого огромного и лохматого, вот сейчас бросился бы и разорвал в клочья, как барана, вот только папа не позволяет..

Див проворчал громче, огромные мускулистые руки, каждая толще, чем бедро взрослого мужчины, сжали дубину крепче. Иггельд в страхе вскинул руки, взрослый дракон справился бы с горным дивом, но для молодого это чересчур, а если этот див просто стукнет дубиной по нежному пока что носу, дракон ошалев от боли, запомнит и будет пугаться любой тени.

— Нам нечего делить! — крикнул ему Иггельд. — Мы сейчас уходим!

Див проворчал еще громче, Иггельд с облегчением разобрал хриплые рычащие слова:

— Тогда ухо...дите... Здесь охочусь я...

Черныш, осмелев, зарычал во весь голос. Если без драки, то можно сделать вид, что вот прямо сейчас он ринулся бы на этого верзилу и разорвал бы на мелкие кусочки, если его не удержит... папочка, держи меня крепче!..

Див нахмурился, проревел зло:

— Он что... всегда... такой?

— Какой? — переспросил Иггельд с невероятным облегчением: если есть разговор, то уже не до драки, надо только говорить и говорить, а чем дольше говоришь, тем меньше желания начинать, так бывает даже у мальчишек, а взрослые должны быть еще умнее...

Див рыкнул:

— Хитрый.

— Он же совсем ребенок, — сказал торопливо Иггельд.

— Да?.. Ну, этот ребенок когда-то вырастет...

С каждым словом див произносил слова все отчетливее, Иггельду даже почудилось, что и во взгляде исподлобья появляется больше от человека, вытесняя звериное.

— Он таким и останется, — сказал Иггельд уже почти без страха. — В смысле, недрачливым. А это просто хорохорится. Драться он не любит. Ну мы пойдем, хорошо?

Див буркнул:

— Да ладно, отдохните еще. Его ж трясет...

Он поднялся во весь громадный рост, настоящая скала из костей и тугого мяса, рука подняла дубину — ствол столетнего дуба, сердце Иггельда остановилось, но див забросил дубину на плечо, повернулся и неторопливо двинулся по ущелью.

Черныш отдышался, Иггельд занял место на загривке, за спиной знакомо зашелестело, он оглянулся на медленно распускающиеся крылья, толчок едва не свернул шею: Черныш понесся быстрыми прыжками, с силой оттолкнулся и расправил крылья во всю ширь.

Тугие струи воздуха поддерживали, передавали из одних гигантских ладоней в другие ладони, покачивая по пути, Черныш некоторое время шел по ущелью, показывая, что никто здесь не боится: ни дивов, ни страшных застывших скал, похожих на злых зверей, сам грозно храпел и пробовал выпустить огонь из пасти, но пока что выплескивался просто горячий воздух.

Потом Иггельд издали рассмотрел темный шар воздуха на выходе из ущелья, заставил Черныша спуститься до самой земли, поднырнули, польстив самолюбию могущественного демона вихрей. Черныш что-то ощутил, но Иггельд разгова-

ривал с ним громко и все время отдавал команды, которые выполнять Чернышу самому интересно, и так они вылетели на простор. Иггельд перевел дыхание, а Черныш уже радостно завизжал: крупное стадо туров неспешно движется к лесу.

— Можно, — сказал Иггельд. — Если дотащишь до нашей пещеры, то завалим даже двух.

Дотащу, заорал Черныш молча, он повернул и часто-часто заработал крыльями.

Апоница прибыл усталый, через узкое место опять переносил вьюки на себе, молча сложил перед пещерой, на благодарности отмахнулся: не от себя, дракозники собрали, жалуют, а сам трижды обошел вокруг дракона. Брови его поднимались все выше. Иггельд перехватил недоумевающий взгляд старшего зрителя, но Апоница ничего не сказал. Лишь когда отошли в сторону, Апоница спросил напряженно:

— Я вообще не понимаю, как будешь управляться с ним дальше. Сейчас — да, вы оба все еще два щенка. Два игривых беспечных щенка-балбеса. Для вас самое серьезное занятие — ловить собственный хвост. Но твой дракон взрослеет! А это все-таки дракон, дорогой Иггельд. Не кошечка, что с человеком не справится, потому и не задирается.

Иггельд пробормотал:

— У меня другие методы.

— Да знаю твои методы! Они действуют... пока еще. Но дальше? Самое надежное — вбитый штырь. Боль — это рычаг, которым заставляешь подчиняться любого сильного и хищного зверя. Можно, конечно, использовать систему веревок, ведь со штырем уже опоздали, но веревки... гм... сложно и ненадежно. В полете трудно рассчитать, с какой силой какую надо потянуть, за какую дернуть, а какой дать провиснуть.

Иггельд помялся, лицо было смущенным. Апоница смотрел требовательно, Иггельд сказал наконец:

— Я исходил из того, что мы — друзья. Другьям не требуются шпоры или хлыст. Сколько бы мы ни говорили про коней как про верных друзей, но все-таки кони — верные по-

мошники, а не друзья. А вот собака — друг. Помощниками управляем удилами, хлыстом, шпорами, а другу достаточно сказать слово... Мой Черныш, как и собака, — не раб, не помощник, а друг. Он слушается меня, потому что любит меня. Он помнит, что я носил его на руках, согревал, поил теплым молоком, сам жевал сырое мясо, а потом совал в его крошечный беззубый рот... Я для него — папа, хотя он уже побольше меня.

Апоница невольно оглянулся на эту гору-сыночка. Зябко передернул плечами.

— Да уж, — признал он. — Если уж побольше, то побольше. Но то, что делаешь ты, смертельный риск. Я могу принести дурман-травы, даже помогу вживить штырь. Поболеет не больше недели, он у тебя на диво живучий.

Иггельд покачал головой.

— Я лучше пойду на риск.

Апоница нахмурился.

— Понимаешь... — сказал он нерешительно, — я тебе ве-рю, но это я... С драконами я имею дело вот уже сорок лет, к тому же помню, что мне рассказывали отец и дед, а они были лучшими в разведении драконов. Они говорили дивные вещи! Да, насчет того, как быстро драконы приспособляются, как легко вывести новую породу... Другие считают иначе. Словом, я просто тебя предупреждаю, что с драконом, который не... безопасен, тебя в город не впустят. Такой вольный дракон очень уж пугающее зрелище. Скажи, ты хоть раз видел обыкновенного коня, чтобы без удил? Ведь если снимают уздечку, то обязательно привязывают к коновязи. Если в степи, то даже верному вроде бы коню спутывают ноги, чтобы не убежал!.. А тут дракон, на котором ни узды, ни штыря боли!

Иггельд сказал несчастным голосом:

— Но ты же не испугался?

— То я, — повторил Апоница. — Я тоже немного сумасшедший. Но у других нет ни сумасшедшести, ни такого знания драконов. Любой убоится, когда увидит твоего зверя.

Иггельд подумал, сказал:

— Коня — да, привязывают. А собаку?

Апоница покачал головой.

— Собаку... Собак тоже привязывают в чужих местах. Не потому, что убежит, собака хозяину верна, но чтобы народ не распугивать.

— Тогда мне суждено жить вне людных мест, — ответил Иггельд кратко.

— А проживешь?

— Сейчас же как-то живу?

Апоница проглотил слово, что уже вертелось на языке, пожал плечами, смолчал.

Черныш тогда еще со второй попытки научился справляться с ветром, использовать, садился, сперва хоть и трепещущий от ужаса, но уже без риска разбиться о каменные стены, а потом и вовсе привык, ветер перестал замечать, просто использовал его, как дети используют снежную горку. Горка хоть и мешает, закрывая вид из окна родного дома, зато можно покататься. Черныш быстро усвоил, что чем сильнее встречный ветер, тем круче и стремительнее получается взлет.

Иггельд с высоты орлиного полета осматривал такие измельчавшие горы, в груди долгое время растекался холодок сладкого ужаса. Черныш в потоках воздуха то приподнимался, то опускался так резко, словно до этого шел по твердой земле, а потом вдруг в пропасть, раскачивался из стороны в сторону, с боку на бок, приходилось приучать себя сидеть неподвижно, не пытаться помочь молодому дракону удерживать равновесие, не перегибаться на противоположную сторону, как страстно хотелось.

Через пару недель осмотрел Черныша, дал отдохнуть, покормил, сказал:

— Пора кое-кому утереть нос! Как ты думаешь?

Черныш преданно смотрел в глаза и скреб каменную землю шипастым хвостом. Иггельд уселся на спину, теперь там всегда наготове широкий непродуваемый плащ из кожи для защиты от встречного ветра, Черныш дождался разрешения, лапы с силой оттолкнулись от земли. Если навстречу

ветру, то хватало одного сильного прыжка вверх, и тут же надо растопыривать крылья, ветер тут же сдуру подхватывает, не понимая, что им этого и надо.

Город Драконов лежал намного ниже, Черныш послушно шел над вершинами гор, посматривал с недоумением на папочку, но тот всякий раз указывал направление, в котором ничего интересного не было. Зато вскоре показались зеленая долина, множество домов, темные ямы котлованов, Черныш тут же заинтересовался, вытянул шею.

— Правильно, — похвалил Иггельд. — Именно туда и летим. Ты у меня умница, глазастенький.

Сердце стучало, он не верил глазам: оказывается, долина, а в ней и Город Драконов, совсем рядом, а он как долго добирался, едва не замерз по дороге, помял Чернышика за пазухой! Да и Апоница всякий раз добирается к нему с огромным трудом, лошади едва не падают. Как все близко для тех, у кого крылья...

Он колебался: с драконами надо на восточную часть долины, где котлованы. Всякий наездник опускается к своему дракону в котлован, садится в седло, проверяет, насколько дракон слушается команд, затем дает знак работникам, те начинают крутить огромные колеса. Металлическая сетка неспешно отодвигается, наездник дает команду дракону взлетать. И возвращаются всегда снова в этот же котлован. Тут же накрывают сеткой, наездник покидает своего зверя уже в корзине.

— А, ладно, — решил он вслух. — У нас нет своего котлована, а в чужой не полезем! И... вообще! Ты не их дракон, а мой. Не нравится, тут же уйдем.

Народ привычно задирает головы, когда пронеслась широкая тень дракона, начал разбегаться. Иггельд направил дракона прямо на городскую площадь. Крылья взметнули ветер и облачко пыли, когти скрежетнули по камням. Черныш не лег, а стоял, гордо и настороженно оглядываясь по сторонам. Красиво вырезанные ноздри часто-часто раздувались, схлапывались, маленькие уши подрагивали, глаза возбужденно блестели — столько народу еще не видел, такие запахи еще не слышал.

Народ пугливо прятался за домами и в дома, он слышал, как с лязгом захлопывают на запоры двери. Из дома берича Теодорика вышел высокий рослый человек, Иггельд узнал его сразу. Ратша ничуть не изменился, только стал заметно меньше ростом, в короткорукавной кольчуге, на поясе блистали металлическими бляшками ножны широкого меча.

— Иггельд, — проговорил он издали, негромкий голос гулко прокатился по затихшей площади. — Апоница много о тебе рассказывал... Так это и есть твой заморыш? В прошлый раз он был совсем крохотным.

— Погляди, какой заморыш, — предложил Иггельд с обидой. — Сладишь ли?

Ратша без страха рассматривал дракона. Тот по незаметному для других движению руки Иггельда сел на зад, в такой позе грудь особенно широка, могуча, а передние лапы — толстые и крепкие, как колонны, поддерживающие своды дворцов.

— Да, — сказал наконец Ратша, — я не наездник и не смотритель, но скажу, что это боевой дракон!.. Он весь из мускулов. Его пустить против вражеского войска — половину перебьет сразу.

Иггельд поморщился.

— Ты воин, — ответил он как можно уклончивее, — а я нет.

— Но дракон боевой, — заявил Ратша уверенно. — Не опасно его так?

— Он спит рядом и ест со мной из одной миски, — возразил Иггельд. — Как он может быть опасен?

— Кто знает, что у него на уме, — пробормотал Ратша. — Вон какая пасть... такой если хватит...

— Ты его сам скореехватишь, — сказал Иггельд. Он нервно оглядывался. — Черныш, сидеть!.. Что они все прячутся?

Ратша оскалил зубы. Взгляд твердый, но по-прежнему дружелюбный, смеющийся.

— Иггельд, Иггельд... Даже не замечаешь, как ты вырос!.. А изменился? Раньше и ты бы спрятался, если бы вот так на площадь дракон... Забыл, где они живут? Не в пещерах, как ты, а в домах.

— Ты же не испугался, — пробормотал Иггельд.

— Я, — усмехнулся Ратша. — Я по свету такое успел по-видать... Но если правду, то испугался и я. Меня и сейчас трясет. Нет, не снаружи, а там, внутри. Но если выкажу страх, то что же тогда остальным?..

— Ратша...

Он махнул рукой.

— Да успокойся, успокойся. Я же понимаю, будь он опасен, ты бы не сел на нем здесь, посреди города. Ты-то человек мирный и не рисковый. Но одно дело знать, другое... гм...

Иггельд сказал внезапно, эта идея только сейчас пришла в голову, безумная, но показалась осуществимой:

— Знаешь, пока Апоницу позовут... он наверняка в котлованах, давай пока летаем?

Ратша смотрел на него пристально.

— Как это? У меня крыльев нет.

— На Черныше, — объяснил Иггельд горячо. — А что? Ты же никогда не видел горы... и город сверху?

Ратша посмотрел на дракона, снова перевел взгляд на него, глаза стали очень серьезными.

— Ты всерьез?

— А почему нет? Ведь на драконах перебрасывали очень важных людей, не слыхал?

Ратша усмехнулся.

— Слыхал. Но я не настолько важный. Впрочем, если ты уверен...

— Уверен, уверен!

Черныш по его знаку послушно опустил на каменную землю пузом. Ратша зашел почти с хвоста, дракон повернул голову и следил за ним настороженно, в глазах вроде бы голодные искорки. Иггельд подал руку, пристегнулся, сказал виновато:

— Извини, не подумал, но тебе надо держаться за меня.

Ратша поинтересовался:

— И что, меня это должно обидеть?

Иггельд двинул пяткой, Черныш поднялся. В самом деле, мелькнула мысль, когда-то он держался за Ратшу, как за де-рево, а сейчас такое, просто неловко... Черныш повернулся,

выбирая место для разбега, здесь нет встречного ветра, да и на спине вдвое тяжелее, пошел мощными скачками, оттолкнулся. По бокам чуть сзади сидящих выросли крылья, развернулись с одновременным мощным хлопком. Ратша охнул, ощутив непривычную тяжесть. Черныш снова и снова сильно бил крыльями, их поднимало выше и выше, простор уже не только сверху, но впереди и по бокам тоже — небо, голубое чистое небо, странно синее, с густой синевой, хотя с земли казалось голубым, воздух непривычно морозный при обжигающих лучах солнца...

Иггельд услышал, как за спиной громко ахнуло. Пальцы Ратши впились ему в пояс, сдавили.

— Это же... как высоко!

— Черныш, — крикнул Иггельд, — хватит карабкаться вверх, голову разобьешь о небо!..

Дракон послушно растопырил крылья. Иггельд чувствовал, не оборачиваясь, что Ракша легонько склоняется то на левый бок, то на правый, рассматривает проплывающие далеко внизу горы. Отсюда Город Драконов и долина выглядят жалким зеленым пятнышком, горы смотрятся оскаленными потемневшими челюстями с неровными, хоть и сверкающе белыми зубами. Отсюда даже виден далекий край гор, там уже зеленеет бесконечный простор равнины, а сами горы легли на ровную зеленую гладь, как исполинская подкова, выгнулись, захватывая часть пространства.

— Страшно, — донесся из-за спины голос. — Страшно... И как здорово! Это же какая красота...

Иггельд спросил с неловкостью:

— Нравится?

— Еще бы. Страшная красота. Подумать только, чего человек лишен... а какие-то вороны...

— Вороны сюда не залетают, — ответил Иггельд с обидой. — Сюда не всякий орел...

— А что орел? Люди, да — орлы! Эх, Иггельд, никто не ждал от тебя такого.

Черныш медленно поворачивался, раскинув крылья. Солнце уже опускалось за край, они видели, как внизу сперва от высоких гор пролегли длинные черные тени, расчерчи-

вая залитый ярким светом мир, потом тени удлиннились, выросли и затопили весь мир тьмой. Там, на земле, уже ночь, а здесь еще сверкающий день, солнце светит ярко, и еще непривычно то, что солнце бьет лучами почти снизу, золотит брюхо дракона, просвечивает пурпуром крылья, зажигает рубиновым огнем глаза.

Ратша за спиной судорожно вздохнул.

— Какая жуткая, нечеловеческая красота... А вы, наездники, такое видите всякий раз!

Иггельд сказал с неловкостью:

— Ну, не всякий... Если только вечером вот так. Да и не всегда небо ясное. Вчера так вообще были тучи.

Он постучал по боку Черныша, тот сделал вид, что не слышал, Иггельд постучал сильнее, требовательнее, послышался вздох, словно Черныш тоже любовался прекрасным зрелищем заката, тела внезапно стали легче. Ратша ахнул и крепче вцепился в пояс Иггельда.

— Это он слишком круто снижается, — торопливо объяснил Иггельд. — Можно бы и по длинной дуге... если бы перевозили беременную тцарицу...

Ратша выдавил ему в затылок:

— Я пока не беременный. И вроде еще не тцарица.

— Тогда терпи, — ответил Иггельд и сам удивился, что так уверенно разговаривает с могучим Ратшей, самым сильным воином их края, идолом мальчишек. — Быстрее будем на месте.

— На каком?

— Откуда прилетели, — ответил Иггельд.

— А-а-а, — протянул Ратша. — А я думал, он несет нас в драконье гнездо. Как добычу.

Иггельд раскрыл рот, чтобы объяснять, спорить, доказывать, бороться с невежеством, захлопнул, догадавшись, хоть и не сразу, что воин так шутит, а у него, у Иггельда, с пониманием шуток всегда происходит что-то не так. Не так понимает или не понимает вовсе.

Горы разрастались, раздвигались, уже не видно далекой зелени, горы от края мира и до края, вон наконец знакомый хребет, вершины поднимаются навстречу падающему драко-

ну... ну не падающему, но крылья подобрал почти наполовину, проваливается сквозь бьющий снизу ветер, так тонет большой плоский камень: не мчится вниз, а идет медленно, плавно, покачиваясь из стороны в сторону.

Иггельд предостерегающе постучал по спине — не увлекайся, чувствовал за спиной сдавленное дыхание Ратши, да и у самого сердце почти остановилось. Черныш наконец начал выдвигать крылья шире, еще шире, ветер снизу становился все тише, наконец Черныш поплыл на растопыренных парусах, ветра уже нет, желудки опустились на место.

И все равно зеленая долина выглядела маленькой и жалкой в сравнении с грозным величием холодных гор. Домики совсем крохотные, ямки котлованов едва заметные в полутьме, а освещенные дома выглядят отсюда как слабые светлячки.

Черныш сделал полный круг, выбирая место для посадки. На площади находился только один человек, он сидел на пустой опрокинутой бочке, а когда Черныш снизился, из-за домов вышли еще люди, их лиц Иггельд в полутьме не рассмотрел: Черныш закрыл крыльями. Ветер теперь в лицо, затем спина вздыбилась, Ратша охнул и крепче ухватился за Иггельда, это Черныш опустился на зад, но не проехался, обдирая еще мягкую плоть, а как прилип, крылья с сухим треском потянулись на спину.

Ратша шумно выдохнул, Иггельд расстегивал ремни, руки почему-то дрожали. Ратша исчез, а когда Иггельд соскользнул по гладкому боку на землю, Ратша уже без всякой боязни стоял почти у самой морды Черныша. Подошел Апоница, хлопнул Ратшу по плечу.

— С посвящением!.. Раньше не летал?

— Только с ложа на пол, — признался Ратша.

— Ну и как, понравилось?

— С ложа на пол?

Оба рассмеялись, подошли Шварн и Чудин. Поздравили Ратшу, тот поворачивался гордый, указал на подошедшего Иггельда:

— Вы хоть узнаете в нем того заморыша, что унес за пазу-

хой другого заморыша?.. Признаете дохликов, что ушли умирать в горы?

Апоница внимательно всматривался в Иггельда, сказал торопливо:

— Пойдемте ко мне в дом. Как я понимаю, ты готов отдать его в котлован...

Иггельд ахнул, что его так поняли, отшатнулся, прокричал:

— Да как же... да ни за что! Апоница, как ты мог... Как мог на меня такое?.. Да чтоб я друга в темницу?

Он задохнулся от возмущения, грудь ходила ходуном, разводил руками, не мог отыскать слов, только побагровел, кончики ушей вспыхнули. Апоница смотрел пристально, наконец тяжело вздохнул, уронил взгляд.

— Ладно, прости... Истолковал так, как будто ты... уже не совсем сумасшедший. Ладно, что будет, то будет. А чего не будет, того и не будет. Пусть этот летающий... заночует в моем дворе. Ничего не разрушит?.. Ладно, даже если и разрушит. Пойдем, здесь все-таки городская площадь. И хотя город существует благодаря драконам, но все же... порядки все ужесточаются.

— Черныш, — сказал Иггельд. — За мной!

Он видел, как все четверо напрягаются, как деревенеют лица, а улыбки застывают, когда горячее дыхание из нависающей над ними пасти дракона развеивает волосы. Черныш добросовестно шел следом, очень близко шел, желая быть в стае всемогущих людей, гордый тем, что приняли, что тоже с ними, и только жаль, что другие драконы не видят, что он идет, тоже человек, вместе со всеми.

Во дворе Апоницы сперва пришлось загнать в сарай трех свиней, увести коня и шугнуть кур. Черныш лег возле колодца, голова с вытарашенными глазами оказалась возле ведра. Апоница вздохнул, но ничего не сказал, широким жестом пригласил всех в дом.

Уже на крыльце оглянулся, спросил с глубоко упрямным беспокойством:

— А его не надо привязывать... хотя бы к коновязи?

— К коновязи?

— Да, это глупо, он и всю конюшню на себе утащит, но хотя бы... чтобы он видел?

Иггельд сказал с упреком, хотя раздувался от гордости:

— Посмотрите на него! Разве похоже, что он собирается убежать?

Черныш приподнял голову, видя, как все четверо рассматривают его с крыльца. Хвост заскреб по земле, а голова приподнялась. Иггельд увидел, что дракон готов сорваться с места, уверенный, что с ним хотят играть, крикнул поспешно:

— Лежать!.. Сторожи!

Черныш замер, на морде готовность не пропустить никого во двор, бдиль и не пущать, Апоница вздохнул:

— А что он сторожит? И от кого?.. Ладно, постараюсь предупредить всех домашних, чтобы ни под каким предлогом не выходили.

ГЛАВА 7

В просторном доме Апоницы собрались в самой большой комнате, он устроил настоящий пир: велел сестре, что жила в его доме взамен давно умершей жены, достать из подвала острый вантыйский сыр, мясо молодого теленка, отваренное в редких травах, что придавали особый пряный вкус давно привычному мясу, на столе появился и кувшин вина, но Иггельд, как с неудовольствием заметил Апоница, ел драгоценное мясо так же безучастно, как и обычное, а сыр глотал, не смакуя и даже не разжевывая.

Да что это я, спохватился он, я уже постарел, по-настоящему постарел, стал ценить вкусную еду и питье, а этот молодой и горячий пока не знает и не ищет удовольствия во вкусной еде, для него высшая радость — драконы! А для меня... разве не так?

В просторной комнате один светильник горел у дверей, другой на столе, оба давали слабый оранжевый свет, зато в широкое окно смотрела огромная полная луна и заливала комнату ярким светом ночного солнца. Светильник же под-

свечивал лица снизу, делая их странными и незнакомыми, по стенам двигались широкие пугающие тени.

Ратша толкнул впавшего в раздумья хозяина.

— Не спи за столом!

Апоница вздрогнул, на него смотрели с улыбками, со всех сторон блестели молодые здоровые зубы, слышался стук ножей, отделяющих куски мяса и сыра.

— Я думаю, — огрызнулся он. — Это вы еще не думаете, а... как молодые драконы!

— А старые? — спросил Шварн хитренько.

— Старые драконы уже думают, — отрезал Апоница с достоинством. — На то они и старые. Я вот что думаю, Иггельд... Ты сделал великое дело. По-настоящему великое. Жаль только, что никто тебя не поддержит.

Все насторожились, Шварн спросил с непониманием:

— В чем?

— В новых методах, — отрезал Апоница. — Вы что, не заметили? Это же не просто чудачество. Иггельд сумел воспитать... вылепить, создать!.. не дракона-раба, как у нас, не дракона-помощника. У него это друг, что за косой взгляд на хозяина раздерет нас всех в клочья!

Ратша зябко повел плечами, вздрогнул.

— Да, — признался он, — ты в самую точку! Эта зверюга все время смотрит то на него, то на всех нас и как бы умоляет: ну попробуйте толкнуть моего хозяина или замахнитесь, ну сделайте что-нибудь такое, чтобы я получил право показать хозяину, как я его люблю!.. Представляю, как бы он доказывал. И подошвы бы не выплюнул!

Иггельд смутился, жалко покраснел, запротестовал:

— Да что вы такое на него говорите! Он же такой умный!

Он не понял, почему все переглянулись, Ратша сказал довольно:

— Ага, даже не сказал, что у него зверь покорный или хотя бы послушный!.. Он сам не считает его рабом, заметили? Говорит о нем, как... об Апонице!

Все заулыбались, Апоница оставался серьезным, кивнул:

— Ты прав, Ратша. Хоть и кичишься, что знаток только

воинского дела, но пожил с нами, многое понял лучше, чем мы, ибо смотришь со стороны.

Лунный свет померк, в комнате стало намного темнее. Ратша охнул, сдавленно выругался. Перед окном, заслоняя весь проем, поднималась огромная блестящая в лунном свете глыба. Искры рассыпались на чуть изогнутых металлических пластинках, искрились на двух толстых выступах, из-под которых страшным огнем горящих углей полыхали пурпурно-красные глаза. Ниже на сильно выдвинутом широком уступе из двух красиво вырезанных ноздрей шел легкий синеватый дымок. Пасть приоткрылась, грозно блеснули огромные зубы, вспыхнул жарким огнем высунутый язык, совсем уж жутко смотрелась уходящая вглубь глотка.

Иггельд сказал смущенно:

— Да что это он такой любопытный... Простите, я сейчас!

Он вскочил, едва не опрокинул стол, Ратша едва успел поймать подпрыгнувший кувшин, бросился к окну. Все видели, как после короткого жеста дракон отступил, а по второму лег и даже опустил голову на лапы.

Иггельд вернулся, сказал с раскаянием:

— Моя вина, я только велел не покидать двор. Сейчас все в порядке. Он не поднимется.

Ратша спросил с недоверием:

— Даже если буду водить перед его мордищей теленка?

— Да хоть свинью, — ответил Иггельд. Наткнувшись на непонимающий взгляд, объяснил: — Он очень любит сало. Настоящий куяв!..

— И ничего?

— Как ничего? Быстрее наедается.

Апоница подошел к окну, Иггельд видел только худую согбенную спину, но и по ней видел, с каким напряженным вниманием старый смотритель драконов всматривается в Черныша. И сам, вспоминая внешность своего перепончатого друга, представил себе то, что видит Апоница: постоянные и все увеличивающиеся нагрузки сделали из простого дракона нечто чудовищное: весь в броне, под которой тугие мышцы, могучие крылья, широкая голова с высоким умным

лбом и широко расставленные глаза под надбровными выступами...

— Ждет, — проронил Апоница, не оборачиваясь. — Он в самом деле тебе предан, Иггельд. Это видно, с какой надеждой он смотрит на дверь. Ждет, когда же ты, самый замечательный, осчастливишь его появлением...

— Он уже пробует огнем, — сказал Иггельд гордо. Добавил поспешно: — Правда, еще не получается... но горячий воздух уже выдыхает.

Апоница медленно повернулся, оперся костлявым задом о широкий подоконник.

— Это я ощутил... — заметил он. — Только не поверил. Думал, со страху.

— Со страху? — не поверил Иггельд.

— А что не так?

Иггельд проямлил в неловкости:

— Я просто не верю, что вы... чего-то боитесь. Я вас чаще видел на спинах драконов, чем на улице.

Апоница усмехнулся.

— Лучше поверь. Бесстрашные наездники гибнут быстро. Даже осторожные гибнут, сам знаешь. А тут иду, как дурак, это чудовище дышит за спиной прямо в затылок... А я иду, стыдно показать, что трушу, когда вы все идете, такие стойкие.

Ратша покрутил головой, признался со смешком:

— Если честно, то я все равно трусил. И когда летал, и когда эта зверюга топала за спиной.

Шварн и Чудин переглянулись, оба сказали почти в один голос:

— И я боялся...

— И я трусил...

Иггельд сказал обиженно:

— Вы чего? Он у меня такая застенчивая лягушечка!.. Тихий такой, мухи не тронет. Зачем обижаете?

Шварн переспросил с недоверием:

— Но как может пробовать огнем? Это же еще сколько лет, пока...

Ратша ответил вместо Иггельда:

— Дети героев взрослеют рано.

Апоница кивнул, глаза странно мерцали.

— Прочишь в герои? Впрочем, ты прав. В таких жутких условиях оставалось только умереть или стать героем.

Шварн тоже подошел к окну, долго рассматривал Черныша, повернулся с завистливым вздохом.

— Великолепен. Ничего не скажешь! Это не тот заморыш, которого надо было умертвить. Это же скала с крыльями, а не дракон. Куда там, если правду сказать, всем нашим котлованным драконам! Признавайся, гад, какие у тебя секреты?

Иггельд вздохнул: одни и те же вопросы, одни и те же ответы, скорее надо учиться просто отгавкиваться или посыпать к черту. Ведь ясно же, что весь мир шагает не в ногу, только один он верно, так это надо еще и объяснить!

— Я не общаюсь с ним раз в неделю, — ответил он заученно. — С этим я...

— Дружишь?

Иггельд вымученно улыбнулся.

— А почему с таким недоверием? Да, я считаю, что именно дружу. И он все еще считает меня старшим другом. Он подчиняется мне не как конь или вол, а как... скажем, пес. Мы с ним постоянно летаем, охотимся. У него крылья впятеро сильнее, чем у ваших драконов, которых выпускают полетать раз в две недели. Даже когда нам незачем летать, мы летаем. Я заставляю его подниматься настолько высоко, что у нас обоих кровь из ноздрей, заставляю догонять мои стрелы, я взваливаю ему на спину целые скалы, и мы летаем так над горами...

— И он все это терпит?

Иггельд развел руками.

— Ему самому это нравится. Понимаешь, я его каждый раз хвалю, восторгаюсь, какой он сильный, какой быстрый, как высоко или далеко летает... а он из кожи вон лезет, чтобы удивить меня еще больше... Ну, ладно, нам пора! Спасибо, Апоница...

Апоница удивился:

— За что?

— Что предоставил двор, — ответил Иггельд серьезно.

— Для хвастовства, — пояснил Шварн ехидно.

— Для бахвальства, — уточнил Чудин еще ехиднее. Засмеялся: — Да ладно тебе, Иггельд! Не видишь разве, мы просто завидуем. И даже не скрываем, все равно такое не скроешь. Ты нас повозил мордами по земле, повозил... Завтра о твоём драконе заговорит весь город.

— Этого я и хочу, — ответил Иггельд очень серьезно. — Может быть, старшие смотрители поймут и тоже станут...

Ратша поднялся, прогудел могучим голосом:

— Это ты взлетел слишком высоко. Пойдем, я проведу тебя. Похоже, там за воротами уже собирается толпа! Нет, не с цветами... Готовы разорвать и тебя с драконом, и Апоницу. За что?.. Люди всего боятся, Иггельд. Мы вот тоже боялись, теперь видим, что у тебя нет никакого дракона, а там во дворе сидит и лижет лапку просто тихий зайчик. Большой только зайчик. С крылышками, как воробышек. Но, думаю, тебе все же запретят прилетать сюда. У тебя ж нет штыря боли... в смысле, у твоего зайчика нет. Здесь уже забыли, с чего начинался наш Город Драконов, все давно обзавелись семьями, стали сытыми и берегущими свою сытость. Народ быстро привыкает к безопасности, Иггельд!.. И чтобы оправдаться в трусости, в стремлении вкусно есть и мягко спать, всегда ссылаются на семьи, детей. Мол, я бы на любые подвиги, но жена, дети, огород, корова... Они и тебе бы такой штырь вставили, чтобы управлять. Неуправляемые люди необходимы, чтобы державе выжить, но крайне неудобны для общения, для соседей...

Они гурьбой вышли на крыльцо. Черныш не выдержал, вскочил и, не сходя с места, с такой страстью потянулся к горячо любимому папочке, такой любовью и преданностью загорелись глаза на выразительной морде, что Ратша хлопнул себя по бедрам:

— Меня бы так кто встречал!.. Про жену молчу, хоть бы жена соседа... Эх, Иггельд, ну почему тебе так повезло? Почему я тогда не отнял у тебя того заморыша и сам не пошел в горы?

Гора в лучах утреннего солнца раскалилась так, что превратилась в сверкающий слиток, выхватываемый клещами из горна, но свирепый встречный ветер заледенил грудь и ососул горло. Иггельд закрыл рот толстым шарфом: так дыхание задерживается, хоть чуточку сохраняет тепло. Черныш распахнул крылья, развернув их, как паруса, навстречу ветру. Внизу показалась крохотная площадка среди россыпи острых камней, а рядом обрыв, опасно, бедный Черныш еще не обучен садиться вот на такое...

Он не успел додумать, площадка надвигалась слишком быстро. Черныш выставил сильные лапы, чуть откинулся всем корпусом, гася скорость о встречный ветер, в последний миг успел повернуться, Иггельд ощутил толчок, дракон побежал, быстро-быстро перебирая лапами; замер.

Иггельд посмотрел через голову Черныша и похолодел. Они оказались на самом краю обрыва. Дракон, конечно, может сорваться с обрыва, распахнуть крылья и взлететь, но только не из этой щели, где сразу обломает крылья, а его окровавленная туша долго будет падать в пропасть, как и он, Иггельд...

Черныш лег, распластался на камне. Дыхание из него вырывалось горячее, уже почти с огнем, вот-вот, иногда даже получается, но пока Черныш сам не понимает, почему иногда дым, иногда язычок огня, а в другое время только горячий воздух.

Из-за скалы вышел приземистый, поперек себя шире человек, похожий на подземника, с чудовищно мощными длинными руками, выпуклой грудью и короткими ногами. В легкой кольчуге поверх толстой кожаной безрукавки, кожаные штаны и сапоги из простой кожи, на поясе короткий меч.

Длинные серые волосы падали на плечи, из-за чего голова казалась вросшей в туловище без перехода в шею. Еще издали вскинул руку ладонью к Иггельду.

— Приветствую!.. Ты и есть знаменитый наездник, что научил дракона слушаться без штыря боли?

Иггельд соскользнул по гладкому боку дракона на землю, с каждым годом скользить приходится дольше, тоже вскинул ладонь.

— Благородный Озбириш, меня зовут Иггельд, а это мой друг по имени Черныш. Мы прибыли по твоему зову.

Озбириш, не приближаясь, рассматривал Черныша, в глазах сильнейшее удивление.

— Я не верил, что эта ящерица уже в состоянии так летать! Тем более сесть на таком уступчике.

— Потому встреча назначена здесь?

— Да, — ответил Озбириш откровенно. — Почему бы сразу не отсечь брехню от правды?

Он наконец сдвинулся с места, начал медленно обходить Черныша, рассматривая его могучее тело, толстые жилистые лапы, покрытое прочнейшими пластинами тело. Иггельд укороткой посматривал на его спину, лихорадочно прикидывал, что можно успеть выклянчить за такой полет.

Озбириш сейчас глава клана Форсингов, одно время главный смотритель драконов, в недавнем прошлом водил их на знаменитое сражение над Черными Скалами с кланом Синих Молний. Он владел богатыми уделами Апонцами, Низовцами, Верхними Вязами и Омутьем, но вместо того, чтобы наслаждаться красотой и покоем тех мест, чуть не каждую неделю бывал в конюшнях для драконов, где вонь, где ночью можешь проснуться и вскочить в ужасе от дикого рева чудовища, которое прищемило себе хвост или которому просто приснился дурной сон. Или которое просто вздумало пошевелиться, перепутав время суток. Озбириш, вернувшись в племя и заняв опустевшую после отца крепость, драконов не забывал и, владея теперь большими деньгами, щедро жертвовал на постройку новых котлованов, на обучение драконов, на разведение молодняка.

— И что же, — спросил он недоверчиво, — он в самом деле способен перелететь через горы с двумя здоровенными мужчинами на спине?

— Мы уже летали, — скромно ответил Иггельд. — Ратша, есть у нас такой здоровяк, он уж, не обижайтесь, побольше и потяжелее вас...

Озбириш фыркнул.

— Чему обижаться? Я знаю Ратшу, вместе как-то воевали. Не рядом, но я видел его в бою. Хороший воин, надеж-

ный. Звезд с неба не хватает, вождем никогда не станет, но в друзьях такого каждый хочет иметь. Ладно, я заплачу тебе, как платил бы за целый караван с товарами, если сумеешь доставить меня в Чертову Подкову. И, конечно, если сумеешь в тот же день привезти обратно. Берешься?

Иггельд пожал плечами.

— Хоть сейчас.

Озбириш кивнул.

— Я ожидал что-то подобное. Молодые всегда самоуверенны. Но и я готов, всех уже предупредил, что до вечера пусть не ждут. Справишься?

— Садитесь, — ответил Иггельд коротко. — Там второе седло и ремни. Я покажу, как застегиваться.

Озбириш держался хорошо, старый наездник, хотя первое время косился на гладкий загривок дракона. У всех драконов торчит металлический штырь — символ подчинения воле человека. Так ребенок может вести быка за вдетое в ноздрю кольцо, и свирепый бык идет смиренно, нос — самое больное место, а здесь дракон летит как будто сам по себе...

— Уверен, — крикнул он Иггельду в ухо, — что он знает, куда мне надо?

— А разве направление не то?

Заснеженные вершины гор медленно и величаво уплывали назад, а впереди появлялись новые, двигались навстречу, похожие на застывшие торчком льдины с вкраплениями льда. Потом показались главные вершины хребта, Иггельд не стал понуждать Черныша подниматься выше, все равно за этими горами нужно сразу плавно идти вниз, и грозные острые каменные пики, где даже снег не мог зацепиться, быстро прошли почти под самым брюхом дракона. Казалось, стоит ему выпустить поджатые к брюху лапы, заденет за самые верхушки.

По ту сторону горы помельче, пожиже, а затем и холмистая равнина. Показалась узкая синяя извилистая полоска, голос за ухом Иггельда произнес довольноно:

— Да, мы близко... Вон по этой реке чуть ниже по течению... О, вон и Чертова Подкова!

Гордонок в самом деле походил на подкову, форма стран-

ная, но там река сделала тугую петлю, город расположился в этом удобном для защиты месте, разросся, со спины подлетающего дракона видно довольно большую пристань, с десятком просторных лодок и несколько объемных шнеков и ладей. Из ближайших складов к ладьям медленно двигались крохотные людишки с мешками за спиной.

Озбириш недовольно рыкнул:

— Зашевелились!.. Как будто знали, что прилечу. А что делали две недели?.. Товар ждут...

Иггельд старательно выбирает место, где сесть, чтобы и поближе к порту и чтоб не напугать народ. Проблему решил Озбириш, громыхнув над ухом:

— Сажай на пристань!

— Но люди испугаются...

— Вот и хорошо. Пусть видят, что я в любой момент могу вот так, как снег на голову, вздрючить, чтобы шерсть дыбом, и снова за тридевять земель!

Чтобы не пугать народ, они с Чернышом все-таки ушли с пристани, а Озбириш отправился вершить суд и расправу над нерадивыми работниками. Черныш испугался огромного количества воды, до этого близко знал только ручей в пещере и горную речушку, что протекала по краю долины. Иггельд выбрал место, где берег пологий, с чистым крупным песком, чтобы дно хорошо видно, сам вошел до колен, а потом до пояса, долго зазывал трусливого друга, а когда тот в нерешительности прыгал по берегу и отчаянно взывал: выйди оттуда, я боюсь за тебя, рассерженный, вылез и начал тащить его за голову, за лапу, пихал в зад.

На берегу в сторонке собралась толпа. Драконов в этом крае видели только в небе, да и то редко, а здесь живой, настоящий, ревет, лапами перебирает, хвостом стучит, а пасть-то, братцы, пасть какая! И что это он такое вытворяет, что у них за игра...

Иггельд, красный от стыда — снова опозорил, скотина, — заталкивал в воду, шипел сквозь зубы, стараясь сохранить для зрителей улыбку, но Черныш делал вид, что ориен-

тируется не по словам, а по улыбке, лизал его в лицо, подпрыгивал, приглашая играть на берегу повыше и подальше от воды.

Наконец, когда Черныш кое-как уразумел, что родной папочка не настаивает, чтобы он лез в это страшное ведро, а достаточно, чтобы постоял в этом по колено, все-таки сдвинулся, дрожа и приподнимаясь на цыпочки, даже шею вытягивал к небу, чтобы подальше от этого, страшного. Иггельд начал говорить хорошие слова, гладил, что значит — стучал палкой по тем местам, где всегда чешется, потихоньку брызгал водой. Черныш наконец начал потихоньку опускать голову, расслабил окаменевшие мышцы, они перестали вздывать кожу так, словно вот-вот прорвут, как толстые корни деревьев, что, грозно вспучиваясь, выступают из укрывающего землю мха.

А потом Черныш наконец увидел рыбешек. Мелких, жалких, совсем не тех рыбин, что он ловил в ручье. Удивленный, пораженный, он опустил голову к воде и долго всматривался, все еще не веря глазам своим, ведь в большой воде должны быть и рыбы громадные, страшные, жуткие, кусачие, а здесь как-то даже неловко за такую воду, прямо стыдно за нее...

Осмелев чуть, он зарычал тихонько. Вода не ответила, он рыкнул громче, утих опасливо, прислушался и, видя, что вода не отгрызается, в восторге ударил ее лапой. Иггельд прыгнул в сторону, но вода окатила с головы до ног. Черныш возликовал, родитель с ним играет, начал скакать, сперва по мелководью, потом нечаянно забирался все глубже, пока ноги не начали отрываться от земли. Он ощутил неудобство, не понял, страшно удивился, что стал легкий, как бабочка, а тут еще волна прямо в морду, он показал ей зубы, грозно рыкнул, пугая, но на всякий случай поспешил выбраться поближе к берегу.

По течению реза шла посреди реки, хлюпающая бортами, тяжело груженная товаром ладья. Там заметили резвящегося в воде дракона и в панике попытались остановиться, но ладья набрала слишком большую скорость, да еще и течение, ладью старались сдвинуть в сторону, но Черныш уже почти

вылез на берег, стоял по колени в воде, приглашающе двигал хвостом, но весьма резво, там бурлило, словно из-под воды бил могучий родник.

Иггельд помахал рукой, мол, плывите спокойно, Черныш дотянулся до него, сделал вид, что собирается лизнуть в руку, но исхитрился и лизнул в нос. С ладьи что-то прокричали, Иггельд не расслышал, снова помахал рукой, надеясь, что выглядит успокаивающе. Но очень испугались на ладье или не очень, но она все так же двигалась по течению, постепенно замедляя ход, начала поворачивать к пристани, где уже появились люди с причальными канатами в руках.

— Купайся, — сказал Иггельд, — лови рыбу... Черныш, как хорошо... мы с тобой — победители!

Он отошел на несколько шагов, плашмя рухнул в прогретую солнцем траву. Засмотрелся в синее небо с мелкими облачками, совсем не белыми, как их почему-то считают и даже называют, а слегка оранжевыми или желтоватыми, но никогда не белыми...

Рядом затопало, солнце заслонила огромная туша, что вовсе не черная, а с оттенком серо-зеленого. Распахнулась пасть, массивная голова пошла вниз, Иггельд поспешно перевернулся на живот. Черныш осторожно потрогал его лапой, Иггельд сказал сердито:

— Брысь, жаба!.. Брысь под корягу!..

Черныш лизнул его в затылок, но это не так интересно, Иггельд услышал, как над головой фыркнуло, топот начал удаляться, снова захлюпала вода. Щека лежит на теплой, прогретой, как подушка, земле, перед глазами на фоне синего неба слегка колеблется трубчатая травинка, по ней поползло нечто огромное, ужасное, с металлическим отливом на горбатой спине... а сама травинка не травинка, а огромное дерево, только не дерево, а нечто волшебное, огромное, неведомое, созданное огромными всемогущими богами, глаз ухватил движение внутри этой огромной трубы, солнце просвечивает толстые стены насквозь, из-за чего они как полупрозрачный изумруд, внутри тоже двигаются тени, сгущения, призраки, привидения, дивные лесные и древесные чудовища...

Стебель, чтобы не переломиться от собственной чудовищной тяжести и выстоять против ураганов, скреплен через равные промежутки толстыми кольцами, они наполовину утоплены в стены исполинской трубы, наполовину выступают валиками, из-за них труба поднимается не строго ровно, а коленами, с небольшими изгибами.

Он повернул голову, возвращаясь из колдовского мира в свой, где эти чудовищно огромные трубы волшебных деревьев всего лишь травинки, а он лежит бесцельно и бездумно, ожидая, пока Озбириш закончит свои дела, вот совсем близко мелкие остро пахнущие цветочки, с них поднимаются и ползут по небу растрепанные белые облачка, вот движется по ромашке чудовищно огромный, раза в три крупнее Черныша, жук с металлическими надкрыльями, сейчас переберется на облачко и поедет, погрузив когтистые и крючковатые лапы в белый пух, как в снег... нет, опять он едва не провалился в колдовской мир, облака очень далеко, а жук — близко...

Потом плеск прекратился, рядом затопало, на миг все застыло, на Иггельда обрушился дождь мелких капелек, это Черныш отряхнулся, тут же рядом вздрогнула земля. Он открыл один глаз, рядом тяжело вздувается огромный, блестящий от воды бок, чешуйки то раздвигаются, на миг становится видно нежное розовое мясо, то сдвигаются, задевая одна другую, Иггельд даже слышал хруст, переходящий в стрекочущий шорох.

Он отвернулся от дракона, вытянулся, разомлевший на солнце, задремал. Когда открыл глаза, в небе все так же кричат птицы, мелкая букашка тихонько стрекочет над ухом, в реке целыми стенами взлетает вода выше деревьев на берегу, мощные удары распугивают зверей в лесу, а оглушенная рыба всплывает кверху белым брюхом... Наверняка внизу по течению ее спешно хватают птицы, выдры и прочие мелкие звери. Он скосил глаз, лень даже повернуть голову, посреди реки страшно кипит вода, а посреди всей этой жути прыгает черный дракон, орет, глушит рыбу лапами, хвостом, крыльями, хватает пастью, плюется, а его хозяин лежит на берегу, греется, как кот на солнышке.

Сбоку и сверху надвинулась тень, густой голос пробасил с добродушной насмешкой:

— Что это он у тебя такой?

Иггельд открыл один глаз, прищурился от солнца, явно задремал, спросил непонимающе:

— Какой?.. Да играется просто. Ребенок ведь...

Озбириш покачал головой. Ребенок перекрыл все движение по реке, вверху и внизу придерживают ладьи и грузенные шнеки, смотрят со страхом. Да и рыбы той — что собаке муха.

Черныш увидел возле родителя чужого, мигом выскочил, вытащив на себе массу воды, что, стекая обратно, размывла на берегу целый овраг, подбежал, в глазах любопытство и недоверие. Озбириш чуть побледнел, сказал заискивающим голосом:

— Мы с тобой уже друзья, правда?.. Уже знакомы, я свой...

Иггельд встал, потянулся.

— С делами закончили?.. Обрати?.. Черныш, лежать!.. Ну и что, если мокрый?.. В полете высохнешь.

Черныш с неохотой лег, оглядывался на такую, оказывається, восхитительную реку, пока по нему поднимались, соскальзывали, усаживались, что-то там привязывали, натягивали. Потом он услышал знакомый толчок, но еще раньше уловил нечто побуждающее встать и начать разбег для взлета.

Озбириш выждал, когда тяжесть отпустила, крикнул Иггельду в затылок:

— Все уладил!.. У них были, как они считают, уважительные причины, лодыри... Ладно, я со всеми разобрался. Да и кланяться теперь будут ниже... Подумать только, на драконе прилетел!.. Раньше только тцаров так возили...

Иггельд усмехнулся: в самом деле, одно дело — сами наездники, они такие же воины, как и пешие или всадники на конях, но чтобы вот так перевозить человека с места на место — это позволялось только тцару или тем, кого он пошлет. А он, Иггельд, не состоит на службе, он не выращивал своего дракончика на деньги тцара или какого-нибудь клана, так что он с ним свободен. И волен зарабатывать так, как изволит.

ГЛАВА 8

Озбириш велел садиться прямо во дворе его исполинского поместья, Иггельд поколебался, но если что не так, отвечает Озбириш, направил Черныша на середину подворья. Народ разбежался с криками, заметались всполошенные куры. Озбириш слез, крикнул довольно, велел:

— Жди, я мигом!

Он сам вынес мешочек с золотыми монетами, пожелал удачи. Черныш проводил голодными глазами толстую свинью, что металась в загородке, шумно вздохнул, опалив ноги Озбириша горячим воздухом.

— Если понадобится, — сказал Иггельд, принимая деньги, — только свистните!

— Еще как понадобится, — ответил Озбириш.

— Спасибо!

— Эт тебе спасибо. И что такого дракона вырастил, и что сам... тоже ниче вырос.

Черныш прыгнул в воздух, бодрый и свежий, будто вовсе не летал только что с двумя всадниками почти на другой конец Куявии. Засвистел встречный воздух, крылья шлепали часто, с каждым толчком тело тяжелело, на земле все уменьшилось, потом вдали показались горы, медленно поплыли навстречу, а потом появились и знакомые пики, за которыми укрывается самая высокогорная из долин.

Черныш красиво сделал полукруг, зашел против ветра и опустил прямо напротив пещеры, не пробежав и шага, все четыре лапы как будто прилипли к земле. Крылья медленно стягивались на спину, он гордо и настороженно осматривался, красиво вырезанные ноздри раздувались и схлопывались, ловили запахи, определяя: не было ли за время отсутствия чужих?

Иггельд не отпустил, внимательно осмотрел, даже распахнул ему пасть и посмотрел язык. Черныш дышал учащенно, бока ходят ходуном, язык высунул, ноги стоят ровно, глаза открыты широко, нос влажный, а когда с горы с легким шумом покатился камешек, тут же повернул голову и посмотрел в ту сторону.

Здоров, подумал он с облегчением. Заболевший или сильно утомленный дракон сразу бы лег, закрыл глаза. Нос сразу же стал бы сухим и горячим.

— Сегодня ты молодец, — сказал он искренне. — Мы работали себе еды на полгода, а главное — показали себя! Иди сюда, свиненок, почищу уши.

Черныш в восторге взвизгнул, брякнулся на землю так поспешно, что та загудела, вытянул шею, уместив морду на коленях папочки, и в ожидании неземного блаженства закрыл глаза. Больше всего он обожал, как и все драконы, чтобы ему чистили уши. Но другим драконам это почти не выпадало, зато Чернышу везло сказочно: Иггельд чистил и осматривал его каждый день. Со шкурой проще, еще Апоница дал пару жестких щеток для чистки драконов, а вот чтобы чистить уши, пришлось придумать свои собственные приспособления.

Сейчас Черныш поскуливал от счастья, чуть-чуть поворачивал голову, указывая, где прижать сильнее, где залезть глубже, где поскоблить стенку. Иггельд вытаскивал комочки серы, самые крупные даже показывал Чернышу, тот делал большие глаза, ужасался и снова нетерпеливо повизгивал: чисти, чисти еще! Скобли сильнее! Там грязи еще много!

На следующий после полета с Озбиришем день он с утра выволок упирающегося Черныша из пещеры, осмотрел, похлопал по морде.

— Просыпайся, просыпайся!.. Мир так велик, а ты — в пещеру. Дракон ты или не дракон? Вот я — дракон! А ты что-то вроде дохловатой жабы.

Черныш шумно зевнул, почесался задней ногой за ухом, получилось шумно, но плохо, едва не упал и с укором посмотрел на папочку. Иггельд надел на него сбрую, закрепил, вчера снова пришлось добавить большой кусок ремня, да и на этом будет появляться каждую неделю по новой дырке, ребенок растет не по дням.

Захватил мешок, Черныш терпеливо ждал, пока наверху топтались, дергали за гребень, наконец сверху донесся решительный голос:

— Взлет!.. Драконы мы или не драконы?

Черныш повернулся и понесся навстречу ветру. Вообще-то он мог теперь взлетать и без разбега: мощные лапы с такой силой выстреливали тело вверх, что даже крыльями успеваид ударить без всякой спешки, с красивой лендой полного сил и здоровья зверя, но нравилось именно ринуться навстречу когда-то пугавшему ветру с такой яростью, что тот испуганно прижимался к земле и покорно начинал поднимать его даже просто так, еще не видя выпростанных крыльев.

Сейчас Черныш красиво и мощно несся над близкими пиками, вершинами, нарочито снижался и проносился по ущельям, иногда настолько узким, что проскальзывал, либо собрав крылья, либо развернувшись наискось. Иггельд пригибался, распластывался на спине, чтобы кончики гребня выступали дальше, чем его голова, Черныш каким-то образом чует расстояние, ни разу не задел гребнем, хотя не раз проносился на огромной скорости на расстоянии ладони от гранитной стены.

Потом горы кончились, далеко внизу потянулась бесконечная зелень, перемежаемая желтыми пятнами песчаника, синими венами рек и голубыми глазами озер. Иногда он замечал широкие черные полосы, дважды видел поднимающийся дым: горит лес, в одном месте даже посверкивают оранжевые язычки огня. Черныш от избытка сил забирался все выше, наконец даже облака теперь проплывали внизу, белые, плотные, похожие на засыпанную снегом землю. А в разрывах все та же изумрудная зелень, — лето в разгаре. Потом облака кончились, воздух начал свежить, хотя и так свеж донельзя, но в нем появилось нечто новое. Черныш тоже ощутил, Иггельд видел по задвигавшимся ушам, по изменениям, которые научился улавливать всей кожей, а истолковывать тоже не умом, а чувствами. Как и Черныш уже понимал его еще до того, как он стучал по спине или подавал команды голосом.

Если раньше он не мечтал, что легко взлетит, то сейчас страшился подумать, как сажать дракона на ревающее плато. Старые дракозники рассказывали, как непросто сажать бое-

вых драконов на побережье, там ветер с моря бросает о скалы, вертит этих могучих зверей, как щепки в водовороте горловины Черных скал, как лопается от напряжения кожа на руках и срывает ногти. А страшные, как смерть, ураганы за Перевалом? А жуткий ветер с Севера, что смешивается с раскаленным подземным вихрем, что вырывается из Красного разлома, а затем сметает на своем пути караваны, дома, селения?

Далеко впереди показалась серая полоска с примесью синевы, не успела приблизиться, как облачко ушло, туда упали солнечные лучи, серая поверхность стала зеленовато-голубой. Черныш от неожиданности перестал махать крыльями, провалился, тут же застучал ими по воздуху чаще, от любопытства даже шею вытянул, стремясь достичь невиданного чуда как можно скорее, вот прямо сейчас обнюхать, лизнуть и потрогать лапой.

Иггельд постучал по заливку.

— Снижаемся, Чернулик!.. Снижаемся.

Дракон послушно шелохнул крыльями, встречный ветер начал мягко отжимать к земле. Зелень внизу превратилась в траву, а потом и вовсе в крошечный лес, исчезла, сменившись настоящей травой, затем некоторое время шел песок с редкими вкраплениями деревьев, под Иггельдом пробегала волна, будто Черныш вздрагивал или ежился, крылья застыли, медленно опуская к поверхности.

— Еще... — приговаривал Иггельд, — еще... Во-о-он у тех деревьев и садимся!

Черныш, гордый, что все понял и может выполнить в точности, красиво растопырил крылья, а когда поравнялся с деревьями, резко изменил угол, выставив их, как паруса. Затрещали мышцы, крылья под напором воздуха подались назад, но могучие мускулы выдержали, Черныш остановился как вкопанный. Лапы коснулись земли, но тут сам Черныш испортил образ могучего и сурового дракона, взвизгнув и откинувшись назад так, что не просто сел на зад, а едва не упал через голову, словно доносящийся спереди могучий неторопливый грохот с силой толкнул в грудь.

В трех шагах вниз опускается земля, там крупные блестящие камни, похожие на снесенные яйца, только черные и серые, а размером с баранов, которых он так хорошо наловчился хватать на склонах гор, а на них с шумом набегают волны... Но какие! Высотой ему до середины лапы, толстые, тяжелые, каждая с белым гребешком пены, а от удара, с которым обрушиваются на землю, та вздрагивает, покряхтывает, мелкие камешки со стуком колотятся о крупные валуны, вода прозрачнейшая... и как ее много!

Иггельд без страха спустился к этой странной воде, воздух свежий, соленый, влажный, что озадачило Черныша еще больше, глаза как блюдца, ноздри прямо трепещут, уши ловят каждый звук, к воде пошел медленно, опасливо, поджимая шипастый хвост между задних лап.

Земля под его грузным телом слегка подвинулась по склону, и перепуганный дракон тут же бегом, потешно вскидывая зад, вернулся наверх и там опасливо выглядывал из-за дерева.

— Ко мне, — сказал Иггельд. Повторил нетерпеливо: — Ко мне, трус несчастный!.. Кому говорю?

Черныш боязливо выдвинулся, в глазах укоризна, вздохнул и начал спускаться по склону, под ноги не смотрел, глаза с испугом исследовали огромную массу воды. Иггельд посмотрел на море, на дракона, снова на море. Ему это бесконечное вместилище воды тоже кажется единым живым зверем, душа замирает в трепете и смятении, в осознании своей малости, ничтожности перед этим величием, так понимает его душа, у Черныша такая же, но, в отличие от дракона, человек наделен способностью понимать: это просто вода, много воды, а если это и зверь, то зверь, что не замечает ни людей, ни драконов, ни плавающих по нему кораблей: все слишком мелкое, чтобы заметить.

— Ко мне, — повторил Иггельд. Он вошел по колено в воду, зачерпнул воды, плеснул в лицо, хотя совсем не жарко после полета над облаками. — Иди сюда, трус!.. Реку освоил? Теперь учишь купаться в море.

Черныш боязливо потрогал лапой воду. Набежавшая

волна ударила в камень, разбилась и достала брызгами настороженную морду дракона. Черныш снова отпрыгнул, но не убежал, только поднялся на задних лапах, оберегая морду от напавшей на него злой волны.

— Ну что за трус, — сказал Иггельд. — Всем говорю, что ты не трус, а только осторожный... но ты трус, да? Признайся, трусенок...

Черныш взвизгнул и снова пошел в воду. На этот раз решился войти по колено, стоял так, дрожа и задирая хвост, чтобы злая вода не укусила, в глазах твердая решимость выстоять еще целую минуту, не убежать, не поддаться панике, ведь обожаемый папочка ходит себе, уже скрывшись в этом страшном до пояса, но ему можно, он все умеет и ничего не боится, это его все боятся...

Иггельд приблизился, поплескал водой, Черныш вздрагивал и закрывал глаза, а голову пугливо отдергивал.

— Это море, — повторил Иггельд счастливо. — Понимаешь? Море... Я тоже первый раз вижу море. Я даже больших рек не видел, а мы, пока летели, три или четыре видели внизу. А теперь — море... Чернышуля, мы же с тобой молодцы!.. Еще никто из небесных наездников не добирался до моря. Во всяком случае, вот так, за один перелет.

Он развязал мешок, сам поел и скормил Чернышу весь хлеб и сыр, Черныш все еще выглядел ошалелым от вида такого количества воды, но и ошалевший, осмелел настолько, что все порывался перелететь на тот берег этой удивительной реки, глаза выпучивались от безмерного изумления.

— Побываем и там, — ответил Иггельд на молчаливый вопрос. — Не может быть, чтобы там не было дивных сказочных стран... Хотя нет, стран там быть не может, на свете есть только три страны: Артания, Куявия и Славия, а остальные, даже Вантит, только земли, где живут дикари, где великаны сторожат в пещерах несметные сокровища... где неведомые звери, дивные птицы, чудо-юды рыбы, где песок под ногами из чистого золота, а на деревьях орехи растут размером с яблоко... Везде побываем!.. Везде побываем, Чернулик!

Он лег на песок так, чтобы вода накатывала на ноги, от-

дался странному чувству, когда можно вот так лежать, впитывать всем телом солнечные лучи, наполняться запахами огромного мира и медленно созревать для большого, великого.

Черныш то прыгал в воде, пытался ловить рыбу, то взлетал и делал широкие круги, всматриваясь сверху. Иггельд наблюдал за ним, драконы видят в тысячи раз лучше человека, но это в воздухе, а что зрит через толщу воды, если так же, как и здесь, то какие же чудеса открываются его взору...

Остальное время Черныш парил над ним, распустил крылья, как огромная уродливая летучая мышь. Черная угловатая тень изломанно скользила взад-вперед, иногда становилась четче, это дракон приближается к земле, затем медленно увеличивалась в размерах, очертания слегка размывались — видать, нащупал рядом восходящий поток и забирался все выше и выше.

— Теперь будем летать и сюда, — сообщил ему Иггельд. — Понял?.. А какая здесь рыба водится крупная... и вкусная...

Черныш грузно приземлился рядом. В глазах и на морде полнейшее доверие и почтение, что Иггельду стало стыдно, пробурчал с неловкостью:

— Ну, наверное, вкусная...

Черныш все еще рос, шкура покрывалась роговыми чешуйками, что оказались прочнее закаленной стали. Крылья удлинились, теперь Черныш взлетал с легкостью даже с тремя мужчинами на спине, однажды Иггельд посадил пять человек, сделал большой круг над Долиной Драконов, показал всем неплохую скорость, затем посадил Черныша прямо на городской площади.

Теодорик, Хота Золотой Пояс и другие отцы города смотрели хмуро. Как опытные смотрители драконов, может быть, и радовались, но этот молодой бунтарь слишком уж нарушает установленные правила. У них все нацелено на то, чтобы драконов выращивать могли много, чтобы выращивать удавалось разным людям, а этот Иггельд со своим чудо-драконом — всего лишь исключение, другим повторить такое не

удастся, но молодые дураки этого не понимают, уже бурчат, что в городе все не так. Надо по-другому... Хотят и на печи лежать, и чтоб драконы у них получились не хуже, чем у этого помешанного!

Иггельд смотрел на проплывающие внизу горы, вспоминал весь трудный путь, который прошел за все эти тяжелые годы, Черныш несся легко и стремительно, ни один дракон не догонит, теперь Иггельд не мыслит сидеть так, как сидел в первые разы, пронизывающий ледяной ветер поднебесья мигом проморозит до мозга костей, теперь всегда в плаще, завернувшись по самые глаза...

Качнуло, Черныш пошел вниз. Там среди гор показался Город Драконов, Иггельд в очередной раз подумал об удивительном чутье Черныша, всегда улавливает его желания за минуту до того, как он скажет. А сейчас и вовсе как будто заранее знал, куда они летят.

Город укрупнился, приблизился, котлованы с драконами уползли к стене гор. Иггельд сделал два круга над домом Апоницы, привлекая внимание. Если не выйдет, то придется лететь в сторону котлованов, хотя не хотелось бы впечатлительному Чернышу показывать эти темницы, иначе не назовешь, для его собратьев. Раньше никогда так не думал, а сейчас это сравнение навязчиво лезет в голову.

Из дома торопливо выкатилась во двор приплюснутая фигурка, отсюда они все приплюснутые, закинула голову. Иггельд увидел довольное лицо Апоницы.

— Вниз, Черныш, — велел он, и дракон снова пошел вниз на секунду раньше, чем Иггельд открыл рот. В следующий раз, мелькнула мысль, буду приказывать мысленно. Соберусь что-то сказать, но... смолчу. Тоже выполнит? — Переведем дух, поедим...

Ветер заревел в ушах, трепал волосы, сердце словно бы оторвалось, никак не привыкнет к такому вот словно бы падению, сколько бы вот так ни падали, ни разу не стукнет, ждет в ужасе, но Черныш растопырил крылья, принимая удар, те затрещали, а сердце застучало часто-часто, наверстывая за пугливое молчание.

Крохотные домики выросли, разбежались в стороны, как вспугнутые куры. Лапы Черныша ударились о твердую землю. Иггельд ощутил сильнейший толчок снизу, тело стало таким тяжелым, словно он снова лежал в жару и не мог поднять руки, тут же все прошло, а уже совсем не снизу донесся бодрый голос:

— Это что, обучаешь скоростной посадке?.. Лихо, лихо!

Но в голосе звучало и осуждение, возвращая слову «лихо» первоначальное значение. Иггельд сбросил ремни, соскользнул по гладкому, словно отполированный панцирь, боку. Руки Апоницы подхватили, как будто Иггельд снова стал тем подростком, которого учил и наставлял старый наездник.

Иггельд смотрел на него сверху, возвышаясь почти на голову, обнял, в самом деле ощутив на миг себя ребенком, спросил:

— Может быть, все-таки мне опускаться где-то за'городом?

Апоница отмахнулся.

— Во-первых, я живу не на самой городской площади, где устраивают гулянья, это мой двор! А второе, что самое важное, надо им напомнить...

— О чем?

Апоница повел его в дом, похлопывая по спине, сказал невесело:

— Что весь наш город начинался с таких вот иггельдов. Сумасшедших, бросивших уют, города, а то и семьи, ушедших в горы ради драконов! Это уже потом, когда наехали семьи, когда откуда-то взялись люди, что драконов не знают и не любят, но они здесь, все ближе к Совету... Хорошо, что у нас вольный город, нет беров, а берич только один. Но все равно, отрастили животы такие, словно мы родились и всю жизнь протираем зады на равнинах!

Последние слова произнес с открытым презрением человека гор к пласкатикам, жителям безгорья. Иггельд на пороге оглянулся на Черныша, тот сидел с высунутым языком, а под властным взглядом сурового, но справедливого папочки послушно лег и даже закрыл глаза.

Сестра Апоницы — надо бы узнать ее имя — подала на стол в глубоких глиняных мисках похлебку из пшена, но Апоница взглянул на Иггельда, по губам пробежала короткая усмешка, жестом велел сразу убрать, взамен на столе появились тушки птиц под соусом, а затем и баранье мясо, сваренное в сладком вине. Не успел Иггельд расправиться с этим, как сестра внесла, очень довольная, окорок могучего тура, все помещение наполнил густой мясной запах с возбуждающими приправами.

В завершение были еще горячие пышные пироги из тонкой муки, медовые, с дроблеными орешками, Иггельд чувствовал, как наполняется, а затем и раздвигается живот, спросил непонимающе:

— Да зачем все это?

В глазах Апоницы блеснули искорки. Сказал со странной интонацией:

— Зачем?

— Да...

— Весь мир стремится заработать побольше, а потом сесть и жрать, жрать, жрать... Желательно — всякие диковинки. Я купил на всякий случай улиток и всякие ракушки из моря. Если вымочить в уксусе...

Иггельд отмахнулся.

— Оставь. Я этим никогда увлечься не буду.

Апоница пожал плечами.

— Но должен я проверить или нет?.. Сейчас у тебя заработано столько, что можешь купить себе песиглавство или даже беричество.

— Разве это можно купить?

Апоница отмахнулся.

— В Куявии купить можно все. Конечно, надо найти где-то незанятый клочок земли, огородить забором, приманить туда народ... А ты уже скопил целое состояние. Можешь, можешь...

Иггельд пожал плечами, смолчал. Апоница с удовольствием следил, как Иггельд ест, запивает козьим молоком, усмехнулся своим мыслям, сказал с некоторым удивлением:

— Знаешь, тебе уже начинают завидовать. За последние дни пришло столько заказов...

— Это хорошо, — сказал Иггельд с набитым ртом. — Мои задумки обойдутся недешево...

— Догадываюсь, — проронил Апоница. — Еще хочешь взять дракончиков?

Иггельд испугался, даже ложку уронил на стол.

— Зачем? Мне Черныша хватает!.. Просто ветер в долине злит. Я уже придумал кое-что...

Глаза Апоницы погасли, сказал чуточку разочарованно:

— Ах, вон оно что... Но заказов в самом деле слишком много. Все просто не сумеешь, не успеешь. Пора выбирать лучшие.

Иггельд смущенно запротестовал:

— Кто я, чтобы перебирать?.. Пусть лучшие заказы берут опытные поднебесники. А мне те, что останутся.

Апоница покачал головой.

— Шутишь?

— Нет, я вправду...

— Да половину заказов мы просто не в состоянии выполнить! Вот, к примеру, просьба отыскать в море корабли князя Клестоярда, вышли из порта и пропали. Если их нет и в порту Иствича, кудаплыли, то князь перестанет их ждать, поищет замену... Если уцелели, то скажешь, где видел... Нет, самому снижаться не надо. Хотя, конечно, пусть увидят, потом подтвердят, что ты в самом деле отыскал... Оплата хорошая, даже очень, но наши драконы над морем не летают. Берешься? Или вот...

Он говорил и говорил, Иггельд вздрогнул, словно пробуждаясь от сна. Вот сидит он, Иггельд, высокий и крупный, все еще ребенок, как он сам себя чувствует, но другие видят в нем мужчину, обращаются, как с мужчиной, ждут от него действий, как должен вести себя мужчина. А он все еще тот, кто в слезах бежал через ночь, прижимая за пазухой к груди жалобного жабененка, а потом карабкался в жуткий страшный мир высокогорья, забивался в щель и радовался каждой пережитой ночи.

Но для других он — сильный и удачливый наездник, хозяин дракона, огромного, могучего и защищенного панцирем, как боевой, и в то же время способного летать очень далеко, словно это длиннокрылый и легкий телом дракон-разведчик. Сперва к ним обоим относились с брезгливой жалостью, дивились, что все-таки выжили, глубокомысленно толковали о счастливых совпадениях, что не повторяются, о случайности, о слепой удаче, а потом постарались не обращать внимания, как на уroda с двумя головами, что изредка появляется во дворе старого и выживающего из ума Апоничи, тоже помешанного на драконах.

Первый год, когда начали сами зарабатывать на жизнь, они с Чернышом перевозили письма, мелкие грузы и даже людей, чтобы прокормиться и обустроиться в своей долине, затем начала расти стопка золотых монет в доме Апоничи, куда Иггельд сносил всю плату, появились драгоценные камни, его имя узнали в самых дальних уголках Куявии, князья и беры охотно пользовались его услугами, а потом как-то престарелый князь Когонь, который отдал любимую дочь в дальнее-предальнее княжество за горами, за долами, за бурными реками и темными непроходимыми лесами, восхотел ее навестить, Иггельд на Черныше доставил его туда за половину суток. Когонь ошалел, ведь сватовство в его собственное княжество добиралось полгода, теряя людей в болотах, трясилах, загрызенными лесным зверем, утопленными в зыбучих песках, сорвавшимися с крутых гор, унесенными бурными водами, так же полгода везли его дочь... Он навестил ее через год и... попал на свадьбу, жених с его дочерью только-только добрались до дому! Трое суток беспробудно пировал князь, а потом, как и договаривались, Иггельд прилетел за ним, но пьяный князь ничего не соображал, так хмельного и подняли на спину дракона, привязали. Проснулся Когонь уже в своей спальне, долго не мог опомниться, все казалось волшебством.

Слух о его приключении прокатился по княжествам, Иггельда наперебой уговаривали за большие деньги кого-то отвезти, привезти, доставить. Рассказывали про удивитель-

ного дракона, что ходит за хозяином, как верный пес, по его команде садится, ложится, переворачивается и даже прикидывается мертвым. Если перед ним положить кусок мяса, но хозяин не разрешает есть, дракон часами может сидеть и жалобно смотреть на мясо, истекая слюнками, но без разрешения не схватит.

Он вздрогнул от слов:

— Но все больше молодежи говорит о тебе и твоём драконе. Хотят у тебя поучиться...

Иггельд второй раз выронил ложку, подхватил, горячая кровь прилила к лицу, заговорил так торопливо, что голос сорвался на жалобный писк:

— Молодежи? А я кто?.. Мне еще девятнадцать... Через три месяца двадцать лет!.. Здесь такие, как я, все еще драконы стойла чистят! Я сам еще всему учусь!

Апоница хмыкнул.

— Какие-то мелочи ты, конечно, не знаешь. Но прекрасно без них обходишься, не так ли? Вся сложнейшая система управления, что необходима для дракона со штырем в загривке, тебе ни к чему. У тебя свой путь... Я все еще, если честно, в него не верю...

— Почему? — спросил Иггельд. Повторил растерянно и с испугом: — Почему?

Апоница развел руками.

— Как тебе сказать... Одно дело — научить ломать стены в каменоломнях. Или рубить дрова. Другое — вот так с драконами... Это так же, как не каждого можно научить петь. Даже из тех, кто в самом деле хочет петь. Понимаешь?

— Нет, — признался Иггельд. — Мне кажется, это так просто! Я ж ничего не знал, не умел, но Черныш... вон опять заглядывает в окно!

— Просто, — пробормотал Апоница. — Да-да, просто... Просто птенцу научиться летать, а поросенку это непросто. Даже если очень стараться. Ладно, расскажи, что понадобится для задумки, я тут начну подготавливать.

ГЛАВА 9

Долина казалась ему запертой в каменный мешок, он долго не понимал, почему такой сквозной ветер, пока в тот раз со спины Черныша не увидел в самой дальней стене сквозную пещеру, а потом вместе с ним обследовал, цепляясь за камни, чтобы лютый ветер не вышвырнул из окна на высоте парящих орлов.

Пещера широкая, со стертymi до блеска стенами, все острое за тысячи лет заглажено, десять драконов пройдут бок о бок. Лютый ветер, врываясь в долину, проносится по ней, как табун озверевших артанских коней, перед дырой стягивается в тугой ревуший узел и вламывается вовнутрь, с тем чтобы пронестись через широкую каменную дыру, отполировывая ее стены, пол и потолок, и с грохотом вырваться с той стороны на свободу.

Если бы каким-то образом заткнуть эту дыру, то ветер в самой долине потерял бы половину своей мощи, если не больше. Но дыра неимоверно огромная, а ветер в ней не ветер, а ураган, утащит любые камни и вышвырнет из дыры на той стороне, как песчинки...

Если первую зиму они едва пережили, то каждая следующая проходила легче, он мог думать уже не только о том, как бы выжить да как бы пережить еще ночь. Теперь без остановок для отдыха летал не только в Город Драконов, но даже до Кушака, самого дальнего города Куявии, где драконов не знали и никогда не видели. Он оставлял дракона возле городской стены, быстро покупал все диковинки, каких не знали в Городе Драконов, и спешил вернуться к Чернышу, что от нетерпения готов разнести городскую стену и ворваться в город, круша по дороге дома, только бы поскорее увидеть дорогого и любимого, самого обожаемого и замечательного человека на свете, своего папу!

Теперь Черныш большой и сильный дракон, Иггельд излетал на нем всю Куявию, все земли, княжества, побывал в крепостях, вылетал в сторону стольного града Куябы, сильно трусил при виде черных башен колдунов: кто знает, какие

у них приказы по охране столицы, но с каждым разом кружил все ближе, однажды набрался отваги и пролетел над самим городом, жадно смотрел на огромные сказочные дворцы с покрытыми золотом крышами, видел, как народ останавливается и, приложив ладони козырьком к глазам, провожает его взглядами.

И однажды, возвращаясь в свою долину, наконец-то рассмотрел над входом в туннель растрескавшиеся скалы, нависающие глыбы. Видел их, конечно, и раньше, но сейчас как будто ощутил сильнейший толчок в сердце.

— Черныш, — сказал он охрипшим голосом, — похоже, я нашел нам новую игру...

Конечно, и сотня каменотесов не смогла бы вот так взбираться на самый верх, вбивать деревянные колья, поливать водой и ждать, пока те разбухнут и начнут ломать камень. Даже в пещере среди ночи они слышали внезапный короткий сухой треск, а долгие мгновения спустя — тяжелый удар о землю. Глыбы откалывались нехотя, разбивались, падали не всегда прямо перед входом, самые мелкие утаскивало ветром и вышвыривало с той стороны, но Иггельд упорно поднимался на спине Черныша, которому уже надоела эта непонятная игра, вбивал десятки кольев, выливал бочки воды.

Почти месяц он без перерывов ломал камень, вход завалили крупные глыбы, а между ними он набросал мелочи, даже щепня, и наконец изнуряющий все эти годы ветер... прекратился!

Нет, он, конечно, врывался в долину, уж очень удобная дорога, но сразу же наталкивался на стену, терял разбег и оставался простым ветром, а не той жутью, что отравляла жизнь.

Закончив, он кликнул Черныша, тот патрулировал над долиной и гонял журавлей, что осмелились пролететь чересчур близко от запретной зоны. Черныш, хотя в это время с раскрытой пастью ловил вожака журавлиной стаи, а тот виртуозно уворачивался, сразу заметил призывный жест, оставил журавлей и понесся вниз, сложив крылья.

Журавли что-то кричали вслед, то ли уверенные, что трус

убежал, то ли сочли, что вообще убили это большое и толстое. Черныш наконец растопырил крылья, но его еще несло к земле, как падающий камень, крылья трещали под напором ветра, мышцы вздулись такими чудовищными буграми, что Иггельд напрягся и стиснул кулаки, передавая часть своей мощи крылатому другу.

Черныш выставил лапы, ударил о землю задними, они сильнее, и тут же треть веса обрушилась на передние. Он присел под собственной тяжестью, но, Иггельд заметил, брюхо едва-едва коснулось земли, и тут же выпрямился на лапах и даже помахал хвостиком: мол, оценил, какой я молодец?

— Оценил, — согласился Иггельд сердито. — Заикой оставишь!.. А если бы мордой о землю?.. А еще лучше — задницей?

Черныш снова помахал хвостом, извернулся и лизнул, пока Иггельд таскал, надевал и прилаживал упряжь. У папочки руки заняты, и можно воспользоваться, слизнуть часть его обожаемого запаха, приобщиться, стать еще ближе и роднее, стать на него похожее.

— К Апонице, — сказал Иггельд, пристегивая ремень.

Кровь отлила от лица, собравшись вся в том месте, которым Черныш рисковал шарахнуть о землю, а когда крылья перестали возносить их на скорости выпущенной из тугого лука стрелы и тяжесть отпустила, он подумал, что никто из старых наездников не упоминал вообще о памяти драконов. Ведь он уже просто говорит: «К Апонице» — и знает, что Черныш полетит прямо к Городу Драконов, там нацелится сразу на знакомый двор и опустится прямо посередине. Как он помнит такие слова, как «Куяба», «Кушак» и еще не меньше двух сотен слов? Если, к примеру, сказать: «К князю Велигору», где побывали только однажды три года тому, то Черныш без колебаний свернет на юг, полетит по прямой и опустится точно на то место, где они в тот раз встретили князя.

Сейчас Черныш тоже пошел строго по прямой, снизился, пролетел над городом, едва не задевая крыши нарочито выставленными лапами, от взмахов могучих крыльев по улице

побежали пылевые смерчи. Во дворе бродили куры, при виде черной тени разбежались с истошным кудахтаньем, но, когда Черныш опустился посреди двора, тут же вернулись доклевывать зерна: какой-то дракон не страшен, известно же, что нет страшнее птицы, чем коршун.

Иггельд соскочил, жестом велел Чернышу прилечь — вдруг да у Апоницы гости, — пошел к крыльцу, закричал весело:

— Ура!.. Я пришел!.. С хорошими новостями!

Никто не ответил, он поставил ногу на первую ступеньку, крикнул в сторону открытого окна:

— Апоница!.. Я сам напрашиваюсь на похвалу, оцени!

Дверь отворилась, в проеме возникла сухощавая фигура очень немолодой женщины. Иггельд узнал сестру Апоницы. Она хмуро смерила Иггельда с головы до ног недружелюбным взглядом, поморщилась при виде смиренного, как кролик, Черныша.

— Что кричишь?

— Мне, — жалко сказал Иггельд, — Апоницу... Он не дома?

— Конечно, — ответила она зло, — не дома.

— А где?

— А где все помешанные днюют и ночуют?

Иггельд отступил, развел руками.

— Простите, я не хотел... Извините, я пойду поищу его там.

Она бросила вслед:

— И эту толстую жабу с крыльями убери с моего двора!

— Да-да, конечно, — сказал он торопливо. — Уберу.

Черныш с удовольствием вскочил, едва папочка занял свое место на его загравке. Хвост с силой заскреб по каменным плитам двора.

— Тут близко, — предупредил Иггельд, — но тебе нельзя тут оставаться.

Черныш повернул голову и посмотрел ему в лицо большими непонимающими глазами. Иггельду стало неловко от

простодушного взгляда, пожал плечами и одновременно развел руками.

— Не все любят нас, — пояснил он, — нас, людей-драконов и драконов-людей.

Солнце ярко и резко освещало эту скалистую часть долины. Сами котлованы постоянно в тени, солнечные лучи туда достигают только в полдень. Черныша он оставил в самом дальнем углу, велел не сходить с места, здесь совсем другие порядки, а то еще подумают, что он буйный, вырвался из котлована...

Дракозники разбежались и попрятались в строения, хотя все уже слышали о нем и его драконе, многие не раз видели во дворе Апоницы. Когда Черныш лег, начали выходить, один крикнул:

— Что случилось?.. Лучше убери дракона, а то наши разъярятся!

— Я на минутку, — прокричал Иггельд. — Он не сдвинется с места, его из котлованов никто не увидит. Где Апоница?

Дракозник, что раскрыл рот, похоже, для ругани, махнул рукой, другую запустил в редкие взмокшие волосы, почесал, а когда ответил, голос прозвучал совсем по-другому:

— Вон в том котловане...

— С ним что-то случилось? — спросил Иггельд, насторожившись.

— С ним? — повторил дракозник. — С ним — нет.

Из дальнего котлована поднимался душный тревожный запах, сердце тревожно стукнуло, заньло. Захотелось вернуться, но вот уже навстречу выплыла, покачиваясь, башенка с корзиной, а рядом и вовсе лестница, что значит, дракон там смирный, не ломает, не грызет.

Ступеньки подрагивали под его весом, Иггельд сбежал по ступенькам быстро, чувствуя свое сильное ловкое тело, цепкие пальцы, упругие мышцы ног. Дракон распластался под стеной, а рядом сгорбился на его лапе Апоница. Старый, понурый, печальный.

Иггельд открыл рот для приветствия, поспешно задавил в

себе веселый вопль. Апоница наверняка услышал шаги за спиной, но не обернулся. И дракон не повел на Иггельда глазом, дышит редко, тяжело, распластался, как медуза на берегу, бока раздувает так, будто бежит, но явно не может оторвать от земли даже голову.

Он зашел сбоку, потоптался, не зная, что сказать. Покрасневшие глаза старого учителя все так же обращены на дракона. Дыхание того становилось то чаще, прерывистее, то замедлялось, но ясно доносились хрипы, словно ветром раскачивало сухое дерево. Коричневая пленка на глазах стала совсем серой.

Апоница прерывисто вздохнул, Иггельду почудился сдавленный вскрип, он хотел сказать что-нибудь утешающее, но слов не находил, а те, что выплывают сами, выглядят неуместными и неуклюжими. Драконы живут долго, но и они смертны. К счастью, даже в старости остаются подвижными, летают так же высоко, умеют охотиться, только сильно худеют, из-за чего переохлаждаются, чаще болеют. Этот дракон, сколько Иггельд помнил, всегда был старым, худым, с торчащими ребрами. Суставы на лапах всегда безобразно раздуты, деформированы, на спине горб, он уже тогда был стар, очень стар, когда он пришел с дядей в эту горную долину.

Драконы, как помнил Иггельд с детства, умирают легко и тихо. За благородство дракона и за его открытую чистую и лишенную коварства душу боги даровали ему возможность умирать легкой смертью, словно засыпая. Но, хоть и очень редко, случается и так, что у дракона перед смертью отказывают лапы и крылья. И вот сейчас Апоница сидит рядом с таким стариком, который, похоже, все понимает, глаза грустные, он чувствует скорое расставание с любимым хозяином, потому старчески глаза заволакивает слеза...

Апоница вскрикнул, Иггельд видел, как старый учитель торопливо вытер глаза, пока никто не видит его слабости. Иггельд тихохонько попятился. Если дракона нельзя вылечить, а от старости лекарства нет, то надо переступить через свое малодушие и помочь другу уйти из жизни. Все это знают, каждый это говорит другому, но сами малодушно прячутся

друг за друга, отступают, когда нужно сделать решительный шаг...

Он представил себе, что если бы когда-то в далеком будущем понадобилось умертвить Черныша, ведь и он смертен, то никогда-никогда не сумеет заставить себя поднять на него руку. Проще убить человека. Хотя и человека — нехорошо, но человека хотя бы есть за что, но — дракона?

Черныш завизжал и затопал передними лапами, едва его голова показалась над краем котлована. Все это время он не сводил ревнивого взгляда с торчащих кончиков лестницы, сойти с места нельзя, он же хороший и послушный, но все-таки оттуда пахнет чужими драконами...

— Да люблю я тебя, люблю, — сказал Иггельд.

Черныш ликующе завизжал и ринулся навстречу, Иггельд втянул голову в плечи, локти к бокам, ладонями закрыл лицо. Горячий и влажный язык хлестал по голове, отпихивал руки, Черныш все же умудрился раздвинуть ладони и вылизал лицо начисто. И хотя язык дракона просто шелковый, как у собаки, Иггельд чувствовал себя так, будто его вылизала гигантская кошка с ее шершавым, как терка, языком. Лицо горело, он даже пощупал брови: не содрал ли обрадованный зверь, сказал сердито:

— Ты уже взрослый кабан!.. Что ты прыгаешь, ты же дракон, а не...

Черныш подпрыгнул на всех четырех лапах, хвост с грохотом заходил из стороны в сторону. Треснуло и разлетелось в щепы бревно, а из облицовки стены полетели искры, запахло паленым.

— Ты что делаешь? — заорал Иггельд.

Черныш распахнул пасть, глаза с обожанием смотрели на самого лучшего на свете человека, по горлу прошло утолщение.

— Гру... гру, — гроыхнуло, будто треснула каменная стена.

— И я тебя лу... блу, — ответил Иггельд и тут же пожалел о сказанном: Черныш, услыша знакомое слово, едва не свихнулся от счастья, пошел прыгать и скакать, земля и все во-

круг задрожало, затряслось, каменная стена угрожающе крякнула, из щели посыпалась мелкая каменная крошка.

Иггельд снова прижался к стене, уворачивался от попыток Черныша схватить его лапами, тогда уж точно залижет до смерти, отбивался, заорал рассерженно:

— Стихни!.. А то не возьму с собой! Непослушных не берут!

Черныш тут же с готовностью шлепнулся толстым задом на землю, застыл, не сводя с Иггельда преданного взора. Иггельд вытерся рукавом, сказал уже не так сердито:

— Ладно, ты — хороший... Сиди-сиди! Не прыгай, сиди. Иначе не возьму тебя полетать над горами... Сам полечу, понял?

Большие выпуклые глаза дракона стали еще огромнее, в них отразилось великое изумление. Иггельд погрозил пальцем, дракон поспешно втянул голову в плечи. Иггельд покарабкался ему на спину, Черныш приподнялся, жадно оглянулся. Иггельд снова погрозил, Черныш послушно сел, но нетерпеливо ерзал костлявым задом, камни скрипели, поднялось легкое облачко мельчайшей каменной пыли.

Дракозники наблюдали за ними издали, приблизиться никто не посмел, потом прибежал запыхавшийся Беловолос, этот подошел вплотную, на Иггельда смотрел снизу вверх влюбленными и преданными, как у Черныша, глазами. Иггельду стало неловко, сказал торопливо:

— Не говорите Апонице, что я прилетал... Или скажете потом, не сейчас.

Двое суток он охотился, хотя теперь проще купить мяса и сыра, пополнил в пещере запасы зерна, дров. На третьи сутки, возвращаясь, обратил внимание, как часто Черныш, уже усталый, заработал крыльями, стремясь достичь долины побыстрее. Шею вытянул, голову поворачивал так и эдак, как бы рассматривая. Иггельд пробормотал:

— Да что там такое?.. Когда же ты научишься говорить!.. Вон Хота и то разговаривает...

Когда Черныш пошел резко вниз, удалось рассмотреть искорку костра и две человеческие фигурки рядом, а под скалой, защищенные от ветра, стояли шесть коней. На траве громоздилась куча вьюков, мешков. Иггельд подал Чернышу знак сесть вблизи, но тот еще раньше изогнул крылья и пошел вниз по суживающемуся кругу. Все-таки он как-то чует мои желания, успел подумать Иггельд, но тут же смутная мысль выпорхнула под натиском сильнейшего удивления: внизу встали на ноги и махали ему руками Беловолос и Чудин, молодые, но уже опытные смотрители драконов!

Иггельд опустил Черныша в сторонке, чтобы не напугать зрителей, но, едва слез и пошел к ним, Черныш посидел малость и, не ощутив в голосе хозяина жесткости, потихоньку затрусил за ним следом, стараясь не шуметь, не наступать на шелестящие камешки.

Иггельд не понял, почему улыбающиеся ему смотрители начали улыбаться как-то иначе, ехиднее. Потом уловил, что Беловолос смотрит за его спину, оглянулся. Черныш, виновато пригибая голову, крался следом, стараясь двигаться, как неслышная кошечка.

Он не успел гаркнуть, Беловолос сказал торопливо:

— Не кричи на бедного ребенка... ради нашего приезда!

— Да, — поддакнул Чудин, — уважь гостей!

Иггельд пожал им руки, спросил немного встревоженно:

— Ничего не случилось?

— Случилось, — сказал Беловолос. Поймав встревоженный взгляд Иггельда, пояснил: — Ты не поверишь, но твоя дурь оказалась заразительной. По нашим рядам слишком долго гулял слух, какого могучего зверя ты выковал из хилого ящерека!.. Начались брожения, потом Шварн сказал, что он скоро выберет себе дракончика по нраву и придет к тебе. Ну, если даже осторожный Шварн такое брякнул, то мы с Чуудином не такие уж и серьезные... Верно, Чудин? Вот мы двое решили... опередить Шварна. Собственно, мы все труссы, Иггельд. Ты проложил тропу, а мы по ней, за твоей могучей спиной... Принимай нас под свою могучую руку. Мы сейчас приехали повынюхивать, что и как, а если ты не против,

то подберем себе по пещерке, а на следующей неделе приедем уже с дракончиками. А ты нам покажешь, как с ними обращаться правильно.

Иггельд ошалел, завопил:

— Какую могучую руку? В чем я могу быть против?.. Моя долина, что ли?.. Приезжайте, я буду счастлив, что я не один. А насчет показывать, так не смешите! У вас гораздо больше опыта и умения!

Беловолос покачал головой.

— Нет, Иггельд. Уже нет. У нас старые методы, с веревками да штырями. Но нам хотелось бы так, как и ты!.. Так что ты обогнал всех по умению. Кто-то знает больше, но ты — лучше. Так что мы будем учиться у тебя и смиренно просим принять нас к себе в ученики.

Он преклонил колено. Чудин тоже встал с ним рядом, и оба, коленопреклоненные, смотрели снизу вверх. Иггельд от смущения чуть не заплакал, а тут еще Черныш подошел и начал обнюхивать обоих, вяло лизнул Беловолоса, от обоих сильно пахнет драконами, так что можно с натяжкой считать своими, Беловолос и Чудин хоть и смертельно побледнели, чувствуя нависающую над ними громадную пасть с горячим дыханием, но остались на местах.

Иггельд торопливо и сбиваясь на каждом слове произнес формулу принятия в ученики. Оба встали, Беловолос сказал с бледной улыбкой:

— Надо ввести это в ритуал, освященит, так сказать... чтоб вот так свободный дракон стоял и обнюхивал каждого. Кто не испачкает штаны, того принимать. Кто хотя бы пукнет, того на корм, на корм! Чтоб сразу отсеять трусов.

Чудин сказал серьезно:

— А что? Для нового мира нужен новый устав.

Иггельд запротестовал:

— Какой новый мир?

— Новый, — возразил Чудин.

А Беловолос добавил:

— Не смейся, мы долго думали, прежде чем... Все-таки

если ты сюда поневоле, то нас никто не гнал. Потому мы долго раздумывали, размышляли, спорили, чуть не дрались.

— Не дрались? — переспросил Чудин.

Беловолос отмахнулся.

— То не в счет. Оба пьяные были. Но могли драться и презвые... Ты сам не понимаешь, что сделал, да?

Иггельд сказал виновато:

— Наверное, да. Я просто не мог принять то... как было там, на старом месте.

— Ты ушел и доказал, как надо, — сказал Беловолос. — Да, доказал всем!.. Даже старые поднебесники признают, что ты вышел победителем. Но они доказывают и тут, к сожалению, правы, что твой путь чересчур рискованный... и что нельзя твой способ применить в их Городе.

— Почему? — спросил Иггельд и тут же запнулся: — Да, вообще да...

— Понял? Да хоть один из дракончиков, которых начинают воспитывать по твоему способу, захочет порезвиться, он же разнесет весь город, порушит дома, перетопчет народ, а то и пожрет. А потом, ощутив человеческую кровь, станет совсем страшилищем.

Чудин добавил:

— И вообще, чтобы так воспитывать, надо самому быть немножко помешанным. Иггельд, мы — такие. Драконы для нас — все! Но только мы слабее тебя. Мы плакали, когда слабых убивали, отворачивались, закрывали глаза, а дома напились, но даже не протестовали. Да и то подумать, ведь все делается верно... Ты же поступил не по уму, а по сердцу... и победил! Сейчас мы, руководствуясь не только сердцем, но и умом, пришли к тебе. Будем жить в пещерах, здесь их много. Будем растить своих дракончиков. Будем спать с ними на одном ложе, будем есть из одной миски. Сроднимся, как сроднился с Чернышом ты. Мы всегда хотели быть к драконам ближе, но с детства знали, что драконы — звери. Хищные и лютые. Что их можно только укрощать огнем и каленым железом.

Оба через три дня принесли с собой детенышей драконов. Пещер хватало, уже не такой пронизывающий ураган рассекал долину пополам и у самых пещер затихал, к тому же Иггельд научил закрываться так, чтобы сохранять тепло, и дракозники окунулись в новое для себя воспитание драконов по «способу Иггельда».

Он им чуточку завидовал, обоим есть с кого брать пример, знали бы они, через какую жуть он протопал, как не раз отогревал Черныша своим телом, лечил и выхаживал, как в холодные зимние ночи грели друг друга, укрывшись одним одеялом!

Молодым дракончикам тоже было с кого брать пример, их обучение шло даже легче, чем Черныша, а тем временем в долину перебрались еще двое, Шварн и Худыш, но знаменательнее было то, что Шварн приехал с женой и двумя детьми.

Почти сразу за Шварном появился Апоница. За ним двигались семеро тяжело груженных лошадей, сам Апоница, бледный, потерянный, с красными воспаленными веками, обнял Иггельда, сказал надтреснутым голосом:

— Обгоняющий Ветер... ушел. У меня уже там никого не осталось.

Иггельд проговорил глухо:

— А сестра? Она тебя любит.

— Да, конечно, — ответил Апоница отстраненно. — Любит... по-своему. Я ей оставил дом. А сам буду жить здесь. Тоже попробую взять дракончика... Может, получится?

Иггельд сказал горячо:

— Да, конечно! Если ты возьмешься, то все получится. Никто не знает столько о драконах, как ты. Здесь ты очень нужен, правда!

Апоница криво усмехнулся.

— Не скромничай. Ты уже знаешь больше. Да и вообще... Силен не тот, кто знает больше, а кто знает нужное. Теперь ты — учитель, хочешь этого или не хочешь.

Он ушел устраиваться в пещере, Иггельд растерянно смотрел вслед. Теперь, когда пришли не только Беловолос с Чудином, они все-таки молодые, но даже Апоница, теперь

уже как-то нелепо жить во все еще продуваемой долине и в пещерах, как звери...

На другой день он собрал всех, сказал страстно:

— Когда я жил один, я долго терпел здесь лютый постоянный пронизывающий ветер. Тот самый, из-за которого никто здесь и не селился. Вы все слышали о нем! Кто-то, возможно, даже застал. Сейчас от него только остатки... да-да, видели бы, что было раньше! Но мы с Чернышом все-таки завалили туннель вон там, видите гору камней на противоположной стене? Но и сейчас этот ветер, его остатки здорово мешают жить...

Беловолос поинтересовался:

— Ну и что можем сейчас? Не заваливать же проход с другой стороны? Да и не завалишь, там слишком широко.

Иггельд сказал с жаром:

— В нашей долине скоро появятся дети! А Шварн вон уже приехал со своими двумя. Но даже звери делают все, чтобы спасти и обезопасить детей. А мы?.. Я прикинул, что, если поставим стену между теми горами, долина будет защищена от ветра. Но даже если не сумеем поднять ее высоко, то все равно силу ветра снизим!.. Если поднять хотя бы на высоту в два человеческих роста... представьте себе это!.. Ведь проклятый ветер обрушивается не сверху, а пробирается, как хитрая змея, почти снизу!..

Сперва, как он и ожидал, все дружно высмеяли идею борьбы с природой и богами. Потом начали доказывать, почему не получится. Иггельд спорил, горячился, его слушали, как ему казалось, мало, а то и совсем не слушали, слишком юн и горяч, но потом как-то решили попробовать в свободное время выломать подходящие глыбы, а вот на то, чтобы обтесать да сложить, дескать, лучше нанять умельцев. Такие в Городе Драконов есть, они и котлованы для драконов делали, и дворцы для знати построили, а сейчас томятся без дела и, главное, без заработка. Можно стговорить задешево, ведь работа несложная...

Не сказать, что это простое дело, но за весну, лето и осень выложили стену в два человеческих роста. Почти по-

ловина долины, что ближе к стене, ощутила снижение ветра, а те, которые поселились с другой стороны, убеждались, что в самом деле часть ветра разбивается о стену, и сами настаивали, чтобы ее поднимали выше.

Пришлось начинать с самого начала, то есть основание стены расширили втрое, иначе ветер повалит, когда она поднимется до вершин и, как плотина, удержит весь напор. Работали дни и ночи, залезли в долги, нанимали мастеров-каменотесов из Города Драконов, и всего за два года стену подняли почти до вершины соседних гор.

Для сообщений с Городом Драконов оставили сперва щель, а потом заделали и ее, поставив не очень красивые, зато массивные и надежные ворота.

Апоница, почесывая затылок, обронил задумчиво:

— У тебя получилась такая крепость, которую никакое войско не возьмет... Горы со всех сторон, ты заделал единственный проход!

Иггельд отмахнулся.

— Какое войско? Сюда если кто и добирается, семь потов сойдет. Никакое войско не провести сюда по нашим горным тропам.

— Это так, — согласился Апоница, — но крепость — чудо! Молодец, здорово сделал. Теперь люди будут жить в тепле.

— А я при чем? — удивился Иггельд. — Мы все строили!

— Да-да, — снова согласился Апоница. — Только ты единственный, кто все еще называет это место Долиной Ветров.

Иггельд в великом смущении развел руками. Апоница с удовольствием смотрел, как густой румянец заливает его щеки, лоб, опускается на шею.

— Единственный, — повторил старый смотритель со вкусом. — И никто их не заставляет называть... Долиной Иггельда! Кстати, так начали называть еще раньше, когда сюда переселялись Шварн и его жена. А теперь так и вовсе... При чем тут ветры, которых нет? А Иггельд — вот он! Отец-основатель.

Иггельд пробормотал в сильнейшем смущении:

— Апоница! Брось, не говори такое.

— Ты посмотри, — настойчиво сказал Апоница. — Ото-
рви рыло от земли, посмотри вокруг. Посмотри на Долину...
Иггельда.

Он даже ухватил его за плечи и развернул лицом к аккумуля-
ратным домикам. Иггельд в неловкости пожимал плечами.
Не сказать, что ничего не замечал все это время, но работы
всегда выше головы, долина меняется просто стремительно.
Уже не та продуваемая насквозь злым северным ветром без-
жизненная земля, что он застал в тот день, когда пришел из-
мученный, держа Черныша то в мешке, то за пазухой, отогре-
вая его своим теплом, озябшего, замерзающего, не понимаю-
щего, куда делись все ему подобные и где теплый огромный
бок с торчащими сосцами, полными молока.

Сейчас со всех сторон дымки, в пещерах добывают руду,
плавят, за железными слитками снизу цепочкой тянутся обо-
зы. Вообще-то железо здесь ненамного лучше, чем внизу, но
Апоница пустил слух, что в железо добавляют кровь молодых
драконов, потому оно, дескать, обладает магическими свой-
ствами, так что спрос на это железо велик, хорошая статья
дохода для Долины, что вынуждена закупать зерно, ткани и
вообще все-все, кроме камня. Правда, один из новых жите-
лей, Метелик, нашел небольшую, но богатую самородками
жилу золота, разрабатывал ее втайне, никому не говорил,
а все золото приносил к Иггельду и складывал в укромное
место.

— На черный день, — объяснил он сумрачно. — Почем я
знаю, каким будет? И откуда?.. Я уже старый, битый, просто
знаю, что будет обязательно. Это ты а-ла-ла и вперед, не ог-
лядываясь, а мы, старшие, живем с оглядкой. Потому, прав-
да, вы нас и обгоняете... Но зато половина из вас, даже боль-
ше, гибнет, а мы выживаем... Никому не говори про это зо-
лото. Используй, когда нужно.

— Это твое золото, — сказал Иггельд.

— Я копал его на твоей земле, — ответил Метелик.

— Да какая она моя! — вскричал Иггельд. — Общая До-
лина, общая!...

Метелик сумрачно усмехнулся.

— Вот видишь... Любой на твоем месте важно бы надулся и кивнул. Да, дескать, моя. Но и тебе от щедрот, так и быть, дам... золотую монетку. А ты вот сразу от всего отказываешься. Потому, Иггельд, к тебе идут, что тебя обобрать можно, а ты... гм... сам дашь себя обобрать, да еще и собственную шкуру снимешь, если потребуют. Словом, это золото — твое. Я ж знаю, используешь не на себя, а на Долину и твоих долинчан.

Иггельд спросил растерянно:

— Но... зачем? Разве тебе самому не нужно это золото?

Метелик буркнул:

— А тебе?... Ладно, считай, что я хоть и куяв, но мне вот взбрело в голову, прямо взбрендилось поработать и на общество. Правда, на все общество, куявское, у меня кишка тонка, я бы там половину вообще перебил, а вот на эту малую родину, нашу долинную, я еще могу, это совсем, оказывается, не противно.

Иггельд обнял старого горняка, в глазах защипало, он чувствовал, что старик за внешней грубостью скрывает нежное доброе сердце. Возможно, если бы стал не золотоискателем, а зрителем драконов, именно он много лет назад бежал бы в эту Долину с замерзающим дракончиком за пазухой.

ГЛАВА 10

Он ежедневно поднимал Черныша, садился на загривок и говорил: «Полетаем!» А если не приходил или медлил, Черныш хватал сбрую в пасть, вихрем вылетал из пещеры и огромными скачками бросался искать обожаемого родителя, несся к другим пещерам, отыскивал дорогого и самого любимого человека на свете, клал огромную башку на колени и вопросительно смотрел в глаза.

Народ, хоть и привычный к вольным драконам, шарахался от неожиданности, когда это черное чудовище несется прямо на тебя огромными прыжками, а из громадной оскаленной пасти свисает сбруя, болтаются ремни.

— Сейчас, — отвечал Иггельд. — Сейчас закончу разговор, и полетим!

Черныш терпеливо ждал, когда Иггельд приладит на зашивке второе сложенную кожу, а то сразу протрет штаны, привяжет ремни. Это неслыханнейшее наслаждение: видеть мир сверху. Так могут чувствовать только птицы... нет, даже птицы не могут, они рождаются с крыльями, а человек рожден ползать — и обретает силу и власть полета! От безумного счастья вскипает кровь, кружится голова, он не раз ловил себя на странном желании расстегнуть ремень и, распахнув руки, самому полететь наперегонки с Чернышом.

Только первый год они летали над горами, потом над всей Куявией, затем Иггельд осторожно, но настойчиво начал увеличивать нагрузки, заставляя летать над пугающим и бескрайним морем. Усталый Черныш стонал, хрипел, просился брякнуться на землю и отдохнуть, а если над морем, то готов поплавать, как коровья лепешка, но Иггельд неумолимо заставлял летать и летать, выбрав место над ровной степью, а то и вовсе над озером: если Черныш вообще от усталости не сумеет правильно опуститься, то хоть не поломают лапы, не свернет шею.

За годы таких полетов у Черныша отросли такие крылья, что Апоница и Якун не верили глазам своим, то и дело щупали и замеряли чудовищные глыбы мускулов. Иггельд давал Чернышу отдохнуть два-три дня, только кормил и следил, чтобы тот отсыпался, потом совершал проверочный полет на дальность. Вернувшись, рассказывал Апонице, где был, и видел, что старый смотритель верит и не верит: таких драконов просто еще не существовало. Даже в самых старых хрониках никто не упоминал о таких удивительных драконах.

— Мудрецы сказали бы, — заявил он однажды, — что это магия.

Якун сидел за столом рядом, он кивнул и подтвердил:

— Но ведь в самом деле — магия!

Апоница не понял, удивился:

— Какая?

— Самая сильная, — ответил Якун. — Которая может все.

Он перегнулся через стол, схватил Иггельда за руку и положил ее на стол ладонью вверх. Иггельд опустил взор на свои толстые ороговевшие мозоли — желтые, твердые, как конские копыта, застеснялся, вырвал руку и спрятал под стол.

Апоница посмотрел на Иггельда с нежностью.

— Вот ты о какой магии, — сказал он Якуну. — Ты прав, сильнее ее нет ничего на всем белом свете. Иггельд ею владеет! Как никто здесь.

Стена, преграждающая путь ветру в Долину, с высоты выглядела тонкой щепочкой, даже листиком, застрявшим между двумя горами, и жители забыли о постоянном свирепом урагане. Вообще это была, пожалуй, единственная на белом свете стена, которую поставили для защиты не от людей или зверей, а от ветра. И в стене тоже уникальные ворота, которые закрывают не перед врагами, а перед ветром.

Если оставить открытыми, то могучий поток воздуха превратится в ураган, сметет все, что рискнет оказаться на пути. Иггельд с самого начала забраковал ворота, которые предлагали опытные строители: с двумя распахивающимися широкими створками и красивыми запорами из толстой бронзы. Ветер не даст закрыть, а распахивать будет с такой силой, что створки быстро измочалятся в щепы, ударяясь о столбы. В какую бы сторону ни поставить открываться — все равно и недели не пройдет, как створки надо менять заново, но можно поставить ворота другого типа...

Он тогда долго объяснял, показывал, ссылаясь на то, что не сам придумал, а подсмотрел в дальних странствиях, но теперь вместо привычных створок в массивном проеме ворот всего-навсего одна широкая стена, что поднимается огромными воротами, наподобие тех, что у каждого котлована с драконами. Опустить и того проще: можно воротом, а можно просто бросить ручку, завертится сама, а створка ворот рухнет обитым железом краем, отсекая ветру хвост, а то и голову.

Но всякий раз, когда ворота поднимают перед прибывшими, стражи не могут удержаться от хохота, когда невеста откуда взявшийся ветер подхватывает перепуганных и ничего не понимающих людей и животных, вносит через узкие ворота и... пропадает, отрезанный упавшей, как острие топора, створкой ворот.

Иггельд с жалостью и сочувствием смотрел на троих мужчин и одну девушку, что вели под уздцы тяжело нагруженных коней. Вечер уже поджег облака, закат огромный, кровавый, на полнеба, скоро стемнеет, переселенцы это знали и, сами едва не падая от усталости после изнурительного подъема по опасной горной дороге, сейчас тащили коней под уздцы, понукали, обещали скорый отдых, отборное зерно и сладкую воду.

Они остановились на площади, смотрят в растерянности, где же постоянный двор, как можно без постоянного двора, что-то спрашивали местных. Им указывали в разные стороны, а женщине, как заметил Иггельд, указали прямо на него. Она оставила коней, пошла в его сторону быстрым шагом, высокая, собранная, в сером бесформенном плаще, скрывавшем фигуру.

В трех шагах сбросила капюшон, и словно солнце вспыхнуло на площади, оранжевый свет победно пошел от гривы длинных золотых волос, а большое багровое солнце над вершинами гор помолодело и чуть приподнялось, чтобы посмотреть на свое юное отражение. Золотые волосы освобожденно хлынули по плечам и спине, теперь он видел, что это молодая, очень стройная девушка, гибкая, но с сильным развитым телом. В ее лице он сразу прочел отвагу и решительность, даже дерзость, она смотрела влюбленными и вместе с тем удивленными глазами, и еще он успел увидеть, но не рассмотреть крупные, синие, как небо над горами, глаза.

— Иггельд! — услышал он ее чистый, немного хрипловатый голос, в нем звучало сильнейшее изумление. — Я даже не думала, что вырастешь таким красивым и таким... громадным.

Он всмотрелся внимательнее, ее остроугольное лицо слов-

но растопилось, превратилось в круглое детское, исчез прицельный прищур, взор стал по-детски ясным и чистым. Он запнулся, спросил с неуверенностью:

— Яська?

Она счастливо засмеялась, бросилась на шею, обняла, жарко расцеловала.

— Все-таки узнал?.. Мы же десять лет не виделись, да?

— Яська, — прошептал он, обнимая ее крепко и нежно, — дорогая моя... Как же ты изменилась! Почему мне казалось, что ты должна навсегда остаться такой... ну, сопливой, как была?

Она выдралась из его объятий, возразила негодуя, хотя глаза смеялись:

— Я никогда сопливой не была! Это ты... Ладно, я все бросила, когда услышала про Долину Иггельда. Ты мне местечко возле себя найдешь? Или, если возле тебя занято, хоть где-нибудь?

Он смотрел с нежностью в ее бесконечно милое доброе лицо. Они жили бедно, очень бедно, он не помнил такого дня, чтобы ему не хотелось есть, и не помнил дня, чтобы не работал по дому, не помогал в поле. У него вроде бы появлялись братья и сестры, но часто случались неурожаи, а было и такое, что страшная засуха терзала их землю семь лет подряд, крикливые комочки затихали, потом исчезали. Выжили только они с Яской, в их полуголодной семье мать оставляла им одну лепешку на двоих и уходила помогать отцу, так вот эта малолетняя сестра с презрительным видом отворачивалась от лепешки и говорила, что не голодна, что лепешка уже засохла, черствая, невкусная.

У него сердце защемило, в щеки с силой ударила горячая волна. А ведь он с облегчением хватал лепешку и жадно пожирал ее сам, один!

— Ты стала сильной, — сказал он с грустью. — Работала много?.. Но ты еще и очень красивая, Яська!

— На себя посмотри, — ответила она дерзко. — Так ты найдешь мне местечко? Ты прав, я работала жестоко, берусь за любую работу. Еще мне приходилось... защищаться, как

ты понимаешь. Я в самом деле сильная, умею драться. Так что я надеюсь, что ты научишь меня... обращаться с драконами?

Он ахнул, отшатнулся.

— Яська! Ни одна женщина... Это же чисто мужское дело!

— Почему? — спросила она. — Почему? Ты ведь в своей Долине строишь новый мир? Говорят, даже создаешь собственное племя? Вот и создавай!

Иггельд тогда не нашелся, что ответить, просто ввел ее в дом и велел отдыхать, набираться сил, но хитрая Яська быстро сдружилась со Шварном и Чуудином, Иггельд ахнул, когда Чудин съездил с Яськой в Город Драконов, а вернулись уже с дракончиком.

— Это мой зайчик, — объявила Яська. — Я его так и буду звать! Мой замечательный Зайчик. Он и по цвету такой же, верно? Серенький, тепленький, добрый... Я буду делать все, что скажешь, а в свободное время выращивать из него большого и красивого дракона. Вон добрый Чудин пообещал всему научить... ты же добрый, Чудин, верно?

Чудин покраснел, засмутился, потупил взор и начал ковырять сапогом землю. Иггельд скривился, но лишь развел руками.

Однажды через ворота проехал огромный закованный в железо всадник. Конь под ним шел спокойно, не ронял пень, не дрожал, хотя следом не тащился заводной конь, а позади всадника на конском крупе покачивался объемистый тюк.

Стражи уважительно провожали взглядами гостя. Свирепый ветер лишь распушил конский хвост и потрепал гриву, а конь даже не ускорил шага, да и сам всадник не изволил оглянуться. Спокойно и неторопливо доехал до площади, спросил Иггельда, дождался, когда Иггельд вышел из самого добротного и просторного дома.

— Ну, — прогудел он могучим, как рев дракона, голосом, — принимай еще... поселенца.

Он неторопливо снял закрывающий лицо шлем. Иггельд ахнул:

— Ратша!

Великан соскочил на землю, хорошо подогнанная груда железа на нем даже не звякнула, раскинул руки, улыбка растянула губы едва ли не шире, чем раскинул руки:

— Дай тебя обнять... Ты стал еще крепче, настоящее дерево!.. Нет, у тебя тело как из камня. Ты, случаем, не из рода каменных исполинов?

— Случаем, нет, — ответил Иггельд, улыбаясь. — Хотя кто знает? Мы, простолюдые, не ведем родословных. Ты в гости?

Ратша покачал головой.

— Разве я не сказал? Нет, хочу поселиться у вас. Я там продал домик, все мое имущество со мной. Город Драконов все больше становится просто городом, где драконов все меньше и меньше, а народу уже как тараканов... У вас же пока наоборот.

Подошел Апоница, крепко обнял Ратшу, сказал с удовольствием:

— Ну вот, теперь у нас и собственная армия! Пусть пока из одного человека, но уже есть!

— Апоница, — сказал Иггельд с укором. — Зачем нам армия?.. Пусть Ратша пока отдохнет, а потом сам себе придумает, чем заняться.

Он жадно всматривался в лицо великана, оно почти не изменилось, Иггельд лихорадочно пытался представить, сколько же Ратше лет, ведь он всегда казался ему таким же могучим великаном, но для ребенка и двадцатилетний кажется чуть ли не стариком, тогда оценивают по росту и ширине плеч, а Ратша всегда такой. Ну ладно, даже если ему тогда было лет двадцать пять, то сейчас — тридцать пять, еще далеко не старик, не старик...

Ратша вступил в жизнь Долины без всякого привыкания и вживания в новый быт: видел все, как начиналось, знал здесь почти всех. Уже со второго дня предложил, что теперь, когда столько народу в Долине, как-то обезопасить бы, поставить крепость, но Иггельд отмахивался: какой дурак взду-

мает подниматься по узким горным тропам, чтобы напасть на бедных горцев? А если кому и восхочется пробраться, чтобы украсть детеныша дракона, то ему придется наступать на ноги очень многим.

Но Ратша не унимался, убеждал, доказывал, Иггельд наконец заколебался, природа сама позаботилась о том, чтобы такой работы было поменьше, к тому же надо чем-то занять крепких здоровых мужчин, что прибыли с равнины и не знают пока, чем заняться. Горы убрали Долину в каменный мешок, окружив почти сплошным кольцом отвесных скал, совершенно неприступных, но горловина сужается в двух местах, в самом узком уже поставили стену, но перед нею довольно широкое каменное плато, дальше горы сужаются снова, Ратша уговаривал поставить крепкую стену и там, но Иггельд решил, что это уж чересчур.

— Если поставить стену, где поуже, — доказывал Ратша, — то перед нею останется еще смотри какая площадь!.. Целое конное войско разгуляется!.. А если там, где я хочу, то вообще запрем вход к нам в Долину. А на той узкой тропе не поставит даже мало-мальского тарана.

Иггельд ахнул:

— О каком таране ты говоришь? Кому нас таранить?

Ратша развел руками.

— Не знаю. Но я прожил почти вдвое больше тебя, уже знаю, как все меняется.

— Нет, — сказал Иггельд. — Это слишком много работы.

— У нас сейчас свободные руки девать некуда!

— Так заставить делать бессмысленную работу? К тому же все меняется, как ты говоришь. Сейчас им нет работы, но к вечеру вполне может случиться так, что людей не хватит. Нет, Ратша, я тебя люблю и глубоко уважаю, но ты уж чересчур осторожен!

— Старость предусмотрительна, — вздохнул Ратша.

— Ну, какой ты старик! Пойдем, я тебе покажу, чему Черныш научился за это время. Сам не хочешь вырастить дракончика?

Ратша поколебался, наконец отмахнулся.

— Хочу, но не стану. Не сумею. Для меня кони привычнее. Да и поздно мне учиться новым трюкам. Это твоя Яська чудеса показывает...

В Долине, кроме Черныша, обитали еще двое молодых драконов, их в свое время принесли Беловолос и Чудин, а также носились друг за другом и таскали за хвосты, приставали к прохожим с десятком молодых дракончиков, больше похожих на крупных ящериц. Они же затевали игры и драки, напрыгивали, будто охотились, на лапы Черныша, бросались на него из засады, повисали и с наслаждением пытались вонзить молочные зубки в покрытый сверхпрочной чешуей хвост.

Яська в свое время упросила Чудина, тот сам выбрал и подарил ей ма-а-а-аленького дракончика, как можно меньше, чтобы могла носить на руках. Она его назвала Зайчиком, такой же серенький, мягкий и робкий, Яська и не хотела злого, тогда придется держать на привязи или в закрытой пещере, лучше пусть носится по Долине, к нему привыкнут, и он привыкнет, что все люди — друзья, ссориться с ними нельзя.

Беловолос и Чудин воспитывали своих так, как в свое время Иггельд, нагружали, разве что не ели из одной миски, но теперь необходимости не было, посуды хватало, как и еды. Правда, Чернышу уступали и в силе, и в росте, как ни нагружай, а той нечеловеческой нагрузки уже нет, что прошли Иггельд со своим дракончиком, зато росли послушными, преданными, ходили следом, как утята, заглядывали в глаза с ожиданием: ну прикажите нам что-нибудь, прикажите! Мы сейчас же покажем, какие мы послушные, хорошие...

К ним привыкли настолько, что даже люди, никогда раньше не выдавшие драконов, а пришедшие сюда только ради залежей золота или железа, не вздрагивали, когда через плечо внезапно опускалась громадная пасть на огромной шее. Более того, украдкой совали в распахнутую пасть припасенную булочку, не страшась, что откусит и руку. А если хозяину удавалось застать за таким нехорошим занятием, оправ-

дывались: дык оно ж такое голодное, вон какими глазами смотрит!

— В котлованах лучше, — однажды сердито сказал Беловолос. — Там зверь знает только хозяина!.. А моего уже превратили в попрошайку. Пузо по земле волбчится, так нажрался, а глаза у него, видите ли, голодные!.. Не понимают, что дракон, выпрашивая лакомство у человека, делает это не от голода, а повышает статус...

— Или добивается ответа на вечный вопрос, — сказал Апоница с улыбкой.

— Какой?

— «А ты меня любишь?»

— Да, но так каждый может отравить! Дракон должен брать только из рук хозяина!

Апоница вздохнул, развел руками.

— Верно. Это сейчас у нас безопасно, а когда понаедут всякие...

Иггельд, который со своего угла прислушивался, не вступая в спор, спросил с неловкостью:

— Да какие всякие?.. Кто сюда приедет из теплых и сытных равнин?

— Эх, Иггельд! — сказал Апоница со вздохом. — Люди меняют столицы на бедные деревни не только ради сытости...

В Городе Драконов, где сперва с насмешкой относились к полоумным, что ушли вслед за мальчишкой высоко в горы, где несколько лет сочиняли смешные истории про недотеп, которые решились с драконами жить в дружбе и обучать их так, как придумал мальчишка, а не как велит многовековой опыт предков, сперва медленно и очень нехотя оставили шуточки, потом встревожились, начали совещаться, как поступить правильно.

Напрасно Иггельд мечтал, что теперь и там поверят в правильность его обучения драконов, сами начнут так же, нет — в Куябу пошли доносы, что группа сумасшедших выкрала ценных детенышей драконов, тайком выращивает в

уединенном месте, что-то задумывают, то ли сносятся с врагами Куявии, то ли сами замышляют что-то недоброе.

Иггельд в отчаянии восклицал: как они могут, ну разве же можно так, это же нехорошо, зрители кивали, соглашались, лица оставались хмурыми.

Апоница подытожил:

— Это рано или поздно должно было случиться. Удивляет только Иггельда, у него слишком уж чистая душа. К нам относились снисходительно, пока считали выжившими из ума, но сейчас мы уже перехватили половину заказов, что раньше выполняли в Городе Драконов!.. Нас здесь горстка, мы богатеем быстро, к нам тянется народ, а мы уже берем не всех, а отбираем для поселения еще строже, чем отбираем драконов!.. Скажи, Иггельд, ты за один перелет на своем Черныше доставил послание Тулея и его дары тцару Вангита?.. Вот видишь, за один! А в Городе Драконов взяли бы за это втрое дороже, а везли бы на их медлительных драконах трое суток, тем драконам надо часто отдыхать. А это тоже риск, могут встретить разбойников. Никакой их дракон не спасется, если наскочит дюжина отважных сорвиголов! И ценные дары будут потеряны, и тайное послание, что куда важнее. И после этого ты хочешь, чтобы в Городе Драконов нам не пакостили?

— Но это же нечестно! — воскликнул горестно Иггельд.

Зрители переглянулись. Апоница спросил участливо:

— Ты не артанин, случаем?..

— При чем тут артане?

— Да это они всегда о чести... А куявов заботит прежде всего целесообразность.

— Так и пусть переходят на доброе воспитание драконов! И у них будут такие же!

Снова переглянулись, Апоница развел руками.

— У тебя доброе сердце, ты всем готов поделиться. И все готов отдать. Но дело в том, что они даже взять не могут...

— Почему?

— Увы, причин много. Одна из них — не могут вот так просто похоронить все, чем занимались они, их отцы, деды, прадеды. А те твердо и обоснованно утверждали, что драко-

нов нужно подчинять болью. И это верно, это проверено веками. Ты ведь их не опроверг, ты просто нашел еще один способ!.. Я даже не скажу, что он — лучший!..

Игтельд насторожился, холодная волна прошла по телу.

— Что ты говоришь?

— Все верно, Игтельд. Болью удастся подчинить всех драконов. А лаской и воспитанием... ну, тоже, может быть, удалось бы всех, но тут и люди должны быть другие. Ты не заметил разве, что никому не удается вырастить дракона, который не то что лучше твоего Черныша, а хотя бы приблизился к нему?.. Вот видишь! Болью может работать почти всякий. Любовью, увы, очень немногие. Да, любовью можно добиться большего, но и сам учитель должен не просто работать с драконом, как работают в Городе, а жить его чувствами, понимать его, любить, горевать вместе с ним, стонать, когда тот прищемит лапу или загонит занозу. Здесь собрались такие, но в Городе подобных сумасшедших не осталось, все здесь. Да и то, знаешь, кое-кто даже здесь не выдержал, вернулся в Город. А значит, вернулся и к старым простеньким, зато надежным методам. Да, они не дают многого, как у нас, зато дают наверняка. И без особых усилий. Ну, опять же в сравнении, в сравнении... Ведь то, что мы называем жизнью, они считают, что мы рвем жилы, истязаем себя на этой жуткой работе...

Шварн сказал весело:

— А разве не так?.. Ладно-ладно, пошутил. Я слышал, из Куябы к нам приедут беры от самого Тулея. Чтоб, значит, все закрыть, все порушить, а наших крылатеньких передать обратно в Город Драконов. Что делать будем?

Все затихли. Игтельд прошелся вдоль стола, но видел только затылки, с ним никто не хотел встречаться взглядом, в глазах молодого основателя настоящее отчаяние. Наконец Игтельд тяжело вздохнул, сказал хриплым голосом:

— Противиться не можем, мы — куявы, а Тулей — наш цар. Единственное, что можем, доказать, что мы — лучше. А значит — важнее для Куявии. Думаю, что для Тулея и мы, и Город Драконов — одинаково мелкие мошки, никому из

нас не отдаст предпочтения... вот прямо сейчас. Мы должны доказать, что мы — лучше!

Апоница буркнул:

— Другим мы как раз и доказали! Лучше бы не доказывали.

Шварн задвигался, посмотрел по сторонам, хмурый и невеселый, спросил с надеждой:

— Что-то надумал?

— Нет, — признался Иггельд. Добавил: — Но что-то придумую.

Бофор, один из самых молодых воспитателей драконов, привез новости, что в городах, особенно в областях Нижней Куявии, что граничит с Артанией, начали закупать в больших количествах муку, зерно, мясо, скупают орехи, крупу. Всего набирают столько, сколько бывает предложено. По стране поползли непонятные слухи, на базарах толкуют о дивных видениях, о хвостатых звездах, кто-то видел встававших из могил мертвецов, один из городской стражи клялся, что своими глазами видел, как гигантская метла ударила по небу и там вспыхнул пожар.

Все сходилось к тому, что вот-вот грянет война. Да не простая, не те стычки на границах, что случаются каждую неделю, не малая, что раз в год, а большая, великая, когда сдвинутся с мест народы, когда будет плач великий, а вороны обожрут так, что не смогут больше летать.

В доме Иггельда, где хозяйничала Яська, собрались наиболее уважаемые жители, оценивали слухи, прикидывали, что можно поиметь для родной Долины, а когда пришел Иггельд, в нижнем зале, уже целом зале, стоял дым коромыслом, горели печи, жарилось, пеклось и варилось, Апоница встретил с виноватой улыбкой:

— Мы тут проголодались, пока сводим концы с концами...

— Неужели так плохо? — спросил Иггельд встревоженно. — Где?

— Слухи сводим концы с концами, — объяснил Аполи-

ца. — Ты извини, что хозяйничаем в твоём доме... Но Яська прямо настаивала.

Яська мило улыбнулась, веселая, бойкая, раскрасневшаяся, похожая на резвую белочку. Иггельд с порога оглядел собравшихся, в груди болезненно екнуло. В простой комнате за длинным добротным столом сидят Ратша, Апоница, Беловолос с Чудином, они так и ходят вместе, хотя оба уже обзавелись семьями, Бофор, а во главе устроился Ортард, степенный и рассудительный, перебрался совсем недавно, здесь-де его близкие — Иггельд и Яська, быстро и ловко завладел одной из золотых жил, поставил две плавильни, сперва работал с утра до ночи сам, а теперь уже нанял работников, сам только приглядывает, вообще приглядывается ко всему, а к его осторожным и взвешенным советам прислушиваются даже воспитатели драконов.

Иггельд прошел к свободному месту за столом.

— Да какой он мой! — сказал он жалобно. — Вы его же сами построили, я пальцем не шевельнул. В нем удобнее всего проводить сборы старейшин. Или отцов города. Вот пусть и будет...

Апоница прервал строгим голосом:

— Этот дом — твой. Отец у города один — ты. И у всей Долины — ты. На том стоим и стоять будем, чтобы разброда не было. Даже чтоб возможности не было!.. Есть хочешь? Из самой Куябы привезли замечательное вино...

— А что за новости?

— Сперва поешь, — буркнул Апоница. — Отощал весь... Что мы за народ, что своего отца-основателя так морим работой?

Иггельд не понял, насмешничает или в самом деле заботится, ноздри уловили ароматы зажаренного мяса, в желудке беспокойно задвигалось, начало отдирать от позвоночника прилипший живот.

Из новостей было главным, что цены на зерно сразу взлетели впятеро. Правда, зато перестали покупать дорогую одежду, прекратили строить дома. Потеряли работу каменотесы, столяры, прибавилось работы оружейникам, кузнецам,

добытчикам руды. Золотых дел мастера работали, как работали: золотые вещи легче унести, легче спрятать, чем богатый дом или несметные стада.

Не знали землепашцы, стоит ли поднимать землю плугом, хотя пришла пора, не опоздать бы. Еще на околице встречали торговцев и, прежде чем смотреть их товары, жадно выпрашивали новости, бросались ко всем проезжающим через их села и города. Никто не мог объяснить толком, что затевается, с Артанией вроде бы совсем недавно заключили вечный мир, артанские купцы пригоняют несметные стада и уже сбили цены на мясо впятеро, зато покупают втридорога шелка, богатую утварь, которую не умеют сами делать, дорогое вино, украшения из золота и драгоценных камней.

Не могло вроде бытть войны и со Славией, та тоже никогда не нападала на Куявию, ей достаточно того, что из куявских войск, что вторгались в Славию, не вернулся ни один человек. Разве что таинственный Вантит, о котором знали меньше всего, решил вторгнуться в богатые земли, где есть и золото в земле, и железо, и олово, также богата мрамором, где самая жирная на свете земля, на которой растет все.

Все ждали, когда он поест, Иггельд это видел, глотал от смущения, почти не прожевывая, давился, торопливо запивал слабым вином. Ортард, поглядывая на него из-под косматых нависающих бровей, заговорил рассудительно, медленно:

— Ты ешь, ешь, не торопись, мы просто пока рассуждаем вслух... Что, мол, должны делать? И должны ли вообще?.. Понятно, что если и начнется война, что маловероятно, то до нас не доедет, это понятно. Кому мы такие бедные нужны? Но любая война требует массы людей, золота, оружия, еды... Все это гибнет, горит, исчезает. Как все мы знаем, кто-то именно на войне наживается. Хотя бы поставщики доспехов и хороших мечей.

— И конезаводчики, — вставил Ратша.

— Вот-вот. Что мы можем делать и... должны ли?

Все помалкивали, осторожно поглядывали друг на друга. Иггельд торопливо запил вином и хотя голод еще не утолил,

но неловко заставлять себя ждать таким уважаемым людям, отодвинул кубок, вытянул руки на столешнице и сделал вид, что слушает с вниманием. Да, верно, должны ли они что-то делать вообще? Куявия, как и Артания или Славия, вся из множества племен. Хоть и одного корня, но иной раз держатся разных обычаев, а то и вовсе призывают разных богов. Здесь, в предгорьях, всегда, как говорят, жило воинственное племя бойков. Вообще-то раньше бойки не были воинственными, но более многочисленные соседи оттеснили в горы, где защищаться легче, там бойки сумели отстоять себя, а постоянная необходимость быть на страже научила этой самой воинственности.

Потом пришли более спокойные времена, но мир уже поделен, долины захвачены гуцами и верхонцами, бойки с трудом выживали охотой в горах, потом сумели приручить драконов, и с той поры начался их взлет как единственного народа, который мог общаться с драконами. Нередко только появление дракона с человеком на загривке решало исход битвы, так что бойков ценили, им платили щедро, нанимали перевозить срочные послания, учитывали и то, что в случае необходимости на драконе можно перебросить одного-двух важных людей из конца в другой конец страны.

В конце концов высоко в горах под питомники для молодых драконов выбрали обширную удобную долину, с трех сторон на вершинах поднялись черные башни колдунов, а в долине постепенно вырос целый город, который люди равнины со страхом называли Городом Драконов и рассказывали о нем жуткие истории.

Увы, когда в Куявию вторгся Ютигга и началась долгая затяжная война, тцарам стало не до разведения драконов. Потом Ютигга все-таки захватил трон, но все, что он делал, это грабил страну, развлекался, то и дело казнил сотни знатных людей, подозревая всех в попытке свергнуть его с трона. Наконец в самом деле его свергли, только это пришло не изнутри, как ожидал Ютигга, а некий пастух в горном селении или простой охотник услышал глас, приказывающий идти на Куябу и освободить ее, пошел и в самом деле освободил.

Правда, по дороге у него набралось около ста тысяч разношерстного войска.

Но и этот герой, пастух Тулей, драконами совсем не интересовался, более того, их хозяевам не доверял, услугами почти не пользовался, денег на содержание не выделял. Вообще, по слухам, все последние тцары слишком притесняли маленький гордый народ бойков, лишали многих прав, завоеванных в нелегкой борьбе, и потому главы родов бойков очень неохотно шли на службу к куявскому тцарю.

Иггельд сжал кулаки, вспомнив рассказы стариков про старые времена, когда те дрались с артанами в степи, наступали славов в их же лесу, встречали жестоких вантийцев на море и топили их вместе с кораблями. Много подвигов они совершили с драконами и без них, много оказали услуг Куявии. Их, правда, щедро жаловали, так как все должны видеть, что тцар щедр и справедлив, но тут же отодвигали подальше. Бойков не то что к трону, не допускали даже во дворец, а самая высокая служба, о которой они могли мечтать, это работа в городской страже. Но и то старики с горечью отметили, что в охрану вместе с одним бойком выходят два-три местных куява.

Это было настолько обидно, что бойки перестали наниматься в столицу. Жили и работали в родных горах, но, понятно, молодые мечтали о возврате тех времен, когда бойки были в почете, окружены славой. И вот сейчас, когда в стране снова что-то назревает, как поступить?

— А никак, — сказал Апоница, хлопнул ладонью по столешнице. — Мы пока должны заниматься своими делами. Будет нужда — позовут. Мы не откажемся, мы — куявы. Но напрашиваться и предлагать услуги — это снова получить по носу.

Ортард задумчиво потрогал нос, почесал переносицу. Глаза жутко косили вовнутрь, стараясь уследить за пальцем.

— Лучше подождать, — согласился он. — Поспешишь — людей насмешишь, а драконы так и вовсе обхохочутся. Пока что нам все на руку: заказы сыплются со всех сторон!.. И все готовы платить втрое больше, чем раньше...

Беловолос и Чудин кивнули разом. Ортард прав, хоть вроде бы копаются в золотой жиле и не знает о ценах на перевозки. Хотя Ортард есть Ортард, старается знать все цены.

ГЛАВА 11

Ратша всякий раз напрашивался с Иггельдом в полеты, Иггельд почти не отказывал, Ратша — великий воин, помимо того, что сам в схватке одолеет десяток бойцов, но еще и участник многих войн, знает воинские приемы, хитрости, ловушки, умеет выбирать позиции для открытого боя, для засад, знает, как завлечь противника в топкое или зыбучее место, превратить невыгодную позицию в выигрышную.

В Долине уже три дракона, на которых перевозят грузы: сам Черныш и драконы Беловолоса и Чудина, подрост Зайчик Яськи, уже второй год носит ее по небу, вот-вот заматереют драконы Шварна, Бофора и еще двух молодых зрителей. В пещерах места еще есть, они тянутся вглубь, там тепло и сухо даже в лютые зимы, но в самой Долине поднимается пыль столбом, когда они все вылезают разом и начинают играть и таскать друг друга за хвосты.

Апоница стал и здесь главным зрителем, помолодел, ожил, несмотря на суровую жизнь. На него пытались свалить и такие хозяйственные дела, как присмотр за шитьем теплой одежды на зиму или хотя бы за закупками, но он все сваливал на Ортарда, тот не отказывался, а сам весь отдавался выращиванию драконов.

Нижняя Куявия как будто и не помышляла о близком вторжении артан, хотя именно она лежит на пути в глубь Куявии, но в Средней и Верхолесье вовсю готовились к войне. А когда Иггельд и Ратша опускались на Черныше перевести дух и перекусить, везде стучали молоты, из кузниц охапками выносили деревянные пики с еще горячими накопечниками из бронзы, молоты, секиры, даже грубо выкованные мечи.

В одном некрупном селе на околицу пригнали коней, там

обучали ратному делу молодежь и поселян, которые просились в поход, в отдельный амбар сносили припасы для войска: муку, крупу, копченое мясо. Везде Иггельд видел, как мирные поселенцы деловито смазывают салом луки, чтобы не рассохлись в походе, широкие поясные и заплечные ремни, на которых держаться тяжелым мечам, секирам, щитам.

Поскрипывали металлические панцири, их натирали мелом. К удивлению Иггельда, в каждой деревне таких панцирей находилось по два-три. Хорошо живут, оказывается, куявские поселяне: даже городская стража защищена кожей, разве что с железными бляшками, а в таких богами забытых селах попадаются цельнометаллические, их сняли с трупов знатных людей, это ж с каких войн берегут, хитрецы...

В деревнях народ чаще всего окружал Ратшу, в нем издали виден суровый и опытный воин, он чаще всех сталкивался с варварами, умел с ними воевать, знает их обычаи, варварские приемы войны. Его угощали, подливали вина в его кружку в корчме, привечали в каждом доме и жадно слушали, слушали, слушали.

Иггельд сходил в корчму, купил мяса и рыбы, покормил Черныша. Как обычно, широким кольцом собралась сельская ребятня, на огромного дракона смотрели со страхом и восторгом. Прибегали испуганные матери и уволокивали чада, возмущенно вопящие, что дракон, мол, хороший и детей не ест.

— Жди, — велел Иггельд. — С места не сходить, понял?.. Я отыщу Ратшу, и сразу полетим дальше.

Он всегда все рассказывал подробно, объяснял, уверенный, что Черныш каким-то образом все понимает. Да и вообще привычка разговаривать с Чернышом осталась еще с тех времен, когда в первые годы жизни в Долине вообще могли общаться только друг с другом.

Ратшу он застал на вытопанной площади в середке села. Наступала ночь, горел костер, Ратша сидел на бревне, рядом еще пятеро из уважаемых селян, остальные сгрудились вокруг, едва не вступали в костер, жадно слушали.

— Артане храбры, — говорил Ратша внушительно, — но

эта их храбрость оборотная сторона дурости. Артане никогда не отступают, это для них позор! А мы-то знаем, что бегство иной раз та же победа? Знаем. И пользуемся.

— Побежал, — сказал кто-то из селян рассудительно, — дык и воротиться можно!

— Верно, — согласился Ратша. — Артане идут в бой с голлой грудью, а мы — закованные в доспехи. Артанину вроде бы легче драться, он ловчее и быстрее двигается, но нас не страшат его комариные укусы по хорошему доспеху. Зато если копьё или дротик бьёт в голую грудь... ха-ха, не родилось еще героя, чьи могучие мышцы выдержали бы удар моего копьё!

— А если копьё все же переломится?

— Само не переломится, — отпарировал Ратша. — Но если успеет перебить артанин, успевай выпустить из рук обломок и схватиться за меч. У тебя меч всегда должен висеть рукоятью вперед, чтобы сразу же ухватить, цапнуть!

Иггельд послушал за спинами, тихонько ступил в полосу света. Ратша увидел, кивнул, поднялся, огромный и красивый в суровой мужской мощи доспехов, длинного меча и кинжала на поясе.

— Надо лететь дальше, — сказал он значительно. — Если артане все-таки сюда доберутся, сумеете дать отпор!

В ответ загудели голоса:

— Не сумлевайся!

— Живыми не уйдут!

— Догоним и последние штаны с них сдерем!..

— С чем придут, от того и...

— Все шкуры слупим!

Прежде чем вернуться в долину, еще раз прошлись над Нижней Куявией, даже над сопредельными с Куявией землями Артании, но там никаких войск, с тем и вернулись. Правда, по пути остановились в Белой Веже — выгодный заказ, сразу же окружили, требовали вестей. Конечно же, о начале войны с Артанией. Особенно приставали с расспросами к Ратше, а на Иггельда засматривались разве что молодые женщины да еще отцы семейств, у которых попевали дочери.

Ратша как мог рассказал, что знал, Иггельд наблюдал со стороны, видел, что горожане явно огорчились. Мирные вести, которым всегда рады, сейчас, напротив, огорчили даже женщин. Похоже, Куявия наконец-то ощутила свою безмерную мощь и страстно возжелала покончить с постоянно надоедающими варварами.

Прошла еще неделя, Иггельд сам поднял Черныша и отправился в затяжной полет над Нижней Куявией. Уже не слухи, он сам с большой высоты увидел, как огромное войско переходит вброд через пограничную речку, а дальше разбилось на огромные легкие отряды конников, что, как стремительные драконы, понеслись в разные стороны. За артанами можно следить издали по черным столбам дыма, по зареву пожаров, а если видел обширное пепелище и обгорелые трупы, то уже знал, здесь недавно прошли артане.

В Долине все восприняли с деловой хватки его дяди Ортарда по-своему: набрали заказов на оружие и доспехи, взвинтили цены, начали продавать втридорога снадобье из слюны боевого дракона, что якобы увеличивает силу в бою и оберегает от артанских топоров.

Еще через неделю в Долину дошли слухи, что захвачена и столица, славный град Куяба. Слухи оказались ложными, до стольного града артанам еще идти и идти, но молодежь Долины рвалась создать отряд и пойти на помощь. Все осложнялось тем, что накануне войны с Артанией тцар в очередной раз оскорбил бойков, запретив им летать на драконах над морем, а также приближаться на драконах к стольному граду ближе чем на три конных перехода. Старики роптали, что это, мол, оскорбление и недоверие, молодые приуныли, нельзя уже любоваться с высоты драконьего полета морем, да и вообще крылья подрезали не только драконам, но и им тоже, молодым и готовым послужить державе.

Никто, понятно, не решался нарушить приказ тцара. Старики говорили, что тцару только дай к чему придраться, чтобы быть правым в глазах сограждан, он тогда вообще запретит подниматься в воздух всем, кроме тцарских посланцев, а это погубит выучку драконов, так как им до зарезу нужны полеты.

Ратша сидел под скалой, точил меч. Меч достаточно острее, но ему нравилось делать лезвие еще острее, довести до остроты бритвы. Конечно, против закованного в железо воина это ничего не даст, но горделивые артане предпочитают сражаться обнаженными до пояса...

Он хищно улыбнулся. Артане сражаются так не только из-за какой-то особой храбрости: без лат гораздо легче двигаться, в поединках они побеждают куявских латников за счет скорости, ловкости, но кто умеет и не уступает артанам в скорости, тот не упустит преимущество хороших доспехов.

Через двор мелькнула широкая тень, тут же ветерок поднял пыль и погнался к обрыву. Ратша вскинул голову, мир перерекнула огромная темная туша. Черный дракон стремительно опустился с синего неба, по каменным плитам с цокотом и желтыми искрами пробежали толстые темно-зеленые лапы. Дракон с усилием выставил в стороны крылья, замедляя бег, его остановило в двух шагах от Ратши, он с великим облегчением лег, морда оказалась прямо у сапог Ратши.

Ратша опасно подтянул ноги.

Слезли Иггельд и Апоница. Апоница кивнул Ратше, приветствуя, молча ушел в дом. Иггельд хлопнул Черныша по щеке, отпуская, подошел к воину. Ратша встал, Иггельд уже не мальчишка, каким убежал из Города Драконов, пряча за пазухой жалобного дракончика, это основатель всего здешнего городка, и приветствовать его нужно хотя бы как равного.

— Да сиди ты, — воскликнул Иггельд. На щеках появился румянец. — Ты чего смеешься?

— Привыкай, — сказал Ратша. — Если я тебе кланяюсь, то и другие, глядя на меня, начнут кланяться. Так надо. Мир на этом держится. Что прикажешь?

Иггельд огрызнулся:

— Ничего я не приказываю! И не буду. Но, если хочешь, могу взять с собой.

— Куда?

— Да просто прокатиться вниз, на равнину.

— Когда?

— Да прямо сейчас.

Ратша оглянулся в сторону скачущего Черныша. Тот отыскал выброшенную старую шкуру быка, играл с нею, то подбрасывая, то делая вид, что боится, прячется, а потом нападая на нее сбоку, страшно скаля зубы и грозно взрыкивая.

— Не устал?

— С какой стати? Для Черныша от Города сюда рукой подать.

Ратша кивнул.

— Хорошо. Попей воды, а то скрипишь, как несмазанное колесо, я за это время все сделаю.

Иггельд молча направился в дом. Ратша прав, в горле в самом деле першит, скребется, царапает коготками. И хотя летал над горами, но кажется, что пыль из-под копыт артанских коней уже поднялась и сюда, к горным вершинам. А Ратша в самом деле все сделает. Уже не пугается, когда огромная закованная в прочнейший панцирь туша выпрыгивает из тьмы и бросается как на добычу: пасть разинута, клыки блещут, словно выдернутые из ножен клинки, топот, земля вздрагивает, в этом случае надо поскорее прижаться к стене, чтобы дракон не опрокинул, а он не успокоится, пока не оближет. Теперь, когда признал своим и Ратшу, приветствует его почти так же ликующе, как и Иггельда, хотя, правда, приказы начисто игнорирует, только скалит зубы и на особенно грозные команды просто стреляет длинным языком, стараясь залепить прямо в губы.

Кормит его, поит и чистит тоже Ратша, даже купает. Черныш освоился с этим действием, уже терпит, только следит, чтобы терли жесткой щеткой посильнее, чесали уши и стучали палкой по загривку. Ратша, как профессиональный воин, взял на себя и прочие мелочи, как-то: экипировка, седла, ремни, запас продовольствия, а когда пришли слухи о вторжении артан, неизменно брал в полеты тяжелые луки и связки с дротиками.

Да и вообще... Он ушел, точнее, убежал из Города Драконов, когда ему было десять. Сейчас двадцать пять, а безжиз-

ненная и зловещая Долина Ветров за пятнадцать лет превратилась в обжитой мир. Даже за десять: первые годы он выживал здесь сам, заваливал туннель, потом с ним были только полусумасшедшие Беловолос, Шварн, Худыш и Чудин, и только в последние годы сюда хлынули как учителя драконов, захотевшие научиться новому способу укрощения драконов, так и различные рудознатцы, плавильщики, кузнецы, приехали семьи, народ вышел из пещер и начал строить добротные дома. Некоторые, правда, так и оставили большую часть помещений в пещерах, лишь у входа пристроили дома на одну-две комнатки, так что нередко удивленный гость, ожидая обнаружить тесные каморки, где ютится вся семья, обнаруживал обширные залы.

И вот он, Иггельд, должен всем этим как-то заниматься, хотя он жаждет заниматься только Чернышом, мечтает побывать с ним в настолько далеких странах, чтобы вообще... добраться до края мира, который и есть самый настоящий Край, когда головой упруешься в хрустальный небосвод, что здесь в небесной выси, а там его основание упирается в землю!

Когда, напоенный и освеженный, успел даже наскоро умыться, вышел на крыльцо, там уже сидел благовоспитанно Черныш, Ратша стоял справа, словно готов поддержать ему, Иггельду, стремя. Он и на Черныша сел только после Иггельда, как садится послушный и подчиненный воин.

— Все в порядке, — сказал он за спиной Иггельда.

— Взлет! — сказал Иггельд. — Черныш, взлет...

И опять он чуть опоздал: лапы Черныша начали подгибаться для прыжка в тот момент, когда слово «взлет» оформилось в сознании, а когда он начал вытягивать губы для первого слога, Черныш уже присел к самой земле, прижимаясь почти брюхом, а когда Иггельд только начал произносить, дракон уже метнулся в воздух, распростер крылья, мощно ударил по воздуху, еще и еще. Их вжало в седла, тела потяжелели, с каждым днем Черныш ухитряется выпрыгивать в небо все стремительнее, глаза на лоб лезут, а кишки топчут одна другую.

Не делая круга над Долиной, как всегда поступают дру-

гие драконы, чтобы запомнить, откуда вылетели, Черныш сразу взял верное направление. Иггельд снова подумал, что у них с Чернышом особая связь, дракон чувствует желания Иггельда, улавливает сразу, как только он осознает четко и ярко.

Ратша негромко посоветовал укрыться плащом. Ветер еще не досаждал, это придет позже, но Иггельд укрылся, Ратша прав, потом будет уже просто зябко.

Черныш все набирал высоту, ему нравилось, когда облака уходят вниз так далеко, что кажутся заснеженным полем. И только опускаясь к этой «земле», опускаясь долго, с потрясением обнаруживаешь, что этот слой вовсе не зимнее поле, а под ним глубоко-глубоко внизу еще одна земля: с лесами, полями, тонкими нитями рек, синими пятнами озер, зелеными — болот и стариц.

Сейчас Иггельд сказал строго:

— Нет, с орлами сегодня состязаться не будем. Иди так, чтобы рассмотреть не то что войска, но и масть их коней.

Он не понял, чему сзади коротко хохотнул Ратша. Черныш вместо того, чтобы резко снизиться, напротив, свободно начал набирать высоту, на землю вроде бы не смотрел, хотя у него глаза расположены так, что в полете вовсе не надо наклонять голову, это мешало бы полету, и так все видит...

— Ну что не так? — спросил он чуточку раздраженно.

Ратша хохотнул снова.

— Сказать или сам догадаешься?

— Уже догадался, — пробормотал Иггельд.

Вернее, не догадался, а вспомнил, подумал он хмуро, как не однажды дракон явно реагировал на нечто, что ускользало от зрения Иггельда. Не раз снижался для проверки, и всякий раз оказывалось, что под кустом либо задремал заяц, либо там птичье гнездо, а однажды дракон вовсе опустился в го-лой степи, Иггельд хотел его уже выругать, но Черныш яростно заработал лапами, земля полетела громадными комьями, тут же открылось гнездо с крохотными мышатами.

Иггельд обалдело мотал головой. То, что дракон увидел или учуял из-за облаков, само по себе чудо. Но зачем ему мыши? Или какая-то игра?

Не раз точно так же плюхались в реки и озера, над которыми пролетали. Иггельд поспешно соскакивал и наблюдал с берега, с каким азартом дракон ловит рыбу, гоняется из конца в конец озера, пробует нырнуть, но всякий раз на поверхности оставался толстый зад с шипастым хвостом, а когда Черныш поднимал голову, на ней свисали комья донной грязи, плети водяных растений.

Он давно понял, что обоняние дракона превосходит его собственное в сотни и даже тысячи раз, зрение тоже во много-много раз, а если Черныш не реагирует на мелких червяков, что грызут корни травы, то лишь потому, что неинтересны, а не потому, что не слышит. Возможно, слышит даже, как растет трава где-нибудь в Артании. И вот сейчас понял приказ, как Иггельд и приказал. Все правильно, надо думать, что брякаешь.

— Молодец, — пробормотал он, — молодец, умница... А теперь давай все же ниже. Ничего не поделаешь, мы с тобой хоть и видим отсюда...

— Но Ратша сзади не видит, — раздался сильный голос, в котором Ратша чересчур старательно прятал насмешку. — У Ратши, такого вот дурня, глазки ма-а-а-ахонькие!.. Как у червяка. Хуже того, как у человека, который даже видит, да не смотрит, а смотрит — ни черта не видит... Ого, что вон там?

— Где?

— Опустись ниже и подай Черняшку левее.

Иггельд сказал с неловкостью:

— Вот видишь, у тебя глаза лучше.

— Я просто привык замечать, — ответил Ратша. — Я не замечаю красот деревьев или озер, а вот... да, там что-то движется!

Иггельд видел сперва нечто мерцающее на серо-зеленой поверхности, Черныш замахал крыльями чаще, теперь он несся так, что догнал бы выпущенную из лука стрелу, встречный ветер свистел в ушах и дергал за волосы. Иггельд сбросил с головы капюшон, приложил ладонь козырьком к глазам.

На большом пространстве земля из зеленой стала серо-коричневой, и казалось, она слегка мерцала, словно покрытая рябью волн. Такое он видел только однажды, год назад, когда пролетал над полем, по которому двигалась исполинская стая саранчи. Саранча еще не отрастила крылья, но и такая, пешая, передвигалась с огромной скоростью, пожирая все на своем пути. После нее оставалась черная земля. Даже высокие деревья превращались в почерневшие, как после пожара, обглоданные до коры скелеты.

— Саранча, — вырвалось у него.

Поблескивающие искорки выглядели слюдяными крылышками, но точно так же с высоты блестит в солнечных и даже лунных лучах и обнаженное железо.

— Саранча? — переспросил Ратша. Голос звучал угрюмо. — Да, ты прав. На очень быстрых конях.

— А это значит, — проговорил Иггельд, — она уже отрастила крылья.

Ратша смолчал, Иггельд чувствовал его горячее, как у дракона, дыхание. Оба понимали друг друга с полуслова, с полувзгляда, и сейчас Ратша не удивился, когда Иггельд сказал громко:

— Черныш!.. Большими кругами!..

Крылья не сделали и взмаха, дракон едва заметно накренился, ветер чуть-чуть изменил направление. Они так и остались в центре мира как приклеенные, а мир внизу начал поворачиваться по дуге. Мерцающее пятно, что уже разбилось на множество крохотных скачущих на одинаково коричневых конях всадников, уплыло в сторону. Черныш снизился еще, уловив желание Иггельда, так летали довольно долго, наматывая широкие круги, пока Ратша не вскрикнул:

— Вон там!.. Десяток воинов!

Артане, обнаженные до пояса, мчались на быстрых степных конях тесной группкой, дракона не замечали, тот держался сзади, а чтобы тень не опередила, свернул, постепенно снижаясь, снова начал догонять быстро, как летящая птица. Ратша взял дротик, второй передал Иггельду.

Не сговариваясь, метнули одновременно, всадники не-

слись впереди, тяжелые дротики уменьшились, Иггельду почудилось, что растворились в воздухе. Черныш пронесся над артанами, снизу вроде бы крик, Ратша сказал со злым удовлетворением:

— Попал... Точно в загривок! Не такая уж у них и дубленая шкура.

— А я? — спросил Иггельд.

— Ты почти попал, — утешил Ратша. — Коня точно ранил.

— Бедный конь...

Их сильно качнуло, Ратша ухватился за ремни, умолк, Черныш развернулся по крутой дуге. Ратша снова подал Иггельду дротик, сам уже держал, всматривался, а когда пронеслись над артанами, с силой метнул. Артане, не испугавшись, выхватили луки. Стрелы, блистая на солнце крохотными искрами наконечников словно льдинками, взлетали быстро и часто.

— Не высовывайся! — предупредил Ратша строго.

Две-три стрелы пронесли мимо, по дуге их вернуло обратно, остальные шелкали по панцирю Черныша. Иггельд сжался в страхе: одно дело — знать о неимоверной прочности лат дракона, другое... Черныш, поняв, что требуется, попросту завис над всадниками, те все еще неслись вскачь, но все больше расходились в стороны, стреляли и стреляли, стараясь найти уязвимые места в туше настигающего их крылатого зверя.

Ратша прокричал:

— Садимся! Их только восьмеро!

— А нас? — крикнул Иггельд.

— Нас? Нас целых трое!

Иггельд понял, на душе страшно и темно, велел Чернышу:

— Вниз!.. Посадка!

Черныш удивился, голос папочки встревоженный, будто бесстрашный и всегда все знающий и умеющий папа робеет, чего быть просто не могло, сложил крылья и пошел к земле, резко выставил крылья парусами, гася скорость, плюхнулся всеми четырьмя. Ратша тут же соскользнул на землю, уже в

полном боевом вооружении, со щитом и мечом, Иггельд замешкался, но схватил услужливо протянутый меч, крикнул:

— Черныш!.. Рассей их!.. А вон того, видишь?.. принеси мне. Выполняй!

Черныш, что при первых звуках знакомой команды сразу начал в нетерпении грести лапой землю, сорвался с места. Это ж самое любимое: гонять, давить, хватать и приносить добычу. Во-первых, драконы — все и так гоняльные, давяльные, хватальные и приносящие в гнезда добычу. Во-вторых, можно отвести душу и насладиться осознанием, что теперь не он боится этих больших и страшных существ на огромных храпящих конях, а они, ставшие такими маленькими, бегут от него в ужасе, а он их ловит, как цыплят. И, самое главное, так сказал великий и горячо любимый папа, что всегда прав, всегда все знает и умеет.

Артане повернули коней и понеслись на них, пригнувшись к конским гривам. Иггельд видел только широкие мускулистые спины да толстые руки с блещущими в них острыми топорами. Холод прокатился по телу, он стиснул челюсти, да не увидит Ратша, как его трясет, взял меч обеими руками и приготовился встретить натиск. Артан восьмеро, значит, двоих Ратша уже сумел ссадить с коней. И еще ссадит...

Черныш выметнулся навстречу, издал страшный грохочущий рык, от которого ноги подогнулись, сердце застучало часто-часто. Оглянулся на Ратшу, тот побелел, едва не выронил меч, а щит опустил вовсе. Черныш распахнул пасть, растопырил лапы и крылья и так врезался в отряд. Если бы не сумели сдержать коней, то сшиблись бы и, возможно, опрокинули бы объединенной массой, но кони испугались до визга, садились на круп, вставали на дыбы, поворачивали и уносили всадника, не слушаясь шпор и раздражающих рот удил, а Черныш налетел, начал опрокидывать вместе с конями, хватал пастью, бил лапами.

Двое всадников сумели справиться с конями и помчались на Иггельда и Ратшу.

— Мой левый, — предупредил Ратша.

Иггельд чуть не сказал, чтобы брал хоть обоих, но вместо этого сделал шаг вперед. Артанин налетел на огромном горячем коне, сам огромный и страшный, свирепый, с поднятым топором. Полуголый до пояса, он тем не менее выглядел облаченным в латы, настолько широка грудь, а обцелованная солнцем кожа цвета старой меди. Иггельд вскинул меч, слышался резкий звон, руки тряхнуло, артанин проскочил мимо, тут же развернул коня и ринулся на него снова. Коричневое от солнечного загара лицо перекошено бешенством. Он снова занес топор, искорка сорвалась с лезвия и кольнула глаз Иггельда, он отпрыгнул, извернулся и нанес встречный удар.

Кончик длинного меча задел кисть руки с топором в ладони. Как в кровавом тумане, Иггельд видел проскользнувшего дальше всадника на горячем коне, а кисть с зажатой рукоятью топора остановилась в воздухе, перевернулась, топор пошел острием вниз, а рукоять, брызгая кровью из вцепившейся мертвой хватки руки, последовала за ним...

— Берегись! — закричал Ратша.

Иггельд, все еще в оцепенении, медленно повернулся. Артанин, блестя огненными расширенными глазами, выхватил левой рукой кинжал и гнал коня прямо на проклятого куява. Иггельд отскочил, инстинктивно выставил перед собой меч, все так же держа обеими руками. Артанин прыгнул с коня, растопырившись, как лягушка, замахнулся ножом. Руки Иггельда тряхнуло, нож мелькнул перед лицом, он выпустил рукоять меча и отступил, а артанин, пронзенный насквозь, упал и забился в корчах.

Черныш все еще гонялся за всадниками, хотя в седле оставались двое, потом уже один, а кони с опустевшими седлами носились с безумным ржанием.

Подошел Ратша, вытер лоб, глаза пытливо всматривались в лицо Иггельда.

— Струхнул?

— Какое там струхнул, — едва выговорил Иггельд. — Меня всего трясет...

— Так всегда, — сообщил Ратша. — Первый раз человека

жизни лишил. Потом привыкаешь. Вот курицу зарезать не могу... а человека — легко. Он же пришел с боевым топором! Знал, что идет убивать. Знал, что могут убить. Сам выбрал эту дорогу. Так что правильно, не терзайся. А вот курицу — не могу...

— Да, — прошептал Иггельд. — Да, Ратша... Прости, но меня все равно трясет.

— А ты смотри на Черныша, — предложил Ратша. — Сразу все понял. Видишь, как гоняет! Если коня скормить, он взлетит?

— Конь?

— Твоя жаба с крыльями!

— Еще как, — ответил Иггельд.

— А двух?

— Вряд ли. Если переест, ложится спать. Надолго. А когда спит, ничем не добудишься. Любой может подойти и убить...

Ратша с беспокойством следил за драконом, земля глухо гудела под его тяжелыми прыжками. Кони при всем ужасе перед чудовищем не убежали далеко, храня верность хозяевам, делали большие круги и возвращались к их телам. Черныш снова носился за ними, смешно подкидывая зад, а если догонял, то опрокидывал лапой и мчался за другим конем, а упавший вскакивал в ужасе. Стоял некоторое время, дрожа всем телом и дико вращая глазами, не понимая, что у него отъедено, а Черныш несея дальше, догонял, валил в восторге от такой игры и ликующий от ощущения силы и ловкости.

— Мой убит, — сказал Ратша кратко, — пойдем посмотрим, что с теми...

Еще двое артан поднялись с земли, с ободранными в кровь руками и лицами, бросились разом, плечо в плечо, одинаковые, как два степных льва. Ратша быстро и ловко обезоружил обоих, каждого ранив не смертельно, но глубоко и выбив из рук топоры. Один схватился за нож, Ратша тут же заступил Иггельда и нанес короткий удар. Артанин захрипел и повалился навзничь, из разрубленной груди широкой струей хлынула кровь.

Второй все нащупывал нож, в глазах ненависть, губы дрожали, а лицо искривилось в бешенстве.

— Остынь, — сказал Ратша громко. — Мы не воины, мы не обязаны воевать... и убивать. Ответишь на вопросы — останешься жить.

— Я ничего не скажу, — процедил артанин. — Вы, две грязные куявские свиньи, ничего от меня не услышите. Скоро придет доблестный Придон, всю вашу грязную страну поставит на колени!

Ратша мрачно кивнул.

— Да, это мы слышали. А где сам Придон?

— Там, где ему надо, — отрезал артанин. — Небо следит за его подвигами, небожители восторгаются им!

— Ну да, — сказал Ратша, — а если он...

Договорить не успел, артанин молниеносно ринулся, миная его, на Иггельда, признав за старшего. Иггельд не успел даже отшатнуться, его пальцы сами по себе перехватили кисть с ножом у самого горла, сжали. Артанин вскрикнул, хрустнуло, нож выпал из побелевших пальцев.

Ратша, ругнувшись, ударил мечом, как копьём, в спину. Обагранный кончик стали высунулся из груди артанина. Он захрипел, сказал окровавленным ртом, откуда сразу хлынула красная струя:

— Он... придет... Куяба будет взята!.. Мы отомстим... За правду... За честь...

Ратша с силой дернул меч на себя, артанин повалился лицом вниз. Ратша наступил на спину, освободил меч, вытер окровавленное лезвие о штаны убитого.

— А ты быстр, — сказал он с удивлением.

— Да он был ранен, — сказал Иггельд, защищаясь.

— Не настолько. Да и кисть ты ему сломал как лихо. Я слышал, как трещали кости.

— Это ты придумал!

— Правда-правда, — сказал Ратша. Он оглядел Иггельда с головы до ног. — Ты вырос, Иггельд. Окреп. Я не считаю тебя мальчишкой, но ты уже сейчас сильнее всех мужчин, которых знаю. Самому пожить в пещерах, что ли?

Лошадь с торчащим в шее дротиком тяжело ковыляла, алая кровь стекала по ноге на землю. Ратша милосердно взмахнул мечом, прекращая мучения. Иггельд подозвал Черныша, указал на убитую лошадь, сказал хмуро:

— Ешь!.. Можно.

Ратша снял было седло по крестьянской бережливости, подумал, с жалостью почесал затылок.

— И куда это теперь?.. Эх, столько добра пропадает...

Он окинул взглядом убитых. Коней можно изловить, с убитых поснимать хотя бы сапоги, с коней — седла. Топоров сколько штук, ножи на поясах. Все бедное, но оружие у артан всегда добротное, сталь закаленная, а ножи почти не тупятся и не ломаются.

Иггельд сказал с неудовольствием:

— Можно бы взять, но... зачем? Мы за одну перевозку какого-нибудь загулявшего бера из одного края в другой получаем в сотни раз больше.

— И то верно, — согласился Ратша со вздохом. — Да только все равно жалко вот так бросать. Другие ж все равно подберут!.. Тут не пустые земли, не сегодня, так завтра наткнутся. Чем и не люблю войны, что всегда много добра пропадает! Сколько везде воевал, а так и не привык.

Рядом слышался непрерывный мощный хруст. Черныш лежал на пузе, лошадь подгрёб обеими лапами и, прижмуриваясь от удовольствия, пожирал еще теплое сочное мясо. Одним глазом время от времени косился в их сторону и, убедившись, что все спокойно, снова зажмуривался и с наслаждением хрустел костями, вырывал огромные куски мяса и глотал, не разжевывая.

ГЛАВА 12

Артане продвигались по Куявии быстро, победно. Земли и целые княжества покорялись одно за другим, иные высылали гонцов навстречу артанской коннице и вручали ключи от городов. Наспех набранные армии либо разбежались сразу, еще только завидев ужасных артан, что живут войной, набе-

гами, что обожают слышать звон оружия, крики жертв, либо выдерживали первый удар, после чего сдавались и приносили присягу верности уже артанам, их мстительному Придону.

Иггелъд нарасхват, ему платили золотом за каждое слово, он успевал увидеть сверху и сообщить о том, с чем через трое или больше суток прискачут на взмыленных конях измученные гонцы. А видел он повсюду позор, трусость, предательство, стремление урвать жирный кус для себя лично, в то время как соседу плохо. Если какой-то володарь все же собирал войско и отправлял навстречу артанам, соседи тут же вторгались в его земли и либо отрезали часть его владений, пользуясь тем, что хозяин не в состоянии защититься, либо творили бесчинства, уводили людей и скот, жгли дома и села целиком: ослабленный сосед — не опасный сосед!

Несколько раз вдвоем с Ратшей выслеживали сверху и захватывали одиночные разезды артан. Огромное артанское войско двигалось, выбросив вперед гигантские шупальца отрядов в тысячу топоров, те, в свою очередь, выпускали далеко вперед по сотне всадников, а каждая сотня отпускала на разведку десятков на быстрых неумоимых конях. Такой десяток шел обычно в сильно растянутой цепи, чтобы как можно больше увидеть и охватить взором в чужой стране, всадники просто старались не терять друг друга из вида и потому не успевали прийти на помощь, когда с неба обрушивался дракон, прижимал коня к земле лапами, ломая ему крестец, а двое куявов хватали и вязали оглушенного артаннина.

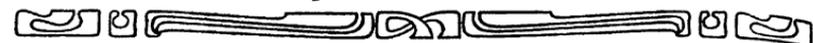
Сегодня артаннин дрался отчаянно, а когда Ратша навалился и прижал к земле, он ухитрился вытащить из-за пояса нож, Ратша успел перехватить за кисть, сжал, артаннин захрипел, дернулся и навалился грудью на острие.

— Не взять... — прохрипел он лютю, — подлым грязным свиньям... вольного сына...

— Дурак, — сказал Ратша с сердцем.

— Не быть артанину... рабом... — прошептал тот.

Ратша оставил его, поднялся, лицо хмурое, огляделся. Артаннин смотрел победно, молодой и красивый, с хорошим размахом плеч, бронзовотелый, лицо быстро бледнело, изо

рта широкой струйкой хлынула кровь. Он силился сказать еще что-то, но дернулся и застыл, глаза смотрели в небо, коричневые, как поспевшие желуди.

Иггельд суетливо вытянул голову, даже привстал на цыпочки.

— Сюда скачут, — напомнил он тревожно. — Справа... и тот, что слева! Что будем делать?

Ратша сказал зло:

— Нам нужен пленник!.. Князь Брун велел дознаться: думают ли артане останавливаться? Чего хотят? О чем говорят рядовые артане?

— Понятно, — торопливо сказал Иггельд. — Черныш!.. Охраняй!.. Понял? Охраняй!

Дракон завизжал от счастья, сейчас он покажет, как любит своего папочку, и сделает все, чтобы тот его похвалил, вскочил и сам понесся на ближайшего всадника. Тот не успел уклониться, Черныш ударил всем телом, конь с поросычьим визгом опрокинулся на спину, всадник вылетел из седла, а Черныш подпрыгнул, в воздухе растопырил крылья, Иггельд не поверил глазам, когда Черныш просто на месте сделал невероятнейший поворот, почти кувырок, и в три могучих рывка крыльями, от которых на земле началась буря, оказался над тем героем, что со вскинутым топором в руке мчался с другой стороны.

На этого Черныш просто обрушился сверху. Никто даже не вскрикнул, только жутко затрещали кости. Иггельд и Ратша бегом оказались над артанином, которого Черныш выбил из седла, тот лежал на спине, раскинув руки, веки опущены, красные ссадины на щеке, плече, содрана кожа с локтя.

— Жив, — определил Ратша. — Повезло!

Он быстро и жестко связал артанину руки и ноги, тот медленно приходил в себя, дернулся, открыл глаза. Иггельд сказал торопливо:

— Ратша, сюда скачут еще!.. Заканчивай!

— Зови свою жабу с крыльями, — велел Ратша.

— Черныш! Ко мне!

Дракон тут же оставил расплющенные жертвы, в два

прыжка оказался перед Иггельдом. Глаза с любовью и обожанием уставились в лицо папочки. Хвост усердно молотил по земле, оставляя глубокие вмятины.

— Молодец, — похвалил Иггельд. — Очень хорошо! Я тебя люблю... Нет-нет, сиди!.. Перестать лизаться. А теперь лежать!

Они быстро затащили связанного пленника на спину, Иггельд сказал торопливо:

— Взлет!..

Ратша проворчал:

— Мы бы и этих так же просто... А твоя жаба так и вовсе разгонит целое войско.

— А что толку? — спросил Иггельд тоскливо.

— Врага надо бить везде, — сообщил Ратша. — Не знал?

— Все равно всех не перебьем, — ответил Иггельд хмуро. — Они же идут широким потоком. Отвезем этого к князю, а тот пусть думает, как воевать...

Черныш в два прыжка оторвался от земли, могучие крылья широкими толчками подбрасывали к небу, земля уходила вниз, проваливалась. Пленник затих, брыкаться перестал, лицо стало бледным. Ратша бросил его через хребет лицом вниз, придерживал небрежно, пленник видел далеко внизу уменьшившийся лес, совсем узенькую реку, а потом поднялись в туман, влажный и липкий, пробили, оставив удаляться, и пленник застонал от страха, поняв, что этот туман — облака, на которые он всегда смотрел с земли как на нечто недосыгаемое!

Черныш поднялся на ту высоту, когда слой облаков остался внизу, дальше пошел ровными неспешными толчками. Если бы не встречный ветер, казалось бы, что застыл на месте, так далеко внизу медленно двигалась земля.

Еще в первые пару лет Иггельд учил Черныша выходить ночью и бегать по Долине, потом учил взлетать и даже летать при ярком лунном свете. Черныш сперва трясся, пугался всего, но со временем привык, только чаще обычного посматривал на папочку: не боится ли? Нет, не боится, значит, можно и ему не бояться. Тем более что в темноте видит хоть и намного хуже, чем днем, но все же лучше любимого и обожаемого родителя.

Сейчас это пригодилось, он несколько раз, обнаружив располжившихся на ночь артан, среди ночи опускался прямо на главный шатер, Черныш страшным ревом и ударами могучих лап и хвоста сеял панику. А они с Ратшей выхватывали ошалелого предводителя, Черныш тут же прыгал в черное небо, и они пропадали с глаз. Иггельд мечтал похитить так самого Придона, но тот никогда не ночевал посреди войска, всегда, по рассказам пленных, несся с одной из групп разведчиков, неотличимый от простых воинов.

— Тогда нам повезло, — буркнул однажды Ратша. — Если честно, то с Придоном нам не совладать...

— Уверен?

— Уверен, — ответил Ратша серьезно. — Говорят, он стал не то бессмертным, не то что-то еще получил от богов. И еще говорят, нет на земле героя... или даже толпы героев, что выстояли бы против богоравного Придона!

Иггельд хмурился; сейчас, когда все удавалось так легко, не верилось, что кто-то может выстоять, остановить, даже взять верх. Хотя, если честно, он помнит еще того Придона, прежнего, который только шел за мечом, и то по спине проходила дрожь. Такие не часто рождаются среди людей, в нем силы и ярости на всю Артанию с Куявией вместе, и горе даже богу, что попробует загородить ему дорогу...

— Посмотрим, — ответил он уклончиво.

Ратша усмехнулся.

— Тебе мало, что артане тебя самого уже называют Ночным Драконом?

— Это Черныша, — слабо возразил Иггельд.

— Тебя, тебя!.. Черныш что, для артан это просто конь с крыльями. Нет, даже ящерица. А вот твоим именем уже пугают народ.

Во дворце князя Бруна, для которого они захватывали пленника, их сразу провели в главный зал. Иггельд и Ратша озирались по сторонам: в таких пышных местах еще не бывали. Палаты вполне могут поспорить с залами куябского властелина. Поговаривали, кстати, что даже по размерам здесь

дворец более, еще дед Бруна начал тягаться с тогдашним царом.

В большом зале, что вполне мог быть тронным, в самом деле на возвышении кресло с высокой спинкой, точная копия трона Тулея. Ступеньки покрывал дорогой бархат, спинка и поручни кресла блистают золотой отделкой. Ратша хмыкнул, его быстрые живые глаза сразу отыскали на вершине спинки кресла золотого кабана, знак рода Брунов. Раньше этого не было, всего лишь кресло, но сейчас издали его вполне можно принять за трон. Да и чем золотой кабан хуже золотой лани — герба Тулея?

Иггельд полагал, что им придется долго ждать, но провожатый умело лавировал в толпе, ухитрившись никого не задеть, в то время как задиристый Ратша нарочито расставлял локти; так прошли через зал, небольшой коридор, миновали двух огромного роста стражей, небольшая дверь с эмблемой золотого кабана открылась без скрипа.

Комната впятеро меньше зала, хотя по богатству и пышности перещеголяла. Стены завешаны дорогими коврами дивной работы, на коврах самые дорогие мечи и кинжалы, рукояти в золоте и драгоценных камнях, и этого оружия столько, что и самих ковров не разглядеть. Мебель скромно у стен, только в центре комнаты огромный дубовый стол с резными ножками.

Трое мужчин склонились над расстеленной картой. Все трое негромко переговаривались, двигали по карте фигурки всадников, пеших воинов и даже одинокую фигурку дракона. Иггельд не сразу признал, кто есть кто, затем по широким плечам и львиной голове вычленил Бруна, владетельного воеводу, могущественного властелина и блистательного полководца.

Иггельд и Ратша тихо стояли под стенами. Трое самых могущественнейших людей края некоторое время двигали фигурки молча, хмурились, а Иггельд, затаив дыхание, рассматривал их в те короткие мгновения, когда они выпрямлялись и оглядывали карту единым взором. С Бруном стояли Клестоярд и Гайтан, после него самые богатые и знатные

люди, они никогда в руках не держали оружия, их слава произросла на умелых торговых сделках сперва внутри страны, а потом и за ее пределами. Это благодаря умению Клестоярда в Куявию потекли шелка из дальних восточных стран, а Гайтан обеспечил Куявии проход у берегов Славии в неведомые земли Севера, а также ловлю рыбы у ее побережья. Не зря считались умнейшими и хитрейшими людьми в крае и хотя в воинском искусстве ничего не смыслили, но от умного человека в любом деле больше толку, чем от сведущего дурня.

Брун тоже выпрямился, его покрасневшие от напряжения глаза бросали взор, как заметил Иггельд, не столько на границу Куявии с Артанией, сколько на горную часть Куявии. Брови сошлись на переносице, крупное мясистое лицо дышало уверенной спесью, ощущением силы и собственной значимости. У него крупные глаза навывкате, крупный нос, крупные скулы, тяжелая мясистая челюсть, а в глазах даже сейчас загорались и гасли искорки гнева. От него веяло той мощью, что возносит людей из самых низов и делает их вожаками разбойничьих шаек, а потом правителями стран.

— Хорошо, — рыкнул он с неудовольствием, — так и поступим! Приступайте.

Клестоярд и Гайтан вежливо откланялись, но без подострастия, каждый из них тоже полон силы и достоинства, ушли, даже не взглянув на прибывших.

Брун повернулся, Иггельд ощутил на себе испытующий взор, а рядом Ратша вздрогнул и вытянулся, словно в него ткнули палкой. Мгновение Брун рассматривал обоих, силой и мощью от него повеяло еще больше. Иггельд невольно вспомнил, что это тот самый Брун, который в прошлую войну нанес сокрушительное поражение артанам и вышвырнул их остатки из страны, это тот Брун, что в короткие сроки возродил разоренный набегами и разбойничьими шайками край, освободил от налогов и поборов на тридцать лет, выстроил крепости, возвел множество каменных башен, где хоть и не было чародеев, зато помещалось множество стрелков, что могли быстро подать сигнал о приближении быст-

рых артан, а сами оставались неуязвимыми на высоте. Это могучий и суровый властелин, что не задумываясь вешал всех захваченных разбойников, мародеров сажал на кол, железом и кровью быстро навел порядок в приграничном крае, и теперь ему не дают наслаждаться отдыхом в его же владениях.

— Дела, — сказал он хмуро, — дела... Как я понимаю, вы и есть знаменитые Иггельд и его друг, прославленный герой Ратша?

Брови Ратши удивленно взлетели, он быстро поклонился.

— Истину глаголете!.. Я — Ратша, моя слава, как вижу, бежит впереди меня. А вот это молчаливое чудо — Иггельд.

Брун скупно усмехнулся.

— Молчаливое? За него говорит его меч...

— ...и его дракон, — добавил Ратша.

Брун повел рукой в дальний угол, там стол поменьше, несколько стульев, на столе медный кувшин искусной работы.

— Присядем, переведем дух, — предложил он. — Я уже настоялся за сегодня. Какое вино предпочитаете?

— Спасибо, — ответил Ратша так же быстро. — Польщены вниманием и тем, что вообще запомнили наши имена. Я пью любое хорошее вино, а у вас, я слышал, самое лучшее в Куявии. Мой друг, увы, не пьет вовсе.

Брун взглянул на Иггельда с любопытством.

— Он что, разделяет веру артан?

Иггельд опустил за стол, прежде чем ответить, тяжелый взор Бруна угнетал, напоминал о его нечеловеческой мощи.

— Просто у меня не бывает отдыха.

— Ого, — сказал Брун со странной ноткой в голосе. — Почему?

Ратша сказал весело:

— А его Черныш, это его любимый дракон, не любит, когда он приходит пьяным.

Иггельд сдвинул плечами, поморщился, но взор Бруна пытливый, требующий ответа, и Иггельд сказал нехотя:

— Я силен, молод, у меня много работы. Интересной. С чего я буду проводить время за столом и пить, пить, пить?

— Зачем только пить? — встрял Ратша. — Так быстро под стол! Надо еще и есть. Пить и есть, пить и есть... правда, в перерывах иногда еще и...

Иггельд отмахнулся.

— Этим я смогу заняться, когда руки уже не смогут удерживать тяжелый меч. Чашу с вином удержат всегда. Да и на лавке насижусь тогда, когда не смогу забираться на спину дракона. Но, конечно, из рук светлейшего князя я приму чашу с вином с великой благодарностью! И буду рассказывать потомкам, с каким великим человеком сидел за одним столом и какое вино пил.

Во взгляде Бруна появилось уважение. Он взглянул на Иггельда почти по-родственному, сказал благожелательно:

— Слова настоящего... не скажу — мужчины, ведь мужчин много, а вот настоящих героев мало. Лишь тот добивается под этим солнцем многого, кто не проводит время в пирах и праздности!..

Он хлопнул в ладоши. Неслышно появился слуга, на подносе большой кувшин с затейливой росписью. Почти незаметно, не привлекая к себе внимания, разломал глиняную пробку, по комнате пошел приятный дурманящий запах. Испытующий взор князя встретился со взглядом Иггельда. Иггельд ответил почтительно:

— Ни о чем другом не мыслю, кроме блага своей страны. И еще постоянно помню о вторжении дикарей, которых надо истребить нещадно.

— Дабы другим пример был, — вставил Ратша.

Брун отмахнулся.

— Для них ничто не бывает примером. У них столько рождается народа, что им просто девать его некуда. Вот и бросают каждый год подросший молодняк на куявские твердыни. Но мы им еще покажем... Иггельд, ты, как владетельный хозяин своей Долины...

Иггельд покачал головой.

— Я не владетельный. Я простой смотритель. Смотритель драконов.

Брови Бруна высоко взлетели, во взгляде сильнейшее недоумение.

— Как? Это после такого блестящего рейда?

Ратша подбоченился, смотрел соколом. Второй слуга так же неслышно внес на подносе три золотых кубка. По венчику горели красными огоньками мелкие рубины. Ратша подмигнул Иггельду, все три кубка одинаковые, князь не чинится, не выделяет себя, держится как с равными. Впрочем, они ж герои, а герои даже к тцарам заходят легко и по-свойски.

Слуга взял кувшин и ловко наполнил все три кубка до венчиков, не пролив ни капли. Запах дорогого терпкого вина стал заметнее, потек по комнате.

— Я просто проверял дракона, — ответил Иггельд.

— А сами? Я слышал, вы разгромили артанский обоз, разнесли всю охрану, а там около сотни крепких воинов!

Ратша даже сидя стал выше ростом, напыжился, а Иггельд ответил совсем нехотя:

— Обоз невелик... всего с десятков телег. Никто не ждал, что они в опасности, охрана ехала, сложив топоры и щиты на свободную телегу. Так что хоть их и сотня, но мы втроем просто застали их врасплох...

— Втроем? — переспросил Брун с интересом. — Кто третий?

— Черныш. Он — боевой дракон.

Брун в задумчивости побарабанил пальцами по краю столешницы. Звук сухой и чистый. Глаза оставались задумчивыми.

— Разве боевые могут забираться так далеко?

— Черныша я выращивал сам, — объяснил Иггельд. — Он не простой дракон. Он умеет намного больше, чем остальные.

Брун взглянул ему в глаза прямо.

— А можно и других драконов научить так же? К примеру, если взять племя от этого... Черныша?

Иггельд развел руками.

— Если вы найдете таких же сумасшедших, как я. Я сказал только, что не пью вина, но я не сказал, что я жил и спал в пещере с драконом, пока он рос. За это время я не только не пил вина, но и не спал с женщинами, не ел хорошей еды, не общался вообще с людьми.

Ратша хмыкнул, Брун усмехнулся, сказал с сожалением:

-- Жаль... А я уж сразу представил себе десяток, а еще лучше — сотню таких драконов! Да еще с отборными воинами на спине. Чтобы высадить их поближе к самой Арсе, захватить ее внезапным ударом, сжечь напрочь... дабы эти дикари надолго запомнили ярость Куявии!

Гнев полыхнул в его очах, Иггельду показалось, что ветер сдул с полыхающих углей тонкую пленку пепла — так загорелись глаза, заблестали огнем. Он с силой выдохнул воздух, сказал уже спокойнее:

— Ничего, Куявия выстоит в любых бедах!

— Выстоит, светлый княже, — сказал Ратша преданно.

Брун кивнул с благосклонностью во взоре, взгляд стал отсутствующим, помедлил, сказал в гневном раздумье:

— Что за страна, где верных сынов не замечают, а лизоблюды дворцовые получают и земли, и звания, и богатства?.. Хорошо, что вы прибыли сюда, я сам родился на кордоне. Я как никто знаю, как трудна жизнь воина... Так, дайте подумать... Ага, есть хорошая земля в Светлолесье. Там прекрасные угодья, хотя сейчас там вблизи прошли артане и народ разбежался. Но артане ничего не спалили, только забрали весь скот, так что сейчас это все еще не разоренный край. Отдаю тебе во владение, там шесть деревень, леса, есть одна хорошая копальня железной руды. Кстати, там, помимо рудокопов, есть и прекрасные оружейники... Словом, жалую тебя званием песиглавац!

Ратша шумно вздохнул, глаза вспыхнули завистью, Иггельд покосился в его сторону, сказал нерешительно:

— Да я ведь не из-за богатств...

— Знаю-знаю, — прервал Брун. — Это только говорят, что куявы — никчемные воины! Да и сами куявы не прочь посмеяться над собой как воинами, так как торговлю всегда ставим выше, но и в воинском деле нам нет равных... если займемся им.

— Если, — вздохнул Иггельд. — Сейчас все надежды на вас.

— И правильно, — отрезал Брун, — что надеетесь! Я со-

беру здесь железный кулак, перед которым никакие артане не устоят. Мы покажем, что стоим немало. Потому я очень доволен, друзья мои, что вы здесь. Что вы начали доставлять мне пленных артан, что вы начали то, к чему мы только готовимся! Возьми эту бумагу! Возьми. Это богатая земля, ты сумеешь собрать народ, построить крепости и стать богатым и могущественным володарем. Ты уже почти что берич!.. А там с твоим умом, силой и отвагой сможешь стать бером.

Иггельд в великой неловкости взял из руки князя бумагу с коричневой сургучной печатью. Ратша подмигнул, сделал большие глаза.

— Бери, бери, — сказал Брун. — В пожизненное владение, тебе и твоему потомству. Волен владеть, устанавливать свои подати, судить и карать, дарить, продавать или пропить начисто — все в твоей воле!

Иггельд в замешательстве смотрел на бумагу. Во мгновение ока из бедного зрителя драконов превратился в довольно богатого жога. Песиглавца, а как только отстроит укрепление, то может именоваться беричем. И пусть тот край разорен, но сама земля стоит немало, да и шесть деревень, лес, залежи железной руды, кузницы и умелые оружейники — все имеет немалую цену. Хотя непонятно, как управлять этой землей, ведь она внизу, в междугорье, а его гнездо чуть ли не под самым небосводом.

— А ты откуда родом? — спросил Брун у Ратши.

Ратша молодецкато выпятил грудь.

— Из Плотска!

— Из Плотска? — удивился Брун. — Так оттуда и мой род!.. Ну, тогда понятно, почему такой герой, как ты, до сих пор в пренебрежении у правителя Куявии. Я сам как плотчанин по себе знаю, не любят нас в Куябе. Слишком мы гордые, не любим склоняться перед ничтожествами. Но гордость нам не позволяет напоминать тцару о своих заслугах! О пролитой за отечество крови, о полученных ранах, о бессонных ночах, что провели на границе, высматривая просачивающихся на нашу сторону подлых головорезов...

Ратша выпячивал грудь все больше, глаза горели, как факелы.

— Истинно глаголете, великий княже! — сказал он с жаром. — В чести одни лизоблюды!

Брун взглянул остро.

— Не обидно?

— Что?

— Вот такое невнимание Куябы к героям?

Ратша отмахнулся.

— А что делать?.. Несправедливо, но тцар таков.

Брун покачал головой.

— Так не всегда будет. Эта война многое переменит. Она встряхнет все общество, перетряхнет, как заботливая хозяйка вытаскивает из сундуков старую одежду и отбирает, что оставить, что на тряпки, а что выбросить вообще. Сейчас все взоры с надеждой обращены на героев, что должны прийти и спасти Куявию. Да, мы придем и спасем!.. Но на этот раз не уйдем, как только в нас минует нужда. На этот раз мы должны получить все, что заслужили.

Ратша истово кивал, Иггельд слушал сочувствующе, в груди горела жажда вот прямо сейчас прыгнуть на спину Черныша и помчаться освобождать Куявию от свирепых захватчиков.

— Мы для того и явились, — сказал он преданно, — чтобы встать под ваши прославленные знамена! А награды... будут они — хорошо, не будут... что ж, нам не привыкать, ведь не ради богатых вотчин мы проливаем кровь, а токмо ради торжества любимой отчизны.

Ратша вставил торопливо:

— Хотя и от наград и пожалований отказываться не станем! Чужого нам не надо, но что заслужили...

Брун встал, Иггельд с Ратшей поспешно вскочили. Иггельд сказал четко:

— Мы просим принять наши мечи и наше умение на службу вашему княжескому могуществу. Что умеем — все ваше. Тот стыд, что мы видели своими глазами, жжет наши сердца. Мы не успокоимся, пока враг с позором не будет изгнан с наших земель!

— Пока хоть один артанин ходит по землям Куявии, — добавил Ратша четко, — наши мечи будут жаждать крови!

Брун обнял их по очереди, сказал сурово, но с чувством:

— Благодарю. Благодарю. Вы увидите, что поступили правильно. Мы будем бить артан! Будем бить... по-своему. Не считаясь с теми указаниями, что нам шлют из Куябы.

Иггельд ответить не успел, Ратша сказал громко:

— Да что они могут видеть оттуда?

— Верно, — согласился Брун. Глаза его сумрачно блеснули. — Что они могут видеть? И понимать.

В комнату вошел, легко и грациозно поклонившись на ходу, высокий и прекрасно сложенный красавец, улыбающийся, весь в блеске панциря, с золотой пряжкой на узком поясе, загорелый и предупредительный, сразу поймавший взгляд Бруна и выразивший готовность немедленно, да, немедленно бдить, яркие перья на шлеме подрагивали, сам начищенный до блеска шлем рассыпал веселые искры, на выпуклой металлической груди выдавленное изображение кабаньей морды, штаны из добротной выделанной кожи, сапоги с металлическими щитками на носке.

Иггельд перехватил брошенный на него любопытствующий взгляд, а Брун сказал тепло:

— Мой сын Улнак. Тоже горит стремлением послужить отчизне. Думаю, вы еще повоюете с ним плечом к плечу!

ГЛАВА 13

Выйдя из дворца, Иггельд сразу же посмотрел вверх. Так и есть, крохотный темный крестик на белесо-голубом небе, неподвижен, кажется вообще прилипшим к небесной тверди. Даже орлы не забираются так высоко, но Черныш держится там легко, вот чуть сдвинулся, крылья исчезли, снова появились, подает знак, что увидел, что ждет приказов любимого папочки.

Ратша злорадно хохотнул, а Иггельд, стоя посреди людной улицы, начал размахивать руками, сразу покраснев силь-

нее вареного рака, люди либо ускоряли шаг, поглядывая на него опасно, либо останавливались в сторонке и смотрели с недоумением: парень с виду вроде здоров, силен, не похож на бесноватого, что говорит с собой и незримыми собеседниками.

Когда шли к постоялому двору, Ратша втолковывал:

— Я ж говорил тебе, что не полетит он обратно!.. Ну что ему лететь туда да обратно, это ж насколько от тебя удалиться? У него же сердце разорвется от разлуки!

Иггельд прорычал зло:

— Этому дурню сказано четко: завтра чтобы прилетел!.. Если я подам знак, чтобы сел. Но — не раньше! А теперь что?

Ратша подумал, предположил:

— А сможет он вот так всю ночь? До утра?

— Вряд ли, — ответил Иггельд. — Ночью воздух остывает. Сейчас он просто растопырился, а к утру совсем не останется восходящих потоков. Крыльями же махать всю ночь... гм...

— Наверное, сядет где-нибудь в сторонке, — предположил Ратша. — Коровку сопрет, овечек... э... попасет. А завтра с утра снова увидим твоего верного птенчика. На этом же месте.

— Я ему голову оторву, — пообещал Иггельд зло. — И крылья.

— Он за тобой побежит и без крыльев.

— И лапы оторву!

— На брюхе поползет. Ты ж его знаешь!

— Знаю, — вздохнул Иггельд.

На постоялом дворе многолюдно, с трудом удалось за щедрую плату выговорить себе малую комнатку на двоих, спустились в корчму, ели быстро, почти не обращая внимания, что именно ставят перед ними на блюдах. Ратша заметил, что Иггельд часто поглядывает на окна, словно опасаясь увидеть по ту сторону огромную морду, заглядывающую в помещение, как уже бывало.

Когда вернулись в отведенную им комнатку, Ратша снова начал восторгаться князем, похлопывал Иггельда по спине,

все выдергивал из рук бумагу на владение обширной вотчиной, рассматривал печати и замысловатую подпись, размахисто шлепал друга по спине.

— Повезло тебе, повезло!.. Я знаю, тот край богатый. Там такие леса, такие леса...

— Да что тебе леса, — поморщился Иггельд, — ты думай, что мы будем делать. Эта вотчина — прекрасно, я благодарен князю, но сейчас это некстати...

Ратша изумился:

— Такое богатство некстати? Леса некстати? Да ты знаешь, какие там медведи? А кабаны? Там кабаны медведей гоняют, как зайцев!.. Кто кабана убьет, тот герой!

Он повалился на широкую лавку, та затрещала под могучим телом, прогнулась. Иггельд подошел к окну, высунулся почти до пояса, посмотрел прежде всего вверх, уже потемнело, закат в багровых перьях, над миром опустились сумерки, только на небе все еще солнечный день, но и там все яснее проступает половинка луны, наливается соком, как созревающий плод.

— Ну и что? — слышалось со спины насмешливое.

— Пока не видно, — ответил Иггельд. Он перевел дыхание. — Не могу же в те края появиться с драконом! А если останусь в своей Долине, то отныне мой народ будет спрашивать, где это прячется новый хозяин...

Ратша лежал на спине, руки закинул за голову, довольный, сытый и полный надежд, весело подмигнул, перехватив раздраженный взгляд Иггельда.

— А ты заметил, как ты назвал долину?

— Как? — переспросил Иггельд. — Долиной Грез...

— Нет, — засмеялся Ратша, — ты назвал ее своей!.. Помни мои слова, она твоей будет. Я иногда прям пророк златокрылый, особенно когда хорошо упьюсь... Она уже твоя, ты прав, там все создано и выстроено твоими усилиями. И нет там другого хозяина!

Иггельд сдвинул плечами, поморщился.

— Да брось о таких мелочах. Надо думать, что делать...

— А что делать? — переспросил Ратша. Он глубокомыс-

ленно впери́л взгляд в потолок, засмеялся. — Что делать? С таким вожде́м, как Брун, мы не только выстоим, но и разнесем этих жалких дикарей так, что полетят пух и перья! Ты видел, какое у него лицо? Как будто из меди ковали! Да не в тцарской кузне, а прямо на поле боя. Грубо, мощно, по-мужски...

— Еще скажи, по-артански.

— А что?.. — сказал Ратша убежденно. — Если хотим победить артан, надо в чем-то стать на них похожими. По крайней мере, такими же лютыми, жестокими, отважными. А Брун — такой! Он вообще единственный на всю Куявию, кто может собрать разбежавшиеся войска в кулак и дать этим железным кулаком артанскому зверю в лоб так, что мозги через уши брызнут. Поверь моему слову, под его знамя соберется настоящая армия! Могучая, грозная, такой и у Тулея не было. Всяк из нас жаелает служить под знаменем могучего воителя, а не дворцового лизоблюда, что не показывает носа из носилок...

Иггельд сказал задумчиво:

— Ты сказал... Гм, что-то у меня от твоих слов нехорошо.

— От каких? — удивился Ратша. — От моих героических речей? Ты чего?.. Или уже в мечтах таскаешь на сеновал девок из своих деревень?.. И то дело доброе, полезное. Надо землю населять детьми сильными, здоровыми! От кого еще дети пойдут сильными да храбрыми, как не от нас с тобой?.. Я сказал только, что сейчас, когда от всего войска только ошметки, эти остатки ошметков стянутся только к настоящим полководцам. Вот тут-то и видно всем и каждому, что чего стоит!

Иггельд кивнул, лицо оставалось задумчивым.

— Ты прав. Ты еще как прав. Сейчас, когда каждый сам выбирает, под чьи знамена встать, как раз и видно...

— Ты что, недоволен?

— Да нет, но у князя в самом деле войско скоро будет больше, чем у самого Тулея.

— Если уже не больше, — сказал Ратша довольно.

— Если уже не больше, — повторил Иггельд очень серьезно. — Еще я слыхивал, что Брун сам раздавал вотчины и

земли своим лизоблюдам и подхалимам. Что сейчас с ним случилось?

Ратша подбоченился.

— Разве не ясно? Лизоблюды и подхалимы нужны только в дни праздности. Но когда приходит лихая година, любой смотрит с надеждой на таких орлов, как мы с тобой! И самых сильных стараются задобрить, подкупить, привлечь на свою сторону. Мы разве не те, кто придет и спасет?

Иггельд наконец оттолкнулся спиной от стены, у него такая же лавка, как и у Ратши, в комнатах для бедных и слуг это заменяет кровати, лег, тоже вперил задумчивый взгляд в потолок.

— Надо поскорее заснуть, — ответил он невпопад.

— Почему?

— Чтобы скорее наступило утро.

Рано утром уже во дворе у князя толклись вместе с другими такими же, жаждущими сражений, перемен, ловили новости. Если с дракона можно разом ухватить взглядом передвижение армий, то узнать, что какой князь или бер сказал о войне с артанами, можно вот так, из подслушанных разговоров. И кто какие действия предпримет.

Князь появился после завтрака, сразу же в сопровождении знатных лиц вышел на площадь, там за ночь собрали помост. Вокруг начал собираться народ, все обвешанные оружием, почти все уже прокаленные солнцем, с обветренными лицами, решительные, с громкими уверенными голосами. Но хотя все держались гордо, никто спин не склонял, Иггельд и Ратша с их громадным ростом смотрели поверх голов и сразу увидели, как на дальний конец площади из кривой улочки начали выплескиваться всадники в блестящих доспехах, на тяжелых рослых конях. Все это умело и слаженно развернулось в полк тяжелой панцирной конницы, неторопливой рысью двинулось в сторону помоста, а из переулка все выплескивались новые всадники и с ходу настигали, сразу умело и безукоризненно занимая место в строю. Вся эта масса перешла на такой же неторопливый галоп, стремясь пройти мимо

князя Бруна во всем блеске железного и несокрушимого войска. Звонкий стук подков перешел в грохот, они неслись в шесть рядов, привычно пригнувшись к конским гривам, разве что копыта держали остриями вверх. Один только скакавший впереди полка молодой бер выпрямился и, выхватив меч, прокричал что-то, обращаясь к Бруну.

Князь кивнул с покровительственным видом, грохот заглушал слова, видно только разинутый рот, белые блестящие зубы на покрытом пылью лице. Иггельд насторожил слух, но услышал только довольный голос человека, стоявшего справа от князя:

— Чьи эти люди?

— Бера Озбириша, — ответил Брун. — Он первым откликнулся на мой призыв, но прибыл только сейчас...

— Зато как, — сказал тот восторженно. — Разве с этими стальными львами не победим?

Брун проговорил мрачно:

— Только бы оставались верными. Когда на страну сыплются такие удары, то все разбегаются в страхе. Каждый начинает рвать добычу не у врага, а у ослабевшего соседа. Мы должны быть едины!..

Всадники пронеслись мимо, уже все что-то выкрикивали, Иггельд видел веселые лица, смеющиеся глаза. Отсюда, сверху, в металлических доспехах и переливающихся на солнце кольчугах они казались плотной стаей рыбы, идущей на нерест, но когда проскакали мимо, за ними остался жаркий накаленный воздух и облачко бурой прожаренной пыли.

Ратша толкнул Иггельда в бок, лицо сияло довольством.

— Ну как тебе такое?

— Мошь, — признался Иггельд. — Я не видел, как они дерутся, но не представляю, как артане смогут выдержать удар такой конницы!

— Никто не может, — заверил Ратша. — Надеюсь, князь сегодня же придумает, чем заняться и нам. Пока армия развертывается, это займет дни и недели, но мы могли бы прямо сегодня!.. Пойдем в корчму, поедим, подумаем. Если надо,

он сам за нами пришлет человека, а если нет, то после обеда заявимся к нему и скажем... Да, скажем! Ты как?

— Скажем, — согласился Иггельд. Он посмотрел в небо. — Бедный Чернышик...

— Почему бедный?

— Все летает... Голодный, наверное.

— Он у тебя всегда голодный, — уличил Ратша. — А летать сейчас не трудно, крылья растопырил — и все. Даже я чуйствую, какой теплый воздух от земли идет. Коня поднимет!

Народу в княжеском дворе и на площади перед дворцом становилось все больше — куявы любят поспать, Иггельд и Ратша едва протолкались на свободное место, осмотрелись, Иггельду есть не хотелось, но Ратша резонно спросил, а чем еще заняться, если не есть, пить да по бабам, Иггельд нехотя потащился следом. Ратша на ходу расстегнул пояс, расстегнул ворот рубашки, закатал рукава выше локтей, намереваясь заняться очень серьезным и важным делом поглощения жареного кабанчика. Как они уже достали, эти жареные кабанчики, подумал Иггельд сердито.

Когда миновали ворота постоянного двора, вдали звонко и торжественно пропели трубы. Донесся далекий звук, будто стучали в огромные бубны. Ратша прислушался, повертел головой. Иггельд остановился, тоже оглядывался, искал глазами хоть что-то, что стряхнет это ощущение неудачи, но все равно видел только крупное властное лицо князя с его насупленными бровями, полные гордости и вызова глаза, плотно стиснутые губы. Нет, вроде бы получил даже больше, чем ожидалось: вон какую вотчину светлейший князь пожаловал! Но все-таки беспокойно, даже тревожно. Не успел поговорить о самом важном: где же и каким боком впишется в эту войну со своим Чернышом, чтобы с наибольшей пользой, да и вообще...

Ратша вернулся, выглянул из ворот.

— Ого! — донесся его удивленный возглас. — Да ты не поверишь... Да очнись же!

Надо было что-то ответить, Иггельд сказал раздраженно:

- Ну что там?
- Посмотри сам!
- Говори, — отозвался Иггельд. — Тебе же все видно.
- Ты не поверишь!
- Поверю, — устало возразил Иггельд.
- Не поверишь, — сказал Ратша настойчиво. — Иди сюда! Кто не хотел идти жрать? Прикидывался, значит?

На улицу со стороны городских ворот въезжали пятеро артан. Все обнаженные до пояса, хотя уже немолоды, но тела их на зависть вельможам сухи и поджары, с блестящей здоровой кожей и перекатывающимися мышцами. У всех пятерых волосы прихвачены широкими стальными обручами: поговаривают, что артане в бою еще и бодаются, как козлы, а удар головой вообще страшен и без всякого стального обруча, на запястьях и бицепсах боевые браслеты: толстые, с шипами, с ловушками для улавливания лезвия чужого меча.

Их окружали всадники Бруна, пышно одетые, в прекрасных доспехах, с султанами на шлемах и с такими же султанами, укрепленными между конских ушей. Иггельд ощутил, что на фоне таких вот полуголых воинов они выглядят как надутые петухи, нелепо разряженные, смешные в своем стремлении нацеплять на себя побольше ярких перьев.

— На пленных не похожи, — пробормотал он.

— Какие пленные! — воскликнул Ратша. — Смотри, с каким почетом их встречают!.. Неужели начинаются переговоры о мире?

— Вряд ли, — сказал Иггельд с сомнением. — Сейчас ни им это не надо, ни нам...

— Почему?

— Они прут, не встречая сопротивления, а переговоры начнут, когда расшибутся о какую-нибудь твердыню. Нам тоже сейчас мир зачем? Слишком много прогадали. Да еще так быстро, что еще не опомнились, не смирились... Нет, тут что-то иное.

— Да, — сказал Ратша, — тут ты, цыпленок, прав. Ну, пойдем есть?

— Ты что? — удивился Иггельд. — Сам уже сейчас побежишь следом.

— Я? Это ты побежишь, а я пошествую, как положено мужчине.

Он не стал опускать рукава или застегивать рубашку на груди, но концы расстегнутого пояса попытался свести воедино. От него пахло волной жара, как от разъяренного дракона. Иггельд смотрел вслед проехавшим артанам и почетной страже, за спиной слышались проклятия, наконец Ратша выдохнул весь воздух, что еще оставался в нем, втянул живот, и проклятая пряжка защелкнулась со стуком захлопнувшихся перед носом врага крепостных ворот.

— Фу, — просипел Ратша. — Ну и ремни делают!

— Проколи еще дырку, — посоветовал Иггельд.

— Куда еще? — огрызнулся Ратша замученно. — Уже ремень кончается от этой спокойной жизни...

— Другой закажи, — предложил Иггельд.

— И ходи с пузом ниже колен? Нет уж, надо в ратное поле, подрастрясти жирок...

На всем пути не встретили человека, что шел бы навстречу, все бежали вслед за всадниками. Когда добрались до площади, там и без того уже ожидающая новостей толпа, прибывшим пришлось пробираться через толпу, Иггельд с Ратшей успели рассмотреть их если не вблизи, то на достаточном расстоянии. Артане все пятеро немолоды, сейчас еще заметнее их мужская стать, нерастраченная сила, гордость и отвага, что сквозят в каждом жесте, каждом взгляде.

Это воины, подумал Иггельд невольно. Настоящие воины, что рождены для войны, созданы для войны, росли для войны и набегов. О каком мире они могут говорить? Разве что предложат, чтобы мы сами надели ярмо и пошли покорно пахать землю... Да и то это им неинтересно. По мордам видно, что им не сама наша покорность нужна, а бой, побоище, сражение, битва — когда кровь кипит, когда звон мечей и лязг, крики ярости и боли, стук копыт, когда жизнь и смерть на лезвии верного топора или чужого меча...

Отряд проехал к дворцу Бруна. Там уже открыли ворота загодя, ждали. Толпа валила следом, все возбужденно переговаривались, Иггельд подумал хмуро, до чего же артане презирают сейчас куявов, что не умеют себя вести, прут, как лю-

бопытные дети, как болтливые женщины, которым не надо соблюдать достоинство, галдят, как гуси, перебивая собеседника и не слушая один другого.

Ратша принялся расспрашивать людей, у него уже появились здесь знакомые. Почти со всеми ветеранами он когда-то пил или буянил, даже ссорился, а то и дрался, но ему рассказывали охотно, без злобы, Иггельд только хмуро завидовал такой уживаемости.

— Это от самого Придона, — растолковывал ему один берич. — Видел того, что с камнем во лбу? Это сам Вяземайт...

— Вяземайт? — воскликнул Ратша. — Так он еще живой?

— А что, были слухи о его гибели?

— Да нет, — пробормотал Ратша осевшим голосом, — просто мой дед рассказывал, что как-то видел этого Вяземайта в молодости... Тот уже был стариком, уже Верховным волхвом... Так чего они приехали?

— Говорят, переговоры будут.

— Переговоры? — Он оглянулся к Иггельду. — Я ж говорил, переговоры!.. А о чем?

— Никто не знает. Но, говорят, артане уже дознались, что Брун собирает войско под свои знамена.

— И что?

— А то, что сами они увязли под Плотском. Или под Резаньском, а впереди еще Куяба, там черные башни колдунов, там отборные войска Дуная!

Ратша радостно расхохотался, потер ладони.

— Вот тут им и зададим жару!.. Они пока не могут сюда всей мощью, успеем собраться. Зачуяли, подлецы, где жареным пахнет!.. Самого Тулея с его войском не страшатся, а перед князем Бруном хвостами метут по-лисьи, в переговоры влезают!

Берич сказал довольно:

— Это точно. Артане уважают только силу. А единственная сила сейчас в Куявии — это князь Брун. Свиреп он и крут бывает, но с артанами это как раз то, что надобно.

Ратша повернулся довольный, сияющий, словно уже раз-

громил Артанию самолично, звучно хлопнул Иггельда по плечу.

— Вот теперь у меня аппетит разыгрался!.. Пойдем, я сожру целого быка. Правда, увидишь! Печеного или жареного — без разницы. С копытами. И новую дырку не стану прокалывать, чую — скоро растрясем не только лишний жирок, но и лишнее мясо!

В корчме половина столов оказалась пуста, но едва Ратша занял место и велел подать им много и всего лучшего, а вина так и вовсе только самого-самого, как помещение начало заполняться галдящим и шумным, взбудораженным народом. Хозяин как чувствовал скорый наплыв, из кухни уже катили, подминая под себя все ароматы, одуряющие запахи жареного мяса, печеной рыбы, горячего лукового супа, гороховой похлебки...

К удовольствию Ратши, им на стол сперва поставили кувшин и две медные чаши. Ратша едва не наделся на горлышко ноздрей, принюхиваясь, пробурчал:

— А винцо слабовато... Ладно, сойдет запивать то, что у вас считается мясом. Но для аппетита принеси что-нить покрепче.

Мальчишка ответил, запинаясь:

— Есть, но... то вино дорогое. И далеко, в подвале...

— Узнаю Куявию, — фыркнул Ратша. Он бросил на стол монетку. — Тащи поживее!

Мальчишка исчез, а спустя несколько минут Ратша разливал по чашам темно-красное остро пахнущее вино. Вязкое на вкус, оказалось на удивление взбадривающим, хотя обычно Иггельд от вина соловел, его тут же клонило в сон, потому пить не любил и попоек избегал. Когда подали мясо, Ратша уже раскраснелся, распустил пояс, глаза блестели, а увлажненное вином горло перестало сипеть, как прохудившийся бурдюк.

Некоторое время ел молча, только все чаще и чаще запивал вином, потом с грохотом отодвинул лавку, поднялся, ог-

лядел наполненный зал, одним прыжком оказался на середине стола.

— Куявы! — прокричал громовым голосом. — Да, сейчас мы — куявы! Не дрегяне, аламасты, боярты, ягерцы и всякие там, не в обиду будь сказано, вени!.. Мы, как и водится у нас, грыземся, как псы лютые, за мелкую кость, за баранью жилу, а то и просто так. Но когда в нашу кошару лезет волк, мы должны забыть распри и разорвать зверя в клочья!.. Вы сами видите, что, как только мы перестаем грызться, нас начинают страшиться!

Говор затах, все повернулись в его сторону и внимательно слушали.

— Еще не собрано войско, — продолжал он, — я говорю о большом войске, а эти артане уже трусили! Уже поджали хвосты, как побитые псы, уже прибыли на переговоры! А что будет, когда войско соберется в железный кулак? Артане прекрасно помнят, как мы их бивали! Бивали, еще как бивали. Мало кто из них успевал добежать до своих земель!

В толпе закричали:

— Бивали!

— В прошлую войну артане потеряли все свое войско!

— А когда их гнал и бил Сиромаха, то, говорят, только сотня артан успела вернуться живыми!

Ратша выхватил меч, вскинул над головой.

— Брун сейчас как никогда нуждается в нашей поддержке! Он ведет трудные переговоры, артане уже захватили половину страны, и многие слабые души устрешились... Покажем ему, что мы верно и преданно встанем на защиту Куявии! Все ко дворцу!

Он спрыгнул со стола и, не опуская меча, пошел к выходу из корчмы. Народ вскакивал, воодушевленный, Иггельд везде видел красные от вина лица, блестящие восторгом глаза. Заблестали вынимаемые из ножен мечи. Послышались крики:

— Ко дворцу!

— Ко дворцу, к Бруну!

Ратша прокричал громче всех:

— Все ко дворцу, выразим свою поддержку до последней капли крови!..

Раздались крики:

— За Куявию!

— Смерть артанам!

— Ни одного живым!

Иггельд поднялся, иначе рискует остаться один в опустевшей корчме, вышел вслед за последними. Вопящая толпа, сверкающие над головой мечи сразу привлекли внимание, на улицах начал останавливаться народ. Ратша, из-за своего громадного роста заметный издали, двигался впереди, меч рассыпал синеватые искры над головой, а Ратша кричал громовым голосом:

— Все на защиту Куявии!.. Все под знамена Бруна, верного защитника отечества, настоящего героя-полководца!

За ним двигалась огромная толпа, заполонив собой улицу, а потом выдвинулась на площадь, заняла ее всю, повалила к дворцу. Всюду раздавались кличи:

— На артан!

— Смерть артанам!

— Ни пяди родной земли!

— Князь, веди нас!

Ратша прокричал:

— Помните, сейчас артане давят на Бруна, добиваются, чтобы он согласился на их условия... уж не знаю, какие, но все одно подлые. Ощутили нашу растущую мощь, забегали, затревожились!.. Вот прямо сейчас уговаривают его встать в стороне, напоминают про всякие обиды от Тулея... но кто из нас не терпел обид от родителей? И все одно они — наши, мы за них в огонь и воду. Если Брун услышит наш голос, ему легче будет вести переговоры. Ему вообще будет легче, полководец напитывается духом своих воинов. Так покажем же ему, что мы думаем, как ему верим! А те проклятые собаки устроятся нашего грозного клича, подожмут хвосты, будут умолять, чтобы он их не бил и отпустил обратно в свои собачьи степи!

Дворец надвинулся огромный, величественный, с камен-

ными кабанами по обе стороны широкой лестницы. Ратша остановился, взмахнул руками.

— Раз-два, — скомандовал он, — крикнем дружно: на артан!.. Княже, веди нас!

Толпа нескладно, а потом все увереннее попадая в лад, заревела:

— На артан!

— На артан!

— На артан!

— Княже, веди нас!

— Всех артан под наши мечи!

— Под твоим знаменем, княже, сокрушим Артанию!

Они орали, пьянея от своей отваги, силы, мощи, жажды ударить и сокрушить, Иггельд ощутил прилив сверхъестественных сил, будто все они стали единым человеком-великаном, у которого одна воля, одна страсть, одна сокровенная и настойчивая жажда сокрушить и уничтожить вторжение диких степняков. Кровь с шумом перекачивалась по жилам, сердце стучало радостно, сильно, легко, мускулы вздувались, он чувствовал, как становится выше ростом...

Парадные двери дворца распахнулись с треском. Выбежал толстый слуга в дорогом костюме из голубого шелка, на голове шляпа с пышными перьями, сапоги на высоком каблуке, но сейчас растерял всю важность, бросился, расталкивая слуг и стражей, к толпе, запричитал испуганным шепотом:

— Братья, опомнитесь!.. Важные переговоры!

Ратша закричал громко:

— А подать нам этих артан!.. Мы срубим им головы и покачаем в пыли!

— Братья, — закричал слуга уже в голос, — как можно! Это же послы!

— А мы и послов! — гаркнул Ратша еще громче, чтобы слышали там через распахнутые окна в комнате для переговоров. — Артане не соблюдают правил ведения войн, вот и мы... А потом пойдем в Артанию, разнесем там все, перебьем посуду и перес... в общем, перегадим все, как они тут перегадили!.. Брун, веди нас!

Толпа дружно подхватила:

- Княже, веди нас!
- Не посрашим!
- Веди, смерть артанам!
- Князь, мы с тобой! На артан!

Слуга метался, хватал разгорячившихся храбрецов за рукава, умолял, просил, едва не плакал, а в толпе стояли рев и гам, над головами сверкали обнаженные мечи, кинжалы, кто-то нацепил на острие пики клочок красной материи и размахивал над головой, словно дразнил в небе драконов.

Ратша прокричал оглушительно:

— С нашим доблестным князем, что бил артан и будет бить, мы растопчем их, аки туры трусливых зайцев!.. Ишь, миру запросили! Не будет вам мира!

Толпа ликующе заорала:

- Не будет им мира!
- Будем бить!
- На артан!
- На Артанию!

Сердце Иггельда билось часто и мощно. Кровь кипела, в душе отросли крылья, страстно хотелось что-то сделать такое для всей Куявии, чтобы сразу вот так ее спасти, укрыть, очистить. Он чувствовал, что задыхается от непонятного чувства, сильного и чистого, воспламенившего его сердце, и теперь он тоже может, как дракон, выдыхать огонь...

Наконец Ратша с видом победителя вскинул руки, гаркнул:

— А теперь, друзья, когда мы показали свою волю и помогли своему доблестному князю... да, помогли!.. отправимся и попируем, этот день — первый день нашей великой победы!

Толпа загалдела довольно: выпить и поесть — едва ли не главное счастье в жизни куява, а может быть, и самое главное, послушно отхлынули от стен дворца и поспешно потекли обратно с еще большей торопливостью, ведь при таком наплыве все корчмы и харчевни переполнены, надо успеть захватить место.

Ратша протолкался к Иггельду. Он раскраснелся, морда красная, даже сытая, будто подкормился всеобщим воодушевлением.

— Ну как?

— Здорово, — сказал Иггельд с чувством. — Ты растревожил и меня, гад. Чуть слезы не брызнули. Действительно, такие мы, куявы, — про отчизну вспоминаем не раньше, чем она повиснет на одной руке над пропастью! А вот артане все время о ней помнят, гордятся... У них и песни все о войнах, набеггах, подвигах, а у нас какие-то похабные смехогавкалки!

— Ничего, — сказал Ратша недобро, — после этой войны и у нас запоют про подвиги! А предстоит нам свершить немало. Ох немало!

— Так ты радуешься или печалишься?

— Я тебе что, артанин? Это у них «или — или». А я и радуюсь, и печалюсь. Еще и подсчитываю, чем поживимся. Во всем надо искать и выгоду. Нет, не искать ее в первую очередь, но даже артане не забывают в своем стремлении к подвигам пограбить, увезти хорошую добычу. Ты вот уже огреб право на такую вотчину, у меня уже слюни до пояса!..

ГЛАВА 14

Ратша направился в корчму, не мог не оказаться снова во главе самых воинственных и в то же время не забывающих погулять всласть, а Иггельд выскользнул из города, прошел как можно дальше, выбирая пустынное место. Он еще не успел подать знак, только подумал, как темный крестик в синеве сдвинулся, поплыл чуть в сторону. Иггельд не стал даже шевелиться, ждал, что же дальше, но силуэт дракона все увеличивался, стал объемным, вырос, и спустя пару минут Черныш начал распускать крылья, что едва не выворачивало встречным ветром.

Послышался глухой удар, Иггельд бросился к месту падения, но Черныш уже вскочил, распахнул пасть, красный язык выметнулся из пасти, Иггельд зажмурился, горячее и влаж-

ное шлепнуло по лицу, а он обхватил его за морду, поцеловал в нос.

— Да люблю я тебя, люблю... Но ты, свинья, обнаглел! Кто ж так садится? Ногу подвернул? Хромать будешь?

Черныш лизнул в лицо, в глазах любовь и новый вопрос: а ты правда меня любишь? А ты меня не бросишь? Не прогонишь?.. Я очень тебя люблю, папочка, я буду очень-очень послушный, только не бросай меня, не оставляй надолго!..

— Не оставлю, не оставлю, — заверил Иггельд. Было неловко, что такой огромный зверь искательно заглядывает в глаза, виляет хвостом, добивается его любви, словно он не Иггельд, горный охотник, а грозный и могущественный тцар или даже бог. — Люблю я тебя, дурачину!

Черныш от восторга запрыгал на всех четырех, на одну лапу в самом деле прихрамывал, чересчур торопился к двуногому папе, рисковал, ошибся бы еще чуть-чуть — и разбился бы в лепешку, Иггельд ощутил такой прилив нежности к этому нелепому существу, огромному и грозному, и в то же время такому ребенку.

— Я тебя люблю, — повторил он. — Ладно-ладно, оближи еще... Но сейчас давай снова в небо. Тут тебя почему-то боятся, странные такие люди. Обещаю, скоро мы летаем вдвоем. До-олго!

Он ухватил Черныша за щеки, поцеловал в нос. Тот лизнул в ответ, Иггельд отступил, требовательно указал в небо. Черныш с неохотой присел, могучие лапы бросили в небо с силой камня из пращи, Иггельду показалось, что чуточку занесло вбок, понятно — сказывается ушибленная лапа, но тут же порыв ветра едва не сбил с ног. Закружилась пыль, травы полегли от воздушного удара, а сорванные листья унесло, как стаю вспугнутых воробьев.

Возвращаясь, Иггельд чувствовал себя гадко, как будто обманул, обидел ребенка. На воротах стражники посматривали с интересом, все слышали о хозяевах драконов, мало кто их видел, и привыкли считать их обязательно старыми, с длинными седыми волосами и обязательно увешанными с головы до ног амулетами и талисманами.

В самом городе народу стало как будто вдвое больше, его толкали со всех сторон, слышался конский топот, ржание, могучий говор толпы, и он наконец ощутил, как общий подъем снова наполнил его по самую макушку, что уже вместе со всеми глупо и счастливо улыбается, готов прямо сейчас с поднятым мечом броситься на врага. Со всех сторон блестили железные шлемы, латы, панцири, люди двигались при мечах, на поясах кинжалы, боевые ножи, что так не похоже на всегда мирных куявов. На лицах злость и решимость дать бой, со всех сторон он слышал разговоры, что артане пока еще не сталкивались с настоящим войском и настоящим полководцем.

Он сам перебирал славные имена, но в Куявии больше знали умелых торговцев, послов, богатых володарей обширных земель, но не воителей, чье ремесло казалось не очень достойным, и только имя князя Бруна оставалось незапятнанным и сверкало лучами кровавой славы. Он в самом деле не потерпел ни одного поражения в многочисленных войнах ни со славянами, ни с вантыйцами, ни с артанами. Всегда возвращался с богатой добычей, чему куявы всегда придавали первостепенное значение, всегда приводил назад войско. Нередко только часть войска, но все равно возвращался с добычей, а его воины с жаром рассказывали, сколько истребили и сожгли в тех чужих краях, куда вторглись на плечах отступающего врага.

Вообще в самом городе Бруна и за его пределами, как заметил Иггельд, витал бодрый дух скорого сражения. Артане продвигаются быстро, пусть даже с обозами, пора им показать, на что способны куявы, которых наконец-то раздражат. Иггельд видел, как в поле за город выходят все новые войска, их старательно выстраивают, указывают каждому полку его место, готовят, объясняют, когда и как вступать в битву.

От людского гама в ушах шумело, как будто с гор медленно ползла лавина из мелких камней. Богатые горожане на всякий случай спешно отправляли семьи в горную часть страны, под башни чародеев артане уж точно не сунутся, изо

всех ворот торопливо выезжали подводы и телеги со скарбом.

На постоялом дворе, где остановились Иггельд и Ратша, беры гуляли в корчме с утра до поздней ночи. Иггельд явился почти в полночь, до этого гулял по городу и осматривал укрепления, через двор корчмы десяток крепких мужиков выкатывали из подвалов винные бочки, им освещали дорогу факелами, в воздухе стоял запах горячей смолы.

Ратша сидел за богато накрытым столом, с ним еще с десяток беров, он сразу поймал взглядом могучую фигуру молодого друга, заорал, помахал рукой с зажатой в кулаке полуобглоданной костью.

Иггельд сел на краешек скамьи, подвинуть на лавке вольно рассеявшихся беров не решился, поинтересовался:

— Какие новости?

Ратша хмыкнул.

— Мы тут с полудня сидим, а ты только что явился. Ты и рассказывай.

Перед ним поставили кувшин с вином, чару и блюдо с горячим мясом.

Иггельд поморщился, велел слуге:

— Чару убери. Принеси чарку, а еще лучше — чарочку. Я не собираюсь упиваться, как... как слав.

Ратша сказал бодро:

— Не сегодня-завтра — в бой! Напоследок и погулять можно. Я видел, что на княжеские подводы укладывают походные кузницы. Это значит, что мы не только дадим бой, но и должны будем на плечах артан двигаться за ними, пока не достигнем Артании.

Один из беров спросил живо:

— А потом? Вернемся?

— Наверное, — ответил Ратша с неохотой. — Всегда так делали. А зря...

— Зря, — подтвердил бер. — Только даем им набраться сил.

— Надо вторгнуться в Артанию и захватить Арсу, — сказал второй бер твердо. Он сам испугался своих слов, быстро

посмотрел на боров, но те закивали, с шумом сдвинули чары, выплескивая красное вино на столешницу. — На Артанию!

Иггельд прислушался, справа и слева за столами, как и во всей корчме, говорили о наступлении артан, о пожарах и разорениях, о грабежах, артане предадут огню все, что не могут увезти. Все кипели гневом, артане поступили подло, напав сразу же после заключения Вечного Мира. Их не оправдывает то, что царь Тулей поступил не совсем честно, взял меч бога Хорса, а потом вытолкал тупого артанина в шею. По правде сказать, почти каждый поступил бы так же: не отдавать же в самом деле сверкающую жемчужину Куявии этому грязному пастуху, что именуется себя — ха-ха! — сыном тцара, как будто в дикой вонючей Артании могут быть тцары!

Иггельд посматривал по сторонам, сердце наполнялось гордостью. Жуткие вести о стремительном приближении артан не сломили дух куявов, все полны негодования и жаждут дать бой. А чем больше докатывается слухов о неслыханных зверствах артан, о поголовном истреблении жителей городов, где оказали сопротивление, тем ожесточеннее сердца и тем злее становятся куявы.

— Артане продвинулись только благодаря внезапности, — доказывал Ратша, его суровое лицо, изрезанное шрамами, потемнело от прилива крови. — У них все успехи только благодаря их легкой коннице! Эти дикари даже коней своих не умеют подковывать, куда им сражаться с настоящими воинами! Если запремся в городах, а они вообще не умеют их брать...

— Кони через стену не скачут, — вставил Улаф, такой же бывалый воин, как и Ратша, разве что постарше да одет побогаче.

Все захохотали, кто-то дотянулся до Улафа и похлопал по плечу.

— Вот-вот, — сказал Ратша. — Да когда наш князь в прошлую войну дрался с ними в чистом поле, что — сумели они его взять? Нет, это он их теснил! А почему? Да князь Брун и в чистом ровном поле, где артане вроде бы полные хозяева, на ночь огораживался рвом!.. Только и всего. А утром снова выходил и теснил их. А когда артане стягивали все силы, что-

бы его опрокинуть, он снова огораживался рвом, втыкал в него колья... И так он теснил артан до самой их границы, даже вторгся на их сторону!

— После чего артане запросили мира, — снова вставил Улаф.

— Точно! Артане страшатся не только наших крепостей и укрепленных городов, где под стенами они положат все их войско, но даже нашей тяжелой конницы!..

Лица светлели, головы поднимались, а в глазах блестела удаля. Как нарочно, за окном послышался далекий топот, нарастал все громче и громче, наконец пронеслась, как стадо железных быков, тяжелая конница на огромных рослых конях, воины все в железе с головы до ног, тяжелые длинные копы в руках, мечи и топоры на поясе...

Ратша выкрикнул довольно, перекрывая шум:

— Видите? Да никакая сила на свете не способна выдержать такой удар!

— Это у артан все от бедности, — сказал глубокомысленно старый Примак. — А бедность артанская от лени. Земля у них богатая, урожайная, но эти дикари всю загадили своими стадами. А тот край на самом юге, где выращивают хлеб, кормит не только всю Артанию, но эти дикари продают его в другие страны. Зерно артанской пшеницы размером с орех, клянусь всеми богами! И какую пользу они от нее имеют?

Все одобрительно кричали, тянулись через стол к Примаку чокнуться краями кубков и чар. Знаменитая артанская пшеница всегда оставалась предметом зависти куявов да и других соседей. Только в Артании она вырастала с невысоким стеблем, но с могучим колосом, зерен много, все крупные, ядреные. Сами артане продавали только муку, зерно в мешках вывозить не позволяли, но куявы не стали бы куявами, если не исхитрились бы выкрасть и привезти в Куявию не то что горсть зерен, а целые сумки. Увы, даже первый урожай всегда бывал вполовину мельче артанского, а на следующий год артанская пшеница уже ничем не отличалась от мелкой и болезненной куявской.

Ратша подумал, бухнул, как в воду валун бросил:

— И еще они сала не едят, дурни!.. А какая жизнь без сала? На конине долго не продержишься. Мне пришлось как-то на конине сидеть, мы в артанских степях потерялись в прошлую войну, так я, скажу вам, сразу на пару пудов отошал! Ну прямо червяк какой-то стал... Вся сила — в сала! С куском сала я могу две ночи с седла не слезать, а силы как и не тратятся.

— И я на конине всегда голодный, — подтвердил другой бер. — Нет, лучше нашего сала ничего на свете нет! И чтоб вина хорошего. И побольше, побольше.

— Потому и лезут к нам, что завидуют! И от свинины потому отказались, что у них самим есть нечего, а куда уж свиней кормить? Там все худые и тощие, вы заметили?.. А настоящий мужчина должен быть дородным.

— Если на то пошло, — заявил Ратша, — то воины из них никудышные...

Это показалось чересчур, все примолкли, начали отводить взоры, только дотоле молчавший песиглавец Фендора, честный и прямодушный воин, сказал хмуро:

— Это ты загнул...

— Ничуть не загнул! — сказал Ратша горячо. — Сам мне скажи, что это за воины, если только на конях и воевать умеют? А разве они выстоят против нас в пешем бою? А на море? Да и небо в нашей власти, ибо мы не только коней — у нас и драконы на задних лапах стоят, в глаза заглядывают! Вон спроси Иггельда!.. Иггельд, скажи!

Иггельд ответил с неловкостью:

— Что сказать?

— Вот видите? — обратился ко всем Ратша. — Главный повелитель всех драконов, а какой скромняга!.. Таковы мы — куявы. Небо подчиняется нам, а что у артан?

Его слушали с удовольствием. Старый Примак сказал громко:

— Верно сказал, бисов сын!.. Главное — пешие ратники. А конники — это так, тьфу. Прискакали и ускакали. Земля только тогда считается захваченной, когда придет пешая рать и разобьет полевой стан. Да и кони у нас лучше, один наш куявский конь троих артанских перетянет... Да, это хорошо,

что мы собрались именно здесь, у Бруна. Артанам сейчас не просто, когда мы под окнами свою волю прокричали. Князю наша поддержка как нельзя кстати! Он сейчас на них давит, чтобы не только отступились от наших земель, да еще и пеню за ущерб заплатили!

— Хорошо, — согласился Ратша, — что мы здесь... Князь — воитель!

Взгляды присутствующих посерьезнели, все смотрели поверх головы Ратши в сторону входа. Там на пороге стоял немолодой уже человек в голубой одежде с цветами и знаками дома князя Бруна, Иггельд видел его мельком, когда их вели по княжеским палатам, запомнил только потому, что все привык запоминать, иначе бы не выжил, и сейчас сразу узнал, поднялся, устремив на него взор. Человек кивнул, поклонился издали.

Ратша оглянулся, спросил сиплым голосом:

— Чего тебе?

— Князь просит к нему, — ответил посланец ровным бесцветным голосом вышколенного слуги. — Нет, не вас. Только доблестного Иггельда.

Просит, мелькнуло ошеломленное в голове Иггельда, не велит. Чересчур высоко, даже страшновато. Он поднялся, чувствуя, как заныло под ложечкой в предчувствии неприятностей...

— В полевой стан? — спросил он.

— Нет, — ответил посланец и снова поклонился. — Князь все еще во дворце.

— Я переоденусь...

— Князю это неважно, — сказал посланец мягко, но с настойчивостью в голосе. — Вы не голый, уже хорошо.

Ратша хлопнул Иггельда по спине.

— Иди! Краше тебя нет воина во всем кувявском войске! Какие еще переодевания? Сдурел?

Иггельд поежился, а Ратша проводил его долгим взглядом и подумал, что в самом деле этот молодой повелитель драконов блистает суровой мужской красотой, ростом и могучей статью. Да и одет добротно и с достоинством, тонкий стан перетягивает удивительно узкий поясок, а меч, пода-

ренный гномами, держится на широкой перевязи из шкуры горного льва. Рукоять меча мрачно отсвечивает множеством рубинов зловещего оттенка, с таким не стыдно входить во дворец, никто не сочтет нищим.

Еще он заметил, что, когда Иггельд поднялся из-за стола, на него поневоле подняли глаза все в корчме, а девушка-служанка покраснела как маков цвет и порывисто вздохнула. Бедолага, подумал Ратша сочувствующе. Пока что у него в голове одни драконы, но когда-то придет тот миг, когда священная дурь ударит в сердце, подчинит голову, душу и все мысли. Когда-то... Хорошо бы, чтоб еще не сегодня.

Посланец проводил Иггельда через все залы, на них поглядывали с живейшим интересом, Иггельд чувствовал на себе любопытные взгляды, слышал, как шепотом произносят его имя. Таких, кто пользовался его услугами, мало в этом доме, но по всей Куявии слышали дивные рассказы о человеке, за которым огромный дракон бегает, как преданный щенок, и теперь Иггельд даже видел, как украдкой указывают пальцами, хихикают, что-то пересказывают скороговоркой.

У дверей личных покоев князя посланец остановился, прислушался, постучал, снова прислушался. Ответа Иггельд не уловил, но посланец распахнул двери и отступил. Когда Иггельд сделал шаг, двери за его спиной неслышно закрылись, они с князем остались одни.

Брун стоял у стола, опершись обеими руками в столешницу, и разглядывал карту, словно Иггельд отлучался на минуту. На скрип двери поднял голову, Иггельд заметил с горячим сочувствием, насколько осунулся Брун за эти два дня, словно не пил и не ел или же его терзала тяжелая болезнь. Только складки у твердых губ стали глубже, резче, а глаза смотрели все так же остро, пронизывающе.

— А, повелитель драконов, — сказал он усталым голосом. — Ты быстр, как и твои драконы... Как ты?

— Готов на любое деяние, — твердо сказал Иггельд. — Только прикажи, княже!

— Да, пришло время приказывать... — ответил князь в за-

думчивости и, как показалось Иггельду, в некотором колебании. — Страшное время приблизилось, вот оно перед нами... Ты готов к испытаниям?

По телу Иггельда прошла сладкая дрожь. Он сказал с чувством:

— Проверь меня, княже!

— Ты уверен, что если будет достаточно средств, — спросил Брун, — то сумеешь подготовить десяток боевых драконов?

— Что десяток, — ответил Иггельд горячо, — я смог бы и полсотни, но не теперь, сейчас у меня в Долине только семеро боевых драконов. Были бы люди, еда, деньги — будут и драконы!

— Все это будет, — прервал князь. Брови его все еще сшибались на переносице, глаза не то чтобы отводил от Иггельда, но как будто старался с ним не встречаться взглядом. — Моей волей сегодня же туда начнут переправлять все необходимое. А людей сам отбери! Сколько назначишь им платы, столько и будет. Я тебе верю.

Иггельд прошептал растроганно, в глазах защипало:

— Спасибо, княже...

— Не за что.

— Ты сделал с легкостью то, хотя я и не просил, в чем другие отказывали напрочь!

Князь отмахнулся.

— Не о себе радеем, а токмо о пользе для отечества. Но и с тебя спрос теперь поболее, чем с простого зрителя драконов, понял?

— Конечно, — ответил Иггельд быстро, — но дерзну сказать, что я давно готов. Я знаю и умею больше, чем многие из тех, кто состарился с драконами. Мне такое говорить нелегко, но дело пострадает, если я буду умалять свое умение...

— Знаю, знаю, — перебил князь нетерпеливо. — С тобой сколько человек?

— Здесь со мной только один. — Иггельд чуть удивился таким поворотом разговора, добавил: — Правда, над нами парит мой дракон, а он в бою стоит многих сильнейших воинов. Еще там, в моей Долине, я, помимо простых латников,

могу выставить и двенадцать горных великанов. Они крепкие, как скалы! Каждый в бою стоит сорока воинов.

— Это хорошо, — ответил князь. — Сейчас настала тяжелая година... Уже говорил? Просто у меня из ума это не идет, а с души не спадает камень. Сейчас мне до зарезу нужен каждый верный человек. Будешь мне верен, получишь не только вотчину в Светлолесье, но и все междугорье в полное владение!

Иггельд возразил горячо:

— Да разве я за вотчину...

Князь остановил его нетерпеливым движением руки:

— Погоди, ты прям как артанин: гордость из тебя фонтанит! Я не сомневаюсь в твоей верности Куявии. Но этого сейчас мало. Когда такой разброд и шатания, то под верностью можно понимать что угодно. Я хочу, чтобы ты был верен мне, лично мне! Понимаешь? Верность — это не слепая вера и преданность, а вера в то, что я все делаю правильно. И потому идешь со мной. В огонь и в воду, но ведь и я сам иду в огонь и воду, а не посылаю других впереди себя!

— Понимаю, княже...

Князь сказал отрывисто:

— Я прожил немало, умею видеть людей! Ты не только силен, но в тебе есть умение руководить, создавать, вести за собой. Ты из голой заброшенной долины высоко в горах сделал Долину цветущей жизни, а что ты сделаешь, когда станешь правителем большого края?

Иггельд молчал, чувства теснились в груди, едва не взламывали изнутри. Когда он станет правителем целого края, не будет зависеть от поставок еды и денег, велит посылать в горы столько, сколько сам сочтет нужным. Под его властью будет огромный цветущий и богатый край внизу, у подножия гор, и в то же время останется под его теперь уже могучей рукой ставшая родной Долина Грез...

— Я в вечном долгу, — прошептал он.

— Будь просто мне верен, — сказал князь с нажимом.

— Клянусь! Я верен тебе, — сказал Иггельд. — Но скажи мне, князь... что может грозить тебе?

Князь взглянул исподлобья.

— Ты тоже чуешь?

— Нет, в том-то и дело!.. И потому душа моя в смятении...

— Я окружен врагами, — сказал князь горько. — Никто не печется о благе своей страны, каждый гребет под себя. Я только заикнулся, что свои интересы надо подчинить интересам страны, так меня чуть было не в изменники! Потому и говорю, что буду вести дела по-своему. Мне лизоблюды из дворца Тулея не указ...

— И наша во всем поддержка! — заявил Иггельд горячо.

Князь тяжело вздохнул.

— Я верю тебе. К счастью, у тебя нет богатой и сильной родни, что тянули бы в ту или другую сторону, говорили бы о своей рубашке... о рубашке вашего рода, что всегда ближе к телу, чем рубашка всей страны. Ты можешь смотреть трезво. Своими интересами легче пренебречь, чем интересами рода. Ладно, время решать прошло. Теперь время — действовать! А теперь следуй за мной, я выйду к людям и объявлю... свою волю.

Иггельд, потрясенный, словно молодое деревцо, по которому походя ударили обухом острого топора, двинулся за князем, за дверьми к ним присоединился еще с десяток знатнейших людей, они шли рядом с Иггельдом и всячески выказывали князю почтение и послушание. Когда огромного роста стражи распахнули двери в огромный зал, навстречу ворвался сдержанный говор, в глазах зарябило от обилия разноцветных одежд множества людей. В зале было светло, как в солнечный день на улице, все светильники горели чисто и сильно. Едва фигура великого князя показалась в дверном проеме, как все в зале начали поворачиваться, заговорили возбужденно и радостно, десяток могучих глоток разом рывкнул:

— Князь!

— Великий князь!

— Брун, смотрите, Брун идет к трону!

Следом сотня дюжих голосов подхватила:

— Слава князю!

— Князю слава!

Но Брун прошел мимо своего родового трона, что отличался от трона Тулея только отсутствием золотой лани на вершине высокой спинки. На его лице проступила отеческая улыбка, он пошел медленно в толпу, всматриваясь в лица. В передних рядах стояли Клестоярд, Гайтан, Улнак, Озбириш, Медвянко, Примак, а также послы Вантита и Славии, влиятельные жрецы, воеводы, именитые беры, наместники, посадники, военачальники, даже богатейшие из купцов и торговых людей.

Иггельд заметил, что послы приветствовали его как повелителя всей страны, хотя вслух этого и не произносили. Сердце наполнилось гордостью, Брун ясно сказал, что выделяет его среди других героев, что рассчитывает на него и его поддержкой дорожит особо.

Наконец-то, мелькнула мысль, хоть кто-то оценил... Не ради своей славы, не по дурости, как считают одни, не зачем-то еще, а только ради любви к своему делу, из которого и его любовь к Куявии.

Брун молча вскинул руки, заглушая голоса, а когда затихло, сказал ясным сильным голосом человека, рожденного повелевать массаами и народами:

— За столы, дорогие друзья!.. Укрепим свою плоть, дабы духу нашему было где черпать силы, а испытания предостоят немалые. Сегодня — великий день!.. Но об этом — после небольшого пира...

Этот «небольшой» пир показался ошеломленному Иггельду царским даже тем, что столы накрыты на полтысячи человек. От яств ломились столешницы, вина всевозможные, дичь самая редкостная, от богатства и могущества захватывает дух. Вся посуда только из золота, а кубки еще и украшены драгоценными камнями. Такими же драгоценностями показались Иггельду и гости: все в одеждах из драгоценной ткани, пряжки из золота, застежки украшены сапфирами, изумрудами, рубинами, прочими дорогими камнями, иной раз настолько крупными, что только за один такой камень можно нанять целое войско.

Ратша сидел за одним из дальних столов, Иггельд сразу вычленил его взглядом из толпы гостей, он и здесь отличается статью, ростом, шириной плеч. Показалось неловким сидеть вблизи князя за его столом, среди высших военачальников, когда сам Ратша, кумир его детства, остался за дальним столом среди гостей рангом ниже, среди незнатных, он тихохонько отступил и, стараясь двигаться незаметно, обошел по краю группу вельмож.

Ратша вздрогнул, когда сзади на плечи упала широкая ладонь.

— Тьфу, заикой оставишь! Так подкрадываешься... попробовал бы так в степи, получил бы ножом под ребро, а потом бы только... Ты чего здесь?

— Подвинься, — ответил Иггельд.

Ратша подвинулся, оттеснив песиглавца с другого боку, переспросил:

— Чего ушел? Князь обидится.

— Вряд ли, — ответил Иггельд. — Не дурак, поймет. Если кто-то в спешке забыл пригласить тебя за княжеский стол, то мы из-за чужой ошибки не должны сидеть порознь.

Ратша хмыкнул, но глаза потеплели, сказал с теплой насмешкой:

— Эх, Иггельд, тебя такого и куры лапами загребут! Когда научишься за свое цепляться всеми когтями? А ты еще и сам отдаешь...

Но, отобрав у слуги кувшин, сам налил в серебряную чашу вина, поставил перед другом. И даже придвинул к нему запеченного гуся с яблоками.

Первые чары выпили за здоровье князя, Иггельд все всматривался в суровое лицо Бруна, тот старательно улыбался, но Иггельд видел, как время от времени лицо на короткие мгновения становилось страшным, в глазах вспыхивал гнев, но тут же князь растягивал рот в улыбке, отечески отвечал на поклоны, кивал, улыбался, что-то говорил, Иггельд видел только, как двигаются губы великого князя, издали особенно заметно, что мысли князя вовсе не в этом зале. Возможно, он уже ведет огромное войско навстречу артанам... нет, встречает их здесь, укрепившись за стенами крепостей,

а когда артане попытаются пройти дальше, он выведет войска в поле и ударит в тыл...

В сердце покалывало, он не знал, чем можно помочь великому человеку, ведь это последний пир, многие из пирующих уже никогда не сядут за стол. Все беспечны и веселы, они распоряжаются всего лишь своими жизнями, а это так мало даже для куявов, что свои жизни берегут! А князь отвечает за них за всех. Как всякий полководец, он знает, что не удастся сохранить жизни всем, и это знание наполняет его душу горечью. Все пируют, а он терзается в мыслях, как же все-таки сохранить жизни наибольшему числу людей, а вот если бы даже сберечь всех...

Более того, заметно, что наибольшее веселье на самых удаленных от князя местах. Там пьют, веселятся, уже пытаются затянуть песни, провозглашают здравицы, лезут один к другому через стол, чтобы чокнуться кубками, обнимаются и клянутся в вечной дружбе и воинском братстве, а чем ближе к князю, тем все сдержаннее, а возле князя его ближайшие полководцы сидят мрачные, как грозовые тучи. У Гуданца вид страдальческий, Клестоярд вообще постоянно вытирает пот, глаза бегают, Фендора усталился в тарелку, ничего не ест, пьет только после понуканий, лицо бледное. Ощущение такое, что над ними всеми нависла тяжелая туча, которую видят только сам князь и его ближайшие полководцы.

ГЛАВА 15

В зале становилось все более шумно, охмелевшие гости то там, то здесь начинали орать песни, их одергивали, усаживали, снова пили, но Иггельд чувствовал, как приближается важный момент, как незаметно для других нарастает напряжение, наконец за столом князя начали подниматься гости, сам Брун встал и, тяжело ступая, поднялся на небольшой помост, за ним последовало с десятков сильнейших воинов, гордых и надменных от того, что их допустили сопровождать великого князя, грозного полководца. Иггельд заметил с некоторым недоумением, что из этой свиты исчезла половина

известных мужей, зато появились совсем новые — незнатные, безродные. Но лица их решительны, глаза сверкали угрюмой отвагой, а ладони покоились на рукоятках мечей. Они бросали недоверчивые взоры по сторонам, будто готовились спасать князя от посягательств на жизнь.

Чем-то они не понравились Иггельду, но тут же с раскаянием подумал, что ведь и сам такой — нет за спиной знатного и могущественного рода, князь его возвысил и приблизил к себе за заслуги, а не за знатность рода. Ему нужны те, кто работает, воюет, сражается, а не кичится высоким положением и знатностью рода!

Князь стоял и мрачно озирает зал из-под насупленных бровей. Лицо оставалось смертельно бледным, даже восковым, как у покойника, только покрасневшие глаза горели, как угли, раздуваемые ветром. Он с усилием выпрямился во весь немалый рост, но Иггельду все равно казалось, что на плечах князя лежит незримая каменная плита, угнетая его, вжимая в землю, заставляя сгибать плечи.

На мгновение крупное сильное лицо исказил страх, глаза испуганно метнули взгляд по сторонам, но верная охрана смотрит преданно. Через широкие окна, праздничные, не приспособленные для защиты, видно забитую народом площадь. Там все стиснуто, стоит гомон, из задних рядов пытаются протиснуться ближе к дворцу, но их не пускают передние, кричат, что все перескажут...

Взгляд Бруна скользнул по окну, лицо исказилось, но превозмог себя, так показалось Иггельду, вскинул руку. И еще Иггельд с тревогой видел, что могучая длань князя дрожит, а пальцы то сжимаются в кулак, то с усилием растопыриваются, становясь похожими на огромные когти.

— Дорогие мои! — сказал он мощным голосом. На миг подернулся, закашлялся, в толпе тут же заговорили о недобром предзнаменовании. — Дорогие мои!.. Сердце мое обливается кровью... Что я могу сказать? Только что я принял тяжелое и очень нелегкое решение. Не все его одобряют, но... прошу вас!.. не приказываю, а прошу: не спешите решать, судить, отвергать. Сомневайтесь — да, проверяйте со всех сто-

рон, но не отвергайте сразу, и вы увидите, что это единственно верное решение...

Его свита сгрудилась за спиной и по бокам, только со стороны главного входа открыт, но военачальники зорко следили за каждым движением берегов, готовые укрыть князя собственными телами. Да и сам князь в кольчуге, как заметил Иггельд с удивлением, словно ждет неприятностей.

Их взгляды встретились, Брун несколько мгновений всматривался в Иггельда, будто увидел что-то впервые и это очень не понравилось, затем медленно повернулся к дворецкому и сказал громко:

— Распахни двери на площадь! Там собрался народ, пусть слышат все. Нет у меня тайн от простого народа, на защиту которого мы все поднимаемся!

Несколько человек ринулись к дверям. Широкие створки распахнулись, в зал хлынул сухой прокаленный воздух, ворвались солнечные лучи, и вместе с ними донесся мощный рокот, напомнивший Иггельду полеты к морю, где вот так же могуче и грозно шумит прибой. С его места виден маленький участок площади, люди стоят тесно, видны только головы, все жадно смотрят в эту сторону, при виде раскрывающихся дверей заорали восторженно.

Брун что-то сказал, поперхнулся, закашлялся. В толпе зашикали друг на друга, страхась пропустить хоть слово. Наконец Брун совладал с собой, заговорил сильным звучным голосом, немного хрипловатым, голосом полководца, привыкшего руководить большими массами разгоряченных боем людей:

— Друзья мои и братья мои!.. Сейчас мы все, от простого людина до самого знатного, — просто куявы!.. Наша страна в большой беде, и все мы готовы если не отдать жизни за нее, то хотя бы пролить кровь и вытерпеть невзгоды. Но самый простой путь к спасению отчизны — не самый лучший. Не подобает нам, мудрым куявам, вести себя и поступать подобно диким артанам. Это они сломя голову ринулись бы навстречу противнику, где глупо и по-дурацки гибли бы тысячами, но считали бы это подвигом и славной молодецкой смертью!

В зале не двигались, лица всех обращены к князю, а тот ронял слова тяжело, веско, сам бледный и с горящими глазами. Военачальники вокруг него настороженно поглядывали по сторонам, руки на рукоятях мечей. В дверях и в окнах за чем-то появились лучники. Иггельд насторожился, тихонько поднялся и подошел к окну. Отсюда видно, как на площадь с обеих сторон дворца выдвинулась тяжелая конница, что вчера так лихо проскакала перед дворцом, показав свою удаль и воинскую выучку. С другой стороны площади сразу из трех улочек начал выдвигаться другой конный полк, тоже тяжелый, на рослых конях, в толпе узнали знаменитое воинство Елинды, страшное в натиске, свирепое и несокрушимое. Командовал этими латными всадниками герой прошлых войн сам Елинда, его люди умели сражаться на коне и пешими, у них всегда лучшие доспехи и лучшие мечи, а в отряд принимают только самых отличившихся и умелых в бою.

Всадники придержали коней, все выстроились в шеренги, суровые и молчаливые. Сквозь прорези железных шлемов угрюмо поблескивали глаза. Над головами высились пики, этот вздыбленный, как щетина у разъяренного кабана, лес уходил за дворец. По этому лесу пик становилось видно, что Елинда вывел всех своих людей или почти всех.

А в зале за спиной Иггельда слышался громкий и ясный голос Бруна:

— Мы — куювы! Мы умеем побеждать... мудро. И с малыми потерями. Даже с самыми малыми. Я принял решение... сразу скажу, оно далось мне нелегко, но это путь к победе по-куювски! Я заключил с вторгшимися артанами соглашение... Да, соглашение. Вся Нижняя Куявия, весь наш край, населенный дреглянами, силчами, бояртами, венями, тугеями и другими племенами, более мелкими, но от этого не менее уважаемыми, отныне свободна от нашествия. Мы даем право прохода артанам, но они обязуются не чинить разбоев, не обижать мирных жителей, даже не затевать драк и ссор с жителями Нижней Куявии. С этого дня Нижняя Куявия — самостоятельное государство! Да, как сами артане уже давно разделены на Малую и Большую Артании, как совсем недав-

но здесь был независимый Барбус... Я вынесу на ваше решение, не вернуться ли нам к прежнему наименованию этой земли? Барбус существовал недолго, но успел прославить свое имя... Мы, как барбусцы, а не куявы, будем вступать в договорные отношения как с Артанией или Славией, так и с Верхней Куявией...

Иггельд слушал, помертвев. Нижняя Куявия — это седьмая часть всей Куявии. Это богатейшие земли, это густонаселенный край, леса, реки и озера, где вода выплескивается на берег от обилия рыбы, это ценные руды близ поверхности земли, это черноземные поля, где почти не бывает засухи... Что надумал Брун, почему? Артанская конница пройдет Нижнюю Куявию без боев, без препятствий и появится под стенами стольного града?

По залу пронесся неслышный вздох. Потрясенному Иггельду собравшиеся гости, внезапно протрезвевшие, показались огромным полем пшеницы, по которому пробежал ветер. Люди отшатнулись, на лицах страх и непонимание, даже горделивое выражение, что появилось у них после упоминания о мудрости куявов и умении побеждать малой кровью, исчезло, словно пар на жарком солнце.

За ближайшим к князю столом громко ахнул Примак:

— Как? Как такое можно?

— Можно и нужно, — отрезал Брун. Сейчас, когда он высказался, он словно ощутил прилив облегчения, выпрямился, во взоре появилась твердость и стальной блеск в глазах. — У меня есть силы и средства, чтобы настоять на своем! А сейчас прошу не устраивать беспорядков, войска мои уже в готовности. Я знал, что смутьяны все-таки будут, так что застенки их уже ждут!.. На сем заканчиваю, а военачальников и знатных мужей прошу в мои покои, где за неспешной беседой я объясню... почему я решил именно так.

Иггельд перехватил его взгляд, но не понял значения, вскоре подошел человек в голубой одежде со знаками дома Бруна, перья на шляпе смешно колышутся, поклонился и почтительно произнес:

— Вельможный князь Брун приглашает доблестного воителя Ратшу и его друга Иггельда на малый совет.

Ратша, несмотря на гнев и разочарование, сразу же присанился, посмотрел соколом, но тут же засмеялся:

— Когда?

— Прямо сейчас.

Они поднялись и, провожаемые взглядами, двинулись за посланцем. Иггельд спросил хмуро:

— Чего ржешь?

— Видишь, другие тебя ценят выше, чем ты себя. Вот и Брун... как ни заскрипел зубами, что ты ушел из-за его стола и сел к нам, простым воинам, но стерпел. Видишь, как не хочет тебя потерять!

Иггельд указал глазами в спину посланца, Ратша отмахнулся: мол, пусть слышит. Пусть даже расскажет, что их не обмануть, все княжеские хитрости зрят насквозь. Лишь тот, кто видит женщину насквозь, — много теряет, а за руками таких, как Брун, надо следить внимательно...

Их провели даже не в малый зал, а в небольшую богато обставленную комнату. За столом уже рассаживались знатные беры, по большей части те, кто стоял за спиной Бруна во время его речи, но оставались свободные стулья. Иггельд сразу заметил, что народу стало втрое меньше, все подавленные, угнетенные как решением Бруна, так и своей пугающей малочисленностью.

Иггельд и Ратша сели с краю, поглядывали на тех, кого Брун считал верными или кого надеялся удержать при себе. Сам Брун держался достаточно бодро, голос звенел металлом, а когда появились слуги, он велел накрыть на стол, сам держался с военачальниками как равный, а когда слуги наполнили всем кубки, сказал с болью в голосе:

— Вы все осуждаете меня... Да, осуждаете, знаю. Вам проще: можете броситься на врага и погибнуть. Ну прямо артане!.. Но властелин должен думать о стране. О народе. Ради его блага он может... и должен!.. все перенести, что пошлет доля: и презрение, и насмешки, и даже проклятия. Я все сне-

су... Неужели вы всерьез считаете, что я способен отдать Куявию, родную Куявию этим дикарям?..

Он оглядел всех яростным испепеляющим взором. В нем бурлил гнев, Иггельд видел, как этот гнев ищет выхода, вздымает грудь, пурпурным огнем отражается в глазах.

— В отличие от вас, — сказал он гневно, — я сведущ в деяниях старины глубокой, в чьи тайны вы не дерзаете заглянуть. И сколько память людская и бумаги помнят, Артания всегда накатывалась волнами на Куявию, всегда крушила ее стены и совершала набеги. Дивно и то, что та же Артания так же дерзко тревожит Славию и Вантит, а кроме того, отправляет не отряды, а целые войска в дальние страны на поиски новых земель!.. А мы даже не помышляем о расселениях на землях, где еще нет человека, но уже много зверя в лесах, рыбы в озерах и руды в пещерах. У артан, надо признать, горячая кровь и дерзость в этой крови, а у нас, куявов, осторожная мудрость... Да, мы ценой огромных усилий сможем отбиться от артан и на этот раз. Допустим, полностью уничтожим их несметную армию. Ну и что? Через пять лет, а то и раньше, новое войско, такое же многочисленное, нахлынет в наши пределы...

Фендора сказал с тоской:

— Так было всегда, ты прав, княже. Но что делать? Принять артанскую узду, самому надеть себе на голову и взять в зубы загубник — еще хуже, позорнее. Я хоть и куяв, но лучше сложу голову, чем...

Он запнулся, князь сказал с нажимом:

— О том ли ты говоришь? Я хочу решить эту задачу раз и навеки!.. Полностью покончить с артанской опасностью.

Он остановился, на него смотрели в тревожном ожидании. Фендора спросил невесело:

— Как? Разве это возможно?

— Все трудное кажется невозможным, — отрубил Брун. — Тем более необычное. А потом скажут: так это ж просто! Артанам нужно только дать возможность пожить среди нас!.. Мы все твердим, что артане тупые, грязные, дикие, варвары, дикари, а они о куявах иначе не говорят как о

трусах, лизоблюдах, торгашах, неженках, слабых. Надо просто соединить наши народы! Артане не подозревают пока, что это гибельно для них...

— А для нас? — спросил уже Елинда, осторожный и опытный военачальник.

— Нет, — отрезал Брун, — нет! Нет и еще раз нет, потому что на самом деле мы — сильнее! Мы интереснее, богаче, ярче. Артане называют нас слабыми и нежными только издали, а когда поживут рядом, они увидят, что мы не слабые и вовсе не нежные. Но за это время они распробуют наш мед хорошей жизни. Они станут жить, как живем мы, куявы. А это значит, что они сами станут куявами.

Озбириш покачал головой.

— Так и станут?

— Станут!

— До конца?

— А до конца и не нужно, — отрубил Брун. — Напротив, я хочу, чтобы в новых поколениях осталась горячая артанская кровь, сохранилась их дерзость, выносливость, презрение к опасности! Я, как и все вы, хочу спасения Куявии!.. Но только все мы хотим спасти ее по-разному. Вам бы только броситься вперед с обнаженными мечами... и красиво погибнуть — как будто это спасет страну! Я же хочу спасти ее так, чтобы не просто спасти, а чтоб вышла победительницей отныне и навеки! Поймите, если сто куявов и сто артан заставить жить в одном селе, то через десяток лет там будут уже двести куявов! И все их дети станут куявами!

Иггельду показалось, что начинает ощущать и понимать грандиозный замысел великого князя, но прямодушный Улаф спросил с недоумением:

— Почему? Артане не те люди, что предадут и забудут свою страну...

Другие закивали, Брун резким движением отбросил возражения, словно смел сор:

— А они и знать не будут, что уже предали. Что перестали быть артанами. Артанами их делает бедность, а мы им дадим пожить богато, зажиточно. Я другого опасуюсь — что они

при такой привольной жизни растеряют всю храбрость, их храбрость и презрение к смерти — от бедности. А я хотел бы сохранить и наше богатство, и артанскую отвагу и готовность идти на край света. Ведь наша Нижняя Куявия... да что там Нижняя!.. к тому времени уже вся Куявия... словом, будет под одной рукой. Под властью одного человека, и этим человеком буду я!.. Я — правитель Куявии, великий царь, который объединит Куявию и Артанию в единое целое.

В комнате воцарилось тягостное молчание. Ратша побагровел, силился что-то сказать, Иггельд предостерегающе сжал его колено. Ратша с шумом выдохнул, поднялся. Все повернули головы, а Брун спросил резко:

— Не нравится наше вино?

— Не нравятся эти речи, — отрубил Ратша. Иггельд поднялся, сжал его плечи и потащил к выходу. Ратша сказал с болью: — Я не великий военачальник и не могу одним взглядом охватить все нужды страны, но я вижу... я вижу...

Брун стиснул челюсти, смотрел вслед тяжелым взглядом. Ничего, придет время, обоим припомнит эту выходку, когда вот так ушли, не спросили позволения, с его малого совета, куда он изволил допустить самых, как он считал, верных. И так их мало, очень мало. Очень осторожно он начал подбирать ключи к тем, кто обладал какой-то силой, и к некоторым подобрать сумел. Но были и промахи. Неожиданное сопротивление оказал Мальвред, совсем старик, давно уже не бравший в руки меч. Он обладал не столько воинским умением или могуществом, но унаследовал огромное состояние, так вот везде говорят, что Мальвред велел из всего золота и серебра чеканить монеты, сейчас набирает войско, закупает оружие, доспехи и коней. Дошло до того, что он все ценные вещи, захваченные предками в прошлых войнах, велел продать и на вырученные деньги закупает одежду для войска, шатры, повозки...

Брун, человек умный и до мозга костей куяв, подозревал хитрость: ни один куяв не пойдет на такие жертвы. Нет, за отчизну многие готовы идти в бой, проливать кровь, но чтобы распродавать богатства, что копились столетиями, — это уже

чересчур. Он долго пытался понять, что же задумал Мальвред, слишком стар и умен вельможа, пока не дошли слухи, что слава Мальвреда выросла до таких размеров, что уже затмевает героев прошлых войн Голотука, Войдака и Казидуба. И тогда князь решил, что раскусил Мальвреда. Раздав все накопленные им самим богатства и все сокровища предков, он завоевал такую славу и уважение, что стал чуть ли не святым. Под его знамя начали стекаться все, кто все еще надеялся остановать артан. По слухам, даже отъявленные разбойники раскаивались, видя такое самопожертвование, приходили и склоняли головы, говоря: либо руби наши головы, либо прими в войско и дай умереть за отечество. Раздав золото, из которого можно бы сложить небольшой холм, теперь он с легкостью может собрать целую гору из драгоценных камней и золота. Хитрый и умный ход прожженного вельможи, искушенного во всех тонкостях, прекрасно знающего, как управлять толпой, будь в ней простолюдины, беры или высокорожденные!

Но дело сделано: под знамя Мальвреда стекались беры, вооруженные простолюдины, беглые каторжники, шли волхвы, колдуны, опытные воины и совсем зеленые новички, тайком из войск Бруна уходили одиночки и целыми отрядами, были случаи, когда на сторону Мальвреда становились признанные военачальники и уводили с собой людей, но больше всего поразило Бруна и ввергло в уныние, что двое из его родни, и даже сын Улнак, которым он верил как себе и которых он посвятил в далеко идущие планы, отреклись от него и просили Мальвреда принять клятвы верности.

Иггельд вытащил Ратшу за двери, тот тряс головой и смотрел по сторонам очумелыми глазами. Выпитое вино наконец-то ударило в голову, он то обмякал в руках Иггельда, то начинал орать и все порывался вернуться с оружием в руках во дворец и плюнуть князю в морду. В предательскую морду, как он повторял все время.

— И что это нам даст? — спросил Иггельд горько.

— Да при чем тут даст! Он же гад...

— Уже вижу, — прервал Иггельд. — Пойдем, Черныш уже заждался. Вернемся в то место, где не предают.

Ратша не стал спрашивать, что это за место, угрюмо потащился сзади. Они вышли за город, но в синем небе Иггельд не увидел знакомого крестика, сердце тревожно екнуло. Ратша молча указал на заросший кустарником и бурьяном овражек, там что-то сопело и чавкало.

Черныш лежал на самом дне, притоптав траву и кусты, перед ним торчал кверху окровавленными ребрами коровий бок, но Черныш отвернулся и даже глаза прикрыл широкой лапой. На морде горькое выражение, что вот назло всем и умрет здесь, заморит себя голодом, чтобы все увидели и чтоб родитель увидел, что нельзя его оставлять так надолго и что он — хороший и послушный, не бросился искать его всюду, лежит вот и помирает от горького горя, вот уже совсем немного осталось до неминуемой смерти от недоедания и тоски...

Черныш не почувал их или сделал вид, что не почувал, пока не затрещали под ногами сухие веточки. Ратша поспешно отпрыгнул, а умирающий дракон одним гигантским прыжком, даже не распахивая крылья, оказался перед Иггельдом, завизжал, захрюкал, даже гугукнул, подражая филину, длинный горячий язык с чмоканьем проломился через защиту из выставленных навстречу рук и лизнул долгожданного родителя в лицо.

— Я тебя тоже люблю, — ответил Иггельд с чувством. — Только ты никогда не предашь, только в тебе уверен...

Ратша за спиной угрюмо буркнул:

— Тцары предают, князья предают, женщины предают, только меч не предаст... нет, даже меч может сломаться в бою, а вот твой дракон не сломится, ты прав...

Иггельд обхватил Черныша за голову, поцеловал в теплые бархатные ноздри, в груди было горько, в горле стоял ком.

— Домой, Чернышик, — проговорил он тихо. — Здесь все предатели... Не верю я их высоким словам. Не верю! Летим к тем, кто не предаст.

Черныш с готовностью распластался по земле, прямо растекся, как студень, как блин, стараясь стать как можно ниже, чтобы папочке с другом проще забраться ему на загривок.

Иггельд намеревался лететь прямо в свою Долину, но Ратша, протрезвев, завил, что они не дети, чтобы вот так сразу бросаться с плачем домой, где уткнутся в мамину юбку. Да и нет мам, они сами теперь старшие, это к ним приходят и тыкаются им в юбки, плачутся, спрашивают, что делать, и приходится решать, не сошлешься, что страшно, иначе судить и рядить охотно возьмутся другие, из тех умельцев, что топоры себе на ноги роняют.

Дважды садились на Черныше на обратном пути, искали тех, что все-таки готов сражаться. На полдороге к горам догнал слух, что последнее наспех собранное по приказу Тулея войско отказалось выступить навстречу артанам, требуют переговоров, желают сдаться на достойных условиях. Еще больше поразила его страшная новость, с удовольствием разнесенная артанами, что хорошо обученное и прекрасно вооруженное войско Одера, опытного воителя и умелого военачальника, разбито и рассеяно впятеро меньшим войском артанского предводителя Щецина. Там тоже запылали пожары и мятежи, остатки рассеянного войска, потерявшего веру, быстро превратились в шайки мародеров и разбойников, что нападали уже друг на друга, жгли и грабили всех и все подряд, распинали, вешали, топили в реках захваченных, даже если месяц тому вместе плечом к плечу двигались навстречу наступающим артанам.

Тудей, по слухам, укрывался в Родстане, другие утверждали, что он все еще в Куябе, а третьи заявляли с полной уверенностью, что Тудей вообще бросил Куявию на произвол судьбы, ведь казну вывез заранее, а сейчас с верными ему людьми уже пирует в Вантите...

Иггельд терзался; все, ради чего он приехал, рухнуло со страшным треском и грохотом, рассыпалось в пепел. Вторжение артан само по себе дело страшное, всякий раз отбрасывает Куявию на грань бедности, обескровливает, лишает

лучших сынов, но тут еще в Нижней Кувявии начался страшный разброд, за князем Бруном последовали далеко не все.

Очень многие, не признав его правоты, а то и не поняв замысла, начали собираться в отряды, князя объявили врагом и предателем, прятались в лесах и нападали на мелкие отряды артан, забредающих в села пограбить. Единой сильной руки не было, отважные борцы с артанами сами грабили и разбойничали не хуже артан, дрались с захватчиками и друг с другом, во всем богатом и цветущем крае вскоре не осталось ни одного города и даже села, которое не захватывали бы поочередно то князь, то его противники, а жителей все грабили, женщин насильовали, скот забирали на мясо.

— Все, — сказал Иггельд с отвращением, — никуда больше не сворачиваем, сразу домой. Хватит, насмотрелись!

Черныш мерно взмахивал крыльями, скользил легко, и хотя земля внизу проплывает неспешно, теперь и Ратша понимал, что на самом деле несутся ненамного медленнее выпущенных из лука стрел.

— И что? — спросил Ратша.

Он сидел за его спиной, угрюмый и злой, сразу погрузневший, с опущенными плечами. Иггельд крикнул навстречу ветру:

— Буду укреплять Долину!

— Рано, — бросил Ратша.

— Полагаешь, к нам не придут?

— Про башни магов забыл?

— Нет, но...

— Думаешь, артане пройдут? Пока что никто не мог их миновать и уцелеть!

Иггельд крикнул:

— С ними идет Придон! А это такой... я видел его, понимаю, что его ничто не остановит. Он герой, к тому же обезумевший герой, а это вообще такое, что я не понимаю и понимать не хочу...

В голосе Ратши послышалась насмешка:

— Не понимаешь, из-за чего обезумел?

— Нет, я понимаю... вернее, знаю. Но, ты прав, этой дури я не понимаю.

Ратша бросил загадочно:

— Все придет. Попадешься и ты в эти сети. Все равно по дороге надо заглянуть в Город Драконов. Если ты собрался укреплять наше убежище всерьез.

Вскоре высокие острые шпили гор расступились, нехотя открывая упрятанное ровное плато, густо заставленное домами, сараями, складами. Еще в воздухе ощутился характерный запах большого скопления драконов, а огромные ямы котлованов отсюда просто небольшие выемки в скальном грунте, правда, домики для людей еще меньше.

Черныш благоразумно сделал правильный разворот, чтобы опускаться по плавной дуге, всего лишь раскинувши кожаные паруса, а не переваливать через высокие горы, пошел красиво и растопыренно над домами и домиками. Черная тень скользила вниз, люди вскидывали головы, тут же опускали, в Городе Драконов увидеть летящего дракона что в обычном — скачущего всадника или нагруженную телегу.

Иггельд миновал дома — город огражден стеной, сюда никакой враг не поднимется, да и драконов устрашится, не говоря уже о черных башнях магов, — но все равно опустился за рядом крайних домов. Черныш ахнул от возмущения: это ж сколько драконов не увидит, не познакомится, не обнюхается, не подерется, выясняя, кто сильнее, а с каждым годом выяснять такое все приятнее, но Иггельд сказал строго:

— Жди здесь! Охраняй!

Он снял и швырнул на землю просторный непродуваемый плащ, в нем просто спасение на встречном ветру, Черныш тут же с готовностью плюхнулся задом возле пахнущего любимым и замечательным родителем плаща, улыбнулся во всю пасть, а в глазах вспыхнула мечта: эх, хотя бы кто попытался прийти за этим плащом, украсть! Он бы им показал, а родитель бы увидел, как он стережет, какой он послушный, как он его любит и как старается выполнить любое его пожелание...

Ратша оглянулся, хмыкнул, покачал головой.

— Не завидуй, — сказал Иггельд. — Завидовать нехорошо.

— Почему? — удивился Ратша. — Зависть — это такое понятное и естественное чувство...

— Все равно нехорошо, — сказал Иггельд серьезно, настолько серьезно, что Ратша заподозрил, что властелин драконов наконец-то пошутил, но нет, лицо Иггельда абсолютно серьезное, даже истово-скорбное от предельной серьезности. — Вон артане от зависти к нашим богатствам даже войну начали!

Ратша смолчал, что артане бьются и друг с другом, просто выясняя, кто же сильнее, кто отважнее, кто кого сумеет побить, какие уж тут богатства, ладно, пусть врага считает хуже себя, так легче воевать, спокойнее, нет жалости, когда приходится резать глотку.

Иггельд все оглядывался, шел быстро, чтобы не заставить дракона в очередной раз долго ждать, неловко, это же не человек, дракон не понимает, почему лучший друг и папочка уходит так надолго, для него час — вечность. Ратша едва поспевал следом, прикрикнул наконец сердито:

— Может, в самом деле перейдем на бег?.. Ты уж давай, не прикидывайся, что идешь, а не скачешь галопом!

Иггельд засмутился, развел руками, сказал виновато:

— Понимаешь, он же смотрит вслед... Вот зайдем за дома...

— Эх ты, — буркнул Ратша, — тонкошкурый... К Теодорику?

— Да. Если он еще глава города.

— Шутишь? Недавно его пожаловали за особые заслуги. Теперь он настоящий берич! Правда, без владений, но с его хваткой он скоро весь Город подгребет под себя, сделает вотчиной, дальше он пойдет детям по наследству.

ГЛАВА 16

Дом Теодорика за последние годы стал совсем громадным, пышным, богато украшенным. Когда Иггельд бежал ночью, держа за пазухой бедного жалобного ящеренка, этот дом был просто домом, ничем от других не отличался, а сейчас это громадный домина, чуть ли не дворец, сразу видно, что человек здесь живет не простой, а влиятельный. Уже сам

дом напоминает гостю, что надобно снять что там у тебя на голове и поклониться еще перед домом, потом уже на ступеньках, а дальше чем чаще, тем лучше: от лишнего поклона голова не отломится, а хозяину приятно.

Ратша отворил двери ногой, Иггельд посмотрел укоризненно, но Ратша только оскалил весело зубы. Он еще застал то время, когда Теодорик пришел в Город с равнин, бедный и нищий, но такой же энергичный и бойкий, как и сейчас, помнит, как тот старательно искал теплое местечко, где не столько можно заработать на одежду и харч, сколько можно выбиться в люди...

Слуги встречали их с поклонами, их тоже стало вдвое больше, Ратша покрикивал, велел сообщить, что они-де прибыли, пусть Теодорик быстро надевает штаны и собирает на стол, они изволили прийти в гости, осчастливить. Иггельд поймал себя на том, что спокойно рассматривает богато украшенные комнаты. Еще совсем недавно, когда уже начал летать на спине Черныша, все еще только издали боязливо смотрел на величавую фигуру в богатой одежде, за которой всегда следуют советники, распорядители, управляющие различными службами, из них управляющий котлованами был самым главным только на взгляд Иггельда. Теперь же оба с Ратшей смотрели на Теодорика без страха и великого почтения, и он принимал их как равных.

Стол накрыли в главном зале, горят все светильники, воздух наполнен приятными запахами, на стенах разбрасывают золотые искры изделия местных мастеров: конечно же, фигуры драконов, что смотрят из всех ниш, выступают барельефами из каменных стен, даже посреди стола большая чаша светильника отлита в форме драконьей головы.

Милые улыбающиеся девушки, игриво поглядывая на Иггельда, принесли вино и кубки.

— Думаешь, служанки? — спросил Теодорик доверительно. — Нет, мои дочери... Любят старика, всегда готовы услужить. Еще не женился?.. Когда надумаешь, заглядывай. Женщины должны быть добрыми и верными! Как вот мои. Ну, что за новости привез?

Иггельд отвел взгляд от девичьих фигур, лицо его подтвердело, глаза сузились. Пальцы смяли медный кубок, спохватился, начал бережно расправлять. Ратша коротко хохотнул.

— Недобрые новости, — ответил Иггельд раздраженно. — Очень!.. Артане с легкостью захватили всю Нижнюю Куявию с ее богатейшими городами, Шелепу, Гдыню, Брунск...

— Погоди-погоди! — перебил Теодорик. — Как это захватили?.. Они ж всегда...

— ...шли мимо городов, — прервал Иггельд, чувствуя, что это невежливо, но в растущем раздражении уже не мог остановиться. — Почему-то все считали, что артане пойдут грабить только села. Потому все побросали, убежали под защиту городских стен... Ну, кто успел, артане шли очень быстро. А эти артане на этот раз привезли с собой баллисты!.. Не знаю, так ли уж трудно от них защищаться, но наши герои даже не пытались. Едва через стену полетели камни и бочки с горячей смолой, тут же города стали сдаваться один за другим. Артане устраивали резню на том основании, что им оказывали сопротивление.

Теодорик сказал, побледнев:

— Какой ужас!.. А что с теми, кто не сопротивлялся?

Иггельд быстро взглянул на него, вздулись желваки, глаза сузились еще больше. Он вздохнул, а Ратша положил ладонь на его колено, сказал чуть спокойнее:

— Да, нашлись и такие. Артане их в самом деле не трога-ли, только велели доставить зерна для их коней. Всего лишь по мерке на коня! Когда весть об этом покати-лась впереди артан, тут же почти все города начали распахивать перед ними ворота!

Иггельд все еще полагал, что Теодорик возмутится, но тот в задумчивости лишь кивнул. На лбу собрались глубокие морщины, он посмотрел по сторонам, снова вперил взгляд в бледное лицо расстроенного Иггельда.

— Да-да, понимаю. Любой правитель стремится сохра-нить свой город.

— Даже если это в ущерб стране?

— Ну, — протянул Теодорик, — страна большая, а когда

все кончится, Тулей в первую очередь спросит, почему твой город разорен, а город соседа — нет. В подробности он вникать не станет, просто смахнет голову с плеч. Или же выгонит.

Иггельд стиснул зубы до ломоты в висках, переждал приступ гнева. Неслышно появилась девушка с новым кувшином. Теодорик кивнул ей на пустую чашу Ратши, она улыбнулась обоим, но больше — молодому статному гостю и, низко наклонившись, так что он хорошо мог рассмотреть в разрезе платья налитые дразнящие груди, лила вино в чашу Ратши, а потом еще дольше — Иггельду. Красное вино лилось тонкой струйкой, Иггельд все хотел отвести взгляд от ее груди, не мог, они полно и тяжело натянули тонкое платье, кончики темнели, похожие на недозрелую землянику, от нее пахло покоем и чистой расстеленной постелью.

Девушка улыбнулась ему понимающе, ушла с пустым кувшином, неторопливо двигая тугими бедрами. Иггельд прерывисто вздохнул, потер лоб и сказал охрипшим голосом:

— Я боюсь, что, если артанам не дадут отпор, они могут прийти даже сюда!

Теодорик даже не вздрогнул, не отшатнулся, на лице оставалась все та же отеческая улыбка. Посмотрел на Ратшу, тот занимался запеченным гусем, ни на что не обращал внимания, резал мясо большим засапожным ножом, кромсал, самые лакомые куски сразу же швырял в рот, те исчезали, будто в пропасти.

— Дорогой Иггельд... — проговорил Теодорик размеренно, — ты сделал великое дело, превратив ту страшную Долину Ветров в место, пригодное для жилья. Здесь тебе не было равных, но вот понимание больших дел, по-настоящему больших, приходит только с возрастом. Увы, это так!.. Понимание приходит, когда уже нет сил что-то изменить. Так вот я скажу тебе: артане никогда не придут сюда. Никогда!

— Почему? — спросил Иггельд настороженно и в то же время с облегчением.

— Потому что с нас взять нечего, — ответил Теодорик с грустной улыбкой. — Ты уже полетал по стране, увидел кое-

что... раньше ты наверняка считал, что богаче нашего города на свете нет. Увы, беднее нас нет!.. Самые богатые города — это приморские, они разжирили на торговле. Вторые по богатству — города, что расположены на перекрестках больших дорог. На перекрестках главных дорог! Затем просто города вдоль рек, дорог... Конечно, нет на свете града богаче, чем сама Куяба. Но мы на краю света, дальше только горы. Да мы и сами в горах, за ними ничего, разве что твоя Долина! А любая война ведется ради добычи... Я имею в виду вот такую войну, когда вторгаются армии из голодных стран в земли богатых... Скоро артане захлебнутся добычей и побегут домой хвастаться награбленным. В их честь будут задаваться пиры, слагаться песни, их назовут героями, они всю жизнь будут ходить, задрав носы. А наш город... Добираться сюда трудно, конница сюда не проскачет по нашим опасным горным тропам. А самое главное, повторяю, взять у нас нечего. И артане это знают.

Иггельд чувствовал, что его страх начинает рассеиваться. Теодорик говорил веско, уверенно, объясняя каждое слово, а не призывая верить ему просто потому, что говорит он, Теодорик, который стал уже главой города, Города Драконов, а теперь еще и беричем. Снова пришла та же девушка, улыбнулась Иггельду, как старому знакомому, поставила на стол сладости. И снова наклонилась, дразня так, что он не мог не скользнуть взглядом по жарким полушариям полных грудей.

— Беда в том, — сказал Теодорик задумчиво, — что слишком много городов и земель сдаются артанам без боя. Так бы они уже вернулись, не такие уж они и храбрецы, как об этом рассказывают! Но, не встречая сопротивления, есть соблазн идти и идти дальше. Если города и веси сами падают в руки, как спелые груши, то почему не тряхнуть дерево?

— Боюсь, — сказал Иггельд, — что продвинуется очень далеко.

— Ну, как бы далеко ни прошли, — ответил Теодорик, — но уж к Куябе их не допустят!.. Там слишком огромная армия под командованием самого Дуная. Да и черные башни, о них забывать не стоит.

Иггельд потер лоб снова, вздохнул.

— Надеюсь, их остановят раньше. Армия Одера уже разбита, а там сильные воители, я видел их, как вот вас... Ладно, я прибыл вот по какому делу. Город растет, аппетиты тоже растут. Мне много чего нужно, на этот раз на Черныше все не увезу, мне потребуется не меньше чем двадцать лошадей. А то и тридцать.

— Ого, — сказал Теодорик с удовольствием. — Мне нравится твой размах!.. Попомни мое слово, быть тебе со временем самому беричем! А то и наместником. Только вовремя окороти своего дядю, а то он, я знаю даже здесь, только ты один не знаешь, уже старается потеснить тебя, взять вожжи в свои руки... Ладно, вернемся к делу. Мне нравятся сделки, когда покупается сразу и много. Но, как ты знаешь, во время войны цены несколько повышаются...

Иггельд в великом удивлении откинулся на спинку стула.

— Как? — спросил он. — Я понимаю, что за опт мне полагается большая скидка! Просто огромная!

Теодорик расхохотался, хлопнул в ладоши, велел дочерям убрать вино, а взамен принести бумаги. Иггельд, в подтверждение того, что есть чем платить, с натугой поднял на стол мешочек с золотыми монетами. Теодорик приятно улыбнулся, но глаза оставались острыми. Дружба дружбой, но торг для куявов — дело святое, перед которым отступают и дружба, и родство, и верность стране.

Ратша остался грузить и увязывать закупленное, а Иггельд заторопился к Чернышу. Тот рванулся навстречу, угадав по глазам, что уже можно даже нарушить строгий приказ не сходить с места, Иггельд дал себя облизать, сам чесал, обнимал, хлопал по ушам, упряжь с него снимать не стал, не такая уж и легкая, чтобы лишнюю лошадь под нее брать, а там Яська снимет, шлепнул по холке и сказал строго:

— Лети домой!.. В пещеру, понял?.. Всех навести, напомни друзьям, кто в долине старший, а то в твое отсутствие

кто-то уже объявил себя драконным вождем... а мы поедем ножками-ножками, как червячки. Увы, ты все не потащишь.

Черныш смотрел ошалелыми глазами, потом в них отразилась горькая обида. Он даже приподнялся на передних лапах и раздвинул грудь, напрягая мышцы, но Иггельд лишь похлопал по толстой щеке, сказал ласково:

— Мы будем добираться долго. А ты нас там встретишь, понял?

Понял, ответил Черныш печально. Не любишь ты меня, папка...

— Да люблю, люблю, — ответил Иггельд. — Кого же мне еще любить? Только ты у меня и есть, любименький. Давай лети. А то меня Ратша ждет. Лети, а там встретить, понял?

Черныш смотрел с той же горькой обидой, но уже понятно, что папочка отдает приказ, которого нельзя ослушаться, иначе справедливый, но строгий родитель огорчится, на всех четырех повернулся, подпрыгнул и растопырил крылья.

Иггельд заспешил к Ратше, но когда посмотрел в небо, Черныш все еще кружил там. Пришлось показать кулак, сделать движение, будто сворачивает голову и, как червяка, разрывает длинную драконью шею. Крестик послушно пополз в сторону самой высокой в Куявии долины.

А в городе Ратша уже выводил с торгового двора тяжело нагруженных коней. На телегах все уместилось бы на трех-четырех, максимум — на пяти, но горная тропа в двух местах чересчур узка для подводы, у коня и то копыта почти соскальзывают в бездну, потому пришлось снарядить караван из двух десятков навьюченных коней, за них пришлось заплатить тоже: оставить в Долине проще, чем возвращать.

Едва выехали за город, темный крестик замаячил в небе снова. Ратша тоже заметил, сказал с усмешкой:

— Охраняет...

— Свиненок, — сказал Иггельд сердито, — я ж ему велел лететь одному!

— Да пусть, — вступился Ратша. — Ты ж на самом деле вовсе не велел!

— Велел, — возразил Иггельд. — Вот так прямо и сказал. Строго!

— А ногой топнул?

Иггельд растерялся, спросил в недоумении:

— А что, надо было?

Ратша сказал чересчур серьезным голосом:

— Обязательно. И пальцы сложить вот так...

— Да ну тебя, — сказал Иггельд с досадой. — Тебе все ханьки, а мне тревожно... Вроде бы начинается.

— Что?

— Меня предупреждали, что дракон однажды перестанет слушаться.

Ратша посмотрел на его встревоженное лицо, хмыкнул. Иггельд вел переднего коня под уздцы, оба шли ровным экономным шагом, путь долог, а дальше еще и опасен, у обоих такие морды, что оба это хорошо знают и уже придумывают красивые слова, с которыми будут падать в пропасть.

— А со стороны-то виднее, — сказал Ратша издевательски. — Ты ж сам... Эх ты!

— Ну пусть «эх я», — сказал Иггельд сердито, — но чего я не вижу?

— Дракон твой слов не понимает, дурень ты здоровенный!.. В смысле, сам здоровенный, а дурень... ну, дурень тоже немаленький. Дракон слушает, что говорит твоя душа, а она говорит через интонации. Я ж вижу, как твоя бедная летучая мышь разрывается, потому что говоришь вроде бы одно, а желания у тебя другие!.. Ты скажи честно, когда говорил той ящерке с крыльями, чтоб, значит, перла с глаз долой в нашу Долину, сам-то ты хотел, чтобы он скрылся?

Иггельд окрысился:

— При чем тут хотел или не хотел? Мы будем ползти как черепахи. А чем ему заниматься? Охранять? От кого?..

Ратша шагал с конем рядом, пока что дорога позволяет даже троице выучным идти бок о бок, сказал мерно, глаза смотрели вдаль:

— А не придумка ли вообще, что драконы перестают слушаться? Может быть, как раз начинают слушаться больше и больше? В смысле, лучше и лучше? Улавливают то, что ты только подумал?.. Вот представь себе, сидит один дурак пе-

ред своим драконом и понимает, что он такой маленький, а дракон такой огромный, может хоть одной лапой прихлопнуть! А то пастью схватит, только хрумкнет в зубах. Или захочет поиграть и пришибет нечаянно... Дракон смотрит на него и начинает волноваться. А дурак представляет себе, как вот дракон прямо щас наклонит к нему пасть, схватит, сожмет зубы...

Иггельд вздрогнул, по спине пробежал недобрый мороз, сказал резко:

— Перестань!..

Ратша посмотрел с удивлением.

— А что? Это я только рассуждаю...

— Ну и не рассуждай.

Ратша всматривался в него с вниманием и удивлением.

— Неужели угадал? Поди ж ты... Просто разговаривал вслух, а тут в самую точку. Что с завязанными глазами выстрелить в небо и подстрелить жирного гуся! Ничего себе... Может быть, из-за таких случаев и ввели эти штыри боли? С ними проще: что бы ни думала и ни хотела душа, а руки повернут туда, куда надобно.

Иггельд шел, погруженный в мрачное молчание. Ратша поглядывал в небо, темный крестик неподвижно висел в небе, отслеживая их движение. С удивительным зрением дракона он мог видеть все складки на лбу любимого папочки. Правда, сейчас видит только согнутые плечи, но эта крупенькая летучая мышь может чутя настроение и по движениям рук, по шагам, по особенностям походки. Слепым Творец дал чуткий слух, дуракам дает здоровье, а немому дракону — способность понимать хотения и желания человека.

В полдень остановились передохнуть, дальше самая опасная часть пути, дорога и так сузилась, коней вели уже по одному. Ратша начал снимать вьюки, коней стреножил и подвязал к мордам торбы с овсом, а Иггельд отошел подальше, чтобы не пугать копытных, и подал знак в небо. Ратша удивленно присвистнул, темный крестик начал вырастать сразу же, бедный дракон не сводил глаз с любимого папочки в

ожидании, когда же он наконец призовет, даст увидеть вблизи, лизнуть его обожаемое лицо, позволит вдохнуть всей грудью его божественный запах...

Грохнулся на землю с таким стуком, будто переломал все кости, так спешил, но морда испуганная, виноватая, не уверен, что угадал желания папочки правильно. Иггельд вздохнул, сам обнял бедную зверушку, Черныш завизжал от восторга тонким поросячьим голосом, набросился, зацеловал всего, облизал, прыгал и скакал вокруг, земля вздрагивала, а скалы начали потрескивать, словно одна из них, не самая маленькая, сошла с ума и скачет зайчиком, каждым прыжком вызывая маленькое землетрясение.

— Довольно, довольно, — сказал Иггельд торопливо. — Да люблю я тебя, люблю! Вот честное слово. Даже такого противного люблю. Да ладно, я сам противный... Оба мы противные!

Ратша прокричал издали:

— Будь как артанин!

Иггельд удивился, крикнул:

— Ты о чем?

— Постарайся говорить то же самое, что и думаешь!

Кони вставали на дыбы, тревожно ржали, а Ратша натягивал им торбы на глаза, чтобы даже издали не видели страшного дракона. Иггельд, наобнимавшись и нацеловавшись, сказал Чернышу, глядя прямо в глаза:

— Я тебя очень люблю. Но сейчас ты должен лететь в Долину, где мы живем. Посмотреть, как там в нашей пещере, помнишь ее?.. Навестить Зайчика и Белохвоста, задать трепку Падающей Звезде, поиграть с Костяной Головой... или уже поссорились? Снова помирились?.. Вот и хорошо. Навести всех, потому что, когда прибудем на этих вот лошадках, отдыхать долго не придется. Я хорошо втолковал? Понятно?

Черныш визжал, подлизывался и не хотел улетать, Иггельд не сдержался, накричал, Черныш испуганно втянул голову в плечи, Ратша вступился, что, мол, не кричи на ребенка, Черныш уловил сочувствие в голосе друга его хозяина, сделался еще жалобнее, подбежал к нему на полусогнутых

ногах и подставил голову под руку. Ратша поскреб между ушами, Черныш горестно сопел и вздыхал.

— Не порть мне зверя, — сказал Иггельд раздраженно. — Ему только дай поблажку!..

Черныш тяжело вздохнул, повернул голову и с надеждой посмотрел Ратше в глаза. Тот развел руками.

— Да люблю я тебя тоже, люблю!.. Но родителя надо слушаться, тут уж ничего не поделаешь. Он строг, но справедлив... иногда. Бывает. В хорошую погоду. Так что лети, разберись там с правами на корону старшего, набей морды и всякие там рылы, мы тем временем доберемся, и ты снова бросишься на шею своему родителю.

Черныш быстро повернул голову к Иггельду, глаза зажглись счастьем и уверением, что лучше броситься сейчас, чем потом, зачем откладывать, Иггельд торопливо вскрикнул:

— Не сейчас, не сейчас!.. В Долине, понял? Давай лети! Там встретимся. Обещаю!

— Лети, пташка, — сказал и Ратша. — Лети, воробышек.

Черныш сторбился, Иггельд прикрикнул еще, уже строже, дракон наконец разбежался, ударил крыльями, мощным толчком оказался высоко, Иггельд и Ратша проследили, как он сделал круг, снизился, словно хотел на лету лизнуть обожаемого папочку, Иггельд показал кулак, и дракон, развернувшись, помчался в сторону далекой, если на конях, Долины Ветров.

— Воробышек, — повторил Иггельд. — Ну, хоть не ящерица с крыльями.

— Ты о чем? — удивился Ратша.

— Да некоторые так называли это чудо.

— Кто посмел сказать такую гадость?

— Аргане...

Ратша сплюнул, помрачнел.

— Ну, от этих дикарей ничего не услышишь, кроме гадости. Ты хорошо сказал, без раздвоенности... энтих... слов и чуйств?

— Старался, — ответил Иггельд тревожно.

— Смотри, — предостерег Ратша сурово, — не надрывай сердце ребенка сомнениями. Иначе не вырастет мужчиной! Мужчина должен переть прямо без всяких сомнений!

Иггельд вздохнул.

— Тогда получится артанин.

ГЛАВА 17

Тропка чересчур узка для груженных коней, вьюки свисают по бокам, из-за чего копыта коня, как бы он ни прижимался боком к стене, оказываются над бездной. Пришлось остановить караван, разгрузить коней, осторожно перевести под уздцы, рискуя сорваться вместе с ними, а потом вручную перенести весь груз через опасное место.

Кони дрожали и тряслись при виде ужасающей пропасти совсем рядом, потом на том краю долго приходили в себя, но две лошади так и не сумели преодолеть панику, их потрянуло ужасом так, что копыта сорвались в бездну. Последнюю вел Ратша. Он не успел вовремя выпустить повод, его дернуло, он пошатнулся, уже бросил тонкий ремешок, но все равно уже падал, Иггельд буквально чудом исхитрился ухватить за пальцы, дернул на себя, едва не оторвав кисть... и едва не свалившись в пропасть сам.

Потом долго приходили в себя, переводили дух. Затем так же молча начали снова навьючивать коней. отошли на пару верст, все молча, наконец Ратша разлепил спекшиеся губы:

— Надо послать туда камнерубов.

— На тропу?

— Да. Второй раз я такое место не пройду, сами ноги подломятся.

Иггельд кивнул.

— Ты прав. Да и следующий обоз тогда уж можно на телегах.

Хотя вышли рано утром, но солнце опустилось за горы,

внизу легла густая тень, а потом начали сгущаться сумерки, Ратша сказал раздраженно:

— Провозились с этим развьючиванием и навьючиванием!.. Впотьмах придется!

— Ничего, — сказал Иггельд утешающе, — уже близко.

— Да, но придется идти почти на ощупь!

— А луна на что?

— Луна хороша только в степи. А в лесу или в горах...

Он бурчал, ворчал, но голос уверенный, тропка знакомая, в самом деле можно на ощупь. Луна хоть и поднялась ясная, чистая, но вскоре затерялась в темных облаках, дорожка, вильнув напоследок, как ящерица хвостом, пошла наконец-то прямо, скалы раздвинулись, пропуская наверх в просторную Долину, что снова сузилась, и там в горловине смутно засерела стена, высокая и угрюмая, достигавшая вершиной, казалось, звезд.

Небо стало совсем черным, звезды блестели тускло, как чешуя заснувшей рыбы, луна так и не показалась из-за угольно-черных облаков. Усталые кони поднялись на просторное плато, здесь ощутили тот самый нещадный ветер, от которого сумели отгородиться в Долине. Он выл, метался из стороны в сторону, разъяренный и не понимающий, почему ровной высокой стеной закрылся привычный проход.

Стена блестела в серебристом лунном свете, похожая на вставшую дыбом грязную льдину. Свет отражался в блестящих сколах, камень ломали в этих же горах, и чудилось, что на свежих сколах блистают крохотные светильники. Иггельд ощутил смутную гордость, это все начинал он, теперь к стене уже привыкли, но с каким скрипом удалось уговорить народ на ее постройку...

Ворота оказались закрыты, Ратша долго стучал, наконец и Иггельд вышел из терпения, заорал. Лошади стояли едва живые, не в силах даже поднять головы. Ни одна не встряхивала гривой или хвостом.

Наверху над воротами в башенке отворилось окошко, сонный голос грубо спросил:

— Кто там по ночам?

— Отворяй! — прокричал Ратша рассерженно. — Это вернулся Иггельд, а с ним я, который тебе уши оторвет! Да пошевеливайся!

Голос наверху сказал угрюмо:

— Ну что, если Иггельд? А по мне, хоть сам Тулей!.. Сказано, на ночь ворота будут заперты. И никого не впускать!

Ратша обомлел от такой наглости, заорал люто:

— Ты хоть понимаешь, с кем говоришь?

Невидимый страж зевнул протяжно, слышно было, как почесался, затем ответил с ленцой:

— Я человек новый. Мне приказы отдает Елдечук. А ему Ортард, он здесь всем командует! Так что перетерпите под воротами ночь, а утром, может быть, вас и впустят...

Слышно было, как там, наверху, хлопнули ставни. Полоска света исчезла. Ратша, не веря своим ушам, повернулся к Иггельду. В слабом свете звезд его лицо казалось сотканным из тумана.

— Я... я не могу поверить!

— Я тоже, — ответил Иггельд мрачно. — Стоило отлучиться... Впрочем, он руководить умеет лучше, чем Апоница.

— Но ты же оставлял вместо себя Апоницу!

— Ну, если брать как есть, то я не вправе кого-то кем-то назначать. Это не моя Долина.

— Твоя! Никакой Ортард не может отдавать приказы!

— Не может, — согласился Иггельд измученно. — Или может?.. Когда не могут все, то...

Ратша закончил с горьким смешком:

— Тогда все и могут!.. Ну, что будем делать? Замерзать до восхода солнца? От нас останутся одни застывшие трупы.

Иггельд покачал головой. Даже в этом слабом свете Ратша увидел, как гневно заблистали глаза Иггельда, как передернулось лицо, затем застыло словно каменное.

— Не для того я прошел через разоренную страну, — сказал он тихо, почти прошипел, — чтобы вот так сразу взять и покориться! Нет, теперь, кажется, меня разозлили.

Ратша непонимающими глазами смотрел, как Иггельд

пошел куда-то в темноту. Луна наконец выдвинулась краешком, слабый свет упал на голову и плечи.

— Ты куда? — крикнул Ратша. — Если хочешь перелезть, то ворота вот они!

— Кому нужно это перелезание...

Он скрылся в темноте, Ратша остался с конями, прислушивался. Через какое-то время сверху пахнуло теплым воздухом, возникло ощущение близости огромного сильного зверя, тут же исчезло. Из темноты донеслись сопение, чмоки, визг, сердитый голос Иггельда, затем снова ударило воздушной волной, все стихло.

Ратша ухмыльнулся и приготовился ждать, когда ворота распахнутся во всю ширь.

Ортард неприятно изумился, когда рано утром его разбудили слуги и заявили, что прибыл Иггельд, он уже здесь, требует встречи с ним. И вообще требует, чтобы собрали всех знатных людей.

— Требуется? — переспросил Ортард. — Раньше он не знал такого слова... Гм, пора поставить этого мальчишку на место.

Он говорил уверенным голосом, слуги должны чувствовать исходящие от повелителя силу и могущество. Они сами черпают в нем силу, уверенность, наглость, что позволяет им задира́ть других и ставить на место. А задира́ться приходится, начал усиливаться Шварн, за его спиной все смотрители драконов, а их много, им подчинены заготовщики корма, возчики...

— Подать умыться, — велел он, — на завтрак что-нибудь легкое, после вчерашнего в голове как будто подземное море, да еще и рыбы играют... Из одежды пусть подберут поторжественнее, с золотыми пряжками и застежками... Лучше то, где рубины по всему воротнику. Все, не стой, остолоп!

Слуга умчался, а Ортард продолжал хмуриться. Непонятно, как Иггельд очутился в крепости, ведь стражам велено и повторено не один раз, чтобы запомнили, дуболомы, что на ночь ворота должны быть заперты намертво, и пусть хоть сам

Тудей стучится головой, открывать никому нельзя: ночью любая нечисть может принять облик их повелителя. Днем же сперва учинить допрос, кто и зачем, обязательно в присутствии колдуна, дабы враг не проник под чужой личиной. Как только появится человек, называющий себя Иггельдом, то ему сообщить сразу же, а он уж решит, что делать дальше...

Сейчас Ортард торопливо завтракал, но кусок в горло не лез, за время отсутствия Иггельда уже успел привыкнуть распорядиться единолично, ну почти что единолично. Оставалось опорочить только Апоницу, и можно править этим мирком самому, потом передать это право сыновьям. Здесь хоть и поднебесье, где ничего не растет, но место на диво хлебное...

Слуга молча ждал, склонился в легком, но почтительном полупоклоне. Ортард по всем повадкам — настоящий вельможный бер, умеет править, в нем чувствуются могущество, важность, дородность, столь необходимые важному лицу.

— Вот что, — сказал Ортард, — передай Иггельду, я при- му в гостиной внизу.

Слуга замялся, сказал нерешительно:

— Он сказал, что будет разговаривать только с собранием знатнейших мужей. И... он очень гневен!

— Гневен? — переспросил Ортард с легким удивлением. — С чего бы ему быть гневным?

Слуга развел руками, поклонился еще ниже. С чего бы, подумал Ортард саркастически, быть гневным, уж не с такой ли малости, что его отодвинули от руководства Долиной Ветров? Как быстро он это понял? Или еще не догадывается? Он помешан на своих мерзких драконах, до остального ему не было дела, а все здесь прирастало как бы само собой. Но хозяйство разрослось так, что нужны особые люди, чтобы руководить всем, не вникая в мелочи. Иггельд для этого не подходит, он всего лишь драконий пастух. Довольно умелый... даже лучший из них!

— Оповести Кончаковича, Белука, Рогволда, Тоглыя, Аепу, — сказал он, — а также Апоницу и Шварна. Ладно, еще других верных мне людей, пусть все придут. Он хочет гово-

рить с собранием знатнейших мужей? Мы и есть знатнейшие, кто держит все вожжи! Вот и послушаем, что принес снизу...

Слуга исчез, Ортард со злостью отшвырнул ложку. Чересчур живучий этот Иггельд. Ну чего ему стоило дать себя убить там, внизу? Сколько народу гибнет, а он все-таки прошел через все и вот снова принес неприятности. Впрочем, за это время удалось усилиться так, что его власть можно лишь чуть пошатнуть, но не свалить. Да и то может пошатнуть чуть лишь Шварн или Апоница, но уж никак не Иггельд.

Иггельд и Ратша ждали в большом зале, сейчас богато и пышно убранном, Иггельд поморщился от пестроты. После того разора, крови и нищеты, что увидел внизу, такое выпячивание богатства показалось оскорбительным.

Первым вошел Апоница, лицо его вспыхнуло сдержанной радостью. Он слегка обнял Иггельда, дружески кивнул Ратше. Сам он выглядел пополневшим, лицо довольное, ладони постоянно потирал, словно задумал веселую каверзу.

Следом вошли Шварн — он раньше отвечал за охрану молодняка, Беловолос — этот занимался поставками еды для драконов и всех зрителей, Рогволд — рослый и сильный начальник стражи ворот, в доспехах, с мечом на перевязи и двумя ножами на поясе, еще несколько человек, которых Иггельд принимал у себя как простых зрителей за драконами, но теперь они мнят себя черт знает кем, вон Рогволд не просто охраняет ворота, а даже начальник охраны, а от кого охраняют?

Все неспешно рассаживались полукругом в кресла, глаза внимательные, но смотрели на него, Иггельда, без почтения, а как на хорошего и верного исполнителя, который прибыл хоть и несколько запоздало, но все же свой, хороший. Последним вошел Ортард, при его появлении все встали, даже Беловолос и Чудин, только Апоница приподнялся, но взглянул на Иггельда и тут же сел. Ратша нахмурился, такого еще не было, здесь никто ни перед кем не вставал, стариков в До-

лине еще не появилось, а все остальные не тцары и не беры, что требуют к себе особого отношения.

Иггельд ощутил, как в нем начинает разогреваться кровь, мышцы напряглись, а пальцы сами по себе сжались в кулаки. Ратша бросил предостерегающий взгляд. Иггельд перевел дыхание, сказал громко:

— Вы ждете, что начну жаловаться, что меня остановили у ворот? Это мелочь, я с этим уже разобрался. Давайте сразу о главном. Артане захватили Нижнюю Куявию, вторглись в Заречье. Захвачены Шарукань, Канив, Березань и даже Белая Вежа, что считалась крепостью вообще неприступной. Стольный город разграблен, в наших священных храмах стоят артанские кони, а наших девственных жриц артане с хохотом насилуют прямо в храме, выволакивают на улицу, насилуют там на виду у всех!.. И не осталось людей, что воспротивились бы подобному злу!.. Но и этого мало. Я своими ушами слышал, что артане похваляются извести всех драконов на свете. А это значит, что им обязательно придется собрать войско и двинуть его сюда.

Ортард спросил настороженно:

— Что за бред? Зачем им эта горная долина?

— И такая бедная, — добавил Тоглый елейным голосом.

Иггельд спросил зло:

— Вы хотите сказать, что я вру?

Белук сказал успокаивающе:

— Просто это чересчур глупо. Даже для тупых артан глупо. Здесь взять нечего.

— Есть, — возразил Иггельд. — Здесь драконы. Артане их смертельно боятся и ненавидят. Они многое отдали бы, чтобы добраться до питомников и перебить их всех еще маленькими, беспомощными. Да и больших легче перебить прямо в гнезде. У них есть герои, чьи стрелы пробивают самые прочные доспехи!

Они переглянулись, Тоглый пожал плечами и отвернулся, Белук опустил глаза. Ортард смотрел прямо в лицо Иггельда, во взгляде насмешка.

— Ты думаешь, поверим? — спросил он желчно. — Не понимаю, зачем приносить такую глупость... Не понимаю.

Иггельд сказал раздраженно:

— Я сказал, что артане намерены прислать сюда войско! Они обязательно придут. Нужно срочно готовиться. Срочно! Прямо сегодня, сейчас. Давайте наметим, что нужно...

Он остановился, видя, что его никто не слушает. Асеп, Белук, Тоглый переговаривались, пожимали плечами, неспешно советовались, Рогволд брезгливо морщился. Ортард посмотрел на Кончаковича, на Рогволда, заговорил неторопливо:

— Я думаю, что выскажу общее мнение... Артане никогда не осмелятся пойти сюда. Здесь нет богатств, а они жадные до золота, до любой добычи. Здесь вообще нечего захватывать... а потерять можно много. И обязательно потеряют: чтобы прийти сюда, надо сперва пройти через Город Драконов! А к нему подходы защищают две башни чародеев. Подступы трудные, дороги извилистые, узкие. Они потеряют здесь всю армию... а что получат?

— Их не страшит гибель, — сказал Иггельд резко, — я считаю, что они придут! Что вы предлагаете для защиты? Что нужно сделать немедленно?

Ортард снова посмотрел на Кончаковича, на Рогволда, поднялся, проговорил веско:

— Полагаю, больше продолжать разговор бесполезно. Иггельд, займись-ка лучше своим делом. Ты его умеешь делать лучше всех на свете, вот и делай. Ты молодец! Твой дракон хорош, хорош... До нас доходят слухи о твоих подвигах. Там, в степях Куявии. Ты и дальше давай... геройствуй. А если хочешь вернуться, то молодняк за это время подрос, начинай готовить к полетам... или что там с ними нужно делать еще?

Иггельд страшно побледнел. Только что он был красен, как вареный рак, но теперь побелел, под глазами появились синие круги, ноздри хищно раздулись.

— Я проехал через всю страну, — сказал он страшным голосом, челюсти лязгали, будто он раскусывал железные пластины. — Я видел... равнодушие! Я знал, что здесь... что здесь я найду понимание... и что же? Что я нашел?

Ортард поморщился, сказал сухо:

— Нашел то, что нужно. Иггельд, мы все ценим, что ты очень много сделал для Долины. Но сейчас это уже не пустая долина, где ты носился с драконом, а город. Со всем хозяйством города ты управляться не можешь. Так что иди, работай. Делай то, что лучше всего умеешь, — выкармливай драконов.

Остальные, переговариваясь, медленно шли к выходу. Иггельд сказал люто:

— Что ж... вы думаете, я летал над пылающей в пожарах страной и ничему не научился? Стража!

Обе двери с грохотом распахнулись. В зал ворвались люди в доспехах, с обнаженными мечами в руках. Ортард отшатнулся, глаза выпучились. Он быстро повернулся к Рогволду.

— Это... кто?

Иггельд с перекошенным лицом смотрел, как схватили всех пятерых, загнали в угол, грозя обнаженными мечами. Ратша подбежал, довольный, с широкой улыбкой на толстой роже, всхрапывающий от чрезмерных усилий.

— Что с ними делать? — спросил он деловито.

Иггельд посмотрел на отцов Долины, они даже не успели испугаться, все еще не понимают, что стряслось, почему и откуда эти люди с оружием.

— А что с охраной?

— Одному дали по голове, двум вышибли зубы. Остальные сразу решили на нашу сторону.

— Когда увидели ваши мечи?

— Ты себя недооцениваешь! — сказал Ратша укоризненно. — Как только узнали, что эти свиньи тебя не признают старшим, сразу поклялись служить именно тебе. Это тебе не те куявы, что внизу!

Иггельд кивнул, сказал холодным будничным голосом:

— Этих надо... нет, просто убей их всех прямо здесь. И оставь. Придет родня, разберет кого куда. У нас нет времени даже на похороны, а уж про суд и говорить смешно.

Он говорил так просто, что ни Белук, ни Тоглый, ни кто другой не поверили, когда к ним подошли с обнаженными

мечами. Только Рогволд успел вскрикнуть, но лезвие рассекло шею, и крик перешел в быстро затихающий хрип.

Иггельд бросил беглый взгляд в их сторону, поморщился.

— Погоди!.. Ортарду — время до захода солнца!.. Достаточно, чтобы собраться. Если потом кто-то увидит его здесь — убить сразу на месте. С этим — все. Теперь главное — я принимаю на себя все руководство Долиной Грез! Я — правитель, судья и палач. А также ваш военачальник. Все за работу!

Обнаженные до пояса, как артанские воины, крепкоплетчатые работники ворочали тяжелые глыбы, отделяя от массивных плит, где просверливали дырки, вбивали туда колья, а потом поливали водой. Разбухнув, те начинали ломать камень, по ночам со стороны пещер доносился сухой треск, словно невидимые пастухи стегали длинными бичами.

На постройке новой стены работало народу едва ли не больше, чем проживало в самой Долине Иггельда. На постройку он призвал людей из Города Драконов, благо там каменотесам делать нечего, а денег за эти годы накопил немало. Он все разом выложил перед работниками, умоляя выстроить вторую стену как можно быстрее, выше и потолще. Ее начали ставить вплотную к старой, но если та шириной в два локтя, то теперь выкладывали такой толщины, чтобы поверху могли ходить вчетвером.

Даже Иггельд засомневался, нужна ли такая, но старейшина каменотесов заверил, что за такие деньги надо как раз так, это по деньгам, они люди честные, наживаться на простодыроности не хотят, а то потом заказов бог не даст, накажет.

Стена росла быстро, камень ломали рядом, безработных каменотесов и дикарщиков в нижнем городе набралось много, работали с азартом, им вовремя подвозили еду и питье, и вскоре догнали старую стену, пришлось одеться потеплее, так как холодный ветер пронизывал до мозга костей. Зато работали быстрее, злее, даже ночью у стены везде жарко полыхала смола в бочках, наверх поднимали на канатах блоки, бабьи со скрепляющим раствором.

Часто приходил Ратша, похваливал, дивился, но по его нетерпению Иггельд видел, что старому воину вся эта затея кажется хоть и нужной, но все-таки чрезмерной. Можно было, по его мнению, и не такую высокую, и не такую толстую, и вообще тут все сделают без нас, а мы, Иггельд, воины, нам лучше на Черныша и в поле шугать обнаглевших артан...

Иггельд поморщился.

— Ратша, — сказал он с неловкостью, — это ты — воин, а я — наездник драконов. Даже не наездник, а... даже не знаю, кто. Я хочу их выращивать, заниматься ими. Хочу, чтобы люди их не боялись. Хочу и драконов научить, чтобы людей не пугали. А ты хочешь, чтобы я носился на своем замечательном зайчике и бил по головам каких-то артан?

— Это лучше, чем здесь колупаться!

— Лучше, но если будем делать только то, что лучше, кто сделает нужное? Я здесь уже несколько дней, но даже с Яськой не успел словом перекинуться. Кстати, где она? И все потому, что занимаюсь тем...

— Что делаешь то, что должны делать другие, — закончил Ратша.

— Вот-вот! А что делать?

— Да просто прикажи, — прорычал Ратша в веселом гневе. — Заставь!.. Ты же принял на себя бразды. Вот и бразди, не стесняйся. А сам — на Черныше по небу... при мне, конечно. Оттуда и бразди. Ты хоть знаешь, что артане уже давно в Куябе? Ах, слыхивал...

— Знаю, — огрызнулся Иггельд. — И про башни колдунов уже знаю. Но все равно... я не воин!

— При нашествии врага, — сказал Ратша веско, — всякий становится воином.

— Я и становлюсь, — сказал Иггельд, оправдываясь, — но по-своему. Я возвожу стену, чтобы защитить драконов. Артане все равно придут! Это не куявы, которые идут только за выгодой, Беловолос, Чудин и другие как раз этого и не понимают! Артане придут, потому что им так велели их артанские боги. А я не дам истребить драконов, тем самым я разгневаю даже богов Артании! Так не больше ли это, чем мы с тобой еще перебьем сотню-другую артан?

— Все-таки на сотню-другую у артан будет воинов меньше. Иггельд отмахнулся.

— Им вдогонку мчатся новые отряды из тех, кто получил право брать в руки оружие. Убьем сотню-другую, прискачет пара тысяч! Артане жизнью не дорожат, Ратша. Нет, поражение им можно нанести по-другому...

— Как? — спросил Ратша жадно.

Он смотрел требовательно, Иггельду стало неловко. Во взгляде воина в самом деле вера, что Иггельд вот прямо сейчас скажет, как спасти Куявию, а Артанию растоптать в пыль.

— Не знаю, — ответил он убито.

Часть II

ГЛАВА 1

В бездонном небе прямо из жгучей синевы начинали возникать облака, разрастались, громоздились дивными башнями. Не превращаясь в темные грозовые тучи, обрушивали крупный золотой дождь. Солнце заливало мир сверкающим оранжевым светом, капли просвечивали на солнце, как драгоценные жемчужины, ударяли в землю с такой силой, что навстречу рассерженно прыгали фонтанчики пыли.

Кони сразу оказывались по брюхо в грязи, словно шли через болото, но дождь прекращался моментально, грязь становилась коркой, а мелкие лужи на глазах выкипали, возгоняясь к небу жарким паром, чтобы снова вот так внезапным ливнем...

Равнину, ровную, как столешница, покрытая зеленой скатертью, часто пятнали зеленые и очень густые рощи, небольшие, но с такими огромными деревьями, что Блестка всякий раз высовывала голову, дивилась, а если в тот день ехала не в повозке, а неслась в седле, то сворачивала и, подьехав ближе, дивилась деревьям-великанам.

— У них очень хорошая земля, — сказал за спиной Радило.

— Только сами бездельники, — добавил голос Ветра.

А чего же они тогда богаче нас, хотела спросить Блестка, но удержалась, а Радило, будто отвечая на ее невысказанный вопрос, сказал насмешливо:

— Но зато какое жулье! Потому и богатеют, что всегда обжуливают артан, славов, вантийцев...

Оба не отходили от Блестки ни на шаг, так наказал Придон, а весь отряд из сотни сильнейших воинов все время в полном вооружении ехал, держа повозку в середине. Повозку тянут четверо могучих молодых волов, и хотя они явно сильнейшие и самые быстрые в Куявии, Придон других не даст, но Блестка извелась, озверела, злилась, верхом на коне уже давно бы вихрем пронеслась в Артанию, расчмокала бы детей Горлицвета, обнялась бы с Ютланом...

На двадцатый день с ходу перешли пограничную реку. От летнего зноя иссохла так, что даже в самых глубоких местах вода не доходит до середины колес. Привал устроили на том берегу, уже Артания, кони долго и жадно пили воду, их купали тоже долго и старательно.

Блестка выбрала заросли, разделась и всласть поплескалась, помылась, остро жалея, что негде поплавать. Все это время слышала конский топот со всех сторон: охрана красиво носилась во все стороны, оберегая ее не только от каких-то неведомых разбойников, но даже, казалось, от мух и слепней.

Выбравшись, она заявила сердито:

— Вот что, Ральсвик!.. Это уже не смешно. Я понимаю, Придон потерял старшего брата, теперь дует уже и на воду... но ты-то понимаешь, что это глупо?

Ральсвик красиво соскочил с коня, крупный, широкогрудый, с улыбкой такой же широкой, если не шире, чем его широченные плечи.

— Блестка... — сказал он виновато, — Придон приказал.

— А я отприказываю, — сказала она твердо. — Сам видишь, мы вообще не встретили ни человека. Где прошла наша армия, там трава не растет, птицы не поют!.. А впереди уже Артания. Тебе что, не хочется обратно к войску?

Со стороны удалцов донесся общий стон. В их глазах она видела тоску и злое нетерпение, а это вот сопровождение для них как мука, как пытка, как наказание.

— Придон приказал, — повторил Ральсвик со вздохом.

Его плечи поднялись и опустились, как подрезанные крылья. — Он велел не отлучаться и не возвращаться, пока не доставим тебя в Артанию.

Она встrepенулась. Да, Придон, очень точный со словами в песнях, сделал крохотную промашку. А что она за женщина, если не воспользуется промашкой мужчины, даже если этот мужчина ее брат?

— Вот и хорошо, — сказала она почти ласково. — Если ты еще не знаешь, я тебе указываю пальчиком... вот видишь пальчик?... Вот смотри на него, а теперь на то, куда я указываю... Вот по ту сторону речки — Куявия. По эту — Артания. Понял?

— Понял, — сказал Ральсвик со вздохом.

— Ты уже доставил, ты уже выполнил все. Пора обратно.

Она видела на лицах молодых героев жадную надежду, что она говорит правду, у Ральсвика тоже вспыхнули глаза, он открыл и закрыл рот, наконец проговорил, меняясь в лице:

— Но Придон имел в виду, чтобы я тебя в Арсу...

Она вскинула брови и грозно топнула ножкой.

— Ты осмеливаешься не выполнять приказ Придона... а трактовать его по-своему?

Ральсвик пробормотал торопливо:

— Да нет, что ты, что ты, Блестка... Но если для Придона и для нас всех главная драгоценность — ты, то отыщутся разбойники, что захотят ограбить повозку. А там сокровищ на всю Артанию хватит!

— А кто знает, — спросила Блестка дерзко, — что там сокровища? Даже твои люди не могли разболтать, мы никого не встретили. Всяк убежал с дороги... Так что возвращайтесь, я же вижу, как вам жаждет вернуться, а не сопровождать женщину до самой ее постели!.. И, Ральсвик, ты просто выполнил приказ Придона. Выполнил так, как сказано. В точности. Все слышали, как он сказал, так что мой брат не отвертится, если возразит, что он велел не то! Возвращайся, Ральсвик! Возвращайся. Дай я тебя поцелую на прощание... И пожелаю, чтобы твоя Илона дождалась тебя с этой войны... с победой и богатой добычей.

Вся сотня чувствовала себя ошарашенной больше, чем если бы прямо сейчас с неба упали им сто прекрасных женщин. Что женщины, их полно всюду, а вот грандиозные победы артанской мощи, что сейчас гремят в Куявии, — были хоть когда-то?

Ральсвик краснел, бледнел, сотня пар глаз смотрела умоляюще. Блестка качала головой, в глазах жалость: мол, какой же ты полководец... Он вздохнул, указал на двух могучего сложения воинов, оба даже среди отборных героев выделялись ростом и мужской статью.

— Радило и Ветер! Вы двое — сильнейшие!.. Каждый из вас стоит сотни воинов.

Радило пробурчал с подозрением:

— Ну и что?

— Вами придется пожертвовать, — сказал Ральсвик. — Я не могу оставить Блестку без охраны вовсе. Вы двое...

Второй, которого Ральсвик назвал Ветром, громыхнул тяжелым грозовым голосом:

— Почему мы? Давайте бросим жребий.

Ральсвик сказал резко:

— Если выпадет не на вас, придется оставить хотя бы два десятка для охраны. Как на это посмотрят остальные?

Раздался такой рев, что задрожала земля, в норах проснулись и затряслись звери, в воздухе птицы в страхе взвились в самые небеса. Ветер скривился, а Радило сказал затравленно:

— Ладно-ладно, я все понял. Меня за то, что я у тебя щит выиграл, а Ветра за что?

Блестка с улыбкой наблюдала, с какой поспешностью остальные седлали коней. Страшатся, что удача переменится, придется сестру Придона сопровождать до самой Арсы, а это еще не один день на этих медлительных волах.

Ральсвик обнялся с Блесткой, ему бегом подвели коня, он вскочил в седло и, разбирая поводья, крикнул:

— Блестка, мы любим тебя! Ты — настоящая артанка. Желаю тебе, чтобы ты завтра же встретила того, кто достоин тебя!

Конь встал на дыбы, красиво помесил воздух копытами, дико вращая налитыми кровью глазами, Ральсвик сделал прощальный жест, а в следующее мгновение только дробный и быстро удаляющийся стук копыт, вся сотня ринулась через речку, как выпущенные из лука стрелы.

Радило и Ветер утрюмо провожали их тоскующими взглядами. Когда стук копыт затих, а пыльное облачко начало сносить в сторону от дороги ветром, Радило спросил просительно:

— Мы еще не остаемся на ночлег? Воны не очень... устали?

Блестка торопливо кивнула, чувствуя вину перед этими могучими героями:

— Да-да, будем двигаться, пока не настанет ночь. Вы не обижайтесь, ребята! Иначе он бы всю сотню держал, охраняя мою юбку.

Ветер проговорил утрюмо:

— Ральсвик сказал же, что ты — настоящая артанка. Он прав. Ты высвободила, сколько могла, мужчин для битв и мужских забав.

— За них — спасибо, — добавил Радило.

Ветер вздохнул.

— Почему мы такие несчастные?.. Нет-нет, Блестка, мы счастливы сопровождать тебя!

Она засмеялась:

— Помоги Радило запрягать волов.

Она с удовольствием вдыхала чистый резкий воздух, что к вечеру стал совсем теплый, артане сказали бы, что душный, но после действительно душных дворцов она дышала всей грудью, жадно, смотрела на горячее медленно краснеющее солнце — в Куябе почти не видела его за высокими стенами.

Впереди все залито алым светом без деления на небо и землю. Солнце светит в глаза уже не ярко, а по-вечернему — мягко и ласково. Торопливо перекликаются птицы, готовые заснуть сразу же, едва багровый диск скроется за темным краем.

Наконец солнце опустилось, пришла тишина. В темнею-

шем небе то и дело мелькали крохотные тельца летучих мышей. Радило и Ветер вопросительно поглядывали на Блестку, но мир все еще светел, небо почти не потемнело, разве что в полночь почернеет, звезды засияют в полную силу, сейчас самые короткие летние ночи, она ехала впереди их маленького отряда в этом странном полудне-полуночи, глазела на бледный диск луны, первые звезды.

Ехать вот так, с вожжами в руках, еще утомительнее, чем на смирном старом коне, но Придон настоял, чтобы она пересела с седла в повозку. Он объяснял, что в повозке дорогие подарки для родных, но она подозревала, что он насмотрелся на куявов, где даже мужчины почти не садятся верхом, а предпочитают повозки.

Мысли вернулись к ее предстоящему замужеству. Придон хочет, чтобы она вышла замуж за Рослинника, могучего и отважного вождя племени. Рослинник в самом деле герой и на удивление мудрый вождь: его небольшое племя ухитряется сохранять независимость вот уже несколько столетий, но если раньше в самой Артании шли раздоры, то в последние двадцать лет Осенний Ветер пытался объединить все племена уже кровью и железом, а что не успел, то продолжил Горицвет. Он первым попытался сломить Рослинника, не удалось, тогда он вторгся во владения Тхора, такого же удельного вождя, тот сражался мужественно, но Горицвет разорил его земли и присоединил к великой Артании... правда, ценой своей жизни, но Рослинник — единственный, кто все еще держится.

Придон тогда мудро сказал, что у куявов можно кое-чему и поучиться: не убивать великого человека, а привлечь его на службу. В этом случае Рослинник мог бы оказаться полезным больше, не в обиду будь сказано, чем многие из героев, окружающие его сейчас, вместе взятые.

Она вспомнила Рослинника, видела его однажды, когда он приезжал в Арсу на переговоры, задумалась. О Рослиннике женщины говорят с восторгом. Он выглядит в самом деле впечатляюще: среднего роста, с непомерно широкими плечами, выпуклой грудью и длинными мускулистыми руками.

По артанскому обычаю обнажен до пояса, как все воины, только обруч на лбу сверкает рубином над переносицей да широкий пояс блещет золотыми бляшками, отличая от остальных героев, что сопровождают вождя всюду. Нет, все равно его не спутаешь с простыми воинами: у него суровое властное лицо вождя, пронизывающий взор, в глазах постоянная работа мысли, он никогда не распускает мускулы, как его воины, никогда не показывает, что чувствует на самом деле, всегда сдержанно улыбается, всегда любезен, но в темных глазах занавес.

Волы тянут повозку ровно, дорога чистая, без колдобин, Блестка опустила вожжи, задумалась. Хочет ли пойти за Рослинника, стать его женой? Любая женщина должна стать чьей-то женой, так заведено, должна о ком-то заботиться, согревать, утешать, быть опорой и поддержкой... но нужна ли железному Рослиннику ее поддержка?

Бледный диск луны наконец налился светом, настоящее ночное солнце, ночь наполнилась особым очарованием, и можно бы ехать и ехать, степь ровная, как стол, но Блестка оглянулась на волов, вздохнула.

— Вон там родник!.. Остановимся. Иначе придется тащить на себе.

— Да-да, — сказал Радило. — Мы сегодня прошли много!

— Как только покажутся стены Арсы, — сказала Блестка, — можете сразу обратно! Или хоть заглянете повидаться с родными?

Радило поморщился, а Ветер сказал беспечно:

— Блестка, не все подпирают стены в Арсе! Мне к своим столько же, как и до Куябы! Так что лучше уж сразу... обратно. Не обижайся.

— Да я понимаю, — ответила она.

Радило распряг волов и коней, Ветер принес мешки с овсом, а Блестка быстро развела костер. Птицы умолкли, зато звонко и старательно верещали в конюшине крохотные коники и кобылки, трещали, звенели, визжали, над головой плыла в неподвижных облаках луна, вламывалась неотврати-

мо и уверенно, проходила тучи насквозь, как длинное копьё, а появлялась еще более сияющая, победная, сбросившая окалину в этом неопрятном горниле.

Костер невелик, только для того, чтобы собраться вокруг, к огню тянет всех, Радило, чтобы извлечь пользу из открытого огня, насаживал на прутик ломтики хлеба, поджаривал, потом вкусно хрустел темной корочкой.

Осторожно поговорили о Придоне, его ране, Итании, потом Ветер умело соскользнул с опасной темы, вспомнив о своем дяде Козарине по прозвищу Золотой Топор, что ездил в дальние неведомые страны и вернулся оттуда со свежими шрамами, измученный, исхудавший, весь в лохмотьях, но в объятиях держал перед собой на седле дивную женщину странной и пугающей красоты.

Полюбоваться ею не удалось: она вошла в его дом и как исчезла из мира. Остальные его жены показывались на базаре, их видели работающими во дворе, но эта исчезла. Никто не знал ничего о ней, и только через неделю один любопытный сосед сумел подсмотреть, что Козарин ходит к колдуну и покупает сушеное крыло летучей мыши. А когда купил еще и отрубленную кисть казненного вора, то стало ясно, для какой цели: его новая добыча не сдастся, Козарин старается сломить ее сопротивление чарами. Еще он ходил в полнолуние к Черной скале, откуда, как все знали, выходит призрак Гиты Добродее. Все камни вокруг увешаны амулетами, подарками от жителей, Гита может как погубить, так и оберечь жителей и даже все селение от других духов.

Радило весело хмыкал, бросил небрежно:

— Дурак! Я слышал о нем.

— Почему дурак? — спросил Ветер.

— Потому что, — упрямо отрезал Радило. — Только дураки преодолевают все трудности. Умные их обходят.

Ветер покосился, спросил:

— Ты мне лучше ответь, кем лучше быть: дураком или лысым?

— Не знаю, — ответил Радило, слегка растерявшись. — А это к чему?

— Лучше быть дураком, — сказал Ветер, — чем лысым. Не так заметно, понял?.. А к тому это, что, если не понимаешь, сопи себе в две дырочки, не суйся в дела взрослых.

— А что тут взрослого? — обиделся Радило. — Этот Козарин с тех пор перестал ходить в набеги! Всего лишь из-за женщины. Не дурак после этого?.. Он все никак не может завоевать ту, что уже и так у него взаперти дома!

Ветер не нашелся, что ответить, Блестка возразила сердито:

— Ты уверен, что завоевать любовь легко?

— Завоевать? — удивился Радило. Он захохотал. — Что за дурь? Разве любовь завоевывают?.. Не знаю, не знаю. Я вот никогда ни в кого не влюблялся и никогда не влюблюсь.

Ветер сказал сквозь зубы:

— Когда вернемся, надо попросить Вяземайта покропить тебя мертвой водой. Или еще лучше — водой мертвых.

— Зачем?

— Проверить.

— Ну да, а в чем эта проверка?

— Человек ли ты вообще? Или оборотень?

Блестка вскинула голову. Почудилось, что над головой пронеслась огромная летучая мышь. Пламя костра колыхнулось, дым окутал Радило, он яростно расчихался, заорал на Ветра, тот разводил руками и оправдывался. В теплом ночном воздухе Блестка ощутила странный запах. По рукам пробежали мурашки, в сердце зашевелился страх. Что ее напугало, еще не поняла, но вблизи чувствовалось присутствие огромного страшного зверя.

Радило тоже насторожился, глаза обшаривали тьму. Ветер спросил сварливо:

— Ну что еще?

— Вроде бы земля дрогнула...

— Ну да, — сказал Ветер саркастически. — С небес спрыгнул звездный заяц!

Радило, не отвечая, взял топор и поднялся. Багровый свет озарял снизу, делая похожим на медную статую перед жертвенным пламенем.

— Не знаю, — ответил он коротко. — Но я узнаю.

— Мы уже в Артании, — сказал Ветер беспечно. — Уже скоро Арса. Ну, почти скоро...

Радило шагнул в темноту, исчез, почти сразу послышался сдавленный вскрик, затем словно бы падение тела. Ветер вскочил уже с топором в руке. Блестка услышала щелчок, так бьет тетива по кожаной рукавице на руке, что значит — стрелок совсем близко. Ветер вздрогнул, изогнулся. Длинная стрела вонзилась под левую лопатку, нашла и поразила сердце, и даже, Блестка не поверила глазам, высунула окровавленное острие из груди.

Блестка метнулась в темноту. Она пробежала не больше трех шагов, сзади кто-то прыгнул, повалил. Нож уже в руке, лезвие вошло под нижнее левое ребро нападающего легко, словно в свежий творог. Блестка повернула лезвие, руки насильника разжались, она спихнула его с себя, он ухватился обеими руками за рукоять ножа, и она, оставив нож, отпрыгнула, метнулась в сторону костра.

— Радило!.. Уходи в лес!

Сильное тяжелое тело сбило с ног. Она упала, ушиблась больно, но каким-то чудом высвободилась, ударила нападающего локтем в лицо, откатилась, но, едва поднялась, ее схватили снова. Она отчаянно дралась, царапалась, кусалась, вырвалась и отбежала, насильник догнал, упали наземь, снова дралась и кусалась, однажды попала кулаком так, что неизвестный взвыл и выругался:

— Да что это за дрянь кусачая?

Из темноты вынырнул второй, Блестка дралась еще отчаяннее, в четыре руки ее скрутили, туго связали. Она лежала вниз лицом, пыль забивала дыхание. Грубые мужские голоса то приближались, то отдалялись. Она услышала, как один сказал раздраженно:

— Черт, оба убиты... Теперь от них не узнать, где мы. А где Кучко?

— Второй, уже раненный, сломал ему спину голыми руками...

— Да и тебя задел, — сказал первый. — Ратша, это твоя

первая рана за все время, что тебя знаю! Перевяжи, а то хлещет, как из раненого кабана.

— Да, конечно... Пора возвращаться, Иггельд! Мы уже забрались в Артанию. Потому и потеряли Кучко.

Тот, которого назвали Иггельдом, сказал резко:

— Знаю. Похоже, мы потеряли не только Кучко. Где Тугарпан?.. Но раз уж сумели так далеко, то хотелось бы узнать, куда именно.

— Там еще женщина, — напомнил Ратша. Голос сильный, мужественный, густой, и Блестка сразу представила мужчину в полном расцвете сил, с могучей грудью и разнесенными в стороны плечами.

Судя по тону, невидимый Иггельд лишь отмахнулся.

— Женщина, — сказал он пренебрежительно. — Что женщины знают?.. Это все равно что козы. Лучше пошарь в повозке. Что-то подозрительно роскошная...

Блестка с трудом перевернулась на спину. Звездное небо закачалось, как отражение в ночном озере. Какая-то нелепость, куявы не могли забраться так далеко. Куявы вообще не показывают носа из Куявии, а здесь не просто граница с Артанией, здесь уже Артания!

Через какое-то время от повозки раздался удивленный крик:

— Иггельд, ты только посмотри!..

— Что там? — откликнулся Иггельд недовольно.

— Повозка полна соковищ!..

— Да брось ты...

Голос Иггельда оборвался на полуслове. Блестка как наяву видела глупые, непонимающие лица куявов, что устали на ларцы, на украшенный золотом сундук. А если еще и откроют, этих жадных животных вовсе ослепит блеск драгоценных камней и дорогих изделий.

Затем тот, который Иггельд, произнес задумчиво:

— Что-то этот знак мне напоминает...

Блестка похолодела, а Иггельд быстро направился к ней, она слышала приближающиеся шаги. Сильные руки подхватили, Блестка попробовала извиваться, ее нога успешно ляг-

нула врага в голень, тот охнул, но, хромая, все же перенес к костру и бросил, как тюк с тряпками.

Второй сказал с укоризной:

— Ты чего так грубо? Все-таки женщина...

— Это черт, а не женщина, — возразил Иггельд. — Она меня кусала, царапала, лягала, бодала, била и, по-моему, даже ужалила!

Ратша хохотнул, а Иггельд повернул Блестку, усадил, прислонив спиной к колесу повозки. Костер горел спокойно и равнодушно, хотя вокруг враги, она видела их быстрые тени, красный огонь высвечивал на мгновения спины и плечи, тут же все исчезало в темноте.

Наконец один подошел и остановился напротив. Сперва она видела только отвратительную злодейскую щетину, почти бороду, рыжую, гадкую, густую, что растет почти от глаз. Но лицо смуглое, хотя волосы — цвета поспевшей пшеницы, блестящие, золотые, она никогда не видела таких сверкающих. Огонь подсвечивал его лицо снизу и чуть сбоку, отчего половина в тени, а сам он выглядел худым одноглазым демоном ночи. Единственный глаз сверкал, как карающая звезда в холодной ночи.

— Ночной Дракон! — прошептала она.

Он оскалил зубы.

— Ага, слышала?

Вместо ответа она извернулась и вонзила зубы в толстую руку. Он охнул, дернулся, она успела увидеть, как он повернул голову, и уже оба глаза уставились в ее лицо с бешенством и безмерным удивлением. В следующее мгновение резкий удар по лицу бросил ее на землю. Она закашлялась, во рту стало солоно, она приподнялась на дрожащих руках и выплюнула кровь.

— Конечно, слышала! — заявила она. — Самый подлый убийца, растлитель детей, вор и трусливый колдун...

Он удивился:

— Даже колдун?

— Ага, — сказала она с торжеством, — в остальном признаешься?..

Он со злым бешенством рассматривал ее. В его рыбьих глазах вспыхнула жажда убийства. На миг подошел второй, взглянул и снова исчез, а этот рассматривал ее так, словно придумывал казнь позлее и мучительнее. Он показался ей выше своего спутника, который Ратша, шире в плечах, с богатырской грудью. Блестку разозлило, что в короткой кожаной безрукавке, открывавшей плечи, руки и даже живот, очень походит на артанина. Такое же сильное мускулистое тело, грудь — как медные латы, живот в квадратах, пояс перетягивает широкий ремень, и Блестка злобно отметила, что нет ни капли дурного жира.

Она смотрела на него снизу вверх, ноги сильные и стройные, сквозь плотно прилегающую кожу из шкуры тура проступают сильные мускулы. Она зашевелилась, не по-артански перед врагом лежать в пыли, если можешь встать, с трудом поднялась. Это непросто с туго связанными за спиной руками, но Блестка гордо выпрямилась и бросила на него надменный взгляд.

Он оказался выше ее на полголовы, лицо злое, а в глазах горечь и сожаление. Она вздрогнула, когда он оглянулся и сказал в темноту полным печали голосом:

— Стромил тоже убит. Нож все еще торчит у него в сердце...

Оттуда, из темноты, другой голос ответил торопливо:

— Он был еще жив, когда...

Иггельд устало махнул рукой.

— Он просил позаботиться о родных. Я спросил, кто его ранил...

— И что?

— Он странно так усмехнулся... и умер.

— Он богатырь, — пробормотал Ратша, — я не представляю, как артанин, уже с двумя стрелами в груди, сумел его так...

Он скользнул по Блестке яростным взглядом, она затаила дыхание, когда подошел к убитым артанам и в бессильной ярости попинал их.

— Хотел бы я знать, — вырвалось у него хриплое, — кто

из них это сделал!.. Я и труп бы... не знаю, жег бы на медленном огне, чтобы душа этой сволочи мучилась в аду!

Блестка медленно перевела дух. Значит, пока не знают, кто нанес смертельный удар их богатырю. Ладно, пусть считают ее всего лишь слабой женщиной.

Этот, который Иггельд, повернулся к ней, оглядел угрюмо.

— Ладно, женщина... Для тебя война кончилась. Твои спутники убиты. И трое моих, так что счет почти равный. Иди к костру и расскажи, кто вы, откуда и куда направлялись...

Он снял с ее рук веревку, Блестка тут же подскочила, ноги занеметь не успели, бросилась на врага. Тот отшатнулся, а она с силой ударила его ногой в голень, очень болезненный удар, знала по себе, а когда он невольно согнулся, с силой нанесла сокрушающий удар сцепленными кулаками в челюсть. Пальцы ожгло болью, мужчина отшатнулся, глаза распахнулись в безмерном удивлении. Другой бы уже отлетел в сторону и растянулся, как лягушка, но этот лишь хрюкнул зло и ухватил ее за руку.

Блестка, извиваясь, ударила свободной рукой, лягнула, а когда он не пошатнулся, впилась зубами в кисть его руки. Он вскрикнул, отпустил, зато другой рукой ухватил за волосы, приподнял и сказал с бешенством:

— Прекрати! Или сейчас же я...

Он умолк, глядя в ее глаза. Блестка сжалась от страха. О Ночном Драконе шли самые жуткие слухи. И он, судя по рассказам о его необыкновенном драконе, в самом деле мог забраться так далеко.

Из темноты вышел второй, уставился на Блестку угрюмо и с неодобрением. Почти одного роста с Иггельдом, нет, чуть ниже, шире в плечах, массивнее, тяжелее, виски посеребрило, на лице не только пара шрамов, но и десятков морщин, в то время как лицо Ночного Дракона там, где не закрывает густая щетина, без шрамов и почти юное.

— Волон я отдал Чернышу, — сообщил он. — Все равно их тут задерут волки...

— Обоих? — вскрикнул Иггельд.

— Да, а что?

— Он же теперь и хвостом не шелохнет!.. Черныш может жрать в запас, меры не знает! Я же тебе говорил!

Ратша двинул плечами. Блестке лицо его показалось смущенным, даже виноватым.

— Знаешь, — произнес он, явно извиняясь, — он смотрел такими голодными глазами... По-моему, уже умирал от голода. Я просто не могу, когда на меня так смотрят. Сам не съем, ему отдам.

— Как будто не знаешь, он всегда так смотрит, когда есть что выпросить! Эх, Ратша...

Ратша виновато развел руками, торопливо указал на пленницу:

— Да что ты обо мне и обо мне. Посмотри на нее получше!

Иггельд процедил сквозь зубы:

— На эту мелкую ядовитую змею? Сам смотри.

— Смотрю, — ответил Ратша. — Смотрю с удовольствием.

— Ну и смотри, — буркнул Иггельд. — А что случилось?

— Во-первых, — проговорил Ратша медленно, — мы явно перехватили какую-то знатную особу. Она сопровождала захваченные в Куябе богатства... наверняка прямо в Арсу. Женщина, верно?

Блестка смолчала. Иггельд спросил нетерпеливо:

— А во-вторых?

Ратша ответил уже веселее:

— Во-вторых, что самое главное, мы захватили просто редкостную красавицу! Она стоит всех тех сундуков с золотом, что везла.

Иггельд недовольно фыркнул.

— Насчет красавицы ты просто слепой. Мой Черныш куда красивее. И уж куда добрее. А что знатная... Так у артан вообще нет знатных! Там пастухи и тцары ничем не отличаются.

Блестка приподняла подбородок надменно. Сидя связанной, прислонившись к щиту колеса, не очень удобно смотреть на них сверху вниз, но ей это удалось, и оба, несмотря на куявскую тупость, это ощутили. Тот, который Ратша, спросил внезапно:

— Ты встречался с Придоном?
— Да, — буркнул Иггельд очень неохотно.
— Хорошо рассмотрел? И спутников?
— Я с ним разговаривал, — ответил Иггельд еще неохотнее. — Но при чем здесь...

Блестка застыла, холод прокатился по сердцу. Оба смотрели на нее сверху вниз блеклыми рыбьими глазами, хмыкали, сопели. Лунный свет падал на головы и плечи, лица оставались в тени. Затухающий костер жутковато подсвечивал снизу, превращая человеческие лица в страшные звериные рыла.

— Значит, общался и со знатными, — сказал Ратша с удовлетворением. — И можешь отличить знатных от незнатных! Всмотрись в нее. Держится, как гордая артанка, верно? Или даже как знатная артанка? Или очень знатная? Или даже...

Блестка замерла, сердце остановилось. Иггельд скривился, покачал головой.

— Ничего похожего. Знатные не кусаются и не царапаются. За них это обязаны делать слуги, охрана. А эта уродина дралась, как будто выросла в лесу. Или в пещере. Хотя ее лицо мне почему-то знакомо...

Ратша спросил, обращаясь к Блестке:

— Кто ты?

— Артанка, — ответила она с достоинством. — Артанке не обязательно быть знатной, чтобы быть выше всех ваших знатных дам.

Ратша кивнул, посмотрел на Иггельда:

— Видишь?

— Да, — ответил тот кисло, — строит фразы грамотно, как человек, которого обучали. Но все-таки я не верю... Скажи, женщина, правду! Если ты из знатной родни, оставим тебе жизнь. Возьмем с собой, обменяем на пленных в вашей неволе. Или возьмем выкуп. Если нет, то зарубим здесь... Уж прости, такова жизнь. Сейчас война, много гибнет и невинных. Нам нельзя отягощать себя пленными. Нужно двигаться быстро.

Он смотрел с ожиданием. Блестка застыла на миг, краем

глаза видела на границе света и тьмы тело Ветра. Под ним расплылась лужа, от пляшущих языков огня становилась то черной, то багровой. Они двое, Радило и Ветер, погибли, защищая ее. Достойная смерть для мужчин, оба погибли красиво. Но и она, женщина, знает, как умереть с достоинством.

Она победно улыбнулась.

— Я, — сказала она с достоинством, — дочь Артании! Я не боюсь смерти и не стану хитрить и прикидываться знатной. Мое имя — просто Артанка, я... пастушка.

Они переглянулись, Иггельд кивнул с кислым видом, хотя в глазах нарастало удивление.

— Да, — сказал он, — ты прав. Свяжи ее покрепче. Похоже, нам попалась знатная птица.

ГЛАВА 2

В ночи жутко сопело, вздыхало. Сперва ей казалось, что шумит в голове, но звуки повторялись, хотя и очень далекие, приглушенные, словно вздыхала сама земля. На миг вспыхнула надежда, что неведомое чудовище, потревоженное войной, покинуло пещеры Куявии, страны всякой нечисти, и в раздражении бродит в поисках еды по степям Артании. Если наткнется на этих двух куявов, то мечи их не спасут, ибо, судя по звукам, зверь просто невероятно огромен... если это в самом деле зверь.

Правда, тут же подумалось вдогонку, что такому зверю двух куявов покажется мало, он в поисках еды наткнется и на нее...

Ей показалось, что звезды становятся ярче, а небосвод все темнеет и темнеет, но это Ратша бросил на угли охапку хвороста. Мужчины то появлялись в багровом круге света, то исчезали. Она слышала скрип телеги, ее качнуло пару раз, потом вроде бы послышался стук копыт. Хотя нет, стук больно странный. Если бы на конях, то выпрягли бы и отпустили пасть, но они, судя по всему, прилетели на своем знамени-том драконе, что летает впятеро дальше остальных драконов, видит ночью, как днем, прибегает на посвист хозяина, слов-

но верный артанский конь. Похоже, намереваются остаться до утра, а то и дольше. А если так, то есть надежда, что вездесущие искатели подвигов наткнутся на их лагерь. Чтобы справиться с двумя куявами, достаточно одного артанского воина. Хотя, конечно, этот Иггельд выглядит настоящим богатырем... И все-таки двух артанских силачей убили, так что оба тоже не простые воины, не простые...

В ночи страшно всхрапнуло, заспело. Блестка прислушалась, в ночи чавкало и всхрапывало, словно тот неведомый зверь что-то пожирал. Хорошо бы куявов... Страшная догадка пронеслась в голове: это же наверняка тот самый дракон, на котором прибыли эти подлые трусы. Иначе они никак не смогли бы попасть так далеко, артанские отряды давно перехватили бы всех и с удовольствием насадили бы на острые колья.

Из темноты доносятся могучие вздохи, всхрапывание, чавк, треск костей, плямканье, хруст, недовольное ворчание. Неведомый дракон, похоже, пожирает ее волов, как и сказал этот куяв по имени Ратша. Возможно, закончив с волами, насытится и не станет есть ее...

Плотно зажмурилась, страшась даже представить чудовище, но перед глазами услужливо рисовались жуткие когтистые лапы, что придавят ее к земле, сверху опустится страшная пасть и начнет рвать из ее тела куски, отрывать у еще живой руки и неспешно пережевывать, потом откусит ноги...

Она помотала головой, отгоняя жуткое видение. Раньше драконы так далеко не залетали. На землях, что вблизи с Куявией, они еще нападали на стада и табуны, это служит постоянным поводом к войне, хотя, если честно, табунщики и пастухи прекрасно умеют справляться с такими драконами, но все равно это прекрасный повод, чтобы обвинить проклятых куявов в науськивании своих драконов на богатства Артании.

Сердце ее стучало часто, она стискивала связанные руки, не давая им застыть, напрягала зрение. Ночь медленно тает, полная луна неспешно поднимается, от вершинок темных

деревьев пошли неясные призрачные тени, на востоке медленно занимается бледный рассвет. Потом Блестка сообразила, что это не рассвет, до рассвета далеко, просто глаза привыкли, ночь все тот же день, только сумрачный и без солнца.

Багровые угли в полупогасшем костре покрылись толстой серой шубой пепла. То, что принимала за неопрятный холм, оказалось именно тем чудовищем, которого страшилась всю ночь. По ту сторону повозки оказался настоящий исполинский дракон, но спит или дремлет, определить не могла: огромные, как блюдца, выпуклые глаза прикрыла толстая серая кожа. Толстые бока медленно раздуваются и так же медленно схлопываются. Перед мордой дракона смутно белеют перемолотые кости, копыта да разгрызенный бычий череп со сломанными рогами.

Появилась подтянутая фигура с раздвинутыми плечами, Блестка узнала своего похитителя, Иггельда. Хотя и второй, который Ратша, тоже похититель, но главный у них Иггельд. Единственный из всех куявов еще дерется, сражается, защищает свою трусливую страну, страну торгашей и лжецов, страну толстых мужчин и распутных женщин.

Иггельд бросил насмешливо:

— Наша скотина скушала обоих ваших. Так же и Куявия проглотит вашу Артанию... если пожелает.

Он сказал это холодно, спокойно и так буднично, что Блестка почти поверила. Но только на миг, тут же заставила себя выпрямиться, сказала с вызовом:

— Вы на этой ящерице с крыльями забрались слишком далеко! Здесь вы и останетесь.

Иггельд запнулся с ответом, заметив, что смотрит в **самые** темные глаза на свете, блистающие, как дивные ягоды. Ее губы от его удара распухли, но не потеряли удивительной формы, манящей и чувственной. Но из этих глаз на него смотрит бешенство, а чувственные губы застыли, как вырезанные из камня. Лунная ночь обещает быть светлой и даже яркой, но волосы ее все равно чернее ночи, в них все еще блещут звезды, а под ними, мелькнула невольная мысль прятуются тайны.

Он тряхнул головой, отгоняя странные, никогда раньше не посещавшие мысли, сказал резко:

— Ратша, что-то я не вижу, чтобы ты связал ей ноги!

Ратша пробурчал:

— Да зачем? Со связанными руками далеко не убежит.

— А мне и близко бегать не хочется, — сказал Иггельд раздраженно. — Эта же дура не понимает...

Повозка все сильнее выступала из темноты, лунный свет блестел на сиротливо задранных кверху оглоблях, она выглядела жалобной и осиротевшей. Все четыре колеса по ободу обиты тонкой полоской железа, на переднем Блестка заметила прямо на металле свежую зарубку, там задрался блестящий гребешок, похожий на вздыбившуюся и застывшую волну, можно попробовать перетереть о него веревку...

Блестка напрягла зрение, дракон вроде бы дышит, сопит, похрюкивает. Иггельд пошел к этому холму, с силой пнул ногой в огромный валун, размером чуть меньше ее повозки, что лежал вплотную с холмом. Валун шевельнулся, в нем приподнялись веки, в слабом свете Блестка увидела громадные желтые глаза.

— Вставай! — сказал Иггельд громко. — Вставай, не прикидывайся!..

Ратша сидел на корточках вблизи Блестки, перевязывал одной рукой плечо, край тряпки держал зубами.

— Может, не надо? — спросил он сквозь стиснутые челюсти. — Пусть спит. Он же нажрался, пузо потащит по земле.

— Надо, — отрубил Иггельд. — Мы не вшивые артане! Куявы держат себя в чистоте.

— Черныш не знает, что он куяв, — сообщил Ратша хладнокровно. — Он почему-то считает себя драконом. Вот дурак, да?

— Надо окунуться в холодную воду, — отрубил Иггельд, — а то я засну сейчас...

— Ну так окунайся, — посоветовал Ратша. — А бедный дракон при чем? Да еще такой наеденный? Ему это вредно.

Иггельд отвечать не стал, пинками заставил дракона подняться на все четыре лапы. Блестка от ужаса вжалась спиной

в колесо так, что затрещало. Это в самом деле холм, покрытый прочной металлической броней, так ей показалось. Во всяком случае, спина отсвечивает в уходящем лунном блеске металлом, но от короткого хвоста и до головы идет жутковатого вида гребень, тоже отливающий железом, голова же огромная, чуть ли не с ее повозку, вся покрыта толстыми костяными пластинками с шипами посредине.

Иггельд бесстрашно шел к речушке, дракон нехотя тащился следом, с надеждой оглядывался на Ратшу. Огромная страшная голова раскачивалась на уровне плеча Ночного Дракона. Полная луна с удивлением смотрела им в спины, блестящие плечи Иггельда выглядели валунами.

Дракон остановился, Иггельд повернулся, закричал. Дракон помотал головой и попятился, даже сел на толстый зад, что стал еще толще, а сужающийся хвост выглядел уродливым отростком. Рядом с Блесткой Ратша ехидно засмеялся. Он уже закончил перетягивать себе рану, лицо бледное от потери крови, но в глазах — Блестка не поверила себе — веселье.

— Вот так всякий раз, — сказал он насмешливо.

— Что? — невольно спросила Блестка.

— А вот смотри...

Дракон орал и упирался всеми лапами, но Иггельд зашел сзади и неумолимо заталкивал его в темную воду. Дракон, который мог одной лапой расплющить человека в кровавую лепешку, протестующе пищал, в реку заходил опасно, высоко поднимал лапы, а крылья распростер и держал в готовности, словно вот-вот прыгнет в воздух.

У Иггельда в руке, оказывается, наготове щетка, что-то вообще жуткое, Блестка ясно слышала скрип, будто по лезвию топора водили точильным камнем. Дракон орать перестал, видимый Блестке глаз повернулся, следя за человеком. Иггельд тер с силой, стучал кулаком по блестящим пластинкам, наконец дракон медленно опустил крылья и сложил на спине.

Блестка с удивлением видела, как это чудовище повернуло голову к человеку и — ужас! — распахнуло жуткую пасть. Выметнулся длинный и быстрый как пламя язык. Иггельд

успел заслониться локтем, но язык как будто уже знал это движение, ловко скользнул снизу и с чмоканьем залепил человеку лицо.

Иггельд заорал даже громче дракона, от повозки раздался громкий злорадный смех Ратши. Иггельд орать перестал, Блестка услышала его строгий наставнический голос:

— Ладно, ладно, можешь умыть меня... Видишь, я не ору!

Дракон лизнул его снова, снова, но в конце концов так разнежился, что лапы подломились, он опустился в воду на брюхо, и струи потекли, едва не выходя из берегов. На поверхности остались только спина и голова. Иггельд взобрался сверху, снова чистил, плескал водой, смывал пыль и грязь, выковыривал комочки засохшей земли из щелей между пластинами брони.

Когда отпустил дракона и вернулся, весь мокрый, к повозке, Блестка уже перестала дрожать. Чтобы этот куяв не подумал, что испугалась, спросила презрительно:

— Он совсем больной, да?... Скоро околеет?

— Ты скорее околеешь, — ответил Иггельд сухо.

— А возишься, как с больным!

— С больным возиться уже поздно, — сказал он еще резче. — Дракон не может вылизать себя всего... Спину достать ему не удастся, вот всякие мелкие гады и пользуются... Но если человек следит за своим драконом, тот станет втрое здоровее тех, из кого мелкие твари пьют кровь!

Блестка спросила подозрительно:

— А чего он так орал?

— Боится, — ответил Иггельд нехотя.

Блестка изумилась:

— Боится?

— Моя вина, — признался Иггельд еще неохотнее. — Как-то я не попробовал воду, заставил влезть в горячую... ну, у нас иногда из-под земли и горячие ключи. Черныш ошпарил лапу, теперь всякий раз боится.

— Такой здоровый, — удивилась Блестка. — И что, это навсегда?

— Нет, конечно. Приучу, что вода не кусается. Теперь

всегда сперва пробую воду сам. Просто он у меня... осторожный.

— Трусливый, — предположила она.

— Осторожный, — отрезал он сердито. — Он не дурак, просто осторожничайте! Для него это первый дальний полет в сторону Артании. Все внове, потому он так... осмотрительно. Но память у него хорошая. Теперь он в эту реку зайдет сам, без страха. Я его уже почти приучил купаться. Ему нравится, когда... не боится. Он даже в море купается сам!

Над темным лесом с серебряными вершинками наливаются ярким светом блестящая луна, тихая теплая ночь полна очарованья, мирно и трепетно играют нехитрые мелодии крохотные музыканты на стебельках. Спросонья чирикнула мелкая птица в зарослях травы, сконфузилась, умолкла на полчирик. Блестка, ерзая задом, передвинулась к краю колеса, где заметила на металлическом ободе зазубрину.

От луны и звезд по земле пролегли едва заметные трепетные тени. Блестка с трудом выгнулась, посмотрела в сторону Радило и Ветра, но их тела исчезли. У самого леса пасутся видимые отсюда кони Радило и Ветра, пугливо поднимают головы и поглядывают в эту сторону, где дракон, сами готовы в любой момент пуститься вскачь сломя голову.

— Где мои друзья? — потребовала она у Ратши.

Он развел руками, поморщился от неловкого движения.

— Прости, что не дал проститься. Они с нашими. Надеюсь, там они ничего не делают.

Она не поняла, переспросила довольно глупо:

— Где?

— Я их похоронил, — объяснил он лаконично. — Всех.

— Ты? — спросила она недоверчиво и выразительно посмотрела на его перевязанное плечо. На белой тряпке проступили красные пятна.

— Черныш вырыл яму, — пояснил он, — а я... ну, а Черныш и... загреб. Не волнуйся, никакие звери их не достанут. Я ж говорю, там и наши.

Она пробормотала, несколько сбита с толку:

— У нас полагается хоронить по-артански...

— Я им вложил топоры в руки, — прервал Ратша. — И головами к востоку. Двадцать лет воюю и с артанами, и со славами, даже с вангийцами цапался, так что про войну, кровь и смерть знаю все... Ты посиди здесь, я принесу мяса и сыра, позавтракаем. Или поужинаем? Нет, позавтракаем, уже ближе к рассвету. А потом наш вождь скажет, что будем делать.

Она фыркнула.

— Вождь?

— Вождь, — ответил Ратша уже с неудовольствием. — А у вас вожди не сражаются?

— Так то у нас! — возразила Блестка с достоинством. — А вы — куявы.

Иггельд принес мешок с едой, расстелил возле костра на траве чистую скатерть, Ратша помог разложить мясо, рыбу, сыр, каравай хлеба, появился даже кувшин, явно вино, эти свиньи без вина не могут, Иггельд набросал на пурпурные угли много сухих веток. Блестка надеялась, что огонь в ночи виден издали, артанские удалыцы обязательно заметят и тут же ринутся в эту сторону, полюбопытствовать, кто здесь и почему, а не зря же говорят, что драконов на земле бить легко...

Хотя, подумала она невольно, этого непонятно, как и на земле. Он же весь покрыт броней, толстой и плотной, нигде ни зазора, чтобы воткнуть копьё. Только наверху у самого хребта вроде бы полоски, но туда еще надо залезть.

Ратша умело поджаривал мясо на камнях, ломти хлеба нанизывал на прутики и тоже поджаривал, чтобы обрели коричневую корочку. Вкусно запахло мясом, а от хлеба такой аромат, будто только что испекли. Блестка, что уже решила ничего не есть у захватчиков, ощутила во рту голодную слюну, подумала, что без еды ослабеет, а силы нужны, чтобы бороться и победить.

Иггельд посматривал со злостью, так бы и убил, Ратша держался даже дружелюбно. Она знала этот тип воинов, что в бою безжалостны, но едва схватке конец, с противником пируют, ни злобы, ни раздражения, иначе бы давно сожгли се-

бя, но едва перемирие закончится, снова холодно и безжалостно готовы убить и того, с кем только что пили вино и пели песни.

Развязывая ей руки, Ратша попробовал расспросить, куда едут и что за сокровища, Иггельд фыркнул со злостью:

— Не видишь разве? Все награблено!

— Вижу, — отмахнулся Ракша. — Но все же любопытственно. Любознательный я, понимаешь? Вещи уж больно красивые.

— Подумаешь! На вкус и цвет...

— Не скажи, — возразил Ратша, — как раз вкус и цвет — хороший повод для драки! Верно, Артанка?

Она кивнула, потом посмотрела с подозрением — что-то не понравилось в чересчур дружелюбном тоне матерого воина.

— Нашел у кого спрашивать, — буркнул Иггельд и отвернулся. — Это же дикарка. Двух слов не свяжет.

Блестка набрала в грудь воздуха, тут же заставила себя успокоиться. Только что оба говорили, что она из знатных артан, умеет правильно строить слова. Думают, что она вот прямо сейчас раскроет рот и все выложит...

Она положила горячий ломоть рыбы на поджаренный хлеб, получилось изумительно вкусно, ела, вдруг затылка коснулось горячее дыхание. Она осторожно скосила глаза, обмерла. Дракон стоял за спиной и жадно смотрел через ее плечо на хлеб.

Иггельд, чтобы не испугать ее, это поняла, подавал дракону отгоняющие знаки, но тот сделал вид, что не замечает. Ратша натянуто улыбнулся. Возможно, ему тоже не нравилось слишком близкое соседство разинутой пасти размером с печь.

Блестка скосила глаза, дракон посмотрел на нее очень недружелюбно, снова устремил жадный взор на лакомство. Она сказала ему льстиво:

— Хороший, хороший... Ну что так сердито смотришь? Я невкусная.

Иггельд окинул ее быстрым взглядом. По кувяским меркам эта артанка в самом деле не выглядит вкусной, как сдоб-

ные красавицы Куябы: белокожие, милые, с золотыми волосами до пояса, уступчивые и во всем приятные.

— Ничего, — сказал он, — Черныш ест все. Не перебирает. А в детстве вообще какую только дрянь не жрал!.. Догонит, бывало, жабу и тут же — хап и проглотит. А потом полдня плюется, пену роняет... Слезы, не поверишь, вот такие!

Блестка с недоверием посмотрела на оттопыренный кончик пальца. Если бы куяв показал кулак, куда бы ни шло, но такая малость... Потом с трудом представила себе, что эта громадина была некогда крохотулькой размером чуть больше самой жабы. Тогда, конечно, такие слезы — ого, дракончик в самом деле плакал очень горько и жалобно.

Она держала хлеб и рыбу обеими руками, зубы с хрустом вгрызались в поджаристую корочку, краем глаза уловила все еще устремленный, но уже печальный, взгляд этого странного дракона.

— А что, — спросила она нерешительно, — я могу ему дать кусочек?

Иггельд явно удивился, но виду старался не подавать, хотя хитрить, похоже, не очень-то умеет, в отличие от остальных куявов. Брови взлетели вверх, ответил почти с запинкой:

— Попробуй... Если не устроишься.

Блестка повернулась с куском в руке. Сердце трепыхнулось, пожалела, что сдуру такое брякнула. Дракон смотрел в упор, во взгляде горькая безнадежность: все равно не дашь, так хоть дай посмотреть, не жадничай, что тебе стоит... Пасть полуоткрыта, видны острые зубы и красный язык, в этой пасти она поместится целиком, если подогнет колени, голова в плотной чешуе из камня или железа, не разберешь, глаза как плоски, нижняя челюсть выдвинулась так, что клыки наружу, даже прижали верхнюю губу.

Замирая от ужаса, она заставила себя произнести осипшим голосом:

— На... На, жаба, кушай.

Дракон с куса перевел взгляд на нее, потом снова на кусок. По горлу пробежал ком, словно дракон проглотил валун. Блестке показалось даже, что он вздохнул, челюсти остава-

лись плотно сомкнутыми, а сам не шелохнулся. Блестка подвигала куском перед мордой дракона, готовая в любой момент бросить и отпрыгнуть, едва дракон начнет распахивать пасть.

Иггельд наблюдал насмешливо, в глазах поблескивали хитрые искорки. Блестка спросила сердито, но с облегчением:

— Он что, переел?

— Нет, — ответил Иггельд, добавил после паузы: — Не думаю.

— Так чего не хватает?

— Из чужих рук не берет, — объяснил Иггельд виновато, но она уловила нотки хвастовства и превосходства. — Иначе легко можно отравить дракона, которого растили долгие годы. И готовили к великим свершениям. Давай, я дам сам... Хотя нет, лучше ты. Черныш, можно!

Блестка едва успела, как ей показалось, отдернуть руки. На самом деле, позже сообразила, не успела: пасть раскрылась молниеносно, по рукам хлестнуло влажным и горячим, словно постиранным и отжатым одеялом, а кусок исчез.

Она машинально вытерла ладони о платье на бедрах. Взгляд Иггельда тут же прикипел к ее ногам, Блестка метнула на него негодующий взгляд, а наглый куяв тут же повел бесстыжей мордой в сторону, словно его заинтересовало нечто в воздухе.

— Он же голодный, — сказала она негодующе.

— Да, — ответил он саркастически, — ну прям умирает с голоду! Вот щас упадет и задрывает лапами.

А Ратша добавил ехидно:

— Всего двух волов съел! Это ж такая малость! Как раз корочки хлеба не хватало, чтобы улопаться всласть...

Она покосилась на дракона, что незаметно придвинулся и снова шумно дышал ей в спину. Теперь смотрел не враждебно, но жадный интерес в его запавших глазах не понравился еще больше. Как будто не поверил, что она такая уж и невкусная.

— А чего так смотрит?

— Полагает, — сказал он насмешливо, — что будешь подлизываться еще.

Она вспыхнула.

— Я? Подлизываться?

— Или подкупать, — ответил он уличающе. — А чего еще?.. Предупреждаю, Черныш у меня неподкупен, как... скала. Как и я сам.

Дракон за ее спиной дышал еще шумнее, наконец громко вздохнул. Блестка ощутила, как в спину уперлось нечто твердое. Она застыла, страхась шевельнуться, а Иггельд, как будто ничего не замечая, мирно подбрасывал в огонь веточки.

Ну смотри же, гад, подумала она мстительно. Тебе не увидеть страха на лице артанки! Тем более дочери Осеннего Ветра, сестры победоносного Придона, сокрушителя Куявии.

Дракон все придвигался, сопел, кряхтел, вздыхал. Потом справа появилось нечто рогатое, жуткое. Блестка не успела вспикнуть, как чудовищная голова дракона опустилась с нею рядом, придвинулась, прижимаясь к бедру. Она набрала воздуха в грудь, чтобы завизжать, но у Иггельда вид ошарашенный еще больше, и она задержала дыхание. Вскинутую в страхе руку медленно опустила, пальцы легли на массивный лоб. Дракон хрюкнул, засопел. Она нерешительно поскребла ногтем в том месте, где вроде бы ушные раковины, дракон довольно закрыл глаза.

— Что, — сказала она ядовито, — не удалось напугать?

Иггельд сказал потрясенно:

— Какое пугать? Я сам... ошалел!

— Чего?

— Он никогда вот так... ни к кому. Что на него нашло, не понимаю. Нет, теперь я буду связывать тебя крепче. Черныш! Не прижимайся, раздавишь ее лучиночные ноги.

Черныш приподнял голову и смотрел на хозяина с укором. Лучиночные, подумала она оскорбленно. Это у меня лучиночные? Мерзавец, грубая скотина.

Черныш посмотрел на нее, на него и со вздохом облегчения опустил голову на прежнее место. Блестка ощущала тепло как от большой печки. Он сам старался не двигаться, что-

бы не прогнали, и она уже решительнее поскребла его по складкам на лбу, прочистила пальцем какие-то странные канавки, бороздки. Дракон довольно сопел, жмурился, выпячивал губы и натягивал кожу так, что звенела под ее пальцами.

Иггельд смотрел с беспокойством, явно порывался отогнать наглого зверя. Блестка ощутила смутную благодарность: какие бы ни говорил грубости, что подлизывается или старается подкупить дракона, все же беспокоится за нее... Тут же вспомнила, как сказал про ее ноги, горячая кровь прилила к щекам, от злости заскребла дракона так, что тот зарычал от счастья и благодарно лизнул ей пальцы.

— Не разорви на части, — буркнул Иггельд. Он внимательно наблюдал за ее лицом. — Это Черныш, не я.

— Да уж тебя бы я не скребла так, — вырвалось у Блестки мстительное.

Он подумал, кивнул.

— Да... А жаль.

Она непонимающе смотрела, как он поднялся, лицо хмурое, взгляд увел в сторону, ушел перебирать какие-то ремни, слишком широкие, чтобы оказаться конской упряжью, но для дракона как раз, если только предположить такую дикость, что дракона седлают, как коня, и даже затягивают подпруги.

Ратша кивнул в его прямую, как у артанина, спину.

— Он никогда не сидит без дела. То ли дело я... Разве это не счастье — посидеть в степи у костра в обществе очень красивой девушки?

Блестка подумала, не пора ли обидеться, но это сразу отгородиться от них, лучше разговаривать, может, получится выудить что-то ценное или пригодное для побега. А если удастся обоим перерезать глотки, то и вовсе прекрасно, Придон будет горд, Ютлан обрадуется и наконец-то улыбнется.

— Почему вы здесь? Так далеко от мест боев?

Ратша развел руками.

— Каких мест? Половина Куявии уже захвачена вами. Войска разбиты. Мы с Иггельдом не воюем, только летаем, куда пошлют, наблюдаем, сообщаем какие-то сведения о ва-

ших войсках тем князьям и военачальникам, что все еще не потеряли надежды.

— А такие есть?

Он не обиделся, пожал плечами.

— Не знаю. Но настоящие мужчины должны сражаться даже тогда, когда надежды совсем нет, верно?.. Так что у нас не война, а обыкновенная разведка. Иггельд заметил повозку, что двигается ночью, удивился, он у нас любопытный... Почти как Черныш, которого ты чешешь. Снизились, пролетели почти над головами пару раз, кони бы уже испугались, но волы — звери спокойные...

— А как же моя охрана? — спросила она недоверчиво. — Они на конях!

— Они, как и положено, ускакали вперед, — объяснил Ратша. — Проверяли дороги. Мы хотели сесть прямо перед повозкой и захватить ее, но охранники вернулись быстро, а потом вы остановились на ночь. Мы, конечно, сглупили на этот раз. Всегда нападали с драконом вместе. Вернее — он нападал, а мы уж сзади...

— Как трусливые крысы, — сказала она с негодованием и презрением.

— Да, — согласился он, — похоже... На этот раз Черныша оставили, ведь нас было пятеро, а все мы, если честно, войны не простые, не простые. Без хвастовства скажу, что я могу выстоять против десяти умелых бойцов, Кучко был первый силач в Городе Драконов, а Тугарпан не знал равных в борьбе и метании дротика. Про Иггельда вообще молчу...

Она спросила живо:

— Почему?

— Он не воин, — ответил он просто. — И сражаться не любит. Где может обойтись без драки, всегда уступает. Но когда приперт к стене — я сам видел, как он голыми руками ломал хребты и разбивал головы, как глиняные горшки.

Она сказала с презрением:

— Что он за мужчина? Настоящий мужчина должен любить звон оружия, блеск боевых топоров, пьянящий зов боевых труб! Что за мужчина, если не стремится к боевой славе?

Ратша буркнул:

— А у вас все стремятся? Мы пролетали и над Артанией. Я сам видел, что большинство ваших мужчин в рубашках мирно пащут землю. Другие, тоже не воины, ловят рыбу. Третьи пасут стада. И не только табуны, но и стада коров, овец...

— Ну и что? — возразила она. — Все равно мечтают о воинской славе!

Он не нашелся что ответить, да и вернулся Иггельд, пинками поднял разнежившегося дракона, заставил удалиться. Разговор прервался сам собой. Она лежала, держа связанные руки перед собой, но поймала внимательный взгляд Ратши — понимает, что в этих случаях пленники пробуют перегрызть, надежнее бы связать за спиной, но этот Иггельд то ли дурак, то ли еще почему-то сплеховал, надо бы перевязать...

ГЛАВА 3

Закрыв глаза, она начала посапывать тихонько, потом громче и громче. Для убедительности дернулась два раза, недовольно буркнула вроде бы сквозь сон и продолжала сопеть дальше. Куявы некоторое время переговаривались, потом Ратша сказал со сладким зевком:

— Раз ты все одно не спишь, то я пока подремлю. Что-то после такого ужина... или завтрака? Хрен с ними, трапезы... всегда на сон тянет. К чему бы это, а?

— Спи, — буркнул Иггельд. — Скоро рассвет, куда в тебя столько сна влазит?

— Лучше переесть, — буркнул Ратша сонно, — чем недоспать, лучше недоспать, чем перепить... тьфу, видишь — уже заговариваюсь!.. Разбуди меня, когда будем подлетать к Долине.

— Разбужу, — буркнул Иггельд.

— Вот видишь, кроме неприятностей соседей, в жизни есть еще и другие радости...

Слышно было, как он кряхтел, устраиваясь, бурчал, укладывался, а потом испустил довольный вздох, словно отдыхающий дракон. Блестка затаила дыхание, отчаянно надея-

лась, что и этот главный гад тоже задремлет... нет, не задремлет, это же видно, Ночной Дракон — жестокий и беспощадный зверь, куда хуже своего дракона, что как будто и не зверь вовсе, а спокойная корова. Даже ласковый теленок...

Когда она тихохонько приоткрыла глаз, готовая опустить веко в любой момент, Ратша безмятежно спал, а Ночной Дракон к ней спиной перед костром, даже перед огнем не горбится, спина прямая, а плечи широкие, красиво блестят, как брошенные в огонь медные шары. Волосы со спины кажутся темными, как и должны быть у мужчин, но со стороны костра высвечивается их настоящий цвет, цвет кожи смертельно больного человека.

Она нарочито засопела, словно во сне, застонала. Он не повернулся, смотрел в огонь, глупая мужская привычка, голос его прозвучал холодно и ровно, словно он сам был этой огромной холодной жабой:

— Если у тебя возникают мысли о побеге, забудь их. Здесь ровная степь, дракон изловит, как муху. И съест.

Она пробурчала нечто нечленораздельное, мол, крепко спит, что-то снится, сама продолжала наблюдать вполглаза. Ночной Дракон лишь однажды встал, оглянулся на нее, ненадолго исчез в темноте. Она чуть не ринулась бежать и очень хорошо, что удержалась: спустя несколько мгновений он вынырнул из тьмы с охалкой крупных сучьев.

Едва он сел и бросил на багровые угли сразу несколько веток, она тихохонько поднялась, огонь резво пошел расщелкивать сучья, веточки, грыз жадно и весело, как молодой щенок, и пока Ночной Дракон еще не сообразил, что это за шум...

...она тихохонько скользнула в темноту, на цыпочках отбежала, а дальше понеслась со всех ног, держа связанные руки перед грудью. Глаза быстро привыкли, никакая не темнота, все очень хорошо освещено призрачным лунным светом, небо просто пылает звездным огнем, на земле тоже поблескивают мелкие искорки, будто самые мелкие звездочки не сумели удержаться на небе. Или же крупная звезда ударилась

о землю с такой силой, что рассыпалась на множество искорок...

Ноги несли ее, будто подхваченную ветром, а потом просто не поверила глазам — чуть в сторонке пасется оседланная лошадь, это же стремительная Черная Стрела, на которой совсем недавно гордо носился Радило, обгоняя других воинов.

— Стрелка, — сказала она шепотом, — Стрелка... Это я, Блестка... Помнишь, я как-то кормила тебя хлебом и сладостями?

Лошадь недоверчиво фыркнула, отодвинулась, но не убежала. Блестка, продолжая говорить ласковые слова, приближалась бочком, но едва протянула к ней связанные руки, лошадь сделала скачок в сторону и преспокойно продолжала щипать траву.

— Ну не балуй, — попросила Блестка, — ты же артанская лошадка, ты же наша... а я бегу от врагов, ты просто должна мне помочь! Мне страшно, я одна ночью в степи... Только ты можешь мне помочь, даже спасти меня можешь...

Лошадь подняла голову и смотрела на нее добрым, но недоверчивым глазом. Блестка приблизилась, говорила и говорила теплые шелестящие слова, что должны успокоить, пальцы ее все приближались к свисающей узде, и когда лошадь уже снова хотела отпрыгнуть, кончики пальцев дотянулись, Блестку дернуло так, что она потеряла равновесие, упала, но уздечку не выпустила.

К счастью, лошадь осталась на месте, не понесла, не потащила, даже спокойно приняла то, что Блестка кое-как взобралась в седло.

— Все, — сказала Блестка с облегчением, — поехали!.. Лети во весь опор!

Она хорошо знала звездное небо, но прямая дорога к Арсе прямо через костер Ночного Дракона, придется сделать круг, но только небольшой, она ткнула пятками под бока, сказала уже увереннее:

— В галоп!

Грохот копыт прогремел неожиданно громко. Она нико-

гда не думала, что простая неподкованная лошадь может так стучать копытами по земле, к тому не утопанной, не выложенной булыжником, а обыкновенной поросшей травой земле. Грохот разламывал ей череп, бил по ушам, заставлял сердце трепыхаться, как воробышек в ладони.

Лошадь послушно пошла по широкой дуге, и только когда уже почти объехали, Блестка пугливо подумала, что враги именно этого и ожидают, что она поступит так. Умнее было бы помчаться в сторону Куявии или Славии, но только не к Арсе, это же так просто...

Она закусила губу. Остается надежда, что подлые трусы не решатся преследовать ее, искать. Здесь артанские степи, у куявов, даже на драконах, не хватит смелости. Да и не такая уж она ценная добыча, свои шкуры дороже, а повозку с сокровищами захватили, чтоб вы ими подавились, удавитесь за монетку из золота...

Конь шел ровным галопом, степь гремела под копытами, но теперь пусть гремит, луна постепенно закатывается... нет, еще больше светлеет, на востоке уже светлая полоска рассвета, даже начинает алеть край земли, небо...

Звезды медленно гасли, лошадь все так же шла ровно и неумоимо, настоящий артанский конь, готовый нестись по родной степи с утра до ночи и снова до утра. На востоке разгоралась алая заря, наконец та половина неба запылала нестерпимым огнем, и в самый торжественный момент выдвинулся край солнца. Как будто подчиняясь невидимой руке вселенского волшебника, радостно закричали птицы.

Блестке показалось, что радостно вскрикнула даже трава, запели отогревшиеся от ночной сырости шмели, пчелы, бабочки, стрекозы, кузнечики. Она вскинула голову, в небо поднимаются первые птицы, сейчас взвываются жаворонки, с небесной выси польются их трели, проступят неподвижные крестики орлов и ястребов...

Она вздрогнула, в небе в самом деле появился темный крестик, но очертаниями вовсе не напоминал ни орла, ни ястреба. Копыта стучали ровно, успокаивающе, по спине пробежал холодок неуверенности, перешел в ледяной ветер. Это не птица, птицы такими не бывают...

— К лесу! — закричала она. — Быстрее!

И поспешно пнула пятками в бока с такой силой, что Стрелка закричала от боли. Ее едва не выбросило из седла, небольшой лесок проплывал справа, лошадь ринулась туда бездумно, прогремели копыта и смолкли, пошел толстый слой прошлогодних листьев, кое-где зеленый мох, замелькали ветви над головой. Она все понукала кобылу, поворачивала в чашу, но это ей только хотелось, чтобы там чаша, как назло, роща словно ухожена незримыми руками: деревья красивые, величественные, не толкаются, не теснятся, наглый кустарник давно подавлен, задушен корнями и ветвями, землю укрывают только листья, часто выглядывают сверкающие бока желудей, похожие на медные отливки.

Далеко впереди между деревьями показался просвет. Сперва Блестка надеялась, что это лишь большая поляна, но перед последними деревьями поспешно развернула лошадь. Не полянка, а опушка, дальше снова бескрайняя степь, надо направо, туда уходят деревья, по земле колышутся ажурные тени, трепещут, земля похожа на песчаное дно на мелководье, когда солнечные лучи пронизывают воду легко, а волны бегут причудливой рябью...

Призрачные трепещущие тени на миг исчезли под натиском огромного черного, что затоптало их, вмяло и тут же исчезло, оставив ощущение смертельной тоски. Блестка успела увидеть краем глаза исчезнувший за верхушками деревьев жуткий черный силуэт с изломанными крыльями, похожий на гигантскую летучую мышь.

Ветви закачались, посыпались сучья, впереди затрещало, донесся пронзительный скрип. Вершинки трясло во все стороны, Блестка ощутила страх и беспомощность леса перед этой страшной силой, что пришла из неведомых гор, пришла сюда, где никогда не знали драконов и не знают, как с ними сражаться, как выстоять, как дать отпор.

Впереди послышался треск. Она увидела десяток деревьев со свежесломанными верхушками. Ужас пронзил до пят, она повернула Стрелку, а потом, понимая, что так все равно не укроются среди редколесья от парящего дракона, остано-

вилась, прыгнула и с силой ударила в бок связанными руками:

— Беги!.. Беги, как только можешь! Быстро!.. Далеко!

Сама ринулась в противоположную сторону, только и услышала стук копыт, лошадь послушно понеслась между деревьями.

От бега со связанными руками разогрелась, пот тонкими струйками стекал по вискам, спине, стало невыносимо жарко, в легких запершило, стала задыхаться, ноги подкосились, упала, но, чтобы не заметили сверху, торопливо заползла под густой куст с раскидистыми ветвями, жадно переводила дух.

За деревьями, как за оградой, зеленая долина, синее небо над изумрудной молодой травой, бескрайная Артания, куда занесло двух мстительных куявов, и... Блестка застыла, превратилась в слух, издали донесся топот, но не конский: по ту сторону деревьев неся длинными прыжками черный дракон! Тот самый, который Черныш, на котором прилетели куявы. Один, без них, он, как охотничий пес, то на бегу задирает голову, нюхая воздух, то опускал морду к самой земле, вылавливая оттуда запахи, и так бежал, могучим дыханием пригибая к земле траву.

Она потихоньку отползла и, прячась за кустами, побежала, сперва пригибаясь, потом уже во весь рост и снова неслась, пока во всем теле не стало так горячо, что могла вспыхнуть одежда. В виски шумно била толчками кровь, гортань скрипела, язык царапал десны.

Задыхаясь, она упала снова под куст, заползла под ветви. Связанные кисти рук распухли, побагровели, налились кровью так, что веревки врезались глубоко. Она попробовала развязать зубами, начало получаться, но снова послышался топот.

Между деревьями показался черный дракон, но побежал вроде бы мимо. Некоторое время она выжидала, топот в самом деле начал удаляться. Приподняла голову выше, глядя поверх куста, дракон остановился, довольно резво бегает кругами, опустил морду до самой земли. От его мощного дыхания взлетали клубы пыли.

Блестка застыла, дракон бежит по ее следам!.. Как раз в том месте она тогда заметалась, выбирая направление. И вот сейчас дракон повторяет каждое ее движение... С остановившимся сердцем она видела, как дракон поднял голову, взгляд уперся в кусты, за которыми она пряталась. Едва дракон сделал первый шаг, она поспешно начала отползать, ноги соскользнули, она провалилась в яму, оставшуюся от вывернутого бурей дерева, яма полна сухих листьев, обрадовалась и старательно зарылась, как испуганная мышь. От прелой травы и прошлогодних листьев пахнет настолько гадостно, что даже дракона стошнит, но главное, ничего не учует...

Она услышала тяжелые шаги. Земля слегка подрагивала, кусты затрещали. Потом шаги остановились. Блестка задержала дыхание. Слышался странный шелест, листья шевелились, она вжималась в землю, глаза зажмурила плотно-плотно...

Сильный порыв жаркого ветра опалил ей щеку. Листья разлетелись, как вспугнутые бабочки. Она в ужасе распахнула глаза. На краю ее неглубокой ямы сидел громадный дракон. Блестка успела увидеть, как пасть его угрожающе распахнулась, блеснули страшные, как острые ножи, клыки. Жуткая пасть стремительно надвинулась, жаркий воздух опалил лицо. Блестка вскрикнула и потеряла сознание.

Сперва она услышала легкий успокаивающий треск. Справа толчками шло тепло. Так греет костер, пламя которого ветер лениво перекачивает из стороны в сторону. Блестка чуть-чуть приподняла веки, лес ресниц создавал причудливый размытый узор, но рассмотрела Ратшу. Залитый ярким полуденным солнцем, сидит по ту сторону костра к ней боком.

Блестка чуть повернула голову. В десятке шагов на солнце блестела металлом темная туша дракона. Иггельда не видно, но едва попробовала еще чуть повернуться, делая вид, что все еще в бессознательном состоянии, над головой раздался насмешливый голос:

— Может, хватит прикидываться?

На фоне яркого синего неба и мелких облачков Иггельд

шел как огромный сказочный великан. С плеча свисал огромный олень, глаза уже потускнели, в шее торчала стрела. Иггельд смотрел на Блестку сверху вниз раздраженно и насмешливо. Земля вздрогнула от удара, оленья туша оказалась перед костром. Ратша вытащил нож и сразу же принялся снимать шкуру. Черныш вскинул голову, ноздри жадно раздувались, чую свежую кровь.

Блестка села, руки и ноги не связаны, целы, только багровые отметины на том месте, где совсем недавно была веревка. Щеку саднит, явно содрала кожу до крови. Повозка на том же месте, а ведь на коне мчалась, как птица, ускакала далеко. Сердце сжалось, не умом, а всем существом ощутила, что для этих с драконом это вовсе не расстояние.

— Не знаю, — огрызнулась она, — что спугнуло вашего зверя...

Иггельд повел плечами, разминая затекшее тело. Глаза его стали темными, злыми. Он присел перед костром на корточки. Серые глаза неотрывно смотрели в костер.

— Спугнуло? — переспросил он. — Почему спугнуло?

Она сказала с негодованием:

— Он же бросился меня... есть!

— Есть? Этот дурак облизал тебя с головы до ног!

Она повернулась к дракону. Тот приоткрыл один глаз, снова закрыл, но ей показалось, что он ей подмигнул.

— Облизал?... Меня облизывала твоя жаба?

— Если бы мы не подоспели, — буркнул Иггельд, — зализал бы до смерти. А там бы и помер.

— Помер?

— Ну да. Ты же ядовитая, верно? Так что зря прикидывалась, что без памяти.

Она стиснула зубы, но смолчала. Куяв решил, что она прикидывалась, а это, может быть, даже лучше для ее гордости. Не испугалась, а просто прикинулась. Военная хитрость, чтобы обмануть врага. Обмануть и победить.

— Я испугалась, — сказала она мрачно, — и в самом деле...

Его взгляд смягчился. Даже каменные губы дрогнули и

едва-едва раздвинулись в намеке на улыбку. Но тут же его глаза стали непроницаемы.

— Ратша, — сказал он твердым голосом, — ты присматривай за этой... испуганной. Что-то я не очень верю в такой испуг. И руки пора связать. А я пока соберу все... награбленное. Это куювское, и надо вернуть куювам.

Ратша хмыкнул, отложил нож. Блестка смотрела, как он принес кожаный мешок, на свет появилась веревка. Блестка протянула руки, Ратша покачал головой.

— Лучше я свяжу их за спиной, если ты не против.

— Какие вы, куювы, вежливые, — съязвила она. — А если я против?

— Ты ж сама сказала, что мы вежливые, — напомнил Ратша. — Но не сказала же, что дураки?

Чтобы не лазить в повозку за сокровищами, Иггельд двумя ударами выбил дверцу и снес всю боковую стенку. Золото и драгоценности заблестели на солнце. Черныш по его властному окрику лег рядом, Иггельд ссыпал в кожаные мешки золотые монеты и драгоценные камни из сундука, опорожнил все ларцы, а мешки затащил на спину дракона и тщательно укрепил. Ратша покачал головой — сколько красивых вещей оставляют, выбрал три ларца и четыре шкатулки, отделанные золотом и с драгоценными камнями в крышках, тоже отнес на спину дракона.

— У меня есть, — сказал он загадочно, — кому такое подарить.

— Да-да, — подтвердил Иггельд лицемерно. — Всем по одному камешку, понятно.

Ракша обиделся:

— Я что, дурак?.. Подарю всего один. Остальные про запас.

Иггельд сходил за пленницей, ее руки на этот раз связаны за спиной, из-за чего плечи вызывающе отведены назад, а грудь туго натянула платье. Она сразу устремила на похитителя взгляд, преисполненный, именно преисполненный, ненависти и презрения.

— Поедешь с нами, — объявил он. — Ты знатная артанка, отрицать бесполезно. Я не понял только, почему одна в дикой степи...

— Со мной были двое, — ответила она с горечью. — Вы их подло убили.

— Ну да, — буркнул он. — Если вы, то доблестно и благородно, если мы — подло. Ладно, ты не ответила!

— Это моя степь, — ответила она дерзко, но помимо воли в ее голосе прозвучала грусть. — Здесь все родное, мне бояться нечего. Хотя брат, конечно, настаивал на большом отряде для охраны. Я как раз вчера отправила их обратно.

— Мальчики рвались на войну, — сказал он понимающе. — Тогда понятно. А эти золотые украшения — лишь подарок любящего брата любимой сестре?

— Да, — ответила она, — но ведь грабителю все равно, кого грабить: мужчину, женщину или ребенка?

Она смотрела бесстрашно, его лицо от ярости перекошилось, он сжал пальцы в кулак. Она невольно шагнула назад, но, устыдившись, остановилась и вскинула голову. Он смотрел в лицо, ноздри раздулись, как у зверя, зол, и в то же время она уверена, что не ударит, не сможет.

И в самом деле, в глазах что-то изменилось, лицо дрогнуло, железность ушла, взамен даже промелькнуло нечто похожее на растерянность. Он все еще стискивал челюсти, у губ образовались твердые складки, но глаза избегали ее взгляда.

— Ратша, — сказал он властно, — я подниму последние сундуки с награбленным, а ты возьми эту... и привяжи там покрепче. Ну, у себя. Не могу же я следить и за нею?

— Хорошо, хорошо, — крикнул Ратша. — Успокойся! Чего кипятиться?.. Я сам ею займусь. Если что, сам и сброшу вниз. Ты давай, раз уж вызвался, тащи сундук.

Блестка едва не потеряла сознание от ужаса, когда ее, уже связанную, затащили, как на холм, на жесткую спину этого чудовища. Ей казалось, что поднимаются на Бронный курган, так называли могильник великого героя древности, над его могилой артане насыпали земляной холм, а все стороны обложили бронниками, доспехами побежденных куявов... или даже не куявов, а тех древних, у которых подлые куявы

отняли землю. Ноги скользили по костяным щиткам, похожим на каменные плиты, спина шевелилась, скрипела, щитки терлись друг о друга, похрустывали.

Вдоль горбатой спины невысокий гребень, словно выкованный из железа. Ратша усадил ее между шипами, там крепко пристегнутая ремнями кожаная подушка. От толстого костяного шипа свисали два ремня, Ратша застегнул их на поясе Блестки, сказал Иггельду:

— Если сама не захочет прыгнуть, то все надежно!

Иггельд покосился в их сторону неприязненно, но смолчал, привязал последний сундук. Дракон выглядел как облепленный крупными бородавками. Иггельд занял место впереди, оглянулся и, обнажив меч, нетерпеливо постучал рукоятью по шее дракона. Раздался мощный хрип, от морды во все стороны пошли облака желтой пыли. Неожиданно снизу донесся странный звук, грохочущий и одновременный резкий, словно треснула гора.

Блестка не поняла, что это, но Ратша весело крикнул через ее голову:

— Будь здоров, Черныш!

Под Блесткой щитки задвигались, ее качнуло в одну сторону, в другую, страх сковывал ее всю как ледышку. Земля по бокам отдалилась, а дракон, поднявшись на все четыре, медленно пошел по степи. Крылья начали выдвигаться с боков, волочились по земле, как будто натянутые на длинные толстые палки темные грязные кожи. Иггельд кричал сердито и стучал по голове припасенным копьём. Дракон горестно вздохнул, начал передвигать лапы быстрее, потом побежал.

Блестка с содроганием видела, как крылья начали раздвигаться шире и шире. Встречный ветер пытался сложить их снова, но дракон с усилием расправил, начал на бегу ими слегка подрагивать, затем задвигал, поднимая все выше, поднималась едкая желтая пыль, скрыла хвост и голову.

Тряска стала сильнее, Блестка стиснула зубы и закрыла глаза. Если бы не крепкие веревки, уже свалилась бы от ужаса, но сейчас пригнулась как могла, преодолевая встречный ветер. Толчки становились чаще, вскоре они перестали про-

валиваться, она с ужасом ощутила, даже не открывая глаз, что дракон с ними тремя и кучей сундуков уже летит.

В лицо дул теплый тугой ветер, на плечо сзади упала рука. Блестка от неожиданности вскрикнула. Глаза сами по себе распахнулись, теперь взвизгнула. Она на спине дракона, тот медленно-медленно взмахивает крыльями, а далеко внизу проплывают степи... нет, это леса, а вон река, такая крохотная...

Сзади прокричал над ухом Ратша:

— Ну как тебе?

Она задержала дыхание, крикнула:

— Что?

— Полет! — крикнул Ратша. — Как тебе нравится полет?

— Ерунда! — крикнула она. — На коне лучше!

Иггельд услышал, оглянулся. Он ожидал увидеть лицо, перекошенное страхом, но на него взглянули широко распахнутые восхитительные глаза, полные восторга. Он хотел и не мог отвернуться, весь утонув в этих озерах изумительного, коричневого до лиловости, богатого цвета.

Блестка наконец сделала каменное лицо, сощурилась презрительно, что дало ему возможность увидеть, какие у нее густые, длинные и красиво загнутые ресницы. Но, как бы ни морщилась, ни кривилась, высокие скулы не спрячешь, да и чистая нежная кожа оставалась чистой и нежной.

Дракон уже не бил крыльями по воздуху, отчего Блестку всякий раз вжимало в его спину, сейчас распростер их во всей страшной красе. Солнце просвечивало снизу тонкую кожу, она стала зеленой изумительно чистого цвета, а толстые кости и жилы, которые солнце не в силах пробить, выглядели коричневыми ветками могучего дерева.

Иггельд снова оглянулся, в ее широко раскрытых глазах восторг, спросил:

— Как тебе эта ящерица с крыльями?

— Это не ящерица! — возразила она произвольно — врагу надо возражать. — Это дракон... и он очень красивый!

Иггельд посмотрел на крылья, на голову, сказал с гордостью:

— А снизу он весь белесый и даже с голубым пузом!

Она удивилась:

— Я такого не заметила... Зачем?

— Чтобы подкрадываться незаметно, — объяснил он. — С земли его почти не рассмотришь. Серое на сером...

— Тогда, — сказала она недоверчиво, — почему сверху он черный? Неужели есть существа, что поднимаются еще выше?

Он кивнул, прокричал:

— Даже орлы не поднимаются, но драконы — да! У нас есть совсем маленькие, на одного человека, те могут еще выше!

Она смолчала, язык от изумления примерз к гортани. Она слышала, что вся мощь Куявии держится на башнях магов и драконах, но если в башни магов поверить легче, то в драконов, вот так подчиняющихся людям... приходится тоже верить.

Дракон все еще не шевелил крыльями. Блестка заметила, что медленно снижаются. Пока все еще шли над землями Артании, она узнавала эти реки, холмы, видела крохотные стада овец, конские табуны, ровные квадратики засеянных полей.

Потом пошли клинья лесов, холмы, равнина, снова холмы. На берегах рек виднелись крохотные домики. Блестке показалось, что летели недолго, но солнце уже в зените, Иггельд оглянулся, подал Ратше какой-то знак. Ратша, видимо, ответил из-за спины Блестки, Иггельд кивнул, стукнул ногой по шее дракона, тот сразу же изменил наклон крыльев и пошел на снижение. Сердце Блестки забилось чаще. Похоже, эти гады собираются перевести дух здесь, в артанской степи, спрятавшись между двумя густыми рощами. Хотя нет, это уже не артанская, но все равно, теперь артанские герои рыщут в поисках славы и поединков всюду!

Встречный ветер стал сильнее, а кожаное сиденье под нею накренилось вперед. Блестку прижало щекой и грудью к костяному шипу гребня. Дракон снижался, двигая крыльями, но не взмахивая ими. Теперь она слышала в его шумном и частом дыхании хрипы и стоны.

Слева выросли верхушки деревьев, быстро понеслись назад, с каждым мгновением вырастая, пока не поднялись до неба. В тот же миг ее тряхнуло, дракон побежал, крылья уже поднялись и выдерживали напор встречного ветра.

Иггельд дождался, пока дракон лег, отстегнул ремень, что скреплял его с загривком дракона, обернулся. Блестка смотрела широко распахнутыми глазами, на щеках румянец, а когда улыбнулась, на лице появились крохотные ямочки.

— Ну как тебе полет? — спросил он.

Она поспешно убрала улыбку, смотрела в его худое темное лицо молча и с неприязнью. Щетина почти скрыла его щеки, только глаза блестят живо и ярко. При свете дня они не казались такими светлыми, как у нежити, сейчас на нее смотрели серые, что сразу стали сердитыми и даже холодными. Казалось, он вспомнил, что она — пленница и что с пленницей ведут себя и разговаривают иначе.

Надменно отвернувшись, она не удостоила его ответом. Иггельд фыркнул, обратился к Ратше:

— Взгляни на всякий случай за эти деревья. Если наткнешься на стадо оленей или кабанов...

— Он перед полетом сожрал остатки второго вола и того оленя, что ты притащил, — ответил Ратша. — Неужели твой жрун еще способен что-то есть?

— Как и ты, — ответил Иггельд ехидно.

— Так то я, — сказал Ратша бодро. — Мне можно!

Иггельд в задумчивости похлопал по костяным пластинам, закрывающим спину дракона.

— Он уж очень сильно устал... Дело не в том, что никогда так далеко не летали. Летали, дальше летали! Как-нибудь расскажу. Но уж очень много ты натащил этого золота на спину бедного зверя. Смотри, переломится! Он у меня еще подросток, косточки не затвердели.

Ратша возразил с достоинством:

— И что же, оставить вот так все драгоценности прямо в степи? Да я их пешком на спине понесу, если дракон не сможет.

— Он сможет, — ответил Иггельд. — Но не за один пере-

лет. Золото почему-то тяжелее пуха, верно? Лучше сделать еще одну посадку на равнине, будь это Артанья или Куявия, а вот если не дотянем до своей Долины в горах...

Ратша зябко передернул плечами.

— Лучше не продолжай. Пойду искать рогатых. Или клыкастых.

— Давай. Я сам сниму твое золото.

Ратша оглянулся, брови его взлетели, он ответил с достоинством и даже высокомерием, так удивившим Блестку:

— Это твое золото!

— На кой оно мне, — ответил Иггельд вяло. — Отдадим в казну города. Или пустим на сбор нового войска.

Ратша укоризненно покачал головой, но молча соскользнул по шероховатому боку чудовища и ушел в сторону леса. Блестка проводила его взглядом, поинтересовалась ядовито:

— Что это за странное благородство?

Иггельд оглянулся, буркнул:

— Ты о чем, Артанка?

— Какой же ты куяв, что не дрожишь над золотом?

Он сказал равнодушно, уже снимая тяжелый мешок с золотыми монетами и золотыми кольцами:

— Много ты... знаешь... о куявах...

Она крикнула вдогонку:

— Меня настолько страшатся?

Иггельд опустил мешок на землю, разогнулся, лицо красное от усилий, вскинул брови, не сразу по куявской тупости понял отточенный сарказм Артанки, пожал плечами:

— Мы переведем дух, перекусим и полетим дальше. Зачем тебе слезать?

— Нужно, — ответила она.

— Это недолго, — сказал он настойчиво.

— Свинья, — сказала она.

Он снова пожал плечами.

— Женщина.

— Пойми, дурак, — сказала она. — Мне нужно сойти. И уединиться.

— Зачем? — спросил он снова. Застыл на миг, даже словно бы чуть смутился, пробормотал: — Ну, знаешь ли... у меня

нет желания ловить тебя по всему лесу. Впрочем, если связать ноги...

Она вскипела:

— Ноги?

— Тогда руки, — сказал он поспешно. — Со связанными руками тоже быстро не побежишь. Во всяком случае, догоню.

— Дурак, — повторила она. — Отвяжи меня!

Он нехотя развязал веревку, но тут же связал ею же обе руки.

— Так тебя устроит?

— Нет, — отрезала она. — Ты что, будешь стоять рядом?

Он пробормотал в нерешительности:

— Я могу зайти с другой стороны куста... Если, конечно, ветер не в мою сторону. Но я должен видеть хотя бы твою голову. Артанки злые и хитрые, как лесные звери!

— А куявы трусливы, как зайцы, — отрезала она.

Он легко соскочил на землю, повернулся, протянул руки. Блестка начала спускаться, но со связанными за спиной руками это непросто, а тут еще дракон шумно вздохнул, костяные пластинки задвигались. Ее нога сорвалась, Блестка беспомощно заскользила, как по ледяной шероховатой горке.

Сильные руки подхватили ее за талию, она в испуге невольно прижалась к его груди. Тут же отстранилась, но он удержал ее за плечи на расстоянии его длинных рук. Блестка вскинула лицо, уже негодуя, он задержал дыхание, утонув в ее огромных восхитительных глазах, карих, пленяющих, с широкой радужной оболочкой дивного лилового оттенка, в сказочной огранке ее длинных густых ресниц, настолько густых, что не воспринимаются как отдельные реснички, это сплошная черная бахрома...

Не сразу ощутила некоторое неудобство, по ногам гуляет ветер, и еще раньше, чем скосила глаза, увидела, как он быстро взглянул на ее ноги, тоже как будто бы даже смутился и очень поспешно вскинул голову, словно снизу ударили кулаком в зубы. Она ахнула, догадавшись, что зацепилась платьем за крупные чешуйки на боку дракона и теперь с поднятой юбкой выставлена на посмешище...

— Ах ты ж... куяв! — выкрикнула она с ненавистью самое худшее, что знал каждый артанин. — Грязное животное!

Она рванулась в сторону, платье затрещало. В ужасе Блестка успела подумать, а что, если платье сдернется с нее целиком, но, к счастью, там лишь выдрался небольшой клочок. Игтельд поспешно убрал руки, кивнул в сторону деревьев.

— Пойдем. Не стоит так уж испытывать на прочность твой мочевого пузыря.

— Мерзавец!

— Извини, — сказал он неуклюже. — Я хотел сказать, кишечник.

— Скот!

— Прости, — буркнул он уже суше, — я вовсе не хотел тебя обидеть. Впрочем, думай что хочешь.

Она быстро шла к лесу, в мочевом пузыре в самом деле горячо, потяжелело. Деревья, как назло, ровные, ветви только на вершине, нигде ни кустика, даже высоких зарослей травы нет вблизи.

Они углубились на несколько десятков шагов, он остановился, придержал ее за веревку на руках.

— Дальше не поведу, — бросил он рассерженно.

— Боишься? — спросила она ядовито.

— Только дурак оставит боевого коня одного в незнакомом месте, — ответил он уклончиво. — Да еще на землях врага!.. Ничего, можешь спрятаться по ту сторону вот этого дерева. Оно достаточно толстое... а ты — нет.

Она повернулась и показала ему связанные руки.

— А как это?

Он подумал, предложил в затруднении:

— Ну... вообще-то я могу с тебя снять... это... ну, то, что там у вас еще. Под платьем. Если, конечно, разберусь с вашими хитрыми шнурками да веревочками. А потом так же одену... Если смогу. Ну, а если не смогу...

Она вспыхнула в негодовании.

— Мерзавец! Да я лучше умру!

Морщась от ее визга, он достал нож и подошел к ней. Она бестрепетно взглянула на его суровое лицо. Он сердито повернул ее к себе спиной, она чувствовала, как острое лез-

вие узким кончиком расковыривает узел, потом ее руки задержало, она ощущала прикосновение его рук, наконец пути ослабели, веревка соскользнула с ее кистей.

— За этим деревом!.. — сказал он зло и твердо. — Ни шагу дальше.

Он обогнул дерево и зашел с той стороны, чтобы если пленница вздумает бежать, то понеслась бы в сторону дракона. Она поняла, что больше он не уступит ни пяди, послушно остановилась у дерева. Занемевшие пальцы плохо слушались, а шнурков в самом деле многовато. Она страшилась, что он потеряет терпение и обогнет дерево, застанет в такой унижающей ее позе, и, сгорая со стыда, спешила как можно быстрее избавиться от тяжести, а при этой звенящей тишине в лесу... будь прокляты враз умолкнувшие птицы, затихший ветер!.. все получалось непристойно громко. По крайней мере ей казалось, что все чересчур громко и ему, этому гаду с той стороны дерева, все слышно.

Иггельд поспешно отвернулся, когда она вышла, но краем глаза наблюдал, заметно. Веревка уже нетерпеливо подрагивала в его руках. Он связал ей кисти, кивнул на выход из леса, сам пошел следом в двух шагах.

ГЛАВА 4

Ратша вышел из-за деревьев, на плече крупный молодой подсвинок, Ратша придерживал его одной рукой, шагал широко, легко, довольный, будто отыскал сокровище. Заорал весело:

— Тут такие стада!.. Непуганые! Что за люди здесь живут, что за люди? Я там еще двух завалил. Прямо вон за теми деревьями, сотни полторы шагов от меня и до другого дуба.

Иггельд сказал сварливо:

— Ну и принес бы покрупнее.

— А жарить этого будешь ты? — поинтересовался Ратша ядовито. — Как всегда, сверху уголья, а внутри сырое мясо?.. Нет уж, иди собирай мою добычу, завидуй моим выстрелам.

Иггельд вздохнул и, кивнув на пленницу, мол, не своди

глаз, пошел за деревья. Блестка видела, как оглянулся с недоверием, но, перехватив ее взгляд, вроде бы смутился, пошел быстрее, исчез за толстыми стволами. Ратша сбросил кабаненка возле костра, сказал довольноно:

— Молодой, жирный... Впрочем, Артанка, может быть, умеет приготовить лучше? Все-таки мы больше воины, чем повара.

Она процедила с предельной безразличностью:

— Вы больше свиньи, чем воины.

Он вскинул брови.

— Хочешь сказать, что не станешь есть приготовленное куявами?

— Я не стану есть нечистую пищу, — отрезала она.

— Нечистую?.. Ах да, прости... Я так давно не покидал Куявию, а с артанами встречался... гм... скажем так, вообще забыл уже когда. Так что ваши привычки подвыветрились. Конечно-конечно, благородные артане не едят свинину! Хотя не понимаю, зачем себя так ограничивать.

— Не ограничивают себя только звери, животные и прочие скоты, — отрезала она еще неумолимее. — А человек умеет налагать на себя запреты и... соблюдать их!

Она отвернулась, за спиной слышен треск распарываемой плоти. Запахло теплыми внутренностями, свежей кровью. Она села на землю, держа связанные руки перед собой.

Из-за деревьев вышел Иггельд, на плечах громаднейший кабан, таких исполинов Блестка еще не видела. Иггельд свалил его перед мордой дракона. Тот приоткрыл один глаз, грустно вздохнул, подняв облако пыли. От костра донесся веселый крик Ратши:

— Дай ему отдохнуть. Неси второго! Тот еще больше.

— Видел, — буркнул Иггельд.

Блестка перехватила его недоверчивый взгляд. Она поморщилась, свиноеды — не люди, а лишь говорящие животные. Иггельд поколебался, взгляд соскользнул с Блестки на Ратшу и обратно, она услышала его недовольный голос:

— Ладно, ты трех из азарта, но зачем они? Забываешь, где мы и что с нами.

— Забываю, — охотно согласился Ратша. — Когда вот так у костра, за спиной зеленый лес, родничок из-под корней, красивая девушка... на веревке, как коза, птички поют, что еще мужчине надо?.. Ладно, третий пусть остается, вот волки ахнут от такого подарочка... Я первого уже разделал, жарить будешь? Ладно, это я так спросил. Я тебе такое важное дело не доверю...

Иггельд сходил к дракону, принес в чистой тряпице каравай хлеба, сыр, пару луковиц. Блестка удивилась несказанно, когда он положил все это перед нею, развязал руки, все это время хмурился, морщился, кривился, словно касался толстой жабы с вот такими бородавками.

— Ешь, — велел он. — Если не умеешь есть настоящую еду.

Она фыркнула:

— Настоящую?.. Свинину?

— Свинья такая же свинья, как и олень, — ответил он. — Или корова.

Она отвернулась, чтобы даже не видеть, как Ратша насадил на толстый прут освежеванного кабанчика и поместил над крупными пурпурными углями, укрепив на воткнутых по сторонам костра рогульках. Ратша скалил зубы, медленно поворачивал прут, чтобы жарилось равномерно, крупные капли начали срываться на угли, те злобно шипели, как разъяренные коты, запах пошел густой, мясной.

Блестка, поколебавшись, взяла хлеб и сыр, Иггельд с облегчением вздохнул, когда она вонзила зубы в сыр, что Блестку удивило: какая ему разница, голодная или сытая, чего это такой заботливый, совести у куявов, как известно, нет и не будет, какая-то хитрость или подлость, все они гады, свиныеды, а это вообще ставит их за грань людей, так что истреблять их можно и нужно всех без жалости.

Аромат жареного мяса становился все невыносимее. Блестка поднялась и перешла на другую сторону костра. Чтоб сразу не бросились ее ловить, опустила на землю и скрестила ноги. Здесь легче, ветер относит запахи в сторону Иггельда. Он смотрел непонимающе, на лбу складки, затем собрал на

скатерть хлеб и сыр, отнес к ней и снова расстелил перед ее ногами.

— Если твоя... странная вера запрещает есть свинину, — сказал он сердито, — но я не слышал, чтобы запрещала даже нюхать!

Она посмотрела на него холодно, как на говорящее животное.

— Тебе в самом деле нравится запах человеческого мяса на костре?

Иггельд отшатнулся.

— При чем здесь человеческое? Это свинина!

— Никто не отличит мясо человека от мяса свиньи, — ответила она еще холоднее. — Ни один человек! Даже боги ошибались. Кто ест мясо свиньи, тот съест и мясо человека.

Иггельд застыл, она сказала с такой жуткой убежденностью, что он в самом деле ощутил себя этим самым, кто ест человечину. Ратша хмыкнул, Иггельд опомнился, сказал как можно сдержаннее:

— Ладно, дело твое.

Он сел у костра, лицо сердитое, с нею старался не встречаться взглядом. Ратша наконец снял подрумянившуюся тушку, от нежного мяса шел умопомрачительный запах, коричневая корочка потрескивала, лопалась под грубыми пальцами. Поколебавшись, Ратша опустил кабанчика на белую скатерку, хотя, на взгляд Блестки, дико целого кабана класть на скатерть, проще треногу переставить от костра и уже там отрезать ломти мяса, лезвие ножа коснулось бока. Захрустело, в разломы вырвались струйки горячего пара, ароматы кружили голову. Ратша с плотоядной улыбкой резал, расчленял, наконец тушка распалась на аккуратные ломти.

Иггельд взял часть грудинки, опередив на мгновение Ратшу, пока тот вытирал лезвие ножа и совал его в ножны, Ратша ухватил заднюю ногу и сразу же впился зубами в нежную истекающую сладким соком плоть, застонал от наслаждения, сок потек по пальцам, а Иггельд перехватил взгляд Блестки, она смотрела уже не как на врага. В глазах не только ненависть и даже презрение, что-то вообще немыслимое, не-

понятное, он застыл на мгновение, поднес нежное пахучее мясо ко рту, вдохнул пьянящий аромат и... положил на место.

Ратша едва не удавился, глаза вылезли на лоб, спросил с набитым ртом:

— Ты что?.. Пальцы обжег?

— Нет, — буркнул Иггельд, добавил со злостью: — Сколько можно жрать и жрать?.. Скоро и у меня пояс не застегнется.

Он поднялся и пошел к дракону. Блестка и Ратша смотрели издали, как они обнялись: Иггельд обхватил огромную массивную голову, а дракон радостно шлепнул языком в лицо, принялся вылизывать уши, Иггельд что-то говорил ему, объяснял, Ратша быстро потерял к ним интерес, повернулся к Блестке.

— Дурень, — сообщил он доверительно. — В его возрасте только и жрать все, что в руки попадает!.. Все сгорает, сколько ни лопай. Это потом уже начинается нескончаемая история с прокалыванием дырок в поясе...

Блестка холодно промолчала. Иггельд оглянулся от дракона, сказал громко:

— Ратша, не трать на нее слов. Ты же слышал, что очень легко убедиться, что артане — дикие звери. Достаточно назвать их в лицо свиньями...

Ратша хмыкнул, а Блестка сказала холодно:

— Верно. Это только вам похвала.

— Здорово, — сказал Ратша довольно. — У тебя острый язычок. А ты знаешь разницу между артанкой и рыбой?

— Нет, — ответила Блестка, — но знаю разницу между свиньей и куявом.

— Какая?

— Свинья не превращается в куява после ваших пьянок.

— Здорово, — повторил Ратша восхищенно. — Что, оказывается, о нас говорят в Артании!.. Но насчет пьянок вы переборщили. Вино в малых дозах прекрасно идет в любых объемах.

Иггельд вернулся, когда Ратша в одиночку доглодал кабанчика, а кости, сыто взрыгивая, отнес Чернышу. Правда, отнес не только кости, но и голову целиком, хвост, уши и все

четыре ноги. Пока Иггельд подкладывал в костер веточки, ежась под пристальным взглядом Блестки, он что-то втолковывал дракону, звучно шлепал по широкому лбу, чесал за ушами, а вернулся довольный, хитрый, словно сделал какую-то непростую пакость.

— Иггельд, ты там не спи, слышь? А то в костер упадешь. И будет еще один жареный кабанчик... Да такой, что наша артанка с удовольствием вонзит зубки... А если говорить серьезно, то нам пока что везет. Правда, судьба не любит, когда ее искушают!

Иггельд спросил с подозрением в голосе:

— Ты о чем?

— Мы слишком близко к Арсе, — сказал Ратша. — Хоть уже и в Куявии. Сейчас артане везде, увы. В другое время нас бы уже забросали стрелами, дротиками! Понятно, все воины ушли далеко вперед, все богатства там, и самые слобные бабы тоже там... Но я чуйствую, что все равно вот-вот наткнемся... хуже того, на нас наткнутся!

Иггельд кивнул, лицо было серьезным.

— Да, — ответил он, — ты уже закончил свою бесконечную жраловку? Черныш отдохнет, и начинай грузить эти сундуки снова. На этот раз летим прямо в нашу Долину. Домой. Никуда не сворачивая.

Блестка наклонила голову и посапывала, делая вид, что спит, но запястья ее двигались часто, веревка уже подалась наполовину. Тогда не удалось перетереть о колесо повозки, но сейчас сразу выбрала место, заранее заприметив острый камень, и села к нему спиной, вроде бы избегая дыма от костра и отвратительного запаха свинины на костре. Оставалось только следить из-под приспущенных ресниц, чтобы куявы ничего не услышали. Дураки, сидят прямо перед костром, как две замерзающие жабы, огонь слепит глаза, а щелкающие угольки заглушают шорохи. Не воины они, не воины... Или чересчур беспечны, опьянены своей мощью властелинов драконов, что, если честно, понятно, каждый бы на их месте подпрыгивал и указывал бы на себя пальцем: это я, я летаю на драконе!

Веревка лопнула, в этот момент Ратша обернулся, сказал приветливо:

— Ну что, красавица, не хочешь к нам присоединиться? Пообедай перед полетом. Что тебе один сыр и хлеб? Это не еда.

— Чтоб вы сдохли, — ответила Блестка.

— Пусть сидит голодная, — сказал Иггельд бессердечно, — а то еще заблюет моего дракона.

— Иггельд, — сказал Ратша с укором в голосе.

— А что? — огрызнулся Иггельд. — Разве не видишь, все, что из нее исходит, полно яда.

Он взял скатерть с остатками хлеба и сыра, хотя на самом деле она к ним почти не притронулась, только сыра пощипала малость, свернул и понес к дракону. Она поняла, что, когда вернется, ее, как беспомощную овцу, забросят на спину, тогда уже не сбежишь, Ратша тоже с кряхтением поднялся и пошел следом. Она беззвучно отползла, поднялась на ноги и ринулась в чашу. Деревья приняли, будто она не артанка, а славка, жительница Леса, укрыли ветвями. Под ногами мягкий беззвучный мох, бежать со свободными руками легко, а два дурака все еще не спохватились, она бы даже отсюда ульшала их гнусные и жалкие вопли...

Деревья расступались впереди с готовностью, лес открывался все глубже, все таинственнее, на этот раз направление выбрала верно, никаких просторных полян, а деревья с густыми кронами, дракон сверху ничего не увидит, как они заметили ее в реденьком лесу в прошлый раз.

Она сама чувствовала, что несется, как лесная лань. Серые толстые стволы мелькают быстрее, чем спицы в колесе. Далеко впереди землю обезобразил глубокий ров старого оврага, а на той стороне... о, счастье, сосновый бор сменился смешанным лесом из старых дубов, молодых березок и скучных осин. А за ними зеленый забор орешника.

Воспрянув духом, она мчалась к оврагу, как будто летела на крыльях. В страхе, что Иггельд может ее увидеть, почти прыгнула с края, но, к счастью, овраг уже старый, с пологими краями. Конечно, упала бы и покатилась, возможно, сло-

мав руки и ноги, но вместо этого вломилась в самый густой на свете кустарник, что разросся в тени, защищенный от ветров и зноя.

Она проламывалась, продиралась, ветви хлестали по лицу, царапали руки, рвали одежду. В самом низу ноги прощлепали по влажной траве и даже по воде, ручей не охладил ее ступни, и тут же пришлось почти на четвереньках карабкаться вверх по склону. Кусты встретили ее как врага, стоят несокрушимой крепостной стеной, приходилось проламываться, как будто в самом деле ломала камень...

Иггельд выскочил на поляну через миг после того, как Блестка нырнула в овраг. Он пробежал немного и остановился, растерянно оглядываясь. Потом заметил овраг, сердце екнуло. В таких оврагах обычно густая трава, колючий кустарник, там легко спрятаться, и пленница, возможно, решила схорониться там...

Он чувствовал невольное уважение: не всякая женщина решится броситься в лес, где полно диких зверей, а спуститься в такой овраг, темный и полный всяческих опасностей... Впрочем, напомнил себе рассерженно, она же артанка, а эти варвары даже женщин заставляют вести себя по-мужски.

Он подбежал к краю и, тяжело дыша, торопливо осматривал заросли. Острый взгляд сразу ухватил место, где беглянка нырнула в кусты: ветки неестественно сдвинуты, а тыльная сторона листьев повернута к солнцу. Но дальше след терялся, словно она превратилась в ящерицу и пробежала у самой земли, где листья не помешают...

Ноги сделали первый шаг, когда взгляд зацепился за крохотную фигурку, что на четвереньках выкарабкивалась уже на той стороне оврага. Он закричал в бешенстве:

— Стой!.. Стой, я тебе говорю!

Она вздрогнула от его могучего крика. Пальцы соскользнули с корня, она скатилась на пару шагов, но тут же с удвоенной силой начала карабкаться вверх. Иггельд зарычал в ярости, когда она ухватилась за край, ее тонкая фигурка оказалась наверху и, даже не оглянувшись, помчалась в чащу.

— Сто-о-о-ой! — заорал он.

Зеленые заросли расступились, как вода в озере. Иггельд заорал снова и бросился в овраг. Кусты трещали, как сухие былинки. Он пронесся вниз, как падающий с горы валун, за ним осталась широкая просека, почти на такой же скорости сумел взбежать наверх.

Там остановился, хватая ртом воздух. Ноги от усталости стали ватными, кровь стучала в виски и грозила разломать череп. Он понимал, что надо вернуться, что глупо и нелепо гоняться за женщиной по лесу, когда она не что-то знатное, за которое можно получить огромный выкуп или большую выгоду, и когда вообще, вообще это глупо... как будто значит для него настолько, что он стремится доказать ей, что сильнее, что может и умеет больше, чем она...

Из последних сил он заставил себя двинуться через кусты, ломился по орешнику, бежал, натываясь на деревья, скользил, падал, снова поднимался, и когда дыхание уже разламывало грудь, в зелени мелькнуло ее светлое платье.

— Не уйдешь... — прохрипел он обугленным ртом.

Ноги подкашивались, в груди полыхал огонь, деревья качались, но глаза упорно держали ее фигурку. Артанка тоже не бежала, едва двигалась, ее раскачивало на ходу, к тому же она сильно прихрамывала. Он настиг или же она остановилась в изнеможении, он помнил только, что в последнем усилии ухватил ее за плечи, и они рухнули на землю. Она вскрикнула от удара, Иггельд ухватил ее за растрепавшиеся волосы, перевернул на спину.

Он успел увидеть испуганное и одновременно разъяренное лицо. В тот же миг маленький кулак ударил его в нос. Другой рукой вцепилась в густые отвратительно светлые волосы. Иггельд взревел от резкой боли, непроизвольно отмахнулся, ее голова дернулась, повернулась в сторону, и все тело застыло.

Иггельд лежал рядом, в груди всхлипывало, холодный воздух врывался, как падающий водопад, и попадал там на раскаленные внутренности, шипел, вырывался обратно белым паром. Еще не придя в себя, он встал на четвереньки,

потом, держась за дерево, на ноги и, все еще не отнимая руки от дерева, несильно пнул ее ногой.

— Вставай, — велел он хриплым измученным голосом. — Не поверю, что не слышишь.

Она не шевельнулась, толкнул ногой снова. Ее голова дернулась, веки медленно поднялись. Глаза затуманены, Иггельд понял, что она почти не видит его, а если и видит, то в тумане. Артанка с трудом оперлась руками о землю, плечи вздрагивали. Сверху казалась беззащитной и жалобной. Иггельд так же произвольно протянул ей руку, сама и не поднимется на ноги...

Голова поднялась, глаза отыскивали его лицо. Руки не приняла, встала на нетвердых ногах. Иггельд вздрогнул и едва не отступил. Глаза полыхают лютой ненавистью, она прекрасна в испепеляющем негодовании, черные локоны рассыпались по плечам, на щеке засохшая кровь.

— Мерзавец, — сказала ясным голосом. — Насильник...

Она сделала шаг навстречу, ноги подкосились. Падала медленно, он успел протянуть руку. Она повисла, легкая и невесомая, сейчас показалось, что держит в руке сомлевшую белку, настолько легка и невесома.

Он прижал к груди, она задвигалась, приходя в себя, начала отталкиваться. Он внезапно и резко ощутил потерю, словно выдирали часть его самого. Она отстранилась, он успел увидеть гневное лицо, залюбовался и сказал себе, что за всю жизнь не видел ничего более прекрасного, чем эта гордая и неукротимая женщина, маленькая, но яростная, не сдающаяся перед таким огромным и сильным врагом.

Острая боль обожгла левый бок. Он охнул, рука метнулась и перехватила кулак, сжимающий рукоять ножа... который ухитрилась вытащить из его же ножен!

Она еще пыталась бороться, он сильным толчком отшвырнул, нож вылетел и упал между ними. На солнце пурпуром, словно раздавленная земляника, блеснуло красное лезвие. Иггельд поспешно прижал подошвой сапога, пощупал бок. Ударила умело и точно: в левую сторону, даже рассчитала, как лезвие пройдет между ребер и рассечет сердце.

Не учла лишь, что сама еще слаба и что куявы, в отличие от бесшабашных артан, которым жизнь недорого, чаще всего носят кольчуги.

Мне жизнь дорога, мелькнуло в голове злое. И так просто ее не отдам.

Ратша ахнул, когда из леса показалась Блестка, руки туго связаны за спиной, конец веревки в руке Иггельда. Он тащился следом, бледный и понурый, Черныш ринулся навстречу, едва не повалил Иггельда, принялся облизывать, а Ратша завопил еще издали возмущенно:

— Ты с ума сошел! Я уже хотел улетать сам. Только Черныш заупрямился почему-то. Тоже дурак, как и ты. Посмотри, где солнце!.. Ты истратил весь день в этой дурацкой погоне! Чем вы там еще занимались? Скоро ночь!

Иггельд, кое-как отбиваясь от Черныша, добрел до их стоянки, тяжело опустился прямо на землю. Ратша поперхнулся, заметив наконец, что Иггельд не только исхудал в беге, но и бледный как полотно, в одной руке конец веревки, а другой зажимает левый бок. Пальцы в крови, красная струйка подмочила рубаху до самого пояса. Тяжелая густая кровь все еще продавливается между пальцев, сползает по бедру.

— Что случилось?.. Ты ранен? Много их было?

Он бросился осматривать рану. Иггельд постанывал сквозь зубы. Ратша поспешно вытащил бурдюк с вином, Иггельд жадно припал к отверстию пересохшим ртом. Блестка отвернулась, не желая видеть роняющего свое достоинство мужчину, которого в последние минуты уже начала уважать. Правда, совсем немножко.

— Один дракон... — прохрипел Иггельд, оторвавшись на миг от бурдюка, — стоит сотни воинов...

— Там был дракон?

— Да...

— Откуда?.. Где он?

Иггельд кивнул на Блестку. Ратша смотрел на нее с изумлением и гневом. Бросился к мешкам, вытащил чистую тряпицу, заставил поднять руки, стащил через голову плотно об-

легающую кольчугу, весь левый бок нижней рубашки в крови. Присвистнул, поднял ее, торопливо принялся туго перевязывать бок. Иггельд морщился, еще дважды прикладывался к бурдюку.

Ратша поинтересовался рассерженно:

— И что, опять ночевать в этой проклятой степи? Когда я не вижу гор со всех сторон, мне становится жутко!

— Артане живут так всю жизнь...

— Что артане, — отмахнулся Ратша. — Козы и дикие кони тоже так живут... Хотя умные козы прыгают по горам, а глупые — по степи... Эх, Иггельд! Удивляешь ты меня... Мы ж целый день потеряли! Пусть бы бежала, черт с нею. Стоило ли из-за нее... вот так?

Иггельд поморщился, Ратша затягивал рану туго, посмотрел на Блестку, на рану, снова на пленницу.

— Не знаю, — ответил он устало. — Но тогда казалось, что стоило. Дурак я, Ратша.

— Еще какой, — подтвердил Ратша с готовностью.

Он туго перетянул бок, Иггельд сидел, прислонившись спиной к дракону, тот дремал, счастливый, что все вместе и все хорошо. Облизывать ему Иггельда не дали, вдвоем с Ратшей уверили, что все хорошо, это такая игра, спи. И он заснул, драконы вообще, как обронил как-то Иггельд, спят вдвое больше людей. И вообще человек спит меньше всех зверей на свете.

Иггельд тоже дремал, измученный изнурительной погодой, а потом еще и раной. Блестка опустила веки, но из-под густых ресниц поглядывала на пленителя с ненавистью, недоумением и странным сочувствием. Не похож на куява, слишком сильное мужественное тело, никакой рыхлости, одни мышцы. Даже у прокаленных солнцем артан бывает больше лишнего мяса, а этот как будто весь из сухих жил, грудь не рыхлая, как у всех куявов, у них почти похожа на женскую, а будто выкованные из светлой меди выпуклые пластины, ровные квадратики живота. И хотя почти все под повязкой... там на боку все-таки проступает кровь снова, тряпка набухает... и хотя те мышцы почти не видно, но этот Ночной Дракон выглядит сильным и свирепым воином.

Он, словно ощутив ее взгляд, открыл глаза, серые, как у мокрой толстой рыбы. Блестке почудилась некая незащищенность, и сразу уважительное мнение, как о сильном и беспощадном воителе, размылось, упало, испортилось, все-таки этот куяв слаб, несмотря на сильное тело, что-то в нем с гнильцой, нет настоящей жестокости, что требуется от мужчины.

Она закрыла глаза, чтобы не встречаться с ним взглядом, а Иггельд морщился от жгучей боли, смотрел на нее и не понимал, что же в ней такое необыкновенное и почему эта уродина... нет, не уродина, это он со злости, но явно же не красавица... выглядит такой... привлекательной?

Вот видишь, сказал он себе ядовито, даже запинаешься на каждом слове. Что ни слово, то неверно. Она не просто привлекательна, она прекрасна. Но только будто не для этой жизни... В Куявии на нее не посмотрит ни один мужчина. Нет, конечно, посмотрит и даже протянет руку, но тут же отдернет, обожженный одним ее взглядом. Отдернет, отпрянет и поклянется даже не смотреть в сторону этой огненной ведьмы с черными волосами. Все предпочитаем спокойных покладистых красавиц, что встречают нас милыми приветливыми улыбками. Понимают нас... или прикидываются, что понимают, а нам вообще-то все равно, в самом деле понимают или прикидываются, главное же — что жизнь течет ровно и без порогов, подводных камней. С куявскими женщинами легко и просто. Женщины Куявии различаются разве что по росту да немножко по масти, хотя краска, каблуки и пышные платья выравнивают даже такие различия, а характер у всех словно один на всех...

Блестка, не выдержав долго сидеть с закрытыми глазами, подняла веки, но смотрела теперь прямо перед собой на великолепный торжественный закат, в полыхающие облака. Краем глаза, конечно, видела его взгляд, ежилась, нет в том взгляде ненависти, а только горестное недоумение, но все равно смотрела даже сквозь Ратшу, что на этот раз развел костер в яме, дабы никто не заметил огонь в ночи.

Не выдержав, она сказала насмешливо:

— Вы же в родной Куявии, откуда такая трусость?

Ратша ответил спокойно, без всякой обиды в голосе, да и как обижаться взрослому на глупого ребенка:

— А нам никаких гостей не надо.

Иггельд пошевелился, лицо перекошилось, но смолчал. Она украдкой наблюдала за ним, взгляд скользнул на дальний кустарник, на темнеющие с заходом солнца травы, снова посмотрела на мрачного Иггельда. Из нее вырвалось помимо воли:

— Вон там забудь-трава.

Иггельд поморщился, буркнул:

— Ну и что?

— Если ее потереть и приложить к ране, — объяснила она сухо, — боль утихнет. Иначе всю ночь будешь выть, спать не дашь...

Он фыркнул:

— А с болью утихну и я?.. Высунув язык и с вытаращенными глазами? Придумай чего-нибудь еще.

Она сказала зло:

— Ты дурак, если не умеешь отличить, когда говорят правду и... от военной хитрости!

Ратша сказал предостерегающе:

— Иггельд, не верь этой змее.

— Я и не верю, — откликнулся Иггельд. Он поморщился, переждал боль. — Но если даст слово, что не убежит...

— Иггельд! — выкрикнул Ратша. — Мы сейчас уже в бою! А когда бой, всякое слово теряет силу.

Иггельд посмотрел на Блестку. Она поднялась, лицо ее было холодным и бесстрастным.

— Я даю слово, — произнесла она ровным голосом, — что не убегу... пока буду рвать забудь-траву и нести обратно.

Ратша вполголоса выругался. Иггельд кивнул, принимая клятву, сказал Ратше:

— Освободи ее от веревки.

— Иггельд!

— Освободи, — велел Иггельд. — Для дикарей нарушить клятву хуже, чем смерть.

Ратша пожал плечами: мол, ты у нас старший, вытащил нож и подошел к Блестке. Она презрительно смотрела мимо. Этот ветеран играет лезвием, напускает на себя грозный вид, старается запугать, хотя сам он понятен и предсказуем. Из них двоих считаться стоит только со светловолосым великаном.

Он повертел ножом перед ее глазами, сунул в ножны и принялся развязывать узлы. Блестка все так же надменно смотрела мимо. Ратша сердито проворчал:

— Ну и узлов ты навязал, умелец...

— Она того стоит, — отозвался Иггельд устало. — Сумела же освободиться... Да перережь просто.

— Нельзя, последняя веревка.

— У тебя в мешке еще одна, — уличил Иггельд.

— То запас, — ответил Ратша, ничуть не смутившись. — Без него нельзя.

Веревка наконец соскользнула с ее кистей. Блестка поднялась, Ратша тут же предупредил:

— Я пойду с тобой!

Иггельд прошипел, морщась от боли:

— Это лишнее... Я ж говорю, для них нарушить слово — это хуже, чем смерть. Это бесчестье.

Блестка гордо прошла мимо, Ратша остался как дурак с ножом в руке. Она чувствовала, как он сверлит ей спину недоверчивым взглядом.

ГЛАВА 5

Тень от деревьев упала на голову и плечи, на миг мелькнуло страстное желание снова ринуться со всех ног. Не может быть, чтобы не обогнала этих неуклюжих толстых куявов с жирными животами... И хотя не толстые и тем более не жирные, но все равно толстые и жирные, а к тому же трусливые и бесчестные слабые червяки, один переел, быстро не побжит, а второй едва ноги волочит, потерял много крови...

Иггельд и Ратша с подозрением наблюдали, как она при-

села в тени у ближайшей сосны. Там, среди вылезших на поверхность корней, зеленеет не то густой мох, не то низкорослая неопрятная трава. Тоненькая фигурка наклонилась до самой земли, женщина не то нюхала, не то жевала траву, словно коза, от которой артанские женщины не очень-то отличаются, потом Иггельд увидел, как пленница начала отщипывать отдельные стебельки.

Ратша сказал нервно:

— Уверен, что не убежит?

— Не убежит, — ответил Иггельд, хотя именно теперь в душу закралось сомнение. Что ей стоит вскочить и ринуться в лес? Ратша бегает плохо, в лесу сразу заблудится, а он, если честно, выдохся от недавнего бега. Да и рана не даст мчаться с прежней легкостью. — Нарушить слово — запятнать себя бесчестьем.

— Да, но если слово дадено врагу?

— Все равно.

— А если слово дано вынужденно? — спросил Ратша коварно.

Иггельд нахмурился, а рана в боку завопила от боли. Конечно, женщина у них в плену, ее слово можно считать вынужденным, а данное слово — военной хитростью, с другой стороны, ее за язык никто не тянул...

— Надо ее вернуть, — сказал он. — Что-то долго копается.

Ратша с готовностью вытащил меч, оба поднялись, но не успели сделать и шага, как пленница тоже поднялась и, придерживая у груди ворох травы, направилась в их сторону. Ее большие глаза вопросительно смотрели на мужчин. Ратша закашлялся, поспешно вытащил точильный камень, пару раз провел по лезвию, огляделся, сел поблизости и принялся жикать по стальной полосе с такой силой, что полетели искры.

Иггельд чувствовал, что выглядит глупо, но Блестка, по-хоже, не обратила внимания, сказала быстро:

— Сядь. Позволь, я осмотрю рану.

Иггельд послушно сел. Она сняла повязку, Иггельд закричал зубами, когда отдирала присохшую кровь.

— Зверь... Сколько будешь мстить?

— Всю жизнь, — ответила она тут же. — Я знала, что куявы слабые и нежные, но не думала, что до такой степени. Ну прям цветочек...

Он стиснул челюсти и позволил ее пальцам шупать рану. От прохладных листьев словно бы полегчало, но это явно обман. Тут он заметил, что она жует стебельки, прикладывает потом, спросил подозрительно:

— А у тебя слюни не ядовитые?

— У меня слюна, а не слюни, — отрезала она. — А ты что, еще ничего не чувствуешь? Да ты прямо дерево!

Он прислушался и с изумлением отметил, что боль медленно уходит. Блестка смотрела выжидающе, в глазах он с чувством неловкости увидел сочувствие.

— Да вроде что-то происходит, — огрызнулся он. — Бок уже немеет. Скоро я весь... занемею?

— Скоро, — ответила она зловеще. — Как только нас отыщут артане!

Ратша подошел, уставился хмурыми глазами. Иггельд проговорил слабо:

— Боюсь, придется заночевать.

Ратша нахмурился сильнее, глаза повернулись в сторону пленницы, а пальцы сами по себе пощупали рукоять меча.

— Эта ведьма тебя... отравила?

— Нет, — поспешил сказать Иггельд. — Нет, на мне заживает, я чувствую. Но это отнимает силы... и жутко хочу спать.

— Что, — спросил Ратша недоверчиво, — настолько сильно, что не усидишь? Мы могли бы и ночью... Летали ж!

— Усидеть можно и привязанным, — возразил Иггельд. — Но управлять...

Ратша скривился.

— Да, этот гад никого больше не слушается. Ладно, если выживем, будем единственными из героев, что забрались на земли Артании так далеко... и провели здесь две ночи! Ну, красавица, давай передние лапки!.. Нет, протяни вперед. На этот раз я тебя не только свяжу, но и привяжу...

Она спокойно протянула руки. Он связал крепко, безжалостно — перемирие, как все понимали, кончилось. Длинный конец веревки Ратша привязал к своей ноге. Теперь артанка снова свободна от любых обязательств.

— Есть только два способа, — сказал он спокойно, — как управлять женщинами... Но только никто их не знает. Так что побудь на веревке. Как коза!

— Скотина, — произнесла она без выражения.

— Если женщина, — сказал Ратша, продолжая подбрасывать веточки в костер, — называет мужчину скотиной, значит, он все сделал правильно.

Костер разгорелся ярче, и сразу же мир вокруг потемнел, превратился в ночь, а на темно-синем небе заблистали первые звезды. Луна выплыла бледная, болезненная, мелкая, свет от нее падал почти незримый, призрачный.

Ратша с удовлетворением отодвинулся, багровый свет подсвечивал его лицо снизу, превращая в страшноватое чудовище. Иггельд со вздохом облегчения лег, одну ладонь, как ребенок, положил под щеку. Все молчали, Ратша наконец поинтересовался:

— Что твоя пленница говорит?.. Не обещает ночью зарезать нас и дракона?

Иггельд буркнул:

— Это с тобой беседует. Со мной — молчит,

— Если женщина молчит, — сказал Ратша наставительно, — слушай внимательно!

— Только и остается, — ответил Иггельд негромко. — Что делать, она же из благородных, сам видел ее богатства! А я лет до восьми вообще думал, что меня зовут «Заткнись».

Блестка повернула голову, в ее глазах недоверие. Он застыл, потрясенный, она улыбнулась ему, он понял впервые в жизни, как выглядит настоящая искренняя улыбка. В глазах загорелись искорки, потом засияли звездным блеском глаза целиком, крупные губы стали ярче, пунцовее, чуть дрогнули уголки рта, губы маняще приоткрылись, он успел на краткий миг увидеть ряд... нет, даже не ряд, а только короткую вспышку молнии от ее идеально ровных и белых зубов.

Точеный нос чуть укоротился и забавно задрался кверху, Иггельд успел увидеть ямочку на упругой розовой щеке...

И тут же ее улыбка погасла. Словно туча надвинулась на солнце, и на землю пала серая тень, погасив все радостные звуки, стерев краски. Блестка прямо взглянула ему в глаза. Она — пленница в руках врага, она это помнила и не собиралась забывать.

Он невольно приподнялся и сел, опираясь спиной о бок Черныша. Так и сидел неподвижно, страшась шевельнуться, в надежде, что вернется очарование, что как слабый лунный свет окутывало их, только настолько незримо, что почти не видно, но все-таки оно было, а луна — солнце оборотней, вурдалаков, нечисти и влюбленных — светила им чисто и нежно.

Черныш горестно вздохнул во сне, звучно плямкнул толстыми губами, лапы задергались, распарывая твердую землю.

— Спи-спи, — сказал Иггельд успокаивающе, — спи, моя птичка. Я здесь, рядом.

Дракон засопел ровнее, мышцы расслабились, Блестке даже почудилось, что на чудовищно безобразной морде проступило некое подобие улыбки. Иггельд сидел, все так же откинувшись на его бок спиной, белые полосы отчетливо выделяются в полутьме. Загорелое тело и еще более загорелое лицо почти утонули в полумраке, растворились на фоне огромной туши. В те редкие моменты, когда говорил, ровно и красиво поблескивали белые зубы. Блестка невольно засматривалась: это красиво, даже удивительно, почему у жалкого куява загорелое не только лицо, но и торс, как у артанского воина.

Ратша подремывал или уже спал, Иггельд все еще сидел, она постоянно ловила на себе его задумчивый взгляд. Спросила наконец с раздражением:

— Что еще? Собрался наконец изнасиловать, но не соображаешь, как это делается?.. Молокосос еще? Спроси у своего друга, ему такое приходилось почаще, чем тебе чесаться!

Ратша, оказывается, не спал, тут же приподнялся на локте, хмыкнул. Вид у него горделивый: дескать, что верно, то

верно, погулял в свое время. И сейчас не прочь, но не набрасываюсь, как молодой сопляк, а сперва поем, винца изволю, жертва ведь не убежит, связана... А еще лучше, сперва посплю.

И в самом деле лег, повернулся к ним спиной. Игтельд сидел злой, напряженный, она видела, с каким огромным усилием удержался от колкого ответа, вместо этого спросил:

— Ты бывала в Куябе?

Она насторожилась, спросила, не двигая лицом:

— Куяба? А что это?

Он покачал головой.

— Не прикидывайся и не переигрывай. Что такое Куяба — все знают. И кто там правит. Мне кажется, я видел тебя там...

Она удивилась:

— Меня? А ты где был? Под какой личиной прятался? Эх, как же артане беспечны, шпионов не видят!

— Я не прятался, — объяснил он занудно. — Я смотрел сверху. Все так заняты, что никто не обратил внимания на дракона. А мы пролетали чуть ли не над головами!..

— Тогда бы заметили, — сказала она уверенно.

— Ну, не над самыми, — сказал он с неохотой. — Но достаточно низко, чтобы разглядеть. Теперь мне кажется, что я даже видел ту повозку!.. Да-да, в нее как раз грузили мешки и сундуки. А ты стояла прямо перед конями...

Она спросила:

— Одна?

Он переспросил:

— Одна ли?.. Нет, кто-то еще был, не обратил внимания. Не то женщины, не то мужчины... Нет, мужчины грузили, а женщины... нет, не помню. А ты одного из волов не то кормила с руки, не то гладила по носу. Я не рассмотрел, все-таки, если честно, мы пролетали высоко...

Она смолчала, только бросила на него удивленный взгляд. Да, она именно так уезжала, волов и коней угостила сладостями, погладила по их умным, немножко печальным мордам.

— И других женщин не заметил? — переспросила она язвительно.

— Нет, — ответил он искренне. — А что, там были и другие?

Она помолчала, на языке вертелось всякое-разное, но одни слова казались чересчур мягкими, а другие, наоборот, колкими, обидными. Она даже удивилась, с чего бы это избегает обидных слов, это же враги, но докапываться не стала, вздохнула, легла, устроив связанные руки между коленей, и начала убеждать себя, что надо заснуть, сейчас бежать не удастся, измучилась за последнюю попытку, что почти удалось... но вот завтра, с новыми силами...

Перед глазами сперва быстро, а потом все медленнее проплывали картинки, как она, счастливая и смеющаяся, выезжает из ворот Куябы, как обнимает ее на прощание Придон, уговаривает не отпускать сотню храбрых воинов, что дал ей в охрану, как весело и беспечно ехали три недели кряду, не встречая живой души, как в конце концов настояла, чтобы герои вернулись к войску... и как они, сперва возражавшие, понеслись во всю мочь обратно к Куябе, нахлестывая лошадей...

А потом эти двое куявов, что даже не похожи на куявов... Правда, они не совсем куявы, такие просто не могут быть куявами, это наверняка потомство какого-то артанского клана, что, спасаясь от воинственных соседей, отступил в горы и там укрепился. Она часто в детстве слышала о таких родах, что уходили просто через реки или горы, не зная, что переходят в другие страны. Потом через десяток или больше лет выясняется, что те земли принадлежат Куявии, но раз уж куявы на них не обращают внимания, род артан для заселения выбрал не самые плодородные земли, а самые неприступные, то такие вот и остаются жить в Куявии, потом и сами начинают считать себя куявами...

И вот она, потеряв единственных провожатых, лежит со связанными руками. Ее повозка с богатыми дарами брата разграблена, Радило и Ветер убиты, волов скормили дракону, а ее везут пленницей в Куявию. Так не лучше ли, как и надлежит гордой артанке, оборвать свою жизнь, чтобы не дать врагу?

Она несколько минут серьезно обдумывала способы, как оборвать жизнь. Что Иггельд ее не убьет, это понятно, даже если она бросится на него с мечом, а он окажется с голыми руками. Что-то в нем говорит, что, несмотря на окуявливание, он остался где-то глубоко внутри артанином. Насчет Ратши не так уверена, он смотрит на нее, как на серьезного врага, при сильном подозрении ударит мечом... а мечи у них, надо признаться, длинные, из прекрасной стали, сделанные лучшими оружейниками. Даже рукояти без всякой нужды украшены золотом и драгоценными камешками. Похоже, это не простые воины... Правда, простые не сумели бы и забраться так далеко, и сразить двух отважных артан с такой легкостью...

Она непроизвольно всхлипнула. За спиной шелестнуло, она поняла, что Иггельд не спит, прислушивается. Проклятый куяв, все время следит, чтобы не убежала. А только что говорил, что засыпает, что не усидит на спине дракона!

Она сердито задвигалась, подтянула колени — холодно. Сверху что-то навалилось мягкое, нежное, теплое. Она со злостью поняла, что это Иггельд, решив, что она такая же слабая и нежная, как все куявки, укутывает ее в плащ. Урод, она же распоролла ему бок так, что, не будь на нем кольчуги, уже проткнула бы его жирное тело насквозь!

Скрючилась еще больше, подвигала связанными руками между колен, устраиваясь. Пусть подавится своим одеялом, без него обойдемся.

Иггельд заснул на мгновение, как показалось, ужаснулся, что пленница сбежала, в страхе поднял тяжелую голову. Сквозь туман в глазах рассмотрел, что пленница скукожилась в комок, словно жалобный птенец, который старается не выпустить остатки материнского тепла. Артанка, подумал он тускло. Маленькая, отважная, но все же жительница степей с их теплым и ровным климатом. А он везет ее в горы, где днем песок плавится от жары под прямыми лучами солнца, а ночью вода замерзает в лужицах.

Блестка вздрогнула, когда тяжелая рука возникла из-за спины, укутала ее плащом поплотнее, подгрестила к себе мощ-

но и властно. Она напряглась, готовая взорваться негодующими воплями, эти грязные свиньи посягнули на ее честь, эти два скота...

Ей в макушку дохнуло теплым воздухом. Она прислушалась, снова вздох, пауза и опять такой же ровный мерный вздох. С колотящимся сердцем, готовая отчаянно завопить и защищать свою женскую честь, все же успела сообразить, что куяв уже спит, а укутал ее и подтянул к себе ближе совершенно произвольно, словно зябнувшего ребенка.

Она застыла, еще не решив, что делать, как поступить, чтобы не уронить своего достоинства дочери тцара. Вокруг тихо, только из темноты доносится мощное дыхание Черныша. Холодок пробежал по спине, ведь это чудовище может встать и пойти охотиться само по себе, даже верным коням на ночь спутывают ноги, чтобы не забредали чересчур далеко...

Сердце стучало все тише, спокойнее, по телу расходилось приятное животное тепло. Она не шевелилась, еще не решив, что делать, а перед глазами начали двигаться картинки, люди ходили, работали, появились кони, светит солнце...

Очнулась она от ощущения тепла, покоя, улыбнулась сама по себе, раскрыла глаза. И сразу же застыла, моментально вспомнив, где она, что с нею. Вот лежит все так же под шкурами и плащом, спиной вжалась, как в колыбельку, в кольцо мужских рук. Судя по мерному дыханию за спиной, куяв все еще спит, одурманенный ее травами. Она дернулась, ощутив, что приятная надежная тяжесть на ее левой груди — это широкая мужская ладонь, почти горячая, мужская, то ли сама такая горячая, то ли впитавшая жар от ее обычно твердой, но только не сейчас, и почему-то такой накаленной груди.

Сердце начало колотиться чаще. Она чувствовала, что его ладонь буквально подбрасывает на ее груди, но он, похоже, все еще спит. Она старалась умерить дыхание, чтобы грудь не колыхалась так, а то уже прыгает, как перепуганный заяц, он же сейчас проснется, тоже увидит, как они лежат, в какой ужасной позе... и хотя между ними одеяло, все равно она чув-

ствует властную мощь его сильного крепкого тела, его жар, его власть, его призыв.

Странно, решила она, что этот герой стал известен только сейчас, да и то лишь в конце войны, когда уже ничего не изменить. Куявия сокрушена, города сдались, а те, что остались высоко в горах, бедны, там почти нет мужчин, способных держать в руках оружие. Правда, в Куявии герои могут появиться только в дни вот таких всенародных бедствий, когда стране требуются сильные и отважные люди, все остальное время здесь в цене торгошаи, в то время как в Артании герои всегда окружены славой, почестями, им достаются лучшие женщины, лучшие места, лучшие кони и лучшие места для охоты...

На востоке посветлело, снизу очень медленно небо начало принимать нежнейший розовый оттенок. За спиной шумно вздохнуло, она поняла, что это просыпается Черныш, под боком которого они устроились, сейчас этот куяв проснется и обнаружит, как низко она пала, как стыдно себя ведет...

Блестка зажмурилась, стиснула зубы и, сделав вид, что все еще во сне, отодвинулась, с великим трудом выдираясь из его горячих и таких уютных рук. Они инстинктивно стиснулись, пытаясь ее удержать, но спросонья слабые, Блестке отодвинуться удалось, так и лежала, делая вид, что спит, хотя сердце подбрасывало ее над землей, словно лапы резвого тушканчика. За спиной хрюкнуло, она ощутила, как куяв проснулся, приподнялся на локте и прожигает ее спину подозрительным взглядом. Успокоившись, сел, сказал негромко, стараясь ее не разбудить:

— Ратша!.. Ратша!.. Поднимайся, а то нас тут сонными повяжут!

Ратша ответил сипло:

— Человек спит всего треть жизни, остальные две трети мечтает выспаться, а ты мне и треть поспать не даешь. Ладно, поесть уже приготовил?

Иггельд ответил раздраженным шепотом:

— Я?

— Ну ладно-ладно, я чего спросил? Чтобы знать, будем

есть или полетим голодными. С тебя и такое изуверство станется!

Он тоже говорил шепотом, словно не хотели разбудить ребенка. Блестка из-под приспущенных ресниц видела, как его крупная фигура возделась над еще темной землей, веточек в костер подбрасывать не стал, вытащил и разложил на ска-терти хлеб, сыр, сушеную рыбу, вареные яйца.

— Эй, артанка, — позвал он негромко. — Поднимайся, заморим червячка. Вообще-то это твое дело — накрывать на стол, но мы, куявы, гуси не гордые...

— Вы свиньи, а не гуси, — пробормотала вроде бы сонным голосом.

— Гусь свинье не помеха, — ответил Ратша. — Гусь свинье — на один раз пожрать, верно, Иггельд?

— Верно, — ответил Иггельд хриплым со сна голосом.

— Еще говорят, — добавил Ратша, — что артанин артанину гусь, свинья и боевой друг. Это правда?

Она не ответила, бросила взгляд украдкой на Иггельда. За ночь еще больше осунулся, рана дает знать, но все равно, даже в Артании, где много великих героев, он считался бы силачом и великим воином, а женщины видели бы в нем мужественного красавца. В каждом доме, где есть дочери, родители мечтали бы породниться с ним, за его спиной как за каменной стеной.

Ратша переломил хлеб и протянул ей половинку. По случаю завтрака даже веревку снял. Она села, жевала вяло, запивала водой, к щекам прилила горячая кровь, когда вспомнила, как спала в объятиях Ночного Дракона. В самом деле красив, гад. Правда, волосы неприятно русые, зато лицо как будто из камня, суровое и мужественное, резкие выпирающие скулы, высокие и гордые, квадратный подбородок с вертикальной ямочкой, почти раздваивающей подбородок. Он выглядит решительным и властным, вроде бы и не куяв, а настоящий мужчина.

Ратша время от времени приподнимался, поглядывал по сторонам, не переставая жевать. Однажды даже взобрался на спину дракона — тот все стерпел, — осмотрелся, спустился нахмуренный, брукнул:

— Облачко пыли... Двигается в нашу сторону.

Сердце Блестки екнуло, она быстро посмотрела на Иггельда. Тот хмуро поинтересовался:

— Близко?

— Пока далеко.

— Заканчивай жевать, ты можешь до ночи этим заниматься, знаю. Я не хочу новых драк.

Она перехватила брошенный в ее сторону быстрый взгляд, сказала ядовитым голосом:

— Для вас было бы лучше, если бы не вылезали из своих нор в горах! Завели бы кучи детей, учили бы их прыгать вместе с другими горными козлами по камням... а так вам Придон сорвет головы! Да и то сперва с живых спустит шкуры. А потом еще посадит на колья.

Он поморщился.

— Так отрубит голову или посадит на кол? Какой смысл сажать на кол с отрубленной головой?.. Ладно, детей я не смогу завести пока что.

— Почему? — спросила она живо.

— Для этого нужна жена, — пояснил он.

Она удивилась.

— Так ты не женат?

— Нет, — ответил он сухо.

— Понятно, — сказала она насмешливо, — это в Артании тебя бы считали достойным воинской славы, а в Куявии нужны торгаши. Ты как насчет торговли? Обвешивать, обмеривать? Надувать?

— Если надо — научусь, — ответил Иггельд. Она не поняла, серьезно ли он о такой гнусности, а он добавил: — Но, похоже, тебя тоже не считают достойной замужества? В Артании предпочитают женщин более покладистых?

Она фыркнула. Если он намеревался ее обидеть, то прощитался, она давно привыкла, что мужчины предпочитают более покладистых, смиренных, тихих — словом, полную противоположность ей.

— За меня не волнуйтесь, — ответила она. — У нас в Артании женщины сами выбирают себе мужей.

Он расхохотался — обычай не просто нелеп, его только

что придумала эта отважная гордячка. Даже в Артании, где женщины пользуются большей свободой, чем в Куявии, они не выбирают, а выбирают их. Это мужской мир, это везде мужской мир. И таким пребудет.

— На этот раз, — сказал он, — если артане не захотят тебя выкупить...

— Они захотят, — возразила она, — но... не станут.

Он кивнул.

— Ратша предполагал и такое. Я не понял, почему.

— И не поймешь, — ответила она гордо. — Мы, артане, воюющий народ. Женщина ли, ребенок, старик... мы все — воины. С тех пор, как ваши войска стерли с лица земли наши города Броды и Даньск, наш народ поклялся всегда мстить вам. В Даньске самые древние сокровища, которые вы осквернили, а в Бродах вы истребили наших жрецов...

— Колдунов, — поправил Иггельд. — Это у нас — жрецы. А у вас — колдуны. Это ответный рейд. Вы так часто нападали и разрушали наши города, что мы наконец-то решили собрать войска и нанести удар.

— Мы разрушали ваши города, — возразила она горячо, — за то, что вы пытались посадить на престол Артании своего ставленника!

— Это вранье, — отрезал он. — Этому вранью уже триста лет. Нет, четыреста! Ведь это ваш доблестный Жарослав совершал подвиги в войне за престол, так называли то безумие!

Она вскипела:

— Безумие?

— Или дурость, — отрезал он.

Она сверкала глазами, он чувствовал, что сам уже закипает, а это еще большая дурь, чем четырехсотлетняя война по сомнительному поводу: смотрит на молодую и, надо признаться, очень привлекательную девушку и спорит с ней о древних войнах!

— Ладно, не обижайся, — сказал он примирительно.

— Умные не обижаются, — отпарировала она. — Умные делают выводы.

— Если женщину называют умной, — ответил он, — значит, у нее других достоинств не наблюдается. Это верно?

Ратша довольно хохотнул, праведный и занудный Иггельд начинает отгавкиваться, иногда довольно удачно, его шкоча, сам он спешно затаскивал на Черныша ящики с золотом, кожаные мешки с золотыми украшениями, драгоценными камнями, жемчугом. Иггельд помогал, как мог, хотя из-за раны в боку двигался с неловкостью. Вдвоем затащили все, старательно закрепляли, ремней не хватало, не предусмотрели такую богатую добычу, спорили, перекидывали ремни с места на место, как будто добычи стало больше или словно половину ремней растеряли.

Она наблюдала за ними в смятении, с Иггельда вообще не сводила взгляда, но все тайком, страхась встретить его прямой открытый взгляд, совсем не похожий на трусливый взгляд куява. Куявы — торгоши и колдуны, но рядом с ней сегодня ночью лежал и обнимал горячими руками могучий красивый воин. И как бы ни называла его торгошом, но каждая черточка в нем говорит, что это воин, хищный и умелый воин. У него сильное мускулистое тело, широкие плечи, просто широчайшие...

Даже среди артан, снова мелькнула у нее в голове та же мысль, он выглядел бы героем. Похоже, он в самом деле не знал сытой и разнеженной куявской жизни, а жил подобно артанам: с оружием в руках, в постоянных схватках, боях, набегах, сражениях. Правда, такое представить трудно, надо расспросить при случае...

Она ужаснулась, поняв, что допустила — только допустила! — мысль, что не убежит сегодня же от этих проклятых и подлых куявов, от подлых и трусливых куявов, куявы все трусливые и подлые... Да-да, трусливые и подлые.

ГЛАВА 6

Внизу проплывала земля, очень медленно и величаво. Еще вчера Блестке казалось, что дракон просто парит на месте, она с земли часто видела застывших в неподвижности орлов с раскинутыми крыльями, они могут с утра до вечера висеть над одним и тем же местом, так и этот дракон, а крыльями

машет только потому, что тяжелый, иначе провалится... но сегодня она понимала, что несуся стремительно, быстрее летящей над землей птицы, ведь вон от той рощи до вот той речушки на коне полдня, а дракон одолел за пару взмахов могучих и таких удивительных крыльев.

За ее спиной Ратша время от времени начинал что-то объяснять. Судя по голосу, сам все еще не привыкнет к полетам, в нем щенячий восторг, то и дело указывал то на стада оленей, то на конский табун, явно перебежавший со стороны Артании, то на группу туров, куда подкрадываются волки...

Блестка стискивала зубы, ей то хотелось визжать от восторга, то накатывал страх, как только понимала... нет, чувствовала, ощущала, что под нею хоть и надежная спина толстого зверя, но под этим зверем пустота, а до далекой и твердой земли так далеко!

Ветер трепал волосы Иггельда, они казались ей язычками светлого пламени, с такого огня начинается любой костер, а уж потом становится оранжевым, красным, пурпурным и наконец багровым. Спина прямая, хотя мог бы согнуться, укрываясь от ветра, он же куяв, зачем вот так, с развернутыми плечами, довольно широкими, надо признать... нет, все-таки это не куяв, это из поселившихся в Куявии артан, среди народа торговцев не могут быть такие воины, а он воин, хоть и занимается драконами. Радило и Ветер, да попадут в небесные чертоги, лучшие из сотни Ральсвика, а Придон послал с Ральсвиком лучших из лучших во всем артанском войске...

Однажды Иггельд прокричал:

— Видишь их отряды?

— Да, — ответил Ратша.

— У них что-то случилось?

— Похоже, но что у них могло стрястись?

Блестка тоже замечала, если дракон снижался, далеко внизу крохотных всадников, похожих на медленно ползущих муравьев. Их хорошо заметно, ярко-коричневых на изумрудно-зеленой ровной траве, только теперь сообразила, что это артане. Куявы не любят носиться верхом, они жабы, им жить в болоте, а там внизу отряды артанских всадников.

— Как думаешь, — крикнул Иггельд, — что-то ищут?

— Вряд ли, — гаркнул Ратша в спину Блестки. — Наверное, это они осуществляют свое: «Нет такого места, куда не ступало копыто артанского коня!»

Он захохотал довольный, затем Блестка ощутила двойную тяжесть. Дракон карабкался выше, земля отдалилась так, что даже лес стал казаться травой. Скачущие всадники растворились, зато на горизонте показались горы. Блестке показались странными белые остроконечные вершины, не верилось, что там среди жаркого лета может лежать снег, врут, поди, чем выше гора — тем ближе к жаркому солнцу, это ж ребенку понятно!

— Нет, — крикнул Иггельд, — что-то ищут!.. Вон там еще отряды!.. Мелкие!

— На охоту? — предположил Ратша.

— Не похоже, — ответил Иггельд неуверенно.

— А что еще?

— Не знаю... Но как будто кого-то ищут!

Блестка поймала брошенный в ее сторону взгляд и поняла, что, если бы сбежала, а у него вместо дракона сотня или тысяча воинов, он послал бы всех прочесывать леса и доли. Под ложечкой кольнуло, заныло, а под ногами исчезла надежная твердь спины, на миг в панике почудилось, что зависла в воздухе, а потом падает. За спиной громко и зло выругался Ратша.

— Что, — гаркнул он через голову Блестки, — воздушная яма?

— Нет, — прокричал Иггельд, встречный ветер срывал его слова и обидно обносил мимо Блестки, — там впереди обоз. Расположились как на ярмарке, а эти артане совсем близко... Похоже, это снова к нам в Долину!

Ратша снова выругался.

— Скоро будем сидеть друг у друга на головах!

— Что делать, — ответил Иггельд. — Если придется, то... придется. Нельзя же отказывать, им хуже, чем нам.

Ратша прорычал:

— Да какая с нас помощь... А-а-а!

Блестка тоже чуть не вскрикнула дурным голосом, вовсе не подобающим для дочери тцара: проклятый дракон просто

сложил крылья, некоторое время падал, у нее совсем сердце остановилось, застыло и померло, а потом враз растопырил кожаные паруса, все ее тело потяжелело так, что едва глаза не полезли на лоб, как у рака.

За спиной раздался горестный стон:

— Это им хуже?..

С земли заметили снижающегося дракона, кто-то бросил повозку и ринулся под прикрытие дальних деревьев, кто-то схватился за оружие. Люди разбегались от костров и шатров, только во главе обоза два всадника замахали руками. Дракон сделал полный круг, все еще снижаясь, растопырил крылья пошире и очень мягко опустился на землю. Блестку слегка затрясло, это дракон пробежал чуть, но сразу же лег, даже голову положил на землю, только пасть распахнул пугающе широко.

Ратша соскочил первым, Блестка услышала сдавленное проклятие и треск материи. Ветеран так спешил на землю, что зацепился рукавом за костяной панцирь. Очутившись внизу, сразу направился к обозу, а Иггельд повернулся к Блестке.

— Если ты не против, я не стану тебя отвязывать...

Она смотрела сквозь него, будто на его месте жиденькая струйка пара. Снизу донесся бодрый голос Ратши. Всадники хоть и с опаской, но подъехали ближе, переговаривались быстрыми блеющими голосами. Иггельд добавил извиняющимся голосом:

— Мы просто обменяемся новостями — и дальше. В горы.

Она фыркнула:

— К горным козлам!

— И к орлам, — ответил коротко, отвернулся и начал что-то говорить дракону. Блестка насторожила слух, но у дракона наверняка уши более чуткие, чем у человека, слушал, сопел, однажды повернул голову и внимательно посмотрел на нее.

Ратша переговорил со всадниками, приблизился, поугрюмевший, злой, крикнул:

— Не поверишь, если я тебе скажу!.. Придон захватил всю Нижнюю Куявию, Прилесье, Западные Земли и все Ме-

ждуречь. Что Куяба в его руках, уже знаем, но что он не остановился на этом, веришь?

Иггельд тоже помрачнел, покачал головой.

— Нет, не верю. Я слышал, что цель Придона одна — завладеть Итанией и тем утвердить свою волю. И показать своему миру, кто сильнее. Он показал. Что еще?

— А почему, по-твоему, мы видели артанские отряды?

— Не знаю, — ответил Иггельд раздраженно. — Знаешь? Говори...

Ратша помахал рукой, один из всадников опасно подехал ближе. Конь при виде дракона храпел, дико вращал налитыми кровью глазами, на удилах сразу повисли клочья белой пены. Всадник прокричал:

— Не бросится?

— Пока конь не лягнет в морду, — ответил Ратша. — Да и тогда поленится... Говори! Я хочу, чтобы ты сам сказал, а то этот твердолобый — я говорю не о драконе — мне не поверит.

Всадник вскинул руку.

— Иггельд, новая беда!.. Итания ускользнула от Придона перед самой свадьбой. Артанский лев в ярости, швырнул десятки тысяч острых топоров по всей стране! Малые отряды прочесывают все земли. Не оставляют ни одного города, ни одного села...

Иггельд слушал, окаменев. Только что была надежда, что война закончилась, а удовлетворенные артане, захватив половину Куявии, либо уберутся восвояси, либо останутся, а это значит, что через поколение будут куявами, в старые времена так бывало с разными завоевателями, но сейчас эти степные звери снова достают свои ужасные топоры и с ликующими криками прыгают в седла!

— Если не отыщут быстро, — сказал он потерянно, — доберутся и сюда.

— Хуже другое, — ответил Ратша.

— Что?

— Нас могут перехватить в любой день. У этих зверей не кони, а птицы!.. Без подков, не знают устали, скачут день и ночь.

Всадник побледнел, привстал на стременах и начал оглядываться. Блестка все слышала, понимала их страх, в сердце вспыхнула гордость за артан, за тот страх, что нагоняют на врагов. Потом вспомнила брата, его ликование и его смятение, представила, как он сейчас мечется в каменном мешке дворца, разбивает в кровь кулаки и голову о стены, тяжело вздохнула.

Всадник повернул коня и помчался к обозу. Иггельд взглянул на Блестку, брови удивленно взлетели.

— Что с тобой?.. Не рада свершениям соотечественников?

Она ответила тихо:

— Сердце рвется от боли. Придон еще более несчастен, чем когда скитался по Степи и слагал песни, от которых даже каменные сердца истекали кровью. Сейчас он на вершине славы, никому не удалось сокрушить Куявию... но он страдает.

— Он получил то, чего добивался!

Блестка покачала головой.

— Мужчины... Ничего не понимаете.

— А что тут понимать? — спросил Иггельд сердито. — Он хотел эту женщину — он ее получил.

— Боюсь, — произнесла она тихо, — что потерял.

— Ну да, убежала, но отыщет же!

— Он потерял ее по-другому.

Иггельд, не желая спорить на непонятные темы, отвернулся. Пришел Ратша, угрюмый, подавленный, сказал невесело:

— Погоди немного. Надо навести у них порядок. А то сбились все в кучу! Их не то что артанин, пьяный мужик с палкой разгонит. Вы займитесь чем-нибудь, ну... придумайте, а я пойду погоняю их малость. Нельзя, просто нельзя ехать толпой, сложив доспехи и мечи на самую заднюю телегу!

Ушел, Иггельд, злой и нахмуренный, тоже слез, снял Блестку и оставил ее со связанными руками. Чернышу, ткнув в нее пальцем, строго сказал:

— Стеречь!.. Понял? Стеречь.

Дракон посмотрел на Блестку очень внимательно, во взгляде не было ничего дружелюбного. Она застыла от страха.

— Зачем? Я не убегаю.

— На всякий случай, — ответил Иггельд недобро. — Если вдруг... Черныш — очень послушный дракон, поняла? Будешь убежать, на этот раз догонит и попросту сожрет. В прошлый раз, когда убежала, я сказал ему только: «Искать». Улавливаешь разницу?

Он пошел к обозному лагерю, она осталась, трепещущая, похолодевшая. Черныш не проявлял враждебности, но, когда хотела приблизиться и почесать ему за ухом, поднял голову и посмотрел в упор. Взгляд недобрый, так смотрят на дичь. Она застыла, дрожащие ноги кое-как вернули ее на прежнее место.

От костров доносились возбужденные голоса. Примчались еще двое всадников, все кричали и размахивали руками. Блестка прислушалась, из обрывков разговора ясно, в соседней долине показались артане. Всего два отряда по сто человек, но среди них узнали Прия, Черемшу, Волога и даже слонopodobного Немана, чьи имена наводят ужас уже по всей Куявии. Иггельд помрачнел, сразу разослал во все стороны людей, но тут же прискакал еще один, прокричал, что в их сторону направляются еще два конных отряда.

Иггельд рассвирепел, без нужды накричал на военачальников. Когда они уходили, велел знаком остаться Ратше. Тот сам сказал первым:

— Я не знаю, что на тебя нашло, но ты не прав. Сам же убеждал не сражаться, когда нет прямого смысла сражаться. Мы же не артане, что лезут на рожон!

Иггельд с силой потер лоб, глаза измученные, белки покраснели.

— Прости, я в самом деле... немного не в себе. Вели всем разобрать оружие, доспехи не снимать, ехать без остановок до самого Города Драконов. Если сломается чья-то телега, обозу не останавливаться!

— Ого, — произнес Ратша. Блестка не поняла, чего в голосе больше: одобрения или осуждения. — Ты жесток. Но прав, прав.

— Пусть идут до самого Города, — повторил Иггельд. — Если придется, там и дадут бой.

Ратша ушел, Иггельд некоторое время тупо и раздраженно смотрел вслед. Что-то с ним, Иггельдом, происходит. Почему-то захотелось дать бой артанам. Показать мощь своих рук, выказать свою удаль, отвагу, силу...

Он стиснул челюсти. А не пленница ли виной, что он готов поступить глупо и безрассудно? И кому он показывал бы мощь своих рук и отвагу: артанам или... ей?

Из груди вырвалось глухое рычание.

Блестка сидела, прислонившись к боку Черныша. Толстая костяная броня едва слышно шелестела, щитки то сдвигались, то сдвигались, она чувствовала теплое дыхание дракона и даже слышала лопатками, как там, в глубине, бьется огромное сердце. Иггельд подошел огромный, злой, нахмуренный и такой властный, что она чуть не встала при его приближении, но, как только поймала себя на такой мысли, со злости едва не легла с драконом рядом.

Черныш вскинул голову, глаза с мольбой уговаривали: ну позволь мне встать, позволь прыгнуть к тебе, я же тебя люблю, почему ты не позволяешь мне ликовать?.. Иггельд холодно посмотрел на Блестку, велел отрывисто:

— Поднимайся. Поедешь в повозке.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Не твое дело, — бросил он резко. — Или тащить силой?

— Не справишься, — ответила она дерзко, но поднялась и пошла, он придерживал ее за связанные руки.

Возле крытой повозки уже гарцевали двое молодых парней, на нее смотрели во все глаза. Подбежал молодой парнишка, за узду вел красивого тонконового жеребца. Иггельд жестом велел Блестке лезть в повозку, сам вскочил на коня.

Она обернулась в дверях.

— А свою жабу с крыльями бросаешь?

— Вернется сам, — буркнул он. — Дорогу знает... Не волнуйся, он тебя встретит!

— Меня отобьют по дороге, — сказала она дерзко. — А вас всех — на колья. Нет, с тебя сдерут шкуру. С живого. А уже потом на кол!

— Мечтай, — буркнул он, — мечтай, женщина!

Но лицо потемнело, он вернулся к дракону, конь пугался и отказывался подойти ближе, Блестка видела, как он спрыгнул в раздражении, подошел к Чернышу, обнял морду и что-то настойчиво втолковывал. Руки то гладили, то теребили, даже постучал кулаком по широкому, как печь, лбу.

Дракон поднялся на все четыре с явной неохотой. Мешки и сундуки на спине и по бокам задвигались, сталкивались, а когда начал разбег, вовсе затряслись, вот-вот оторвутся. Наконец его лапы оторвались от земли, он часто и сильно мял воздух могучими крыльями, поднялся, сделал круг над беженцами, Иггельд властно указал в сторону гор, дракон поднялся выше и вскоре исчез.

Блестка сидела на узкой скамеечке в загроможденной узлами повозке, эти жалкие куявы тащат с собой слишком много тряпок, презренный народ, в окошко видно, как Иггельд вскочил на коня, резко дернул повод, конь повернулся и понесся вдоль обоза. В долине поднялась пыль, воздух наполнился ревом скота и ржанием лошадей. Волы поспешно впрягали, в телеги бросали все необходимое, но в спешке бросали и лишнее, а потом окажется, что самое важное забыли погрузить, конные отряды сосредоточились на западной части лагеря, откуда покажутся страшные артане. Все нервничали, никто не хотел вступать в бой, все стремились уйти как можно быстрее.

Блестка всеми силами души пыталась замедлить эту бесптолковую суету, это бабье беганье взад-вперед, артан же поощряла пройти еще чуть-чуть, наткнуться на лагерь... И — ничто не удержит от лихого и стремительного нападения на этих трусливых кур, на этих тупых овец!

Иггельд проносился на огромном коне, суровый и яростный. От него шарахались даже воины, Блестка вынужденно признала, что он все-таки способен драться с артанскими ге-

роями на равных, но он один, а остальные всего лишь туши для артанских топоров, всего лишь живое мясо!

Наконец огромная масса из людей, скота и повозок сдвинулась с места и поплыла дальше. Блестка сжимала кулачки, артане могли остановиться на ночлег всего за соседним холмом, не подозревая, что добыча совсем близко!

Иггельд проехал возле ее повозки, бросил хмуро:

— Похоже, артане не такие уж и всезнающие!.. Легко бы могли догнать.

— Они не пытаются крестьян, — огрызнулась она. — Если бы посадили на колья двух-трех, остальные сразу бы рассказали, где вы!

Иггельд нахмурился. Блестка переоценивает боевой дух куявов: зачем пытаться, им достаточно показать плеть, и уже рассказали бы все про их лагерь. Но артане в своем высокомерии не догадались допросить местных крестьян, а те сами не побегут к врагам доносить на своих, и то хорошо.

И все-таки обоз двигался медленно, выдавал себя огромным облаком пыли, грохотом, скрипом телег, натужным мычанием волов и ржанием коней. Иггельд в тревоге велел отделить часть скота и лишних коней, послать навстречу врагу. Блестка вынужденно признала, что ход хороший. Наткнувшись на огромное стадо, артане могут обмануться, начнут хватать добычу, делить, отбирать лучших коней, а за это время куявы успеют приблизиться под защиту своих проклятых черных башен магов!

Иггельд во весь опор носился взад-вперед вдоль растянувшегося обоза. Тревога съедала сердце, артане на хвосте, и хотя их впятеро меньше, но от этих степных волков не отбиться, куявы — добрые, умные, веселые — все равно не отбьются, в рукопашном бою решает не ум, увы. И не богатство, не количество мудрецов в стране...

Дважды ловил себя на том, что делает крик, чтобы проехать мимо телеги, где везли связанную пленницу. Теперь при ней неотлучно находился Ратша, периодически проверял узлы на веревках. Иггельд снова мчался вдоль вереницы

повозок, а солнце сияло ярче и радостнее, воздух становился чище, и все лишь потому, что увидел ее, услышал ее голос...

Даже неважно, что она снова выкрикнула ему что-то обидное. Он уже знал, что ее твердые губы могут становиться мягкими, она может улыбаться, он никогда не забудет ту первую улыбку, неожиданную и оттого самую драгоценную, она может вспыхнуть как маков цвет, ее тонкие сильные руки, что с такой силой отталкивали, наверняка могут и обнять.

Нет, она еще ни разу не ухватила его за плечи, но перед глазами то и дело вспыхивали нелепые и дикие грезы, как однажды это произойдет, как он прижмет ее к своей груди, как ослабеет ее сопротивление, как поднимет к нему лицо с большими дивными глазами, в них загорится ясный свет, на щеках появятся ямочки, а полные губы нальются жарким огнем и потянутся к нему...

Он вздрагивал, гнал от себя эти непристойные видения, от которых слабеет тело, в руках появляется дрожь, сердце стучит чаще, а перед глазами вообще исчезает мир, вытесненный ее лицом, ее глазами, ее губами...

На второй день, не выдержав, пустил коня рядом с повозкой и попытался завязать беседу. Блестка смирила его убийственным взглядом. Иггельд сиял, как раз проезжали у подножия горы, где на вершине темнеет высокая каменная башня. Начал рассказывать, кто ее построил и какие чудеса в ней происходили, Блестка попросту задернула занавеску.

Озлившись, он пригрозил, что повезет рядом на коне связанную, а это вызовет насмешки со стороны вольничавших воинов. Она начала отвечать, но это оказалось еще хуже: высокомерия и надменности в ней хватило бы на весь дворец Тулея. Она поливала его презрением, а он чувствовал себя последним холопом, что нагло гарцует на ворованном коне.

Тут:

Солнце медленно опускалось, сумрак сошел в долину, и словно разом повеяло холодом, лица стали мрачными и насупленными. В недосыгаемой выси ярко сверкали вершины заснеженных гор. Солнце скрылось за краем земли, мир стал серым и бесцветным, но сияющие пики стали еще ярче, сле-

пили глаза, словно накаленные в огне наконечники острых копий.

Ратша пересел в седло, но чаще всего, явно по просьбе Иггельда, объезжал повозку, всматривался, словно пленница тайком приделывала к ней крылья. Когда мимо промчался Иггельд, крикнул ему весело:

— Наши горы!

Иггельд откликнулся с превеликим облегчением, лицо сияло:

— Наши...

И хотя горы еще не совсем те, там дальше другие, еще выше, а потом еще и еще, пока среди самых высоких не откроется добравшемуся туда удивительная Долина, Долина Драконов, Долина Грез и Мечтаний.

— Наши горы, — повторил он. Тяжелая каменная гора с треском лопнула, свалилась с плеч. Он ощутил, что может распрямить сведенную судорогой спину, вздохнуть, а на сердце сразу как будто запели молоденькие веселые птички. — В самом деле... горы — наши!

— И артане туда не пройдут, — подтвердил Ратша твердо.

Не сговариваясь, все прибавили шаг, даже кони пошли без понукания быстрее, им передалось нетерпение всадников.

На третий день пути воины оживились, указывали руками вперед и вверх. Блестка повернулась, ничего не увидела, кроме гор, но когда подняла голову, сердце остановилось от страха и невольного восторга. На неприступной горе горела красным огнем высокая крепость, даже не крепость, а целый город, обнесенный высокой стеной. Кровавый закат окрасил небо в пурпур, небесный огонь озарил его сверху, он выглядел вырезанным из цельного рубина.

По мере того, как обоз приближался, на всех башнях подняли стяги, а с навеса над воротами звонко и красиво пропела серебряная труба.

Блестка смотрела непонимающе: гора абсолютно неприступная, высокая, а крепость занимает всю верхушку. Как они сами добираются к себе?..

Телеги тянулись медленно, дорога изогнулась, крепость

медленно поворачивалась, Блестка вздрогнула, когда из-за поворота начал выдвигаться самый удивительный мост, какой она только видела. Он переброшен через ужасающую пропасть и соединял крепость и массивное плато, по которому они двигались. У нее пробежали мурашки по спине, трудно вообразить, как это все создано, как они вообще здесь живут, люди могут жить только в степи, ровной как стол...

Когда телега наконец въехала на длинный узкий мост, Блестка застыла, страшась шелохнуться. В ширину мост пропустит одну телегу или двух всадников стремя в стремя, каменные бортики поднимаются не выше тележной оси. Стоит лошади испугаться или понести, она рухнет в пропасть и пощипит за собой телегу...

Иггельд ехал впереди совершенно спокойно, посматривая по сторонам. В какой-то момент привстал в стремях и помахал кому-то рукой. Очень долго и осторожно проводили через удивительный мост весь обоз, а когда страхи остались позади, Иггельд вернулся к повозке, поехал рядом. Лицо его дышало довольством и весельем.

— Ну как тебе? — спросил он.

Она не уловила в его голосе самодовольства или заносчивости, ответила искренне, как если бы на минутку забыла, что он враг:

— Красиво. Как будто строили для женщин.

— Почему для женщин? — удивился он.

— Слишком красиво, — отрезала она. — А красивое — недолговечно. Придут артане, разнесут все по камешку. Это и есть твоя крепость?

Он ответил спокойно:

— У меня нет крепости.

Она опешила.

— Как так?

— А очень просто. Мы — мирный народ. Живем еще выше в горах, куда другие не поднимаются. Правда, недавно мы перегородили стеной единственный проход... и ворота, ха-ха, поставили! Ты все увидишь. А пока остановимся здесь, это и есть знаменитый Город Драконов.

Она спросила, не утерпев:

— Знаменитый? Я больше слышала о твоей Долине.

Он вяло отмахнулся.

— Наверное, нас считают одним и тем же. До моей Долины совсем близко, рукой подать. Даже пешком, не обязательно на драконе. Здесь переночуем, а завтра ночевать будем уже дома.

Она помрачнела, он не сразу понял, в чем дело, прикусил язык. С каждым шагом они все дальше уходят от ее дома.

— Да, — произнесла она наконец с горькой насмешкой, — ты хорошо устроился!

— В чем?

— К твоему гнезду дорога идет только через эту крепость?

Он понял, нахмурился, ответил с большой неохотой:

— Я ни от кого не прятался. Так получилось, что... поселился так высоко. Просто выше моей Долины уже нет места. Да и то было негодным, пока... словом, сейчас там жить можно. Я ни от кого не прячусь, ты поняла?

Он запнулся, она увидела по мгновенной заминке, что не прячется теперь, а раньше вынужден был прятаться, и внешне вынужден был прятаться, и внешне вынужден было наполнить грудь. Похоже, это как-то отразилось в глазах или на лице, она не знала, но Иггельд посмотрел как-то странно, брови полезли на лоб, зрачки расширились.

Она запуталась в незримый плащ достоинства, взгляд стал равнодушным, холодноватым, надменным, Иггельд сразу поник, плечи опустились, лицо стало не то чтобы виноватым, но все же растеряло мужественность, стало почти детским и обиженным.

ГЛАВА 7

ддд
еее

И все-таки Город Драконов ее удивил: нет обычной и ненужной куявской роскоши, что унижает женщин и делает слабыми мужчин, зато многое годится для умелой и долгой обороны. Эта крепость, признала она, может удерживать це-

люю армию. Кто бы ее ни делал, он создал неприступную твердыню. Даже внутри все служит для обороны, все лестницы расположены так, что с мечами не ворваться, в то время как обороняющиеся могут легко колоть копьями, поражать стрелами.

Даже то, что во многих помещениях сыро и грязно, в углах и с потолочных балок свисают, как серые пыльные полотнища, слои паутины, ничуть не смутило ее, таким и должно быть жилище воина. Иггельд украдкой присматривался к ней, замечал, как она взглядом замеряет толщину стен, подсчитывает, кто где из часовых поблизости, сколько их, восхитился ее неукротимой энергией и силой воли.

— Это наш дом, — сказал он, торопливо объяснил: — Его называют моим, но на самом деле это наши долинчане купили его, чтобы здесь останавливаться на ночь, хранить товары.

Навстречу вышел невысокий толстенький мужчина в теплой одежде, низко поклонился. К Блестке направился молодой парень, явно намереваясь помочь спуститься на землю. Блестка выскочила легко и красиво, он отшатнулся, когда она бросила в лицо поводья. Иггельд спрятал улыбку. Артанка хоть и пленница, но ухитряется держаться с грацией и достоинством принцессы.

Блестка искоса наблюдала, как толстячок снова поклонился Иггельду, уже чуть-чуть, спросил густым недружелюбным голосом:

— Какие будут указания?

— Воинов, — отмахнулся Иггельд, — разместить как обычно. А гостя у меня только одна...

Управляющий посмотрел на Блестку без выражения. Мудро, успел подумать Иггельд, он сам еще не успел ничем выказать, кого привез: знатную особу или простую девку на одну ночь.

— Благородной гостье, — сказал он громко, чтобы слышали и другие слуги, — отвести комнату в центральной башне. Пока мы перекусим с дороги, в ее комнате все подготовить, помыть, почистить...

Блестка поморщилась.

— Я предпочла бы сперва помыться. Я понимаю, что кювы никогда не моются...

Игтельд стиснул челюсти. Если он и намеревался скрыть хотя бы вначале, что она здесь пленница, то гордая артанка сама сразу заявила, что она — артанка. А это значит, что пленница. И слугам станет яснее, почему именно в центральной башне. Всего лишь потому, что оттуда бежать невозможно.

В отведенную ей комнату принесли бадью, наполнили теплой водой. Блестка вымылась быстро, вытерлась и едва успела одеться, как хлопнула дверь, он вошел высокий, остроглазый, с непонятной улыбкой на лице и ворохом теплой одежды. Она посмотрела искоса и отвернулась к окну.

— Понравилось? — спросил он. И, не дожидаясь ответа, добавил: — Обойдемся без ночевки. Я помог им добраться за трое суток, иначе ползли бы неделю, а за это время артане... Дальше доберемся на Черныше.

Она спросила недоверчиво:

— Ты же сказал, что до твоей Долины совсем близко...

— Да, — ответил он, — но когда можно на Черныше... Суп не успеет остыть, как мы будем дома. Ты оденься потеплее. У нас холодно.

По ее лицу промелькнула тень, он заметил, нахмурился, это для него дом, а для нее уютным домом послужит разве что грязная юрта, перед которой на копье должна торчать его голова, чтобы юрта сразу превратилась во дворец.

На улице ждал Ратша с двумя конями, в сторонке горячил резвую кобылку подросток, учил ходить ее на задних ногах, но, когда Игтельд вывел Блестку, сразу посерьезнел, уставился на нее круглыми любопытными глазами.

Ратша придержал коня, пока Игтельд садился. Блестка не успела вспикнуть, как сильные руки подхватили ее, она оказалась впереди Игтельда, прижатая к его груди. Ратша вскочил в седло, Игтельд гикнул, они выехали рысью, все это время Блестка не двигалась, еще не зная, как поступить правильно. Так и выехали за городскую черту, Ратша захохотал, вскинул голову.

Черныш парил над их головами так низко, что можно рассмотреть все чешуйки на брюхе. Иггельд помахал рукой, торопливо соскочил на землю. Черныш стремительно пошел вниз, Иггельд передал повод коня Ратше и побежал навстречу. Блестке показалось, что дракон обрушился на человека всей тяжестью, вмял в землю, расплющил, а теперь пожирает, слышен даже хруст костей...

Ратша хохотал, удерживал испуганных коней. Черныш, как рассмотрела наконец Блестка, ухватил Иггельда передними лапами, облизывал, визжал в восторге тонким поросычьим голосом, а Иггельд, в свою очередь, обнимал его громадную голову, чесал, даже целовал в морду и ликующе вытаращенные глаза.

— Во как, — сказал Ратша с грустью. — Может, и мне завести... хоть какую-то собачонку?

— Зачем?

— Да вот чтоб... — пояснил Ратша. — Возвращаюсь, а дома хоть кто-нибудь ждет, смотрит блестящими глазами, бросается навстречу! Радуетя, значит, поняла?.. Как думаешь, что лучше завести: собаку или женщину?

Блестка надменно отвернулась, буркнула:

— Свиною.

— Гм, — сказал Ратша в раздумье, — есть у меня знакомая... у нее все свойства собаки, за исключением верности. Потому и не решусь никак...

— А где все те мешки и сундуки, — спросила Блестка, — что навешали на бедную жабу?

Ратша ухмыльнулся.

— Вот кого-то удивило бы, посыпья с неба золотые монеты!.. Про щедрость богов начал бы рассказывать, а ему бы плевали в глаза... Нет, Черныш слетал в Долину, там все сняли, а он вернулся. Очень уж он к Иггельду равнодушный... Как думаешь, почему?

Она холодно отвернулась. Пока отдавали сопровождающему коней, Черныш, нацеловавшись, начал носиться галопом взад-вперед: то ли ловил зайца, то ли гонялся за собственным хвостом. Земля гудела, кони дрожали, пятились, пы-

тались вырвать узду из рук парнишки. Ратша соскочил на землю, принял Блестку, она сделала вид, что не замечает его рук. Ратша передал поводья подростку, тот свистнул и торопливо унесся.

Ратша последил за Чернышом, крикнул Иггельду насмешливо:

— Что это он делает? Иггельд, останови. На глазах артанки... Он же лицо теряет! Как можно такому чудищу скакать будто шенку?

— А он и есть щенок, — ответил Иггельд. — Будто не знаешь, первые пятьдесят лет... Черныш, ко мне! Ко мне, свиненок!.. Быстрее, а то рассержусь.

Черныш примчался, свалил его и снова с довольным хрюканьем и могучим визгом, от которого вздрагивала земля, а подземные звери начинали рыть норы глубже, вылизывал лицо самому прекрасному человеку на свете, своему родителю, лицо, руки, плечи, грудь. Иггельд кое-как отпихнулся, поднялся, лицо стало строже.

Ратша перестал хохотать, схватил Блестку и потащил, как муравей гусеницу, на спину дракона. Черныш лежал смирно, только бока часто раздувались да на спине поскрипывали щитки. Иггельд сел, как обычно, впереди, оглянулся.

— Дёржитесь?

— Крепко, — заверил Ратша. — Артанку, правда, держу двумя пальцами...

Блестка видела, как Иггельд нахмурился, раскрыл было рот, перехватил ее взгляд, отвернулся, но она успела увидеть тревогу в его глазах и раздражение от таких шуточек боевого товарища. Ее сильно бросило назад, в спину врезался шип гребня, а в бока — ремни. Земля опустилась, а вместо нее появилось синее небо. По бокам и чуть сзади слышались мощные удары, словно широкими веслами по воде, их толчками поднимало все выше и выше.

Наконец мир выровнялся, дракон перестал карабкаться к небосводу, как пущенная из лука стрела, теперь он напоминал большой корабль, что мирно покачивается на волнах, Блестка чувствовала, что он все еще продолжает подниматься, только теперь вот так, словно всплывающая со дна озера

деревяшка. Чувство страха сменилось восторгом, а потом снова в сердце возник страх такой странный, что уже и не страх, просто не могла подобрать названия. За спиной остались зеленые равнины, мохнатые ковры лесов, голубые глаза озер и синие вены рек, внизу пошли серые безжизненные нагромождения камней, скал, глыб — сперва еще с коричневыми пятнами мха, потом голые, мертвые.

Ветер все так же бил в лицо и ревел в ушах, Блестка ежилась, сжималась в ком. Там внизу, под драконом, мир страшен, в нем нет жизни. Не только людей, среди этих ледяных шапок жизни нет вообще. И быть не может. В Артании с наступлением зимы все муравьи и жуки уходят под землю, зарываются и спят до весны, а потом выползают и бешено заполняют мир жужжанием, писком, стрекотом, носятся и мелькают перед глазами, а здесь им некуда зарыться, везде камень, а зимой еще и снег со льдом, даже деревьям негде уцепиться, неоткуда тянуть соки...

Дракон взмахивал крыльями все реже. Ей показалось, что он заблудился, рыскает в полете, выбирая место для посадки. Ветер дул еще и сбоку, сносил в сторону, дракон сердился, вскрикивал резким металлическим голосом, как кричала бы, имей голос, огромная стенобитная машина.

Впереди фигура Иггельда качнулась, он постучал правой ногой, с силой топнул, дракон сделал полукруг. Блестка смутно ощутила, как ее ноги отрываются от костяного панциря. Нет, не оторвались, удержали примерзшие штаны. Еще два резких рывка вниз, словно дракон попадал в незримые воздушные ямы, тут же слева пронеслась острая, как лезвие топора, вершина горы. На миг там же слева распахнулся прежний простор, затем снова сверкающая льдом вершина, эта ~~часть~~ намного выше, а потом замелькали стены, все быстрее и быстрее, уже справа и слева, начали сдвигаться, дракон почти царапал их крыльями.

Желудок поднялся по пищеводу и стремился протиснуться в рот. Блестка сжала челюсти, молилась всем богам, чтобы кончилось как можно быстрее. Мелькающие стены слились в сплошную серую полосу. Ее сильно трянуло, подбросило

еще дважды, сверху и со всех сторон обрушился снежный вихрь, что прекратился так же резко, как и начался.

Дракон лежал, можно сказать, на узком длинном шпиле. Голова свесилась с одной стороны крохотной площадки, а хвост — с другой. Внизу слева виднелись остроконечные вершины, промерзшие насквозь, справа в двух десятках шагов торчит острый, как наконечник копья, горный пик. Такие же остроконечные горы уходили вдаль, похожие на гребень гигантского дракона, что заснул на тысячу лет, а между иглами гребня намело снега. Снежная буря, поднятая крыльями Черныша, затихла, снег падал быстро, не снег, а мелкие кристаллики льда.

Иггельд поднялся и, стоя на драконе, осматривался. За спиной Блестки раздался потрясенный голос Ратши:

— Ну ты и... Ты чего?

— Надо осмотреться, — сказал Иггельд серьезно. — И как можно скорее. Боюсь, артане могут прийти даже сюда.

— Рехнулся?

— Если бы, — ответил Иггельд горько.

Ратша расхохотался, кивнул на Блестку.

— Не из-за нее же? Хотя ради такой можно...

Иггельд оглянулся на застывшую в ужасе Блестку, покачал головой.

— Нет, у них что-то связано с драконами. Какая-то застарелая ненависть. Ты же знаешь, они уверены, что их призвание — очистить мир от драконов. Так им твердят их волхвы. Боюсь, эту дурь из их голов ничем не выбить.

Блестка наконец решила оглядеться, от ужаса закрыла глаза, сердце едва не выскочило. Сквозь шум крови в ушах слышала их будничные голоса, оба прикидывают, где разместить деревянный навес с камнями над узкой тропой, где выставить лучников, где поставить фальшивый мост...

Она заставила себя открыть глаза. Все горы ниже, намного ниже лежащего на краю пропасти дракона, а справа, рукой подать, — игрушечный город в зеленой долине, тоже окруженной стеной отвесных гор. К этой долине ведет извилистая тропка, почти везде по самому краю пропасти, с другой стороны — стена.

Блестка чувствовала, как из пропасти поднимается смертельный холод, ползет по ее ноге, холодит кожу, замораживает сердце. Едва двигая губами, она поинтересовалась, стараясь держать голос равнодушным:

— Это и есть твоя Долина?

Иггельд смолчал, Ратша уверенно ответил:

— Его, его! Так и называют — Долина Иггельда!

Иггельд сказал сухо:

— Ладно, все решили. Пора домой. Черныш, лежи спокойно!

Они взобрались, один сел спереди, второй сзади, Блестка слышала шумное сопение Ратши за спиной. Иггельд оглянулся, проверяя, тут же Черныш попросту прыгнул в бездну. Блестка задохнулась от ужаса, сердце поднялось к горлу и застряло там, перекрыв даже дыхание. Бесконечно долго падали, она чувствовала ледящийся ужас во всем теле, затем внутренности медленно опустились, ощутила толчки, Черныш наконец-то изволил взмахнуть крыльями.

Их вознесло в поднебесье, без всякой нужды, как показалось Блестке, и тут же дракон начал снижаться. Иггельд свесился в сторону, что-то внимательно рассматривал. Блестка опасно всмотрелась; среди высоких абсолютно мертвых нагромождений промерзлого камня появилась и начала разрастаться утопленная в этот жуткий мир гигантская чаша. Высокие стены почти правильным кольцом окружили Долину, а по мере того, как дракон подлетал ближе и снижался, можно рассмотреть множество крохотных домиков. Поднялись дымки, Долина жила среди этого враждебного человеку мира...

— Это твоя, — произнесла она и обнаружила, что голос стал хриплым, почти каркающим, — твоя Долина?

Ратша за спиной хмыкнул:

— Да все не может налюбоваться. То с одного боку по-смотрит, то с другого...

Иггельд бросил сердито:

— Ты знаешь, почему я так!

— Да ладно тебе, я шучу. Укрепим, не беспокойся. Ни одной тропки сюда нет, сам знаешь.

Блестка в начале чаши рассмотрела не каменную стену самой горы, а тонкую и свеженькую, словно только что выструганная доска, стену из явно сложенных человеком камней. Высотой почти достигала соседних гор. Черныш прошел выше, Блестка оглянулась и только теперь рассмотрела еще и толстые ворота.

— Надеешься, — крикнула она, — что таран не пробьет?

— Дура, — ответил он сухо, — эта стена от ветра. Потому и ворота закрыты.

Она обиделась, хоть и не поняла, при чем тут ветер, тем более — запертые на засов ворота, но Черныш все больше снижался, вертел головой, высматривая знакомых, что ли, крылья поставил парусами. Блестка ощутила, что спина под нею задирается, но опрокинуться не дали ремни. Дракон несся прямо в Долину с домиками, он всего лишь растопырил крылья и спускался ровно и плавно, как гусь, что садится на гладь родного озера.

Внизу промелькнула короткая каменная стена, преграждающая горловину узкого ущелья, в следующее мгновение огромный растопыреннокрылый зверь пронесся над крышами. Снизу весело кричали и махали руками, шапками, а он победно скользил, как по незримому льду. Крыши кончились, Блестка ощутила по напряжению спины под ногами, что дракон выставляет вперед лапы и напрягает их, готовясь принять вес большого крупного тела.

Толчок, два коротких прыжка, дракон с облегчением лег на брюхо, даже голову опустил, из распахнутой пасти дыхание вырывается шумно, часто и со свистящими хрипами. Игельд тут же сбросил ремни, повернулся, одним движением отцепил ее от сплетения ремней и веревок.

— Мы на месте, — сообщил он. — Слезай, пусть Черныш побегаёт.

Он соскочил на землю и уже снизу вытянул к ней навстречу руки. Блестка попыталась соскользнуть так же легко, как и он, но позорно поехала на спине, растопырив ноги и руки. Игельд поймал ее в объятия, не дав упасть, на мгновение задержал, их взгляды встретились. Блестке захотелось

чтобы он держал ее так долго, чтобы прижал к своей груди... но, конечно же, она нахмурилась, отстранилась с брезгливостью на лице, словно побывала в лапах гигантской жабы.

Дракон тут же поднялся, лизнул Иггельда и резво побежал к скалам, где темнели норы пещер, но по дороге словно невзначай пихнул хозяина, тот от неожиданности упал, дракон тут же развернулся и бросился облизывать, не то из горячего сочувствия, мол, лечу, не то делая вид, что тот сам пригласил его играть.

Ратша хохотнул, Блестка невольно улыбнулась, из этих двух — Черныша и Иггельда, у дракона чувства юмора больше, всегда готов к проказам, а Иггельд слишком серьезен, даже чересчур...

Он подошел, все еще рассерженный, отмахнулся:

— У него там нора.

Ратша добавил с усмешкой:

— Там их целая колония, как у ласточек!.. Это птички такие.

— Он так и будет бегать в этих ремнях? — спросила Блестка язвительно.

Ратша хохотнул:

— Молодец, заметила! Там у пещер всегда есть дежурный, снимет.

От каменных домов в их сторону бежали ребяташки, кричали, визжали, подпрыгивали. На окраине собрался народ, другие только выходили из домов, степенно приветствовали Иггельда, здоровались с Ратшей, с любопытством смотрели на Блестку. Она на ходу растирала кисти рук, там следы от веревок, на толпу посматривала высокомерно, здесь не просто куювы, а куювы сумасшедшие, что оставили равнины и поднялись в эти жуткие горы, они не заслуживают даже благосклонного взгляда.

Так, окруженные толпой, вошли в этот удивительный город, весь из тяжелых каменных глыб, некоторые дома только наполовину выступают из отвесной горы, а у других только намечен фасад, сами комнаты явно там, внутри. Дошли до огромного каменного дома, совсем новенького, выстроенного

старательно, с азартом, но все же наспех, Блестка это поняла сразу. Дом не то чтобы особняком, но перед ним небольшая площадь, ко входу ведут широкие гранитные ступени, а по обе стороны от дверей две глыбы из темного камня, одну уже почти оформили в виде дракона со вскинутой головой, другую обтесывать только начали и, похоже, бросили на полдороге.

На ступеньках Иггельда ожидали пятеро: четверо мужчин и толстая немолодая женщина. Все бросились навстречу, обнимали его, поздравляли с возвращением, а Ратша, уловив мгновение, шепнул Блестке:

— У вас так слуги не встречают господина?

Блестка остолбенела. Что за мир, в котором слуги так себя ведут с хозяином? А говорят, в Куявии слуги вообще ползают на брюхе...

Толстая женщина, матерински ощупывая Иггельда, обернулась к Блестке. Ее широкое лицо дрогнуло в улыбке, она поинтересовалась:

— А это что за красавица наконец возле тебя?

Иггельд поморщился.

— Странные у тебя, Пребрана, представления о красоте... В любом случае не поворачивайся к ней спиной, пусть у нее в руках не будет даже иголки.

Женщина перевела взгляд с Блестки на него. Лицо стало озадаченным.

— Не понимаю...

— Потом поймешь, — ответил Иггельд нетерпеливо. — Все в дом! Хочу помыться, а вы пока приготовьте что-нибудь на стол. Я устал драться с Чернышом за кусок мяса.

Ратша распрощался, его уже утаскивали за руки женщины, дети, кланялись издали почтенные старцы, явно пользовался любовью и уважением, а Иггельд и Блестка вошли в дом. Блестка быстро, стараясь делать это незаметно, озиралась по сторонам.

Огромный зал, у левой стены очаг, и у правой еще один, оба огромные, можно целиком дубы жечь, к одному бросились двое и принялись спешно высекать огонь, подклады-

вать сухую бересту. Широкая гранитная лестница ведет на второй этаж, оттуда по ступеням ниспадает почти во всю ширь лестницы ковер цвета запекшейся крови, толстый, не липкий, горожане просто не знают, как выразить свою любовь к этому... основателю.

Иггельд остановился, сказал:

— Завид, Сбыслав! Отведите мою гостью в угловую комнату слева. Да-да, именно в угловую слева!.. Пребрана, принеси ей что-нибудь одеться, у нас здесь холоднее, чем у них... в степях.

Когда ее привели именно в эту угловую слева, она сразу поняла, почему Иггельд дважды повторил тупому слуге, чтобы ее водворили именно сюда, в эту комнату. Возможно, только здесь узкие оконные проемы преграждает решетка из довольно толстых железных прутьев. Окон три, и на всех решетки!

В остальном комната как комната: на стенах две медные чаши светильников, еще одна — на столе, добротном, на толстых дубовых ножках. Две лавки по обе стороны, лавки со спинками, на одной даже нехитрая резьба, явно не законченная. Узкое ложе у стены, маленький стол у самого изголовья, у противоположной стены большой сундук, расписанный грубо, старательно, но неумело, в третью стену вделано настоящее бревно, хоть и со снятой корой, почищенное и даже покрытое лаком. Множество медных и даже серебряных крючков смотрятся сиротливо, а одежда все равно разбросана на лавках, на сундуке, даже брошена на широкий подоконник.

Пребрана сказала торопливо:

— Я сейчас все уберу. Здесь гости из Города Драконов ночевали, хорошие мужчины, добрые. Только пили много. Если пойдешь мыться, все помоем, выскоблим пол... И, конечно, принесем тебе что-нибудь потеплее. У нас ночами холодно.

— Хорошо, — произнесла она равнодушно. — А где у вас моются?

— Внизу, — ответила женщина. Она все старалась не встречаться с нею взглядом, явно не знала, как себя вести со

странной гостьей, что держится надменно и даже властно, но хозяин явно считает ее пленницей. — Но если хочешь... если хотите, я велю принести чан с теплой водой сюда.

— Принесите сюда, — ответила Блестка нежным голосом, в котором звучал металл.

ГЛАВА 8

Дверь за Пребраной закрылась, Блестка услышала, как с той стороны осторожно задвинулся засов. Женщина старалась проделать это как можно более неслышно, но Блестка стояла от двери близко, слышала даже, как Пребрана отошла почти на цыпочках, а потом пустилась бегом вниз по лестнице.

Выждав, Блестка тоже подошла тихонько и подергала дверь. Заперто. Значит, эта комната — ее тюрьма. Понятно, чего еще ждать от куявов.

Комната все же громадная, да и весь дом строили как будто не для одинокого пастуха драконов, а для тцара с его семьей, слугами, придворными, стражей и залами для приема послов. Правда, хоть дом из камня построить потяжелее, чем из бревен, или тем более разбить шатер, зато такой дом остается на века и тысячелетия, ни дожди, ни ветры не разрушат. Потому и строят сразу... с запасом.

Мелькнула мысль, что в этом доме могла бы появиться и хохотливая пухленькая куявка, вся в золотых волосах и с невинными голубыми глазами, мужчины таких любят, тогда эти мрачные комнаты немного оживут...

Она села на лавку, настроение упало, почему-то мысль о хорошенькой куявке с золотыми волосами уязвила. Почему мужчины, даже герои, теряют разум при виде таких простеньких дурочек? Только потому, что те визжат при виде мыши или паука и прячутся за мужские широкие спины?

Уже хмуро, но все-таки быстро и нацеленно на побег, осматривалась, вспоминала дом, через который привели сюда. Все здесь намного больше, просторнее, громаднее, чем представляла. Артане даже в больших городах предпочитают стро-

ить дома из дерева. Это, конечно, не благословенные шатры, но все же позволяет не оставаться на поколения в одном доме. Дерево быстро ветшает, рассыпается, а внуки уже строят дома иначе, даже в других местах.

Здесь же дом сложен из тяжелых глыб, надежно, на века. Правда, вместо высокого свода, как она ожидала, наверху потолок из толстых досок. Справа и слева из зала поднимаются деревянные лестницы. Наверное, там, наверху, еще помещения, она видела издали в стене окна в три ряда. Возможно, в самом деле там комнаты в три этажа, хотя это просто дико, как можно жить, зная, что над тобой кто-то спит, ходит, чешется?

Загремел засов, дверь распахнулась резко, с той стороны явно пнули ногой. Вместо ожидаемой Пребраны с чаном теплой воды ввалился Ратша. От него повеяло запахами свежей кожи, снега. Он посмотрел по сторонам, кивнул:

— Неплохо. Я ожидал, что он тебя поселит в нижних комнатах.

— А там что? — спросила Блестка.

Он поморщился, пренебрежительно махнул рукой.

— Ничего. Просто ничего, ни плохого, ни хорошего. А сюда все-таки натащили всего и всякого. Правда, Иггельд с этим еще не разбирался. Честно-честно! Это не он покупал, это ему все надали. Потому и такая нелепица... Он не замечает, а я бывал не только в других городах, но и в других странах. Вся мебель должна быть сделана одним мастером! А здесь...

Он с некоторым пренебрежением махнул рукой. Блестка спросила недоверчиво:

— А почему столько подарков?

Ратша широко улыбнулся:

— Любят.

Она не поняла, переспросила:

— Его? Ночного Дракона?

— Ну, это для артан он... это самое, а здесь он совсем не Дракон.

— А кто?

— Увидишь, — пообещал он. — Правда, сейчас время

тревожное, но мне кажется, что Иггельд все-таки преувеличивает дурость артан. Не полезут они сюда. Даже в Город Драконов не пойдут. Добычи там нет, а черные башни магов — это черные башни...

Она сказала кратко:

— Придут. А башни сметут, как сухие листья.

В раскряпанную дверь двое мужчин внесли бадью, следом вошли девки с большими кувшинами в руках, начали наполнять бадью горячей водой, поднялся пар. Ратша кивнул:

— Ладно, мойся, отдыхай. Я заглянул на всякий случай, а то Иггельда сразу увели, а тебя тут куры лапами вдруг да загребут.

Он ухмыльнулся, показывая, что шутит, уж ее-то не загребут, сама кого хошь загребет, хоть самого дракона, отступил к дверному проему и вышел, закрыв за собой дверь.

Блестка выждала, когда бадья наполнилась до половины, властным жестом указала всем на выход:

— Идите. Я привыкла мыться сама.

Никто спорить не стал, собрали кувшины и ушли, оставив только на краях бадьи пару тряпочек, а на табуреточке большое белое полотенце, ноздреватые комочки пемзы, пучки странных сильно пахнущих трав.

Она отмывалась долго и тщательно, тряпочки оказались шероховатые, прекрасно сдирающие грязь и пот, а вода от трав стала мягкой, нежной, все тело жадно вбирало новые незнакомые запахи. Она терла с наслаждением, кожа покраснелась, остатки напряжения ушли, стало настолько легко и привольно, что едва не заснула, разомлев от блаженства. Опомнилась, по телу прошла тревога: может, в самом деле спала, а сейчас кто-то придет, с этой стороны двери запора нет, это же не комната, а тюрьма, поспешно выбралась, а растиралась с такой быстротой, что оставила мокрой спину.

По ту сторону двери послышались шаги. Она с сильно бьющимся сердцем сунула голову в рубашку и влезла в кожанные штаны, едва успела застегнуть ремень, как в дверь постучали. Она не поняла, что означает этот стук, может быть, с той стороны приколачивают светильник, вскинула брови, ждала в напряженном ожидании. Стук повторился, затем

снова тишина. Ей показалось, что она слышит дыхание. Отошла от двери подальше, отвернулась и стала смотреть в окно. На всякий случай подергала решетку, может, слабо закреплена, это же строили ленивые куявы, у которых все из рук валится, но решетка устояла, тогда прильнула к ней носом и старалась рассмотреть мир по ту сторону.

Из ее окна видна только часть площади, люди как люди, ничего необычного, от двери раздался скрип, пахло свежим воздухом. Порог переступил Иггельд. На нем широкая свободная рубашка, на груди распахнута, обнажая широкие выпуклые мышцы, и, если еще осталась повязка, то никто ее не видел, не расспрашивал, и ему не приходится врать. Признаться, что ранила женщина, наверное, позорно даже куяву. Сам Иггельд раскраснелся, что для его бледного лица необычно, глаза блестят, а когда подошел ближе, она ощутила терпкий запах вина.

— Я уже велел сообщить артанам, — заявил он весело, — что у меня знатная артанка. Имя не называет, но, судя по тому, что везла, особа важная. Пусть думают!

Он смотрел на нее сверху вниз, в серых глазах прыгали искорки, явно от светильника рядом на стене, она без страха взглянула снизу, поинтересовалась сухо:

— О чем?

Он ухмыльнулся.

— О чем хотят. То ли выкупить, то ли выменять на куявских пленников.

Она покачала головой, произнесла с брезгливой жалостью:

— А ты дурак. Все артане готовы умереть бестрепетно. Женщины и дети — тоже. Никто и не подумает меня выкупать, попавший в плен должен покончить с собой.

Он насторожился, быстро взглянул на нее.

— Я не хотел бы...

— Пока я еще не решила, — ответила она на его невысказанный вопрос, — как поступить. То ли сжечь здесь все, а потом уйти, то ли перебить всех, а потом удалиться.

Он расхохотался, принимая за шутку, но ее лицо остава-

лось спокойным. Смех наконец замер на его губах, он нахмурился, произнес раздраженно:

— Как же, знаменитая гордость артан! Никогда не признаются, что проиграли. Даже покончить с собой, по-вашему, это победа... Странная какая-то победа! Не могло бы все артанское войско красиво покончить с собой? Вот победа так победа!

Игтельд говорил громко, жестикулировал, лицо покраснело еще больше. Блестка смотрела с холодным любопытством, так ей казалось, куявы — свиньи, а когда пьют — то это пьяные и грязные свиньи, самое худшее, что только может быть с человеком. Творец создал виноград, а кто-то из падших ангелов придумал, как его испортить, превратив в безумящий напиток. Потому будь благословен виноград и будь проклято вино. И да будут истреблены все, кто пьет вино, кто ест свинину, кто поклоняется созданиям нечистых — драконам, дивам, оборотням, вурдалакам.

В его блестящих от вина глазах промелькнул внезапный гнев. Он сделал еще шаг, она отступила и уперлась спиной в каменную стену. Приходилось смотреть снизу вверх в его лицо, чтобы не видеть обнаженную грудь, когда мужчина обнажен до пояса, то это его боевой наряд, а если вот так, с распахнутой рубахой, то это почти непристойно.

— Ты просто глуп, — повторила она.

— Ты это уже говорила, — возразил он. — Новое придумать не можешь?

Блестка холодно смолчала. От его тела шел жар, по ее коже пробежали крохотные лапки, словно промчались встревоженные муравьи. Игтельд широко ухмыльнулся.

— Я знаю, — сказал он громко и зловеще, — что может сломить гордость артанки.

Она напряглась, ощетижилась, готовая драться.

— Что?

— Женщина-воин, — сказал Игтельд с непонятной интонацией, — умеющая ткнуть ножом так, что моя стальная кольчуга пропустила лезвие, будто не кольчуга, а тонкая рубашка... но если я пушу слух, что мы спим в одной постели?

Блестка отшатнулась, глаза ее вылезли на лоб.

— Ч-что?

Он кивнул.

— Да, действительно, ну и что? Нет, сделаем даже подлее, ведь мы же подлые куявы, верно? Усилим впечатление слухом, что спим в разных комнатах...

Она застыла, ожидая подвоха, а он закончил:

— Но ты каждую ночь бегаешь ко мне.

Она отшатнулась, а Иггельд подумал, что шутки шутками, а такому слуху в самом деле поверили бы охотно. Женщины обращают внимание на него всюду, где бы он ни показывался. И всюду пытаются оказать ему недвусмысленные знаки внимания.

— Ты... — сказала она звенящим голосом, — грязная куявская свинья!

Он развел руками.

— Я все равно не смогу убедить в обратном, ведь куявы все — мерзавцы, подлецы, трусы, воры, торгаши... и масса других достоинств, всех не запомнил. Так чего мне дергаться? Да, мерзавец. Но я, пожалуй, оставлю эту комнату...

Она сказала резко:

— Так сделай это. Немедленно!

— Сделаю, — согласился он. — Один поцелуй на дорогу.

Блестка смерила его ненавидящим взглядом.

— Ни за что!

Он пожал плечами, руки его начали расстегивать пояс.

— Постель, правда, узковата для двоих, но ничего, поместимся. Говорят, артанки во сне храпят, как их кони... Страшно подумать, как они лягаются...

Она отступила, уже уstraшенная, оглянулась на далекое ложе. Не такое уж и узкое, но все равно никогда не допустит его лечь с нею под одно одеяло! Да лучше выбросится в окно... нет, там решетка, выхватит его же нож и перережет себе горло!

Иггельд протянул к ней руку.

— Один поцелуй, — сказал он очень серьезно, — и я уйду.

— Нет, — отрезала она, не двигаясь с места.

Он видел в ее глазах смятение. Да, о нем слава, как о внезапно появившемся воителе, что свиреп и жесток, что не оставляет пленных, что проносится всюду, как огненный вихрь. Такой если и обращает внимание на женщин, то лишь для того, чтобы зверски изнасиловать, тут же разрубить пополам, наслаждаясь видом умирающей жертвы, и снова на дракона, чтобы убивать, жечь, насиловать... Она тоже слышала наверняка о нем эти басни.

— Да, — сказал он настойчиво, — и я тут же уйду.

Смятение в ее глазах отразилось на лице, что дало ему возможность медленно, как змее, завораживающей лягушку, обнять ее за плечи. Блестка в испуге запрокинула голову, его спокойное лицо нависало над нею без гримасы ярости или похоти, в глазах веселые искорки. Она успела рассердиться: он смеется над ней, не собирался он оставаться в ее постели, это все ложь...

Она так резко отвернула голову, что ее волосы красивым каскадом черного шелка метнулись по широкой дуге и хлестнули мягкой волной по его лицу. В ее глазах Иггельд уловил негодование, облегчение и даже смех. Похоже, она всерьез полагала, что он ничего не умеет делать, кроме как рубить головы и насаживать на пики невинных младенцев.

— Ну так как же?

— Я скорее умру!

Он засмеялся, показав красивые ровные зубы.

— Один поцелуй?

— Большое падение в пропасть, — отрезала она, — начинается с ма-а-аленького шага за край пропасти. Разговаривай так с кувяками.

— А что ты будешь делать? Я сильнее. И на этот раз у тебя в руках нет кинжала.

Он подтянул ее к себе плотно, и в самом деле, на этот раз на его поясе не висит нож. Блестка уперлась в его грудь обеими руками. Огромное лицо с блестящими глазами наклонилось, она не могла оторвать трепещущего взгляда. Губы его, твердые как камень, коснулись ее губ, упругих как дерево. Ей показалось, что проскочила искра, хотя какая искра меж-

ду камнем и деревом, сердце стучит бешено, она все еще упиралась в его могучую грудь обеими ладонями.

На мгновение он оторвал губы от ее рта, она снова увидела его блестящие глаза, затем его руки прижали ее к себе ближе, а губы показались ей уже не такими твердыми. Да, они быстро нагреваются, а ее предательские губы тоже стали мягкими... почти мягкими. Блестка задыхалась от негодования. Наверное, это негодование и усталость от попыток отодвинуться от его сильного и крепкого тела, а губы в самом деле стали горячими и мягкими.

Руки с усилием отодвинули его чуть, губы разомкнулись, он смотрел все так же сверху вниз, а она чувствовала себя слабой, с сильно колотящимся сердцем, и понимала, что сумела отстраниться лишь потому, что он сам слегка ослабил объятия.

— Ну, — прошептала она.

— Что? — спросил он.

— Отпусти меня, — потребовала она.

— Отпустить?..

— Ты сказал, что уйдешь, как только поцелуешь!

Он сказал в недоумении:

— А я что, в самом деле что-то поцеловал?.. Мне показалось, что приложился к могильному камню. Нет, что-то не так. Но что, надо понять...

Она не успела отшатнуться, его широкая как лопата ладонь легко поддерживала ее голову, а другая — спину, лицо с красиво вырезанными губами приблизилось, Блестка инстинктивно зажмурилась.

Она чувствовала, что он притягивает ее к себе или же сам приближается, медленно-медленно, то ли чтобы не испугать ее, то ли продлевая пытку, чтобы испугалась сильнее. А вот не испугаешь, сказала она себе. И в этот момент их губы соприкоснулись. Нет, сперва ощутила его жаркое дыхание, хотела напрячь все тело для отпора, но мышцы от страха или чего-то еще словно окаменели.

От соприкоснувшихся губ на этот раз искры не брызнули, напротив — по телу пошла странная волна тепла, словно после стужи Блестку перенесли в теплых ладонях к такому

же теплому очагу. Нет, это другое тепло, раньше не ощущала ничего подобного...

Иггельд чувствовал, как она одновременно старается вы-свободиться и в то же время понять это новое ощущение, от-ворачивает голову, но ее губы уже сами по себе стали горячими и податливыми. Она сама этого еще не поняла, а пой-мет — убьет предательницу, потому надо не давать ей опом-ниться, но в то же время не спугнуть, не испугать...

Ее руки вздрагивали, но уже не от усилий отстраниться, она и сама не знала, от страха или почему еще. В груди серд-це трепетало, дергалось, стучало так, что грохот отдавался в ушах. Губы их таяли, из твердых превратились в мягкие и го-рячие, она слышала, как его дыхание стало чаще, а руки стиснули, прижали к его твердому горячему телу.

Блестка с изумлением и негодованием на себя чувствова-ла, что ее руки уже не отталкивают куява, ладони просто ле-жат на его груди, в них нет силы, во всем теле предательская слабость, даже позорящая ее нежность, что позволено вы-плеснуть скорее на собаку, чем на куява.

Снова попробовала отстраниться, Иггельд в самом деле оторвал губы от ее рта, взглянул в смятенные, испуганные глаза, растерянные и непонимающие. Ее лицо пылало, как утренняя заря, она дышала учащенно, пальцы вздрагивали, то ли отталкивая его, то ли стараясь удержать, когда он от-странился и сам смотрел на нее с великим изумлением.

— Ты... — прошептала она, — ты... пьян! Ты хоть пони-маешь, что ты... Завтра проспийся, свинья... и тебе будет стыдно... если тебе вообще бывает стыдно, свинья...

Он застыл, руки онемели, все еще удерживая ее, но уже не стараясь прижать к груди. Лицо тоже превратилось в ока-меневшую маску, только губы все еще двигались да глаза жи-ли, всматривались в нее. Блестка напряглась, с усилием раз-двинула его руки, отступила на шаг. Он остался с вытянутыми руками, затем они опустились, на лице проступило смуще-ние.

— Артанка...

Иггельд поперхнулся, вздрогнул, ладонь метнулась к ли-

цу, вытер лоб. Глаза стали растерянными, он проговорил с кривой усмешкой:

— Я совсем не пьян... И вообще... Ладно, если чем задел, прости. Отдыхай, а у меня... много дел.

Он попятился, отвaga испарилась, она видела, как он растерянno нащупал дверь и поспешно вывалился. Блестка продолжала смотреть вслед, словно видела сквозь дверь, как он, пошатываясь, спешит к себе, уже в самом деле устыдившись.

Оставшись одна, она заметалась по всему помещению, неутомимо ощупывала камни, пробовала толкать эти массивные плиты. По всем легендам, в этих страшных горных крепостях жили злые колдуны, а благородные артане находили к ним проход, отыскав потайную дверь. Такая потайная дверь находилась всегда, ведь надо тайком выводить людей, когда враг уже ломает стены и врывается в крепость, и само-му вводить войска незаметно для врага...

Она исцарапала пальцы, пытаясь сдвинуть каменные плиты. Когда переводила дыхание, снова и снова выглядывала из окон, в ее покоях три окна, все узкие, не протиснуться даже без решеток, и всякий раз сердце замирало в тоске. Если правду, то такой крепости не нужны подземные ходы. Никакое войско не в состоянии пройти по тому мосту, что ведет в Город Драконов, и еще по той узкой тропке над пропастью, что ведет сюда. Стена, закрывающая вход в эту Долину, выглядят несокрушимой, над воротами настолько широкий навес, что лучники иссекут стрелами половину войска, прежде чем оно ударится о запертые ворота.

До конца дня к ней так никто и не зашел, только тихая пухливая девушка принесла еду, а к вечеру она же притащила огромный ворох одеял и подушек. Чан с грязной водой давно унесли, пол вытерли. Осматриваясь заново, она с досадой поняла, что никто не думал приспособлять этот дом для защиты. Просто если в Славии все дома, даже княжеские и царские, только из дерева, в Артании — шатры, разве что

Арса из камня, да и то недавно, раньше и тцары жили в шатрах, то здесь, в горах, даже распоследний бедняк либо строит из камня, либо живет в пещере, то же каменной. А камень всегда камень, его не сделаешь тонким, как стенка шатра.

С утра заявился Ратша на правах старого знакомого, по-приветствовал так, словно они не то близкая родня, не то сто лет вместе прослужили на какой-нибудь дальней заставе. С ходу заметил, как тщательно осматривает дом, обронил с одобрением:

— Ты молодец... Жаль, что не мужчина!

— Почему?

— Прекрасный бы получился воин. Мы бы сразились, точно.

Она смерила его холодным взглядом.

— Думаю, для меня ты мелковат, куяв. Да и сейчас я не уверена, что уступлю тебе... куяв.

Он поощрительно улыбнулся.

— Куяв — это уже не свинья. И за то спасибо.

— На здоровье.

— Надеешься улизнуть?

— Да, — ответила она дерзко. — Рожденную свободной темница не удержит.

— И как же?

— Да как угодно, — ответила она в том же тоне. — Отниму у тебя меч и пройду через ваш вшивый город, если восхо-чу крови... или тайным подземным ходом, если изволю без шума.

Он расхохотался.

— Подземным? Насмешила... Ах да, это у тебя от рассказов о древних крепостях. Там да, там подземные ходы есть, есть... Даже в старых тцарских дворцах, без этого они не могут. А этот дом построили для Иггельда прошлым летом. Какие уж тут подземные ходы!

Она ощутила, что краснеет, сглупила, сказала быстро, переводя разговор на другую тему:

— А он что, сам не мог?

Ратша сказал со смешком:

— Первые годы вообще жил в пещере. Даже когда народ начал селиться и строить настоящие дома. Потом жил у меня, у Апоницы — это его старый учитель. А в прошлом году народу стало стыдно, что основатель всего этого горного мирка, как приبلудный пес, обитает то в пещере, то у друзей, собрались и отгрохали этот... домик.

Она фыркнула.

— То-то мебель разная! Как нищему, надавали, кому что не жалко?

Он помрачнел, сказал резче:

— Отдавали лучшее. Просто мы не богаты, как живущие внизу... Ладно, устраивайся. Но помни, ты — военная добыча. Тебя выменяют или продадут, но сейчас ты просто рабыня. Не советую задирать нос и напоминать, что ты — артанка.

Он ушел, она удержала ядовитый ответ, нацеленный ему в спину. Не из страха, просто ощутила, что перегнула с насмешками. Насчет нищего — нехорошо получилось. Некрасиво, не по-артански. Как будто ударила в спину или лежащего.

ГЛАВА 9

На третий день она обнаружила, что дверь ее не заперта с той стороны. Вышла осторожно, широкий коридор вывел к лестнице, внизу в большой комнате с десятков женщин, шьют, прядут, щипают лучину, слышится быстрый говорок, доносятся редкие взрывы смеха. Иггельда не видно, он вообще с того дня, как явился к ней пьяный и вел себя по-куявски, словно бы устыдился и обходил ее комнату по широкой дуге. А может быть, и в самом деле работы накопилось столько, что валился с ног, не добравшись до своего дома.

Женщины хихикали, голов не поднимали, Блестка стояла наверху и рассматривала нижний зал, в прошлый раз, когда ее привезли, все случилось слишком быстро и сумбурно, а сейчас смотрела оценивающе, замечая и слишком широкую дверь, такую трудно защищать, и большие оконные проемы без признаков ставень, и даже отсутствие оружия на сте-

нах, которое как будто само прыгает в ладони при первом же признаке тревоги.

В зале справа и слева широкие углубления в стенах, там поместился бы всадник на коне. Но сейчас полыхают поляны, от огня теплый сухой воздух, но помещение почему-то выглядит нежилым, хотя женщины щебечут и щебечут, щебечут и щебечут, что так нравится мужчинам, дуры. Пол из свежевыструганных досок, вся середина закрыта огромным ковром, вроде бы все уютно, тепло, но жизни нет. Может быть, потому, что нет детских голосов?

В дом часто заходили люди, весь нижний этаж, как поняла Блестка, в их власти, это даже не дом, как сказала она себе, а что-то вроде управления Долиной, если верить Ратше. Здесь собираются старейшины, договариваются, кто и что делает, чтобы не мешать другим, а чтоб вместе, отсюда идут указания, советы, разъяснения. И даже не всегда, как видно, этот Иггельд решает, чаще все делается без него, но как бы с его участием и с его воли.

Дверь хлопнула, вошел Иггельд, с ним еще двое немолодых мужчин, Блестка тут же тихонько отступила, выглядывала из-за угла. Он головы не поднял, прошел к очагу, протянул озябшие руки.

— Холодно, — донесся его раздраженный голос. — Не понимаю, почему? Вроде бы ближе к солнцу, а все холоднее и холоднее! И дышать нечем... Черныш так и вовсе... Апоница, почему?

Его спутник, немолодой, сгорбленный, с короткими седыми волосами, ответил ворчливо:

— Это мы теперь задаем тебе вопросы в надежде на мудрый ответ. Ты знаешь больше, Иггельд! Никто из нас не поднимался так высоко...

Иггельд повернулся спиной к огню, подвигал плечами. Лицо невеселое, поинтересовался безучастно:

— А что за знатные люди у тебя в доме? Я видел целую толпу.

Апоница вяло отмахнулся:

— Какая толпа... Только бер Кулмей и его дочь Петрона-

А все остальные — слуги. Они ж не могут без слуг даже одеться!

— Да знаю, — донесся до Блестки голос Иггельда, в нем слышалось раздражение. — Этот Кулмей напросился ко мне на обед. Я отказать не смог, он захватил меня врасплох... Напористый такой мужик.

Апоница расхохотался.

— А ты проведи обед, как ты проводишь обычно! Либо в горах у костра, либо на летящем драконе, когда успеваешь запихнуть в пасть кусок хлеба.

Иггельд кисло улыбнулся.

— Хорошо бы... Но он придет с дочерью и двумя беричами. Я никогда не принимал дома знатных людей. Неловко, не умею, да и... честно говоря, совсем не хочется. И дочь у него больно уверенная, напористая. Я с такими теряюсь.

Апоница хотел ответить, но, поворачиваясь, нечаянно поднял голову и увидел, что Блестка прислушивается к разговору. Не подав виду, что заметил, ответил громко и почти серьезно, только в глазах плясали веселые искры:

— А ты посоветуйся с пленницей!.. Она знатного рода, что-то подскажет.

Иггельд пожал плечами, тень пробежала по лицу.

— Вот ее-то надо держать под замком.

— Почему? Что, Петрона обратила на тебя внимание? А она в самом деле хороша... Эта копна рыжих волос, синие глаза, а фигура... Как увидела тебя, сразу начала расспрашивать, кто ты, что ты, как сюда попал... Ты прав, она девица весьма напористая. И умеет добиваться своего.

Иггельд отмахнулся, обнял Апоницу за плечи и увел в другие помещения.

Ее в самом деле заперли. Может быть, совсем не из-за пира, что давал хозяин в честь знатных гостей, но заперли. Заперли в тот самый момент, когда он там пьет и ест, развлекает этого самого бера и, мерзавец, его знатную дочку.

Она рухнула на узкую постель, слезы брызнули горячие,

жгучие. Ну почему, почему она так сглупила? Зачем отпустила отряд Ральсвика?

Снизу, как ей казалось, доносились веселые голоса, песни, хотя это, конечно, в коридоре за дверью хохотали и дурачились проходящие воины. Пир тянулся нескончаемо, то и дело мимо двери кто-то проходил веселый, горластый. За окном потемнело, высыпали звезды, поднялась луна.

За дверью знакомо щелкнуло, Блестка торопливо соскочила с ложа и бросилась к окну. Так и стояла, глядя в ночь, пусть этот гад не увидит ее слез и распухший нос. Она не услышала знакомые шаги, узнает их из тысячи, насторожилась, но, прежде чем начала поворачиваться, от двери раздался приятный женский голос:

— А, вот где он тебя держит...

Блестка резко обернулась. Через порог шагнула среднего роста молодая девушка, она выглядела дивным цветком с огромной копной рыжих волос и в светло-зеленом платье. Лицо было изысканным, тонким, в ушах поблескивали крупные золотые серьги с драгоценными камнями. Грудь украшали три ряда дорогого жемчуга, а когда подняла руку, поправляя волосы, на запястье зазвенели толстые браслеты из серебра и золота. Все пальцы оказались унизаны кольцами.

Она сделала пару шагов, остановилась на середине комнаты. Блестка холодно молчала.

— Меня зовут Петрона, — назвалась гостья. — Мне нет дела, что Иггельд занимался с тобой любовными утехами в степи, но я не собираюсь терпеть это здесь.

Блестка отрезала враждебно:

— И как ты собираешься нас остановить?

Петрона на миг смутилась, словно рассчитывала, что пленница будет все отрицать, оправдываться. На красивом холеном лице проступили красные пятна, голос стал суше, в нем появились визгливые нотки:

— Я просто прикажу тебя заковать в цепи!..

— Да? — спросила Блестка. — Каким образом?

Петрона выкрикнула:

— Сейчас мой отец договаривается с Иггельдом о нашем

браке!.. Я буду здесь полной хозяйкой! И ты будешь у меня ползать, пить воду, которой я мою ноги...

Жар ударил в лицо Блестки, сердце застучало чаще, она ощутила молнию, пронизавшую все тело от головы до пят. Не помня себя, оказалась возле этой красавицы, ухватила, вынесла в коридор и швырнула, отчаянно визжащую, вниз по лестнице.

Почти сразу послышался топот ног, грубые мужские пальцы больно ухватили за плечи, до хруста костей заломили за спину руки. Она не сопротивилась, как ей казалось, только в самом начале рванулась, услышала даже хруст костей, ее тут же затащили обратно, крепко связали по рукам и ногам, бросили на ложе. Она с трудом отвернулась к стене. В груди закипало рыдание, едкие слезы жгли глаза.

Вскоре хлопнула дверь, послышались тяжелые шаги. Иггельд остановился, раздраженный, голос прозвучал над головой:

— Ты что натворила?

Она не ответила, даже не двигалась. Его пальцы грубо ухватили ее за плечо, она ответила четко и внятно, не поворачиваясь:

— Катись к Ящеру.

Он рванул ее с такой силой, что она скатилась на пол. Туго связанная, лежала и смотрела на него ненавидящими глазами. Он выругался, подхватил ее, как тряпичную куклу, швырнул обратно на ложе. От удара у нее вылетело со всхлипом дыхание, больно прикусила щеку, уже злее повторила:

— Катись к Ящеру, пьяный ублодок!

Он яростно сопел и почти хрипел, кулаки сжимались, прожигал ее взглядом. Она снова отвернулась, с трудом двигаясь всем телом, за спиной дыхание стало громче. Она уже ждала, что набросится на нее с кулаками, но, судя по шагам, отступил, крикнул уже от двери:

— Зверь! Женщина-зверь!.. А зверей надо в цепи!

Она слышала, как он повернулся на месте, под подошвами скрипнуло, прогремели шаги, гулко хлопнула дверь. С силой лязгнул засов, словно по нему ударили молотом.

И снова прогремели шаги, уже удаляясь. Она лежала, дрожа с головы до ног, перед глазами полыхало его взбешенное лицо, горела ярость в глазах.

Вином, вспомнила она с трудом, не пахло, хотя у них там явно пир. Даже сейчас слышны веселые песни. Нет, уже не песни, это крики...

Иггельд как ошпаренный выскочил из дома и почти бегом понесся к дальним прокопченным избушкам, оттуда день и ночь доносятся удары молотов и молотков. Там выплавляют из руды железо, кузнецы превращают его в булат, оружейники куют мечи, доспехи, а также выделывают из металла все, что требуется быстро растущему городу.

Он люто ненавидел артан. Они несут в себе то, что ненавидел вообще: нежелание работать, созидать, учиться, совершенствоваться в чем-то еще, помимо скачки на горячем коне и владения топором. Он вынужден овладеть этим и всякий раз приходил в бешенство, что приходится по настоящему Ратши упражняться с мечом, когда в мире столько увлекательных занятий, столько непрочитанных книг!

Эта женщина — артанка. Прежде всего артанка. Лишь потом женщина. Он сам видел, как дерутся артане, а их женщины мужчинам не уступают, и, сказать по правде, он предпочел бы всегда сражаться только с мужчинами. Все-таки женщинам — женское, он страшился, что не сможет поднять меч против разъяренной артанки на горячем коне. Эта пленница — типичная артанка. Гордая, непокорная, своевольная, злая. Конечно, с неволей не примирится ни на миг, потому связанные руки — это временная мера, для нее нужно что-нибудь понадежнее.

Хабар, старший кузнец, вышел хватить свежего воздуха, лицо красное, словно сам только что вытащил голову из горна, по лбу и щекам бегут крупные мутные струйки, рубаха на плечах промокла, кожаный передник на груди в рыжих прожженных пятнах.

— Торопимся? — спросил он понимающим голосом. —

«Е так запыхался?.. Меч надо новый?.. А то, смотри, я могу и кольца для невесты сковать... Да, слышал уже, слышал!

Он захохотал, обширный живот величаво колыхнулся. Иггельд отмахнулся раздраженно:

— Что слышал?

— Да так, — сказал Хабар лукаво, — всякое-разное. Красотку привез? Привез. Кольца нужны? Ты ж парень сурьезный...

— Какие к черту кольца!.. — отрубил Иггельд зло. — Мне нужны обыкновенные оковы.

Хабар удивился:

— На молодого дракона? Так ему лучше ошейник да длинную цепь покрепче... да и то — зачем? С твоей легкой руки все молодняк вынынчивают лаской да лакомствами.

— Появился такой дракон, — ответил он зло, — что никакой лаской... Сделай ручные оковы... и ножные. До завтра сможешь?

Хабар почесал в затылке, взглянул на небо.

— Заказ простой... В свое время много делал, невольников на продажу в Вантит сотнями увозили. Все знакомо. Не хотелось бы снова этим заниматься...

Он вздохнул, Иггельд сказал торопливо:

— А больше и не придется. Это особый случай. Сделай, хорошо?

В обед он шел с Ратшей к дому, навстречу попался Оследнюк, подмастерье Хабара, Иггельд подозвал его, наказал:

— Я там заказал цепи, на которых держат необученных драконов, знаешь?.. Вот-вот, сбегай взгляни. Если готовы, то носи ко мне в дом. Еще там должны быть железные оковы.

Оследнюк кивнул, широко улыбнулся и побежал обратно, счастливый, что может услужить самому Иггельду. Ратша вскинул брови, лицо Иггельда оставалось сумрачным, морщился, отводил взгляд, Ратша поинтересовался:

— Ты собираешься держать дракона в доме?

— Да, — ответил Иггельд хмуро.

— Ух ты, — протянул Ратша. — А почему бы не в пещерах с остальными?

Иггельд покачал головой.

— Мне те еще понадобятся.

Ратша поцокал языком.

— Настолько этот новый дракон лют?

— И силен, — подтвердил Иггельд. — Давай не прикидывайся, что не знаешь, о ком я... У благородной Петроны сломана рука, лицо в кровоподтеках!

Ратша буркнул:

— А какого черта поперлась шарить в твоём доме? Без хозяина!.. Если комната заперта на два засова, любому понятно — входить нельзя.

Иггельд поморщился.

— Все равно это не снимает с нее вины! Она не смела поднимать руку на высокородную дочь бера.

Ратша пристально посмотрел ему в глаза. Иггельд ощутил неловкость. Ратша покачал головой, на лице промелькнуло непонятное выражение.

— Что-то не так? — спросил Иггельд сварливо.

— Да нет, все так. Конечно же, что наши простые жизни рядом с жизнью высокородных? Проще всех в Долине умертвить, чем высокородному сломать ноготь. Разве что артане на эту разницу плюют... да еще я, дурак, ушел сюда, когда в Городе Драконов появились свои высокородные... тьфу!..

Он остановился, посмотрел в сторону пещер.

— Ты куда? — спросил Иггельд.

— Да надо навестить Чудина, — ответил Ратша сухо. Он избегал смотреть Иггельду в глаза. — Что-то у него дракон начинает шалить... Поговорим в другой раз.

Он ушел, но даже его прямая спина с разнесенными далеко в стороны плечами выражала неодобрение. Иггельд стиснул челюсти. Все умные, когда со стороны, но посмотрел бы, как бы они завертелись в его шкуре! Конечно, он сглупил, когда заговорил только об этой Петроне, ведь артанка сломала, как лучинку, руку Завиду, выбила локтем зубы Сбыславу и одним ударом ноги размозжила колено Худышу, это на Ратшу подействовало бы сильнее!

Блестка из своей комнаты услышала шум и гам, крики, шум, даже грохот. Ее комната заперта, зато веревки сняли. Через окно видно, что Черныш, соскучившись и уже наигравшись с драконами в пещерах, примчался к людям, опрокинул по дороге телегу, напугал коней и теперь заглядывает во все окна, стараясь отыскать любимого родителя. Горячее дыхание заставляло трепетать шторы, выдувало пепел из очагов.

Блестка сперва отшатнулась, громадный зверь стоял на задних лапах и, вытянув шею, смотрел в ее окно. В его глазах столько надежды и любопытства, что она подошла ближе, сказала ласково:

— Не пускают тебя сюда?.. А меня не выпускают... Мы оба с тобой печальные, да?

Осмелев, она взялась обеими руками за прутья. Из пасти дракона выметнулось красное пламя, ожгло ее пальцы, так показалось в первый миг, но это всего лишь влажный горячий язык. Дракон прижался к решетке широким, как у коровы, носом.

Она засмеялась своему испугу, сказала ласково:

— Мы бы с тобой побегали наперегонки... Когда-то, наверное, мы все были одним человеком. Или вообще не человеком, а... А потом стали разными, кто куяв, кто артанин, а кто-то дракон...

Дракон снова лизнул ей пальцы. Она прижала лицо к решетке, поцеловала его в теплый, даже горячий нос. Дракон весело хрюкнул, но в выпуклых глазах был вопрос и приглашение выйти и побегать вместе. Он даже попытался прижать голову ухом к решетке, чтобы Блестка поскребла пальчиком, но не успела она просунуть руку, как он насторожился, отпрыгнул, упал на все четыре и бросился к входным дверям.

Двери распахнулись, на площадь вышел Иггельд. Черныш ринулся к нему сломя голову. Иггельд поспешно прижался к стене. Черныш упер обе лапы справа и слева, чтобы не убежал, и самозабвенно шоркал языком, стараясь попасть в лицо любимому папочке.

— Хватит, хватит! — заорал Иггельд. — Я тебя тоже люблю... жаба с крыльями, как про тебя здесь говорят! Ты прав, пора нам посмотреть, что там внизу на просторах Куявии.

Но сперва я должен сделать одну вещь... А потом полетим, обещаю.

Блестка видела, как он отпихнул лапу дракона, что все еще загроживала ему дорогу, сбежал со ступеней, а Черныш вприпрыжку понесся следом, смешно подбрасывая толстый зад и стараясь сделать прыжки покороче, чтобы не сбить папочку с ног.

Иггельд словно чувствовал ее взгляд, внутри все сжалось, но даже когда его дом остался далеко, а выступ скалы скрыл его вовсе, чувство вины оставалось, он злился и, когда добрался до кузницы, постучал громко и нетерпеливо.

Хабар вышел на стук, еще более красный, почти багровый. От него пахло огнем и дымом, пот катился струями, даже ухитрился промочить кожаный передник. Хабар на ходу вытирал тряпкой лоб, на Иггельда посмотрел непонимающе.

— Я заказывал, — напомнил Иггельд нетерпеливо.

Хабар хлопнул себя ладонью по лбу.

— Ах да, оковы... Прибежал мой подмастерье, но тогда не были готовы. Изготовил, как не изготовить, если велел Иггельд. Для другого бы ни в жисть, работа пакостная. Не люблю.

Он свистнул, в приоткрытую дверь высунул голову Оследнюк, Хабар буркнул насчет оков, тот вынес, вручил Иггельду. Хабар смотрел внимательно, глаза кузнеца стали темными, непроницаемыми. Иггельд буркнул «спасибо» и потащился обратно. Черныш скакал рядом, забегал вперед и садился на дороге, игриво скребя землю шипастым хвостом, смотрел преданно и умолял поиграть.

— Скоро, — пообещал Иггельд. — Сейчас забегу по дороге домой, а потом сразу и полетим!

Блестка повернулась на стук двери. Иггельд вошел деревянными шагами, она увидела быстрый взмах руки. Звякнуло еще в воздухе, на стол со стуком упали толстые железные браслеты, скрепленные железной цепью. Иггельд смотрел на нее из-под насупленных бровей с открытой враждебностью.

— Это тебе, — сказал он и добавил со злой насмешкой: — Я слышал, артанские женщины носят ножные браслеты?

Она смотрела в его лицо холодно, но череп разогрелся от быстрых мыслей. С этим человеком она не справится, слишком силен. Оружия в этой комнате нет, что за мужчина, у нее дома на стене целый арсенал, а у этого только два стола с книгами, урод. Если броситься к дверям, то можно бы успеть выскочить в коридор, там стража, она легко обезоружит одного-двух, завладеет оружием...

Иггельд быстро сдвинулся, перегораживая дорогу. Она стиснула челюсти, еще отец говорил, что у нее все написано на лице.

— Зачем? — спросила она. — Если надеешься запросить за меня выкуп, то мне проще сидеть здесь и ждать.

Он засмеялся.

— Артанка может сидеть и ждать?

— Я не стану надевать кандалы, — ответила она.

— Не в твоём положении спорить, — сказал он с угрозой. — Или думаешь, что у нас недостаточно мужчин, чтобы надеть силой?

К его удивлению, она ответила почти небрежно:

— Так и надевай силой. Это другое дело.

Он нахмурился: дурак, забыл, что артане думают совсем не так, как люди. Как будто не все равно, подчинится ли силе или же придется в самом деле совершить насилие, чтобы принудить надеть кандалы. Даже не принудить, а самому надеть.

Сцепив челюсти, он опустился перед ней на колени и, разведя сильными пальцами стальные половинки кольца, быстро защелкнул на правой лодыжке. Он чувствовал, как ее руки поднялись для удара, задержал дыхание, запоздало ощутив, насколько сглупил. Она, сцепив пальцы в двойной кулак, сейчас ударит в темя... и хорошо, если он только потеряет сознание. С ее силой вообще можно расколоть череп, ударив в слабое место.

Пальцы похолодели, никак не мог застегнуть на левой, вскакивать теперь поздно, а если она не ударит, то будет выглядеть совсем глупо, не по-мужски. Краем глаза заметил ее тень на стене, поднятые сведенные кулаки. Он сцепил зубы

и приготовился если не метнуться в сторону, стоя на коленях, это сделать непросто, то хотя бы дернуть головой, чтобы удар пришелся в то место, где кости прочнее...

Зашелка наконец встала на место. Он торопливо поднялся, перевел дыхание, пленница сделала вид, что поправляет волосы, смотрела на него пристально. В темных глазах мелькнула насмешка, но вместе с нею проскользнуло и другое выражение, которое он истолковать не смог.

— Это для твоего же блага, — сказал он неуклюже, словно оправдываясь. — Зато теперь можешь выходить из комнаты. Дом, правда, покидать нельзя... но зато по дому, гм... Кстати, Пребрана укажет тебе, что делать по дому. У нас здесь все работают!

Она отрезала:

— Я пленница. Разве пленных заставляют работать?

— Заставляют, — ответил он. — Мне плевать, как там у вас в Артании! Или даже в Куявии. Но здесь, в моей Долине, работают все. У нас здесь жизнь тяжелая, бездельников не терпят.

ГЛАВА 10

Иггельд ушел, дверь не только не стал запирать на засовы, оставил распахнутой вовсе. Блестка подошла к окну, вскоре появился внизу он, там уже в нетерпении прыгал и колотил хвостом землю Черныш. Иггельд что-то сказал дракону, тот радостно взвизгнул, бросился лизаться, но Иггельд крикнул строже, дракон плюхнулся брюхом на землю, закрыл глаза и сделал вид, что ну прям умирает от страха.

Иггельд быстро взбежал на загривок, пристегиваться не стал, Черныш с силой оттолкнулся и прыгнул в небо, как огромная стремительная лягушка, что в самом деле умеет прыгать далеко и красиво... нет, даже как исполинский кузнечик, в отличие от лягушки там, наверху, растопырил удивительные крылья, его понесло быстро и легко над крышами домов, вскоре исчез за близкими горами.

Блестка вздохнула, отвернулась.

В оковах она пробыла недолго, наступил вечер, вскоре пришел Сбыслав. Губы распухшие и почти черные, справа кровоподтек от ее молодецкого удара, хмуρο и молча устался на нее с порога. Сгорбленный, с длинными редкими волосами, он выглядел жалко, а когда наконец убедился, что она не станет его добивать, пробормотал:

— Мне велено на ночь снимать эти... это железо.

— Ого, — сказала она насмешливо, — меня перестали опасаться?

... — Но двери на ночь будут запираяться, — закончил он. — И еще... Завтра наши женщины начнут перебирать старую одежду, надо починить для зимы. Если ты не умеешь, тебя научат...

Она удивилась:

— Кто сказал, что я буду чинить вашу грязную одежду?

Он растерялся, пробормотал:

— Иггельд... Он всегда говорит, что кому делать.

— И вы слушаетесь?

— Да...

— А что с теми, кто не слушается?

Он растерялся еще больше:

— Как это? Ведь это же Иггельд говорит!

— Ну и что? — спросила она насмешливо. — Мне плевать на какого-то вашего Иггельда. Я не рабыня, я не служанка. Я — захваченная в плен. И пусть ваш Иггельд катится в преисподнюю, но я ничего в его доме делать не буду.

Сбыслав попятился от нее с ужасом, будто она сама вылезла из преисподней и собралась его тащить к Ящеру, потом опомнился, с большим трудом снял с нее оковы, унес, слышно было, как громко звякнули задвигаемые засовы.

Утром оковы снова оказались на ее ногах. Слуга сопел и кряхтел, едва не сломал пальцы, стальные скобы легко двигал только Иггельд, а Сбыслав измучился, взмок, наконец металл повис на ее лодыжках, туго прихватив короткие голенища сапожек. Слуга тут же удалился, оставив дверь открытой, точно повторив жест Иггельда.

Она не выходила из комнаты до вечера. Вообще-то не собиралась покидать ее вовсе, после полудня тихая служаночка принесла большую миску с горячим, вкусно пахнущим супом, выложила на стол хлеб, сыр, ломти мяса. Блестка с подозрением принюхалась, проверила: мясо похоже на баранину, хоть чуть-чуть и отличается, видно, из тех сумасшедших овец, что с равнин перебрались в горы. Во всяком случае, не свинина — точно.

Уже маленькая победа, ведь могли еду не приносить, дабы вынудить ее работать, а потом и заставить обедать вместе со слугами. Она позавтракала, пообедала и поужинала разом, вышла и постояла наверху, глядя на работающих, затем вернулась и легла. Вскоре явился Сбыслав, с тяжелыми вздохами опустился перед нею на колени, Блестка изволила лежать, он с великим трудом снял тяжелые оковы и унес.

Блестка услышала, как загрели засовы, отвернулась к стене. Что-то должно произойти, что-то назревало, она чувствовала это всей кожей, как звери чувствуют приближение бури. Она закрыла глаза, отвернулась к стене и постаралась поскорее заснуть. Но под закрытыми веками еще долго пылало взбешенное лицо с серыми глазами, губы шевелились, он что-то говорил, но сколько Блестка ни пыталась разобрать слова, их заглушал шум, треск, это появился Черныш, подхватил их обоих на спину и понес над горами, лесами, реками, и на этот раз лететь оказалось совсем не страшно. Со всем не страшно, еще и потому, что ее придерживала и прижимала к крепкому горячему телу сильная мужская рука.

Наутро Сбыслав снова явился с оковами, но и еду принесли сразу, уже не пытались ее сломить голодом. Удовлетворенная маленькой победой, она вышла из комнаты и прошла по второму этажу, не стараясь приглушить грохот железных цепей. Работающие внизу сразу вскинули головы, она уловила в их рыбьих глазах страх и непонимание. Сверху рассматривать вообще удобно, Блестка окинула всех высокомерным взглядом, сразу замечая, кто занимается шитьем, кто на другом конце зала готовит похлебку для множества людей, кто на третьем столе месит тесто, кто разделявает рыбу...

Сейчас трудятся только слуги, что работают в доме, а к вечеру стянутся подружки из соседних домов, принесут шитье, придут с прялками или вышивками, будут перемывать кости мужчинам, отсутствующим подругам — привычное времяпрепровождение, словно и не уезжала из Артании.

С обеда она спустилась вниз, все так же надменно задирая подбородок. Тяжелые цепи грозно звякали по ступенькам при каждом шаге, она даже в оковах вызывала страх, слуги и воины поспешно убегали с ее пути, бормотали заклятия, на что она лишь презрительно вскидывала бровь. Как будто неведомо, что грозные боги Артании легко защищают своих артан от всех чар и магии тупых и ленивых куявов, невежественных славов и пронырливых вантийцев!

Куявы, как она помнила, рабский и трусливый народ. Они привыкли покоряться сильнейшему, а когда сильнейшего нет, они покоряются тому, кого считают хоть чуть сильнейшим, чем остальные. По своей рабскости они полагают, что от них ничего не зависит, что все предопределено, написано и давно решено богами, а человек должен только покориться и в конце концов за это смирение попадет на небо, где его будут кормить и не будут заставлять работать.

Артанские боги, не желая повелевать рабами, дали своему народу полнейшую свободу. Ни во что не вмешиваясь, они награждали только тех, кто бесстрашно жил, отважно воевал и красиво умирал за Артанию. Те, кто погибал, защищая дом и семью, героями не считались — это долг и обязанность каждого мужчины, в небесные чертоги допускался лишь тот, кто погиб, защищая честь и достоинство Артании. Кто погиб, защищая Артанию до последнего вздоха, до последней капли вздоха.

Я — артанка, напомнила она себе. Я не сдамся. Не отступлю. Я приучена бороться до последнего вздоха.

К вечеру внизу раздались радостные крики. Она бросилась к окну, успела увидеть, как Игтельд соскользнул с огромной туши дракона. Черныш лизнул ему руку и тут же помчался проводить своих друзей из числа драконов. Иггельд, улыбаясь, отвечал на приветствия, потом вскинул голову и

бросил быстрый взгляд на ее окно. Блестка, словно предупрежденная, отступила в тот миг, когда он только начал поднимать голову.

С сильно бьющимся сердцем она ждала, когда же закончится ужин, когда он перескажет своим, где был и что видел, потом все-таки не выдержала и, подобрав цепи, чтобы не звенели, вышла из комнаты. Сверху хорошо виден богато накрытый стол, во главе сам Иггельд, рядом его друг Ратша, дальше Апоница, еще несколько человек, которых она привыкла видеть в его обществе. Иггельд ел торопливо, но ей показалось, что он бледен, задумчив, а мысли витают далеко.

Так же тихо, стараясь не звякнуть, не выдать себя ни одним движением, она попятилась, отступила за угол. Ей показалось в последний миг, что Иггельд все-таки поднял голову и вперил взгляд наверх, в темноту, где она затаилась, на всякий случай даже надменно и с гордостью выпрямилась, поморщилась и отвернулась с самым высокомерным видом, но в черепе болезненно билась смятенная мысль: а что в ее случае — бороться до последнего вздоха?

Бежать, напомнила она себе. Тяжелые цепи, соединявшие щиколотки, легонько звякнули. Она торопливо отступила еще, вернулась в свою комнату. Не поддаваться врагу. Ни его силе, ни его чарам. Он связан с чародеями, они ему помогают, теперь и сама чувствует его чары, когда он чарует ее, очаровывает, пытается ослабить ее волю, сделать так, чтобы чувствовала себя всего лишь женщиной, слабой женщиной, почти куявкой...

Пришел Сбыслав, уже привычно повздыхал, пытаясь расцепить тугие металлические скобы. Она сидела на ложе, опершись сзади руками, сказала негромко:

— Твой хозяин справляется с этим легко. Почему он не делает это сам?

Сбыслав ответил с тяжелым вздохом:

— Видят боги, я сейчас у него это спрошу!

Блестка проводила его недоверчивым взглядом. Похоже, здесь нравы достаточно вольные, если слуга может сказать такое господину.

В дверь постучали. Стук показался ей робким, неуверенным, так не стучит господин, ясно — вернулся Сбыслав, что-то забыл или хочет ей напомнить, а то и сообщить, что ответил Иггельд. Блестка промолчала, но на всякий случай поднялась и, перейдя к окну, сделала вид, что смотрит на площадь. В дверь постучали еще, затем послышался звук открываемой двери. Она не оборачивалась, но сразу сильно забившимся сердцем ощутила, кто именно возник в дверном проеме. Даже увидела внутренним взором, как стоит, как смотрит с хмурой враждебностью.

— Когда в дверь стучат, — раздался его хрипловатый голос, — надо что-то ответить. Либо «Войдите», либо «Пошел к Ящеру».

Она снова не ответила, дверь хлопнула, закрываясь, его шаги раздались ближе. Ее плечи напряглись, предчувствуя его горячие широкие ладони, по телу прошла теплая волна. Она стиснула челюсти и продолжала смотреть на площадь.

— Или ты не услышала? — спросил он. — Повторяю для глуховатых: когда в дверь стучат...

Она прервала, не оборачиваясь:

— Что толку говорить «Пошел к Ящеру» хозяину?.. Все равно войдешь. Как же не насладиться властью! Хоз-з-зяин!

Он задышал за ее спиной гневно, она ощутила аромат вина. Сказала торопливо, но с суровым предостережением:

— Если ты, пьяная свинья, собираешься меня изнасиловать, то подумай прежде.

Он спросил раздраженно:

— О чем?

— Ты мог убедиться, что я... не покорная куявка. И если попытаешься, то пожалеешь.

Она чувствовала, что он рассматривает ее с головы до ног, рассматривает бесстыдно, по-мужски, дыхание участилось, запах вина стал сильнее. Она напряглась, сердце стучало часто, еще не решила, как поступить, однако он сумел совладать с собой, даже словно бы отступил на шаг, только голос стал резче, а хрипловатые нотки ушли:

— Пожалее? Ты сейчас просто пленница. Рабыня. Я мо-

гу тебя изнасиловать сам, могу отдать воинам. Как вы насиловали наших женщин, когда врвались в наши города!

Она пожала плечами.

— Покорным куявкам все равно, кто их насилует. Только к насилию мужей привыкают, все по закону, а когда их насилюют другие, они почему-то визжат! Но артанки — свободные люди. Изнасилуешь — умрешь.

Она наконец повернулась к нему лицом. Он стоял совсем рядом, пришлось вскинуть подбородок, чтобы смотреть ему в глаза. Он похудел за последние дни, скулы заострились, верхние веки напухли и покраснели, словно он все эти дни не спал, но в серых глазах постоянно сменяется выражение от вызывающего к виноватому, от попыток перевести все в шутку до мужской жажды сломить противника и настоять на своем, неважно как.

— Ого, — произнес он наконец негромким голосом, глаза его блеснули. — Как коротко и как гордо.

— Мы артане, — ответила она кратко.

— За тебя так будут мстить?

— Я сама тебя убью, — ответила она, глядя в окно. — Я умру, прежде чем позволю себя испакостить. Но и мертвая приду и убью тебя.

Он ответил мрачно:

— Я и так мертв. С того дня, как ввязался в эту войну. Рано или поздно я погибну. Все равно погибну, для этого уже есть сто причин. Какая разница, если будет сто одна?.. Но, если честно, я пришел не для того, чтобы ссориться. И, не поверишь, вовсе не для того, чтобы наброситься на тебя.

Она отодвинулась, но за спиной стена, пришлось отступить на шаг в сторону, не надо так уж задирать голову, хотя она знала, что выглядит так еще лучше, при этом движении приподнимается подбородок и натягивается шея, а грудь становится выше и крупнее. Он остался на месте, не делая попыток ее удержать, схватить, усталый, с обвисшими плечами, но все такой же высокий, голову держать приподнятой все же пришлось. Лицо его не только осунулось, но и снова поросло золотистой щетиной, высокие скулы натянули кожу.

— Говори, — предложила она.

Он усмехнулся.

— «Говори»... как царственно!.. Немудрено, что служанки уже начинают тебе кланяться. Есть новость, плохая для нас, а для тебя... для тебя — не знаю. Большой отряд артан, что располагался возле захваченной Куябы, вчера направился в нашу сторону.

— Артане? — воскликнула она невольно. — Придут сюда?

— Больно не ликуй, — хмуро сказал он. — Их цель не мы, а Город Драконов. А туда добраться, ты видела, непросто. Да и сам город только называется городом. Это сильная крепость, ее строили мастера, присланные еще лет пятьдесят тому. Или больше. Но все равно, разве плохая новость?

Она кивнула, не сводя с него настороженного взгляда.

— Хорошая.

— Надеешься убежать?

Она помедлила, ответила с небрежностью:

— Ты знаешь... когда война, то слово перед врагом держать не обязательно.

— Догадываюсь, — сказал он. Голос его снова стал хриплым. — Артанка... разве мы не можем забыть, что ты артанка, а я — куяв? Я знаю, постоянно говорю и делаю не то. И не только с тобой, а вообще... У меня ничего не было, кроме дракончика. Мы жили в пещере, спасались от всех... да, от всех. Даже лучшие друзья хотели смерти Черныша, а он был такой маленький, жалобный, я носил его за пазухой, он все время мерз, я отогревал его своим теплом... Потом началось это нелепое, когда сюда начали переселяться люди, а меня начали считать чуть ли не хозяином этой Долины! Это не мое, Артанка, не мое... Я не умею говорить со знатными людьми, меня этому не обучали, а когда однажды посадили за стол рядом с князем, я едва не умер со стыда, не знал, что за блюда и как их едят... Поверишь ли, у меня не было женщин...

Она окинула его оценивающим взглядом.

— Трудно поверить. Или ты какой-то урод?

Ей показалось, что он слегка покраснел, голос, во всяком случае, стал чуть злее:

— Проверь. Просто раньше мне приходилось каждое

мгновение драться за жизнь. Выцарапывать ее ногтями, зубами. Даже сейчас, когда вроде бы легче и можно бы наконец перевести дух и посмотреть на женщин, нагрянули вы, артане, а я чувствую, что если я не буду с утра и до утра заниматься Долиной, то... понимаешь, я хоть и дурак, ничего не умею, но остальные еще дурнее, ложки несут в ухо, топоры роняют на ноги! Если не буду заниматься Долиной, здесь все рухнет. В каждой такой долине, городе или селе находится такой вот опорный человек, а здесь этим столпом оказался я... Не потому, что хорош, а потому, что остальные — еще слабее.

Сердце ее уже наполнилось сочувствием, он говорил искренне, она чувствовала, но все-таки это враг, а искренние слова могут быть сказаны для того, чтобы притупить бдительность, разжалобить, убедить посмотреть его глазами, а потом и вовсе встать на его точку зрения и принять его взгляды, веру, богов, отречься от родни и великой Артании.

— Ненавижу пьяных свиней, — произнесла она четко. — Мужчина, который лакает перебродивший виноградный сок, да не коснется женщины... по крайней мере, артанской, да не осквернит ее смрадным дыханием, да будет проклят и стерт с лица земли!

Он ахнул, качнулся, из его груди вырвалось жалкое:

— Я не... лакаю!.. Но был пир, я не мог... отказаться... Это неуважение...

Она фыркнула:

— Не мог отказаться? Так ты еще и не мужчина?

Он всхрипнул яростно, лицо побелело, ей показалось, что сейчас набросится на нее, изобьет, сорвет с нее одежду и швырнет на ложе, но ярость тут же перешла в гнев, лицо страшно побагровело, глаза налились кровью, затем и гнев утих, грудь опала, словно надутый бурдюк, в который ткнули ножом, он снова набрал воздуха, уже не вздувая мышцы, ответил погасшим голосом:

— Прости. Похоже, я снова сказал или сделал глупость.

Она остановившимися глазами смотрела, как он повернулся и пошел все быстрее к выходу. За ним хлопнула дверь, а шаги, как ей почудилось, перешли в бег. Все произошло чересчур быстро, Блестка в бессилии прислонилась к стене,

откинула голову и закрыла глаза. Под опущенными веками снова появилось его лицо, то гневное, то страдальческое, с детским недоумением и обидой в глазах.

В ушах постоянно звучал ее строгий, уверенный голос, от которого мурашки бежали по коже, а сердце замирает в сладком страхе. Она сказала, что артане все равно сюда придут. Придут и сметут все, как человек сметает горстку муравьев. Нелепо, конечно, единственную дорогу перекрывает неуязвимый Город Драконов, но от ее голоса стало страшно, в теле поселился ужас.

Полдня он раздавал указания, кому чем заниматься, потом свистнул Черныша. Тот примчался с такой скоростью, что едва не сбил с ног, поспешно плюхнулся на землю, пока папочка не передумал, в глазах жаркая надежда, давай, мол, залезай быстрее, полетим к морю, я теперь могу даже попробовать перелететь, если не бесконечное, на том берегу увидим дивные страны и народы...

— Никаких морей, — ответил Иггельд вслух, он уверен, что правильно истолковал это шевеление лап, движение хвоста, едва слышное хитрое похрюкивание. — В другой раз, в другой раз...

А куда, спросил Черныш молча. Ты только скажи куда, и мы сразу же вот прямо сейчас...

— Вон на ту гору, — ответил Иггельд. Ему показалось, что дракон под ним поежился, хотя, скорее всего, это он сам поежился, а чувствительный дракон просто повторил его движение. На той горе, далекой, одинокой, с плоской вершиной, чернеет одинокая башня. В чистом мире, где внизу оранжевые, залитые солнцем горы, а вверху купол голубого неба, черный столб между ними выглядит чужим, враждебным, зловещим. Солнце не отражается блеском на боках, из-за чего башня выглядит черным плоским провалом на синем небе, похожим не то на узкую и высокую дверь в занебье, не то на пролом в небесном куполе.

Крылья били сильно и часто, вскоре горы оказались далеко внизу. Башня отсюда смотрелась как обыкновенный круг-

лый камешек, непривычно черный на фоне светло-серого камня. Иггельд вздохнул, сказал вынужденно:

— Хватит, Черныш. Мне самому не хочется, но... надо.

Черныш полусложил крылья и пошел вниз все укорачивающимися кругами. Иггельд напрягся, колдун явно наблюдает за ним, а этого никто не любит, тем более если колдун может сбить их с той же легкостью, с какой охотник достает в небе стрелой утку, Черныш тоже явно нервничал, промахнулся при посадке и, пролетев над краем пропасти, зашел еще раз, тяжело плюхнулся шагах в двадцати от башни.

— Лежи тихо, — предупредил Иггельд. Сам он тоже сидел тихо, прислушивался, всматривался в темное основание башни. — Если кто появится, не смей ворчать, понял?

Черныш закрыл глаза, а потом со вздохом еще и накрыл их лапой. Иггельд выжидал, не зная, что делать дальше. Если колдун не выйдет сам, надо как-то самому искать к нему дверь. Вообще-то к чародею надо было бы появиться намного раньше. Возможно, еще в первый же день, когда прибыл в эту Долину. Но тогда он и сам думал только о том, чтобы выжить и не погубить слабенького дракончика, да и чародею какой интерес к полуживому пареньку, у которого за пазухой детеныш дракона, не крупнее толстой жабы? Но потом, когда укрепился, когда стал смотреть по сторонам, не мог не заметить эту башню. Башни колдунов потому и ставят как можно выше, что их огненные стрелы летят вниз на любые расстояния, лишь бы колдун видел, куда метнуть стрелу. А половина Долины Иггельда с вершины башни как на ладони. Другая половина, правда, прикрыта отвесной стеной гор...

Он вздрогнул: у основания башни возник человек. Невысокий, одет в черное, только седая голова с длинными волосами выделяется ярко, кричаще. Иггельд торопливо соскользнул по гладкому, как у огромной рыбы, боку, пошел к колдуну, на ходу поклонился, замедлил шаг, остановился в пяти шагах.

— Я понимаю, — сказал он извиняющимся голосом. — что я должен был появиться раньше...

Колдун смотрел без раздражения, лицо усталое, даже из-

можденное, с глубокими морщинами. Иггельд подбодрился, колдун не выглядит грозным богом, перед которым надо пасть ниц, лицо умудренного жизнью человека, хорошее лицо и невеселые, все понимающие глаза. Сейчас, став единовластным правителем Долины Грез, должен бы ощутить свою мощь и разговаривать даже с колдуном достаточно надменно, но, напротив, как пугливый заяц трясся и все оглядывался по сторонам: а правильно ли поступил? Хотя, конечно, этот заяц там, внутри, никто его не зрит, для всех он, Иггельд, грозен и жесток, человек с сурово сдвинутыми бровями и быстрыми движениями.

— Я равнодушен к внешним знакам почтения, — ответил колдун, голос звучал тоже устало, без высокомерия и надменности. — Ты прибыл... ты и говори.

— Артане захватили Куявию, — сказал Иггельд без предисловия, — башни, что защищали Куябу, разрушены. Артане в своей злобе сровняли их с землей, а камни велели уцелевшим жителям тащить к озеру и сбрасывать в глубины. Чародеи убиты сразу, убиты жестоко.

Чародей потемнел лицом.

— Знаю, — ответил он хриплым голосом. — У нас связь... своя.

Он остановился на полуслове, а Иггельд торопливо продолжил:

— Понимаю. На каждом уровне могущества связь своя. Простолоудин к соседу пешком, а кто побогаче — на коне. Я могу на драконе, а тцарам посылают вести даже с голубями.

— Хорошо, — сказал чародей. Глаза его остро блеснули. — У нас своя связь... Да и сейчас есть. Мы знаем многое, но можем, на беду, мало. Наши источники силы здесь, в горах.

Иггельд сказал осторожно:

— Я не стараюсь выпытать какие-то тайны... Мне можно сказать только то, что можно. Но чем больше я буду знать, тем понятнее, как лучше защитить Долину. Я боюсь, что если артане сумеют сюда добраться, то ваши башни и здесь... не все смогут. Или не успеют.

Чародей побагровел, сдержался, сказал с подавленным недовольством:

— Чтоб ты знал и не подозревал, будто что-то прячем за спиной, скажу тебе правду. Люди жили и не знали, что вот уже тысячи и тысячи лет длится незримый магический дождь. Только чародеи видели эти мелкие капельки, что падают с небес на поля, дома и весь мир. Но вот однажды дождь прекратился. Мы не знаем, надолго ли. Может быть, даже навсегда. Большое замешательство наступило в мире магов. Многие покончили с собой, другие... судьба других еще гаже. Но потом обнаружилось, что если в песках и на равнинах магическая влага уходила в землю, ее можно было собирать в чаши, корыта, тазы... Увы, было поздно! Только в горах эта влага ушла не в песок, а стекала, не впитываясь, в подземные пещеры. Если там не было щелей, влага оставалась, ее не высушивало солнце, не выпивали корни деревьев или звери. Когда мы наткнулись на такие пещеры, то над ними и построили эти башни. И ревностно защищаем свои сокровища, пока эти озера не иссякнут, обладаем немалой мощью, что неподвластна смертным.

Иггельд слушал, затаив дыхание.

— Я этого не знал, — обронил он.

— Ты первый, — сказал чародей сурово, — кому я выдал эту тайну. Но, правду сказать, это не только знак доверия, но и жест отчаяния. Мы не настолько сильны, как о нас думают. Башни, что защищали Куябу, вовсе не башни колдунов, как все думали, на самом деле башни устрашения. Магическая влага собиралась только здесь, в горах. А Куяба на песке... Разрушены башни в Предгорье, но можно восстановить, там в подземельях все еще волшебная вода, но башни у Белой Вежи разрушены страшно и невозполнимо... Артане со своими подкопами, сами того не сознавая, нарушили стену пещеры с подземным озером, вся влага ушла в щель! Чародеи стали бессильны раньше, чем артане закончили подкоп.

Иггельд оглянулся, словно страшился, будто кто-то подслушает.

— Значит, — сказал он, — надо прежде всего опасаться... горного народца?

Колдун кивнул.

— Быстро схватываешь, — сказал он с мрачным одобрением. — Артане как-то сумели договориться с подземниками. Им было бы труднее, но тцары Куябы велели истреблять подземников, те вроде бы воруют сокровища... Дурость, конечно. Из-за этого подземники помогли артанам. Конечно, артане им тоже что-то пообещали. Так что, молодой вождь, мы будем помогать друг другу, но я сразу тебя предупредил, что я не всесилен. Пока есть вода в подземном озере, я смогу защитить твою Долину даже от богов!

Иггельд спросил осторожно:

— А воды хватит?

Колдун скупо улыбнулся.

— Воды хватит, чтобы защищать твою Долину против всего мира десять тысяч лет!

Иггельд поклонился.

— Спасибо на добром слове.

— Это и мои горы, — напомнил чародей.

— Мы будем с драконов высматривать и подземников, — пообещал Иггельд. — Они показываются редко, но если заметим... тут же схватим и доставим сюда в башню.

ГЛАВА 11

Ратша и Добронег старательно осмотрели стену и ворота, перекрывающие единственный вход в Долину, а потом взяли десяток лучших скалолазов и отправились осматривать подступы к ней. Уязвимых мест отыскалось немало, на другой день взяли с собой едва ли не половину всех мужчин, готовили запасы камней на карнизах, что нависают над узкими горными тропами, в трех местах разрушили мостики над пропастями.

Кузнецы спешно переучивались ковать наконечники для стрел и копий, боевые топоры, охотники привезли тяжелые

веревки, их закрепили над узкими горными тропами. Деревянные щиты трещали под напором собранных камней.

Прилетел Чудин, дракон долго отлеживался, потом уполз в нору, даже не стал есть, а Чудин торопливо доложил, что войска артан уже начинают накапливаться в предгорьях. Народ тут же потянулся к единственной дороге, сотни человек карабкались на скалы и готовили там глыбы для сбрасывания на голову артанам.

Большинство жителей Долины все же сомневались, что артане окажутся настолько безумными, что решатся карабкаться в эту верхотень, где ничего не обретут, а потеряют очень много. К тому же, если Куявию захватили, Долина Иггельда долго не продержится без подвоза продовольствия снизу. Сейчас, кстати, Иггельд отрядил все обозы и велел наполнять все подвалы, все склады, все зернохранилища, собрать весь скот, который удастся отыскать в окрестностях.

И все-таки Иггельд видел, что многие все еще не верят. Подчиняются, строят ловушки и засады, смешно пробовать защищать Долину с мечами в руках против всего артанского войска, но уж не настолько же артане свихнулись, не настолько... Не могут, захватив богатейшую страну, еще и пытаться покорить этот жалкий клочок высоко в горах, где славы не добудешь, а жизнь потеряешь.

Хорошо, никто не предавался отчаянию, хотя этого он боялся больше всего. Отступить некуда, здесь как в мешке: сзади полукругом каменная стена, что защищает Долину от северного и восточного ветра, справа и слева — отвесные горы, а единственная извилистая дорожка ведет по краю бездонных пропастей, оттуда и должны прийти артане, если уж совсем опьянели от запаха крови.

К счастью, больше всего в Долине оказалось все же тех, кто негодовал, приходил в ярость, спешно готовил доспехи и оружие. От них шли такие волны свирепого гнева, что лица горели, как железо в огне. Люди словно очнулись, и если в остальной Куявии состязались в равнодушии к отчизне, то здесь как бы собралось все, что было в куявах достойного и некошелькового.

Долина бурлила, Иггельд всюду, куда ни шел, наткнулся на толпы народа. Все с криками и воплями требовали оружия, работы по укреплению стен и ворот, многие уже в доспехах и с оружием, готовые прямо сейчас в бой с ужасными артанями.

— Все успеваем, — уверял Иггельд. — Все успеваем!..

— Но если артане нагрянут прям завтра?

— Им еще неделю подниматься по горным тропам, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал как можно более весомо. — Да и то на пути у них — несокрушимый Город Драконов! Вы же помните, что это за крепость? Не тревожьтесь, занимайтесь своими делами. Вспомните, кто сюда пришел в эту Долину? Не за богатством, не за легкой жизнью! Сюда шли такие же сумасшедшие, как и я сам. Мы сами создали этот мир, и потому он нам во сто крат дороже, чем тем из равнинников, кто жил на всем готовом, созданном их родителями, дедами, сотнями поколений предков!.. Мы будем за него драться до последней капли крови! И ничем нас не прельстят, не сманят, не поколеблют! Укрепите духом, мы — непобедимы. С чем бы артане ни пришли, уйдут с позором.

— Если еще уйдут! — крикнул Шварн весело.

Из толпы выкрикнули:

— По нашим тропам?..

— Сюда половина дойдет, — крикнул голос, Иггельд узнал Якуна, — обломают зубы, а на обратном пути сгинут остальные!.. Укрепимся духом!

Вскоре в Долину прибыли неожиданные гости: десяток крепких мужчин, опытных в сражениях, бывалых, тертых. Двое еще не совсем оправались от ран, хотели долечиться здесь, ждать не могли — артане вот-вот могут отрезать последний путь. Потом такие одиночки и малые группы начали прибывать все больше и больше. Еще раньше слух о готовящемся захвате артанями Города Драконов прокатился по окрестностям Куябы, и теперь те из отважных, кто не смирился с захватчиками или же порвал с ними только сейчас, спешили собраться на этом последнем клочке куявской земли, где еще не ступала нога артанского воина.

Многие поднимались в Долину настолько нагруженные оружием, доспехами, что Иггельд диву давался, как сумели пробраться и провести тяжело груженные подводы. Последними прибыли обозы с зерном, их успели собрать в дорогу буквально за сутки до появления артанских передовых отрядов у подножия гор. Дорога перекрыта, а в Долине, зная это, с лихорадочной поспешностью укрепляли крепость, таскали на стены и крышу камни, бочки со смолой, связки длинных стрел и дротиков.

Утром Блестка вышла, как обычно, в оковах и наблюдала сверху за женщинами, вздрогнула, сзади неслышно подошла Пребрана, та самая немолодая женщина, что в первый день встретила ее так благожелательно. Сейчас она посматривала с осторожностью, помнила и про Петрону, и про выбитые зубы Сбыслава, сказала, почти запинаясь:

— Я вижу, женщине все-таки трудно без привычного дела... День тянется, солнце не так светит, хлеб кажется пресным... Я не хочу тебя ни к чему принуждать, да и никто не хочет... хозяин уже сожалеет, что тогда так сказал насчет работы...

Блестка спросила настороженно:

— Он так сказал?

— Нет, — ответила Пребрана поспешно. — Он молод и горд, ему трудно признаваться, что был... не прав, для молодых это очень болезненно...

Ее глаза быстро скользнули по лицу Блестки, похоже, эти слова относятся и к ней, Блестка стиснула челюсти, спросила сухо:

— Тогда откуда такой вывод?

— Я его знаю давно, — ответила Пребрана. — Он чист и прост, по нему все и так видно. Если хочешь чем-то заняться... если хочешь чем-то заняться сама, то спускайся в зал к женщинам. Там не только наши, из других домов приходят красавицы, шьют, поют, поглядывают на хозяина. Вон там чинят старую одежду, шьют новую. Если хочешь, можешь по-

мочь печь хлеб или жарить мясо. Все какое-то занятие. Подумай!

Блестка кивнула.

— А что думать? Я сама хотела чем-нибудь заняться. Правда, я предпочла бы с лошадьми...

— Лошадей у нас нет, — ответила Пребрана почти с испугом. Поправились: — Почти нет. Кормить тут нечем, а если что тяжелое перевезти, то у нас драконы.

— Драконы, — протянула Блестка. — А вас, женщин, к драконам не подпускают?

— Ни за что, — испугалась Пребрана. — Там и мужчины порой... Не все могут, не все! К тому же у нас драконы на свободе, не так, как в Городе Драконов.

— Я видела одну женщину на драконе, — заметила Блестка.

— Так то Яська, — протянула Пребрана. — Это совсем другое...

— Почему?

— Потому что это Яська, — объяснила Пребрана. — Ей тоже пришлось пережить немало, она вся — свернутый в кольцо стальной меч! Только отпусти — развернется со свистом. Ее слушают драконы и сторонятся мужчины.

— Но если она сумела...

Пребрана покачала головой.

— К Яське у него отношение особое. Он ее любит, ей позволяет. Других женщин к драконам не подпустит. Так что о драконах забудь.

— Хорошо, — обронила Блестка с холодком в голосе. Стало горько, еще не поняла, почему, решила было, что из-за драконов, ведь на этих крылатых жабах она смогла бы улететь, поэтому Иггельд ее к ним ни за что не подпустит. — Я приду... когда восхочу.

Пребрана подняла брови, переспросила тревожно:

— Когда... когда что?

— Когда изволю, — объяснила Блестка любезно, но улыбнулась ей, устранив слегка, растянув губы и по-волчьим показав острые зубы.

Ей принесли обед, а потом она точно так же дождалась ужина. Все это время жаждалось спуститься, сесть к женщинам и погрузиться в привычный быт, когда пальцы что-то шьют, штопают, чинят, сучат нить, вышивают, а уши ловят все новости, сплетни, смешки, кто-то затягивает тихонько песню, еще робко, пугливо, но в душе вздрагивает струнка, тут подхватывает другой голос, третий, и вот уже и сама подпеваешь сперва слабеньким голоском, потом он крепнет, в нем откуда-то берутся силы, которых только что не было...

Спать легла сразу после ужина, чтобы поскорее прошла ночь, а с утра проснулась пораньше, но выждала, неспешно позавтракала, еще нарочито замешкалась, а по коридору пошла с замедленностью движений, погромыхая тяжелыми цепями. Женщины внизу сразу притихли, вообще их стало втрое меньше, явно Пребрана сообщила, что свирепая артанская волчица спустится к ним, как только восхочет или даже изволит. Блестка на всякий случай остановилась наверху лестницы, посмотрела по сторонам, зевнула с полным презрением к этим существам, потом так же медленно пошла по ступенькам.

Цепи уже не звякали, а грохотали при каждом шаге. Женщины пугливо вздрагивали. Блестка рассматривала нижний зал с любопытством, но лицо держала непроницаемым, да не увидят эти свиньи на ее лице интереса к их жалкой жизни. Здесь все огромное, просторное, в левой стене всю полыхает очаг, на металлическом штыре чуть раскачивается большой котел, в нем булькает, брызги плещутся через черный чугунный край. Угли зло шипят, плюются в ответ сизыми дымками.

Все из камня, огромных глыб, только пол из дерева. Она прислушалась к своим шагам, толстые доски на таких же каменных плитах, а то и вовсе дом поставлен на сплошной скале. Несколько шкур на полу, в основном возле окон. Там же столы и широкие лавки со спинками.

Две женщины разделяют мясо, одна возле окна подслеповато штопает одежду, еще две быстро-быстро орудут спицами, вяжут что-то длинное — не то одеяло, не то рубашку для великана.

Пребрана поспешила Блестке навстречу, но помочь сойти с лестницы не успела, зато повела к самым опрятным молодым женщинам со спицами в руках. Те умолкли и уставились на нее испуганными глазами. Цепи зловеще звякали даже на ковре и на шкурах. Блестка про себя злобно улыбнулась, видя, как побледнели эти хорошенькие, чистенькие, как круто сваренные яички, женщины, такие домашние и такие нежные.

Пребрана усадила ее рядом с собой, некоторое время наблюдала, как артанка управляется с одеждой, потом ушла, с ее уходом стало еще тише. Блестка ловила бросаемые исподтишка испуганно-любопытные взгляды, но едва поднимала взгляд, все поспешно опускали головы.

— Ладно, — сказала она громко, — я хочу, чтобы всем все стало ясно. Я артанка, я в плену. Я буду делать здесь ту работу из предложенной... которую изволю делать. Какую не изволю — никто меня не заставит. И так до тех пор, пока меня не выкупят или сюда не придут конные тысячи героев и не сожгут здесь все и всех!

Они совсем притихли, у одной спицы вывалились из рук. Блестка пожалела, что сказала так резко, эти бедные и слабые, как беззащитные овцы, существа вообще помрут от страха. Даже Пребрана сжалась у очага, плечи ее поникли, она бросала на Блестку угрюмые и вместе с тем испуганные взгляды.

До обеда они не перемолвились ни словом, и только во время еды, а Блестка изволила разрешить поставить ее миску здесь же, Пребрана осторожно задала ей пару вопросов, в любой момент готовая нарваться на артанскую грубость. Блестка отвечала мило, щебечущим голосом, часто улыбалась, и хотя улыбка адресовалась не ровням, а слугам, все равно все постепенно ожили, осмелели, начали разговаривать, правда только друг с другом, потом решились робко спрашивать что-либо у нее, сами ужасаясь своей смелости и безумной отваге.

В то же время эти женщины по кувявской болтливости проговаривались о многом, за что Игтельд их убил бы на месте. А Блестка задавала вопросы осторожно, окольно и скоро уже

знала как количество мужчин в доме-крепости, так и толщину стен, откуда подается вода, есть ли еще другие входы в эту Долину, смогут ли выдержать долго осаду, если артане в самом деле придут и перекроют единственную дорогу.

Кое-что уже знала, но со жгучим интересом слушала, что у Иггельда этот дом совсем недавно. Сперва для него домом была только пещера поблизости, ей из окна указали далекую щель в горе и объяснили с гордостью, что их хозяин раньше жил там только со своим драконом. Она пыталась представить себе это, плечи сами по себе передернулись. Не всякий артанин, призналась неохотно, сумел бы выдержать такое испытание. В течение года этот сумасшедший жил только охотой, стрелял горных козлов и кормил молодого дракончика, потом охотились уже вместе, и только когда дракон научился летать, они сумели оказать ряд услуг князьям и беррам, те начали расплачиваться с Иггельдом золотом. Потом к нему потянулись такие же сумасшедшие, тоже поселились в пещерах.

Самое удивительное, что Иггельд оставался удельным хозяином, податей в казну не платил, власти куявского тцара не признавал, но, когда началось нашествие артан, недолго оставался безучастным. Правда, артане успели захватить половину Куявии, прежде чем он впервые для пробы пролетел над их войсками, они пустили в его дракона стрелы, и с того дня началась и его война с захватчиками.

Иггельд, как узнала сразу же в первый день, не только не женат, но почти не общается с женщинами. Здесь их немного: жены слуг да человек пять служанок, что проводят ночи больше в помещениях для солдат, чем в своих постелях. Хозяйство запущено, присматривает за ним Пребрана, но это не ее дом, она мать смотрителя драконов Шварна, живет в его доме, а сюда приходит по просьбе самого Шварна, тот Иггельда любит, просто обожает. Потому огромный дом-крепость выглядит старым и обветшалым, хотя построен, как уже объяснили раньше, совсем недавно.

Блестка, хотя никогда не жила в таких каменных хоромах, сразу же прикинула, что здесь надо убраться, переставить,

где почистить, где прорубить добавочные окна, а где постелить ковры на пол или повесить на стены. Все это сделать легко, у хозяина этой Долины, как шепотом переговаривались женщины, уже есть несметные богатства, он их добыл, когда на своем драконе влетел во владения одного злого мага и сокрушил его, воспользовавшись внезапностью. За этот подвиг остальные маги позволили ему взять все сокровища и к тому же обязались помогать ему. Это сделать легко, Долина просматривается с двух башен, так что маги могут как наслать сюда снежную бурю, так и убрать ее, могут открыть в недрах гор целебные ключи и вывести на поверхность или поглотить их. Но пока что они сумели выдать к самой поверхности залежи золота, железа и меди.

Раньше этот Иггельд не смог бы заманить сюда людей, а сейчас приходят сами, просят дозволения поселиться на его земле. Приносят присягу верности, платят налоги, а взамен он клянется защищать все рудники и дома, что расположены по всей, отныне его, Долине.

Блестка украдкой посматривала по сторонам. Иггельд не появлялся. Либо в пещерах со своим драконом, подумала она зло, либо носятся над облаками, высматривают продвижения артанских войск, расположение их лагерей. Сердце сжалось от зависти, вспомнила, как много видно с драконьей спины, даже крупные города видно целиком, а если подняться выше, то даже города оттуда не больше, чем грязные миски, разбросанные по необъятному зеленому полю, изредка расцвеченному голубыми пятнышками озер и синими прожилками рек.

К ужину женщины осмелели, начали переговариваться робкими птичьими голосами и друг с другом, на нее поглядывали искоса, пугливо, готовые умолкнуть в любой миг. Блестка сперва делала вид, что не замечает их, потом, когда они чуть освоились с ее присутствием, попросила одну дать ей иглу потолще. Бедняжка так испугалась, что сама исколола себе пальцы дрожащей руки. Над нею сдержанно похихикали, улыбнулась и Блестка, это как прорвало плотину, со всех сторон ее засыпали вопросами, она отвечала легко, шут-

ливо, женщины осмелели; начали придвигаться ближе, донельзя гордые собой, что не страшатся находиться рядом с ужасной артанкой из страны чудовищ и людоедов, где не знают вина, не едят свинину и убивают всех, кто умеет читать и писать.

Иггельд появился ближе к ужину, мрачный, в почерневших от копоти доспехах, усталый. Блестка рассмотрела на нем посеченные латы, и в груди так остро кольнула тревога, что сама смутилась, застыла с иголкой в руке. Уж не беспокоится ли она о его здоровье? Или только хочет, чтобы дожил до того дня, когда передаст ее на руки брату?

Женщины быстро накрыли на стол, Иггельд быстро ел, запивая вином, с ним за стол сели Ратша, Апоница и еще двое невысоких крепко сбитых воинов. Может быть, и не воины, но всех крепких мужчин она определяла как воинов, иначе что за мужчины, они пили и ели, почти не отставая от Иггельда, повеселели уже после первого опустевшего кувшина, только Иггельд оставался мрачным.

Блестка услышала сочувствующий голос Ратши:

— Все еще ничего не слышно?

Иггельд потемнел, залпом выпил чашу вина, отшвырнул.

— Все, не наливай мне больше!.. Да, известно только, что она хотела увидеть самого Придона. Возможно, даже попыталась бы напасть... Сумасшедшая! Это же значит, ей пришлось не только летать над их воинским станом, но летать очень низко.

Один из воинов заметил:

— Но если бы даже как-то сбили дракона... ну, катапультай, к примеру, то ты бы заметил хотя бы его тушу. Такое и не заметить? Даже пусть посреди их лагеря?

Иггельд сказал зло:

— Это же вечно голодные артане! Они могут расчленишь и растащить дракона на кусочки быстрее, чем муравьи растаскивают жабу.

— А кости?

— Кости рассмотрит только в чистой степи, а не в ар-

танском лагере. Там сотни подвод, шатров, шалашей, какие-то ямы... Эх, Яська, Яська...

Ратша сказал утешающе:

— Она у тебя огонь-девка. Не хорони раньше времени. Такие так просто не гибнут. Давай сделаем вот что... У тебя в плену знатная артанка, у артан — Яська.

— В плену?

— Предположим, — сказал Ратша терпеливо, — что Яська просто попала в плен. Можно обменяться.

Пальцы с иголкой застыли, Блестка ощутила, как остановилось ее сердце. Кто эта Яська, из-за которой так страдает ее похититель? Не жена, женщины сказали, что он не женат. Вообще-то у него должна быть красивая жена... Но эта единственная женщина, что летает на драконе, для него значит очень много. Очень, видно по его почерневшему от горя лицу.

В груди разрасталась боль. Почему она не допущена к драконам? Почему не родилась этой Яської?

Иггельд быстро помылся, переоделся и вернулся в зал, где все еще сидели воины. Блестка оставалась в дальнем углу с двумя женщинами из соседних домов. Все вышивали и весело щебетали, остальные разбежались раскатывать тесто на другом конце зала, готовить выпечку на утро.

Тяжелые железные кольца растерли ее щиколотки в кровь даже через тонкие голенища сапожек, но сейчас она забыла даже про боль, посматривала на него украдкой, замечала его пристальный взгляд. Иггельд разговаривал со своими воинами, но она все время чувствовала на себе его обжигающий взгляд, от которого по телу прокатывалась странная волна.

Потом к ней обратилась с чем-то Пребрана, Блестка отвечала, заметила, как вздрогнула и напряглась Пребрана, оглянулась, Иггельд подходил к ним, в его глазах непонятное раздражение.

— Спасибо, Пребрана, — сказал он. — Можешь идти. А ты, Артанка, пойдем, надо поговорить.

Пребрана поклонилась и ушла, сразу притихшая, удивив

Блестку, только что рассказывала, какой их хозяин добрый, чуткий, отзывчивый, мухи не обидит, а сама как мышь перед драконом.

— А здесь говорить не можешь? — спросила она дерзко, прикусила язык и взмолилась, чтобы он не обращал внимания на ее слова.

Он нахмурился, буркнул:

— Могу, но лучше наедине.

— Как скажешь, — ответила она и добавила язвительно: — Хоз-з-зяин!

Он нахмурился сильнее, взял ее под локоть. Оковы на ногах звякали при каждом шаге, он хмурился, морщился, а когда она невольно прихрамывала, даже сделал движение подхватить ее на руки, но она ожгла его негодующим взглядом. Пока поднимались, она в самом деле чувствовала, что по всему телу разливается усталость. Не изнуряющая, но все-таки хорошо бы добраться до ложа и дождаться, когда явится Сбыслав и снимет это железо.

Оба они чувствовали взгляды оставшихся за столами. Никто не бросил в спину ни единого намека или пожелания, но Блестка ощутила, что все они думают одинаково: этот Иггельд ведет ее в спальню. На ложе. Чтобы овладеть ею. По праву победителя, по праву мужчины, по праву более сильного, по праву хозяина над рабыней, над схваченной в плен — да как угодно, но он в полном праве...

Ее пронзил ужас, в то же время от его крепкой ладони на ее локте по телу прокатилась теплая волна, ударила в ноги. Подниматься по лестнице стало тяжелее, сейчас бы лечь и в изнеможении раскинуть руки.

Она сжала челюсти, выпрямилась и пошла быстрее. Иггельд привел ее в другую комнату, более просторную, с окнами без решеток, уставленную дорогой мебелью. Даже ложе выглядело роскошнейшим, огромным, не меньше дюжины подушек, толстое покрывало...

Блестка презрительно усмехнулась, он проследил за ее взглядом, раздраженно отмахнулся:

— Это не моя прихоть. Так все сделали: и дом, и мебель. Меня просто сюда притащили.

— Ах-ах, — сказала она язвительно, — бедненький! Силой его притащили.

— Представь себе, — сказал он злее. — Здесь нет места для Черныша... Ну да, тебе этого не понять! Садись, давай поговорим.

Сам он остался на ногах, она опустилась в мягкое кресло с удобной спинкой, руки опустила на широкие подлокотники и сразу ощутила себя госпожой, что разговаривает со стоящим перед ней слугой.

— Извини, — произнесла она. — Извини!.. Я не подумала, что для тебя этот Черныш... Я помню, ревела в детстве, когда родители не позволяли мне приводить в мою комнату моего любимого жеребенка. Странно, я его тоже звала то Чернышом, то Чернышиком.

Он скупно улыбнулся.

— Удивительно, у нас так много общего.

— Но теперь мы взрослые, — напомнила она. — Я уже понимаю, что коней нельзя в спальню.

— Нельзя, — ответил он с неохотой. — Но жаль, правда?

Она улыбнулась, и снова он застыл, очарованный. В ее темных как ночь глазах появились крохотные звездочки, засияли, заблестели, и вот эти огромные озера вспыхнули теплым огнем, лицо ожило, губы налились, как поспевшие вишни, стали пурпурными, зовущими, чуть раздвинулись, забавно задираясь уголками вверх. На упругих сочных щеках появились ямочки, нос сморщился, блеснул ряд ослепительных зубов.

Он страшился, что улыбка тут же погаснет, как в прошлый раз, когда она улыбнулась ему, потом взглянула холодно и враждебно, напомнив взглядом, что захватчикам не улыбаются, что улыбнулась нечаянно, невольно и что улыбка предназначалась совсем не ему.

Но сейчас ее улыбка длилась, и хотя он понимал, что снова улыбка не ему, а тонконогому жеребенку детства, но замер и молил судьбу, чтобы этот жеребенок и дальше оставался в этой комнате, как и Черныш, ведь Черныша она уже не боится, даже кормила и чесала, а он к ней подлизывался, что ее привело тогда в восторг...

— Жаль, — согласилась она, голос ее вернулся к обыденности, улыбка наконец медленно испарилась, широко распахнутые глаза не то чтобы сузились, но смотрели теперь в упор, требовательно. — Что ты хотел мне сказать?

Он сжал кулаки: ну как получается, что всякий раз чувствует себя, как будто это он потерпел поражение, а она его вызвала для порки?

— Я послал артанам сообщение, — сказал он коротко. — К ним в плен попал наш человек, я предложил обменять на тебя.

— Ого, — сказала она. — Новость... хорошая. И как это сделаете?

— Я выставил ряд предложений, — объяснил он. — Они привозят Яську, так зовут пленницу, в указанное место, а я привожу тебя. Там и обменяемся. Все получится очень быстро.

— Как? — спросила она. — Отсюда до Куябы...

Она умолкла, он кивнул.

— Угадала. Я отвезу тебя на Черныше. Он пока что единственный из драконов, кто может долететь до Куябы без остановок в пути. Я написал, что Яську должны доставить на ровное поле вдали от города и леса, чтобы там не было никого, за исключением одного человека, помимо Яски, я не верю артанам... Завтра они дадут ответ и если согласятся, то завтра-послезавтра будешь свободна.

Сердце ее стучало, она наклонила голову, чтобы не увидела смятения на ее лице.

— Спасибо, — произнесла она ровно, — я рада.

ГЛАВА 12

На другое утро работа валилась из рук, она прислушивалась к каждому шороху, вздрагивала от оглушающего звона оброненного на пол столового ножа, оглядывалась на голоса за окнами.

Игельд вернулся уже после обеда. Светлые волосы взлохмачены, он выглядел усталым, ошарашенным и донельзя

встревоженным. Ему быстро налили горячей похлебки, он ел торопливо, но глаза оставались отсутствующими. С ним пришли Ратша и Апоница, перебрасывались быстрыми короткими репликами. Апоница тоже выглядел встревоженным, только голос Ратши гудел мирно и успокаивающе.

Блестка перехватила взгляд Иггельда, ей показалось, что он взглянул с сочувствием и странным облегчением.

Перекусив, он поднялся из-за стола.

— Заканчивайте сами, — обратился к обоим, — а мне надо сказать пару слов нашей знатной гостье.

Блестка выждала, когда он оказался перед нею, пошла рядом, чувствуя его жаркие пальцы на локте. На лестнице споткнулась, цепи громко зазвенели.

— Ох, — сказала она язвительно, — прости, твоя гостья пока что путается в твоих гостеприимных цепях.

Он нахмурился, смолчал, хотя на мгновение она успела увидеть в его глазах виноватость. На этот раз он привел в ее комнату, закрыл дверь и сказал сразу:

— Должен тебя огорчить...

Она сказала как можно тверже:

— Я другого от тебя не жду. Говори.

— Я передал предложение насчет обмена, как и говорил... Сегодня явился за ответом. Они достаточно любезны, что выслали в поле всадника, некоего Франка, настоящее чудовище! С таким бы я не рискнул встретиться в бою, даже если придет без оружия и вообще привяжется к дереву, а у меня в руках окажется самый острый меч... Этот Франк сообщил, что Яська в самом деле попала в плен. Убитого дракона тут же сожрали, чего еще ждать от артан, а Яську...

Он остановился, перевел дыхание. Глаза оставались встревоженными, нет, даже испуганными, жалкими, как у потерянного в темном лесу ребенка. Блестка спросила, предчувствуя недоброе:

— Что с нею? Не сожрали же?

— Пригласили на пир, — ответил он хрипло. — А потом... отпустили.

Она перевела дыхание, сказала ровно:

— Правильно, с женщинами не воюют.

— Та женщина троих мужчин стоит, — ответил он. Взглянул на нее, кивнул. — Как и ты. Но отпустили по другой причине... Это она год тому доставила Придона с двумя головорезами в Долину Дивов. А тот хоть и артанин, но услугу помнит. Франк клялся, что его брат, явно такое же чудовище, если не страшнее, вызвался везти ее ко мне... Яська вроде бы отказывалась, но Меривой все же с позволения самого Придона поехал с нею. Они взяли двух коней, еще пару в заводные, после чего за ними только пыль столбом...

Она молчала, в груди сперло дыхание, в горле комок, что никак не удавалось сглотнуть.

— И что теперь?

— А ничего, — ответил он хмуро. — Буду ждать, терзаться. Я попробовал отыскать их сверху, но вся Куявия кишит всадниками, погорельцами... У меня никого, кроме Яськи. Если и она сгинет... Что-то сердце у меня ноет. Не доверяю я этому Меривую. Ты бы видела этого Франка!

Он скрипнул зубами, мотнул головой. Лицо перекосилось, Блестка увидела его стиснутые кулаки, горе в глазах, сказала поспешно:

— Если она такая, как ты говоришь, то ее ничто не остановит. Через неделю обнимешь и потащишь в постель.

— Через неделю? — спросил он с сомнением. — Вряд ли, даже если на самых быстрых конях. Дорога в горы непростая...

Он вздрогнул, словно опомнился, уставился широко распахнутыми глазами.

— Что случилось? — спросила она враждебно.

— А при чем тут постель? — спросил он непонимающе. — В Куявии сестер в постель не таскают. Разве что в Артании такие повадки...

До нее не сразу дошли его слова, и тут он в третий раз увидел, как засветилось ее лицо, твердый взгляд потеплел, на щеках снова ямочки, а полные губы растянулись так, что блеснули два ряда ровных жемчужных зубов,

— Яська, — выговорила она с трудом, — твоя сестра? Хорошо...

— Почему? — спросил он быстро.

Она видела, как он напрягся в ожидании ответа, сжался, губы зашевелились, будто подсказывал ей слова.

— А потому, — ответила она ясным голосом, хотя щеки залило румянцем, — что сестре, думаю, все равно, кто в твоём доме. Рабыня, пленная или даже гостя.

Потянулись дни, наполненные ожиданием, Иггельд почти каждый день отправлялся на Черныше в глубь Куявии, то ли отыскивал Яську, которую сопровождает некий Меривой, то ли просто сражался, как мог. Обычно с ним исчезал Ратша, Блестка заметила, что после того случая, как погибли их соратники, они предпочитали с собой никого не брать.

Возвращаясь, Иггельд хмурился, но не вмешивался, когда слуги называли ее госпожой. Даже Пребрана все чаще спрашивала у нее распоряжений, а Блестка с равнодушным видом давала указания, какую мебель передвинуть и куда, что вообще выбросить, каким маслом заполнять светильники, напоминала язвительно, что медные ручки дверей и все подобные украшения надо начищать регулярно, чтобы блеск вышибал слезу из глаз, наконец дошло до того, что к ней начали обращаться, что готовить на обед и сколько мяса и птицы закупать.

Сперва Иггельд просто растерялся, даже рассердился, но одновременно ощутил и странное тепло в груди, получалось, что о нем заботятся, хотя артанка, понятно, с удовольствием его бы зарезала, но дом все-таки постепенно оживал, хорошел, украшался, хоть и незаметно, но светлел, в нем хотелось бывать, а покидать не хотелось...

Да что там дом, сказал себе однажды. Не лги, дурак, себе. Сам понимаешь, почему не хочется покидать теперь дом, но вслух произнести не можешь, трус.

Артанка держится, быть может, излишне надменно, но, он напомнил себе, это всего лишь защита. Да и слуги ничего другого не ждут от артанки, ведь там в степи все гордые и надменные, а их хозяин и защитник Иггельд сумел пленить не простую артанку, а очень знатную, недаром же с нею целая повозка награбленных в Куявии сокровищ!

Сегодня день на удивление жаркий, но к вечеру посвежело. Горы стали лиловыми, небо потемнело, углубилось, резко обозначились щели, ущелья, пики. Под окнами скрипели телеги, щелкали кнуты и хлопали плети, тоскливо промычала корова, донеслись голоса, а следом в окна потянуло подгоревшей кашей, паленой шерстью.

Иггельд поморщился: эти бестолковые переселенцы раздражают, каждый из них занимает места впятеро больше, чем жители его Долины, подошел к окну, но за спиной хлопнула дверь, ввалились Чудин и Шварн, за ними степенно вошел Апоница, почти не постаревший с того времени, как он, Иггельд, бежал из Города Драконов в жуткое по тем временам место.

Пока Чудин и Шварн обнимали Иггельда, поздравляли с благополучным возвращением, Апоница внимательно рассматривал бывшего ученика, наконец тоже обнял тепло, сказал со вздохом:

— Эти двое пришли ко мне с сумасшедшей идеей...

— Не такая уж и сумасшедшая, — возразил Шварн быстро. — Что в ней сумасшедшего? Что?

Апоница договорил:

— Я подумал, подумал... и решил, что с сумасшедшими затеями лучше к сумасшедшим людям. А у меня единственное сумасшедшее деяние — что переселился сюда. А теперь я снова нормальный... почти. Правда, драконов выращиваю и воспитываю без штырей боли, но здесь это делают все. Но эти двое...

Они расположились за столом, Иггельд с трудом отогнал мысли о своенравной артанке, сделал лицо внимательным.

— А что за странная затея?

Апоница раскрыл рот, но Шварн быстро прервал:

— Давайте я сам расскажу!.. Иггельд, мы с Чудином хотим попробовать вырастить дракона вообще без панциря. Зачем он нужен, если не воевать?.. Сейчас это же дурь, даже дракон-разведчик в панцире!.. И дракон для перевозок.

Иггельд промедлил с ответом, Апоница сказал ровным голосом:

— Все верно, панцирь нужен только для боевого дракона. У него, кстати, панцирь самый прочный. А у разведчика или перевозчика разве панцирь?.. Так, хороший удар копьём проломит в любом месте. Особенно если на полном скаку. Но вы представляете, что такое дракон вообще без панциря?

Иггельд взглянул вопросительно на Чудина, этот обычно отмалчивается при шумных обсуждениях, но у этого молчуна всегда есть что сказать. Чудин помялся, сказал тихим голосом:

— Дракон... не рак. Это у рака весь скелет, на котором держится мясо, снаружи... из-за чего раку приходится линять, иначе расти не сможет. У дракона скелет внутри, как и у нас. Но мы обходимся без панциря? А если надо, то у нас находится съёмный панцирь?.. Мы подумали, что даже тот панцирь, что у перевозчика, весит примерно столько, сколько семь-восемь человек. Сейчас он в состоянии поднять на себе только шестерых! А если бы без панциря?

Апоница сказал насмешливо:

— А посадишь задницами на голое мясо?

Иггельд перевел взгляд с Чудина, сказал с некоторым удивлением:

— А что, задумка отличная... В том месте немножко можно нарастить хоть панциря, хоть простой чешуи, достаточно лишь каждый день в нужных местах стучать палкой, там кожа быстро загрубеет, нарастут утолщения. Но так можно добиться лишь утолщения панциря, вы же хотите его вообще убрать... Как?

Шварн посмотрел на Чудина, тот кивнул, Шварн сказал горячо:

— Если сразу же взять дракончика, как только разломает яйцо, и одеть его тепло... не смейтесь, одеть как ребенка!.. Чтоб ему было и тепло, и не больно стучаться боками и спинкой! Тогда панцирь просто не нарастет!

— Может быть, не нарастет, — уточнил Чудин. Добавил: — Мы надеемся.

Иггельд развел руками.

— Тогда вам придется уединиться с ними. Например, в пещеры, как когда-то я... Я думаю, что детеныши некото-

рое время вообще не должны видеть драконов с панцирями. Они же все подражают друг другу, учатся один у другого. Настолько учатся, что могут и панцири себе отрастить, чтобы как у других...

Пребрана принесла кувшин с вином, перед каждым зрителем драконов поставила серебряную чашу. Иггельд потянулся было, вспомнил гневное лицо артанки, как наяву услышал ее презрительные слова насчет пьяной куявской свиньи, тут же отдернул руку. Пребрана, ничего не замечая, наполнила ему первому, потом остальным, кувшин оставила и тихонько удалилась.

Гости смаковали терпкое вино, а он вспомнил, как еще в Городе Драконов пытался заглянуть в историю Куявии поглубже, стараясь дознаться, когда же удалось приручить драконов, но сведения расплывчатые и противоречивые. Одни источники утверждали, что все драконы произошли от горного дракона Рагнера, который не пропустил через перевал войска легендарного Яфета, другие — что мелкие охотничьи драконы явно даже не родня Рагнеру: чересчур мелковаты, у них отсутствует гребень, все четыре лапы всегда желтые, в то время как у потомков Рагнера конечности либо основного цвета, либо на самых кончиках белые.

Сам он больше верил этому источнику, так как земледельцы нередко выкапывали кости гигантских животных, ныне уничтоженных древними героями, которые на равнинах и болотах явно принадлежали одним драконам, а в горных частях страны — другим.

Он видел диких драконов, как пойманных, так и в небе, и сразу признал, что за века обитания с людьми драконы во многом изменились. Они не только научились ужиться с человеком и находить в этом для себя выгоду, но многие изменились даже внешне: утратили способность выдыхать огонь, бросаться на все, что движется в пределах досягаемости, зато научились хрюкать, взрыкивать и бить лапой по тазу или корыту, объясняя тупому человеку, что пора бы наполнить.

Когда начал на Черныше улетать как можно дальше, в

Авзацких горах однажды встретил наскальные рисунки драконов, которые резко отличались от таких же наскальных изображений в горах Бескидов. Если драконы Авзаца массивные и огромные, то драконы Бескидов мелкие, длинные, как змеи, с вытянутыми мордами. На одном рисунке, уже полустертом дождями и ветрами, изображен дракон, преследующий стадо овец. Когда Иггельд срисовал рисунок и принес в Город Драконов, мнения зрителей разделились: одни считали, что дракон просто охотится, другие утверждали, что прирученный дракон помогает пастуху перегонять овец на новое пастбище. Они аргументировали это тем, что в настоящее время пастухи в дальних горах все еще предпочитают домашних драконов даже собакам, так как дракон хоть и жрет больше, зато в состоянии заменить целую стаю сторожевых псов, охраняет от волков, способен взлететь и отыскать потерявшуюся овцу, а о приближении людей, своих или разбойников, заранее предупреждает громким ревом.

В древние времена, когда драконов было намного больше, за молодого необученного дракона давали десять крепких коней или большое стадо коров. Молодых драконов приспособливали для караульной службы, а по ночам эти звери сидели на башнях, громким ревом оповещая о приближении противника. Бывало, обдавали огнем из пасти и своих, когда те возвращались из похода, но такое случалось редко: молодые драконы огнем еще не плевались, а когда начинали плеваться, они уже были на особом положении.

Апоница вина почти не пил, его пальцы как будто сами по себе ныряли в широкую вазу с крупными орехами, слышался треск, между пальцев просыпались скорлупки, а очищенные ядра он бросал в рот. Сухие жилистые руки сохранили силу, он молча и с удовольствием этим бахвалился, даже выкладывал блестящие зерна на середину стола для тех, у кого пальцы не такие крепкие.

Чудин еще раздумывал, а лицо Шварна засияло восторгом.

— Так это же здорово!..

— А вытерпишь?

— Я? — спросил Шварн радостно. — Ты же вытерпел?.. А мне куда легче!.. Забыл, что мы тоже жили сперва в пещерах? А я ж переехал с женой и двумя детьми!

— Тогда домов не было, — возразил Иггельд. — Легче терпеть, когда деться некуда. Вот Чудин с тобой не пойдет. Он жениться собрался.

Чудин хмурился, отводил глаза, но лицо оставалось решительным.

А ведь Шварн и в самом деле готов оставить жену и детей, подумал Иггельд внезапно. Он прав, жены и дети есть у всех, а вот драконы — только у них. Нет, не только у них, но самые лучшие — у них. Даже здесь, в этой Долине, их драконы уступают только Чернышу, а если сравнить с драконами знаменитого Города Драконов, то те против них будут как куры против орлов.

И ради драконов, ради их разведения оба в самом деле пойдут в пещеры... Драконы всегда считались только дикими, но человек такой беспокойный зверь, что ему для полной победы надо не только всех побить, но еще и подчинить, заставить служить себе. Либо верно и преданно, как заставил служить собак, либо спокойно и с покорным равнодушием, как волов и коней, либо как приручил пчел, что вовсе не подозревают, что их приручили, но они уже считаются домашними.

Драконов пробовали приручать, как он помнил из рассказов Апоницы, еще в самой глубокой древности. Занятие это смертельно опасное, малейшая ошибка влекла немедленную смерть приручителя. Но и выгода от приручения маячила такая, что снова и снова пытались смельчаки, пока в одном горном племени не удалось приручить и вырастить молоденькую самочку дракона. Конечно, удавалось такое и раньше, но эту уже покрыл пролетающий мимо дракон, самочка отложила четыре яйца, из которых удалось вывести троих детенышей, как гласят летописи.

Те же летописи гласят, что секреты свои берегли ревностно, а когда древний правитель решил даже двинуть туда войска, чтобы овладеть знаниями, ему пригрозили, что и драконов убьют, и сами покончат с собой, но ручных драко-

нов ему не видать, и тогда тцар отступился. Решил мудро: в самом деле не стоит резать курицу, несущую золотые яйца. С тех пор он слал в то племя все, что им требовалось, а те в ответ верно служили тцару со своими грозными драконами в битвах, сражениях, показывались с ними во время приезда чужеземных гостей, чтобы произвести впечатление несокрушимой мощи.

В других племенах тоже пытались приручить драконов, но безуспешно. Одно едва полностью не погибло, слишком уж увлеклись этим делом, а другое дало себя поглотить счастливым обладателям драконов. Племя разрослось, правителям требовалось драконов все больше, племя богатело, закладывались новые питомники, а их новые хозяева пробовали направлять развитие драконов в ту или иную сторону. К их удивлению и радости, породу драконов оказалось менять даже легче и проще, чем породы собак. К тому времени собак уже разводили крупных для сражений, быstroногих для охоты и совсем мелких для детской забавы.

С драконами почти сразу наметились три основные породы: крупные боевые драконы, разведывательные драконы и драконы для перевозок. Нашлись чудачки, что пробовали создавать породу для забавы: мелких, игривых, красочных, всерьез клялись, что смогут уменьшить драконов до размеров кошки, а то и мыши, и тогда драконы будут порхать по дворцу тцара, как редкие птицы, но к этим сумасшедшим никто всерьез не относился.

Наибольшую заботу тцар проявлял к боевым драконам, очень хотел вывести их как можно больше и с их помощью завоевать все Троетцарствие, но боевые драконы слишком тяжелы и от своего питомника могли улетать не дальше чем на десяток верст. Потом им приходилось долго отдыхать, становясь беспомощными и легкоуязвимыми на земле. Поначалу, когда пробовали их во всех случаях, они всегда гибли, конный разезд артан уничтожал всех, включая и наездника.

Разведывательный дракон мог без отдыха долететь до середины Артании. Но он крайне уязвим: с пустотелыми хрупкими костями, с чешуей вместо панциря, с тонкой, как шелк,

перепонкой на крыльях. Такого дракона даже сильный ветер мог опрокинуть и переломать ему крылья прямо в воздухе, но зато наездник мог с большой высоты проследить движение вражеских войск и упредить тцара.

Нечто среднее между боевым драконом и разведывательным был дракон для перевозок. На него можно посадить до пяти легковооруженных воинов или до трех героев. Правда, дальность полета у него вполовину меньше, но если поднять в воздух пять-семь драконов и с их помощью забросить во вражеский тыл отряд героев, то такой отряд нередко стоил целого войска.

Драконы для перевозок, как и для разглядывания земель сверху, оставались однородными, а вот с боевыми сразу начались разногласия. Как не удавалось в одном драконе соединить мощь боевого, дальность полета разведывательного и грузоподъемность перевозчика, так в одном боевом не удавалось соединить его предельную защиту и предельную мощь. Если удавалось нарастить такую броню, что ее не пробить никакими стрелами, мечами и топорами, то такой неуязвимый дракон терял в скорости, поворотливости, а если и сохранял способность плевать огнем, то его огонь мог обжечь не дальше чем на два-три шага.

Были драконы, что плевались огнем часто и мощно на десятки шагов, но толстые броневые плиты на их спинах уступили место простой чешуе, подобной чешуе крупных рыб или ящериц. Среди хозяев питомников всегда шло соперничество, которое умело подогревал тцар, когда жаловал золотом, дорогими кубками, направлял золото и корм для тех, кто показывал самых удачных драконов.

В комнате потемнело, тут же пахнуло горячим воздухом. Апоница от неожиданности вскрикнул, выронил орехи. Все окно занимала голова Черныша, он смотрел боязливо, понимая, что так делать нельзя, сейчас погонят, пасть распахнулась, он попытался просунуть язык через прутья, но ничего не получилось. Слышен скрежет по каменным плитам — это его хвост метался из стороны в сторону, тоже выражая любовь и преданность.

С той стороны стали слышны возмущенные крики. Шварн сказал зло:

— Черт бы побрал этих переселенцев! Слышите, что кричат? Дракон им, видите ли, не нравится на улицах нашего города!

Иггельд сказал успокаивающе:

— Они и так несчастные люди. Их согнали с места, они пришли со своими привычками, страхами. Черныш, иди погуляй, ладно?..

Апоница сказал насмешливо:

— А вообще-то нечестно...

— Что?

— В пещере вы жили в обнимку, — напомнил Апоница. — Уже забыл? А я помню. И Черныш помнит. И теперь не понимает, за что ты его наказываешь.

— Наказываю?

— А как ему прикажешь понимать? То жил с ним, бедный ребенок целовался с тобой вволю, а теперь ты с ним видишься только по делу. Когда надо куда-то лететь. Он же обижается!

Иггельд подошел к окну, горячий язык коснулся его пальцев. В глазах Черныша вспыхнуло ликование: он касается своего любимого папочки, слизывает его обожаемые запахи, вдыхает его аромат...

— Я люблю тебя, — сказал Иггельд уже не сердито, как обычно, отмахиваясь, а виноватым голосом. — В самом деле люблю... И мы еще летаем просто так, без всяких дел. Просто так, для удовольствия.

Шварн и Чудин еще будут выращивать своих драконов, мелькнула мысль. Те, прошлые, не в счет, а у него уже есть самый лучший, самый любимый, и никаких других ему больше не надо. У него есть Черныш, это для него все. Лучший в мире дракон. Которого вырастил сам. Вырастил таким, какого хотел. Сильный и абсолютно бесстрашный, со спокойным характером, здоровый, неприхотливый, дружелюбный, готовый играть с любым знакомым, но к незнакомым относится недоверчиво. Очень важно, что управлять им легко, командам подчиняется сразу.

Черныш лизал ему пальцы, а Иггельд старался отстраниться от того, что это его друг, его ребенок, которого он выносил за пазухой, вырастил, сейчас старался смотреть на огромного дракона по ту сторону окна чужими глазами и понять, что видят переселенцы, что видят другие смотрители драконов, знатоки и просто горожане.

Дракон с гордой и красивой осанкой, почти квадратный, как любит измерять Апоница по растопыренным крыльям и лапам. Костяк массивный, крепкий, кости литые, без пустот, как у разведчиков. Мускулатура короткая, сухая, и даже под прочными щитками на коже хорошо проступают рельефные бугры. Щитки не настолько массивные, как ему хотелось бы, зато наползают один на другой, как у змеи, и как бы дракон ни согнул спину, между чешуйками никогда не появится полоска незащищенной кожи.

Голова покрыта массивной мускулатурой под плотными щитками. Лоб выпуклый, с резко выраженным переходом к морде. Морда короткая, широкая. Клыки широко расставлены в стороны. Глаза темные, выражают грозный вид, энергию и понятливость. От середины лба начинается гребень, но гребень едва-едва выражен, на лбу в виде более плотных чешуек, на шее чешуйки уже с короткими шипами, с загривка поднимаются на высоту ладони, только на спине это настоящий костяной гребень, но все равно короткий, приплюснутый, быстро прижимающийся к спине дальше, а короткий хвост почти без шипов.

Туловище Черныша по длине равно высоте в холке. Таких драконов еще не было, все остальные более или менее похожи на ящериц — длинные, вытянутые, уязвимые. У Черныша холка, на которую так удобно садиться, высокая, заметно выступающая над линией спины, тоже непривычно, все остальные драконы все те же горбатые ящерицы. Грудь широкая, живот подтянут. Плечи мускулистые, пяти короткие, с небольшим наклоном. Бедра широкие, голени длинные. Скакательные суставы сухие, с хорошо выраженными углами. Лапы круглые, сводистые, собранные в комок. Дви-

жения легкие, свободные, упругие. Всякий залюбуется, глядя, как эта скала несется легким галопом!

— Я люблю тебя, — повторил он. — Иди гуляй!.. Завтра с утра полетим. Повоюем, а если удастся, выберем большую широкую реку и накупаемся влать!

Черныш лизнул пальцы, исчез. На улице снова раздались испуганные крики, кто-то громко и зло выкрикивал проклятия. За спиной Иггельда засмеялись, Апоница сказал успокаивающе:

— Война кончится, эти погорельцы снова уедут на свои земли. И никто не будет жаловаться, что драконы бегают по городу!

— Уедут ли? — буркнул Шварн.

— А куда денутся? Здесь им не там.

— Город Драконов тоже начинался как город для зрителей драконов, — сказал Шварн угрюмо. Он быстро взглянул на Иггельда. — Там не сумели удержать, оставить городом... городом для своих, теперь это просто город, каких тысячи. А драконы ютятся в котлованах под самой стеной. Уже поговаривают, что надо бы засыпать пару котлованов, больно много места занимают, а на том месте поставить склады, разбить базар, построить доходные дома... Тьфу!

ГЛАВА 13

Блестка не видела Иггельда с полудня, но вернулся он неожиданно посвежевший, хотя с тем же угрюмым и неприветливым выражением лица. С ним пришли Апоница и Ратша, поужинали быстро, в ее сторону он почти не смотрел, Блестка наблюдала за ним из-под приспущенных ресниц. Когда она отвернулась к соседке за цветными нитками, спина ее едва не вспыхнула от жаркого взгляда, она сразу ощутила его, но едва обернулась, за столом никого не осталось. Руки ее опустились, в груди тоже стало настолько пусто, будто оттуда вынули сердце.

Что со мной, спросила она себя смятенно. Почему я стра-

даю, когда он на меня не смотрит? Или пора уже признаться себе, назвать все своими именами?

После ужина женщины еще надолго задерживались в его доме, пряли и пели, даже из своей каморки она слышала их негромкие милые девичьи голоса, сердце вскипало от ревности, а воображение рисовало картины, как он улыбается им, берет какую-нибудь за руку и уводит в свою комнату.

Она сидела на своем ложе, прислонившись к холодной стене в ожидании Сбыслава. Дверь громко скрипнула, Блестка подняла голову, вместо Сбыслава в дверном проеме стоял Иггельд. Сердце застучало чаще, она даже уловила, как запульсировали жилки на висках, чего с ней никогда не случилось. Некоторое время она ждала, что он заговорит или дотронется до нее. Может быть, даже схватит в объятия, но Иггельд стоял неподвижно, словно резной столб.

Чувствуя неясное разочарование, она стиснула челюсти, выпрямилась, надеясь, что получилось достаточно надменно. Он стоял с распахнутой на груди рубашкой, голову наклонил, словно намеревался ее боднуть, в глазах мрачное и даже злое выражение.

— Враг мой, — произнес он, — почему ты — враг мой?

— Потому что, — ответила она.

Он не понял, судя по его лицу, но переспрашивать не стал, подошел, сел и взял ее за плечи. Она вскинула голову. Их взгляды встретились. В его глазах глубокая печаль.

— Почему, — повторил он, — почему?.. Я не хочу быть твоим врагом.

Она дерзко усмехнулась.

— Да? Тогданими с меня цепи.

— Нет, — ответил он просто.

— Почему?

— Убежишь, — ответил он бесстрастно. — Пока в цепях, за тобой присматривают десятки глаз. В этом железе не позволят выйти за двери этого дома. Но без цепей ты сможешь уйти даже сквозь стены.

Она посмотрела вопросительно.

— Как?

Он двинул плечами.

— Не знаю. Может быть, просто вышибешь кулаком камни и выйдешь. А если кто рискнет заступить дорогу, оторвешь голову.

Он вроде бы шутил, но глаза оставались серьезными. Она старалась смотреть бесстрастно, пусть не видит, как тихая печаль охватывает ее сердце.

— Тебя скоро заберут у меня, — сказал он просто. — Но сейчас ты еще здесь. И ты — в цепях.

Его пальцы приподняли ее подбородок. Она попробовала отвернуться, и тогда он неувовимо быстро припал к ее губам горячим ртом. Блестка застыла, попробовала отодвинуться, это было невероятно трудно, странное желание прижаться к нему пронзило, как острый клинок.

Он целовал долго и жадно. Словно зачарованная она ощутила, как руки поднимаются, ладони опустили на его широкие горячие плечи, округлые и твердые. Его поцелуй длился, она ощутила, что предательские губы вновь потеряли твердость камня, потеплели, стали мягкими и податливыми.

Он с усилием оторвался от ее губ. Она видела, как в глазах полыхнул гнев.

— Что ты со мной делаешь? — спросил он. — Женщина, в тебе нет... сердца!

Она прямо смотрела ему в лицо.

— Сердце меня и предает, — ответила она. — Ты мой враг. Но я, в отличие от тебя, могу признаться... могу сказать правду.

— Какую?

— Мне нравится, — ответила просто, — когда ты меня целуешь. Меня еще никто не целовал. И не обнимал, если не считать братьев.

Он сгорбился: братья — это прежде всего артане. А они придут за сестрой и не оставят здесь камня на камне. Можно не сомневаться, у них хватит сил и решимости. Люди, которые смели могущественные армии Тулея, смели даже черные башни магов там, на равнине, сметут и оставшиеся в горах. А его Черныш хорош для рейдов, но не для схватки с целым войском.

— Но если представится возможность... — сказал он и умолк, не мог выговорить дальше.

— ... то я убегу, — договорила она.

— Если сниму цепи, поклянешься, что не убежишь?

— Нет.

— Почему? — спросил он, но голос звучал безнадежно, ответ Иггельд знал.

— Я — артанка, — ответила Блестка. — А для нас родная земля не то что для куявов. Мы в войне, а ты — мой враг.

Некоторое время они смотрели друг другу в глаза. Взгляды сказали больше, чем оба могли бы словами.

— Хорошо бы, — выговорил он с трудом, — очутиться нам в дальнем-дальнем краю. В такой стране, где не слышали даже о Куявии или Артании.

— Мы здесь, — возразила она. — Мы воюем. Я у тебя в плену. Ты волен делать со мной все, что захочешь.

Он опустил руки.

— Да.

— Так делай же, — сказала она просто.

Он покачал головой.

— Думаешь, только у артан есть гордость?

— Что ты имеешь в виду?

— То, — сказал он с нажимом, — что я никогда не возьму силой женщину, которую полюблю.

Он ушел, прежде чем она поняла, что он сказал, и прежде, чем успела ответить то, что хотела.

Она старалась всегда и везде лицо держать бесстрастным, только глаза видели и замечали все. Здесь либо жили полные уроды, что не держат в доме оружия, либо все оно спрятано в комнате хозяина. Артане справедливо считали, что оружие на стене — лучшее украшение, и потому развешивали его везде и всюду.

Хотя бы нож найти, подумала она в тоске. Конечно, лучше всего — артанский топор, что рубит и железо, как сырую глину. Тогда бы никто не смог остановить ее на пути к свободе... или к славе. Железная цепь и эти оковы, на которые так

надеется ее поработоритель, на самом деле не настолько, не настолько, как он и остальные в этом доме думают...

Правда, она может исхитриться изорвать одеяло, получится ленты. Если связать все, то легко спуститься через окно, что в коридоре. Там всего один страж, но с ним справиться легко, он всего лишь куяв. Женщины с удивлением говорили между собой, что молодого хозяина терзает какая-то хворь, исхудал, спал с лица, вчера накричал на Апоницу, люди стараются не попадаться ему, раздражен, зашибет. Раньше он всегда завтракал вместе со всеми, а сейчас уходит утром тайком, словно вор, целый день носится где-то, а возвращается поздно ночью, весь в побитых доспехах, в крови...

Поздно ночью, подумала она мрачно. Это чтобы со мной не встречаться. И уходит рано утром потому же. Что ж, враг мой, я тоже не уступлю тебе ни капли своей гордости. Если надеешься, что я что-то скажу, начну оправдываться или хотя бы объясняться, ты тоже станешь доказывать, в чем я не права, и таким образом к чему-то придем, но я не скажу ни слова. Здесь — враги.

В груди было холодно и пусто. Здесь враги, напомнила она себе. Я должна искать возможность бежать. Если надо, убью любого, кто встанет на дороге. Любого.

Иггельд ударил кулаком по спине Черныша, тот довольно хрюкнул и закрыл глаза. Боль не ощущалась, ударил снова, сильнее. Что за бешеная артанка и что он за дурак, не придумал ничего умнее, чем заковать в оковы? Сейчас поздно отменять, будет выглядеть еще глупее. Да и как-то обезопасить себя и других все равно надо.

Он чесал и мыл Черныша, а перед глазами стояло ее лицо. Глаза чистые, открытые, вопрошающие. Честные, что удивительно для женщины. Все куявки рано учатся хитрить, скрывать свои чувства, говорить только то, что нужно говорить. Это называется хорошим воспитанием, это позволяет уживаться в обществе самым разным людям. Артанка же говорит то, что думает. Она не врала, когда просто и честно сказала, что ей нравится, когда он ее обнимает. Но это ничего не зна-

чит, они — враги, а у артан долг и честь на первом месте, а любовь и личные желания — потом, потом...

Черныш повернул голову и заботливо лизнул хозяина в лицо. В глазах дракона Иггельд со стыдом увидел странное понимание и сочувствие. Наверное, пахнет тревогой и смутением, словно он потерпел поражение, а чувствительный дракон утешает, как может. Иггельд вяло отмахнулся, вытер лицо рукавом. Артанка есть артанка, ни разу не всплакнула, не пожаловалась. С каким достоинством носит тяжелые оковы! Словно не рабыня, а царица, попавшая в плен к тупым и диким варварам. И даже звон цепей подчеркивает не ее унижение, а его грубость, дикость, варварство. Невозможно представить, что она попросит их снять. Вообще невозможно представить, что она вообще о чем-то попросит.

Дракон взвизгнул, Иггельд торопливо похлопал по чешуйчатой шее.

— Прости, оцарапал... Задумался.

Черныш смотрел укоризненно, Иггельд погладил по морде, снова впал в глубокую задумчивость, пока руки машинально скребли и чистили.

Дракон снова взвизгнул. Иггельд сказал:

— Прости... ах ты, поросенок! Прикидываешься? Тебя и топором не поцарапаешь!

Черныш, довольный хитростью, лизнул ему пальцы. С этой женщиной, сказал себе Иггельд, в его мир вошло нечто, из-за чего весь мир поблек, перестал казаться таким уж прекрасным. Сейчас он казался себе не умнее Черныша, что обожает проноситься над стадами скота или табунами диких коней, реветь над ними грозно, распугивать и бросаться на отбившихся от большинства.

— Иди, — сказал он потеряннм голосом, — гуляй...

Черныш в изумлении смотрел вслед родимому папочке, настолько растерянному, что даже щетку забыл у него на тмени. На всякий случай качнул башкой, щетка свалилась на землю, но Иггельд не заметил, шел как слепой к дому, походка неверная, будто его тащат на аркане, а он еще и сопротивляется, старается увильнуть. Черныш вздохнул, пошел потихоньку следом. Под лапой громко хрустнул камешек, Чер-

ныш застыл в страхе, сейчас папочка повернется, накричит, прогонит, но тот шел все той же странной походкой, не обернулся, и Черныш понял, что дело совсем плохо.

Он прокрался к дому и, встав на задние лапы, начал заглядывать во все окна.

Дверь скрипнула, отворилась. Блестка вздрогнула, в коридоре Иггельд, бледный, сильно исхудавший, с растрепанными волосами. Не сводя с нее взгляда, перешагнул порог, закрыл за собой на ощупь дверь. Ей стало тревожно, и, скрывая страх, спросила надменно:

— А кто рассказывал, что куявы всегда стучат в дверь?

Он покачал головой, голос хриплый, сорванный, похожий на скрип несмазанных колес:

— Я уже не знаю, куяв ли я...

— Куяв, — заверила она, — еще какой куяв! Самый настоящий. Пьяный, наглый, грязный свиноед.

Он подошел к ней странными деревянными шагами. Она отступала, пока под колени не уперся край ложа. Иггельд подошел вплотную, в глазах страдание, сердце ее дрогнуло, а он сказал торопливо, все тем же осипшим голосом:

— Я не пьян, с того дня не брал в рот ни капли... Я вообще не пью вина, в тот раз уж так получилось... как-то само... не знаю, я, конечно, вел себя по-скотски... Но тебе это не нравится, и я больше к вину не прикасался. Сейчас я пьян без вина...

Она спросила настороженно:

— Белены объелся? Или ядовитых грибов?

— Я вижу тебя, — ответил он горько, — мне этого достаточно...

— Я тебе так отравляю жизнь? — спросила она как можно радостнее, хотя в груди растекалась жалость, он в самом деле исхудал, веки распухли и покраснели, глаза ввалились. — Как здорово!

Он смотрел в лицо, в глаза, кадык нервно дернулся, потом еще и еще, словно не мог протолкнуть ком в горле. Она вздрогнула, когда он медленно поднял руки и взял ее за пле-

чи, но не стяхнула, смотрела ему в глаза. Он даже не отводил взгляда, и она не отвела, так глаза в глаза смотрели некоторое время, потом он тихо и как-то робко нажал на ее плечи. Блестка села, в его движении не было принуждения, скорее — просьба, очень жалобная просьба сильного человека, который не привык просить, но не может и приказывать.

Он опустил рядом, не делая попыток ее обнять, не посягая на ее свободу, на ее честь и достоинство, ни на что не посягая, ничего не требуя, ни на что не надеясь.

— Я слышал, — сказал он, — что человек, властвуя над другими, утрачивает собственную свободу... Я, дурак, попытался держать в своей власти тебя!

Блестка ответила как можно равнодушнее, как истину, известную каждому ребенку:

— Тот, кто держит цепь, не свободнее того, кто ее носит. Чтобы быть рабом, надо всего лишь считать себя им... или чувствовать. Я же — пленница!

Он сказал усталым голосом:

— Артанка... да, артанка до кончиков ногтей.

— А ты куяв, — напомнила она.

Он помотал головой, в глазах мука.

— Ты не могла бы хоть сейчас об этом забыть?

— О чем?

— Что ты артанка, а я куяв? Не всегда же мы воевали!

— Но сейчас воюем, — напомнила она.

— Мы не воюем, — сказал он тихо. — Я с тобой не воюю. Я не могу с тобой воевать... А если и... воевал, то я... сдаюсь. Ты победила.

Голос его вздрагивал, прерывался, в нем звучала боль. Блестка застыла, жалость шевельнулась в груди и тут же, не ощутив сопротивления, заполонила ее всю до кончиков ушей. Она повернулась к нему, потянулась всем телом. Он вздрогнул, глаза расширились, не поверил, но тут же порывисто обнял, обхватил, прижал к груди и только потом, после долгой тревожной паузы, когда два сердца бились часто и громко, так же робко прикоснулся губами к ее темени, черные волосы все еще пахнут дикой степью, грохотом копыт, в черноте ее волос искорки звезд, раздвинулись, превратились в

призрачные сверкающие шары, он ощутил, что падает, погружается в них...

Умопомрачение длилось мгновение, он опомнился в тот миг, когда опустил с артанкой в руках на ложе. Она не вырывалась, дышала спокойно и умиротворенно, и он, страшась спугнуть ту волшебность, что посетила обоих, лежал неподвижно, держа ее в объятиях, чувствуя ее тепло, наслаждаясь ее дыханием, запахом ее кожи, волос, чувствуя, как часто стучит ее сердце... как будто его собственное не старается выскочить из груди!..

Она чувствовала, как его руки, словно сами по себе, отдельно от его неподвижного тела, подтягивают ее к себе и жар его тела становится невыносимым. Глаза его, серые, совсем не рыбы, а цвета стального клинка, расширились, заняли полмира. Блестка в страхе, что случится непоправимое, что все испортит, отвернувшись, и его раскаленные губы пролегли горящую полосу по ее сразу вспыхнувшей огнем щеке.

Ей не хватало воздуха, она дышала все чаще, грудь вздымалась порывисто, толчками. Пытаясь отстраниться, она уперлась в его грудь руками, но голова закружилась, и она сама уцепилась за него, как вьюнок за крепкое деревцо.

Они лежали, крепко обхватив друг друга, одной рукой он придерживал ее за спину, другой — затылок, словно ребенка, у которого отвалится слишком тяжелая голова. Жар разливался по всему телу, Блестка медленно подняла голову, лицо до этого прятала у него на груди, их губы встретились раньше, чем взгляды, и, несмотря на жар, новое пламя вспыхнуло, обожгло. Блестка чувствовала, как ладонь на затылке прижимает ее голову все крепче, пальцы зарылись в волосы, а сама она ощущала с нежностью и рвущейся наружу радостью его нетерпение, его усиливающийся натиск, и руки без ее ведома сами предательски обхватили его за шею. Она прижалась к нему, продлевая поцелуй, сливаясь в поцелуе, она чувствовала, как он взял ее губы в свои, смакует, наслаждается, не может оторваться.

В какой-то момент его руки скользнули по ее бедрам, прижали. Она разорвала поцелуй, спрятала лицо у него на

груди снова, но жар в теле и трепетное чувство, что все она делает правильно, прижали ее к нему еще крепче, сердце едва не выскакивало из груди, она прошептала:

— Иггельд...

Голос ее был задыхающийся, она сама его не узнала, а он смотрел в ее огромные глаза этого странного волшебного цвета, в горле стоял ком, он готов был заплакать от избытка чувств, схватил в обе ладони ее лицо, жадно начал целовать глаза, щеки, нос, сказал жарко:

— Я не могу без тебя...

— Иггельд!

— Я умру без тебя...

Они снова сомкнули губы, и оба на этот раз чувствовали, чем все кончится. Разум захлестнула волна горячей крови, сильные мужские руки скользили по ее телу. От его ладоней воспламенялась спина, ягодицы, грудь, в голове стоял звон. Она медленно погружалась в безумно-сладкую пьянящую бездну, ее руки обвили его шею и уже не отпускали.

Почти не ощутила, как исчезли ее оковы, рубашка, а затем и кожаные штаны, зато когда его горячие губы коснулись ее груди, волна пламени прокатилась по телу, заставила выгнуть спину, прижимая грудь к его губам. Она услышала свой беспомощный стон, Иггельд, видимо из страха все испортить, разрушить, как уже случилось, не спешил наброситься, как должны делать мужчины, он продолжал целовать ее груди, захватывал губами розовые соски, что уже съежились и приподнялись, похожие на недозрелые ягоды землянички. Она крепко держала его обеими руками за шею, поцеловала так же жадно, как целовал он, ее тонкие пальцы погрузились в его густые светлые волосы. Она услышала свой слабый задыхающийся голос, их тела слились, она чувствовала боль, восторг, наслаждение, страх и странное облегчение, словно наконец-то исполнила то, к чему шла всю жизнь, что должна сделать, что завещано всеми отцами, дедами, прадедами и всеми-всеми безымянными предками.

Ее тело все еще вздрагивало, медленно затихая, она чувствовала на щеке обжигающее дыхание, он дышал часто, с

хрипами, потом тяжесть на ее теле исчезла, он медленно повалился на бок, но ее из рук не выпустил, так и лежали, медленно восстанавливая дыхание.

Она проснулась первой и долго смотрела на него, спящего. Красив, силен, прекрасно сложен, но сейчас она чувствовала, что из-за внешности всего лишь обратила на него внимание, но если бы не оказался таким, таким... она не могла подыскать точное слово, то так и остался бы всего лишь красивым врагом.

Спи, любимый, произнесла она мысленно. Тебе еще тяжелее, чем мне. Я могу сослаться, что я — пленница, у меня нет своей воли, а тебе увильнуть от ответа ни перед другими, ни перед собой не удастся.

Очень медленно спустила ноги на пол. На миг показалось, что он наблюдает за ней из-под приспущенных век, прислушалась, но он дышит ровно, глубоко, на щеке играет румянец глубокого сна. Она оделась, как можно тише прошла к двери.

Дверь оказалась запертой. Она толкнула сильнее, дубовая створка, которую можно вышибить только тараном, не поддавалась. Оглянувшись, не обратила внимания, что Иггельд в самом деле проснулся и смотрит на нее, машинально посмотрела на окна, хотя знала, что не протиснется в эти узкие бойницы. К тому же перекрытые так железными прутьями, что не пролезет даже кошка.

— Артанка, — донесся голос от постели. Она резко обернулась. Иггельд приподнялся, лицо мертвенно-бледное, но в глазах тьма. — Я все понимаю... но я не последний дурак. Двери надежно заперты. А в коридоре двое стражей.

Она сказала беспомощно:

— Я всего лишь намеревалась...

— Что?

Она заколебалась, сейчас при свете дня все выглядело совсем иначе или могло выглядеть, и ответить так, как она хотела... хотела, но не могла, язык уже не поворачивается. То ли

виной беспощадный солнечный свет в окно, то ли утренний свежий прохладный воздух, но она ответила после паузы:

— Ну, идти заниматься тем, чем и занималась. Как обычно, шить одежду, вышивать. Помогу Пребрране печь хлеб...

Он покачал головой.

— Не ври мне. Мы оба знаем, что ты не упустишь случая убежать.

Она в молчании наблюдала, как он вскочил и быстро оделся. Руки его дрожали, лицо дергалось, он делал много ненужных движений, чистый куяв, что не знает сдержанного достоинства артаннина. Когда он натянул сапоги, став ростом еще выше, голос дрогнул, а глаза стали глазами побитой собаки:

— Ты можешь хоть теперь сказать свое имя?

Она медленно покачала головой:

— Теперь — нет. Ты упустил...

Он вздохнул, лицо стало страдальческое, виноватое, но сказал как можно тверже:

— Да? Я чувствую, что делаю многое не так, как должен бы... А как должен? Не знаю. Но пока могу сказать только одно...

Он запнулся, показалось, что в его лицо бросилась краска. Она спросила мертвым голосом:

— Что?

Он сглотнул ком в горле, указал на тяжелые оковы на подоконнике. Она проследила взглядом за его рукой. Сильнейшее разочарование нахлынуло, затопило с головой. В глазах потемнело, едва услышала его звенящий, как комариный писк, голос:

— Какое бы безумие нас ни посетило, но мы — куяв и артанка. Наши страны воюют.

— Да, — услышала свой голос. — Да.

— Я не могу тебя потерять. Не могу.

— Да, — ответила она. — Я поняла... куяв.

Тьма постепенно рассеялась. В ушах слышался затихающий звон. У постели стоял Иггельд, он выпрямлялся, крупный и массивный, но все равно вид у него оставался жалкий.

Возможно, ожидал услышать что-то другое, после ее слов глаза погасли, сгорбился, взял оковы и, встав перед нею на колени, защелкнул на лодыжках.

— У меня к тебе просьба, — сказала она.

Он оживился, она увидела в его глазах радостное ожидание, впервые гордая артанка обратилась к нему с просьбой.

— Говори!

— Не приходи ко мне больше, — промолвила она.

Он дернулся, побледнел.

— Почему?

— Просто не приходи, — повторила она. — Здесь много женщин, что будут тебе рады... Я — нет.

— Артанка, — сказал он с мукой, — я понимаю, тебя оскорбляют и унижают эти оковы. Но что я могу сделать, скажи? Я не могу тебя потерять, ведь ты поклялась, что сбежишь при первой же возможности. А как ты умеешь убежать, я уже знаю. Потому тебя и стерегут здесь так, как стерегли бы дикого горного великана. Разве у меня есть другая возможность помешать тебе бежать? Есть? Тогда скажи, я сразу же ею воспользуюсь!

Он умолк, будто ждал, что она вот так и скажет, как заставить ее остаться. А ведь мог бы, подумала она с нахлынувшим безразличием. Всего лишь попросив ее остаться. И она бы предала Артанию, предала братьев, предала все, во что верила и чем жила. Предала бы и осталась.

— Позволь, — сказала она, — я пойду к другим... рабам. В твоём хозяйстве много работы.

Он стиснул челюсти так, что затрещало в висках, задержал воздух, потом сказал изменившимся голосом:

— Делай что хочешь.

Она повернулась, холодная, гордая и безразличная, он суетливо забежал вперед, вставил ключ в дверь и открыл им засов с той стороны. Блестка не двигалась, тогда он распахнул перед нею дверь, она вышла с тем достоинством дочери тцара, при котором он снова ощутил себя услужливым челядином.

ГЛАВА 14

Весь день она работала на кухне, потом принесли ворох одежды, пришлось штопать, чинить, накладывать заплаты. Она исколола пальцы иголкой, а когда день закончился, слуги ушли в общую комнату. Женщины остались, а Сбыслав пошел за нею следом, хмурый и посапывающий на каждой ступеньке.

Когда проходили мимо ее чулана, Блестка распахнула дверь, вошла и с наслаждением опустилась на постель. Сбыслав сердито крикнул из проема распахнутой двери:

- Ты куда? Хозяин велел тебя к нему.
- Я не изволю, — отрезала Блестка.
- Так он изволит! — заорал Сбыслав.

Он сделал шаг в ее комнату и с силой ухватил ее за плечо. Блестку развернуло, она не ждала такого от обычно медлительного и всегда спокойного Сбыслава, но тут же ударила его в живот. Он охнул и согнулся, она ухватила его за волосы, приподняла, прошипела люто:

- Какой рукой ты меня схватил, раб?
- Что... что... — пролепетал он.
- Какой рукой ты меня коснулся? — повторила она резко.
- Вот... этой... — прошептал он, глаза его с ужасом смотрели в ее искаженное яростью лицо.

Она ухватила его за правую руку, сломала в локте и, подтащив воющего в ужасе Сбыслава к двери, вышвырнула сильным пинком. Ее всю трясло, она вернулась к постели и рухнула навзничь. Накопленная ярость и горечь разочарования обрушились на дурака-слугу, что подвернулся под руку, но ярость еще не ушла, кипела, пришлось стиснуть губы и терпеть, терпеть, чтобы не бросаться с голыми кулаками на стены.

Долгое время ничего не происходило, потом в коридоре раздались быстрые тяжелые шаги, дверь распахнулась с таким напором, что треснулась о стену. Иггельд стоял в проеме огромный, разгневанный, с развевающимися волосами.

Глаза горели бешенством, но Блестка разглядела в них и тревогу.

— Что случилось? — прорычал он.

— Ничего, — ответила она сухо.

— Я просил проводить тебя ко мне...

— Не проводить, — уточнила она, — а привести.

— Привести, — согласился он неохотно. — Но... а как иначе? Ладно, я пришел сам. Позволь, я сниму эти оковы... Как они натерли тебе ноги!

— Незачем, — ответила она как можно суше.

— Почему?

— Все кончено, Иггельд. То, что случилось, это было ошибкой. Мы должны об этом забыть.

Он отшатнулся. На его красивом мужественном лице отразилась мальчишечья обида.

— Как я смогу такое забыть?

— Уж постарайся, — ответила она мертвым голосом. — Если ты снова захочешь... ну, в тебе разыграют страсти, то теперь придется меня просто насиловать.

— Артанка!

В его глазах неподдельный ужас. Не понимает, подумала она с горечью. Как же мужчины просты, как не понимают даже таких ясных вещей! Не уйду я от тебя, дурак, не уйду. И не надо требовать от меня слова, это же видно по моему лицу, по моим глазам. А ты не поверишь даже моему слову, это видно, ну что за дурак...

— Насиловать, — повторила она с нажимом. — Женщина, которую приводят в цепях...

— Но я сам буду становиться перед тобой на колени! И сам снимать.

— А утром надевать, — напомнила она. — Нет, Иггельд, боги на одну ночь помutilи наш разум, но только на одну ночь.

Он сказал хмуро, с безнадежностью и обреченностью в голосе:

— У меня — не на одну.

Она произнесла тем же твердым голосом, умоляя богов

дать ей силы, чтобы он не увидел, что она чувствует на самом деле:

— Нет, Иггельд. Ты сам провел между нами границу. Я не стану ходить через нее туда и обратно. Я останусь на своей стороне.

Под его смуглой кожей задвигались желваки. Она ждала, что он скажет, что в его владениях нет границ, здесь все принадлежит ему. Тогда она напомним ему, что существует еще и внутренний мир, где между ними когда-то проходила граница, а потом незаметно исчезла... пока он снова не провел ее — грубо, зримо, глубоко, он помолчал, произнес глухим голосом:

— Я боюсь тебя потерять. Ты значишь для меня слишком много.

— Ты мог бы не терять меня.

Он посмотрел в ее глаза, лицо его исказилось в муке.

— Я тебе не верю.

— Как я могу доказать?

Он беспомощным жестом развел руки в стороны.

— Боюсь, никак. Потому я и держу тебя в цепях. Но я могу снять цепи, тогда тебя будут запирают на весь день в комнате, где прочные стены, а на окнах крепкие решетки.

Он умолк в нерешительности, она продолжила с горькой усмешкой:

— А ночью меня будут под конвоем пятерых дюжих стражников водить к тебе в спальню? Тебе самому не смешно? Или хотя бы не стыдно?

Он сказал хриплым голосом:

— С тобой я потерял не только стыд, но и честь, и достоинство...

Она удержала на языке привычную колкость, что у кувов нет ни чести, ни стыда, ни достоинства — у Иггельда всего этого в избытке, только у него все это дикое, самородное, не отшлифованное воспитанием, обществом себе подобных. Его честь даже выше, чем у большинства артан, ему приходится жить среди бесчестных людей, в то время как артане... нет, об этом сейчас нельзя думать, перед нею грубый и никчемный враг, у которого душа хоть и есть, но не крупнее,

чем у полевой мыши. Мелкие трепыхания есть, но что-то большое вместить не может...

И все-таки, подумала она тоскливо, я его люблю.

— А я — не потеряла, — ответила она.

Он ушел, как побитый пес, а она, едва захлопнулась дверь, упала лицом в постель и залилась горькими слезами. Выплакалась так, что подушка взмокла, утром чувствовала, как опухли глаза. Сперва вообще собиралась не ходить в нижний зал к женщинам, потом решила, что это будет как поражение, лучше показать ему, что все уже пережила и похоронила, с обеда уже сидела и со спицами в руках слушала милую болтовню этих простеньких существ. Когда Иггельд явился к ужину, она видела его отчетливо. С ним обедал Ратша, этот выглядел веселым и бодрым, несколько раз посмотрел в ее сторону, а когда встретились взглядами, подмигнул. Блестка сделала каменное лицо и больше в сторону их стола не смотрела.

После этого Иггельд исчез на пару дней, и она ощутила, как в сердце вошла ледяная игла. Даже за работой она беззвучно молила богов пожалеть наездника на черном драконе, а ночью упрашивала Мать-хранительницу защитить этого куява, после чего зарывалась лицом в подушку и долго рыдала, так как сохранить жизнь куяву-воину — это рисковать жизнью воинов из артанского лагеря.

Иггельд заходил несколько раз и просил передумать. Это означало лишь, что приглашает ее в постель на прежних условиях. Она приходила в ярость, отказывала таким ледяным тоном, что он сразу сникал и отступал за дверь. Дурак, говорила она вдогонку молча. Дурак. Ты ничего не понимаешь. Ты не понимаешь самого главного!.. А я сказать не могу.

Женщины ничего не заметили, во всяком случае, ей никто ничего не сказал, зато все увидели, что Иггельд ходит мрачнее тучи, челядины разбежались при одном его появлении. Голос его стал резким, раздражительным.

За несколько дней он исхудал, скулы заострились, нижняя челюсть выдвинулась вперед, а глаза, напротив, втяну-

лись в пещеры, оттуда из глубины поблескивали злые искры. Даже воины, что бывали с ним в сражениях, старались без необходимости не попадаться на глаза.

Почему, мелькнула мысль, я не могу сказать ему все?.. Наверное, это просто трудно сказать, как ни пробуй — слова не те, грубые и неуклюжие, каждое — неверное, каждое — ложь, это нужно прочувствовать... Не может быть, чтобы он всего этого не чувствовал!.. Не может быть...

Он чувствует, наверняка чувствует. Но зато может не поверить тому, что чувствует.

Иггельд ввалился в спальню, два светильника от двери тускло освещают в глубине помещения просторное ложе. В теле от усталости стонет каждая жилка, кровоподтеки ноют, кольчуга спасает от топоров, но не от ушибов. Он шагнул к кровати, но словно отшвырнуло, едва вспомнил, что совсем недавно лежал, держа в руках самую лучшую в мире женщину, которую не знает, как удержать...

За окном вечереет, небо окрасилось в багровый цвет, с площади донесся крик. Он услышал, как заржали кони, потом характерный треск, это чей-то конь, обезумев от страха, сломал оглобли, явно не местный, эти привыкли к драконам. Он подбежал к окну.

В небе над площадью кружил чужой дракон. Наездник согнулся на том месте, где шея переходит в плечи, что-то дергал яростно, дракон ревел, судорожно вздрагивал, едва удерживаясь в воздухе.

Иггельд выругался, после их ласковых и послушных драконов вообще возненавидел это изуверство со штырями боли, стены понеслись мимо, простучали под сапогами ступеньки. Он выбежал из дома в тот момент, когда дракон все же опустился посреди площади. Сейчас тяжело дышал, морда в пене, сразу же распластался и застыл с закрытыми глазами, безразличный ко всему и мечтающий только, чтобы наверху не трогали вживленный в самое болезненное место металлический прут.

Со спины дракона соскользнула брюхом по блестящей чешуе девчушка в теплой подбитой мехом одежде, на земле развернулась, Иггельд ахнул, а Яська бросилась ему на шею.

Он обхватил ее жадно, поцеловал в лоб, она прижалась к нему всем телом, спрятав лицо на груди. Наездник крикнул сверху:

— Она только сегодня добралась до нашего города!.. Мы знаем, как ты ее разыскивал, вот и решили сделать тебе подарок...

— Спасибо! — крикнул Иггельд через голову Яськи. — Я в долгу!

— Запомню, — засмеялся наездник. — Ладно, увидимся!

— Зайди хоть выпить вина, — пригласил Иггельд. — Твой дракон едва дышит, пусть переведет дух.

Наездник ответил с сожалением в голосе:

— Я бы с удовольствием, но наших драконов нельзя оставлять, как ваших... Ничего, ему только перелететь обратно через стену, а там растопырить крылья и спланировать в наш Город.

— Тебя как зовут? — спросил Иггельд.

— Дорож, доблестный Иггельд!

— Я твой должник, Дорож!

Наездник прикоснулся к металлическому штырю, дракон дернулся от боли, вскинул голову. Иггельд поспешно обнял Яську за плечи и повел в дом — отвратительно видеть, как драконов заставляют подчиняться с помощью жгучей боли. Яська повизгивала от счастья, как молодой дракончик, а будь у нее хвост, отбила бы им бока себе и брату.

На пороге уже встречали улыбающиеся домочадцы. Иггельд поискал глазами Блестку, вспомнил, что после ужина пленницу отводят в ее каморку и запирают, стиснул зубы, настроение сразу испортилось. Яська щебетала, он почти не слышал, так вошли в дом. Вокруг, как мухи в жаркий день, носились слуги и набившиеся сразу в дом гости, его дом всегда открыт для всех, не дом, а черт-те что, хорошо, хоть в его спальню еще не вламываются, хоть обратно в пещеру беги, как постоянно зовет преданный Черныш...

Моментально накрыли стол, натащили еды, ведь в плену Яську явно морили голодом, сгрудились вокруг в ожидании рассказа. Она ела на удивление вяло, к вкусностям осталась равнодушной, призналась виновато:

— Прости, братец, меня в Городе Драконов накормили так, что из ушей лезет. Старались тебе понравиться.

Слушатели довольно загалдели, еще бы, сейчас Иггельд в такой силе, что нижняя долина уже не просто считается с его возросшей мощью, но и заискивает, старается быть полезной, чтобы и он мог когда-то и в чем-то...

Иггельд спросил нетерпеливо:

— Как ты вообще...

— Уцелела?

— Нет, как добиралась?.. Одинокой женщине проехать через всю страну, где рыщут пьяные от крови артане...

Она кивнула, глаза стали серьезными, улыбка слетела с губ, как испуганная бабочка.

— Ты нашел хорошее слово, — сказала она. — Они не пьют вина, но от крови пьянеют. Со мной был Меривой, это сын Аснерда...

— Знаю, — вырвалось у него. — Нет, Меривоя не знаю, но Аснерда видел и даже разговаривал с ним. Если у него таков и сын...

— Сын даже крупнее, — сообщила она. — Он молод и силен, в нем сердце льва. А в руках мощь горных лавин. Когда он смеется, то начинают петь птицы, а когда рычит — собираются тучи и гремит гром. Он сильнейший воин во всем их войске...

— А Придон?

Она поморщилась, ответила с неохотой:

— Разве что Придон... А Меривой — это Меривой... Никто с ним не сравнится в стрельбе из лука, метании топора или молота, а ударом кулака он либо вгонит скалу в землю, либо разобьет в мелкий щебень! Так что не волнуйся, меня сопровождал человек, который никому не позволил бы меня обидеть.

Он спросил настороженно:

— А он сам?

Она расхохоталась.

— Он? Да он соринки с меня сдувал!.. Он готов был нести на руках всю дорогу, и так бы и сделал, если бы у нас не были самые быстрые на свете кони!..

— Но вы добирались долго, — проговорил он и, спохватившись, прикусил язык.

Ему почудилось, что она чуть смутилась, уронила на миг взгляд, но тут же звонко рассмеялась, сказала быстро:

— Как я за вами всеми соскучилась!.. Как мне всех вас недоставало! И, прости, я так наревелась, когда мне сообщили, что от моего Зайчика остались только косточки. Хорошо, что хоть погиб сразу, не мучился.

— Мы подберем тебе хорошего дракончика, — сказал он.

— Я сама выберу. Я хочу такого, чтобы был похож на моего Зайчика...

Он обнял ее за плечи.

— Крепись, — шепнул на ухо. — Все хорошо. Будет под тобой любимое крылатое, будет летать высоко... Все будет хорошо!

Иггельд, на радость Чернышу, с утра поднимался на нем как можно выше, горы оставались далеко за спиной, внизу проплывали зелёные равнины, нити рек, темные массивы непроходимых лесов. Он даже забыл, что вся Куявия в руках артан, перед глазами постоянно ее бледное лицо с вопрошающими глазами, пухлые губы шевелятся, слетают неслышимые слова, он напрасно напрягал слух, не раз вскрикивал в агонии: говори, говори же громче, уверенный, что вот сейчас она скажет такое, что между ними рухнут все стены...

Черныш тоже грустил, чувял тоску родителя, и даже на берегу моря не убегал к воде, а жался к нему, как потерянный ребенок. Клал голову на колени и смотрел в глаза тоскующим взглядом: ну скажи, что мне такое сделать, чтобы ты обрадовался, засмеялся? Ты только скажи, я все для тебя сделаю! Хочешь, бревнышко принесу?

— Ладно, неси, — разрешал Иггельд.

Обрадованный Черныш несся к ближайшим деревьям, там слышался треск, вскоре огромный дракон мчался оттуда со всех ног, в пасти целый ствол, иной раз прямо с выдранными корнями, опускал к ногам Иггельда и преданно махал

хвостиком: ну как, теперь тебе веселее? Я тебя обрадовал? А ты меня любишь?

— Люблю, — говорил Иггельд. В глазах щипало, повторял растроганно: — Конечно, я тебя очень люблю, мой жабик...

Пойдем купаться, спрашивал Черныш.

— Иди, — разрешил Иггельд, — иди купайся, а я посмотрю на тебя отсюда.

Черныш с разбега бросался в волны, страшиться уже перестал, прыгал и орал, хлопал крыльями и все оглядывался на грустящего папочку, а потом вылезал с поспешностью, в глазах вопрос: тебе плохо, да? Ты болеешь, да? Покажи, где болит, я полижу, может быть, все пройдет?

— Я тебя люблю, — отвечал Иггельд со вздохом. — Ты прав, моя душа рвется обратно. Как там эта артанка, что она делает, о чем думает, не обидел ли кто ее...

Полетим, с готовностью отвечал Черныш и плюхался на брюхо, вжимался в мокрый песок, чтобы папочке легче взбираться на загривок. Если бы папочка разрешил, он ухватил бы его в лапы и понес бы над лесами и равнинами прямо в Долину, на лету мог бы любоваться им, нацеловывать, облизывать, смотреть с любовью и обожанием, вдыхать его божественный запах...

Сегодня, едва Черныш нацелился опуститься прямо перед его домом, там показался Ратша, задрал голову, помахал руками. Черныш брякнулся на все четыре, достал лицо Ратши длинным красным языком, выждал, пока папочка спустится, резво убежал, взбрыкивая на ходу, а Ратша прокричал весело:

— Далеко летали? Кстати, Иггельд, я наконец разобрал те сокровища, что мы захватили...

Иггельд отмахнулся:

— Стоило ли? Золото и есть золото. Пусть остается в какой-нибудь комнате с крепкими замками, пока не придумаем, как его использовать.

— Это не просто золото, — сказал Ратша.

Голос его звучал загадочно. Иггельд насторожился.

— А что там? Чародейские вещи?

— Может быть, может быть, — ответил Ратша все так же загадочно. — Могут быть и чародейскими.

— Да что стряслось? — спросил Иггельд нетерпеливо. — У тебя такое загадочное рыло! Как у Черныша, когда задумает что-то спереть. Пойдем в дом, что-нибудь сожрем, а то у меня пузо к спине прилипло.

Ратша заулыбался торжествующе, в глазах мелькали веселые искры.

— Пойдем, поесть — первое дело... Мы сперва просто увидели, что там золото, верно? Точнее, золотые вещи. Вещи из золота. Ну, всякие там висюльки, что на шею, в уши, в нос, на пальцы, на руки, даже на задние ноги. Просто золота как бы и не было, разве что особо красивые монеты из старого золота, из них можно делать красивые такие мониста...

Они поднялись в дом, Иггельд сразу же начал шарить взглядом по сторонам, в нижнем зале Пребрана раскатывала тесто, Ефросинья бросала в очаг березовые поленья, а в дальнем углу три молодые женщины шили и, сблизив головы, переговаривались заговорщицки. Иггельд сразу прикипел туда взглядом, ответил невпопад:

— Что ты хочешь сказать?

— Только то, что мы с тобой ограбили какую-то бедную девушку.

Иггельд фыркнул:

— Ну, бедной ее никак не назовешь... погоди, ты на что намекаешь?

Ратша сперва сел за стол, водрузил на него локти, могучим взмахом длани указал женщинам, что вот я, замечательный, разрешаю кормить и любить меня, лишь тогда ответил хладнокровно:

— Ни на что не намекиваю. Просто сообщаю, что это богатые... очень богатые женские украшения. Именно женские...

— Тех украшений на сто женщин хватит! — возразил Иггельд.

— И что?

— А то...

Он осекся. Это мужчине понятно, что украшений нужно ровно столько, сколько носишь. Но женщины почему-то заводят шкатулки, куда складывают все эти висюльки, кольца, перстни, ожерелья, серьги, мониста, броши, заколки, красивые пряжки и прочую красивую дребедень. А когда шкатулка переполняется — выпрашивают у родителей или мужей еще одну. А потом еще и еще.

Он ополоснул лицо и руки тут же, не отходя далеко от стола, Ратша смотрел с хитрой усмешкой. Иггельд сказал раздраженно:

— Если ты каркаешь, что мы ограбили эту артанку, то ошибаешься! Она... она артанка!

— И что?

— Артанка с головы до ног, — сказал Иггельд настойчиво. — Она артанка и внутри. У нее сердце из камня! Ей бы коня — это другое дело. Да меч такой, чтобы не всякому мужчине поднять! А эти висюльки... да она на такие и не посмотрит!

— Хочешь, — предложил Ратша, — проверим?

— Как? — потребовал Иггельд зло. — Вывалим перед нею и скажем: это у тебя мы все забрали?

На стол торопливо поставили холодное мясо, но от очага уже потекли ароматы вкусной ухи, поджариваемой телятины. Ратша ухватил ломоть мяса побольше, вонзил зубы и пробубнил уже с набитым ртом:

— Да, это я слупил, признаю... Ну, а если такой вариант: любящий отец, что ведет один из отрядов артан, разграбил пару богатых городов, отобрал то, что, по его мнению, должна носить женщина, и отослал это домой, в свою Артанию под охраной своей же дочери?.. А то, что ей не очень-то хотелось ехать домой, покинуть кровавые забавы, он мудро во внимание не принял. Женщина все-таки должна рожать, а не мечом размахивать...

— Топором, — поправил Иггельд. Он вытирал лицо и руки чистым полотенцем. Молодая служанка Ефросинья стояла рядом, глядя на него с обожанием. Иггельд отдал ей

полотенце, не глядя, оглянулся в сторону шьющих женщин и сел за стол. — Если бы даже мечом...

— Что? Ах да, топорами в самом деле владеют так, что диву даюсь... Ты эту артанку еще не видел с топором в руках?

Иггельд содрогнулся всем телом.

— Сплюнь, дурак! Даже не произноси такое вслух. Я боюсь даже представить подобное. Если заполучит топор, ее уже ничто и никто не остановит.

Он тоже брал мясо, но рассеянно, видно было, что мысли не здесь, а если и в этом зале, то не за столом. Ратша подумал, кивнул.

— Ты прав, она из рода героев. Я эту породу за сто верст узнаю.

Он с грохотом опустил на столешницу кулак, из-под стола выметнулась испуганная собака. Нахмурившись, Иггельд проводил ее взглядом. Беспечный и беззаботный Ратша на этот раз, похоже, попал в цель. Он сам только однажды видел захваченные сокровища, но теперь цепкая память услужливо воскресила перед глазами золотые серьги с крупными драгоценными камнями, золотой обруч с огромным рубином на середине лба, всевозможные ожерелья...

И все это лучше всего смотрелось бы на женщине с темными, как лесные озера, глазами.

ГЛАВА 15

Рассерженный, он сам не понял, зачем пошел в свои покои. Из окна видно было, что Черныш то ли успел уже повидаваться с другими драконами, то ли вовсе не бегал к пещерам, прыжками приближается к его дому, у самой стены встал на задние лапы, огромная голова поднялась на уровень окон второго этажа. Их взгляды встретились, Черныш виновато взвизгнул.

— Свиненок, — сказал Иггельд сердито. — Да все хорошо у меня, хорошо!.. Не тревожься. Иди гуляй.

Он отшатнулся, но кончик длинного языка достал в нос, Черныш счастливо пискнул. Иггельд погладил его по морде,

потрогал нос. Черныш задрал морду, чтобы всемогущий папочка почесал под подбородком. Иггельд некоторое время скреб, мысли соскользнули на этаж ниже, где Блестка сидела с двумя женщинами, они что-то оживленно рассказывали, перебивая друг друга, она слушала с вниманием, те ликовали, что артанка снизошла до их щебетанья, торопились, жестикулировали, блестели глазками, сразу видно, что она — высокородная, а они — простушки, и тем оскорбительнее, что она в тяжелых оковах. Но в тяжелых оковах она всюду привлекает внимание, с ними далеко не уйти, а без них ее сегодня уже не будет в Долине...

Его плечи передернулись, как от внезапного порыва холодного ветра. Вообразил, что она ушла, и сразу солнце померкло, Долина опустела, и жизнь показалась пустой и ничемной.

Хлопнула дверь, ему почудилось, что пахнуло свежестью. Навстречу бросилась Яська, обняла, поцеловала, сказала участливо:

— Братец, что с тобой?

— Со мной?.. Лучше скажи, как твои дела. Дракончика себе выбрала?

— Нет, придется побывать в старом Городе. Пока что я обездраконенная, жалобная. А вот у тебя и дракон — лучший в мире, и сам ты — лучший... не скромничай, от тебя в самом деле глаз не оторвать, но что-то печальный, а улыбаешься с таким принуждением, словно тебя бьют. Что стряслось?

Он ответил почти с раздражением:

— Все хорошо. Если хочешь, я помогу тебе выбрать дракончика.

— Да нет, я буду прислушиваться к себе. Как ты, когда выбирал своего Чернышика. Да, ты знаешь, я от вынужденного безделья... не смейся, я в самом деле к женским висюлькам дышу ровно, но вчера, от нечего делать, перебрала все те богатства, что ты захватил вместе с твоей артанкой...

Она сделала многозначительную паузу, а он, как и ожидалось, сразу же возразил:

— Ничего она не моя! Просто знатная пленница. И от-

пустить не могу, и обмена не получается. Хотел менять на тебя, но тебя отпустили раньше...

— Да ладно, — перебила она, хотя зарубку в памяти для себя сделала: чересчур быстро и горячо возразил, — я о том, что все это от безделья, да, просто от безделья, я перемерила...

Иггельд сказал радостно:

— Правда? Ты из злого чертенка превращаешься в женщину?

Она сделала вид, что обиделась:

— Это я чертенок?

Иггельд сказал успокаивающе:

— Ну ты чего?.. Нравится что — надень, мы посмотрим. Я, правда, не представляю тебя со всеми этими женскими висюльками в ушах, на шее и в носу, но, кто знает, может, так даже лучше?

Она фыркнула, поморщилась, потом сказала совсем другим тоном:

— Знаешь, я бы в самом деле что-то взяла...

— Так возьми, — предложил Иггельд. — В самом деле возьми. Это военная добыча.

Яська покачала головой. Глаза ее стали задумчивыми, она медленно подошла к окну и начала смотреть в сгущающиеся сумерки. Далеко над лиловеющими горами начали разгораться громады оранжевых облаков, превращаться в пурпурные.

— Дело в другом... Странно, из всего богатства, а там оно просто несметное, я там ничего и не подобрала...

— Капризная, — сказал Иггельд осуждающе. — Кто-то с тобой намается! В кого ты такая?

Яська произнесла медленно, подбирая слова:

— Это вы, мужчины, никогда не замечаете, что носят женщины. Я тоже, правду сказать, не замечала. Сам знаешь, сперва бедность, потом борьба за выживание... Но вчера я долго все надевала, смотрелась в зеркало, снимала и надевала другое, снова смотрелась... Иггельд, у нас в Долине появилась много красивых женщин, ты не заметил? Все красавица

на красавице — с нежной, как у березок, кожей, с длинными золотыми волосами, синеглазые, ясные, чистые, как утреннее солнышко! Вы с Ратшей, двое толстокожих, не замечали, какие украшения они носят?

— Какие? — спросил он настороженно. Сердце дернулось в ожидании нехороших вестей. Он даже успел подумать, что это он стал вести себя, как всполоханный заяц. — Что с этими украшениями не так?

— Все так, они очень красивые, — повторила Яська задумчиво. В синих, как утреннее небо, глазах появилось мечтательное выражение. — Только нашим женщинам они не совсем...

Он сказал раздраженно:

— Яська, говори яснее! Как с ними не совсем? Не могут нацепить на шею? Подвесить к ушам?

Она покачала головой.

— Иггельд, я тоже больше интересовалась драконами, чем остальным миром! Но сейчас вижу, что ни одной женщине в Долине это не носить, чтобы не сказали, что украденное. Или что она дура, не понимает... А ты понимаешь?

— Нет, — буркнул он. Ощущение близкого поражения стало яснее. — Что-то из ушей висит, на шее еще... в волосах всякое-разное. Ну, с камешками.

— То-то и оно, — сказала она почти ласково. — Наши золотоволосые красавицы носят только синие камешки, голубые, медового цвета... Если какая нацепит, скажем, рубин, на нее будут показывать пальцами как на редкую дуру. Да она и сама сразу почувствует себя уродиной, рубины красят только женщин, у которых волосы как вороново крыло...

Она еще что-то говорила, он почти не слышал, перед глазами как живая встала эта гордая артанка с потемневшим от солнца лицом, вздернутыми к вискам узкими черными как смоль бровями, длинный пышной гривой иссиня-черных волос. Он мысленно надел ей золотой обруч на лоб и увидел, как радостно засиял крупный рубин, приставил к ее ушам золотые серьги дивной работы с подвешенными сапфирами, те сразу заблестали, заискрились, как никогда бы не радова-

лись золотоволосым красавицам, тем нужны жемчужины, алмазики...

В груди стало так горько, что он не мог вздохнуть, торопливо отвернулся от Яськи и тоже взглянул на великолепный закат, но и там как живое увидел гордое лицо артанки, брезгливость в глазах, отдернул голову, словно конь лягнул в подбородок.

Яська повторила заботливо:

— Случилось что? Ты почернел весь!.. Подыши, подыши свежим воздухом. А то наглотался дыму...

Ограбил, стучало в висках. Ограбил молодую девушку, лишил ее любимых игрушек, приданого, ее радостей. А вдобавок еще и в оковах.

Блестка с утра помогала женщинам готовить, зашивать одежды, в Долину все прибывали новые люди, всех хорошо бы покормить и обогреть, к вечеру едва переставляла ноги, тяжелые цепи тягостно позванивали. Женщины, что раньше страшились ее необузданной ярости, как же — артанка, теперь посматривали с сочувствием, а иногда слышала, как перемывают кости хозяину, который совсем уж озверел: такой тихий, добрый, мухи не обидит, а тут держит в тяжелых цепях такую милую и спокойную девушку, как только и передвигает ноги в таких оковах, ими бы дракона приковывать...

Она стискивала зубы, лицо держала надменным и высокомерным, да не увидят куявы усталости или изнеможения на лице артанки. Когда мужчины сели ужинать, Ефросинья подошла к ней и шепнула тихо:

— Ты устала, иди к себе.

— Я устала не настолько, — возразила Блестка.

— Все равно, — сказала Ефросинья и хитренько улыбнулась. — Сегодня к хозяину придут гости, там пара очень интересных мужчин... Или тебя это заинтересовало?

— Нет, — ответила Блестка, — спасибо, я лучше в самом деле пойду лягу.

Ноги ныли, особенно шиколотки, где поверх сапожек надеты толстые металлические кольца. Она подхватила цепь

и, придерживая ее, чтобы не тащилась следом, ушла в комнату, с облегчением упала на ложе и вытянулась всем телом.

В дверь постучали, она горько усмехнулась, Сбыслав не стучит, он теперь вообще не заходит, вместо него теперь Оследнюк, молчаливый подмастерье кузнеца, только он, помимо Иггельда, в состоянии разомкнуть тугие скобы, охватывающие ее лодыжки. Постучали снова, Блестка лежала на спине, глядя в потолок. Дверь наконец распахнулась, Иггельд вдвинулся в проем хмурый, с всклокоченными волосами. Она смотрела холодно, напоминая взглядом, что она не сказала «Войдите», но он все равно вошел, так что не надо о куявской вежливости и правильном обращении.

Иггельд, похоже, понял, поморщился, подошел ближе и остановился, так же хмуро глядя сверху вниз. Ей на мгновение стало тревожно, он раскачивается, как могучий дуб под порывами сильного ветра, вдруг да рухнет, но заставила себя смотреть сквозь него, как будто он из дыма.

Он опустился на колени, она чувствовала его сильные пальцы, щелкнуло, одна лодыжка ощутила себя свободной, затем, после щелчка, и другая. Он поднялся, сказал горько, с неохотой, но она чувствовала, что он говорит твердо:

— Артанка, нам трудно бороться с собой... Но это не значит, что я должен поступать глупо и предавать своих. А снять с тебя оковы и на день — это подвергнуть всех риску.

Она наклонила голову, пряча глаза, чтобы он не увидел заблестевших в них слез.

— Ты видел, — прошептала она, — ты видел меня... заставил меня раскрыться.

— Сумел ли? — спросил он с жадной надеждой.

— Ты знаешь, что сумел, — ответила она обреченно. — Мое тело меня предало. Наши сердца стучали вместе, куяв... И что ты из этого понял? Ни-че-го.

— Артанка!.. Ты даже не говоришь, как тебя зовут. Это не имя — Артанка!

Она прошептала горько:

— Я могла тебе сказать свое имя, я могла тебе сказать все, что ты бы захотел... и намного больше! Но ты оказался слеп и глух. И ничего не понял.

— Почему?

— Или потому? — переспросила она. — Тогда еще хуже. Запомни, больше я ни слова не скажу про эти оковы. Никогда не потребую... тем более — не попрошу их снять. Но ты потерял даже ту искру, что оставалась. Ты понял?

Он сказал умоляюще:

— Я не могу! На мне вся Долина! Зачем на меня только взвалили всю эту махину, эту гору?.. Но твоему слову я не могу верить...

— Почему?

— Потому что мы воюем! — крикнул он. — Потому что клятвы, данные врагу, не обязательны! Потому что это уже не клятвы, а военная хитрость, что приравнена к доблести, так как ведет к поражению противника. Потому что я панически боюсь тебя потерять...

Она сказала мертвым голосом:

— Ты меня уже потерял.

— Нет, пока ты здесь!

— Это только тело, — возразила она. — Тело, которое ты можешь насиловать. Ты сильнее меня, признаю. И, если не одолеешь, всегда можешь позвать на помощь стражников. Может быть, ты сумеешь даже... если долго будешь стараться, сумеешь заставить мое тело откликнуться. Но это только мое тело, дурак. А меня ты потерял.

Его лицо было страшным, из груди вырвалось тяжелое дыхание. Он поднял кулак, она подумала, что он ее сейчас ударит, но кулак разжался, ладонь с силой хлопнула по его колену.

— Ты со мной, — сказал он упрямо. — Ты принадлежишь мне.

— Ты можешь думать как хочешь, — возразила она с горечью. — Я буду принадлежать тебе, когда, будучи разлученная с тобой, вернусь к тебе по своей воле! Это и есть — принадлежать!

Ее голос чуточку дрогнул, она успела подумать, что проговорила, ей втайне хотелось бы принадлежать так, чтобы из любой темницы, разметав ее, ринуться к нему, но, к сча-

стью, занятый собой и своими терзаниями, он не заметил, как она на миг приоткрылась снова.

— Кто говорит о любви? — спросил он горько.

Она поперхнулась, сказала более ровным голосом:

— Ты прав, никто. Я была бы совсем сумасшедшей...

Она про себя договорила: «...раз все еще надеюсь, что ты меня поймешь», — и видела по лицу, что он договорил другое: «...если не попыталась бы в лагере врага не пустить в ход все воинские приемы». Но уговаривать, объяснять снова и снова чересчур унизительно. Она и так уже унизилась достаточно.

— Достаточно, — повторила вслух. — Я — пленница. Все.

— Ты — пленница, ты — почетная пленница, — добавил он.

— Не бывает почетных, — возразила она. — Плен всегда только позорный. Надень на меня оковы, куяв. Это поможет мне еще больше тебя возненавидеть.

Мне это очень нужно, добавила про себя.

Три дня Иггелъд вообще не показывался в доме, а потом явился весь почерневший, в закопченных доспехах. Она видела, как он морщился, берег левую руку. На скуле пламенеет свежая ссадина, доспех посечен, глубокие зарубки на груди, а железо на плече изуродовано так, что видна пропитанная кровью повязка.

Он пробыл в доме не больше часа, за ним пришли лекари, увели почти насильно. Еще неделю не видела его, хотя, по слухам, уже оправился от ран и снова на драконе сражался с артанами. Все эти дни вздрагивала от шагов за дверью, прислушивалась с надеждой, а ночью едва дожидалась утра, чтобы спешить на кухню готовить еду, в надежде увидеть, как он сядет за стол, как будет иногда скользить по ней взглядом, стараясь, чтобы она этого не заметила. И она тоже будет стараться изо всех сил, чтобы не рассмотрел, как жадно за ним наблюдает.

Сегодня поздно вечером, так и не увидев его вообще, она вернулась в каморку, растянулась на жестком ложе и стала ждать, когда придет молчаливый Оследнюк и снимет с нее

оковы, после чего за ним хлопнет дверь, прогремит задвигаемый с той стороны засов.

Все тело ныло, в душе горько и беспросветно. Она повернулась на бок, цепи громко звякнули.

— Да сколько я буду его ждать! — прошептала она в слезах. — Сколько?.. Я — человек, он этого не понимает. Все, конечно. Отныне и вовеки я перестаю его ждать...

Она отвернулась к стене, подогнула колени. Она уже начала проваливаться в сладкую полутьму, как дверь распахнулась с грохотом. В дверном проеме чернела, подсвеченная сзади, огромная фигура. Он постоял несколько мгновений, в ее камерке темно, только в узкое окошко проникает узкий луч лунного света. Блестка встрепенулась, сердце застучало в радостном ожидании. Если снова пригласит ее в постель, у нее не хватит духу отказаться...

Он встал на колени перед ее ложем, быстро и даже с суетливостью снял оковы, отбросил, как змею, в угол комнатки. Блестка не шевелилась, а он не встал, бережно снял с нее сапожки, так же осторожно опустил на пол рядом с ложем, вздохнул, начал подниматься, но вместо этого лишь прижался горячим лбом к ее ногам.

— Артанка, — донесся его хриплый голос, — что ты со мной делаешь?.. Я уже натыкаюсь на стены. Я прошу тебя, прими мир таким, какой он есть. Пойдем в мои покои, я хочу заснуть, обнимая тебя.

— Нет, — ответила она немного раньше, чем успела подумать.

— Артанка, — сказал он с угрозой. — Ты играешь с огнем. Я всегда считал себя овечкой, что любому зайчику уступит дорогу... но когда меня прижимали к стене, я зверел. Сейчас я вообще не знаю, что со мной, я готов на любую крайность...

— Ты видишь, — ответила она насмешливо, — как я вся дрожу.

— Артанка!

— Тебе есть что сказать, куяв?

— Я уже сказал, — ответил он сдавленным голосом.

— Я сказала тоже, — сказала она совсем тихо, хотя душа

закричала громко и отчетливо, чтобы он ее не слушал, что она так не думает, это за нее говорит артанскость, а она сейчас совсем не артанка. — И ты меня слышал.

Она лежала на спине, так страшновато, чувствуешь себя совершенно беспомощной, а он медленно поднял голову, их взгляды встретились. Она смотрела с холодной ненавистью, причин много, он вздохнул, поднялся, постоял так, огромный, могучий и жалкий, как заблудившийся в темном лесу ребенок, снова вздохнул и, повернувшись, потащился к двери.

Не уходи, крикнула беззвучно. Ты нужен мне!.. Моя душа истосковалась по тебе, я ночами не сплю, вижу тебя, чувствую твои губы по всему телу, меня посещают странные сны, после которых даже днем к щекам приливает краска стыда. Не уходи, Иггельд, ты же должен чувствовать то же самое, что и я! Ведь было такое, было, что наши сердца стучали вместе, а души слились и была одна душа на двоих...

Он взялся за дверную ручку, остановился. Не уходи, вскрикнула она отчаянно, не шевеля губами. Спина Иггельда напряглась, будто боролся с собой. Блестка услышала прерывистый вздох, широкие плечи дрогнули, сторбились, повернулся к ней, она поразилась выражению страдания на его лице.

Он снова покачнулся, словно дергала неведомая сила, но он боролся, противился, отпустил дверную ручку и сделал два шага к ней. Остановился, замер посреди комнаты, когда до жалкой постели артанки оставалось еще три шага.

— Я не могу, — ответил сдавленным голосом. — Наверное, у меня нет больше гордости... ты сокрушила меня, женщина. Но я все равно сделаю по-своему.

Она ахнула, он быстро шагнул к ней, словно перестал бороться с неведомой силой. Его рука с такой силой рванула на себя одеяло, что оно улетело к другой стене. В следующее мгновение он рухнул на колени и тут же навалился на нее. Блестка успела подогнуть ноги, от толчка Иггельд почти подлетел в воздух, но ринулся к ней снова.

Она вскочила и успела ударить его ногой. Метила в пах,

но удар пришелся в бедро, от удара его развернуло, он вскрикнул, то ли от боли, то ли от ярости, ухватил за плечо, она вывернулась и нанесла сдвоенный удар ему в челюсть. Такими ударами замертво валила быков, но Иггельд только содрогнулся. Она ожидала, что колени его подогнутся, он мягко опустится на пол, но он всхрюкнул, тряхнул головой и ухватил в объятия.

К этому оказалась не готова, отчаянно задергалась, но могучие руки сжимали с такой силой, что перестала противиться, и он опустился с нею здесь же, на одеяло. Он на миг расслабил хватку, пытался коленом раздвинуть плотно сомкнутые ноги, и она с силой ударила лбом в переносицу. Ей показалось, что хрустнули кости.

Он зарычал, она вздрогнула, ведь могла и убить, тем временем колено с силой раздвинуло ноги. Она яростно сопротивлялась, на губы ей капнуло теплым, она непроизвольно коснулась языком и ощутила солоноватый вкус крови. И все-таки, мелькнула жаркая мысль, даже с разбитым в кровь лицом не избил, не ударил, даже сейчас старается не причинить ей боли.

Эта мысль парализовала всю волю к сопротивлению. Она чувствовала его ищущие губы, даже непроизвольно ответила на поцелуй, тело разомлело, услышало страстный зов, но могучее наслаждение, что прокатилось жаркой волной по телу, все-таки показалось ей... недостаточным. Зов плоти силен, но чего-то недоставало.

Более того, сейчас была уверена, что наконец-то ощутил и он.

Под окнами даже ночью иной раз скрипели тележные оси, шумно всхрапывали измученные кони. Блестка слышала неровный стук подков, лошади выбивались из сил, люди вскрикивали надсадными голосами, слышались щелчки бичей, но чаще переселенцы сами подталкивали тяжелые телеги, хватались за огромные колеса.

Утром она видела на площади костры, сгрудившиеся вокруг согбенные жалкие фигуры. По слухам, прибывали даже

князя и беры, все из числа тех, кто не признал артан властелинами Куявии. Знатных людей разбирали по домам горожане, а челядь устраивалась в пещерах, что освободились, хотя многие предпочитали ночевать у костров, разведенных вблизи повозок: зато уберегут от расхищений.

Иггельд не показывался в доме уже двое суток: устраивал переселенцев, занимался каким-то строительством оборонительных сооружений. Когда на третий день появился, от него пахло гарью, а одежда и волосы присыпаны мельчайшей каменной крошкой.

Из его дома таскали еду и продукты прямо на площадь перед домом. На кострах пекли, жарили, там любому куску хлеба рады, люди счастливы, многие не верят, что наконец-то добрались до места, куда артане не придут и откуда вообще нет пути дальше.

Блестка тоже выходила несколько раз, всякий раз привлекая внимание звоном цепей. Получалось не нарочно, но ей хотелось посмотреть на новоприбывших, узнать прямо от них, откуда их спугнули, где артане сейчас.

Ее рассматривали жадно, но без такой уж открытой враждебности, как она ожидала, хотя всем сразу сообщали, что это пленная артанка, знатная, захвачена самим Иггельдом. Напротив, она слышала жалостливые вздохи женщин, сочувствующие возгласы, а мужчины вообще бурчали, что этот Иггельд ставит себя в смешное положение: женщину в цепи! Как будто она куда-то может убежать из этого каменного мешка...

Однажды, когда она возвращалась в дом, а следом неотступно шел бдительный Оследнюк, сама Блестка сбилась с шага, засмотревшись. Через площадь между кострами и повозками шла высокая статная женщина. Блестка смотрела на нее сверху, но когда женщина, словно ощутив взгляд, слегка приподняла голову, показалось, что именно она смотрит на Блестку свысока, с вялым безразличием.

— Кто это? — спросила Блестка шепотом.

Сердечко почему-то колотилось, как будто оказалось над пропастью. Оследнюк остановился рядом, прорычал хмуро:

— Иргильда.

Он умолк, полагая, что этим сказано все, переступил с ноги на ногу, ожидая, когда она пойдет в дом. Блестка, не дождавшись продолжения, спросила все так же тихо:

— А кто она?

Оследнюк остолбенел так, что едва сумел закрыть рот. Глаза расширились в радостном удивлении.

— Ты не знаешь, кто такая Иргильда?

— Нет.

— Боги!.. Есть же такие дикие люди!

И, приведя в ее комнату, в течение часа обстоятельно пересказывал все, что знал, а знал удивительно много. Наконец ушел, не забыв ни снять оковы, ни надежно задвинуть за собой дверь на засов. Блестка улеглась, раскинула руки. Но, прежде чем отдаться сладким грезам, успела подумать о своем заточении и о том, что под ударами доблестных артан в это забытое богами и заброшенное место сбегается всякая дрянь и отбросы, как вот эти отвратительные беры или эта мерзейшая Иргильда.

ГЛАВА 16

На другой день она после обеда латала мужскую одежду вместе с остальными женщинами, когда хлопнула входная дверь, женщины перестали шушукаться, смех оборвался, и над всеми словно повеяло холодом. Блестка подняла голову.

В их сторону от двери шла та самая женщина, которую Оследнюк назвал Иргильдой, женой тцара и мачехой Ита-нии, из-за которой и разгорелась жестокая война. Она шла не к ним, как сразу поняла Блестка, а просто в их сторону, в трех шагах лестница, ведущая в верхние покои, где сейчас совещаются мужчины, все женщины притихли, как робкие мыши при виде огромного кота, что даже боятся смотреть в его сторону и трусливо молятся своему мышинному богу, чтобы кот их не заметил, прошел мимо, он же большой и сильный, что им наши мелкие мышинные души...

Блестка вскинула голову и с любопытством разглядывала грозную женщину, о которой уже наслушалась столько гадо-стей. Иргильда двигалась величественно, никого не замечая вокруг, взгляд устремлен поверх голов, статная и все еще красивая, все-таки тцарица, затем ее взгляд опустился и встретился со взглядом Блестки.

Она сделала еще пару шагов, женщины совсем замерли и опустили головы. Иргильда остановилась, ее холодные глаза без всякого выражения бесцеремонно осмотрели Блестку, остановили взгляд на тяжелых оковах на ее руках и ногах, снова осмотрели ее со странным выражением в жестоких холодных глазах.

— Пленная, — произнесла она с некоторым удивлением в голосе. — Пленная артанка!

Сзади придвинулся один из беров, Блестка видела его раньше, сказал угодливо:

— Рабыня!.. Ее захватили в самой Артании!

Иргильда произнесла брезгливо:

— Какая же она рабыня? Рабыни не носят таких оков... Скажи, женщина, ты — рабыня?

Бер крикнул строго:

— Встань, рабыня, когда с тобой разговаривают!

Блестка, сидя, выпрямилась, ответила с веселой яростью:

— Все верно, я — пленная!.. И когда сюда придут артане, а они придут, то всех вас развесим на корм воронам! А с тебя, жирная свинья, я своими руками сдеру шкуру... с живого.

Бер отшатнулся, отступил и едва не упал, наткнувшись на скамью. Кто-то сдержанно засмеялся. Иргильда не шелохнулась, взгляд оставался все таким же, и даже голос не изменился, когда произнесла холодно и размеренно:

— Носи оковы. Носи с гордостью. Не снимай... и не давай их снимать. Другие же не снимают?

Она шагнула дальше, уже забыв о пленнице, взгляд устремлен вдаль, только из-под накидки выскользнула белая холеная рука, поправила безукоризненные волосы в затейливой высокой прическе, тяжелые золотые браслеты мягко звякнули и соскользнули к локтю, обнажая тонкое изящное запястье.

Она ушла вверх по лестнице, женщины возбужденно зашушукались, задвигались, только Блестка сидела, замерев, сердце отчаянно застучало. Мужчинам не понять, зачем женщина без всякой нужды поправляет прическу, а эти швеи слишком напуганы и возбуждены, чтобы заметить бесцельность жеста, когда нет мужчин, которым демонстрируют либо изящество рук, либо высокую грудь, что приподнимается с этим движением, либо поворот головы в более выгодную сторону. Значит, она проделала это нарочито для нее, Блестки.

Перед глазами возникла статная фигура, гордый взгляд, золотые браслеты на руке. Тяжелые, массивные. Почти такие же, как ее оковы. Наверняка у Иргильды есть и ножные браслеты. Как и у нее — оковы. А как она обронила: «...другие же не снимают?»

И почему, мелькнула мысль, она сказала, чтобы я не снимала браслеты... и не давала их снимать?

Чуть ли не с каждым днем в Долине становилось все теснее. Гости прибывали по одному, по двое, иногда даже целыми отрядами. Они называли себя гостями, но это беглецы, что ухитрились добраться до этой высокогорной долины. Город Драконов переполнен, там нет места даже на площади, люди задыхаются от тесноты. В основном это могучие воины, что еще не потеряли жажды драться с наступающим и победоносным врагом. Пара знатных вельмож сумела отослать сюда свои семьи, а сами, как услышала Блестка с удивлением, со своими малыми отрядами ушли навстречу врагу с решимостью пасть или победить.

Сегодня узнала с утра: в Долину добрались знатные вельможи. Слуги ходили мрачные, среди вельмож оказались двое высокопоставленных военачальников, что вели основное царское войско. Если они оказались всего лишь с малой группкой людей, то о судьбе войска можно не спрашивать.

А еще через два дня Блестка подслушала разговоры насмерть перепуганных слуг, что наступающие войска артан поднялись в горы. Страшные артане сумели разрушить баш-

ни чародеев и уничтожили питомник драконов. Нападение на Город Драконов было таким по-артански стремительным, что почти никому не удалось спастись. Драконы истреблены все, постройки сожжены. Равнинная часть Куявии захвачена вся, остались только мелкие очаги сопротивления, куда артане еще не посылали войска, да еще эта высокогорная Долина, куда артанской коннице подняться невозможно.

Все, как видела Блестка, потрясены, угнетены, поражены ужасом. Город Драконов, что загораживал артанам дорогу к их Долине, выглядел несокрушимым. Уже не говоря о том, что его защищали сразу две башни чародеев. Но артане смели все препятствия с такой легкостью, как скачущий конь разметывает муравьиные кучи.

За столом в доме Иггельда мужчины теперь не собирались, а встречались ненадолго, когда забегали ухватить кусок хлеба, тут же исчезали. Блестка слышала, как ошалелый Ратша столкнулся в дверях с Шварном, ухватил его за грудь, прорычал:

— Хоть ты можешь сказать, как они сумели захватить Город Драконов?

— Откуда? — огрызнулся Шварн.

— Ты же в тот день летал там!

— Я там пролетел утром, — сказал Шварн обозленно. — Артане еще не подошли даже близко... А на другой день артане уже резали драконов и сбрасывали в котлован трупы зрителей.

Он умолк, посмотрел на Блестку со смесью симпатии и недоброжелательства. Блестка пожала плечами.

— Я была в том городе... Укреплен получше, чем ваша Долина... Иггельда.

Шварн кивнул, буркнул с неохотой:

— Тогда ты знаешь, что это был за Город. Главный и единственный, если не считать нашу Долину, где еще в мире оставались драконы. Где их разводили, учили...

Она спросила с самым невинным видом:

— А почему эту Долину не считать? Тут тоже драконы! Везде ходят, в дома заглядывают... Я вчера выносила какому-то вчерашний суп. Чуть с кастрюлей не проглотил!

Шварн взглянул на Ратшу, тот сказал почти по-доброму:

— Отважная ты. Мало кто из женщин осмелился бы. Но и здесь драконы уже перестают ходить свободно, как раньше. Приезжие пугаются, требуют запретить, заковать, держать в котлованах... А где у нас котлованы?.. Приходится в пещерах. Этот твой вчерашний как-то чудом сумел выбраться, но сегодня и там перекроют дыру.

— Жаль, — сказала Блестка искренне.

Шварн вздохнул, в глазах появилось некое подобие симпатии.

— А какой он был?

— Красивый, — ответила Блестка. — Совсем молодой, а на макушке такой смешной хохолок...

— Хохлан, — сказал Шварн немедленно. — Мы его так и зовем. Единственный, у которого такой хохолок. Да, он еще мал, пролезает в такие дырки...

Он вздохнул, в глазах потеплело, Блестка ощутила, что в его глазах она теперь тоже как бы дракозница.

Прибывших гостей поселили в доме Иггельда, все остальные дома уже заняты. Гости полдня отогревались, пили, слуги сбивались с ног, выкатывая из подвалов бочки с вином, из подвалов спешно таскали окорока, ветчину, тяжелые круги желтого, как мед, сыра. За последние недели все свободные помещения заполнены, но сейчас прибыли очень знатные люди. По слухам, кого-то выселяли, а других уплотняли, чтобы для вновь прибывших освободить комнаты.

Слуги заново чистили помещения, таскали туда мебель, а гости отдыхали за накрытым столом, поглощая в невероятных количествах мясо, хлеб, сыр, запивая ручьями вина. Блестка видела крупных широких мужчин, трое-четверо выглядели опытными воинами, лица в шрамах, движения быстрые и точные, без величавой неторопливости тцаредворцев, которых она вычленила сразу. Один из них, особенно неприятный, сразу вперил в нее холодные рыбы глаза. На Блестку повеяло нехорошим предчувствием.

Она опустила глаза, руки как будто сами по себе делают привычную работу, во всем теле начало нарастать ощущение опасности. Справа и слева женщины возбужденно переговариваются, покраснелись, для них прибытие высоких гостей — праздник. И возможность сменить постель со слугами на ложе со знатными вельможами — мужчины не могут без женщин. Даже самые знатные.

Со двора раздались крики, сперва испуганные, потом слышался смех. Она видела промелькнувшую тень, огромную и с изломанными крыльями, затем послышался тяжелый топот. Кто-то выкрикнул имя Иггельда, она подбежала к окну и увидела огромную черную тушу, дракон как раз стягивал на спину крылья, превращая их в блестящий черный щит, Иггельд уже съехал по щиткам на землю.

К нему подбежали, он снял и передал шлем, светлые волосы вспыхнули почему-то золотом. Блестка невольно подумала, что временами это даже красиво, хотя красота странная, непривычная, мужчины должны быть черноволосыми, смуглыми, с прокаленной солнцем кожей, а не такие вот белокожие червяки, не знающие солнца. Правда, Иггельд достаточно смуглокожий, несмотря на светлые волосы...

Он снял и перевязь, но кому отдал, уже не видела, исчез в дверном проеме. Она отпрянула и принялась за работу раньше других женщин, что все еще обсуждали событие: последние дни Иггельд сажал Черныша возле пещер, а возле дома все реже, очень много беженцев, раньше они всегда видели, как прилетал их хозяин.

Иггельд вошел и сразу метнул взгляд в ее сторону. Остальные женщины только-только занимали свои места, а по ней и не скажешь, что поднималась посмотреть, как он блистательно и безрассудно опустил дракона во двор, заполненный конями и беженцами.

Она косилась на него так, чтобы он не заметил, но сердце сжалось: кольчуга на нем опять посечена, правый бок в странной ржавчине, что вовсе не ржавчина. Он прошагал через зал, вскинул руки, приветствуя всех, не разделяя свободных и слуг, велел подать помыться и отправился наверх.

Пребрана запыхалась совсем, руки дрожат, не в силах поднять широкую лопату с огромным комом теста, Блестка вышла из своего угла, Пребрана лишь покосилась на нее, но послушно разжала пальцы, а Блестка быстро и легко поставила хлеб в печку. Возвращалась, звякая цепями, ощутила изменения в огромном помещении, оглянувшись, к столу шел Иггельд, с мокрыми волосами, в свежей рубашке, расстегнутой на груди.

Она села рядом с Ефросиньей, взяла лоскуток со своей вышивкой, что-то спросила у нее, но та затихла, как мышь, молчала, не поднимая глаз. Блестка ощутила, что Иггельд уже остановился перед нею, но не поднимала головы, неспешно и деловито орудовала иглой, вышивая затейливый цветочек на тонком белом платочке.

— Здравствуй, Артанка, — произнес он. — Я только что пролетел над местами боев... Хочешь узнать новости?

Она подняла голову. Он стоял, опустив руки, в беспомощной позе раба, которую никогда бы не позволил себе ни один артанин, лицо потерянное, в глазах собачья тоска.

— Говори, — сказала она.

Он посмотрел по сторонам.

— Это не тайна, но... может быть, ты поднимешься ко мне? И там я расскажу?

Да, крикнуло в ней, да! Я хочу к тебе подняться, я хочу ощутить твои руки, твои губы, но голос ее произнес мертвенно ровно:

— Здесь все слуги выполняют все, что ты велишь. Я же и вовсе рабыня. Ты можешь повелеть мне.

Он ответил с грустью:

— Не могу. Почему-то не могу.

— Тогда говори здесь, — сказала она. — Или не говори, мне все равно. Я и так знаю, что на днях ты услышишь зов боевой трубы, увидишь артанский стяг перед твоей защитной стеной.

Но глаза ее сказали: заставь меня! Принуди силой! Уведи отсюда, возьми в свою комнату, возьми в свои руки. Рядом стало тихо, женщины исчезли, только у дальней стены мельк-

нула чья-то тень, но Блестка никого больше не видела, кроме этого врага.

А он побледнел, глядя на нее. Ей почудилось, что в его глазах метнулся страх. Она спросила, насторожившись:

— Что случилось? Что ты на мне увидел? Паук ползет?

Он медленно покачал головой:

— Нет, в самом деле страшное...

— Что? — спросила она невольно.

— Помнишь, ты убежала в первый раз?

Она наморщила лоб.

— Мне кажется, я от тебя убегаю все время. Вся моя жизнь здесь — либо побег, либо ожидание побега.

— Но был первый побег, — произнес он грустно. — Еще тогда, в первый же день. Вернее, ночь. Мы тебя захватили ночью, а через час ты уже бежала.

Она вспомнила тот первый побег, тот страх, негодование, ту ярость, с которой дралась с ним. Странно, но теперь кажется, что уже тогда она дралась не в полную силу. Или дралась так, чтобы не особенно повредить ему.

— И что тебя пугает? — поинтересовалась она саркастически. — Что я могла подкрасться, перебить вас и съесть дракона?

Он оставался серьезным, хотя страх на его лице уже исчез, только голос вздрагивал от пережитого волнения:

— Я подумал, что ты могла в самом деле... убежать!

Она подумала, сказала хмуро:

— Я думаю, что если бы пошла по воде... а потом зарылась бы где-нибудь под листья и под кусты с густыми ветками, то даже сверху меня бы не отыскать. Разве что потратили бы месяц...

Он зябко повел плечами.

— Другое хуже! Когда ты убежала во второй раз, я разбудил Ратшу, а сам хотел сразу же по твоим следам. А он знаешь что сказал?

— Что? — спросила она невольно.

— Что ты не только очень красивая, но и храбрая девушка. Что если у тебя хватило отваги убежать от двух сильных мужчин и лютого дракона, то надо дать тебе свободу... то есть не

пытаться искать. Ты в родной степи, потому не пропадешь. Я, помню, заколебался. И сейчас вспомнил... Страшно, а если бы я тогда не бросился за тобой? Насколько бы моя жизнь была бы... серой, бедной, а я бы так и не узнал, что... что не живу даже, а так... а во мне существует нечто великое для вот таких случаев!

К ее щекам начал приливать жар, она спросила невольно:

— Для... каких?

— Для таких, — ответил он, глаза его, серые и блестящие, как сталь артанских топоров, смотрели внутрь ее. — Для таких. Артанка... у меня все из рук валится. Дай мне слово, что не убежишь, я сейчас же сниму эти чертовы оковы! Я их ненавижу больше, чем ты.

Да, выкрикнуло в ней громко и отчаянно, сними! Даю слово. Сними эти оковы, они оскорбляют и меня, и тебя. Сними, выбрось и забудь о них, я тоже забуду, это недостойно нас обоих.

Перед глазами возникло высокомерное лицо Иргильды, в ушах прозвучал ее надменный неприятный голос, который она и не старалась сделать приятным, щебечущим.

— Я тебе предлагала слово, — напомнила она. — Ты помнишь, что ты мне ответил?

— Артанка! Скажи это сейчас!

Она покачала головой.

— Нет. Ты не поверил. Вместо этого оскорбил... Это для вас, кувявов, стыд не дым, глаза не выест, но артане из-за стыда кончают с жизнью. Нет-нет, я не покончу, ты себя оскорбил больше, но не понимаешь... Скажу лишь, что даже самый длинный путь начинается с одного крохотного шага. Как и падение в бездну. Ты прав, что держишь меня в оковах. И спасибо тебе за это. Я уже начала считать, что кувявы тоже люди... Но ты не дал мне ступить на этот путь предательства и сдачи своего достоинства. Спасибо! Теперь я постараюсь держаться уже сама. Но браслеты не снимай...

— Браслеты?

— Оковы, — поправилась она. — Извини, оковы!.. В них я не стану забывать, что я — артанка, а ты — враг, а не просто мужчина, который мне нравится.

Он с жадностью ухватился за последнее слово:

— Ты сказала...

Она кивнула, стараясь не встречаться с ним взглядом, чтобы не прочел там совсем иное:

— Это было короткое помешательство. Оно уже проходит... за что тебе спасибо.

На другой день стало известно, что артане поднялись к Долине и уже перед воротами. Иггельд побелел, по Долине прокатилась волна ужаса. Ведь не только Город Драконов, ныне уничтоженный, защищали две башни магов, еще одна перекрывала дорогу сюда, к последнему убежищу. Мало того, над узкой тропкой, что вела над пропастью в Долину, устроили навесы с камнями, стоило дернуть за веревку, массу артан сметет в бездну... Куда все делось, как сумели пройти артане?

Ночь прошла без сна, Блестка из окна наблюдала страшное багровое зарево. Звезды часто исчезали по всему небу, это густой черный дым, незримый на небе, съедал их без остатка. Доносился тяжелый гул, но зарево было всего лишь огнем из множества бочек со смолой, что разом зажгли при первом же приближении артанских всадников. Всю ночь полыхало красным, Блестка не отходила от окна. Если артане, билось в ее мозгу смятенное, все же пробьют стену, то хлынут в эту Долину, как огненная лава, и все сожгут, перемелют, сотрут с лица земли. Убьют всех от мала до велика, сожгут дома и постройки, убьют всех драконов, разрушат питомник, как уничтожили тот, главный, и...

Она задохнулась, веки ее плотно-плотно сжались, но слезы выкатились и побежали по щекам. Иггельд встанет на защиту своих драконов. И погибнет. Погибнет красиво, отважно, смело. Может быть, артане даже почтут его похоронами как великого воина. Но она хочет, чтобы он жил!

Заметалась по комнате, не зная, что же делать. Ударилась в дверь, долго стучала, колотила, била кулаками, ногами. Грохот становился все громче. Дверь ходила ходуном, вот-вот слетит с петель, наконец с той стороны донесся испуганный голос:

— Ты чего? На ночь открывать не велено!

— Позови Пребрану, — крикнула она.

— Уже ночь, — ответили из-за двери. — Все спят...

— Никто не спит в эту ночь, — отрезала она. — Или ты позовешь ее сейчас же, или же я выбью дверь и, клянусь Великой Кобылицей, я вобью тебе зубы в глотку, сломаю шею и брошу на корм воронам!

Из-за двери торопливо прокричали:

— Сейчас разбужу! Только ты пока не буйствуй...

— Поторопись, — отрезала Блестка. — Если мне покажется, что ты заснул по дороге...

— Уже бегу, — донесся удаляющийся крик.

Она не находила себе места, бросалась от окна к стене, едва снова не начала колотить в дверь, как послышались шаги, с той стороны прокричали:

— Идет, идет!.. Пребрана, смотри, она бешеная...

Загремели засовы, дверь приоткрылась, в комнату тихонько проскользнула Пребрана. В старом рваном платье, что служило ей ночной рубашкой, растрепанная, заспанная, спросила хриплым спросонья голосом:

— Что случилось?

Блестка подбежала, отвела к постели, усадила. В щель между дверью и косяком блеснули глаз и тусклое железо доспеха. Она подскочила в два прыжка, там поспешно отшатнулась, она плотно захлопнула дверь. Пребрана следила настоженно, в выцветших глазах начал появляться испуг.

— Ты что задумала?

Блестка села рядом, приблизила губы к ее сморщенному уху и сказала жарким шепотом:

— Пребрана, ты должна помочь мне бежать!

Старуха отшатнулась. Глаза расширились, она даже попыталась отодвинуться.

— Ты с ума сошла? Да чтоб я изменила своему господину?

Блестка ощутила, что вот-вот заплачет, ну почему никто не видит так же ясно, как она, что вот-вот разразится страшная гроза? Она обняла Пребрану за плечи, встряхнула легонько.

— Да пойми же меня! Я не хочу, чтобы он погиб!.. Не хочу!

Старуха покачала головой, губы плотно поджаты, глаза смотрели недоверчиво.

— А при чем здесь твой побег?

— Пребрана, я открою тебе великую тайну, но... умоляю!.. никому не говори. Это не принесет никому пользы.

Пребрана смотрела настороженно, сухие губы поджались, обронила коротко:

— Говори. Я не артанка, клятв не даю, но за свою долгую жизнь научилась держать слово.

Блестка огляделась по сторонам, сказала шепотом:

— Дело в том, что мое имя... мое имя — Блестка! Я не называла его из гордости, чтобы здесь не ликовали, что захватили богатую добычу, но Придон, мой брат, не оставит меня в руках врагов. Какие бы ни были потери, он придет сюда, разрушит любые стены, ворвется и сотрет все с лица земли. Здесь все будет залито кровью, не останется ничего и никого живого. Он страшен в гневе, за меня будет мстить беспощадно!

Пребрана слушала молча, ни разу не прервала, только однажды глаза расширились, когда услышала, что она сестра грозного потрясателя стран Придона. Блестка перевела дух, Пребрана кивнула, переспросила:

— Хозяин точно не знает?

— Нет, — прошептала Блестка. — Но это ничего не значит. Придон не станет меня выкупать или выменивать, это против нашей гордости, это урон достоинству. Он просто освободит меня! А если я здесь погибну, то он всех казнит в самых страшных муках. Понимаешь, что я хочу?

Пребрана подумала, наклонила голову, но смотрела исподлобья, недоверчиво.

— Хочешь сказать, что если ты окажешься в лагере артан, то они тут же снимут осаду?

Блестка подумала, ответила честно:

— Нет, я так не думаю. Игтельд поставил очень прочную стену, разрушить ее непросто. Если буду по эту сторону стены, то артане будут биться, не глядя на потери, пока не проломают и не ворвутся в Долину. Если окажусь в их лагере, то они пойдут на приступ раз-другой, может быть, даже боль-

ше, но уже без огня и особой злобы... Понимаешь? И брат мой с огненным мечом Хорса точно не прибудет сюда...

Старуха задумалась, на лице отражалось колебание, бормотала под нос, поглядывала недоверчиво, снова вперила взгляд в пространство.

— Я не думаю, — проговорила она, — что артане смогут проломить такую стену...

— Артане захватили всю Куявию, — напомнила Блестка. — Ты не видела, какие стены у стольного града Куябы?.. Жаль, ты бы так не сказала. А сотни других городов? Их защищали великие полководцы!.. Пойми, Придон, мой брат, прислал это войско, чтобы спасти меня!.. Если ему это не удастся, он захочет увидеть меня мертвой... Для нас, артан, это лучше, чем быть рабыней у куява. За мертвую отомстит люто и жестоко, получив право на любую месть, даже самую бесчеловечную! Но и живой меня Иггельд не отдаст... ты же видишь!

Она почти прошептала последние слова, отвернулась. Старуха слушала ее сперва с недоверием, потом лицо дрогнуло, изменилось.

— Моя пташка, — сказала она почти нежно, — теперь я вижу, что ты не желаешь зла моему господину. Ты сама хочешь его уберечь. Но как же тогда... Мне показалось, что у вас только начинает налаживаться...

Блестка помотала головой.

— Если бы не эта война! Все было бы по-другому. Мы смотрим друг на друга, но война стоит за нашими спинами, она говорит за нас, нашими словами. Если я убегу к артанам, им незачем сражаться. Они смогут уйти.

Старуха сказала с сомнением:

— Незачем? Они шли, чтобы разрушить все в Долине! И убить драконов.

— Да, — сказала Блестка с отчаянием, — да!.. Но сейчас им дадут достойный отпор. Они будут мерзнуть по ночам, их дух упадет, а если еще среди ночи на головы начнут падать жамни, от которых нет защиты? Им надо дать отступить достойно. Понимаешь? Они могут объявить, что выполнили

основную цель — спасли сестру их тцара. Вызволили из плена! Это даст им возможность уйти, не теряя лица. Пойми, для нас честь и достоинство — не пустые слова, как у вас, кувов. Так просто артане не уйдут, будут сражаться до последнего. А Придон будет присылать все новых героев, пока Долина не падет или пока Придон сам не явится со своим мечом Хорса. Думаешь, те два брата-великана, сбивающие драконов, как уток, — последнее, что есть у Придона?

Служанка задумалась, лицо дергалось, в глазах то загорался огонек, то гас. Наконец спросила, не отрывая взгляда от ее взволнованного лица:

— Но как же ты?.. Ты и Иггельд?

Блестка прошептала:

— Если я останусь... он погибнет.

Служанка смотрела пытливо.

— Ты его все-таки любишь?

— Не знаю, — ответила Блестка со слезами в голосе, — я ничего уже не знаю! Я его и ненавижу люто, за его тупость, за его слепоту, за его непонимание...

— Да, — сказала Пребрана понимающе, — я вижу, что ты думаешь больше о нем, чем о себе. Ты еще сама не понимаешь, но когда любишь, то думаешь не о себе, а о том, другом...

— И, — сказала Блестка решительно, — ему нельзя говорить, что я убежала потому, что тряслась за его жизнь. Это его оскорбит! Он горд, как артанин. Пусть думает, что он для меня только враг, захвативший меня силой. Так ему будет легче.

— Легче ли?

— Легче, — сказала она с отчаянием. Слезы безостановочно бежали по ее лицу. — Пусть считает, что я — тупая артанка, что так ничего и не поняла, не ощутила, не осознала. Такую легче забыть, выбросить из сердца, стереть из памяти. И легче будет... будет... с другой!

Она разрыдалась, Пребрана торопливо прижала ее к своей полной груди, и Блестка редела и редела, выплакивая всю горечь, всю несправедливость этого мира, где все не так, где

все плохо и людям ничего не дано просто так, как подарок по их рождению.

— Я поговорю с родней, — ответила Пребрана тихо. — Ничего не обещаю, только поговорю. У меня есть двое племянников, что излазили здесь все горы. Один уверяет, что знает, как перебраться на ту сторону. Правда, он у меня такой герой, что может и приврать...

— А правда, что Шварн — твой сын?

— Правда. Но Шварн ни за что...

— Жаль, — сказала Блестка погасшим голосом, — можно бы на драконе...

— Я поговорю с племянником, — пообещала Пребрана.

Она тихонько подошла к двери, постучала. Загremел за-сов, Пребрана выскользнула в коридор, Блестка слышала там вздох облегчения стражника, снова загremели петли, потом слышались удаляющиеся шаги.

ГЛАВА 17

Когда она проснулась, в каморке чувствовалось утро, хотя за окном только-только начинался рассвет. Во всем теле ощущалась легкая чистая радость, из единственного узкого окошка лился свежий ночной воздух. Воздух чистый, с легким ароматом свежеиспеченного хлеба, да еще чуть-чуть улавливался запах дымка от кузницы внизу.

Она лежала на спине, предаваясь отдыху, пока по стене напротив не скользнул солнечный луч. Со двора слышались ржание, скрип тележных колес, звон цепи у колодца. Она вздрогнула, вспомнив, что вчера к стене подошли первые артане, сейчас там накапливается войско, скоро зазвонят мечи, послышатся крики, начнется свирепый пир топоров. Прольется кровь, вспыхнут пожары, закричат вдовы, заплачут осиротевшие дети...

Она торопливо оделась, сердце теперь стучало часто, тревожно. За ней долго никто не приходил, наконец дверь открылась, вошли двое незнакомых стражей. Один подошел к

ней с оковами, посматривал не то что с опаской, а брезгливо морщился и, как ей почудилось, смотрел на нее с надеждой: вдруг да откажется? Тогда он бы бросил эти цепи в угол и разрешил бы ей идти так... Второй, помоложе, держал острое копыё наготове и сверлил ее колючими глазами.

Блестка сказала холодно:

— Не пугайтесь. Надевайте.

Старший без торопливости и особой охоты защелкнул оковы. Он посматривал на нее без страха, с уважением, в то время как второй не сводил с нее настороженных глаз.

— Какие новости? — спросила она.

— Артане разрушили башню мага, — сообщил старший. — Теперь располагаются по ту сторону... по-хозяйски.

— Понятно, — только и ответила она.

В этот день было не до вышивания, пришлось помогать Преброне месить и печь хлеб, караваев потребовалось много, вместе с Ефросиньей варила гороховую похлебку для воинов. В доме появилось много незнакомых мужчин, почти все в доспехах, с мечами на поясах. Ежечасно вбегали гонцы, Иггельд мелькнул только утром, исчез. По слухам, он на Черныше пытается остановить артан, что идут на помощь первому отряду. В горах узкие тропки, Иггельд и его дракон в состоянии драться там против целого войска.

— Не знает он артан, — прошептала она, — они с ним еще не дрались... по-настоящему.

К вечеру едва держалась на ногах, усталость поселилась и даже угнездилась в теле, а тяжелые оковы впервые стали ощущаться не только как оскорбление, но и как тяжесть. Но бесконечный пир наконец закончился, Преброна, сама едва держась на ногах, сказала ей слабым голосом:

— Спасибо тебе, милая... Ты могла и не помогать нам, никто тебя не заставлял, мы это помним. Спасибо тебе за твою добрую душу!.. Иди отдыхай, тебе досталось сегодня больше, чем нам.

Блестка слабо улыбнулась, ноги подкашивались от усталости. Она поднялась по лестнице, тяжелые цепи замедляли движения, толчком распахнула дверь и, повалившись на ло-

же, стала ждать, когда же придут и снимут оковы. Негоже перед куявами выказывать слабость, но в последнее время обитатели дома перестали страшиться ее, кое-кто по своей воле приносит ей вина, мяса, сыра, натаскали для матраса вместо грубой соломы душистого сена. Когда узнали, что вина не пьет, подивились, но начали приносить молока, отвара из диких груш.

Издалека доносился привычный шум большого хозяйства. Хотя сейчас, с приходом артан, дом не засыпает, везде ходят, топают, бряцают железом. Те, убежавшие с равнин, не могут нарадоваться, что уцелели, что добрались живы, не замерзли, не сожраны горными дивами. Вот опять загорланили песню, слышен звон посуды, кто-то завопил: не то испуганно, не то радостно... Не понимают еще, что и здесь не отсидаются. Если артане пришли, то разнесут эту стену, какой бы крепкой ни выстроили, и ворвутся в Долину.

Она повернулась к стене, поджала колени. Вот-вот должен подойти Оследнюк, снимет оковы, она осмотрит лодыжки, их натерло и через голенища сапожек, коросту постоянно срывает оковами, ранки саднят. В коридоре послышались крики, топот, веселые вопли. Сорванными хриплыми головами горланили песню. Блестка прислушалась, губы скривились в презрении. Как можно горланить песни о веселых застольях, о покорных женщинах, о том, что с ними вытворяют мужчины... когда земля горит под ногами, когда они, как крысы, мечутся по своей же стране, не зная, в какой еще угол забиться, чтобы ускользнуть от карающего топора артан?

В дверь стукнули тяжелым. По ту сторону раздался грубый смех. Кто-то загорланил песню. Стукнули громче, а после третьего удара дверь распахнулась, с силой ударившись о стену. В коридоре полыхали смоляные факелы, несколько мужчин из числа гостей радостно заорали. Один крикнул ликующе:

— Я же сказал, что артанка здесь!

— Смотри, — указал второй, — она и здесь в цепях!

Толкаясь в дверях, они ввалились шумной толпой, комната наполнилась запахами вина, мяса, мужского пота — эти

куявы так и не удосужились помыться. Эти четверо приехали вчера перед самым прибытием артан, один из них, кто водил войска, высокий и жилистый, его называли Белгом, а трое других — рыхлые, холеные, не знавшие труда, войны, не представлявшие свои изнеженные тела ни солнцу, ни ветру, ни вьюге.

— Правду говорят, что Иггельд совершает дальние рейды, — сказал Белг. Холодный взгляд пробежал по фигуре Блестки. — Пора посмотреть, так ли уж артанки отличаются от куявских рабынь?

Блестка поднялась, сейчас как никогда ощущала тяжесть оков и цепей. Она отступила, спина уперлась в холодные камни. Сердце беспомощно трепыхалось, злость поднялась горячей волной и тут же опала. Четверо сильных мужчин...

Белг подошел вплотную и протянул руку к ее платью. Пальцы коснулась ткани на вороте, начали сгибаться, явно намереваясь ухватить и рывком сдернуть, оставив ее нагой. Сильный удар в пах буквально подбросил его в воздух. Он отлетел к своим друзьям, они не успели подхватить его, и он позорно завалился навзничь, вскинув ноги. И только после этого он взвыл диким животным голосом.

Трое оставшихся бессердечно расхохотались. Один из этих вельмож заорал ликующе:

— Нас осталось трое!..

— Да, — сказал второй, — Белг уж точно сегодня никого не поимеет.

— Да и всю неделю, — со смехом подхватил третий. — Посмотрите, как воеет... Так что эту артанку первым пробую я...

Он шагнул к Блестке, но остановился, видя жестокий блеск в ее глазах и решительное лицо.

— Эй, женщина, — сказал он предостерегающе. — Ты — рабыня!.. В моей власти запороть тебя до смерти, и никто тебя не защитит, рабы вне закона. Так что помни...

Блестка ударила его в челюсть. Он отшатнулся, хотел что-то сказать, но повернулся вокруг своей оси и упал на руки военачальника и оставшегося из вельмож. Его приводили в чувство, он отплеывался кровью, Блестка увидела со злой

радостью, как на пол в красных пятнах крови упали и желтые комочки зубов.

Вельможа наконец поднялся, повернулся к Блестке. Рот в крови, лицо перекосила безумная ярость.

— Рабыня! — прошипел он. — Артанка!.. Да как ты посмела? Да ты знаешь, какие муки...

Он задохнулся, рука его выхватила кинжал, в то время как глаза впились в нее с изумлением и яростью. Сзади подошел с искаженным лицом Белг, перехватил за кисть.

— Что ты хочешь?

— Я убью ее!

— Зачем? — спросил Белг сдавленным от боли голосом. — В крайнем случае ей можно отрезать руки. Или даже просто перерезать жилы... Но это в крайнем случае. Смотри, как надо.

Он выпустил его из рук, Блестка не успела мигнуть глазом, как он оказался перед ней. Сильные руки стиснули ее с такой мощью, что перехватило дыхание. Но руки оставались свободными, она ударила его по лицу, он хрипло засмеялся:

— Уже начинаются ласки?

Она закричала, вцепилась ему в волосы, чисто по-бабьи, сама презирала себя за такой жест, но страх погасил все, она дралась, лягалась, кричала, в это время суетливо подбежали двое молодых вельмож, начали срывать с нее платье. Белг уже не смеялся, она слышала его хрипкое дыхание, руки его слабели, хотя все еще оставались сильными и стискивали ее так, что трещали ребра.

Она чувствовала, как платье рвет клочьями. Вельможи хохотали, она с ужасом увидела свои голые ноги, что беспомощно болтаются в воздухе, обнаженную грудь...

В комнату входили еще хохочущие люди. Свет от факелов стал ярче. Она отчаянно сопротивлялась, но ее с силой бросили на пол. Матрас лопнул, сено в схватке уже разбросали сапогами, она ударилась так, что в глазах потемнело. Белг стоял над нею, грудь тяжело вздымалась, щека расцарапана, из разбитого носа густой струей течет кровь, в глазах гнев и что-то вроде уважения. Он начал расстегивать ремень, но

первым на нее бросился первый из вельмож, даже не спустил портки, а начал это делать только сейчас, ерзая на ней всем телом.

Она ухватила его за шею, сдавила и рванула изо всех сил. Хрустнуло, дыхание замерло, а глаза застыли, выпученные, как у жабы. Она сама замерла в страхе, ведь только что убила знатного вельможу, который снабжал, как говорили за столом, Долину продовольствием и всем необходимым.

— Что здесь происходит?

Громкий крик прозвучал гневно и властно. Люди расступились, Блестка увидела, как от порога спрыгнул, минуя ступеньки, Ратша. Глаза его отыскиали ее, лежащую на полу среди ключев одежды. Он ахнул, его рука молниеносно выхватила меч, с силой оттолкнул двоих с пути, подбежал к Блестке, повернулся, загородив своим телом.

— Что здесь творится?

Белг прорычал раздраженно:

— Ратша, или как тебя там! Сегодня мы гуляем и веселимся перед завтрашним сражением. Ты здесь имел всех рабынь, пока мы проливали кровь в боях с проклятыми артанями. И завтра будешь с ними развлекаться...

Ратша глазами указал на обнаженный меч.

— Я слышал, ты едва ли не первый меч Куявии. После того, как настоящие герои погибли. Думаю, брешут.

Глаза Белга сузились.

— Хочешь проверить?

— Давно пора, — отрубил Ратша.

Белг метнул руку к рукояти меча. Сердце Блестки забилося чаще. От Ратши никак не ожидала такой защиты, хотя он всегда поглядывал на нее с сочувствием, но Белг выглядит все же сильнее. Сильнее, моложе и свежее, а Ратша явно только что вернулся из стычки.

Пальцы Белга разжались, он выдохнул с силой, сказал со сдержанной яростью:

— Я не знаю, что тобой движет, Ратша. Но я не стану убивать тебя, это дурной тон, когда гость убивает одного из приближенных хозяина. Ты забыл, что это — Куявия. А в Куявии я — первый после Тулея. Я — князь, а ты даже не бер

и не берич! По моему приказу ты должен не только убрать меч, но и смиренно связать эту рабыню и оставить ее в такой позе, в какой я изволю!

Наступило тяжелое напряженное молчание. Блестка затаила дыхание, ее руки торопливо собирали клочья одежды, но скрыть наготу не удавалось. Мужчины то и дело глазели на нее, хотя центр напряжения был в середине комнаты, где стояли друг против друга Ратша и Белг.

Ратша поколебался, наконец проговорил:

— Наша Долина всегда пользовалась...

— ...привилегиями? — закончил Белг насмешливо. — Не глупи. Привилегии — это милость сильного к слабому. Сегодня они есть, завтра нет. Вот сейчас и пришло это завтра. Мы здесь, Ратша! Все те, кому ты кланялся издали. Теперь ты будешь кланяться явно. И становиться на колени. А когда снова вернем себе Куявию, снова будешь кланяться издали... если оставим эту привилегию. Понял?

Ратша невольно бросил взгляд на Блестку. В его глазах она прочла сожаление, что не может ее защитить, закон есть закон, его можно менять, но не нарушать. Она опустила голову, принимая его поражение. Она не видела, как Ратша от этого жеста признания его слабости вспыхнул, крепче сжал меч.

— А мне плевать! — заявил он громовым голосом, от которого задрожали камни в стенах. — А мне плевать на твои приказы, ничтожество!.. Ты, погубивший армию, ты... трусливая тварь, что примчалась сюда искать спасения... и ты еще смеешь приказывать?.. Это я тебе буду приказывать, сволочь! Это ты здесь будешь чистить хлев!

Его трясло от бешенства, челюсти лязгали, он смертельно побелел и пошел на Белга с выставленным мечом. Тот пожелтел, рука снова метнулась к рукояти меча и застыла в воздухе. Люди, что пришли с ним, бросились между ними, стараясь остановить кровавую схватку.

— Все вон! — заорал Ратша. — Все прочь отсюда, пока я не изрубил всех!.. Твари!

Толкаясь, они бросились к дверям, возникла давка, наконец все с криками вывалились наружу. Ратша поднял с по-

ла оброненный факел, на полу осталось выжженное пятно, вставил в щель между камнями. Его все еще трясло, он был в бешенстве. Блестка видела, с каким трудом он вставил факел, у него тряслись руки, тряслись губы, дрожало и дергалось лицо.

— Спасибо, — обронила она.

Он повернулся к ней, волчий оскал медленно таял, лицо превращалось в человеческое. Он выдохнул с такой силой, что сено взметнулось на полу.

— Не знаю, — прорычал он, — что на меня нашло... Но как я ненавижу эту придворную дрянь!.. Мне это с рук не сойдет. Да и тебе... Вот что, натяни-ка цепь!

Она поднялась, он старался не смотреть на ее обнаженное тело. Странное дело, она не ощутила стыда. Он выждал, когда натянула цепь, быстро взмахнул мечом. Руки Блестки дернуло, но в следующий миг рассеченная цепь распалась.

— А теперь позволь твои ноги, — сказал он.

Двумя сильными ударами обрубил остатки цепи, нанес пару несильных ударов по стальному кольцу, сжимающему сапожок на левой ноге, стараясь не поранить ногу, оставил меч и, ухватив кольцо обеими руками, без труда сломал.

— Что у тебя за меч? — спросила она неверяще. — Такую цепь можно только большим боевым топором...

— У нас умеют выплавлять сталь, — похвастался он, тут же добавил: — Правда, мой меч ковали гномы, а у них свои секреты. Давай-ка другую ногу...

Она усмехнулась с горечью.

— Погоди...

Он непонимающе следил, как она наклонилась, ее тонкие пальцы взялись за кольцо, побелели на миг от усилий. Послышался хруст, она отшвырнула осколки, словно это мелкие льдинки. Он ахнул, глаза полезли на лоб.

— Так ты могла...

— Не говори ему, — попросила она.

Он покачал головой.

— Но почему? Это многое меняет...

— Уже нет, — ответила она с горечью. — Сам понимаешь, что теперь... после вот этого уже ничего не изменить.

Он помрачнел, брови сдвинулись на переносице, вздулись желваки, а голос стал злой и хриплый:

— Вот что, женщина, я не смогу тебя защитить больше, чем защитил. Сегодня же меня могут куда-то услать. Возьми вот это! И помни, не все куявы одинаковы! Как и артане.

Он снял с себя пояс с роскошным кинжалом в ножнах, а потом быстро сбросил с плеч длинный плащ и сам накрыл ей голые плечи. У Блестки защипало в глазах. Этот куяв вел себя так заботливо и нежно, как всегда держался с нею Придон.

— Спасибо, — прошептала она.

И снова он удивил ее, сказав просто:

— За что? Я сделал лишь то, что должен делать мужчина.

Он повернулся и выбежал в коридор, плотно закрыв за собой дверь. Блестка легла, дождалась, пока уже за полночь в доме затихло, тихонько прокралась к двери. Она заперта с той стороны, но она не такая уж и слабая овечка, как они полагают. Когда все кончено, в сердце пустота и нет никаких надежд, то можно...

С той стороны двери послышались крадущиеся шаги. Запор тихонько сняли, Блестка вытащила кинжал, изготовилась. Дверь тихонько приоткрылась, Пребрана замерла в щели, увидев занесенный для удара кинжал, вошла тихонько и тут же сказала сердитым шепотом:

— Погаси свет! Сейчас же погаси факел!

За ней вдвинулся низкорослый человек. В слабом лунном свете он показался Блестке с головы до ног заросшим серыми неопрятными волосами, в звериной шкуре. Он прикрыл за собой дверь, быстро огляделся. Широкие крылья носа трепетали, как крылья пугливой бабочки. Косматые волосы падали на лоб, глаз Блестка не разглядела, а потом настала полная тьма, глаза не сразу начали привыкать к тусклому свету звезд и ночного неба.

— Это мой родственник, — сказала Пребрана ворчливо. — Он сумел пробраться сюда, когда артане уже подошли к стене! Значит, сумеет и выбраться обратно. Уже с тобой.

Сердце Блестки забилося чаще. Она смотрела на лохматого горца, душа разрывалась между страхом и надеждой.

Служанка всхлипнула, обняла. Блестка прижалась, слезы бежали по щекам, горец недовольно сопел, буркнул:

— Я не знаю, зачем это делается. Но я верю Пребрание. Она — мудрая. Пойдем.

— Пойдем, — ответила Блестка печально.

Обвела отчаянным взглядом комнату, что стала свидетельницей ее скорби, ее радости, ее неслыханного счастья и вот снова рвущей сердце скорби. Пребрание смотрела неотрывно, она зарыдала громче.

Собирались броситься друг другу в объятия и выплакаться, но горец грубо схватил Блестку за локоть.

— Надо спешить!

— погоди! — крикнула Пребрание. — Ты видишь, что они с нею сделали, мерзавцы... Я сейчас.

Она выскочила, вернулась буквально через минуту с ворохом одежды. Горец отвернулся, Блестка торопливо натянула старую рубашку, слишком огромную, мужскую, почти до колен, слишком просторные кожаные штаны, подобрала с пола подаренный Ратшей плащ и накинула на плечи.

— Готова.

Горец мрачно смотрел, как она подвязалась поясом, что дал Ратша, чтобы не расходились полы плаща, а кинжал умело повесила справа на бедре. Кивнул, его пальцы снова сомкнулись на ее руке, как охотничий капкан. Она дала себя увлечь к выходу, в коридоре горец часто останавливался, прикладывал палец к губам. Дом засыпал и все не мог заснуть, то в одном, то в другом месте хлопала дверь, в окнах то вспыхивали светильники, то их гасили, прошел Завид, он с утра разжигает очаги, сейчас проверяет, заготовлены ли сухие дрова... Блестка затаивалась, как мышь, горец вообще как будто растворялся в каменных стенах. Выбрались на задний двор, а потом пошли в противоположную от ворот сторону.

Дома в лунном свете казались шляпками огромных грибов. Из кузницы все еще доносились звонкие удара железа по железу, сквозь щели виднелся огонь, а из дыр в крыше поднимались дымки. Продвигались быстро, но перебежками

от тени к тени, затаиваясь ненадолго, так вышли за пределы домиков, горец начал ежиться, сказал шепотом:

- А вот про это я и не подумал...
- О чем?
- О драконах.
- О драконах? Ах да, они же здесь...

Она застыла, драконы этой Долины хоть и дружелюбные к людям, набрасываются только по приказу, но сейчас они двое вторглись на их землю, а такой дерзости ни один зверь не позволит. Да еще вторглись ночью, когда все звери особенно злые и подозревающие все и вся!

В лунном свете, что лился прямо на головы, черные провалы пещер казались залитыми густой смолой. В неподвижном, как вода лесного озера, воздухе Блестка ощутила запах больших и сильных зверей.

— Иди за мной, — прошипел проводник.

Он побежал мимо пещер легкий и неслышный, как тень. Блестка спешила за ним, ужасалась от мысли, что споткнется, догнала, когда тот присел и всматривался в темноту, прошептала:

— Что там?

— Тихо!.. Почудилось, будто что-то... Нам пройти вон до того пика, видишь?.. Он выглядит самым высоким, но там от подножия чуть ли не лесенка. Можно взобраться до половины, а потом... потом увидишь.

Он снова вскочил, скользнул вдоль стены, надолго пропадая в тени. Блестка побежала следом, напрягая глаза изо всех сил, все черно, только щедро залитые лунным светом вершины сверкают, как обнаженные мечи в тусклом мире. Голова и плечи горца иногда выныривали, как у пловца из темной воды, скрывались надолго, Блестка неслась, как ей казалось, быстрее коня, но горец все равно был впереди и, как почудилось, даже отдалялся.

Она прибавила в беге, и тут под ногами застучало, посыпались камни. Она оступилась, упала, камни загремели громче. Вскочив, увидела перекошенное лицо горца, он обернулся и ждал ее, лицо белое то ли от ужаса, то ли просто такой свет.

— Быстрее! — зашипел он. — Уже близко!.. Вон ступеньки!..

Блестка вскочила, за спиной послышался быстро наступающий топот, огромное и горячее навалилось сзади, вмяло в твердую землю. Послышался сдавленный вопль, это кричал в смертном страхе горец. Блестка вскочила, огромная туша развернулась, налетела на нее снова. По рукам и лицу захлестало горячим, влажным.

Она отбивалась, наконец вскрикнула:

— Черныш! Черныш, перестань!

Огромный дракон тут же с готовностью сел на задницу. В лунном свете он выглядел ожившей скалой, а глаза горели красным пламенем, это жутко и красиво: весь мир серый, бесцветный, Черныш тоже серый и черный, только глаза горят пурпуром да зубы блестят в распахнутой пасти.

— Ну вот и хорошо, — сказала она дрожащим голосом. — Молодец...

Черныш, услышав знакомое слово похвалы, радостно скакнул к ней, лизнул в лицо. Блестка от неожиданности опрокинулась на спину, Черныш в восторге от такой игры навис сверху и облизал ей нос, уши, руки. Горец встал и попытался отбежать, Черныш в один прыжок оказался над ним, свалил и тоже вылизал ему нос, уши, счастливый, что к нему и ночью пришли поиграть, чтобы не так было скучно.

Горец застыл в ужасе, а Черныш прыгнул к Блестке, что уже встала на четвереньки. Блестка быстро села, прижавшись спиной к скале, сказала быстро:

— Я тебя тоже люблю!.. Ты хороший. Но не сбивай меня с ног, ладно?..

Она встала на ноги и медленно пошла вдоль стены. Черныш шел рядом и косил на нее веселыми глазами, стараясь понять правила новой игры. Блестка сказала горцу:

— Иди к ступенькам, я его отвлеку.

Из темноты донесся дрожащий голос:

— А что он... не ест?

— Играет, — ответила Блестка с облегчением.

— Как кот с мышью?

— Нет, — крикнула она, — просто играет. Они на людей не нападают... пока им не велят... Ой!

Она присела и закрылась локтями, Черныш исхитрился и, проведя ложный маневр, с торжеством лизнул ее в ухо. Блестка позорно потеряла равновесие, свалилась, за что Черныш немедленно вылизал ей лицо и шею, а она вынуждена была, как проигравшая, почесать ему за ушами.

Горец обалдело смотрел, как этот чудовищный зверь счастливо хрюкает, выворачивает шею, вытягивая кожу, чтобы больше места для чесания, Блестка сказала торопливо:

— Подойди и почеси вот здесь!.. Что, руки слабые? Я же чешу?..

Горец, вздрагивая всем телом, умирая от ужаса, но и стыдясь опозориться перед не теряющей присутствия духа женщиной, подошел и робко протянул руку. К счастью для него, Черныш от блаженства вообще закрыл глаза, сопел, хрюкал, и шею его начали чесать в четыре руки. Горец перевел дыхание, но голос все еще вздрагивал:

— Расскажу такое, брехлом обзовут. Даже родные братья не поверят.

— Чеси, чеси, — сказала Блестка. — А что такого?.. Драконы и люди живут в дружбе. Вольно бегали и по городу, пока не появились переселенцы, те при виде драконов падают замертво. А эти зверюшки приучены нападать только по приказу.

Горец сказал осевшим голосом:

— Да знаю, все-таки Шварн — родня, но сам их все равно боюсь.

Глаза совсем привыкли, она сама начала различать выступы и сколы на отвесной стене, которые горец называл ступеньками. Он не оглядывался, старательно чесал огромного зверя, тот чуть ли не мурлыкал, томно выгибался, поворачивал огромную голову то так, то эдак, Блестка показала горцу, где дракон вообще обожает, когда чешут, но там надо жесткой щеткой, на что горец быстро выудил из заплечного мешка нечто вроде металлических когтей, такие хорошо вгонять в щели между камнями, поскреб по чешуе за ухом, Черныш хрюкнул, раскрыл один глаз и благодарно лизнул горца в

пальцы. Тот от неожиданности выронил гребенку, подхватил уже у земли и снова начал скрести с удвоенной энергией.

Блестка оглянулась, оценила:

— Он свою порцию ласки получил, нам пора. Давай ты первым, а мне подашь руку, если я где застряну.

— Сейчас, сейчас, — ответил горец. — Вот здесь еще почесу...

— Да хватит ему, — сказала она нетерпеливо. — А то ночь кончится.

— Еще немного, — взмолился горец. — Нет, ты не подумай, что я боюсь к нему повернуться спиной... Сейчас я уже не боюсь, хотя трясло, признаюсь!.. Просто я не думал, что вот так смогу... Это же какой зверь, какой зверь!.. Я ему завтра барана принесу.

Она удивилась:

— Зачем?

— А просто так, — ответил он. — Зачем угощают хорошего человека?.. Он тоже хороший человек. Я же вижу, что он хороший. Ему тут скучно, да?

Она вздохнула.

— Скучно. Он же с хозяином жил в одной пещере, из одной миски ел, когда был маленьким. А сейчас на площади полно народу, его не пускают даже заглядывать в окна к хозяину...

— Бедный, — сказал горец с чувством. — Когда разлука — это плохо.

Еще как, подумала она. Сердце защемило, в груди остро кольнуло, а сияющий лунный свет померк. Еще как плохо...

Горец ощутил перемену в ее настроении, тоже вздохнул, перестал чесать. Блестка только и видела, как он исчез здесь, а мгновение спустя появился уже на первом выступе, начал карабкаться, остановился, глядя на нее вопросительно.

— Прощай, Черныш, — сказала она.

Дракон медленно открыл глаза. Она обхватила его голову тонкими руками, поцеловала в нос, повернулась и побежала. Черныш затрусил следом, но не пытался ее схватить. Проводник подал ей руку, она начала карабкаться, а на уровне второго этажа Черныш встал на задние лапы, голова на их

уровне, оба увидели печальные всепонимающие глаза. Он лизнул Блестке пальцы, вздохнул, опустил на все четыре лапы и пропал в темноте. Слышалось удаляющееся дрожание почвы.

Горец перевел дыхание, голос все еще вздрагивал:

— Я уж думал... Бедный зверь. Ему одному тут тоскливо.

— Хозяин каждый день на нем летает, — возразила Блестка.

— Долго ли? — буркнул он. — А все остальное время?.. Дракон привык, что хозяин был с ним с утра до вечера и снова до утра. А теперь не понимает, за что его больше не любят...

Блестка вздохнула, в груди горечь расплывается шире, сказала тихо:

— Ты хорошо все понимаешь. Ладно, пойдем.

Горец посмотрел вниз.

— Но барана я ему принесу. Он такой жалобный, хоть и веселый.

Дальше карабкались молча, а когда Блестка запыхалась, горец остановился, покачал головой, из мешка показалась веревка, обвязал ее вокруг пояса.

— Прости, — сказал он, — это надо было сразу... но этот брошенный дракон все перепутал в голове.

— Да, — ответила она, — у меня тоже. Я степнячка, по горам никогда не лазила, но я не слабенькая, так что могу подниматься и подтягиваться сколько угодно. И я не струшу, глядя в бездну.

Он хмыкнул:

— Если уж первая начала гладить такого зверя...

Не закончив, принялся карабкаться вверх. Веревка постоянно оставалась натянутой, с какой бы скоростью Блестка ни старалась следовать. Потом даже малейшие выступы перестали попадаться, она ощутила, что не может зацепиться даже пальцами.

— Что там? — послышался голос сверху из темноты.

— Я не могу ухватиться, — ответила она шепотом.

— Тогда просто повисни, — донесся голос. — И еще... если сорвешься вдруг, падай молча.

— Хорошо, — ответила она.

Похоже, он не ждал такого ответа, повторил с недоверием:

— Падай молча, поняла?

— Конечно, — ответила она. — Не вскрикну, будь спокоен. Я — артанка.

Веревка натянулась с такой силой, что ее потащило вверх по камню, словно весила не больше ее сапог. Блестка старалась отталкиваться слегка, чтобы не ободрать лицо, потом пальцы нащупали мелкие выступы, начала изо всех сил подтягиваться, часто срывалась, но веревка держала надежно, словно другой конец в руках не мелкокостного горца, а горного великана.

Наконец ощутила, что в состоянии зацепляться, покарабкалась с таким бешенством, что наконец-то веревка ослабела. Так карабкалась довольно долго, наконец догнала горца, он тяжело дышал, лицо взмокло и блестело, грудь часто вздымалась.

Взглянул на нее с великим изумлением, проговорил с хрипами в легких:

— Так ты... никогда... раньше?

— Никогда, — ответила она. — Но я же сказала, что я не слабая! И учусь быстро.

Он покачал головой, по лицу стекали крупные капли.

— Ты меня... догнала! А я по горам хожу... и бегаю!.. всю жизнь. Я в ваших ровных степях, наверное, буду спотыкаться и падать, не чувствуя под ногами таких привычных угловатых камней. Ладно, отдохнули, теперь спуск. Нет, еще вскарабкаться вон на ту вершинку, но это близко, там покато, оттуда уже только вниз. Выйдем в небольшую долину, а оттуда прямо к артанскому лагерю.

ГЛАВА 18

Внизу еще тьма, а здесь, на летящем драконе, они в расвете, слепящее солнце бьет в глаза, темные крылья вспыхнули пурпуром, заблестели, как слюда, чешуйки на боках. Беловолос сидел впереди, Иггельд следом, оба внимательно сле-

дили за Ворчуном, тот красиво и мощно рассекал воздух, но когда начали приближаться к «стене Иггельда», начал нервничать и чаще, чем нужно, взмахивать крыльями.

— Замечай, — сказал Беловолос раздраженно.

— Пока все неплохо...

Ворчун неуверенно зашел против ветра, но когда тот, обрезанный высокой стеной, пропал, дракон испуганно каркнул, судорожно забил крыльями, снова поднялся и, сделав над Долиной большой круг, пошел на посадку второй раз. Глаза его в страхе выпучились, ноздри трепетали, по всей спине пробежала дрожь. Беловолос повернул голову к Иггельду:

— Видишь?.. Дрался с артанами храбро, в море лезет с такой дурью, будто рыба, а здесь всегда трусит...

Иггельд внимательно наблюдал за драконом, но мысли уже там, в Долине, сердце помчалось раньше его в дом, взбежало по ступенькам и, распахнув двери в ее комнатку, упало к ногам этой терзающей его сердце женщины и прокричало: прости! Я все делал не так! Ну скажи мне, как правильно, я сдаюсь, я признаю поражение...

— Ты его как приучал взлетать? — спросил он. — И садиться?.. Вспомни, не требовал ли... чересчур? Они только с виду такие громадные да страшные, а внутри это такие беспомощные и добрые дети...

Дракон, растопыря крылья, кое-как садился на открытое пространство у самых пещер. Сюда переселенцы не рисковали ставить телеги, место ровное, каменистое, голое, и Ворчун, едва не зажмуриваясь от страха, выставил перед собой лапы, коснулся земли, долго бежал, пока не уперся головой и грудью в стену.

Иггельд соскользнул на землю, посоветовал:

— Ты эту неделю не улетай далеко. Займись взлетом и посадкой. Наверное, в первый его вылет залетели слишком далеко, а на обратном едва дышал?.. И при посадке поранился или лапку подвернул?

— Разве упомяну, — признался Беловолос, — мы оба просто ошалели.

— Понимаю, — ответил Иггельд коротко.

Беловолос кивнул, пошел успокаивать дракона, гладить, чистить, осматривать, а Иггельд поспешил домой. Он шел быстро, почти бежал, здания раздвинулись, впереди показался его дом. По дороге окружали, спрашивали, требовали, предлагали, советовали, напрашивались, он безучастно кивал, отмахивался, наконец показался его дом, Иггельд почти бежал, глаза не отрывались от окон, вот бы увидеть Блестку, закричит прямо отсюда, с площади, что сдастся, что никаких оков, что свободна, он сам в ее власти...

В окне на втором этаже мелькнуло, сердце трепыхнулось, но в следующее мгновение понял, что это Ратша. Ратша стоял неподвижно и смотрел на него. Иггельду показалось, что лицо старого друга какое-то не такое, но не успел ему даже кивнуть, приходилось почти проталкиваться через толпу народа, а тут все расступились, дорогу буквально загородил Белг, с ними Кадом и Дроздень, могущественные беры, совсем недавно в их распоряжении были немалые войска.

Белг сразу же заорал:

— Иггельд!.. А ты знаешь, что творится в твоём хозяйстве? Мы требуем строгого наказания!

— Что случилось? — спросил Иггельд, опешив. — Все виновные будут строго наказаны, обещаю. Что случилось?

— Один из твоих людей напал на нас, — заявил высокомерно Дроздень. — Он даже обнажил меч, и если бы только не стойкость и выдержка Белга, что не снизошел до ответа на вызов скрестить мечи, пролилась бы кровь!

Иггельд нахмурился, поверить трудно, у Белга слава отменного бойца, он побеждал на турнирах и в поединках, об этом рассказывал не только он, но и о нем, так что Белг поступил благородно, не приняв вызов.

— Вызов брошен самому Белгу?

— Да.

— Что за безумец, — пробормотал Иггельд. — Кто это?

— Ратша!

Словно холодной водой окатили Иггельда. Он окинул толпу испуганным взглядом. Здесь все, кто уцелел из правящей верхушки Куявии, князя и беры, наместники, вельможи и верховные сановники, самые богатые и влиятельные

люди. Здесь, по сути, верхушка знати. От их воли зависит вся жизнь в его Долине, само ее существование и всего его хозяйства.

— Я разберусь, — пообещал он сдавленным голосом. — И накажу строго по закону.

Белг высокомерно молчал, униженные драгоценными перстнями пальцы на рукояти меча, грудь вызывающе расправлена, зато Дроздень сказал торопливо и громко:

— Да-да, строго по закону!.. Куявия еще жива, законы ее — живы!

— Можете не сомневаться, — ответил Иггельд сдержанно.

Он шагнул к дому, перед ним расступились, но бросилась в ноги воющая женщина, уцепилась за колени, просила сжалиться, с нею трое детей, двое умерли по дороге, а уже здесь, в Долине, заболел муж, лежит в горячке, если его не посмотрит лекарь, умрет, помощи, спаси...

Иггельд с трудом успокоил, утешил, потом еще кого-то успокоил и утешил, третьему пообещал разобраться и помочь, а когда кое-как выдрался из цепляющихся за одежду рук и побежал по ступенькам к двери, в груди тесно, а в голове шумели, сталкиваясь, испуганные оборванные мысли. По закону он должен наказать Ратшу очень сурово. Даже непонятно, насколько, простолоудин, поднявший руку на князя, — это бунтовщик, мятежник, разбойник. В одних землях Куявии их просто вешали, в других — четвертовали, в третьих — привязывали к вершинкам деревьев за ноги и отпускали деревца, в четвертых — разрывали дикими конями, в пятых и шестых свои способы казни, но казнь везде, и надо как-то извернуться, чтобы не дать Ратшу палачу...

В усталом мозгу грохотало, перед глазами мелькали обрывки случившегося за ночь, две жаркие схватки с небольшими отрядами артан, когда проверяли Ворчуна на стойкость и непугливость, всплывала перед глазами дивная рыба с золотыми перьями, трепещущая в пасти вынырнувшего дракона, в ушах звучали голоса, слышался звон металла, крики, а поверх всего, закрывая, всплывало гневное лицо с удивительными темно-лиловыми и словно бы вопрошающими глазами.

Дверь распахнулась, навстречу вышел огромный человек в доспехах. Из-за плеча рукоять меча, шлем на сгибе локтя, и только рыжая лохматая голова заблестела на солнце знаком. Ратша посмотрел на него со сдержанным вниманием, по-дружески, но с едва заметной холодноватостью.

Иггельд загородил ему дорогу:

— Ратша!.. Погоди.

Ратша остановился, помимо меча, за спиной небольшой круглый щит, а на широком кожаном поясе с потайными кармашками длинный нож и небольшая баклажка.

— Да, Иггельд.

Голос ровный, немного отчужденный, что сразу разозлил, тут ночь не спал, носился по степи и над морем, проверял чужого дракона, его ли это дело, а тут прекрасно выпавшийся, сытый и с запахом винца Ратша роняет это высокомерное «Да, Иггельд», будто изволит осведомиться, что же хочет этот дурак, этот погонщик драконов, этот простак!

— Что стряслось? — жестко потребовал Иггельд. Он огляделся по сторонам, понизил голос: — Какая муха тебя укусила? Здесь же князья, беры, вся уцелевшая знать... Они же со своей властью могут нас в пыль, с землей сровнять!

Взгляд Ратши угас, словно услышал совсем не то, на что все еще рассчитывал. Иггельд, не веря своим глазам, увидел, как Ратша вместо ответа посмотрел в небо, затем в сторону пещер, лишь потом обронил нехотя:

— Я сделал то, что должен делать мужчина.

— Ты с ума сошел!

— Наверное, — ответил Ратша холодновато. — Что делать, если мужчин в этой Долине больше не нашлось...

Иггельд ощутил, как злость начала подниматься в нем, как кипящая лава. Он процедил с яростью:

— Не забывайся, Ратша! Ты помнишь, через что мы прошли.

— Я помню, — отпарировал Ратша. В его сильном мужественном голосе прозвучала грусть. — Ты нет. Но я не хочу, чтобы у тебя были неприятности из-за меня. Я отправляюсь вниз, в междугорье. Чудин обещал забросить меня туда на

своем драконе. Пора посмотреть, так ли уж сильны артане в войне в горах. Может быть, если повезет, спущусь даже вниз, на равнину. Тебе скоро сообщат, что я погиб. Правда это или нет, неважно. Зато у тебя перестанут требовать моей головы.

Иггельд опешил, ощутил укол вины, сказал уже не так зло:

— Но что случилось? Ты можешь рассказать?

Ратша покачал головой.

— Тебе надо было спросить это раньше. Но ты сперва пообещал той мрази строго наказать меня! Прощай, Иггельд. Когда-то я считал тебя способным дать отпор вторгшимся артанам и... теперь смешно подумать, даже нанести ответный удар. А ты не можешь дать отпор даже вельможной мрази, что не имеет уже ни власти, ни влияния, ни денег, ни войск... У нее только наглость, Иггельд! Только наглость и дурость. А ты все еще считаешь, что они что-то могут.

Он махнул рукой, повернулся и пошел, прямой и сильный, с развернутыми плечами. Иггельду даже почудилось, что сейчас Ратша даже стал выше, выглядит ярче и значительнее, чем в последние недели, когда томился без дела.

— Ратша! — вскрикнул он. — Ратша!

Красивый воин в блестящих доспехах не ускорил и не замедлил шага, шел все так же ровно, уверенно, а крик сзади остался повисшим в воздухе, словно карканье завистливой вороны.

— Ратша! — гаркнул Иггельд. — Ты слышишь? Ратша!

Мелькнула мысль побегать следом, схватить за плечо, развернуть к себе лицом, потребовать объяснений, ведь столько лет прожили, поддерживая друг друга, но что-то мешало, ведь он давно уже не тот мальчишка, что бежал из разгромленного ныне города и наткнулся на огромного великана, теперь он, Иггельд, сам глава этого города и всей Долины, он должен вести себя достойно, мудро, взвешенно, не бежать следом за человеком, который хоть и сделал для него немало, но все же не ровня, не ровня...

Он стиснул челюсти, отвернулся и вошел в дом. В ниж-

нем зале у очага складывал дрова старый Метелик. Оглянувшись, сказал почти виновато:

— С дровишками в твоем доме плохо, Иггельд... А негоже, чтобы правитель Долины нуждался. Вот я и принес, с деревом в Долине туговато...

— Спасибо, — бросил Иггельд. Он намеревался ринуться наверх, к Блестке, но Метелик спросил печально:

— Ратша... что с ним? Я видел, он оделся так, как будто уходит навсегда...

— Верно, — буркнул Иггельд.

— Добрый воин ушел... — вздохнул старик. — Настоящий... Все меньше в нашей Долине Иггельда доблести, зато все больше... Скоро она уже перестанет зваться Долиной Иггельда.

Он умолк, словно стиснул свое же горло, с опаской посмотрел на Иггельда. Тот уже поставил ногу на лестницу, но остановился, с подозрением уставился на Метелика. Тот пугливо прикрыл рот ладонью, кисть руки сморщенная, во вздутых венах, натруженная ломкой камня в горах.

— Простите, хозяин! Это я по старости болтаю, сам уже не знаю, что и говорю.

Иггельд процедил мрачно:

— Начал болтать, болтай дальше.

— Да это я так, по дурости, — продолжил Метелик испуганно. — Мы не хотим гневить вас, хозяин! Зачем? Нам с вами живется хорошо. А закончится война, будем жить еще лучше.

Иггельд нахмурился.

— Ты знаешь, что случилось? Из-за чего Ратша сцепился с этими... я согласен, неприятными людьми, но, увы, могущественными? От них может быть немало бед.

Метелик потупился, переступил с ноги на ногу, развел руками.

— Да, ваша милость.

— Говори!

Метелик помялся, снова переступил с ноги на ногу. Лицо у него было несчастное.

— Ратша вступился за рабыню. Может быть, и не стоило так уж сразу за меч, но гости хотели ее изнасиловать, а это для Ратши показалось негоже. Он ведь не равнинник, он из горных...

Иггельду показалось, что Метелик пытается оправдать Ратшу, сказал нетерпеливо:

— Он прав, но нельзя доводить до ссоры. Что за рабыня? Метелик сказал с некоторой неохотой:

— Та, что... не рабыня, а эта... пленная. Артанка. Она в цепях. Говорят, Ратша вообще потом разрубил ее цепи своим мечом. У него такой меч, особенный... Немало прольет артанской крови!

Иггельд ахнул, кровь отхлынула от лица. Смертельный холод пронзил, как будто голым бросили в прорубь. Рука метнулась к мечу, он вскрикнул страшно:

— Что с ней?

— Не знаю, — ответил Метелик испуганно. Он отступил, глядя в его страшное перекошенное лицо. — Не знаю, господин... Сегодня она не выходила.

Он отшатнулся, Иггельд пронесся по ступенькам, как свирепый смерч. В голове стучала страшная мысль: а что, если изнасиловали? А что, если... Боги, да как он мог, как оставил одну? Привык, что в Долине все только по его воле, а тут эта нахлынувшая мразь!.. Артанка, прости, прости меня! Только бы с тобой ничего не случилось!.. Отныне никогда-никогда никаких цепей. Сам сниму и выброшу в окно. Никогда-никогда никаких оков. Я скорее закую в оковы себя, дурака и мерзавца, чем позволю железу прикоснуться к тебе!..

Он помчался по коридору, как взбешенный тур, ничего не видя налитыми кровью глазами. Артанка, только сейчас я понимаю, насколько ты мне дорога... И насколько я дурак, тоже понимаю. Ты сто раз говорила, что можешь дать слово, а я не верил. Ты не убежишь, любимая, теперь я это знаю. И не только потому, что твое слово нерушимее, чем вот эти горы, но и потому... да, еще и потому, что я тебе тоже небезразличен...

— Гордецы, — прорычал он со стыдом и бешенством, — что мы натворили, гордецы!

В конце коридора показалась дверь ее комнаты. Он мчался, как ураган, успел подумать, что не сумеет остановиться, вышибет дверь, а там нужно только упасть к ее ногам, сознаться, каким был дураком, себялюбцем, слепцом... и вымолить у нее прощение. Она должна простить, ведь как бы ни задирала подбородок, но и она, как уже сказала открыто и честно, тоже любит его.

Дверь распахнулась, мелькнули две ступени. Он прыгнул сразу на разбросанную в беспорядке солому. Все растоптано, разбросано сапогами. Взгляд упал на клочья ее платья. Торпливо нагнулся, пальцы ощутили грубую ткань, в которую одевали здесь... стыд какой!.. Эту рожденную для того, чтобы взирать с небес на всех людей разом. Еще клочья, еще...

Он снова похолодел — это означало только одно: с нее сорвали платье. Она, обнаженная, отбивалась от насильников. Ее хватали грязными потными лапами, ее пытались согнуть, заставляли раздвинуть ноги... А вот куски цепей, разрубленные оковы... Ратша, я упаду тебе в ноги и вымолю твое прощение, ты добр, ты простишь меня, неумного, растерянного...

Дикий крик вырвался из его груди. Он выхватил меч, с силой ударил по стене. Полетели искры. Звякнуло, он думал, меч сломается, но клинок, выкованный гномами, как и у Ратши, лишь высек длинный сноп ярких искр.

— Сволочи!

Он рубил стены в бешенстве, потом выскочил в коридор, пронесся по залам, глаза шарили во все стороны, пытаясь увидеть радостно галдящую толпу, что тащит голую женщину, или хотя бы заметить краем глаза, как где-то мелькнет обнаженная рука или нога, артанка должна прятаться где-то поблизости, ведь в свою комнату сейчас возвращаться просто не решается...

Он привстал на цыпочки, приложил ладони ко рту и закричал во весь голос:

— Артанка!.. Артанка, выходи! Теперь я — твоя защита!

Никто не ответил, только слуги и стражи смотрели на него с удивлением. Он набрал в грудь воздуха и прокричал его громче:

— Артанка! Отныне — никаких цепей!

Глаза застлало красным, он ощутил на губах теплое и со-
ноноватое. Машинально провел ладонью, она оказалась в
крови. Из ноздрей текла двумя струйками кровь.

Прислушался, но везде тихо. Люди стояли, кого где за-
стал его крик, смотрели молча, не двигаясь. Он ощутил та-
кую страшную потерю, что неистово захотелось вонзить меч
в свою грудь. Вместо этого он поднес ладони ко рту и про-
кричал из всех сил, из последних сил:

— Клянусь, Артанка!.. Ни цепей, ни оков...

Голову пронзила дикая боль. Глаза застлало красным, он
видел только кровавый туман с плавающими темными сгуст-
ками. Колени подломились, он упал навзничь, а кровь про-
должала струиться из лопнувших вен на висках.

Спуск остался в памяти, как затянувшийся кошмар, она
дважды срывалась и повисала на веревке. Горец терпеливо
ждал, когда зацепится, похваливал, хотя чувствовала себя
полной неумехой, а когда опустились на самое дно, как ей
показалось, ущелья, сказал с уважением:

— Ты могла бы родиться и горянкой!..

— Если бы не ты, — пробормотала она, — я бы разби-
лась.

— Ни одна женщина еще не поднималась на такую от-
весную стену, — пояснил он. — Ты — молодец. Ладно, смот-
ри сюда... Видишь там камни, а между ними сосенка?.. Иди
прямо. Никуда не сворачивай, да и не свернешь, скалы со
всех сторон... Мы с тобой перелезли с другой стороны ка-
менного кольца, так что тебе надо обогнуть по дуге всю до-
лину, наткнешься на артан. Их еще немного...

— Спасибо тебе, — сказала она. — Мне расплатиться не-
чем...

Он отмахнулся.

— Платить за услуги друзей нехорошо. А Пребрана сказа-
ла, что ты друг. Прощай!

Он отступил и растворился среди нагромождения кам-
ней. Блестка перевела дух, огляделась. Между высокими ска-

лами ровное место, в солнечных лучах камни блестят, то ли покрытые росой, то ли ночью здесь выпадает снег, а утром тает. Воздух свежий, холодный, почти зимний, но солнечные лучи обжигают кожу.

Ладно, у нее острый кинжал, а также плащ, подаренный Ратшей, она сразу же поправила пояс и теперь шла легко, не чувствуя ставшей привычной тяжелой звякающей цепи. И даже нет железных оков, что мешали бы двигаться свободно, хотя почти привыкла и к ним, их прикосновению, их тяжести. Каменная стена проплывала мимо, серая и остывшая за ночь, слышно, как потрескивают камешки, разогреваясь под прямыми солнечными лучами.

После тяжелого подъема и такого же спуска даже непривычно идти по ровному, сперва едва передвигала ноги, потом перешла на бег. Рукоять кинжала, тоже подаренного благородным Ратшей, задевала пальцы и просилась в руку. Лишь на миг острое сожаление вспоролло сердце, но усилием воли изгнала из сознания его лицо, сдвинутые брови и орлиный нос, каменные губы и тяжелую нижнюю челюсть с раздвоенным подбородком. Этот человек предал, посадив, как собаку, на цепь. И не защитил, когда толпа насильников ввалилась в ее темницу. И явно не собирался снимать эту проклятую цепь, не верил ей, не верил ее слову...

И вообще, сказала она себе с горечью, ничего не понял. И вряд ли поймет.

Слева раздались крики, она вздрогнула, едва не упала от неожиданности. С десятков человек между огромных валунов бежали в ее сторону, торопились, падали. Она видела их радостные лица и разинутые рты. Несколько человек забежали вперед, отрезая ей дорогу. Она отступила к стене, ладонь опустилась на рукоять кинжала.

Предводитель погони закричал еще издали:

— Женщина, оставь нож!..

Она ответила дерзко:

— Приди и возьми его.

Остальные подбежали ближе, тяжелые, запыхавшиеся, одетые добротнo, некоторые даже в кольчугах поверх толстых вязаных рубах. Их лица показались ей незнакомыми,

явно из новоприбывших. Жителей Долины она уже научилась отличать по особому солнечному загару, здесь, высоко в горах, совсем не тот, что внизу, на равнине.

Вожак погони взмахом руки велел всем остановиться, крикнул снова:

— Иггельд велел сразу передать, что цепей ты больше не увидишь!

— А где же ваш хозяин? — крикнула она.

— Он высадил нас, а сам полетел вперед, — прокричал он, и она вспомнила, что пробиралась между камнями, стараясь идти как можно незаметней. — Он обещал огромную награду за тебя...

— За мою голову? — выкрикнула она насмешливо.

— Тому, кто тебя найдет, — прокричал вожак. Его люди начали обходить ее с боков, но он снова повелительным жестом остановил всех. — Он очень сожалеет, госпожа!.. Он сделает все, чтобы загладить свою вину...

Блестка зло расхохоталась. Если бы он не сказал эти дикие слова, она бы начала верить. Но он перехлестнул, завравшись до того, что их хозяин вот так признал при всех, даже при слугах, что он виноват перед пленницей, перед артанкой, и что даже готов заглаживать вину.

— Приди и возьми меня, — ответила она. — Но раньше я убью себя.

Она сказала ясно и просто, вожак сделал еще шаг и замер. Она ясно видела его лицо, кудрявую бородку, наконец вспомнила Худыша, одного из смотрителей драконов, честного, но недалекого человека, в первые дни ненавидел ее люто, но потом научился уважать и хотя в доме Иггельда бывал редко, но на нее посматривал уже без злобы.

— У меня приказ, — сказал он несчастным голосом. — Хозяин сам покончит с собой, если ты убьешь себя, артанка. Не смей этого делать.

Она засмеялась, в ее голосе звучало отчаяние и безрассудство.

— А что я теряю? — ответила она. — Живой не вернусь. А мертвой все равно, повезете к своему господину или же бросите здесь.

Худыш сделал к ней шаг, еще один. Остановился, пытли-во посмотрел в глаза. Блестка зло улыбнулась ему и сделала приглашающий жест. Он улыбнулся, развел руками.

— Но ты ведь не откажешь себе в удовольствии... взять с собой хоть одного куява?

Она смерила его взглядом с головы до ног и обратно. Ему за тридцать, в полном расцвете, привык к тяжелой работе, а это значит, что силен и знает о своей силе, уверен в ней, умеет наносить и держать удары. В боях с артанами еще не бывал, но тяжелые камни ворочать умеет, дракона за хвост остановит...

— Не откажусь, — ответила она.

— А если я и погибну, — сказал и мягко улыбнулся, — то мне будут завидовать все в крепости... Погибнуть от руки прекрасной девушки!

Он делал шаг за шагом, пока не оказался перед нею на расстоянии двух шагов. Остальные все еще стояли цепью, где их остановил. Они не сомневались в том, что будет дальше, потому надо двигаться как можно быстрее, пока не бросятся скопом...

Он прыгнул, одна рука согнута, чтобы отразить удар ножа, другая с растопыренными пальцами вытянута, готова схватить ее и подмять. Блестка резко ударила вперед ногой, крутнулась и, пропустив тяжелое тело справа, резко полоснула лезвием.

Худыш упал и тут же вскочил на ноги. Но лицо его быстро бледнело, шея справа вскрыта как будто ударом меча, из разрубленной артерии красная струя бьет ключом, шипит и плавит чистый белый снег. Он непроизвольно вскинул ладонь, все понял и криво улыбнулся: никому еще не удавалось остановить кровь из поврежденной артерии.

— Вот, — прошептал он, — как и... хотел...

Он упал лицом в снег. Руки бессильно разбросал крестом. Блестка отступила, с лезвия срывались в снег и прожигали до самого камня горячие красные капли. Воины, лишившись вожака, смотрели на нее по-куявски тупо, непонимающе. Для их тупых куявских мозгов все случилось чересчур

быстро. По их представлениям, либо Худыш должен обезоружить сразу, либо должны долго кружить один вокруг другого, зачем-то пригнувшись и прожигая один другого лютыми взглядами, сопеть и потеть от напряжения, а потом еще долго драться, как будто можно долго, если в руке острое лезвие.

Она перебросила не глядя нож из руки в руку. Артане все владеют им с детства, все красиво и ловко зарежут барана, никто не морщится при виде крови, всякий знает, что человек — тот же баран, лезвие достает его сердце так же просто, как и сердце барана, а кровь из горла человека хлещет точно так, как из перерезанного бараньего.

На нее смотрели с ужасом, потом кто-то, беря на себя руководство, повелительно прикрикнул, и все начали потихоньку и со страхом придвигаться. Блестка снова перекинула нож из ладони в ладонь. Кровь с лезвия забрызгала пальцы, в этом белоснежном мире она выглядела кричаще ярко.

Мелькнула мысль, что теперь их слишком много, а навалятся все разом. Если вот сейчас ударить себя под левую грудь, лезвие легко и почти без препятствий проникнет между ребрами и пронзит ее сердце. И кончатся муки, потому что даже сейчас видит это хищное лицо и почти готова поверить, что он говорил правду, что он сожалеет, что готов принять ее условия...

Они бросились с дикими воплями в самом деле все разом. Она быстро взмахнула ножом, повернулась и ударила снова. За ее руки хватали, пытались выхватить нож, она успела подумать, что им в самом деле велено брать ее только живой, вывернулась и ударила третий раз... Со всех сторон стоял крик, она чувствовала невыразимое презрение, разве это мужчины, у них совсем нет достоинства, даже она, женщина, дерется молча...

Потом крики стали громче. В них звучал ужас. Она нанесла удар четвертому прямо в глаз. Нож вошел в глазницу по самую рукоять. На руки брызнуло мутной жидкостью. Еще трое бросили ее и кинулись бежать. Камешки разлета-

лись под их подошвами, словно они мчались, как перепутанные олени, по мелководью.

Но знакомо и страшно пропели стрелы, все трое упали лицом на землю. У двоих стрелы торчали из затылков, легко расколовши кости, третьего стрела пронзила в шею, войдя по самое оперение. Блестка еще стояла, тяжело дыша и пошатываясь, сильные руки схватили ее сзади, ликующий голос прокричал с такой радостной мощью, что она едва не оглохла:

— Это Блестка!.. Ребята, это же наша Блестка!

ГЛАВА 19

Ее тискали, обнимали, трясли. Здесь были Ральсвик, Меривой, Рагинец, Хрущ, а с ними еще около десятка воинов. Все прекрасно вооруженные, в легкой, но теплой одежде из кожи, все воины с луками. Блестка присмотрелась — у всех непростые, с необычайно толстыми дугами, а тетива не одинарная, а сплетена из жил.

Ральсвик сказал счастливо:

— Блестка, мы ходили вокруг этой проклятой Долины, упрятанной в каменное кольцо, как коты вокруг кувшина со сметаной! Все искали, откуда можно бы перелезть тайком... Все-таки боги нас любят, верно? Мы шли по этому проклятому ущелью, высматривали стены, проклинали куявов и мечтали, как будем вспарывать им животы, как вдруг ты бежишь навстречу... Боги, как ты дралась!

Меривой захохотал:

— Если бы мы подождали еще, она бы перебила всех! Будь здорова, Блестка. Ребята, давайте обратно, пока не заблудились в этих камнях. Все кончилось счастливо. По дороге расскажешь, в самом ли деле у них там драконы...

Они окружили ее и так двигались тесной группой, ей было жарко в окружении высоких могучих друзей, от их горячих улыбок, блестящих глаз и сверкающих, как снег под солнцем, зубов. Она улыбалась, улыбалась, но из сердца как

будто уходила жизнь, с каждым шагом вниз по заснеженному склону удаляются от дома, где ее сердце.

— Как вы меня нашли?

— С трудом, — ответил Ральсвик. — Признаюсь, с трудом. Когда наши люди нашли разбитую повозку и погибших стражей, Придон пришел в такую ярость, что едва не разорвал нас на куски голыми руками. Впрочем, те, кто был со мной, почти все погибли. Даже доблестный Шелепень, помнишь? Потом мы долго искали среди разбойничающих шаек, пока не поверили, что те следы дракона, что мы обнаружили, в самом деле могли быть следами прирученного дракона. И тебя увезли именно на драконе... Так и было?

— Да.

— Страшно было?

— Да, — призналась она, поспешно добавила: — Но только в первый день. А потом я сама кормила этого дракона. Он умный! Почти как конь, только с крыльями. И он меня уже узнавал, всякий раз хвостом вилял.

Ральсвик передернул плечами.

— Представляю! Ничего не разносил вокруг?

— Вокруг одни скалы, — объяснила она. — Нет, он в самом деле очень... ласковый. Как пес.

Меривой шел впереди, остановился и указывал, в какую сторону нужно поворачивать. Блестка не сразу сообразила из-за слепившего глаза снега, что он беспечно стоит на краю пропасти. Противоположный край на расстоянии броска дротика, стена так загорожена снегом, что Блестка так бы и двигалась к ней, пока не ощутила бы себя летящей в бездну.

Холодный воздух обжигал горло, она закашлялась, Меривой обернулся и подбадривающе усмехнулся.

— Уже близко. Вон за теми камнями наш лагерь.

— Сколько вас?

— Пока два десятка. Остальные будут через два-три дня.

— Не бойтесь, что куявы могут выйти и сбросить вас в пропасть?

Он расхохотался.

— От всей Куявии разве что и осталась та высокогорная

долина, где тебя держали в неволе!.. Все захвачено нашими героями.

— Только мало их осталось, — сказала она невесело.

Он помрачнел.

— Да, наших погибло немало. Но зато вся Куявия повержена, а это — главное. Да и ты нам очень дорога! Крепись, уже немного.

Они двигались легко, быстро, умело. Она чувствовала себя неуклюжей и медлительной, с неловкостью представила, как же трудно было им подниматься наверх. Ей повезло, ее доставили на огромном драконе, что оказался совсем не страшным, а они преодолели весь путь пешком...

Она посмотрела на Меривоя, на Ральсвика, оба не чувствуют ни усталости, ни опасности, еще и живо разговаривают на ходу, смеются, вспомнила, что они из рода горных артан и потому они...

Додумать мысль не успела, по стене напротив быстро скользнула тень, словно с большой скоростью пронеслась туча. Блестка еще не успела вскинуть голову, как сердце похолодело, в голову ударил волной страх, а по отряду прокатился крик:

— Дракон!.. Дракон!.. Луки — к бою!

Она хотела закричать, что не надо стрелять, но язык примерз к гортани. В синем, даже белесом небе Черныш парил, как орел невиданных размеров. Сквозь растопыренные крылья просвечивало солнце, они казались ликующе пурпурными, а сам он выглядел не боевым драконом, а летающим существом из детской сказки.

С загравка свесился человек, он пристально всматривался в бредущих по снегу артан. Те без спешки доставали луки, натягивали тетивы, но наездника это, похоже, не беспокоило. Он сделал знак дракону снизиться еще, тот красиво наклонил крылья и пошел по все снижающейся спирали.

Блестка с беспокойством поглядывала на артан, Иггельд не знает еще, что это за луки и что это за стрелки. Она замахала ему руками, указывая, чтобы он улетал побыстрее. Она видела, как Иггельд опасно свесился с загравка, что-то про-

кричал, но слова уносило ветром. Он велел дракону снизить-ся еще ниже. Артане, посмеиваясь, начали доставать стрелы.

— Улетай, дурак! — закричала Блестка. — Улетай, а то...

Она подпрыгнула, замахала руками, как будто отгоняла кур. Дракон снизился еще, Блестка рассмотрела лицо Иггельда, почему-то в струпях засохшей крови, исхудавшее, с темными кругами под глазами. Скулы заострились, нос острый, как у мертвеца, он весь желтый, словно смертельно болен...

— Улетай! — закричала она изо всех сил. — Улетай!..

Ральсвик вскрикнул с недоумением:

— Ты хочешь спасти ему жизнь?

Блестка поперхнулась, сказала быстро:

— Да, я кормила его с рук. Он очень добрый!

— Прямо с рук? — не поверил Ральсвик. — Такого дракона?

— Он еще и вылизывал мне пальцы, — сказала Блестка гордо и одновременно с печалью. — И все старался лизнуть в лицо.

— Отважная ты, — проговорил Ральсвик с огромным уважением. Он посмотрел на небо. — Ладно. Если улетит, не станем... Меривой! Пока не стреляй, хорошо?

Блестка замахала руками, подпрыгнула, снова махала руками. Дракон вильнул крыльями, Блестка видела его свесившуюся голову и горящие огнем глаза. Он давно заметил ее, вычленил из общего числа людей и теперь нарезал круги, держа ее в центре. Она видела его смеющиеся глаза, распахнутую пасть и высунутый язык — то ли дразнился, то ли старался лизнуть ее прямо оттуда.

Иггельд прокричал громче, слова гасли в морозном воздухе и свисте огромных крыльев. Она услышала только свое имя, также слова, которые можно толковать как угодно: «...вернись, я...», замахала руками, крикнула:

— Улетай!.. Уходи!.. Возвращайся, тебя сейчас собьют...

Дракон сделал вираж и теперь несся уже почти над их головами. Ральсвик прокричал бешено:

— Он нападает!.. Стреляйте!

Блестка не успела вскрикнуть, как раздался страшный

многоголосый свист. Чешуя на груди дракона заблестала, там, ударяясь о панцирь, стрелы разлетались на мельчайшие осколки. Меривой все еще не спустил тетиву: он водил кончиком стрелы, стараясь поймать в прицел наездника. Блестка закричала, толкнула его под локоть, стрела сорвалась с тетивы, в тот же миг Иггельд чуть подпрыгнул на спине дракона, ветер растрепал волосы, а стрела унеслась, вырвав клочок волос.

Меривой повернул к ней гневное лицо:

— Что случилось?

— Не убивай... — выкрикнула Блестка, добавила в тихом отчаянии: — ...дракона...

Ральсвик заорал:

— Меривой, не спи!

Дракон пронесся над их головами, пахло жаром, все услышали запах огромного сильного зверя. Меривой быстро развернулся и выпустил стрелу вдогонку.

— Не надо! — закричала Блестка отчаянно. — Не смей!

Она прыгнула на Меривоя и повалила его на землю. С неба донесся страшный крик смертельно раненного зверя. Эхо ударило в скалы, заметалось между горами. Черныш летел неровно, рывками. Стрела, которую послал Меривой, пробила панцирь и погрузилась почти целиком. Черныш закричал с такой мукой, что дрогнули горы, попытался взмахнуть крыльями, но те не слушались, его занесло в сторону, ударился боком, перевернулся, огромное тело пыталось удержаться, лапы цеплялись за камни, слышался скрежет, затем вся туша рухнула в пропасть.

Блестка, не помня себя, подбежала к краю бездны. Дракон еще раз ударился о стену, его перевернуло кверху брюхом, ударило о другую стену тесного ущелья, снова перевернуло, и Блестка успела увидеть человека с раскинутыми руками. Из-под ее ног сорвался крупный камень, внизу разлетелся в пыль. Она слышала звуки тяжелых ударов огромного грузного тела, треск костей, грохот падающих камней.

Ральсвик взял ее за плечо и развернул. Она уткнулась лицом в меховую одежду, расплакалась. Широкая ладонь гладила ее по волосам, негромкий голос произнес:

— Он был сильным и храбрым воином.
 — Да, — прошептала она сквозь слезы.
 — Он единственный, кто еще борется, — сказал Ральсвик. — Кто еще боролся... За это мы его уважали. Пусть его родные скалы будут ему пухом... а небо примет отважного воина! Пошли, Блестка, пошли! Придон там места себе не находит.

Яська вылетела вслед за Иггельдом, раз он помчался на север, она пошла расширяющимися кругами на восток, обследовала все тропки на расстоянии втрое дальше, чем если бы беглянку несли быстрые кони, потом вернулась, обнаружила, что Иггельд еще не вернулся.

Сперва ее терзала смутная тревога, хотя Черныш уже наверняка устал и запросился бы домой. Но, возможно, Иггельд дал ему перевести дух на удобном уступе, накормил из мешка, снова ищет...

Какой уступ, мелькнуло у нее в голове, какой мешок, Иггельд ринулся в чем есть, даже доспехи не надел. Хорошо, если меч успел нацепить...

Искала долго и на севере, едва не повернула обратно, но взгляд зацепился за обнажившиеся камни, один даже блещет свежим сколом, а пласты снега сброшены, хотя лавины не было. Снизилась, рассмотрела отчетливо следы многих ног, что повергло в недоумение, сделала круг еще, дракон почему-то беспокоился и все пытался снизиться в само ущелье.

Яська опасно измерила взглядом расстояние между скалами, слишком тесно, но внизу в самом деле странная россыпь камней, а дальше... Сердце остановилось, она вскрикнула:

— Скулан!.. Скулан, они там, это же Черныш... Быстрее, быстрее!

Скулан зашел в ущелье, понесся между каменными стенами, почти касаясь крыльями, начал быстро снижаться. Яську затошнило от быстро мелькающих каменных стен. Дракон заскрипел, она чувствовала, как он набрал в грудь воздуха и напряг все мышцы, уперся в незримую преграду, снизу

больно ударило, затрясло, быстро мелькающие стены стали видны, замерли.

Она торопливо слезла с бурно вздымающегося бока. Огромная черная туша лежала, распластавшись, как поняла тотчас же, Черныш перед ударом не сумел сжаться в ком, а Иггельд лежал на россыпи мелких камней, Яська издали увидела лужу крови и массу сырого мяса в месте груди и живота брата. Все это слабо шевелилось, дергалось, она остановилась, ухватилась за рот, почудилось, что кишки вывалились наружу. Ноги ослабели, но заставила себя двигаться, идти. Прямо перед Иггельдом застыла массивная, залитая кровью голова Черныша, глаза дракона закрыты.

— Иггельд... — простонала Яська.

Слезы брызнули из глаз. Красное мясо на груди Иггельда дернулось, она сделала еще пару шагов и поняла, что это огромный язык Черныша, он зализывал раны любимому родителю, а потом вообще накрыл его грудь языком, спасая от лютого холода.

Она подбежала, колени подломились, упала перед братом. Лицо Иггельда бледное, свежая кровь на губах, страшно рассечена скула, волосы в слипшейся и уже замерзшей крови. Он застонал под ее пальцами, веки медленно приподнялись. В глазах было безумие, Яська заплакала:

— Живой!.. Все равно живой!..

С посиневших от холода губ сорвалось:

— Где... она...

— Живой, — повторила Яська. — Брат мой, единственный... только ты у меня остался!.. Не умирай!..

Иггельд попробовал приподнять голову, лицо дико исказилось, смертельная бледность залила лоб и щеки.

— Что... с Чернышом?

— Умирает, — ответила она, плача. — Его уже не спасти. Но он спас тебя.

— Черныш, — прошептал он. — Что у меня за жизнь... одни потери. Сперва Ратша, потом Артанка, теперь — Черныш... Три беды в один день...

Она помогла приподняться, сесть. Черныш приподнял тя-

желые веки, там боль, нашел силы слабо лизнуть руку хозяина. В любящих глазах Иггельд увидел просьбу о прощении, что растается, что не сможет больше летать, носить его, любимого родителя, над облаками, над горами и всем миром. Даже Яська, знающая драконов меньше, поняла, что Черныш мог бы перед ударом скрутиться в ком, его ударило бы плечом, где самые могучие пласты мышц, к тому же покрытые костяными плитами доспехов, перевернуло бы через голову и покатило, ударяя о камни и расщепляя их на щебенку своей тяжестью, он остался бы не только жив, но и почти цел, у драконов это в крови, еще их предки научились, иначе бы вывелись начисто, слишком часто приходилось вот так срываться в пропасти, но Черныш нарочито падал плашмя, из последних сил цепляясь за стены растопыренными крыльями, лапами, возможно, даже пастью, вот какая изуродованная, с выбитыми зубами, так как все время помнил о любимом родителе на загривке, старался смягчить — чтобы спасти, уберечь, даже ценой жизни...

Слезы жгли глаза, Яська всхлипывала, лицо Иггельда мучительно кривилось. Запруды в глазах прорвались, слезы хлынули двумя ручьями. Он заплакал мучительно и неумело, упал на голову Черныша и обхватил руками.

— Черныш, не умирай!.. Не умирай, прошу тебя!.. Не умирай...

Все тело содрогалось, он чувствовал такую горечь, что страстно, до крика, захотелось умереть. Это же растается с жизнью Черныш, которого принес за пазухой, который доверчиво бегал за ним по пещере, а спать забирался ему на грудь, грея замерзшие лапки. Это же его Черныш, которому чистил уши, а он сам научился ловить рыбу и с торжеством приволакивал ему крупную форель, гордый, что и он приносит пользу...

Легкая ладонь опустилась на плечо. Яська, сама бледная и зареванная, смотрела с глубоким сочувствием. Нос покраснел и распух, вспухли и покраснели веки, на щеках блестели мокрые дорожки.

— Пойдем, — сказала она умоляюще. — Пойдем, не терзай себя.

Иггельд дал себя оторвать от неподвижного тела, сделал два шага прочь, оглянувшись и с громким плачем ринулся обратно, обхватил обеими руками массивную разбитую голову:

— Он... он не дышит!!!

Яська заревела громче, упала рядом, обняв одной рукой брата, другой — голову дракона. Плакали долго, истощились, застыли надолго, потом за спиной раздался тоскливый рев. Камешки затрещали под толстыми тяжелыми лапами, в затылки пахнуло горячее дыхание. Слышно было, как Скулан сопит, обнюхивая погибшего.

— Пойдем, — сказала Яська наконец. Она с силой отодрала Иггельда от головы дракона. — Надо возвращаться...

Скулан облизывал Черныша, искра жизни в том еще тле-ла, драконы умирают трудно, Скулан еще не понимал, что друга уже не спасти, облизывал, тормошил, ласково и требовательно поддевал носом. Иггельд снова остановился.

— Я не могу, — прошептал он. — Его... его надо... Соберутся звери, начнут... еще живого... есть. Я не могу...

Плечи затряслись, он согнулся, жалкий, раздавленный, уничтоженный, рыдания вырывались со стонами, вздохами, жалобным разрывающим душу криком.

— Я... я... могу... — прошептала бледная Яська, ее трясло. — Но, брат, ты возненавидишь меня! А вот от тебя он примет... ведь вы братья. Ну, прошу тебя!

Она сняла с пояса и подала ему длинный узкий кинжал. Иггельд ничего не видел из-за слез, почти на ощупь вернулся к Чернышу. Рукоять выскользнула из пальцев, дважды нагибался и подбирал по дороге. Черныш в последнем усилии приподнял веко. Зрачок медленно заволакивало, Иггельд увидел и почти ощутил жуткую боль, что терзает искалеченное тело, всхлипнул, вытащил клинок. Ему почудилось, что во взгляде Черныша мелькнула благодарность. В последнем усилии огромный язык чуть шелохнулся, сумел коснуться его пальцев.

— Иггельд, — услышал он за спиной жалобный вскрик. — Ты дал ему жизнь... он просит ее принять в те же руки!..

— Я не бог... — прошептал он.

— Для него ты больше!

Он приставил острие чуть ниже ушной раковины, среди плотных пластин крохотная щелочка, как раз для такого лезвия, рукоятью упер себе в грудь, заплакал и, обхватив голову дракона обеими руками, с силой потянул на себя. Сквозь свои рыдания услышал слабый треск тонких костей. Он коснулся головы дракона грудью, упал всем телом, его затрясло в рыданиях.

Он все время слышал этот едва слышный, но жуткий треск, хотя Черныш не двигался, чистая и верная до последнего вздоха душа улетела на крылышках в драконий рай, и, может быть, когда-то встретятся, для хороших людей и для хороших драконов должен быть общий рай.

Этот жуткий треск не могли заглушить ни рев встречного ветра, когда возвращались на погрузневшем Скулане, ни радостные крики встречающего народа, ни грохот крови в черепе.

И он страшился, что будет слышать его всегда.

ГЛАВА 20

В огромном доме было тихо, как в могиле. Апоница узнал у слуг, что хозяин наверху, поднялся по лестнице на третий этаж, так никого и не встретив, толкнул дверь. За столом, заставленным кувшинами, сидел мрачный как ночь человек, в котором Апоница не сразу узнал Иггельда.

Тот даже не повел в его сторону глазом, с опухшим багровым лицом, налитыми кровью глазами, осунувшийся, беспрерывно пил, уже расплескивая по белой скатерти красное вино.

Апоница опустил руку на плечо, сжал. Иггельд даже не заметил, его ладони снова обхватили чашу с вином. Апоница опустился рядом, придвинулся, касаясь плечом.

— Я знаю, — произнес он тихо. — Яська рассказала... Вся Долина скорбит. Черныша любили все. И никто его не боялся. Даже переселенцы не боялись, что удивительно.

Иггельд усталился в одну точку. Плечи вздрогнули, задрожали. Лицо искривилось, в глазах влажно заблестело.

— Он... — вырвалось горькое из перехваченного горла, — он лизнул меня... умирал уже... Он все понимал!

Апоница ощутил, что у самого подступают слезы, голос дрогнул:

— Мне знакомо, Иггельд. Помнишь, как умирал мой Обгоняющий Ветер?

— Твой... от старости!

— Все равно, у меня сердце едва не остановилось.

— А мой... мой погиб...

— Но мой умер, умер... А я с ним вместе сорок лет!

Голос прервался, подбородок мелко-мелко задрожал. Иггельд придвинулся ближе, касаясь плечами и стараясь поддержать старого друга, изо всех сил сдерживая и не в силах удержать слезы. Каждый сейчас видел своего умирающего друга, в комнате слышались только тяжелое сдавленное дыхание, тягостные вздохи.

Наконец Апоница вытер слезы, вздохнул, голос прерывался и вибрировал, но заговорил как можно тверже, по-деловому, жизнь продолжается, а любое горе надо вытеснить неотложными заботами:

— Иггельд, ты мягкий и добрый... но сейчас, извини, случилось так, что на тебе — вся Долина. И все мы. Так уж получилось, решать тебе...

Он умолк, смешавшись, бесцельно перебирал пустые кувшины, трогал чаши. Иггельд проговорил с болью:

— Черныш погиб по моей вине...

— Не по вине, — возразил Апоница.

— А что же?..

— Я же говорю: так получилось. Я бы даже сказал, по доброте. Иггельд, Долину наводнили беглецы. И уже распрягаются, как в своих землях. Наш народ ропщет!.. У нас все-таки все свободные...

Иггельд долго молчал, а когда поднял голову, Апоница отшатнулся. Глаза Иггельда горели мрачным огнем, лицо окаменело, только на висках вздулись толстые синие жилы, пульсировали, кое-где остались темные сгустки засохшей

крови. Он медленно наливался недоброй силой, согнутые плечи раздались, развернулись, а когда выпрямился, все еще не поднимаясь из-за стола, Апоница ощутил в нем другого человека.

— По моей доброте? — повторил он глухо. — Скажи прямо: по моей слабости, моей трусости. По моему трусливенькому желанию заниматься только любимым делом... а все неприятное пусть решается само... или пусть кто-то решает другой. Вот и... решили. Я потерял любимую женщину и любимого верного друга! Даже двух друзей, Ратша ушел из-за моего, скажем правду, предательства... Я потерял все, из-за чего стоило жить.

Он поднялся, Апоница молча смотрел, не зная, что сказать, как он подошел к окну, выглянул, движения стали резкие, отрывистые, словно в одной руке меч, в другой щит. Повернулся, бросил резко:

— Сколько у нас верных людей?

— Да все, — ответил Апоница сразу же. — Все мужчины, это триста человек, сразу же возьмутся за оружие!

— А сколько... гостей?

— Этих около двух тысяч, — ответил Апоница нехотя, тут же добавил торопливо: — Но меньше половины способны взяться за меч. Да и те, сам знаешь, раз уж бежали, спасая шкуры, то не очень-то восхотят их терять здесь. Или даже попортить.

Иггельд подумал, кивнул.

— Хорошо. Призови их, Расскажи зачем. Думаю, ты уже понял.

— Я понял, — ответил Апоница торопливо. Добавил с надеждой: — Надеюсь, понял правильно.

— Еще как правильно, — ответил Иггельд с мрачной угрозой. — Еще как.

Солнце медленно поднялось из-за гор, яркие лучи пронзили невесомый воздух и залили жидким золотом Долину. Тени стали резче, глубже, темнее, зато на свету все заблестало, задвигалось быстрее.

Звонко и пронзительно зазвенели трубы, все останавливались, поворачивали головы. Трубы настойчиво призывали всех-всех на городскую площадь. Там убрали телеги и загасили костры, чтобы поместить как можно больше народу. Иггельд не показывался долго, а когда наконец вышел, многие удивились перемене: впервые он появился в доспехах, рукоять меча из-за спины, на сгибе левой руки блестящий шлем. Ропот в толпе начал умолкать, все смотрели, как он остановился на краю верхней ступеньки, высокий и мужественный в полном боевом доспехе воина.

Иггельд оглядел огромную площадь, заполненную народом, сердце стучало так, что раскачивало его вместе с этими тяжелыми доспехами. Беры держатся в окружении знатных беричей и песиглавцев, с которыми добрались в эти ужасные горы, их непристойно пышные и яркие одежды выглядят ругательством среди чистых и скромных одеяний долинчан. На крышах начали появляться лучники, но их видит только он, потому что знает, куда смотреть, в сторонке пролетел дракон — это Яська ждет условного знака.

Он вскинул руку, сказал громко:

— Только что получена весть из Куябы!.. Наш благородный тцар Тулей, что правил страной столько лет, вчера убит. Голову его принесли Придону...

Толпа ахнула как один человек. Мгновение он видел только распахнутые рты, потом все заговорили, он слышал слитный шум, подобный реву близкого морского прибоя, выждал немного, сделал знак Червеню. Тот выступил вперед и звонко протрубил в огромный серебряный рог.

Сильный чистый звук заставил всех умолкнуть и повернуть головы. Иггельд вскинул руку снова.

— Слушайте все!.. — прокричал он сильным голосом. — Хочу, чтобы всем все стало ясно. Здесь, в этой Долине, хозяин — я. Все мои приказы — закон. Так было все это время... и так будет, пока война не закончится. Потом здесь изберут того... кого изберут. А сейчас, когда враг уже у ворот нашей Долины, когда вот-вот начнется штурм, здесь не позволено считаться родами, званиями, землями и мешками с золотом!

Среди беров сразу же началось сердитое жужжание. Целые группки сразу начали протискиваться ближе к ступеням, он видел рассерженные и все еще не верящие лица.

Белг выкрикнул надменно:

— Ты кто?.. Знай свое место, дурак!.. Иди крутить хвосты драконам!.. Здесь пятеро князей и сотня беров, и всем ты... даже не им, а их слугам в подметки не годишься ни по роду, ни по знатности! Эй, слуги!.. Взять этого дурака и высечь!

Несколько человек бросились по ступеням вверх. Иггельд хищно оскалил зубы. Дрожащие пальцы метнулись к рукояти меча. Едва слышно свистнуло, беры резко остановились, кто-то упал ничком, кто-то покотился обратно, лишь один сделал еще три шага и рухнул к ногам Иггельда. Он брезгливым пинком швырнул вниз.

Белг смотрел вытаращенными глазами на побитых стрелами слуг, а другие уже вскинули глаза. На широком навесе встали во весь рост в два ряда лучники. На соседних домах, а также на всех, окружающих площадь, поднялись люди с такими же длинными луками в руках и выкрикнули так страшно, что задрожал воздух: «Иггельд!.. Иггельд!.. Иггельд!..»

Иггельд властно указал на застывшего Белга.

— Эту жалкую тварь... взять! И... сегодня же... немедленно на кол!.. Здесь же, на площади!

Несколько человек в полных железных доспехах пробежали мимо Иггельда и врезались в толпу. Перед ними расступались с такой поспешностью, что никого не пришлось отталкивать или сбивать с ног, только группа беров и берищей, что держалась вокруг Дрозденя, схватилась за мечи и начала протискиваться к ступенькам.

Над толпой промелькнула широкая тень. Дракон, широко распахнув крылья, пролетел так низко, что жар от его дыхания достиг людей. Все в ужасе приседали, закрывали руками головы, а вельможи заколебались, замедлили шаги. Яська, рискованно свесившись с заливка, указывала Скулану именно на них. Указывала так, чтобы видели, и те устрашенно остановились, попятиться.

Снова свистнули стрелы. Дроздень вздрогнул, мгновенно

стал похож на рассерженного ежа. В него погрузилось не меньше трех десятков стрел, умер раньше, чем рухнул. Народ в страхе смотрел на крыши, но на всех домах, окружавших площадь, лучники внимательно следили за площадью.

Со стороны пещер загремела земля. Раздались крики, оттуда галопом неслись огромные страшные драконы. Толпа в ужасе шарахнулась, раздались истошные крики, но драконы остановились на краю площади широкой цепью. На загривках Иггельд видел Беловолоса, Чудина, Шварна и еще с десяток молодых зрителей драконов, преданных ему беззаветно, готовых идти за ним в огонь и воду только за то, что он придумал и показал на примере, как драконов можно делать не слугами, а верными друзьями.

Драконы с интересом рассматривали толпу, готовые по слову своих друзей на загривках ворваться в эту мелкую кашу из существ, смять, растоптать, передавить, а то и сжечь огнем, кто уже умеет его выдыхать. В толпе закричали еще отчаяннее, Иггельд вскинул руку, тут же звонко и страшно протрубил Червень. Драконы с места не двигались, стрелы больше не свистели, народ остановился, все взгляды на блестящей фигуре в стальных доспехах.

Иггельд крикнул сильным, все еще злым до бешенства голосом:

— У нас нет здесь судей. Всякий, кто откажется подчиниться, да будет казнен немедленно! Сейчас враг у ворот, любые споры запрещены до полной победы над артанами!.. Кто отказывается признать мою власть и все еще хочет заявить, что его власть выше, — пусть скажет это сейчас! Потом его смерть будет страшнее.

Он свирепо оскалил зубы, оглядел собравшихся горящими, как у дракона, глазами. Наконец чей-то голос воскликнул:

— Ваша милость!.. Вы — единственный защитник, единственная наша надежда!.. А что говорят наши хозяева... бывшие, это от их дури и чванства. Мы все приносим вам присягу на верность, уж я-то своих знаю!.. А мои все, которые простые. И ежели который начнет бузить, смущать и подбивать

к неповиновению, мы сами такого втихую удавим, чтобы вам даже не отвлекаться от великих дел!

В толпе зашумели, закричали. В воздух полетели шапки. Иггельд видел, как расцвели улыбками лица, люди расправили плечи, переглядывались, разом освобождаясь от страха перед своими хозяевами. Подошел Апоница, сказал негромко:

— А теперь посмотри, много ли противников?

Среди огромной трехтысячной толпы таких набиралось не больше сотни, они отличались не только пышными одеждами, но и угрюмыми лицами. Никто не проронил ни слова, смотрят исподлобья, на лицах злоба и ненависть, но страх сковывает языки. Остальные же переселенцы ликовали, обнимались, бросались друг другу на шею, швыряли в воздух шапки, визжали от восторга.

— Люди ощутили защиту, — сказал Апоница, — наконец-то ощутили защиту...

Иггельд ощутил, что безумная ярость, заполняющая от кончиков ушей до пят, начала испаряться. Тело отяжелело, доспехи давят на плечи неприятной мертвой тяжестью. Все, что происходило на площади, показалось странным и неприятным. Кольнуло неясное чувство вины, начало разрастаться. Он поклонился, развел руками и, поспешно развернувшись, ушел в дом.

Ярость ушла, исчез гнев, даже злость, что хватала за горло и не давала дышать, отступила, взамен пришла дрожь, по всему телу прокатились холодные волны. Сквозь стиснутые зубы вырвался стон, он почти вбежал в нижний зал, привычно бросил взгляд в угол, где обычно сидели женщины, сейчас там пусто, словно без Артанки и собираться неинтересно, застонал громче и, шатаясь, пошел к столу.

Апоница вошел следом, Иггельд повалился за стол, его трясло, зубы лязгали. Апоница поспешно зачерпнул из кадки ковшик воды. Иггельд ухватил жадно, половину пролил на грудь, глаза стали испуганными, как у ребенка.

— Что я наделал? Что я наделал? Что я наговорил?

— Все правильно, — сказал Апоница торопливо. — Все правильно!

Иггельд прохрипел, словно ему слово перехватило горло:

— Что... как я мог...

— Ты смог, — сказал Апоница настойчиво. — Ты все сделал правильно.

— Я?.. Скорее отмени этот жуткий приказ, а то...

Он сам хотел метнуться к выходу, но Апоница ухватился за кольчугу и повис, как пес. На пороге возникли Якун, Шварн и Добронег, загородили выход. Лица суровые, смотрели исподлобья.

— Да послушай же! — заорал Апоница. — Ты же сказал все правильно!.. Так и надо!.. Ну, может быть, с колом чуть, но только самую чуть... можно бы и просто повесить, но зато сразу вся эта трусливая шелупонь ощутила железную руку! И сразу все прекратится. А если сейчас выкажешь мягкость, крови прольется больше!..

От двери Якун сказал мрачно:

— Намного больше. Я уже пожил, повидал жизнь. Иггельд, ты же не дурак, хоть и молодой, уже понимаешь.

— Не понимаю, — вскрикнул Иггельд. — Пусть кто-то другой...

— Другого нет, — возразил Апоница. — А появится, это ж междоусобная резня, этих других много. И все начнут доказывать свои права. А ты — один! И твои права никто не оспаривает. Давай, Иггельд!.. Ты начал хорошо. Давай! За Черныша!

Иггельд вздрогнул, судорога прошла по его измученному лицу. Все затихли, Апоница выпустил край кольчуги. Иггельд, шатаясь, вернулся к столу, ноги подломились, он рухнул на широкую дубовую лавку, та прогнулась и жалобно скрипнула.

Апоница поспешно поставил перед ним кувшин, кто-то сунул чашу. Иггельд жадно налил, отхлебнул, поморщился.

— Что это?

— Плакун-трава, — пояснил Апоница. — У врагов надо учиться всему, чему стоит учиться. Нет, сейчас не до вина. Голова должна быть ясной. Теперь — ясной! Ты сказал все правильно. Ты решил все верно!.. Жаль только, что ты просыпаешься, когда становится неважно, а все остальное вре-

мя ты ни рыба ни мясо. На тебе хоть воду вози. Ты слишком добр и уступчив, Иггельд!.. Но когда тебя разозлить, решаешь быстро и правильно. Сейчас решил быстро и правильно! Видел, как ликовал народ?

Он с огромным трудом заставил себя пройти мимо комнаты, в которой держал пленницу. Лицо ошпарило, словно кипятком, кожа горела огнем, щипало, чувствовал, что останутся ожоги, и пусть останутся, пусть испятнают лицо, как испятнал свою совесть, свою душу, свое сердце.

На третьем этаже, в своей комнате со злостью сорвал перевязь с мечом и отшвырнул в угол, с отвращением содрал картинно блестящий панцирь, чересчур напоказный, наглый, малоудобный в бою, но идеальный для пускания пыли в глаза, для красования на белом коне перед народом.

Содрал даже сапоги с дурацкими позолоченными шпорами, зачем они человеку драконов, рухнул на стол и почти вслепую пошарил по столешнице в поисках кувшина с вином. На столе пусто, за спиной раздалась нарочито шаркающие шаги.

Он выждал, но никто не появился, в раздражении обернулся. Посреди комнаты смиренно стояла Пребрана. Руки сложила на животе, в глазах жалость и скорбь, но Иггельд поморщился, сразу же с ревностью вспомнил, как Пребрана и Артанка беседуют мирно и без крика, как Ефросинья и Артанка сидят голова к голове и шепчутся, показывая друг другу рукоделье, как Артанка что-то объясняет этой Пребране, а та лишь морщит лоб, стараясь понять...

— Прости, ваша милость, — сказала Пребрана, — но лишь простой люд может отдыхать, а те, на чьих плечах наши заботы, не знают отдыха...

— Что тебе? — спросил он почти враждебно.

Пребрана сказала участливо:

— Ты страдаешь, ваша милость. Но ты по-хорошему страдаешь.

— Что хорошего в страдании? — ответил он с тоскливой злостью.

— Много.

— Перестань...

— Не других винишь, — сказала она, — а себя. Это очищает душу. Скажу тебе, в чем призналась Блестка в последний день...

Он спросил вяло:

— Какая Блестка?

— Сестра Придона, — пояснила она. — Которую ты захватил и держал... в доме.

— В цепях, — добавил он горько, правильно оценив ее заминку. Тут только понял, что именно она сказала, вздрогнул, посмотрел расширившимися глазами. — Сестра Придона?... Ее настоящее имя Блестка?

Она кивнула, продолжила так же монотонно:

— Да, ты держал в плену сестру самого Придона. Но сейчас, может быть, артане уйдут. Блестка уже у них. Не страдай так... может быть, все к лучшему.

В комнату вошел Апоница, быстро взглянул на Пребрану, она отошла. Возможно, хотела что-то добавить, но не стала при Апонице, тот сказал Иггельду негромко:

— К тебе князь Кадом.

Иггельд насторожился.

— Чего он хочет?

— Не сказал, — ответил Апоница. Глаза непроницаемы, но губы расплывались в усмешке. — Но просил принять, причем говорил очень даже вежливо.

— Просил? Не требовал?

— Просил, — подтвердил Апоница. Добавил с усмешкой: — И даже меня не грозил повесить.

— А тебя за что?

— Ну, князь всегда найдет, за что.

Иггельд сказал мрачно:

— Зови. Нехорошо князя заставлять ждать.

Апоница поклонился, сказал хитренько елейным голоском:

— Еще бы! То князь, а то мы...

Он взглянул на Пребрану, та поклонилась, быстро вышла, Апоница исчез за нею следом. Внизу хлопнули двери, простучали тяжелые подошвы по ступенькам. Добронег зашел первым, поклонился как никогда низко, сказал с предельной почтительностью, только что на колени не встал:

— Благородный Иггельд, князь Кадом...

Он отступил, но не ушел, а встал у двери, опустив руку на рукоять меча. Князь, тучный осанистый мужчина уже преклонных лет, с лицом надменным и заносчивым, что появляется у каждого властелина на удаленных землях, где сам закон, судья и палач, подошел на диво тихо, с некоторой робостью.

Иггельд хотел вскочить, но вспомнил Апоницу, его наставления, стиснул челюсти и заставил себя сидеть, так как эта жирная сволочь не поймет, что есть простая вежливость и почтение к старшим, обязательно усмотрит трусливую услужливость слуги, сразу же начнет вести себя по-барски, а тогда, скорее всего, прольется кровь, что-то слишком быстро он приходит в бешенство... Блестка, что ты со мной делаешь... либо придется обламывать этого князя долго и с ненужной жестокостью.

Князь остановился, маленькие заплывшие глазки осторожно прошупывали его взглядом. Иггельд, чтобы не оробеть, заставил себя отчетливо вспомнить всех вооруженных долинчан, что по одному его слову ворвутся хоть сюда, хоть в любой дом, вспомнил несокрушимых драконов в его власти, это как-то отразилось на его лице, князь вздрогнул, поклонился снова.

— Благородный Иггельд... Я знаю, что вы заняты большими делами, и не задержу вас...

— Ну, — сказал Иггельд нетерпеливо, — короче.

— Я князь Кадом, — сказал князь торопливо, — властелин земель Междугорья... А это значит, что в мои владения входят и... гм... эти горы...

Иггельд насторожился, подобрался и посмотрел на князя, как коршун на цыпленка. Князь побледнел под его взглядом, заговорил еще торопливее, сбиваясь и проглатывая слова:

— Я хочу сказать, что... что в моей власти и эта Долина... а это значит, я вправе жаловать своих людей... да, жаловать как землями, домами, так и вотчинами... С этого дня моим повелением благородный Иггельд становится благородным беричем Иггельдом... с правом володения этой Долиной!

Он договорил, бледность начала медленно уступать привычной багровости. Он даже перевел дух, понимает, сволочь, подумал Иггельд мрачно, что я его мог, не дослушав, как еще одного претендента на власть, на эту Долину, тоже на кол...

С изумлением ощутил, что все как-то смирились с жуткой казнью Белга, знатного бера, на колу. И хотя долинные сделали так, чтобы тот не мучился долго, а помер почти сразу, но все-таки казнь, все-таки жуткая смерть...

Он наклонил голову и прорычал нарочито мрачно и злобно:

— Я не принимаю подачек! Я прихожу и беру... по праву силы. Это Долина моя потому, что ее взял я, а не потому, что мне кто-то подарил. Добронег, выведи князя!

Добронег с готовностью сдвинулся, князь торопливо поклонился и почти бегом бросился к выходу. Добронег шел следом, явно едва удерживаясь от желания проводить пинками.

А ведь он получил то, за чем приходил, мелькнула мысль. Князь, битый и перебитый в этих хитрых играх, и не надеялся, что паду на колени и с благодарностью поцелую руку, просто довел до моего сведения, что сам на власть не замахивается, будет сидеть тихо и сопеть в две дырочки, дожидаясь ухода страшных артан. И даже дал мне показать свою власть, к двери побежал нарочито трусливо, чтобы мне, властелину Долины, было приятнее...

Стыд ожег лицо с такой силой, что кожу зашипало, будто окунулся в кипяток. Как быстро, ощутив власть, становимся подленькими, как быстро стремимся выместить свои обиды на всех, кто подворачивается под руку!

— Блестка, — сказал он вслух. — Блестка... Что ты со мной сделала?..

ГЛАВА 21

Ночь наступила на диво тихая, даже звезды, казалось, по-крупнели, стали почти такими же крупными и цветными, как на равнине, где звезды и синие, и зеленые, и красные, даже лиловые, как ее глаза, а здесь, высоко в горах, они все одинаково мелкие, бесцветные, похожие на крохотные кристаллики льда, светят холодно и равнодушно, не подмигивают, как там, в степи, где она живет, где она смотрит в небо... не потому ли звезды там такие яркие, что она смотрит на них?

На столе открытый кувшин вина, две чаши с темным красным вином, по комнате струится пьянящий аромат, Иггельд вперил взор в почти багровую поверхность, язык облизнул пересохшие губы. Пальцы дрогнули, потянулись к чаше, отдернулись, едва кончики пальцев коснулись холодного металла.

Апоница наблюдал с другого конца комнаты. Иггельд даже не услышал его шагов, Апоница сел напротив, отодвинул обе чаши на дальний край длинного стола.

— Тебе топить горе в вине негоже, — сказал он. — Да и опасно.

— Почему? — спросил Иггельд тупо.

— Шкура тонкая, — объяснил Апоница непонятно. — Остановиться не сможешь... Эх, Иггельд, надо себя перебороть. У меня Обгоняющий Ветер умирал от старости, я ничего не мог, только плакал от бессилия... А ты бы удержал и пленницу, и Черныша. Да и верный Ратша сейчас бы не ушел!

— Сейчас бы я и Блестку не выпустил, — вырвалось у него горькое. — Я бы ей все сказал... сказал бы правду! Стыдно мне, Апоница. Не могу... Она мне всю правду, а я лгал, изворачивался, хитрил, трус проклятый... Почему она могла быть честной, а я нет?

Апоница сказал невесело:

— Она проще. Ты запутался из-за своей тонкошкурости. Но теперь она у тебя, увы, толстеет. Ты перестанешь ощущать какие-то особо тонкие запахи цветов, зато перестанешь чувствовать и вонь, через которую иной раз... Такова жизнь, Иггельд!

Но в тебе звериности на сто человек. Я имею в виду — живучести. Ты все пройдешь. И все равно останешься чище и благороднее всех нас. Потому мы все приносим тебе клятву верности.

Иггельд отмахнулся.

— Лучше не мне.

— Другого нет, — сказал Апоница с нажимом. — Оскудела наша Куявия... Хотя почему оскудела? А ты?..

— Я не гожусь...

— Ты лучше других, — сказал Апоница настойчиво. — Хоть ты и страхополох, что удивительно для такого молодого... Зря, конечно, все эти предосторожности, артане сюда никогда не придут, а ты даже ночами держишь на стене сотню мужчин...

— Я же сказал, — буркнул Иггельд, — что не гожусь...

— Да, — согласился Апоница, — ты перестарался, но..

Он вздрогнул, умолк на полуслове, потому что Иггельд изменился в лице, вскочил и замер, вслушиваясь в далекий гул. Слуха еще ничто не коснулось тревожное, Апоница смотрел то на Иггельда, то на окно, а Иггельд закричал хрипло и страшно:

— Тревога!.. Трубить в трубы!

За дверью затопали ноги, кто-то стремглав понесся по лестнице. Спустя несколько мгновений Червень, выскочив из дома, громко и тревожно затрубил в рог. В ночи начали вспыхивать факелы. Вдали со стороны ворот вспыхнули заготовленные костры, там же, похоже, загорелась смола в бочках. Под окном послышался топот ног, замелькали фигуры бегущих.

Апоница наконец вскочил, бросился к окну.

— Как же так? — вскрикнул он растерянно. — Они должны еще быть далеко внизу!.. Не пошли же на штурм те разведчики!

Иггельд уже в том углу, где свалил оружие и доспехи, торопливо облачался в железо. Гремело, шелкало, металлические пластины сходились и соединялись с коротким стуком. Через минуту он уже весь в железе, схватил широкий ремень перевязи с длинным мечом и торопливо надел через голову.

— Артане умеют воевать, — ответил он со злостью. — Вместо того чтобы отдыхать ночь, почти на ощупь пробирались по краю бездны!.. Сколько сорвалось в пропасть!

Апоница, не поворачиваясь от окна, передернул плечами.

— И каждый падал молча, — произнес он с уважением, — чтобы не поднять тревогу! Да, в мужестве не откажешь... Ладно, я на стены.

— Поторопись, — согласился Иггельд. — Хотя вряд ли они пойдут на приступ сразу, их люди еще не подтянулись, но, как видишь, у них в запасе немало военных хитростей.

Апоница повернулся и поразился: Иггельд трезв, суров и собран, в глазах ярость, челюсти сжаты, под кожей рифленные желваки. Уже весь в металле, только шлем в руке, он сам казался сказочным драконом.

— И ты еще спрашиваешь, — крикнул Апоница, выбегая из комнаты, — почему принесли присягу именно тебе?

Люди с оружием в руках выскакивали из домов, а когда Иггельд добежал до стены, пришлось проталкиваться через толпу вооруженного люда. Многие запасливо захватили факелы, под стеной пылала смола в бочках. Пространство перед стеной освещено страшным трепещущим пламенем, сердца сжимались в страхе, кровь то струилась быстрее, то замерзала, превращалась в льдинки. Стоял галдеж, в небе пронесся дракон. Освещенный снизу красным огнем, он казался раскаленным куском железа, тут же исчез, попав в полосу тени.

Иггельд быстро взбежал по лесенке на самый верх, вздохнул с облегчением. Та сотня, что несла, сменяясь, стражу на гребне стены, вовремя обнаружила приближающихся артан, побросали горящие факелы в загодя приготовленную смолу в бочках, тем самым подав знак всей Долине, а сами принялись осыпать подступивших слишком близко стрелами.

Сейчас на пространстве, что по другую сторону стены, лишь несколько шитов с торчащими стрелами, бегают одна лошадь с опустевшим седлом, но артан не видно, только на расстоянии чуть дальше полета стрелы разжигают костры, ставят шатры, видны человеческие фигурки. Там что-то стро-

гают, забивают, мелькают топоры, доносятся глухие бухающие удары.

Апоница вскоре тоже поднялся, взмокший, запыхавшийся, он долго жадно ловил ртом воздух, похожий на худую костлявую рыбу на берегу, наконец прокричал в недоумении:

— Но колдуны?.. Почему не остановили вторжение? Ведь единственная дорога в Долину Драконов шла прямо под башней!

Подлубец, начальник стражи ворот, развел руками.

— Колдуны уже не ответят. Ненависть артан к ним столь велика, что растерзали голыми руками. Даже башни начали рушиться, хотя это непросто. Да и глупо, но это ж артане!

Чудин подбежал, крикнул с разбега:

— Иггельд, как думаешь, артане на этом остановятся?

— Наверное, — сказал Апоница с надеждой.

— Хотя бы, — проронил Беловолос.

— Скорее всего, — ответил Шварн. — Ведь они взяли и сожгли единственный город, в котором выращивали драконов! И оставили там только пепел, горячие угли и оплавленные камни. Они рассчитывали, что захватят нас врасплох. Теперь увидят, что мы начеку, и... уйдут.

Иггельд покачал головой. На него смотрели с тревогой, как на человека, который может сказать неприятные вещи, и уже заранее морщились, загодя готовились не принять того, что скажет.

— Думаете, — сказал он невесело, — артане не знают разве, что в нашей Долине драконы... всем драконам драконы? Достаточно расспросить уцелевших при резне в Городе Драконов... а спрашивать артане умеют, им выложили всю правду. А правда, давайте признаемся в том, что самые сильные драконы, самые быстрые, самые умные, самые выносливые... самые-самые — именно у нас. Артане же, как вы знаете, поклялись уничтожить всех драконов на свете! Вот и думайте.

В артанском стане вспыхнули костры, оранжево высветились два шатра, десятка два всадников, еще человек тридцать спешно разбивали воинский лагерь. Иггельд стиснул зубы, стыдясь своей трусости и явной слабости, если артане

с полусотней человек рискнули пойти на штурм, настолько презирая куявов, спрятавшихся за стеной. А если презирают, то на чем-то презрение основано, дыма без огня...

От артанского лагеря вперед двинулись трое конных, один поднес к губам блеснувшую медью трубу. Резкий сильный звук прорезал ночной воздух, заставил дрогнуть в груди. Иггельд ждал, рядом с ним люди перестали дышать, застыли в тревожном ожидании. По всей стене уже полыхали факелы, страшно горела смола в бочках и даже в огромных каменных чашах. Этот недобрый багровый свет падал на троих обнаженных до пояса всадников, они красиво и гордо сидели на тонконогих резвых конях, трубач все еще выводил суровую мелодию, от которой сжималось сердце.

Они подъезжали все ближе, рядом с Иггельдом кто-то засопел, начал натягивать лук, Апоница стукнул его по рукам. Трубач наконец умолк, опустил трубу. Иггельд прокричал холодным, как лед на вершинах гор, голосом:

— Ну и что за песня? Ждете, что подадим что-то?

Один всадник выехал вперед, вскинул руку. Багровый свет красиво обрисовал его мощную фигуру. Ему приходилось сильно задирать голову, отчего пропорции искажались, он выглядел смешным, приплюснутым.

— Меня зовут Ральсвик, — сказал он таким могучим голосом, что Иггельду почудилось, будто земля под ногами качнулась. — Я прибыл от повелителя Артании и Куявии, могу чего и славного Придона. Кто командует этой крепостью?

Иггельд вскинул руку.

— Я. Говори, с чем прибыл.

Двое воинов с боков настороженно всматривались в неподвижных артан, широкие щиты вздрагивали в их руках. Оба готовы закрыть Иггельда не только щитами, но и своими телами.

Ральсвик развел руками. На широком лице, запрокинутом к Иггельду, появилась добродушная улыбка.

— Я видел тебя на драконе. Не поверишь, но рад, что ты выжил. Мы, артане, любим сражаться с сильными и отважными. Чем сильнее противник, тем больше наша слава!

У Иггельда на языке вертелся вопрос, где Блестка, что с нею, но чувствовал на себе взгляды сотен человек, как с одной стороны, так и с другой, сказал коротко:

— Благодарю.

— Ты знаешь, я с десятком людей неделю здесь, — сказал Ральсвик, — но сегодня начали прибывать войска.

— Ну и что? — спросил Иггельд.

Ральсвик сказал сильным мужественным голосом:

— Неужто страшитесь впустить одного человека? А то у меня шея болит, так задирать голову. У меня есть слова от Придона, которые я не хотел бы кричать при всех.

Иггельд сказал холодно:

— У меня нет тайн от моих воинов.

— Хорошо, — крикнул Ральсвик, — но тогда возьми их с собой. У тебя же есть зал или хотя бы комнатенка, где мы могли бы посидеть, попить, обсудить наши дела? С тобой будут все твои военачальники, полководцы... и вообще все, кого ты пожелаешь пригласить! А я буду один.

Иггельд заколебался. Ральсвик смотрел с широкой улыбкой, нисколько не сомневаясь в том, что предводитель этой жалкой крепости сейчас вот откроет для него если не врата, то хотя бы дверцу. А там пир, разговоры о величии и доблести Придона, посулы, предложения почетной сдачи...

— Да, — ответил он, — так принято у воинов. Но кто сказал, что мы будем подчиняться каким-то правилам... которые, возможно, придумали артане? Нет переговоров с теми, кто пришел, как враг, с оружием! Нет снисхождения. Вы все будете убиты. Эй, слушайте меня все!.. Артан в плен не брать. Живых не оставлять, раненых добивать на месте.

Эти страшные слова прозвучали в ночи с жуткой обрекающей силой. Даже артане ощутили их колдовскую мощь, начали тревожно переглядываться. Кони под ними прядали ушами и тревожно фыркали. Ральсвик грохочуще расхохотался, в горах заметалось испуганное эхо.

— Ты говоришь, — сказал он со смехом, — как купец!.. Не знаю, кто ты, но ты не воин. Пленных в таких войнах и так не берут, а раненых добивают. А вот если надо кого-то

оставить в живых, то это оговаривают особо. Ладно, ты не захотел со мной говорить за столом — поговоришь на поле боя.

— Поля не обещаю, — ответил Иггельд, — но голову ты сложишь здесь, на камни. Прощай!

Ральсвик захохотал, двое его артан тоже начали улыбаться, на стену бросали пренебрежительные взгляды. Иггельд наблюдал настороженно, как они красиво развернули коней и пропали в полосе темноты, чтобы вскоре появиться в ярко освещенном воинском лагере. Он знал там каждый камешек и мог сказать точно, где останутся, где расседлают коней, где начнут накапливаться для штурма.

За спиной переговаривались уважительно, отмечали краткость и гордые слова, полные достоинства. Это впечатлит артан, они очень чувствительны к гордым речам, таких людей уважают и опасаются. Иггельд делал вид, что не прислушивается и вообще не слышит, смотрел на артанский лагерь, в голове треск и шевеление вспугнутых мыслей, а в грудь заползла громадная холодная змея страха. Он никогда не воевал, не хотел воевать и к воинским забавам страсти не питал, хотя с его ростом и силой все с детства пророчили ему воинские подвиги, боевую славу. Сейчас же сердце сжимается в страхе, надо отвечать за всю Долину, что забита людьми, как наполненный муравейник. Пробил час, которого предпочел бы избежать, не его это дело — воевать, оборонять крепости...

Он вздохнул, посмотрел на соратников. Сейчас обороняет не какие-то крепости, столицы, даже не Долину. Обороняет даже больше, чем целую страну. За его спиной дело жизни — питомник драконов. Другого такого нет на всем белом свете, это сказал чародей, а он все знает от других чародеев.

— Стражу удвоить, — распорядился он. — Если даже эти безумцы пойдут на приступ, отобьют. Что-то серьезнее — поднимут тревогу. А пока я пошел спать, чего и вам советую.

Апоница сказал с улыбкой:

— Спать — это хорошо... И страже советуешь?

— Я им засну, — пригрозил Иггельд.

Он пошел вниз, а Чудин, Апоница, а также беры и военачальники, что высмеивали за его спиной каждый шаг и каж-

дое слово, остались на стене. Апоница проводил долгим взглядом прямую спину основателя общины, сказал со стыдом:

— А я еще сегодня доказывал ему, что это дурь: держать такую стражу... и вообще охранять ворота!

Один из вельмож, толстый и хмурый, в дорогом панцире, буркнул неприязненно:

— Есть такие пастухи, что рождены для таких дел... Все, что ни брякнут, оказывается верно. Другие умом постигают с трудом, учением долгим и упорным, а этим... прет в руки само!

Второй, тоже в дорогом панцире с позолотой и умело выбитым узором, поправил пурпурный плащ с золотой пряжкой на плече, сказал красивым придворным голосом:

— Увы, дорогой Кадом, вы правы. Нам лучше следовать за ним...

— Пока не отыщется другой вождь, — громыхнул третий, Цвигун, немолодой князь из Прилесья, известный торговлей с Вантитом и древностью рода. — Кто сумеет защищать не только свою крохотную горную Долину, но и всю Куявию!

Апоница косился одним глазом, прислушивался, но в речах знати нет призыва к неповиновению, а пока лишь зависть к человеку безродному и незнатному, что сумел предвидеть так задолго, что скопил в Долине огромные запасы зерна, укрепил стену, по всему верху выставил бочки со смолой, настоял, чтобы поднять туда несметное количество камней, связки стрел, дротиков...

— Это верно, — сказал еще один, высокий молчаливый бер, — защищать Куявию — нужен вождь другого размаха. Но и то, что сделал этот горец, удивительно. Он же один, как я слышал, настаивал на укреплении Долины!.. Если бы не стена такой высоты да не обилие стражи по всему гребню, то артане уже были бы здесь. Взяли бы нас в постелях, как они уже проделывали в других городах.

Цвигун возразил:

— Но как это возможно?

— К городу Свиденец подкрались ночью. Выбрали место, где на городской стене стражи то ли заснули, то ли ушли греться к бабам, быстро забросили веревки с крючьями, за-

брались, перебили охрану на воротах и распахнули навстречу своей орде...

Кадом зябко передернул плечами.

— Да уж... Тут и стена высока. Крючья не добросишь, и стражей как муравьев на дохлой жабе... Слышали, что он сказал? Удвоить на остаток ночи, а если артане пойдут на приступ, то стража сама отобьется! Он еще и хладнокровен, отправившись спать в такое время.

Цвигун широко зевнул, посмотрел на небо, в сторону артанского лагеря, снова на небо.

— Не думаю, что артане рискнут снова... Последуем же примеру нашего вождя, а он сейчас в самом деле наш вождь, знатен или нет... Нам надо крепить единство, а не грызться за место ближе к знамени. Оставим это до победы.

— Или до тех пор, — громыхнул Кадом, — пока этот пастух не станет вести себя по-пастушьи. Тогда во имя спасения дела...

Разговаривая, они спускались по ступенькам, Апоница хмуро смотрел в их даже сейчас прямые спины. Пока что неповиновением не пахнет, но и напряжение остается. Эти знатные князья и беры не простят Иггельду ни малейшего промаха.

Иггельд был разбужен громкими голосами прямо под окнами. Выглянул, снаружи еще темно, только небо окрасилось рассветом, но в Долине еще ночь, люди с факелами в руках галдят вокруг двух десятков огромных мужчин в звериных шкурах, косматых, с неопрятными бородами. Иггельд с первого же взгляда узнал кетичей, горский народ, что ушел от мира, считая его нечистым, и с тех пор считался потерянным. Он, пролетая на Черныше, несколько раз видел их, не успевших укрыться от его взора. Перед глазами на миг стало темно и холодно, словно дохнуло смертью, не летать ему больше на драконах, усилием воли стряхнул оцепенение смерти, грудь поднялась в судорожном вздохе, он перевел дыхание, быстро оделся и выбежал из дома.

Воздух свеж, плечи передернулись, словно в танце, он спустился по ступенькам, люди расступились. Он спросил громко и отчетливо, чтобы слышали даже в задних рядах:

— Что случилось?

Лохматый вожак пришедших злобно усмехнулся.

— Мы прошли у них над самыми головами. Их можно взять голыми руками... если бы у нас было столько рук!

Иггельд спросил:

— Что вы хотите?

Вожак удивился:

— Как что?.. Без нас вам артан не побить, это уж точно!

Он захохотал, с ним захохотали, словно горы затряслись, его лохматые сородичи. Гоготали громко и с удовольствием. В толпе после минуты оцепенения ликующе заорали. Иггельд ощутил стеснение в груди. Ведь не приходили же, когда здесь было мирно и безопасно! Пришли в самое тяжкое время, когда дорог каждый человек, способный бросить камень или взмахнуть дубиной! Пришли, хотя ничем не обязаны ни ему, ни кому-то из этой Долины...

— Спасибо, — проговорил он. Голос дрогнул. — Спасибо, люди. Я — ваш, полностью ваш.

— Это мы — твои, — заверил вожак. — Мы все видим, все... Кто чего стоит.

Иггельд обнял, отстранился и пошел к воротам. За ним сразу же пошли сзади, он напрягся непроизвольно, но напомнил себе, что даже вожаки мальчишечьих стаяк не ходят одни, за ними всегда свита, так же князь Брун всегда ходил с сопровождающими, а теперь вот и он, Иггельд, должен привыкнуть, что рядом будут люди, будут бездумно смотреть в его глаза, ждть мудрых и правильных — где их взять — указаний.

На стене и навесе, что над воротами, все еще полыхала смола в двух бочках, но факелы уже загасили, там наверху светает. Он бодро поднимался по каменным ступенькам, искрятся влагой, ночью здесь холодно, вода уходит из воздуха и обильно смачивает каменные стены.

Над воротами навес втрое шире, чем сама стена, здесь, как на городской площади, народ стоит группками. Апоница

поклонился издали, Иггельд отметил с замешательством, что старый учитель не кивнул, как обычно, а поклонился, и это при всем народе. Человек десять из знатных, похоже, так и не ложились, стоят, закутавшись в плащи, озябшие, хмурые, рассматривают артанский стан. Увидев жест Апоницы, обернулись и после небольшого замешательства — Иггельд не поверил глазам — тоже поклонились, впрочем, без подобострастия, а как равные равному, который из их среды ими же избран вождем.

Один из них, кажется, князь Онрад, спросил негромко:

— Какие будут наши действия, князь?

Какой, к черту, князь, хотел сказать Иггельд, подозревая насмешку. Потом сообразил, что его называют всего лишь походным или боевым князем, что совсем не то, что урожденный или потомственный, походным назначают или выбирают только на время похода, а потом он снова то, чем был раньше.

— Выжидать, — ответил он хмуро. — Пусть ломают зубы о наши горы. Сегодня же я подниму всех драконов, начнем бить их сверху.

Онрад сказал с сомнением:

— Но драконы что-то нигде в войнах не блеснули... Могли бы и Куябу попробовать защитить.

— Летать пришлось бы далеко, — сказал Иггельд. — Я уж молчу, что там народ драконов почти так же не любит, как и сами артане. Могли бы питомник драконов устроить под Куябой? Могли бы. А здесь все рядом! Разве артан трудно забросать сверху камнями? Или нам их придется везти издалека?

Артане себе не изменили: выдвигались на конях, хотя неизвестно какими титаническими усилиями переправили коней через пропасти, как сумели провести этих степных существ в шаге от края бездны. Они ехали неторопливо, спокойно, а когда выбрались на открытое пространство, начали неспешно накапливаться, поле огромное, поместится все войско.

Иггельд подосадовал, что не велел выстроить стену там, запер бы вообще вход даже сюда. Защищенный такой стеной город взять вообще невозможно. Даже тараном не смогли бы

размахнуться, подъем там крут, а узкая дорожка извилиста. Хреновый из него полководец и стратег, тот бы сразу додумался, решение-то очевидное...

Хреновый, поправил себя, что и эту стену едва-едва сумел уговорить поставить. Сколько было возражений! Как переломил всех, даже сейчас дивно. Нет, там бы стену ставить не взялись, там нужно тянуть втрое длиннее, это же сколько камня, труда...

За артанами, к удивлению и отвращению Иггельда, как и других, показались ровные ряды куявских пеших ратников. Все вооружены хорошо, доспехи железные, не голытьба, согнанная насильно. Куявам не дали встать отдельно, два конных артанских полка зажали их, словно невзначай, с двух сторон. Мол, за союзниками тоже должен быть глаз.

Апоница стоял на стене рядом, лицо его было усталым, испещренным глубокими морщинами, но глаза блестели почти весело. И весь подтянулся, словно сбросил десяток-другой лет. Спина почти прямая, плечи раздвинул, поглядывал орлиным взором и на разворачивающихся артан, и на долинников, что, как галки, усеяли все стены и навес над воротами.

— Накапливаются, — заметил он.

— Чересчур быстро, — ответил Иггельд. — Ведь там наши люди, должны обрушить каменные лавины...

— Может, успели, — возразил Апоница. — Но артан это не остановит. Гибель на земле врага — почетна!.. Правда, как переправляют своих коней, что ничего окромя степи не видели?

— Завязывают глаза, — предположил Иггельд.

— И все-таки наш народ не трусит, — сказал Апоница с одобрительным удивлением.

— Они еще крови не видали, — ответил Иггельд невесело.

— Не потому...

— Значит, на стену уповают.

За их спинами потихоньку накапливались военачальники. Князь Онрад кашлянул, сказал почтительно:

— Осмелюсь заметить, что не только на крепость стен. Артане прямо от спеси лопаются, а у нас своя гордость, не

такая крикливая. Вы, жители Долины, горды тем, что забрались сюда под облака не ради выгоды, не ради наживы, а ради своих крылатых ящериц. А мы, отступившие, горды тем, что не предали Куявию, как бы ей ни было плохо, в каком бы дерьме ни оказалась, как бы мы сами ни презирали свой народ. Нам самим стыдиться нечего, но за Куявию все равно стыдно. И сейчас, наш дорогой князь, мы готовы драться. И не просто драться, а смывать позор со всей Куявии. Это все равно...

Он запнулся, Иггельд закончил тихо, чтобы показать, что прекрасно его понимает:

— ...все равно это наш позор. Страна ведь наша.

Второй бер, тучный и громоздкий, что занимал место сразу троих, пробурчал:

— Мы на последнем клочке свободной от артан земли. И мы его не отдадим.

Солнце наконец выглянуло из-за гор, заблестали выпуклые щиты, доспехи, шлемы. Даже в воинском стане артан блистало множество искорок: куявский отряд вооружен неплохо, самые бедные и то в кольчугах, а военачальники, пусть самые мелкие, в металлических панцирях поверх кольчуг и с цельными шлемами.

Онрад буркнул с неприязнью:

— Люди князя Бруна. Сволочь! Подумать только, я через жену с ним в дальнем родстве.

Булат хохотнул:

— Приди домой и удави жену.

— Вообще-то повод хороший, — согласился Онрад. — А то все не мог придумать, за что. Соседи начнут спрашивать...

— Пользуйся моментом, — подсказал Булат. — Сейчас можно сослаться на любовь к отечеству, потом уже поздно. Вообще я считаю, что женитьба — это слишком трусливое бегство от холостяцких проблем.

— Что делать, без женщин жить тяжело, а с ними дороговато...

От артанского стана вперед выдвинулась группа военачальников, все на дивных артанских конях: тонконогих, су-

хих, нервных, с огненными глазами. Внимательно и придирчиво осматривали стену и ворота крепости. Собственно, стена справа тянется аж на длину копья, а стена слева — на полтора. Зато обе поднимаются в синеву, почти исчезая там, благо камня в горах вдосталь, а когда нет необходимости тянуть стену в длину, ее можно погнать ввысь. Так что единственно уязвимым местом остаются ворота, сейчас запертые.

Иггельд хмуро улыбнулся. Артан ждет неприятная неожиданность. Апоница хотел навалить с этой стороны тяжелых глыб, но он приволок на Черныше целую скалу, тот с готовностью и послушанием под радостные крики горожан лапами и задом придвинул огромный камень к воротам, подпер так, что теперь даже не вздрогнул под ударами тарана.

Крупный отряд молодых воинов подскакал к самим воротам. Один замахнулся топором и с силой, даже привстал в стременах, ударил лезвием по дереву. Иггельд не успел слова сказать, сверху обрушилась кипящая смола. Тут же с навеса засвистели стрелы.

Снизу раздалась душераздирающие крики. Подлубец злобно хохотал, закричал Иггельду:

— Кто сказал, что они поют под пытками?

— Это они удивились, — ответил Иггельд, но сам засмеялся. — А чего они ждали?

— Что ворота откроются сами!

Внизу несколько человек, попавшие под струи смолы, с криком пытались удержать и развернуть обезумевших от боли коней. Те вставали на дыбы, сбрасывали всадников в кипящее месиво. Кто успел стегнуть коня и мчаться прочь, падали с седел, пронзенные стрелами. Иггельд сцепил зубы, но смотрел неотрывно, как артане падали, падали, падали — на воротах собрались лучшие стрелки Долины.

Один только всадник успел доскакать до основного войска. Спина его утыкана стрелами, он уже мертвый лег на конскую шею, и верный конь, на которого попала пара жгучих капель, принес к своим.

В артанском войске раздался крик ярости. Над головами заблестали топоры, конница понеслась с грохотом копыт,

всадники орали и свистели, блеск от лезвий острых топоров слепил глаза и бросал в дрожь. Натиск оказался таким стремительным, что на стенах упустили момент, град стрел обрушился с запозданием, уже когда молниеносные всадники доскакали до ворот. Иггельд видел, как топоры вонзились в толстые доски, стрелы ударили дождем, визг, крики, ругань, кто-то разворачивал коня, но навстречу неслись новые смельчаки, стрелы свистели жутко и холодно, чем-то напоминая смертоносных змей, кричали раненые кони, а всадники вскрикивали и хватались за пораженные места.

Добронег орал и подбадривал лучников, те хватали стрелы и быстро-быстро накладывали на тетиву. Потомственные охотники, они привыкли на лету бить птицу, доставать стрелой в прыжке горного зайца, а горному козлу попадали точно в сердце даже при его бешеном беге. Иггельд страшился лишь, смогут ли стрелять так же хладнокровно и по людям, но когда увидел горящие холодной яростью глаза, вздохнул с облегчением: никакой жалости, никакой дрожи — по артанам стреляли, как по диким и опасным зверям, что пытаются ворваться в их жилища.

Второй отряд артан, по-прежнему конных, выехал вперед и начал осыпать защитников стрелами. Потом, когда это не дало результата, появились лучники с длинными стрелами, наконечник каждой обмотан паклей. Рядом с такими лучниками находились люди с факелами, что подносили их к стреле в тот момент, когда стрелок натягивал тетиву.

Такие стрелки вынуждены подъехать совсем близко, почти вплотную, зажженная стрела летит плохо. Долинники расстреливали их быстро и без промаха. Все пространство перед стеной покрылось телами. На некоторых тлела, а то и горела одежда. Кони носились с диким ржанием, обезумевшие, лягались и озверело хватали зубами всякого, кто пытался ухватить повод.

Ральсвик ругался, его схватили за плечи и удержали, когда он с громадным топором сам хотел броситься к воротам и сокрушить, как стену из камыша. Выслали еще отряд, что метал зажженные стрелы через головы защитников. Их вы-

косили начисто, снова смельчаки ловили коней и тоже падали сраженные.

Ральсвик заорал яростно:

— Оставьте коней!.. Им некуда деваться, сами придут!

Рагинец сказал быстро:

— Отозвать людей?

— Только этих дурней! — огрызнулся Ральсвик. — А горящие стрелы — метать!.. У них должны начаться пожары!

— Должны, — пробормотал Рагинец, — да что-то не начинаются...

Снова и снова целыми отрядами выезжали под стену и метали стрелы, в небе постоянно висела широкая огненная дуга, один конец начинался над арканами, другой опускался за высокую стену. Всего один раз успевали выстрелить отважные всадники, да и то не все, многих пронзали стрелами еще по дороге к крепости, но аркан много, а огненный мост страшен, настолько страшен, что даже драконы в глубине долины устрешили, перестали реветь и пугливо смотрели на этот ужас.

Ральсвик в бешенстве стучал кулаком по луке седла. Широкое каменное лицо сперва дергалось, когда артанские всадники падали с седел, сраженные с небывалой легкостью, потом застыло, стало привычно каменным. Он смотрел холодно, оценивал, взвешивал. Хрущ посматривал с испугом, таким Ральсвик бывал особенно страшен, вздрогнул, когда грозный полководец крикнул хриплым голосом:

— Прекратить штурм!..

Тут же несколько голосов закричали торопливо:

— Все назад!

— Прекратить!

— Передышка!

— Всем вернуться!

Протрубил рог, всадники помчались обратно, но лишь троим удалось достичь своего войска. У двоих лица бледные, одного стрела ударила в спину с такой силой, что острие высунулось из груди. Рагинец вскрикнул:

— Зачем?.. Теперь уже надо было... Начались бы пожары,

а кюявы народ такой — бросились бы спасать свое добро. На стене не осталось бы ни одного человека!

Ральсвик бросил зло:

— За стеной, похоже, нет деревянных пристроек.

— Так не бывает, — возразил Рагинец.

— Не бывает, — согласился Ральсвик. — Но эти... похоже, их сами сожгли раньше. Чтобы мы не сумели...

Челюсти его сомкнулись, под кожей вздулись рельефные желваки. Глаза смотрели на стену и ворота с немой яростью. Артане — прекрасные стрелки, но вынуждены стрелять с седла, потому у них луки небольшие, а стрелы летят не так далеко, как кюявские. Но кюявы стрелять почти не умеют, а вот артане уже рождаются с луками в руках, с детства привывают охотиться на зверя и птицу... Но, похоже, здесь тоже охотники, а не те разряженные ничтожества, которых так хорошо грабить в больших городах, а их пышных жен и дочерей насиловать в присутствии трепещущих и лебезящих мужей.

Подскакал Меривой, щит продырявлен стрелами насквозь. По лбу красная струйка, он потряхивал головой, чтобы не заливала глазную впадину.

— Что будем делать? — прокричал он. — Воины...

Он замялся.

— Что? — прорычал Ральсвик.

— Воины волнуются, — вымолвил Меривой. — Плохое начало. Здесь, говорят, колдовство.

— Какое колдовство? — проревел Ральсвик. — Колдунов мы истребили!.. Впервые встретили настоящего противника, только и всего. Радоваться надо, будут победы над воинами, а не только над ничтожествами, что всего лишь носят штаны. Ладно, вели протрубить приглашение на переговоры.

Меривой поклонился.

— Я это сделаю сам, — ответил он, — но только теперь они уж точно не пойдут на сдачу.

Ральсвик скривился.

— Если протрубишь ты, то уж точно не сдадутся. Вытри кровь, пусть тебя перевяжут. Я вновь подъеду к их воротам.

ГЛАВА 22

Артане, судя по всему, наконец выдохлись, налетающие конники повернули лошадей, промчались по дуге к своему стану и больше оттуда не показывались. На поле выехал одинокий всадник на огромном коне. Иггельд узнал Ральсвика. Военачальник артан ехал медленно, конь неохотно переступал через трупы, останавливался, выбирал, куда поставить ногу, трупами завалено все поле до самых ворот.

Ральсвик помахал рукой. На стенах опустили луки, прислушались. Он подъехал еще чуть, кто-то начал поднимать лук, Ральсвик остановил коня.

— Куювы! — грянул страшный могучий голос. — Вы показали себя умелыми воинами! Тем почетнее одолеть вас. Бой еще не окончен. Но сейчас близится вечер, я предлагаю всем дать передышку, чтобы собрать раненых и убитых.

Со стены кто-то крикнул издевательски:

— Нам-то что подбирать?

Еще голоса прокричали:

— Нам даже палец не поцарапало!

— И кур не напугало!

Ральсвик брезгливо выслушал крики, а когда надоело — галдят, как галки, никакого достоинства, — рыкнул:

— У вас что, старшого нет?

Все умолкли, с уступа справа от ворот донесся ясный мужественный голос:

— Просто я еще не решил. Было бы жаркое лето да еще внизу на равнине, я бы согласился, чтобы вонь от трупов сразу не занесла. Но сейчас... гм... может быть, пусть себе лежат? Наши сердца взвеселятся, и вы будете видеть, что вас ждет!

Ральсвик прогремел:

— Наши сердца не дрогнут!

— Вы враги, — продолжал Иггельд, — так почему же я должен позволить подбирать ваших раненых?

Они встретились взглядами. Ральсвик впервые в жизни ощутил, что сердце дрогнуло, в животе появилась неприятная тяжесть. Иггельд смотрит спокойно, бесстрашно, но это

не спокойствие и бесстрашие юнца. Это в самом деле вождь, подумал Ральсвик и ощутил непреодолимое желание опустить взор. Так бы и прожил всю жизнь зрителем драконов, нянчился бы с их детенышами, но грянул грозный час, и вот этот парнишка открыл в себе то, о чем никогда бы не узнал в мирное время. Права Блестка, это герой, которых рождает горнило войны...

— Не знаю, — пробормотал он. Отвел взгляд, добавил после паузы: — Даже не знаю... Ладно, твоя взяла. Как скажешь.

Иггельд смотрел сверху вниз, отметил и мощь полковника, и его поникшие под тяжестью прожитых лет плечи, и заметную усталость, ответил неожиданно даже для себя:

— Впрочем, ладно. Подбирайте. Но знаешь, почему я согласился?

Ральсвик уже повернул коня, тяжело развернулся в седле, спросил с подозрением:

— Почему?

— Из жалости, — ответил Иггельд громко.

На другой день с утра морозно, солнце еще не поднялось, изо рта валит пар, но артане пошли на приступ. Иггельд сперва был в плотно подогнанном полушубке, но для стрельбы сбросил, а потом, после часа непрерывной стрельбы, разогрелся так, что капли пота исходили паром на щеках, как на раскаленной сковороде, но те, что падали на землю, разбивались мелкими ледяными шариками.

Рядом так же сухо шелкали тетивы по кожаным рукавицам Ворскла и Анапра, уже излохмаченным. А под ногами лежали разбитые, изорванные ударами тетивы. Оба поглядывали на Иггельда с удивлением и растущим уважением. Лучшие из лучших, состязались только между собой, другие не годятся и в подметки, но князь им не уступает ни в силе, ни в меткости. Разве что в скорострельности превосходят, но они с детства бьют птицу на лету, надо успеть достать в стае как можно больше...

— Дурачье, — крикнул за спиной Онрад. Он стоял в пол-

ном доспехе, меч на поясе, на лице нетерпение, словно жаждал, когда артане пробьют ворота, и можно грудь в грудь, как принято у мужчин, а не издали стрелами, так настоящие войны не поступают...

— Почему? — ответил Иггельд, не оборачиваясь.

— Бессмыслица!.. Ворота все равно не пробить, а чтобы стену перелезть, нужны лестницы. Но я их не вижу...

— Из чего делать? — сказал рядом бер Булат. — Везде голый камень.

— Снизу пусть везут! — сказал Онрад бодро и захохотал.

— Две недели вниз, — сказал Булат серьезно, — неделю там, потом две недели сюда... С ума сойдут от таких сроков! Всю Куявию захватили быстрее.

— Но так расшибут лбы.

— А тебе их жалко?

Онрад подумал, сказал великодушно:

— Ладно, пусть расшибают.

А в артанском лагере в это время группа военачальников во главе с Ральсвиком всматривалась в приступ. Собственно, еще не приступ, пусть куявы так считают, а только еще одна разведка боем. А что артане все же иногда попадают под стрелы со стены, хоть уже теперь совсем редко, так это счастье войны, оно переменчиво.

За спиной Ральсвика с сомнением посматривал на высокую стену Меривой, она как клин перекрыла узкий проход между высокими отвесными горами. Ральсвик рядом похлохатывал жизнерадостно, его грохочущий голос звучал неестественно громко в торжественной тиши гор.

— Мы красиво и молниеносно захватили всю Куявию, — сказал поблизости Хрущ, могучий немолодой соратник, он задумчиво рассматривал высоченную стену. — Не испортить бы этот блеск...

— Чем? — спросил Ральсвик. — Этой крепостишкой?

— Ею, — ответил Хрущ невесело. — Мы разгромили Куявию потому, что народ — сплошная гниль. Ведь если бы дрались хоть как-то... Не знаю, не знаю. Все-таки в Куявии народу впятеро больше. Но эта гниль разбежалась при одном

нашем появлении! Здесь, Ральсвик, те, кто в самом деле готов биться с оружием в руках до последнего.

Ральсвик хмыкнул.

— Поздно. Теперь уже мы превосходим их пять к одному. Даже десять к одному. Да и не верю, что будут драться... как надо. Хотя эти, что в горах, когда-то были артанами...

— Они никогда не были артанами, — возразил Хрущ. — Сейчас тем более не жаждут ими становиться. Столица не мешала им выращивать драконов, даже помогала. А мы идем уничтожить все их дело! Пойми, здесь нам противостоят люди, чье любимое дело, дело всей жизни мы пришли разрушить! Они будут драться не на жизнь, а на смерть.

Ральсвик двинул плечами.

— Тем хуже для них.

— И для нас.

— Они все погибнут, — возразил Ральсвик.

— А мы обретем дурную славу, — сказал Хрущ. — И тем, что погубили таких людей... и тем, что понесли страшные потери.

— Полагаешь, будут?

— Большие, — повторил Хрущ настойчиво. — Предвижу реки крови. Хорошо бы только куювской! Но артанская кровь зальет все эти камни, и страшные цветы расцветут в расщелинах, Ральсвик... Уже погибло немало наших храбрых воинов. Должны бы куювы гибнуть, так в самом деле не прищипали себе ни пальчика.

Ральсвик, нахмурившись, пристально смотрел на стену.

— Это сначала, — сказал он наконец. — Помнишь, когда куювы в чистом поле становились железной стеной? Наши люди гибли, пока не пробивали их стену. Только тогда лишь начинали гибнуть куювы. Но мы их убивали всех! То же самое случится и здесь. Нам только бы проломить эту стену!.. Или перелезть. Или еще как-то пробраться в эту проклятую Долину. И тогда...

Он прерывисто вздохнул, ноздри красиво вырезанного носа хищно раздулись, как у льва, зачуявшего свежую кровь. От стены доносились крики, конское ржание, на солнце блестело обнаженное оружие.

Меривой вздохнул за их спинами, сказал просительно:

— Можно, я пойду их посшибаю со стен? Пусть посмотрят, смогут ли тягаться с артанином?

— Жди, — сказал Ральсвик строго. — У них драконы, забыл?.. Ты должен быть готов. Я не хочу, чтобы ты истратил на жалких людишек стрелы, которыми сбивают драконов!

Меривой горестно вздохнул.

— Обидно просто...

Долго смотрели на долгий бой, когда артане наконец-то приловчились к куявской манере стрельбы, на скаку умело закрывались щитами, проскакивали от стены на таком расстоянии, чтобы не облили кипящей смолой, высматривали слабые места.

— Мне трудно поверить, — сказал Ральсвик наконец, — что эти люди будут бороться. Там только один воин — Иггельд, хоть и не считает себя воином. Если проснутся и другие... я начну немножко уважать куявов. Правда, не дрались, когда могли драться, а начинают только, когда их загнали в этот каменный мешок, откуда нет выхода... Нет, это совсем не по-куявски.

Из лагеря пришел престарелый Вяз, волхв, говорят, по возрасту еще старше Вяземайта, белый как лунь, даже глаза от старости белые, хотя умеет рассмотреть жука или муравья в толще столетнего дуба. Подошел, постоял, прислушиваясь к разговорам, обронил размеренно:

— Не по-куявски, но... по-человечески. Там на равнине куявы защищали всего лишь свои богатства, а ради них, если честно, не стоит умирать даже куявам. Они это понимали. Но ничего другого у них не было. А у этих — есть! Эти помещаны на своих ящерицах с крыльями. Только ради ящериц живут в этих каменных норах, в голоде и холоде, хотя могли бы на прогретых солнцем равнинах! Эти смотрители драконов будут сражаться с намного большим мужеством, чем те армии, которых мы — как ветер солому... К тому же, Ральсвик, положи руку на сердце скажи: крепость разве слаба?

Ральсвик возразил:

— Мы брали и позащищеннее!

— Не брали, — возразил Вяз, — а нам сдавали. Подло, трусливо, страшась прищемить себе пальчик. А здесь драться будут! Но в лоб взять ее нельзя, стены чересчур высоки, подковы мыслимы только на равнинах, а здесь сплошная скала...

— Столкнись с гномами!

— А что им пообещать?

— Не знаю, — огрызнулся Ральсвик, — придумай!

Вяз в задумчивости почесал затылок.

— Что можно им пообещать, чего они не имеют? Куявам на все наплевать, они на гномов просто не обращают внимания, а тем это и надо. Мы же на гномов смотрим, как все здоровые мужчины на уродов: с брезгливой жалостью. Так что гномы к куявам расположены намного больше.

Ральсвик сказал зло, глаза предостерегающе сузились:

— Ты еще скажи, что нам придется отступить с разбитым рылом!

Вяз посмотрел на сжатые кулаки Ральсвика, сказал поспешно:

— Отступить не отступим, но когда ворвемся, рыло у нас в крови будет точно. А ворвемся не раньше, чем по нашей просьбе взбешенный Придон пришлет катапульты... но как их протащить по таким тропам?.. крытые тараны... И простоим здесь долго, Ральсвик! По утрам здесь настоящая зима, а мы почти не захватили с собой теплой одежды. Сам видишь, что долго, потому и орешь. А если понадобится куда-то с войсками, тогда что?.. Эти на своих драконах тут же разносят слух, что заставили нас бежать, роняя штаны. А певцы и барды насочиняют, как неслись якобы отважные артане в страхе и отчаянии перед силой куявского оружия!

Ральсвик потемнел, кулаки сжались, в груди зародилось злое рычание.

Иггельд подошел к пещерам, из темных входов навстречу выбегали огромные, средние и совсем крохотные драконы, бросались к нему, толкались, пихались, он поспешно прижался к стене и молча терпел восторженное облизывание, сопение, хрюканье. Здесь почти все — дети Черныша, только

самые старшие из числа дракончиков, принесенных из Города Драконов, все его хорошо знали, сидели у него на коленях, ползали по нему, как по большому дереву, помнят его руки и ласковые пальцы, что умеют чесать и гладить.

— Родные мои, — сказал он, голос дрогнул, в глазах защипало. — До чего же вы похожи... Чешуйка, иди сюда. Да отпихни братиков, что ты стесняешься...

Чешуйка, самый крупный из этих драконов, в самом деле не решался воспользоваться силой и весом, застенчиво и влюбленно смотрел на папочку. Он тоже считал его папочкой, ибо месяц назад Иггельд сам помог ему разломать прочную скорлупу и выбраться из холодного и неудобного яйца.

— Люблю я вас, — сказал Иггельд дрожащим голосом. Он хватал их на руки, целовал, а те, что покрупнее, ревниво отпихивали мелких и вытягивали шеи, чтобы погладил, почесал, коснулся пальцами. — Всех люблю... Очень люблю!.. Чешуйка, ты так похож, ты так похож...

Чешуйка будто все понял, с готовностью плюхнулся на землю, как учили, как учил сам папочка, как показывали другие боги, влюбленными глазами смотрел на Иггельда. Тот вздохнул, сердце сжала тяжелая рука печали. Ни один дракон не вытеснит из его груди бедного крохотного дракончика, с которым бежал через холодную ночь из уютного города в смертельно опасную долину...

Он поцеловал дракончика, тот просился на ручки, но Иггельд покачал головой и прошел в глубь пещеры, а потом еще и еще, пока не вышел в просторный зал со свисающими со свода длинными и острыми сосульками из камня. Под дальней стеной лежал массивный дракон. Черный, в толстой броне шипов, с острым гребнем, страшный боевой зверь, веки опущены, не пошевелился, когда Иггельд постучал сапогом по морде.

— Хватит, — сказал Иггельд, голос дрогнул, а в теле появилась предательская слабость. Он сел рядом, закинул руку на морду дракона. — Ты потерял Худыша, я потерял Блестку и Черныша... кому тяжелее? То-то. Но я живу, хоть свет не мил. Надо жить, Малыш, надо жить. Кому польза, что ты се-

бя уморишь голодом?.. Еще и о тебе буду... грустить. Ты не хорошо поступаешь...

Он чесал его, гладил, наконец одно веко приподнялось, глаз посмотрел с немым укором. Иггельд сказал настойчивее:

— Тебя любят, Малыш. Я тебя очень люблю, ты ведь старший сын Черныша!.. Мне еще говорили, что рано Чернышу становиться отцом, но, как видишь, я не зря дал себя уговорить Апонице... Ты — замечательный, умный, вылитый отец...

Дракон поднял и другое веко. В запавших глазах глубокая безнадежная тоска. Его хозяин, Худыш, одним из первых дракончиков пришел в Долину. Первого дракончика, как и все, принес из Города Драконов, вырастил, воспитал, летал на нем почти десять лет, а потом как-то попали в снежную бурю неслыханной силы. Дракон изнемог, пытаясь выбраться из самого дикого смерча, что кружил его и ломал крылья, но на лету ударился о невидимый в метели горный пик, ему изломало все кости, он умер в тот же день. Худыш был в таком отчаянии, что сам не хотел ни есть, ни пить, его с большим трудом оторвали от уже окоченевшего трупа, силой привезли в Долину, там две недели лечили, поили, приводили к нему баб, приносили дракончиков, он смотрел на все тупо, отказывался даже разговаривать.

Лишь на второй год начал оживать, а когда у единственной в Долине драконихи появилось первое потомство, понятно, что от великолепного Черныша, он все же выбрал себе самого жалобного и слабенького дракончика и унес домой. Сколько его ни уговаривали, чтобы взял крепенького, здоровенького, даже не спорил, только смотрел исподлобья.

Яска единственная поняла, сказала всем, чтобы не приставали, у Худыша чувство вины, он хочет как бы искупить ее, вырастив дракончика, обреченного на смерть. Он и выращивал, нянчился, держал его с собой на одном ложе, укрывал своим одеялом, а с выбором имени настолько затянул, что дракончик так и остался Малышом, как его Худыш называл с первого же дня.

Сейчас этот Малыш едва ли не крупнее всех драконов, очень сильный, резвый, уступал только Чернышу, да и то, возможно, только из почтения к родителю, но исхудал, тоскует, и что его может заставить жить?

Яська ахнула, когда из пещеры вслед за Иггельдом показала огромная драконья морда. Малыш щурился от яркого света, громко чихнул, Яська, Чудин и Шварн хором пожелали здоровья.

— Ты просто чудо! — воскликнула Яська. — Мы даже не думали, что у тебя что-то получится...

— Я думал, — сказал Шварн серьезно. — У Иггельда получается все.

— Подхалим, — обвинила Яська.

— Но правда же, — настойчиво сказал Шварн. — Разве было такое, что у него не получилось?

Иггельд тоскливо улыбнулся, в глазах боль, но для дракозников есть только одно истолкование: тоскует по Чернышу, оглядел груды камней. Народ все еще таскал тяжелые глыбы камня, подвозили на подводах, коней приходилось останавливать за пару сотен шагов, иначе, испуганные одним видом драконов, и оглобли поломают, дальше уже безбоязненно поднимали камни и закрепляли в корзинах на драконьих боках и спинах.

Чудин на своем Ушане, Шварн на Храпуне, Яська на Скулане, еще пятеро молодых смотрителей драконов, для которых Иггельд уже живой бог, удерживали драконов, которым бы то почесаться, то пуститься наперегонки друг с другом.

— Быстренько загрузите моего! — распорядился Иггельд. — Малыш, сиди здесь. Нет, ляг, пожалуйста...

Малыш послушался, медленный, печальный. Ему загрузили едва ли треть того, что на каждом из драконов, взлетит ли еще с этим грузом, Иггельд поглядывал на небо, солнце перешло на западную половину, и хотя лететь до поля боя недалеко, но готовиться в первый вылет приходится чересчур долго.

— Закончили? Чудин, у тебя веревки могут ослабнуть раньше, чем вылетим за пределы Долины Хорошо, если камень упадет на мой дом, а если на твой?.. Шварн, ты уверен, что твоя худая ящерица поднимет все, что ты навалил? Не жалеешь зверя!

— Ты его недооцениваешь, — буркнул Шварн. — В нашей Долине это самый подъемный крылан.

— Ладно, — сказал Иггельд. — Вылетаем. Камни сбрасываем только по моему слову!

— Да помним, помним, — буркнула Яська.

Он сел на привычное место на заливке дракона, в сердце снова вошла игла острейшей вины, будто предал память Черныша, сидя вот на заливке его сына. Непроизвольно погладил чистые молодые чешуйки, дракон повернул голову и внимательно посмотрел на Иггельда. Слышно было, как сзади требовательно заскреб по земле хвост.

— Люблю, люблю, — ответил Иггельд со вздохом. — Ну как тебя не любить, чистая ты моя душа... Все, взлетаем!

Малыш хотел прыгнуть в небо с места, он тоже умел, как и Черныш, но прислушался к весу камней, уважительно хрюкнул, разбежался, еще на земле начал колотить крыльями, наконец его подняло над землей. Он прошел над домами, Иггельд заставил сделать круг, поджидая остальных: успех зависит и от внезапности, и от одновременности. Первыми догнали Шварн на своем Храпуне, дракон Чудина с легкостью нес одну, но самую массивную глыбу, Иггельд прокричал:

— Все разом!.. Как только махну рукой!

Малыш повернул по его приказу, стена быстро осталась позади, показался и тут же оказался прямо под ними артанский лагерь. Иггельд быстро окинул его взглядом, выискивая Ральсвика, при нем всегда оруженосец с его артанским знаменем, но внизу только рядовые воины, сидят у костров... нет, вскакивают, хватаются за луки...

Он взмахнул рукой, указывая на роскошный шатер:

— Он должен быть там!.. И не один!.. Все разом!

Малыш наклонился, Иггельд ударом ножа перехватил ве-

ревку. Четыре громадные глыбы скатились с боков, Малыша швырнуло вверх. Чудин сбрасывал свою глыбищу рядом, а Шварн вообще снял веревки за выстрел стрелы из лука, но проделал все на скорости, Иггельд сперва ругнулся, но увидел, как огромные камни падают по дуге, все ближе и ближе, из смятого шатра выскочили трое, и глыбы с дракона Шварна точно обрушились на них, смяли, расплескали в кровавую кашу.

Остальные драконы сбрасывали глыбы на лагерь, стараясь попадать ближе к главному шатру, что уже вбит в землю. Вверх летели стрелы, ни одна не поднялась достаточно высоко, в бессилии падали обратно, только одна пронеслась с огромной скоростью, Иггельд услышал удар, вскрик раненого дракона и сам сразу же закричал изо всех сил:

— Всем обратно!.. Все уходим!.. Немедленно!

Малыш послушно повернулся и понесся быстрыми взмахами в Долину. Без тяжелой ноши ему хватило двух взмахов, чтобы оказаться по эту сторону, Иггельд указал ему на прежнее место, там пусто, все убежали смотреть со стены на артанский лагерь, Малыш послушно опустиллся, замер на миг, тут же повернул голову и посмотрел на Иггельда с вопросом: я все правильно сделал? Я хороший? Ты меня любишь?

— Все правильно, молодец, — ответил Иггельд, в горле появился и начал разрастаться ком. Он соскользнул на землю, подошел и обнял печального дракона за голову. — Ты прости, что я любил... и все еще люблю только одного. Ты хороший, я тебя тоже люблю. Прости, что всю любовь отдавал только одному, а вы оставались моими сиротами... Я люблю тебя, люблю, правда...

Дракон тихо и нежно убирал языком ему слезы, вздыхал, сопел сочувствующе, а Иггельд, наплакавшись, обхватил его умную голову, прижался всем телом, заставляя себя поверить, что это и есть Черныш, что в это тело перепорхнула его душа, чтобы не разлучаться с ним — какой рай, хоть драконий, хоть человеческий, если там не окажется друга?

ГЛАВА 23

Вечером в его доме собрались на первый пир по случаю маленькой победы князя и беры. Они сами настояли, что это победа, даже большая победа. Предупрежденные, уже ждали на стене, видели, как тяжелые глыбы обрушились с пролетающих драконов, как расплющили шатер Ральсвика, как раскатывались и калечили воинов. Сброшено около тридцати глыб, каждая убивала десятки воинов. Камни раскатывались по всему лагерю с огромной скоростью, давили и плющили, а иные разлетелись на мелкие куски от страшного удара о каменное основание долины, получалось еще страшнее: как брошенные руками великана топоры, убивали и калечили всех, кто оказывался на пути.

Судя по всему, погиб не только Ральсвик, но и большинство, если не все военачальники. Вечерами, как обычно, собиравались в шатер к походному вождю на военный совет, тут-то и случилось то, с чем еще не встречались за всю войну. Артанский лагерь если не разгромлен, то обезглавлен, а самим артанам еще долго приходится в себя, так что можно выпить и отпраздновать первую победу...

Иггельд натужно улыбался, сдержанно кланялся, но когда поднялся во главе стола с кубком, напомнил:

— Один дракон убит. Он успел дотянуть, умирая, до пещер, так что наездник уцелел... но теперь такие налеты не пройдут. Артане будут наготове.

Князь Цвигун потянулся к нему с кубком через весь стол.

— Иггельд, дорогой наш вождь!.. Тебе не верили, в тебе сомневались, но ты... ты понимаешь, что ты сделал?.. Ты не просто заперся за крепкой стеной, ты сразу же начал сам их лупить в хвост и в гриву!

За столом дружно выкрикнули здравицу, зазвенели, сталкиваясь над серединой стола, медные и серебряные чаши. Князь Кадом выкрикнул:

— За Иггельда!

Иггельд покачал головой. Лицо стало строгим.

— За победу, — сказал он, — за будущую нашу победу.

Я — лишь песчинка, найдется много более достойных и значимых людей. Сообща мы выдержим натиск, а потом и погоним артан с нашей земли. За победу!

— За победу! — согласился князь Кадом.

— За победу! — выкрикнул князь Онрад.

— За победу, — сказал князь Северин и добавил: — Но ты первый, кто не просто дрался доблестно, думаю, что в этой войне такие все-таки были, но ты и нанес поражение... так что за тебя, Иггельд! За победу и за Иггельда!

— За Иггельда! — прокричали гости, Иггельд с испугом увидел, что это кричат даже охотнее, чем за победу, на него смотрит преданно даже князь Иствич, что всегда неприязненно хмурился, отворачивался при встрече. — За Иггельда!

На другой день Иггельд поднялся на верх стены и долго всматривался в артанский лагерь. Там тихо, умолкли песни, не звучат боевые трубы. От шатра ничего не осталось, не видно даже ключев, хотя камни раскатились далеко.

Со стороны ворот доковылял, прихрамывая, Апоница. Судя по теплому плащу на плечах и бледному лицу, уже давно торчит на стене, не спится, обронил тихо:

— Полагаю, его завернули в шелк шатра.

— А где же он?

— Возможно, уже отправили вниз.

Иггельд спросил недоверчиво:

— Ночью? Ночью даже горцы страшатся ходить по тем тропам над бездной.

— Артане, ты знаешь, ничего не страшатся. Им во многом можно отказать, но не в отваге. Мы получили немалую передышку, Иггельд. Как ты ее используешь?

Иггельд пожал плечами.

— Думаешь, я всю жизнь вел эти войны?.. Получилось то, что задумал, теперь буду дальше... Сегодня облечу горы, посмотрю, что творится. Навещу кое-кого. Пока я зарабатывал на жизнь полетами, я познакомился со многими людьми. Кое-кто, думаю, и сейчас все еще не сложил оружие. Сидят себе в норках! Понимают, что едва высунутся... артанский топор очень скор! Но злобу копят. Попробую если не объе-

динить, то хотя бы узнать, кто еще готов воевать, а кто сдался. Такие тоже будут.

— Еще бы, — обронил Апоница невесело. — Сдавшихся в Куявии всегда большинство.

Две недели по ту сторону стены было затишье. Артан становилось все меньше, на воротах и стене ликовали. Осталось только куявское войско, там уцелели все, они даже не ходили на приступ, шатер их вожака, князя Бруна, в сторонке, как и все куявы, никто не пострадал. Держались тихо, незаметно, словно стыдились своей роли. Чудин и Шварн с другими наездниками драконов часто поднимали своих крылатых друзей в воздух, вылетали из Долины с другой стороны, чтобы не попасть под стрелы удивительного стрелка-героя, подолгу парили над горами и Предгорьем. Они и заметили вовремя, что в их сторону направляется большое войско. На этот раз артане волокут катапульты, на верховых конях везут длинные вьюки. Рыжак, в прошлом умелый розмысл, угадал в них детали камнеметальных машин.

Потеряли Бофора, молодого отважного наездника, он слишком низко пролетал над этим артанским войском, стрелы простых воинов не долетали до его дракона вовсе, но затем вперед выехал молодой гигант на огромном, как гора, коне, вскинул лук, и тогда Шварн, ощутив опасность, закричал всем, чтобы улетали немедленно. Все так и сделали, но гигант пустил вслед стрелу, больше похожую на копье.

Все уносились на всей скорости, как могли, потому не сразу обнаружили, что Бофора с ними нет. Его дракон, сраженный стрелой героя, упал без крика, разбился, они потом увидели издали распластанную тушу, да и ту опознали лишь по тому, что артане остановились, вырезая сердце дракона, и тут же возобновили грозное движение в горы.

Иггельд выслушал, сказал хмуро:

— Что ж, мы сейчас ничего сделать не можем. Но... пусть едут. Посмотрим. Бой покажет.

Апоница сказал осторожно:

— С ними непростой стрелок.

— Знаю, — ответил Иггельд. — Его зовут Франком.

Апоница вскинул брови, глаза внимательно следили за лицом Иггельда.

— Ты всякий раз меня удивляешь. Ты его знаешь?.. Может быть, скажешь заодно, как зовут стрелка, что подбил здесь дракона Чудина?

— Меривой.

— Что?

— Меривой, говорю, его зовут.

Апоница умолк, спросил в затруднении:

— Не понимаю. На них что, написано?

Иггельд отмахнулся в нетерпеливом раздражении.

— Тебе не все ли равно, откуда я знаю? Меривой и Франк — братья-близнецы. Оба сыновья Аснерда, а тот из горных великанов. Их мускулы из камня, потому и луки у них такие, простой человек не согнет. Надеюсь, других таких стрелков в артанском войске нет.

Апоница нахмурился, буркнул:

— Надо сказать Ворсклу, Анапру и Когтю. Они возликуют, возгордятся, что к нам направили лучшие силы.

Иггельд покачал головой.

— Да просто им воевать уже не с кем. Сюда могут приехать все, кроме Придона. Тот занят своей добычей...

В груди остро кольнуло, подумал, не такая ли добыча была у самого, не так ли он с нею обращался? Хотя вряд ли, Придон — чист и нежен, если судить по его песням, он дарит Итании цветы и целует ступни ног, касается губами крохотных пальчиков, а она хохочет от щекотки и брыкается...

Он явно изменился в лице, в глазах Апоницы метнулась тревога, сменилась сочувствием, Иггельд стиснул челюсти, спросил почти грубо:

— Случилось что? Мы выстоим. Более того, им еще ползти к нам почти неделю. Артанам можно устраивать засады по дороге, сбрасывать на них камни. Там немало таких мест, ты сам видел.

Из темного зева пещеры показалась массивная черная голова с белой полоской на лбу. Малыш шурился от света,

но, зачуйв Иггельда, выдвинулся весь, потянулся навстречу. Иггельд погладил по широкому носу.

— Соскучился?.. Я по тебе тоже, если честно. Сегодня летаем.

Апоница сказал с тревогой в голосе:

— Без тебя тревожно.

— Сегодня артане на приступ не пойдут, — заверил Иггельд. — Сам видел, нечем.

— Да знаю... Но ты у нас как счастливый талисман.

— К вечеру вернусь. Малыш, лежать!

Дракон с готовностью лег, косил одним глазом, когда Иггельд взбирался на его спину. Апоница отошел, смотрел украдкой, чтобы не смущать пристальным вниманием этих двух, потерявших своих друзей, что теперь тянутся друг к другу, отдают неистраченную нежность, берегут один другого, притираются заново, последний раз общались, когда вот так же, как сейчас Иггельд взобрался на спину Малышу, тот карабкался на колени к Иггельду.

Иггельд поднял руку в прощании, Апоница отступил еще на пару шагов, а Малыш разогнулся и прыгнул в воздух.

Горы быстро скользили под драконьим брюхом, Малыш мчался стремительно, за последние дни уже набрал вес, нарастил мышцы, сейчас ни разу не растопырил крылья, чтобы отдохнуть на восходящих потоках, без усталости месил воздух, и солнце еще не успело сдвинуться на длину копья, как вдали блеснули искры, солнце отражалось на покрытой металлом крыше.

Иггельд не сразу вычленил взглядом крепость, просто вершина горы стала выглядеть упорядоченнее, завершеннее, и лишь снизившись, рассмотрел эту великолепную крепость, поистине неприступную, суровую, грубо квадратную, с острым шпилем над главным домом. Только одна башенка, там возникает и пропадает единственное цветное пятнышко: по ветру полощется пурпурный стяг — право удельного князя.

Внизу, у основания горы — множество домов, сараев, пристроек. Плотным кольцом окружают гору, дома все каменные, из тяжелых глыб, тоже каждый из себя крохотная крепость, сообща легко отбиться от разбойничающих отря-

дов, а если придут враги, то поднимутся на гору и укроются в крепости.

Малыш раскинул крылья и парил, ожидая наказа. В отличие от Черныша он не мог улавливать желания хозяина, но время от времени изгибал шею, заглядывая вопрошающими глазами Иггельду в лицо. Тот напряженно всматривался, но все тщетно, люди отсюда выглядят одинаковыми, махнул рукой, и Малыш с готовностью сложил крылья, долго проваливался через плотный встречный ветер, снова растопырил крылья, но все еще опускался, Иггельд указал на широкий задний двор, заставленный всякой рухлядью, Малыш в последний момент сложил крылья и упал между телегой и приземистым сараем из тяжелых каменных блоков. Из сарая неслись тяжелые удары железа по железу, потом стихло, приоткрылась дверь, выпустив клубы сизого перекаленного дыма, высунулось потное широкое лицо.

Кузнец — их узнаешь сразу — вытаращил глаза, всмотрелся, ахнул:

— Никак Иггельд?..

— Он самый, — ответил Иггельд. Он быстро соскользнул на землю. — Антланец дома?

— А куда денется? Пьет, тоскует...

Иггельд спросил с недоверием:

— Антланец? Тоскует?.. Что случилось?

Кузнец покачал головой.

— Вот что значит жить высоко в горах... Иггельд, ты хоть знаешь, что на Куявию напали артане?..

Иггельд кивнул.

— Как-то краем уха слышал... Врут небось? Лежать, Малыш! Жди.

Из пристроек начали выглядывать люди: рослые и одновременно кряжистые, со злодейски черными бородами, урюмые, Иггельд на ходу помахал руками над головой и взбежал на крыльцо. Дверь распахнулась без стука, он вошел в просторный зал, тут же хлопнула наверху дверь, на грубой лесеке из гранитных глыб появился огромный косматый Антланец, заспанный, с набрякшим лицом, грузный, сердитый нежданым вторжением.

Всмотрелся, проревел зычно:

— Иггельд?.. Ишь, давненько не виделись, а как вырос, заматерел...

— Спасибо, — ответил Иггельд с неловкостью, Антланец сильно постарел с того дня, как выхватил его буквально из рук смерти, привез сюда, сыновья добирались поодиночке, скрываясь от шныряющих всюду артан. Хотя это было всего месяца три назад и раны на этом потомке горного медведя зажили, он так и остался согнутым и раздавленным страшным поражением. — Спасибо, но вряд ли я так уж сильно изменился...

Антланец зыркнул из-под косматых бровей, проворчал:

— Деликатно напоминаешь, что совсем недавно тащил меня, полумертвого, через всю Куявию, спасал мою шкуру?.. Да не красней, я и не подумал, что ты такое нарочно.

Он спустился наконец, обнял, Иггельд невольно отметил, что в руках горского князя уже нет прежней силы. Похлопывая его по спине, Антланец проводил его в свою комнату, усадил, зычным ревом велел подать вина и мяса.

— Артане, как вижу, — заметил Иггельд, — сюда не добрались?

Антланец отмахнулся.

— Артане да не доберутся? Эти черти могут луну с неба снять!.. Побывали, как же...

— И что? На чем договорились?

Антланец буркнул с неудовольствием:

— Увидели, что с нас взять нечего, а драться можем зло. Удовольствовались, что сообщили, будто отныне мы все под властью Придона, а их артанские законы выше наших куявских. Ну, еще подействовало, что мы в далеком прошлом вышли из Артании. Для них это почему-то очень важно. А с Аснердом мы так и вовсе дружили в молодости.

— Но они знают, — поинтересовался Иггельд осторожно, — что ты был в войске Одера?

— Я сам им сказал, — прорычал Антланец. — Стал бы я скрывать!.. Всю жизнь бы считал себя трусом.

— А что они?

— А им все равно, мы ж сейчас не на поле брани. Поси-

дела, выпили... мы — вина, они — травки... Поспорили, чем луки клееные, составные, лучше гнутых, потом они уехали. Гадко мне, Иггельд... А как ты?

Иггельд помолчал, ответил буднично:

— Сейчас войско Меклена бьется лбом о ворота в мою Долину. Я уже разбил войско Ральсвика, погибли он сам и его военачальники, а Придон, по слухам, послал к нам самого Аснерда. Этот, конечно, покрепче Ральсвика, но не думаю, что и ему дам войти...

Антланец слушал с отвисшей челюстью. Глаза медленно лезли на лоб, пальцы сминали медную чашу. Послышался скрип, Антланец опомнился, чаша с жалобным звоном выпала из каменных пальцев.

— Ты... не признал их власть?

Иггельд кивнул, торопливо добавил:

— Но это не потому, что я такой храбрый... или хороший воин! Артане собираются уничтожить всех драконов, а я за своих драконов сам кому угодно глотку перегрызу.

Антланец смотрел неотрывно, плечи поникли, после долгой паузы сказал осевшим голосом:

— Ты меня... пристыдил. Я на кого угодно мог подумать как на бойца, но только не на тебя.

— Я тоже, — признался Иггельд.

Антланец поднял взгляд, всмотрелся в смущенное лицо молодого погонщика драконов, которого всегда знал именно как погонщика.

— Погоди, погоди... эти все слухи про Ночного Дракона... они к тебе имеют какое-то отношение?

Иггельд опустил голову.

— Уже нет, — прошептал он.

Антланец с тревогой смотрел в его разом помрачневшее лицо.

— Случилось что?

— Черныш погиб, — прошептал Иггельд. — Это его звали Ночным Драконом. Он спасал меня до последней минуты... Он погиб, спасая меня. А мог бы жить.

Голос его прервался, глаза влажно заблестели. Он вски-

нул голову, но слезы все равно выкатились, побежали по лицу. Антланец помолчал, сказал тяжело:

— Пусть ему достанется лучшее место в их драконьем раю... или в нашем. Но ты ошибся, Иггельд! Ночным Драконом называли тебя. Я слышал эти разговоры. Думал, брешут. Всем хочется верить в несокрушимого героя на прилетающем неизвестно откуда драконе. Но ты, оказывается, в самом деле есть.

Он погрузился в глубокую задумчивость. Иггельд рассеянно отрывал тонкие лоскутки белого мяса, иногда отслаивались вовсе тончайшие нити, макал в толченый чеснок, перец, а потом забывал отправить в рот. Антланец мрачнел все больше, отводил взгляд, наконец сказал почти с яростью:

— И что ты хочешь? Показать мне, что бьешься, а я, горный князь, сижу и превращаюсь в трухлявый пенек?

Иггельд сказал испуганно:

— Нет-нет, я просто прилетел... Пока Аснерд поднимается в горы, у меня есть время, потом уже некогда... Просто так прилетел! Мне то ли страшно стало, то ли еще чего...

Антланец горько усмехнулся.

— Скорее это самое «еще чего». Ты начинаешь собирать силы, Иггельд. Ты еще этого не понял, но ты начинаешь. У меня сыновья старше тебя, я знаю, чего хотят, когда только заходят в комнату. Они еще не знают, чего хотят, а я уже знаю!..

Иггельд, ошеломленный, запротестовал:

— Какие силы? Какое собирать?.. Я не знаю, долго ли продержусь, прежде чем Аснерд сокрушит стену и ворвется в Долину... Аснерд не знал поражений! Он побеждал всегда, так что я скорее... скорее прилетел попрощаться!

Антланец нахмурился, маленькие медвежьи глазки всматривались пытливо, сам сопел, похрюкивал, как дракон, пробасил наконец густым сиплым голосом:

— Ну, голову сложить не трудно.

— Теперь да...

— Но ты, думаю, не за тем прилетел, чтобы попрощаться. Не за тем, Иггельд, не за тем... Вот что я тебе скажу. От меня

до твоей Долины далековато. Помощи никакой. Но могу своих сыновей с десяток дать! Помогут оборонять твою Долину.

Иггельд покачал головой.

— Ко мне воинов набежало столько, что горы трещат. Лучше подумай насчет продовольствия. У меня все закрома полны, но если осада затянется, то может не хватить... Мы могли бы на драконах перебрасывать в Долину зерно, а еще лучше — сразу муку. Лучше не затягивать, мои закрома, я уже сказал, не бездонные...

Антланец сказал бодро:

— Это могу сразу!.. Прямо сейчас вытащу все запасы. Бери сколько увезешь. К следующему прилету приготовлю еще. Начну закупать у соседей. У тебя ж там не один дракон? Вот и обеспечим хоть мукой, хоть оружием, хоть чем скажешь. И — еще...

Он умолк, подбирая слова. Иггельд сказал торопливо:

— Этого достаточно! Это больше, чем я ожидал.

Антланец сердито зыркнул из-под нависших бровей.

— Обидеть хочешь? Зря, я тебя люблю и не обижусь. Еще я начну потихоньку готовить своих людей. Когда-то у меня было маленькое, но очень сильное войско. Теперь собрать хотя бы отряд! Но я соберу. И сегодня же отряжу гонцов во все концы страны, чтобы знали, что твоя Долина еще борется, что артанское войско впервые разбито, а один из лучших героев, Ральсвик, погиб. И Придон вынужден послать самого несокрушимого Аснерда...

Ральсвик очнулся, когда его бережно переложили на телегу. Перед глазами выступали пятнами лица, расплывались, голоса то звучали, как удары молотов по черепу, то наступала тишина. Он чувствовал, что все еще молодое, несмотря на возраст, и сильное тело отчаянно борется за жизнь, срашивает сломанные кости, затягивает раны, затыкает сгустками крови отверстия, из которых выходит жизнь, впадал в забытье, но выныривал все чаще и слышал лучше. Череп еще трещал, но зрение восстановилось, отчетливо видел скорбные лица воинов, а когда наконец сумел разомкнуть губы, спросил тихо:

— Где мы?.. Долину взяли?

Подошел Хрущ, Ральсвик отчетливо видел его лицо, сбоку проплывают зеленые кроны, Ральсвик чуть скосил глаза, дощатый борт телеги, но укрыт толстыми теплыми шкурами. И внизу чувствуются эти шкуры. Он лежит на дне телеги, Хрущ идет рядом, держась за борт. Это значило, что они уже покинули горы, там нет такой роскошной зелени.

— Что молчишь? — спросил Ральсвик громче. Он закашлялся, в горле кольнуло болью, тотчас же во рту стало солоно. — Мы... победили...

Хрущ кивнул, глаза темные, лицо за это время покрылось глубокими морщинами.

— Выздоровливай, — сказал он. — Мы сделали все, что могли.

Ральсвик на короткое время впал в забытие, а когда вынырнул, грохот в голове уже прекратился, захотелось есть. Впервые ощутил, что может шевелить руками, а мысли в черепе пошли ясные, уже не порванные на клочья.

— Как все было? — спросил он.

На этот раз рядом ехал Рагинец, тоже непривычно суровый, мрачный. Взглянул на Ральсвика сверху вниз, каменные губы дрогнули в печальной улыбке.

— Оживаешь, вождь? Хорошо. Мы еще потопчем зеленый ряст...

Ральсвик сказал слабым голосом:

— Рагинец, расскажи. Расскажи все, как было.

Рагинец, что ехал и без того сторбленный, мрачный, как грозовая туча, поник, потемнел. Его взгляд с сомнением пробежал по лицу Ральсвика.

— Что рассказывать?.. Это другая война. Мы не готовы.

— И что?

— Я точил топор, — сказал Рагинец. — А все военачальники пошли к тебе на совет. Вот тогда эти... что не умеют воевать по-честному, подняли в воздух всех драконов, какие у них только есть. Мы были не готовы, Ральсвик, не готовы!.. На лагерь обрушили целую каменную гору. Это настоящая лавина прямо с чистого неба. Над твоим шатром сразу — гру-

да камней. Все погибли, я просто не понимаю, из какого железа, что уцелел, хоть тебя и помяло...

Ральсвик долго молчал, перед глазами потемнело, и удержался, не дал себе провалиться в спасительную черноту.

— Что с лагерем?

— Уцелело меньше трети. Много раненых, половина из них замерзла ночью, остальные...

— Что?

— Остальные замерзли на следующую. Что делать, вы три лекаря погибли. Меривой уцелел. Хотя ему камнем поранило плечо, он застрелил одного дракона...

Ральсвик закрыл глаза, затих. Перед глазами медленно проходило все в обратную сторону, от последнего военного совета до похода в горы, до взятия Куябы, наконец добрался до тех счастливых дней, когда сильные и уверенные, исполненные самых радужных надежд, готовили войско, разбились на десятки, десятки соединяли в сотни, а те в тысячи. И как готовились казнить десятника, если не уследит за своими воинами... Интересно, казнили хоть одного?

Он ехал долго молча, наконец прошептал:

— Почему... я без топора?

Рагинец сказал строго:

— Топор надо в руки умирающему, дабы боги увидели воина... А ты еще сегодняшних младенцев переживешь! Вои все заживает, как на собаке.

— Все равно, — сказал Ральсвик, — без топора гадко. Да хоть нож, так выздоравливается быстрее.

Рагинец бросил подозрительный взгляд, помедлил, с неохотой снял с роскошного пояса длинный нож в расшитые бисером ножнах. В глазах на миг появилась боль, Ральсвик быстро отвел взгляд. Понял, мелькнула мысль. Но и отказат нельзя... Хотя отказал бы, если бы я прямо сказал, зачем мне нож.

Он взял нож, поблагодарил, кивком отпустил, сам некоторое время спокойно и расслабленно, трезво оценивая жизнь, поступки, стремления. Поговорил молча с пращурами, объяснил, что и как. Обратился к сыновьям, что подрастают сильными и красивыми, многие станут воинами, хотя стар

ший рвется в купцы, мечтает с караванами забраться в самые дальние страны, повидать дивные народы... Молод еще, не понимает, что предназначение мужчины на земле — не любоваться красотами, не смотреть, кто как живет и какие одежды носит, а перестраивать свою жизнь, жизнь своего народа, делать его сильнее, богаче, красивее...

Пальцы наконец стиснули рукоять ножа. Стараясь делать это незаметно, вытащил из ножен, развернул к себе острием. Кожа под нижним ребром дернулась, ощутив холодное прикосновение. Он задержал дыхание, мышцы напряглись, бестрепетно погружая острое лезвие в плоть. Металл с трудом прорезал тугое, как ствол дерева, тело, достиг сердца, Ральсвик ощутил укол, улыбнулся, наконец-то дотянулся, нажал сильнее, холодная полоса металла очень неохотно вдвигалась в тугую плоть, пока рукоять не уперлась в грудь.

Рагинец остановил коня, телега дотащилась, поскрипывая бортами. В руке Рагинца блистал освобожденный от чехла топор. Ральсвик благодарно улыбнулся, его рука поднялась, и Рагинец вложил топориче в слабеющие пальцы. Ральсвик со вздохом выполненного долга вытянулся, рука с зажатым в ладони топором упала на грудь. Он улыбался, глаза широко раскрылись в изумлении и восторге. Рагинец вскинул голову, стараясь рассмотреть крылатых дев, а когда перевел взгляд на Ральсвика, тот лежал серьезный и торжественный, уже не он лежал, а только его тело, а сам он в этот момент переступал порог небесного чертога, где шумно пируют и веселятся прославленные герои, оставившие поля битв недавно и совсем давно, где рядом с богами сидят древнейшие герои Артании, ее прародители, ее основатели, сильнейшие из героев, равные богам по силе, отваге и боевой ярости.

ГЛАВА 24

На стене тревожно пропели трубы. Иггельд у кузницы осматривал выставленные остывать длинные копья, повернулся, Апоница сказал тревожно:

— Аснерд?

— Да, — ответил Иггельд спокойно. — Должен к вечеру, но, как видишь, умеют двигаться даже быстрее, чем ожидаем.

Многие, покинув дела, уже мчались к городской стене. Иггельд осмотрел еще и мечи, панцири грубойковки, отрянул руки и пошел неспешным шагом в сторону городских ворот. Все, кто видел его прямую фигуру и развернутые плечи, отмечали уверенный вид, насмешливо вздернутые брови, говорили с облегчением друг другу: а наш-то уверен, улыбается! Нет, не взять артанам Долину. Обломают зубы и уползут, поджав хвосты...

Иггельд легко взбежал по ступенькам, ему дали дорогу, он протолкался к навесу над воротами. Там уже стояли князь Цвигун, князь Кадом, князь Онрад, князь Северин, с десяток беров и множество беричей. Все почтительно поклонились, освободили место у самого бортика.

Передние ряды артан въезжали в Долину. Иггельд сразу узнал Аснерда: горного великана трудно не узнать, сам гора и конь под ним гора, от обоих веет несокрушимой силой, уверенностью и нечеловеческим здоровьем. За его спиной скромно держались два одинаковых гиганта, широкие в плечах, как и Аснерд, такого же роста, отличались от него разве что поясами: если их связать вместе, то на стан Аснерда не хватило бы, но в остальном все трое настолько похожи, что рядом с Иггельдом ахнул князь Цвигун:

— Это что... его сыновья?

— Меривой и Франк, — сказал Иггельд. — Стрелки, чьи стрелы пробивают драконьи панцири. Они начеку, так что с вылетами надо быть осторожными...

— Но не прекращать же вовсе?

— Вряд ли прекратим, но... потом обсудим. Смотри, что-то произойдет.

Эти артане все в теплой одежде, учли, что ночами здесь можно замерзнуть, будь у первых хотя бы теплые одеяла, раненые могли бы выжить, за всадниками тянулись тяжело нагруженные лошади.

Аснерд все выдвигался вперед, сыновья приотстали, луки спокойно отдыхают в руках, у каждого стрела на тетиве. Аснерд наконец вскинул руку, толстую, как бревно тарана.

которым выбивают ворота, а ладонь шире корабельного весла. От этого движения проснулись и задвигались чудовищные глыбы мышц, на стене и воротах уважительно присмирели, умолкли.

С навеса кто-то, не выдержав напряжения, пустил в него стрелу. Аснерд со смехом поймал, движение было молниеносным, никто не ждал от гиганта такой быстроты. Блеснул расщеп, это артанин переломил стрелу одной рукой между пальцами, как соломинку. Выглядел он страшным и пугающим, скала на скале, долинники притихли и смотрели с холодным ужасом.

— Куявы! — сказал Аснерд громовым голосом. Земля дрогнула, между тесных гор заметалось испуганное эхо. — Это говорю я, Аснерд, захвативший всю Нижнюю Куявию, Срединную и Верхолесье, все ваши города и крепости! Но мой вождь, доблестный Придон, изволил повелеть отправиться сюда и установить здесь знамя Артании. Ты знаешь меня, Иггельд. И ты знаешь, что я это сделаю.

Артане грозно ударили в щиты топорами. Металлический гул прокатился по Долине, пугающий, неслышанный ранее, холодящий кровь и тело. Иггельд выдвинулся вперед, князья чуть отступили, почтительно давая вождю Долины пространство. Аснерд увидел и приветливо взмахнул рукой. Иггельд лишь слегка кивнул, это нетрудно, он смотрел сверху вниз, это явно раздражает непобедимого Аснерда.

— Я знаю тебя, — ответил он кратко. — Но ты не знаешь меня.

Аснерд расхохотался.

— Как это не знаю? А с кем встречались в прошлом году у нашего доброго друга Антланца? Разве не ты брался переправить в Долину Дивов? Сам ты, помню, не смог, но зато твоя сестренка Яська... Кстати, как себя чувствует? Красавица, мой Меривой сон потерял...

— То был еще не я, — ответил Иггельд очень серьезно. — Или теперь уже не я? Много воды утекло за этот год, Аснерд. А с нею ушел и прошлый Иггельд.

Аснерд покачал головой, глаза стали серьезными.

— Да, ты уже не тот чудаковатый любитель драконов, но я не готов спорить о природе человека. Я просто предлагаю тебе открыть ворота. Ты и твои люди останетесь живы. Более того, сохраните все свое имущество, я прослежу за этим сам.

— А что с Долиной? — спросил Иггельд.

— Мы — артане, — ответил Аснерд с достоинством.

— Догадываюсь, — сказал Иггельд. — Но ты все-таки ответь. Теперь я не просто смотритель драконов, я правлю Долиной. И отвечаю за всех.

Аснерд сказал весело:

— Поздравляю! Ты мне всегда нравился. Как и Придону. Если захочешь, можешь остаться правителем и дальше.

Иггельд повысил голос, почти кричал, чтобы слышало как можно больше народу, пусть сами видят, что именно принесли с собой артане на лезвиях своих топоров:

— А что останется в Долине?

— Многое останется, — ответил Аснерд уклончиво. Добавил: — Останется неизменным.

— Но драконы будут истреблены? — спросил Иггельд горько.

Аснерд ответил после паузы:

— Да.

— Почему? — вскричал Иггельд. — Почему даже не пытаетесь их приручить?.. Почему только истребляете, рушите, ломаете?

Аснерд ответил веско, твердо:

— Наши боги велют очистить землю от чудовищ, что созданы не Творцом, а его противниками, и отдать целиком человеку. А рядом с драконом человек всегда унижен! Потому драконы должны исчезнуть. Мы, артане, это сделаем.

Иггельд покосился на князей, беров, слушают угнетенно, подавленные мощью голоса и уверенностью полководца, что никогда не терпел поражений. Посматривают пугливо и с надеждой на него, Иггельда.

— Ты хорошо сказал, — крикнул Иггельд тоже громко, чтобы слышали все. — Ты не стал лгать, спасибо!.. Но вот тебе мое слово, Аснерд!.. Вы не уйдете из этой Долины. Вы погиб-

нете все. И гибель придет от нашей руки. От рук жителей этой маленькой Долины!

Аснерд захохотал, грохот от смеха ударил в стену как таран, дрогнул камень. Аснерд же повернул коня и поехал к воинскому стану. Иггельд видел, как он разводил руками и что-то рассказывал полководцам, а те тоже начинали раскачиваться в седлах.

Рядом с Иггельдом вздохнул князь Цвигун.

— Ты хорошо сказал, вожь. Хорошо.

— Я сказал то, — огрызнулся Иггельд, — что случится! Мы выстоим. Мы выстоим!.. Мы должны помнить, что выстоим, иначе и жить не стоит. Мы выстоим и... победим.

Аснерд, наученный горьким опытом отважного Ральсвика и бесстрашного Меклена, не стал бросать конников на стены, расположился огромным лагерем. День и ночь стучали молотки, со стены видно, как в одно место свозят доски, бревна, полевую кузницу, собирают ремесленников.

На вторые сутки прибыл еще отряд, Щецин привез части для большого тарана. Он злился, ворчал, что его, сокрушившего не одну армию куявов, послали брать крохотную крепость. Даже не крепость, а горское селение.

Аснерд посмеивался, свысока потрепал по плечу.

— А я, по-твоему, кто?.. Меня тоже Придон прислал сюда, а не на границу с Вантитом.

— Но если ты здесь, — огрызнулся Щецин, — я-то зачем? Аснерд ухмыльнулся.

— А чтоб мне тут не скучно было. Одни молокососы вокруг, только мы с тобой старые жеребцы, верно?.. Или старые орлы.

— Горные?

— Степные, — поправил Аснерд. — Наши степные горных бьют, как коршун цыплят. Щецин, на день-другой быстрее разделаемся с этими любителями крылатых жаб. И забьем последний кол в сердце подыхающей Куявии! Разве это не честь?

— Ладно, — буркнул Щецин, — ты любого уболтаешь.

— А разве не так?

— Ну теперь и я вижу, что почетнее взять это крохотное село, чем Белую Вежу. Этим белым веж брали сотни, а эта Долина в самом деле — последняя!

Огромное таранное бревно поставили на подпорки, умельцы торопливо надстраивали по бокам стены, снимали с телег колеса, укрепляли, ставили в ряд, чтобы выдержали чудовищный вес. Торлец тарана окован железом, а само бревно из редкой породы клена, что по крепости мало уступает граниту. Теперь на границе лагеря постоянно находились двое героев-лучников, но хитрые куявы на драконах вылетали в другую сторону, делали широкий круг, облетая лагерь стороной.

Чудин вместе с грузом муки привез Иггельду клочок выделанной телячьей кожи с грубо нарисованными значками.

— Он говорит, что к нему летать далеко, — передал слова горского князя. — Он постарается устроить склад вот здесь, смотри... Тут удаленное от всех дорог место, домов там нет. А зерно он будет закупать у жителей равнины, там шесть богатых сел вблизи.

Иггельд удивленно присвистнул.

— Это же укорачивает нам дорогу втрое! Мудрый Антланец, сразу придумал, как проще...

Чудин сказал ревниво:

— Подумаешь, мы и сами б докумекали. Будь у нас времени больше.

— И не будь заняты артанами, — добавил Шварн, он смотрел через плечо склонившегося над картой Чудина, морщил лоб, прикидывал, наконец признал: — Но вообще-то здорово!.. У нас продовольствие тает все-таки быстро, он лучше нас это понял. Мы и так на всем привозном, а тут уже беженцы...

Иггельд поморщился:

— Да что ты все: беженцы, беженцы! Как будто дряхлые старухи, что забрались в наши горы, чтобы тут помереть. Половина из этих беженцев — воины. Они на стенах. Злее наших бьются. Мы обязаны не просто кормить их, а кормить хорошо. Чтобы со стен не падали. Что с таранами?

Чудин сразу понял правильно, отчеканил:

— Тараны, катапульты и все тяжелое, что артане ташат в нашу сторону, подвергается... да, подвергается! И мы сверху бросаем камни. Горцы, которым от тебя мы передали последние, нападают, портят. Артане всякий раз останавливаются, чинят. Это надолго!

Шварн хохотнул:

— Еще бы! С полевыми кузницами, что в обозе, чинить можно только топоры или слегка поправить мятые доспехи!

В артанском лагере Аснерд злился: раньше два десятка героев хватали такое вот бревно и бежали с ним к воротам чужой крепости. Одного удара хватало, чтобы любой запор вдребезги, а то и сами створки с петель. Если кого и доставали со стен стрелой, то бегущие рядом тотчас же подхватывали, бревну не давали упасть на землю... Но здесь такое не пройдет. Стрел у защитников в избытке, запаслись, проклятые, стреляют сильно и метко, а сами лучники засели в три ряда. Проклятые куявы!.. К счастью, поздно берутся воевать. Вся страна уже подмята, распростерта, брошена под копыта артанских коней.

За трое суток непрерывной работы, даже ночью стучали молотками при свете факелов, таран собрали и вывезли впереди войска. Получился настоящий сарай на колесах, спереди угрюмо высовывается, как голова черепахи из-под панциря, окованное железом бревно. С каждой стороны по пять толстых колес, крыша из толстых досок, никакая стрела не пробьет.

Со стены, ворот и уступов смотрели молча и настороженно. Два десятка дюжих артан забрались вовнутрь, сооружение заскрипело, колеса дрогнули, начали поворачиваться. Огромная махина тяжело сдвинулась с места. Всадники ехали следом, но со стен полетели стрелы, пришлось подать коней назад, а таран медленно двигался в сторону ворот.

Аснерд перевел дыхание. Тяжелые стрелы куявов втыкаются в дощатую крышу со стуком, мощно, с большой силой.

Если бы в человека, то насквозь. Есть и среди куявов сильные люди, есть. И даже сильные стрелки.

Таран придвинулся к воротам. Тяжелое бревно начало раскачиваться. Щецин и Аснерд затаили дыхание. Достаточно одного удара. Только одного. Никакие ворота не выдержат...

Щецин вскрикнул. На карнизе ворот, как раз над тараном, четверо мужчин, натужась, приподнимали бочку, наклонили... Вниз хлынула широкая черная лента кипящей смолы. Она разбилась о крышу, залила ее, побежала, выискивая щели. Аснерд молча взмолился, чтобы доски были подогнаны хорошо, чтобы дыр не оказалось, хотя понимал, так не бывает, но хотя не обожгло бы людей там настолько, что не смогут раскачивать бревно...

Вслед за струей кипящей смолы сверху швырнули пылающий факел. Аснерд зарычал, как раненый зверь. Факел еще не коснулся крыши таранного сооружения, а Аснерд уже живо представил себе этот страшный костер.

— Сволочи, — сказал он и отвернулся. За спиной раздался далекий крик сгорающих заживо людей. Затрещало дерево, таран разваливался, крики быстро стихли. — Сволочи...

— Мы это упустили, — сказал Щецин несчастным голосом. — В другой раз мы...

— В другой? — спросил Аснерд лютю. — У меня нет другого тарана!

Щецин отшатнулся, заговорил быстро-быстро:

— Привезут!.. Я на всякий случай заказал сразу пять, помнишь? Ты еще меня обзывал, говорил, что я не верю, что куявы сдадутся!

Аснерд стиснул зубы, выдохнул, признался горько:

— Я тогда твой наказ отменил. Зачем, мол, пять? Нам и один не понадобится. Так что не жди.

Щецин усмехнулся, глаза блеснули победно.

— А я снова повторил, — сказал он. — Уже после того, как ты отменил.

— Точно?

— Точно-точно, — заверил Щецин. — Ты мудр в боях, а я — в жизни. Запас редко бывает лишним. Ну затащили бы

на гору и бесполезные бревна, велика беда?.. А сейчас они еще как пригодятся.

— Уже в пути? — спросил Аснерд с надеждой.

— Через три дня прибудет второй, — заверил Щецин, — а еще через три — третий. Долго их делают на месте, потом разбирают, чтобы сюда по частям... Уже послезавтра привезут!

— Хорошо, — буркнул Аснерд.

Он пустил коня в сторону стены. Щецин крикнул обеспокоенно:

— Ты куда?

— Не закудыкивай, — огрызнулся Аснерд. — Похвалить хочю.

На стене народ ликовал, в воздух взлетали шапки, там орали, целовались, хлопали друг друга по плечам. Снизу поднимался дым, огонь быстро погас, но горячий воздух взметывал широкие хлопья пепла, сильно пахло горелым мясом.

Аснерд ехал неспешно, его заметили не скоро, и ликование стихло. На гиганта смотрели с опаской, лучники торопливо разобрали стрелы, начали натягивать тетивы. Иггельд смотрел на артанского полководца и не мог себе представить, чтобы этот конь, больше похожий на слона, мог идти галопом или непристойной для такого гиганта рысью. Аснерд выглядит в седле так, как будто сросся с конем.

Лучник по его сигналу пустил стрелу. Та вонзилась в землю в двух шагах перед копытами. Конь сделал эти два шага, остановился. Аснерд лениво поинтересовался:

— Мне что же, ближе и подъехать нельзя?

— Меньше ехать обратно, — ответил Иггельд лаконично.

— Гм, тоже верно. Меня боитесь даже одного?

— У тебя громкий голос, — ответил Иггельд, — а у нас хорошие уши. Говори, тебя услышат.

Аснерд перехватил быстрый взгляд Иггельда в сторону ворот. Аснерд подбирал ответ, а в голове крутился вопрос, чего же этот горец беспокоится, почему старается не допустить к воротам? Не потому ли, что хлипкие, достаточно пары крепких ударов, чтобы все рухнуло?

— Вы хорошо сражаетесь, — сказал он неспешно. — Та-

ких противников можно уважать. А кого уважают, с тем и разговаривают уважительно.

— Это как?

— Как я, — объяснил Аснерд. — Я разговариваю уважительно.

Иггельд сказал холодно:

— Если ты пришел просто поговорить, ищи собеседников в своем лагере.

— Да нет, — ответил Аснерд легко, — я приехал предложить вам открыть ворота.

— Всего-то? — удивился Иггельд. — А может, нам сразу попрыгать с обрыва, чтоб вам руки не трудить, рубя нам головы?

Аснерд сказал тем же легким голосом:

— Головы рубят трусам, ничтожествам. Сильных и смелых уважаем. Потому и не хотели бы проливать вашу кровь.

— Почему бы не взломать ворота и не войти в Долину, — сказал Иггельд, — нас не спрашивая?

Аснерд вздохнул, глаза померкли.

— Мы так и сделаем. У вас могут быть подземные источники, но зерно и мясо из-под земли не достанешь. Еда когда-то кончится. Голодным сражаться плохо... А мертвые вроде бы и вовсе не воюют, верно? Будете упорствовать, то нам лишь подождать... Оставшиеся в живых так ослабеют от голода, что и ворота открыть не сумеют. Придется в самом деле ломать.

Иггельд помолчал, артанин не должен знать правды, спросил прямо:

— Вам что за дело? Я не поверю, что так уж озаботились нашими жизнями.

— Скажу честно, — ответил Аснерд. — Мне очень не хочется торчать здесь на морозе хотя бы лишний день. Днем здесь ничего, но по ночам вода замерзает! А если придется вот так неделю... я взвою! Мы — люди равнин. Здесь нам плохо. Конечно, мы победим, ты сам это знаешь. Но если на это уйдет неделя, то мои люди так рассвирепеют, что их ничто не остановит. Вырежут всех, даже женщин и детей. У вас пря-

мая выгода открыть ворота сейчас. Вы показали себя сильными воинами, вас зауважали. Так воспользуйтесь же!

Иггельд ответил с холодком, но громко, чтобы слышали все:

— Аснерд, у артан есть время уйти.

— Что?

— Не рассчитывайте, — повторил Иггельд громко, как глухому, — что спасетесь, сдавшись в плен. Нам пленные ни к чему.

Аснерд покачал головой. Оба смотрели друг другу в глаза, все сказано, оба чувствовали, как рвется некая нить, что возникла в тот день, когда он брался доставить их в грозную Долину Дивов. За последние дни истончилась, но рвется только сейчас.

Рука Аснерда рванула повод, конь вздрогнул, никогда так грубо с ним не обращались, поднялся на дыбы, впервые за последние пять лет, развернулся на задних ногах. Иггельд смотрел вслед с неподвижным лицом, но в груди было горько.

Аснерд зря рассчитывал, что второй таран прибудет на следующий день. Прошла неделя, Щецин послал отряд навстречу, те нашли только обгоревшие торцы да выжженные пятна. Неизвестные нападали по дороге, убивали охрану и жгли обозы. Удалось отыскать следы драконьих лап. Все стало ясно, пришлось выслать навстречу Франка, тот встретил обоз на выезде из Куябы и тащился с ним, проклиная все на свете, до самой Долины.

Привыкшие к тяготам артане все же страдали от ночного холода. Костры горели день и ночь, но дерева не хватало. Начали доставлять снизу, из равнины, но неизвестные нападали часто, убивали отряды, жгли собранное дерево. Щецин послал в Куябу письмо с просьбой обеспечить охрану на всем пути обозов. Аснерд разгневался, но Щецин бесстрашно заявил, что иначе воины перемерут без корма, замерзнут на холоде.

— Единственный выход, — сказал он резко, — взять Долину как можно быстрее!

— Возьмем, — прорычал Аснерд зло. — Мы, такие старые волки, да чтоб не сумели?

— Суметь-то сумеем, — ответил Щецин. — Но надо взять быстро.

Со стен с тревогой наблюдали, как из артанского стана выполз второй таран. Полз он так же медленно и уверенно. В полтора раза крупнее, крышу на этот раз заделали так, что ни капли смолы не протечет, а если даже и вспыхнет сооружение, то люди внутри за это время наверняка постараются проломить ворота. За этим движущимся сараем оставались мокрые следы. Похоже, поливали водой всю ночь, за это время настолько пропитался влагой, что воду можно выдавливать, просто ткнув в стену кулаком.

Таран остановился впереди линии артанских войск. Аснерд осмотрел, за ним суетливо двигался Щецин, обошли вокруг, Аснерд сказал громко:

— На этот раз не загорится! Ты чего так суетишься?

— Не знаю, — признался Щецин. — Сам вижу, что стал какой-то дерганный. Тороплюсь, понимаешь.

Аснерд фыркнул, как большой конь:

— А я не тороплюсь? Но — поспешай медленно! Поспешись — кур да куявов насмешишь. Не загорится.

— А если и загорится, — сказал Щецин все так же торопливо, сам заметил, передернул плечами, договорил уже медленнее, — то смола не протечет в щели! А вы все равно успеете сокрушить эти врата.

Из-за деревянной стены донесся нарочито скорбный голос:

— А потом пусть сгорим?

Аснерд расхохотался.

— Сами знаете, — заявил он весело, — мы тут же ворвемся в пролом! Вы только не засните там. Так что, едва ворота рухнут, вылезайте. До вас ли будет куявам? Ладно, двигайтесь! Не дождусь, пока эти ворота рухнут!

Ему подвели коня, Щецин свистнул за спиной, послышался быстрый конский топот. Таран уполз, его провожали весело, многие соскочили с коней и подталкивали сзади, хватались за колеса, помогали проворачиваться и, только ко-

гда со стен полетели стрелы, оставили таран ползти в гордом одиночестве.

Аснерд и Щецин, уже верхом, тоже ехали до той незримой черты, у которой начинают сыпаться стрелы. Хотя эта черта вообще-то зримая, вон на земле эти стрелы с длинным древком, с тяжелым стальным наконечником. Многие с орляными перьями в расщепе, предмет зависти молодых артан, что орлов видят только в небесной дали.

Таран уже доползал, с навеса на него угрюмо смотрели куявы. И со стен. У Аснерда зачесались руки погнать конницу вперед и, не считаясь с потерями, побивать их стрелами, но это в нем кричит молодой и яростный воин, что все еще не угомонился, а мудрый и зрелый военачальник возражает знающе, что куявы с их длинными стрелами многих перебьют раньше, чем те доскачут на расстояние выстрела. Потом укроются за каменными выступами, а стрелять могут вообще не глядя: навесным огнем, когда тяжелая стрела идет по крутой по дуге, а потом с большой силой вниз, разбивает даже щиты, убивает, калечит...

За тараном блестела мокрая дорожка, при каждом движении кто-то да сжимает, надавливает, и мутная вода стекала по колесам на каменистую землю, капала с днища. Таран подполз к стене, бревно начало раскачиваться.

Аснерд затаил дыхание и ощутил, что вместе с ним затаили дыхание все артане. Движение вверх привлекло внимание. Не на том же месте, откуда в прошлый раз лили смолу, намного выше, на каменной стене двое длинными шестами подваживали огромный камень.

Щецин тоже вскинул голову, побелел, завизжал непривычно тонко:

— Назад!.. Назад!.. Они...

Камень размером с быка сорвался с уступа. На стене радостно закричали, артанское войско колыхнулось назад, словно это могло спасти таран. Аснерду в странном оцепенении почудилось, что камень словно бы завис на краткий миг, а потом обрушился прямо на середину крыши.

Треск и грохот донесся до артанских рядов, как будто рушилась на головы крыша собственного дома. Камень, сокру-

шив сооружение, ударился в каменную плиту с такой силой, что земля под ногами дрогнула. Аснерд с пугающей ясностью ощутил, что он здесь останется надолго. Очень надолго.

Ярость, злорада, разочарование и смятение сшиблись в груди, он зарычал, но рык превратился в стон. Ощутил, что уже в самом деле стар, что эта осада высокогорной крепости не по нем, ему бы на лихом коне в чистом поле, а здесь бы молодым попробовать зубы...

— Какие молодые, — прошептал он. — Если я и то... Щецин, с таранами все кончено. Надо иначе...

Щецин неотрывно смотрел на остатки тарана. Огромный камень сплющил так, что даже бревно переломил, как лучинку. Из-под разбитых досок сумел выползти только один, уцелевший чудом, но пропела одинокая стрела, и артанин застыл, раскинув руки. Стрела торчала из затылка, похожая на дротик.

— И что теперь? — спросил он безнадежным голосом.

— Катапульты, — ответил Аснерд раздраженно.

Щецин стиснул челюсти. Катапульты — это долго, это монотонное перекидывание через стены камней, кувшинов с горящей смолой, снова камней — больших и мелких...

— А что еще остается? — спросил он трезво. — Боюсь, что здесь задержимся дольше, чем хотелось...

Аснерд громыхнул, как гром в тучах:

— Надо — задержимся! Но я пробью эту стену и войду в проклятую Долину — клянусь Артанией!

В чистом небе прокатился грохот, на ясном небе вспыхнула молния. Щецин посерел лицом, чуть присел, из него вырвалось с потрясенным вздохом:

— Ты что сказал?.. Боги Артании услышали и приняли твою клятву!

ГЛАВА 25

Две недели в артанском стане томились в жутком безделье, что нагоняло уныние и запускало нехорошие слухи среди недавно такого победоносного войска. Каждый день сооб-

шали, что катапульты уже движутся, что, возможно, удастся втащить по узким горным тропам в неразобранном виде, но если придется разобрать, то это лишь ускорит прибытие в лагерь, а соберут тут быстро. Зато кюявы попляшут, никакой пошады...

Зато по другую сторону стены Иггельд не верил глазам: долинники не только отказывались сдаться, они даже не просто готовились драться, они готовились счастливо, ликующе, словно предстояло идти на великий праздник, где кровью смоют позор со всей Куявии. Всюду он видел ясные глаза и чистые лица, наполненные внутренним светом. Испарились, как пар, прежние мелкие ссоры и недоразумения, даже самые заклятые противники, как братья, таскали камни на стены, бочки со смолой, связки тяжелых дротиков.

Аснерд привел отборные войска, другие вообще не смогли бы пройти по узкой тропе над пропастью, но конницу при штурме крепости не употребишь, все говорят о катапультах... но вряд ли удастся их доставить в неразобранном виде. Камнемёталки тоже придется собирать уже здесь, широкие, стервы, много места занимают, но если сделать хоть чуть поуже, то переворачиваются после броска. Гномы, похоже, отказались рушить стену людей, с которыми у них не было ссор. Приходится рассчитывать только на артанскую отвагу, крепость рук и силу духа. Впрочем, разве этого не хватило, чтобы покорить необъятную Куявию?

Наконец в артанском лагере вспыхнуло оживление, переросло в веселье. С ворот, со стены и особенно с высоких скал с тревогой наблюдали за прибытием странных механизмов. Князь Цвигун, опытный в таких делах, сразу определил, что привезли катапульты, за пару дней соберут, а потом начнутся неприятности. Катапульты бьют с большей дистанции, чем самые лучшие стрелы, в ворота крепости будут бросать огромные камни, пробовать разрушать такими же камнями стены...

Иггельд добавил:

— Я видел, как работают эти штуки. Они будут швырять и через стену. Не только камни, но и факелы, бочки с горячей смолой.

Иствич усомнился:

— Откуда у них смола?

— А у нас?

— У нас хозяйство, а они — конное войско!

Иггельд кивнул, князь Иствич не заметил, как назвал хозяйство жителей Долины своим, уже не отделяет себя, как в первые дни.

— Но кто, — сказал он, — помешает накалить камни в огне, а потом швырять через стену? Такая раскаленная глыба вызовет пожаров больше, чем десяток факелов! Ты все понял?

— Понял, — ответил Иствич поспешно. — Сейчас же уберем все из пристроек. А потом сами же спалим.

Цвигун предостерег:

— Народ испугается.

— Еще больше испугается, когда сожгут артане, — возразил Иствич. — Все, куда могут добросить эти чертовы катапульты, надо очистить!

Иггельд подумал, что, к счастью, застройка Долины шла от питомника драконов, что в противоположном конце. Там сосредоточено все самое важное, там и жилье, а здесь только пара кузниц, пять домов самых последних переселенцев да две мастерские по обдирке камня. Все это нетрудно переместить вглубь. Сделать надо побыстрее, самим все сжечь, а лучше перетащить подальше бревна и доски, дабы не радовать артан зрелищем горящего дерева.

Два дня катапульты все прицельнее и прицельнее бросали каменные глыбы в стены и ворота. Аснерд ожидал, что после первого же камня в ворота они разлетятся вдребезг или хотя бы распахнутся, но ворота, к его удивлению, стояли нерушимо. Глыбы били с грохотом, дрожала земля, толстые доски измочалило, но ворота даже не вздрогнули.

Щецин наблюдал жадно, он первым сказал вслух то, что у Аснерда давно уже вертелось в голове:

— Либо насыпали гору песка, либо подперли целой скалой.

Аснерд буркнул:

— Что ж, зато сами не выйдут.

— Куда? — не понял Щецин.

— Сюда, — ответил Аснерд раздраженно. — Не нападут, понял?

Щецин сказал обиженно:

— Все остришь... Хотя что еще остается?

— Остается бросать через ворота, — сказал Аснерд.

— Камни?

— Камни, огонь... Придется попросить еще две-три... да какие две-три, тут десяток нужно. Черт, как я все это объясню Придону? Куявию захватили, а клочок размером с хороший огород не можем? Одни катапульты будут обстреливать стены и бросать камни через ворота, другие пусть бьют в стену.

— А сами ворота?

— К воротам пошлем новый таран. Уже под прикрытием катапульт... Думаю, за два-три дня такой вот обработки камнями у них народу останется меньше. Ладно, за это время подготовим лестницы.

Щецин взглядом измерил высоту стен, вздохнул:

— Даже если связать по две, и то не достанет до верха...

— Связывай по три, — велел Аснерд раздраженно, — но мы должны попасть по ту сторону ворот!.. И так от этого похода ничего не получим, кроме насмешек!

Он хлестнул коня, тот пошел тяжелым галопом вперед. Щецин крикнул вдогонку:

— Ты куда?

— На стене Иггельд, — крикнул Аснерд. Щецин послал коня рядом, Аснерд продолжал: — У меня глаза хорошие, я вижу даже застежку на его плаще. Нравится мне этот парень, в самом деле нравится! И говорить с ним нравится. Есть в нем достоинство, есть. Даже более, можно сказать, стойкое, чем у наших... Без бахвальства, спокойное и твердое.

Они оказались вблизи ворот, навстречу полетели стрелы, Щецин закрылся щитом, Аснерд даже не обратил внимания, железные наконечники в бессилии стучались о его грудь, плечи, падали под копыта коня, а если кто пускал с большой силой — разлетались в щепы.

— Иггельд! — вскрикнул он. — Ты слышишь меня?

Иггельд сделал знак прекратить тратить стрелы — Аснерд можно взять только теми стрелами, которыми сбивают драконов, — подошел к каменному бортику.

— Говори, если есть что сказать.

Аснерд широко усмехнулся.

— Ты прав, надо говорить только тогда, когда есть что сказать. Но к старости мы все становимся болтливыми, нам просто хочется поговорить. Не с дураком, конечно. Иггельд, ты не опьянел ли от счастья, разбив отряд Ральсвика? Но это был лишь ветерок! Сейчас пришла буря.

— Буря, — ответил Иггельд, — заставляет дубы глубже пускать корни.

Аснерд подумал, покачал головой.

— Знаешь, Иггельд, — сказал он с искренностью в голосе, которой Иггельд поверил, — я предпочел бы иметь тебя другом, чем врагом.

Слова простые, затертые, но Аснерд смотрел вверх в ожидании ответа, Иггельд произнес такое же затертое:

— Каждый хочет иметь друга, но никто не хочет быть другом.

Аснерд развел руками.

— Иггельд, Иггельд... Ты и так уже стяжал славу! Но мне хотелось бы, чтобы веноч победителя получил ты, а не твоя вдова. Мудрецы говорят: будь благоразумно отважным.

Иггельд покачал головой.

— Разве не ваши же мудрецы говорят: добро потеряешь — не много потеряешь, честь потеряешь — много потеряешь, мужество потеряешь — все потеряешь.

Щецин за спиной Аснерда посматривал обеспокоенно то наверх, где рядом с Иггельдом в готовности застыли дюжие лучники, то на Аснерда, что выехал поговорить вроде бы бесцельно, но Аснерд слишком опытен, чтобы говорить бесцельно. Да и вообще, чем больше говоришь с человеком, тем труднее ему поднять на тебя оружие, так что Аснерд очень непрост.

Аснерд красиво и грохочуще расхохотался.

— Иггельд, ну какие в Артании мудрецы? У нас хороши только топоры в руках. Мудрецы у вас, в Куявии. А они гово-

рят: мужество больше проявляется не в том, чтобы затеять драку, а в том, чтобы уметь избежать ее. Так будь мудр, избегни этого кровопролития! Меня уже, если честно, пугает эта война. Слишком много погибло, слишком много крови, слишком много сожженных городов...

В голосе старого воеводы неподдельная искренность. Он поднял на Иггельда глаза, у того пробежали мурашки по коже: Аснерд говорит веселым и беспечным голосом, но сам страдает, война получилась страшнее, чем рассчитывали вторгнувшиеся артане.

— Погибли многие? — переспросил Иггельд. — Аснерд, ты ужаснулся лишь потому, что начали погибать и артане! Пока погибали куювы, ты шел с песней. Аснерд, теперь артане погибли все!.. У вас есть только одна возможность — как можно быстрее уйти. Спуститься с гор, вернуться в Артанию, избегая драк. Мы за вами не последуем. Но здесь останетесь все. До последнего человека!

Аснерд сказал насмешливо:

— Неужто обещаешь похоронить здесь всю артанскую армию?

— Нет, — ответил Иггельд серьезно. — Хоронить не будем. Просто сбросим трупы в пропасть. Ты видел, что у нас за пропасти?

Аснерд проговорил медленно:

— Когда мы встретились первый раз, ты был совсем другим.

— Тогда я знал только драконов, — ответил Иггельд. — А драконы не предают, не лгут, не хитрят. Теперь я опустился до уровня людей. Ныне я всего лишь человек, Аснерд. Всего лишь.

Артанские всадники все чаще, на скаку стреляя из лука, вихрем пронеслись возле стены. Оттуда, часто сменяя друг друга, стреляли из луков, лили кипящую смолу, но когда артане перешли к обстрелу издали из катапульта, на воротах и на скалах остались одни часовые. Иггельд просчитался: катапульты бросали намного дальше, чем он полагал. Горящие

факелы, тяжелые камни и жгуты с пылающей паклей летели на крайние дома, расцветчивали огнями крыши.

Народ высыпал на улицы, все карабкались наверх, сбрасывали факелы, горящие поленья, камни, внизу их тут же заливали водой. Полные ведра начали подавать на крыши. Кое-где уже поднимался дым, вспыхнул огонь, слышались испуганные крики. Из одного дома начали спешно выносить вещи. Уже и на дальних домах на крышах появились люди, половина из них — женщины и дети. Опираясь на багры или размахивая ими, указывали на летящие через стену камни, горящие обломки дерева.

Воздух наполнился запахом гари, дым то поднимался ввысь, то, прибитый ветром, стелился по самой земле, слепил глаза и вызывал сильный кашель. Один дом сгорел, как стог сухого сена, остальные удалось спасти, заливая пламя водой, накрывая мокрыми одеялами. Но тяжелые камни повреждали крышу, а в одном доме обрушилась не только крыша, но и часть стены. Лекари с помощниками спешно отгаскивали в безопасное место раненых и обожженных.

Аснерд, судя по всему, попытался взять защитников измором. Используя численное преимущество артан, он приказал постоянно атаковать, держать куявов в напряжении, так что, помимо стрельбы из катапульта, мелкие отряды конников то и дело на полном скаку устремлялись к стене. Их встречали градом стрел, хотя, собственно, они ничего не могли бы сделать, лестниц ни у кого в руках не видно. Но стреляли по ним постоянно, пусть не думают, что позволят лезть на стену, а драться будут только там, наверху.

Женщины наперебой таскали к стене горшки с горячим супом, ковриги хлеба, головы сыра. Мужчины кричали им, чтобы близко не подходили, артане швыряют камни не переставая, лучше они подойдут... когда возникнет какая-то передышка.

Передышки не было, катапульты скрипели, трещали, бросали камень за камнем, бой шел на узком участке, так что не только артане могли отдыхать, долинники тоже часто сменяли друг друга на воротах и стенах. К тому же именно сейчас

пригодились беженцы, охотно бросали в артан камни, лили смолу, метали дротики и стрелы.

Иггельд с изумлением увидел, что уже привыкает к этому новому миру, где через стену и ворота летят раскаленные камни, горящие поленья и даже бревна, когда кто-то падает, раздавленный в лепешку или ушибленный, на ком-то загорается одежда и он начинает с криками кататься по земле. Привыкли и другие, даже женщины подходили к той зримой черте, куда долетали камни, ставили столы и разливали по мискам суп, уже не обращая внимания на грохот, треск, на падающие в трех шагах камни.

Люди, в первые дни притихшие и подавленные, теперь часто шутили, смеялись. Все рассказывали, что артан погибает каждый день в десятки, если не в сотни раз больше, их удалыцы время от времени выезжают к воротам и начинают стрельбу из луков. Они настолько уверились, что лучшие стрелки — артане, что все еще гибнут десятками, но упорно пытаются выбить долинников со стены и с навеса.

Иггельд подозвал Добронег, тот примчался весь в мыле, теплая вязаная рубашка промокла, лоб мокрый в поту.

— Слушаю, князь!

Иггельд поморщился, еще не привык к такому титулу, все время кажется, что насмешничают, велел строго:

— Остаешься за меня. Следи строго!

— Да я их, — сказал Добронег и показал кулак. Поинтересовался: — Решили, ваша светлость, все-таки отдохнуть?

— Да, — ответил Иггельд. — С Малышом в обнимку.

— С... ма... малышом?

— Да, — ответил Иггельд. — Это такая большая ящерица с крыльями. Может быть, ты ее даже видел.

Добронег смотрел вслед вытарашенными глазами, а Иггельд подмигнул ему ободряюще, быстрым шагом вышел, хотелось побежать, но нельзя бежать от этого грохота, треска, огня и дыма, падающих с неба камней, могут не так понять, а бежать хотелось потому, что пришла в голову еще одна идея.

Малыш ринулся навстречу, Иггельд заорал и выставил ладони. Горячий красный язык исхлестал его щеки, соскучившийся дракон в восторге свалил его наземь и излизал с

головы до ног. Иггельд вопил, ругался, отбивался, наконец дракон не то чтобы утих, но обрел способность слушать, а Иггельд кричал в уши:

— Малыш, пора нам растопырить крылья!.. Да-да, летаем. Но только...

Но дракон снова в неописуемом восторге смачным шлепком языка свалил его наземь, искалал, прыгая вокруг на всех четырех, как козленок. Иггельд наконец взобрался на загривок, сердце колотилось часто, в груди растекалась сладкая тоска. Малыш точно так же ликует, радуется, скачет, хрюкает и умирает от счастья, хотя его не прятал за пазухой, не спасал, не ел с ним из одной миски, а только иногда брал на руки, пускал на колени, переворачивал на спину и чесал белое нежное брюшко, похожее не то на брюхо большой жабы, не то на пузо толстой рыбы.

Свежий холодный мир рванулся навстречу. Резкий воздух забил легкие, превратился в ветер. Малыш на большой скорости поднимался по спирали вверх, ввинчивался в небо, выказывая всю мощь могучего зверя, только он, сын непревзойденного Черныша, мог подниматься по такой крутой спирали, а все остальные драконы нарезают кольца в десятки раз шире.

— А теперь, — сказал Иггельд, — давай-ка чуть левее...

Мир внизу уменьшился, измельчился, Долину Грез можно легко охватить одним взглядом. Домики крохотные, люди размером с муравьев. А по эту сторону стены, что выглядит всего лишь белой полоской, несметное войско артан.

Иггельд зябко передернул плечами. Их слишком много. Хорошо различимы четыре катапульты. Видно, как подпрыгивают, выбрасывая очередной камень. Сам летящий камень с такой высоты не видно, тут они с Малышом переосторожничали, поднялись так, что вот-вот разобьют дурные головы о хрустальный небосвод.

— Хорошо, — прокричал Иггельд. — Сюда даже Франк не добросит стрелу! Возвращаемся.

Каменотесы под руководством Апоницы откололи и приготовили несколько глыб. Малыш распластался как можно больше, но все равно Рыжак и Тмин затаскивали первый ос-

колочек долго, хрипели, стонали. проклинали артан. Иггельду надоело ждать, он подхватил второй и занес на спину Малыша, где закрепил между шипами. Рыжак завистливо качал головой.

Малыш на этот раз поднимался уже широкими кольцами, крыльями взмахивал часто, под Иггельдом хрипело и свистело, будто ветер выходил из туго сжатого дырявого мешка. Иггельд посматривал на вершины гор, дракон по его толчку вылетел на открытое место. Далеко внизу четыре катапульты мерно подпрыгивали, крохотные камешки вылетали из длинных ложек и, описав длинную дугу над стеной, исчезали в стене дыма на той стороне.

— Левее, — велел Иггельд. — Та-а-ак... давай по кругу!

Малыш не понял, пришлось постучать ногой, одновременно Иггельд повторял командное слово, чтобы и Малыш запомнил, как знал все команды Черныш, потом передвинулся к камню, веревка лопнула под лезвием ножа. Ветер пытался сдвинуть камень, руки Иггельда напряглись, удерживал до тех пор, пока не решил на третьем круге, что высчитал скорость полета дракона и расстояние до катапульт. Малыш послушно летал кругами, Иггельд хотел подать его еще левее, но с такого расстояния точно так же легко и просчитаться, рискнул и столкнул камень.

Малыша подбросило, он удовлетворенно каркнул, выпуклый глаз следил за хозяином: давай скорее и вторую глыбу прочь с моей нежной и замечательной спины, но Иггельд с зажатым дыханием следил за падением камня. Уже сразу стало видно, что камень летит мимо, и чем ближе он к земле, тем дальше от катапульт...

— Левее! — велел он. — Еще, еще... Так, по кругу!

Он держал взглядом вершины гор, на катапульты не смотрел, глыба скатилась в тот момент, как он и хотел, но тоже пошла не совсем так, как наметил... К счастью для него и несчастью для себя, артане выстроили катапульты красиво в ряд, Иггельд метил в крайнюю левую, но промахнулся на целых три, даже все четыре — глыба упала уже за последней катапультой, промах, но удар о каменную землю настолько силен, что глыба разлетелась на куски.

Что катапульта вышла из строя, он узнал уже на земле. Рыжак возбужденно сообщил, что гранитным осколком надрубило ложку катапульты, как острым топором, теперь переломится от собственной тяжести.

— Тебе бы ниже, — сказал он нерешительно, — но артане, говорят... могут достать стрелами?

— Да, после того случая... — ответил Иггельд. Он оглянулся на отдыхающего дракона. — Но я сейчас продумываю еще один способ...

— Слишком рискуешь, — заметил Шварн. — Ты князь, а князь должен руководить, а не бросаться сам в бой! Может быть, пусть лучше Беловолос или Чудин?.. Их не жалко. Беловолос проиграл мне свои сапоги, но отдавать отказывается, а Чудин вообще рыжий...

— У них драконы не столь обучены, — возразил Иггельд. — Но если у меня получится, тогда им тоже можно. Пусть посмотрят, поучатся, а потом сделают так или лучше. Я думаю, завтра попробуем подниматься не так высоко. Правда, на такой высоте Меривой и Франк могут достать нас стрелами, но не могут же сидеть с натянутыми тетивами? Мы вылетим неожиданно из-за гребня Черной Горы, я сброшу оба камня и тут же снова за гребень. Никто не успеет схватиться за лук!

Шварн с сомнением покачал головой.

— Рискованно. Кто-то из них может стоять уже с луком в руках. А вскинуть его и метнуть стрелу — один миг. Особенно для Меривоя или Франка.

Аснерд был в ярости. Если сверху разбили одну катапульту, так же точно могут разбить и все остальные. По его приказу Меривой и Франк не ввязывались в перестрелки, а с луками наготове сидели, отдыхая, на сколоченной для них лавке. При них двое молодых воинов, что не сводили глаз с синего неба.

Меривой и Франк лениво посматривали по сторонам из-под припущенных век. В небо не смотрели, чтобы не утомлять глаза, под рукой россыпью стрелы. Однажды уже срази-

ли точно такого же черного как уголь дракона, блестящего металлом чешуи, тогда был страшный рев, треск ломаемых о камни крыльев, сильный удар из бездны, куда рухнула громадная туша. Рухнут и все эти, для героя сразить дракона то же самое, что для простого охотника подстрелить утку...

Иггельд собирался вылететь из-за гребня, но чутье предупредило, он прошел над самым гребнем, сразу же со страхом увидел лучников, и тут же они с Малышом скрылись за скалой. Они едва-едва успели перевалить через гребень, когда страшно щелкнуло, металлическая стрела выскла из камня сноп искр. Иггельд успел увидеть, как блестящая искра ушла в небо.

Сердце сжал страх, душа колотилась, как высохшая горошина в стручке. Малыш не заметил, что был на волосок от гибели, хорошо, иначе чувствительный дракон будет страшиться любого человека с луком в руках или за спиной.

На этот раз он поднялся так высоко, что Долина показалась крохотным пятнышком среди нагромождения гор. Сбросил, но камень, как он видел, грохнулся на пустое пространство. И то счастье, что вообще попал в долину с артанами.

Вечером, когда они с Апоницей ужинали, сказал внезапно:

— Я, пожалуй, попробую ночью.

— А как Малыш? Он, как помню, по ночам не летал. Вообще наши по ночам не вылетали. Это, прости, умел только Черныш. Остальные не показывают носа из пещер.

— Думаю, справимся.

— Смотри, Иггельд, — сказал Апоница предостерегающе, — драконы по ночам — это что-то совсем новое.

— Но я летал, — напомнил Иггельд.

— Что с бедным драконом не проделывал, — вздохнул Апоница.

— Они ночью не охотятся, — сказал Иггельд, — вовсе не потому, что ни черта не зрят. Просто ночью всякая дичь спит в норах. Я проверил, они, конечно, не так хорошо, как днем, но видят... И, во всяком случае, видят лучше нас с тобой.

Дракон даже в ночи может стать уязвимой мишенью, но первую катапульти Иггельд разбил, пользуясь тем, что никто просто не ждал ночного нападения. Он взлетел, тщательно прицелился с небольшой высоты, метнул камень, внизу грохот и треск, затем вторая, и тоже сравнительно удачно. Правда, вторая катапульта уцелела, зато угодила в костер, вокруг которого спали артане. Ночи холодные, спят все, съезжившись, сгрудились прямо к огню, и глыба, разлетевшись на мелкие куски, иссекла их, как острыми топорами.

Повезло еще, что наступило новолуние, исчез лунный свет, но звезды, проклятые, выдавали его передвижение по небу. Он мечтал о тучах, облаках, а ночи стояли ясные. Приходилось забираться повыше, камни метал с высоты, на этот раз ориентировался на костры. Разбил еще две катапульти, Аснерд в ярости приказал гасить костры, это вызвало недовольство, тогда он велел разводить костры только под самыми стенами, даже под выступающими каменными навесами, а их немало. А после того, как проклятый наездник дракона предпоследнюю катапульти разбил камнем вслепую, ориентируясь только на огни костров, велел с наступлением темноты перевозить катапульти в другое место.

Иггельд вылетел сегодня без камней, долго изучал расположение артанского лагеря и союзного куявского. Шатер князя Бруна стоит посреди вспомогательного куявского войска. Они пока что участия в штурме не принимают, довольствуясь пассивной осадой. В Долине с надеждой поговаривали, что куявы возьмутся за оружие и как-нибудь обратят против захватчиков. Иггельд такому не верил, но уже то, что куявы не бросаются на стены, говорит в их пользу. С другой стороны, они же видят, что Долина защищается, что куявы стараются, что дают отпор врагу! Но стоят и смотрят?

Дерзкий план зародился еще три дня тому, но сперва Иггельд гнал его, но теперь, когда осталась одна-единственная катапульта, идея насчет вылазки перестала казаться нелепой. Артане знают, что куявы замуровались в своей норе и носа не высунут, дозоры ставили только в первый день, а теперь, как он видел со спины Малыша, ночью ложатся все, а если

костры где и горят, то лишь у тех, кому вздумалось поджарить среди ночи мяса.

Цвигун выслушал, сказал пораженно:

— Ты прям зверь! Кровожадный.

— Не мы пришли с войной, — напомнил Иггельд серьезно. — На тебе останутся веревки, понял?

— С этим справится и Северин, — возразил Цвигун, — а я пойду с тобой.

— Мне важнее, чтобы мы успели вернуться!

— Северин справится, — повторил Цвигун уже сердито. — А я воевал, когда ты под стол пешком ходил! Нет, еще на четвереньках лазил!

Иггельд отобрал из добровольцев на этот раз не лучших стрелков, а самых крепких и быстрых, вооружил мечами, велел надеть доспехи. В полночь поднялись на стену. Ночь безлунная, только звезды на небе, тонкий серпик луны появится дня через три-четыре, вся нижняя долина кажется вымершей, только вдали с десяток костров, но там уже отвесные скалы. Если бросить с дракона камень, ударится о каменный карниз и рассыплется без всякого вреда для артан.

Толстых веревок с узлами со стены сбросили вдвое больше, чем шло с Иггельдом. Это на случай, если убежать в спешке, в темноте чтобы сразу ухватился, от этого зависит жизнь. Паршиво быть убитым по возвращении у своей же стены по нерадивости.

Спускались с такой осторожностью, что боялись дышать. Вернее, их спускали со стены, оставалось только держаться покрепче да отпихиваться от стены, чтобы не ободрать рыло. Камни все уходили и уходили вверх, Иггельд чувствовал, что опускают в какую-то бездну, стало совсем темно, справа и слева слышал сдержанное сопение, в темноте угадывались некие тени.

Подошвы стукнулись о твердое. Он поспешно отпустил веревку, сделал шаг от стены. По обе стороны вдоль стены появлялись сгустки мрака, все одеты в черное, только изредка где блеснет светлая полоска зубов: улыбаются с облегчением, словно уже половина дела сделана.

— Идем гуськом, — сказал Иггельд негромко, — когда

нас обнаружат, кричим: «За князя Бруна!» Запомнили? Но не раньше чем нас обнаружат!

— Все сделаем, княже!

Глаза уже привыкли к темноте, он вовремя рассмотрел спящих артан. Почти все лежат, плотно завернувшись в теплые одежды, все прижимаются друг к другу плотно, стараясь сберечь остатки животного тепла. Цвигун приложил палец к губам, указал дальше в непроглядный мрак.

Иггельд кивнул, у Цвигуна глаза острее, он в темноте видит почти как днем и если говорит, что там катапульта... Они шли между спящими, и если кто и слышал их через скрывающий сон, никто не шелохнулся, не спросил, что случилось, почему не спят, ведь ночи здесь, несмотря на конец лета, почти зимние...

Миновали еще с десяток мест, где артане спали тесными кучами, из мглы выступили толстые бревна, нелепо задранная кверху массивная ложка, сейчас пустая, ремни на ночь ослаблены. Цвигун торопливо присел, Иггельд видел по его движениям, что вытаскивает из бурдюка затычку. Добронег зашел с другой стороны и острейшим ножом быстро-быстро резал на куски толстые ремни.

Люди за спиной Иггельда обнажили мечи. Он покачал головой, дождался, пока Цвигун вылил все содержимое бурдюка на катапульти. Настал опасный момент, когда он присел и быстрыми движениями начал высекать огонь.

Едва первая искра прыгнула на подготовленный факел, Иггельд сказал тихо:

— Пора!.. Шум не поднимать!

Воины окружили спящих, он видел, как разом наклонились. Он услышал только два-три всхлипа, остальных зарезали быстро, умело, как привыкли резать баранов, чтобы те расставались с жизнью мгновенно, без боли и мучений.

Выпрямился Онрад и показал большой палец. Иггельд кивнул, они точно так же окружили другую группу спящих. Там вдвое больше, но опять же ни один не успел проснуться, а долинники торопливо перешли к третьей группе.

Иггельд с обнаженным мечом остался у катапульты. Цви-

гун поджег факел и швырнул на широкое деревянное ложе. Взметнулось, как проснувшийся дикий зверь, яркое, жаркое пламя. Цвигун попятился от его зубов, закрываясь руками от жара, бер Коготь ухватил за плечи и оттащил в темноту, за круг света.

Удивительно, но никто не проснулся, только у дальнего костра один поднялся и стоял перед огнем — Иггельд отчетливо видел темный силуэт на красном пламени, — всматривался в горящую катапульти. Из темноты, где люди бера Булата приканчивали новую группу сонных артан, донесся слабый вскрик. Иггельд набрал в грудь воздух, готовый заржать, но снова тишина, только неясный шум там, в полутьме, тяжелое дыхание. Цвигун и Добронег исчезли, Иггельд бросил последний взгляд на горящую катапульти, похоже, уже не спасти, отступил в темноту и уже в одиночку пошел в противоположную сторону от группы Булата.

Почти сразу наткнулся на спящих. Спасаясь от ночного холода, люди сползли в кучу, как тараканы. Иггельд на миг ощутил жалость, ничего геройского в этих скрюченных телах нет, просто несчастные, что пытаются сохранить тепло своих тел, разжигать огонь не велено, но рука уже потащила меч из ножен.

Он постарался представить себе, что режет баранов. Просто режет баранов, как резал уже давно, резал много, резал для себя, для друзей и для Черныша. Просто баранов, что лежат на земле со связанными ногами. А эти бараны даже с закрытыми глазами...

Правда, один внезапно открыл глаза. Иггельд вздрогнул, как от удара, взгляд артанина чистый и честный, почти подросток, но рука с мечом уже шла вниз, острие перехватило горло раньше, чем артанин успел вскрикнуть, заодно отделив и шейные позвонки.

Иггельд дорезал еще двоих, подошвы чавкали по красной луже, что быстро-быстро вытекает из-под скрюченных тел, сколько же этой крови в человеке, впятеро больше, чем в любом баране...

Он перешел к другой группе, так же хладнокровно и без утрызений совести избавил от жизни этих зверей, что приш-

ли убить и загрызть его, его друзей, Малыша, разрушить все, сжечь, спалить. А со зверьми нет правил, нет раскланивания, а есть только их истребление.

Сколько он уничтожил, не помнил, рука в плечевом суставе уже заныла, а в небе над востоке наметилась светлеющая полоска, когда издали донеслись встревоженные крики, звон железа. Начали просыпаться и под ударами его меча. Кто-то вскочил, успел ухватить топор.

Иггельд рассек его пополам наискось страшным ударом, заорал во всю мощь:

— За князя Бруна!!!

Издали, как будто из другой долины, донесся ответный вопль:

— За Бруна!

Еще голос, молодой и звонкий:

— За Бруна, за Куявию!.. Бей артан!

— За Куявию! — донесся ответный крик с другого конца долины. — Поможем людям из Долины!

— За Куявию! — долетело почти от шатров, где располагались военачальники.

Иггельд зло заорал:

— Все к лагерю!.. Все к лагерю!

Он рубил и крушил все вокруг, а потом упал, перекатился под ногами сражающихся друг с другом, вскочил и побежал в сторону крепости, крича во все горло:

— Куявы, предатели, ударили нам в спину!

Перед ним возник громадный воин, пламя костра светило ему в спину, Иггельд взмахнул мечом, воин с легкостью парировал топором, откуда тот только и взялся, Иггельд обрушил град ударов, воин защищался уверенно, с легкостью, они передвинулись чуть, пламя теперь освещало и лицо артанина, суровое и немолодое, лицо бывалого воина. Иггельд ускорил движение меча, как только мог, ощутил, что артаннин, несмотря на всю невероятную силу и опытность, не успевает, перешел к защите, дышит тяжело, в глазах недоверие и ярость, выкрикнул:

— Что за... чего вы напали?

Иггельд нанес два быстрых удара, поднырнул под топор

и сильным ударом раскроил артанину грудь. Руки дернуло, словно он пытался перерубить ствол столетнего дуба, но артанин вздрогнул всем телом, глаза распахнулись. Он медленно опустился на колени и, прежде чем завалиться на бок, прохрипел:

— Кто ты?.. У Бруна нет таких героев...

— А по ту сторону стены, — ответил Иггельд, — есть!

Сонные артане вскакивали уже по всему лагерю, но, скованные сном, с застывшими на холоде мышцами, чувствовали страшную беспомощность, слабость, и впервые в твердые как камни сердца заполз страх. Иггельд заорал от ликования, от счастья, от облегчения, ведь это неустрашимые артане мечутся в ужасе, как перепуганные овцы, орут, рубят друг друга в темноте топорами!

Пронесся конный отряд, Иггельд разглядел самого Аснерда на его громадном коне. Они топтали и калечили своих же, Иггельд проводил их взглядом, грозный военачальник повел отряд в сторону лагеря князя Бруна. Иггельд крикнул еще раз как можно громче:

— Аснерд погнался за предателями!.. Все за ним!.. Отомстим предателям!

Люди переставали сражаться друг с другом, с криками бросались вслед за всадниками. Иггельд поспешно отступил, по всей широкой долине кипит яростная сеча, вот-вот обман раскроется, попятился еще, рядом князь Цвигун, весь в залитых кровью доспехах собирает распаленных боем воинов, пинками и проклятиями гонит к стене, промелькнули князя Северин и Онрад, Иггельд осторожно пятился, прикрывая отступление, но за ними никто не гнался.

Горящая катапульта с грохотом рассыпалась на кучу пурпурных углей. Остатки бревен еще горели оранжевым пламенем. Хороший ориентир, Иггельд бежал к крепости, но последние две сотни шагов было пусто, он уже не бежал, а тяжело брел, с него текло, он не сразу сообразил, что ладони стали липкими от крови, а вся одежда пропиталась, словно перерезал целое стадо.

У стены смутно прорисовывалась фигура, потом из мрака вынырнула еще одна, еще. Иггельд сказал быстро:

— Поднимайтесь!

Молодой голос возразил:

— А вдруг кого-то надо выручить?

Иггельд сказал зло:

— Кто это смеет спорить с князем? Да еще на поле боя?.. Ладно, не трусь, это ж ты от чрезмерной смелости. Расхрабрились, да?

Другой голос, постарше, сказал с веселым удивлением:

— Кто ж думал, что эти железные артане... окажутся такими овцами?

Один за другим выныривали люди, явился Онрад, тоже весь залитый кровью, торопливо пересчитывал людей, сказал с великим облегчением:

— Слава Небу, все вернулись!

Иггельд сказал негромко:

— Все! В крепость.

Он ухватился за веревку, легонько дернул. В ответ потянули с такой силой и готовностью, что он едва успел сжать ладони на последнем узле. На гребне их жадно хватали в объятия, на той стороне горят жаркие костры, люди с факелами в руках, прямо за камнем, что подпирает ворота, пять телег, волхвы-лекари в белых одеждах терпеливо ждут раненых.

Им передали троих, только один оказался ранен серьезно, его вынес князь Цвигун, и с ним его поднимали на стену, остальные сами с гордостью и смехом показывали свои раны, на одном их насчитали пять, все — царапины, а он гордо рассказывал жадно слушающим, что артане — никчемные воины, вон как долго его рубили топорами, и, как видите...

Иггельд остался на стене, мокрый от крови, но все еще распаленный недавним боем, жаркий, с бешено стучащим сердцем, жадно всматриваясь в непроглядную ночь, где на той стороне, казалось, разлилось огненное озеро. Артанский стан, казалось, охвачен огнем от края и до края, всюду костры, доносятся крики, звон оружия. На красном фоне мелькают тени, в стане все еще бьются смертным боем, мечутся целыми толпами из стороны в сторону, ищут и находят предателей. В самой дальней части стана, где расположилось войско князя Бруна, занялось зарево.

Рядом с Иггельдом возник Цвигун. От него пахло кровью и жестокостью. Всмотревшись, сказал с кровожадным весельем:

— Бруна режут!

— Похоже, — обронил Иггельд. Добавил: — По крайней мере, начали...

— Надеюсь, те хорошо защищаются.

— Что, патриотизм проснулся?

— Нет, — ответил Цвигун хищно. — Хочу, чтобы перережали друг друга. До последнего!

— А последнего мы придем?

Цвигун отмахнулся.

— Пусть он сам голову разобьет от горя. Знаешь, я все-таки не ожидал, что все пройдет так гладко.

— Я тоже не ожидал, — признался Иггельд. — Похоже, мы все-таки переоцениваем артан. Нет в них той железности, что мы им приписываем. Чувствуется мне, начинается некий перелом...

— Да, — сказал Цвигун с воодушевлением, — теперь им нас не взять! Разве что измором.

Иггельд подумал, сказал осторожно:

— Измором тоже не взять.

— Почему? — спросил Цвигун в радостном ожидании.

— Вся Куявия уже знает, что целая армия всепобеждающих артан не может взять крохотную крепость.

Цвигун встрепенулся, в глазах вспыхнула радость.

— Это ты разнес весть?

Иггельд помотал головой.

— Я только начал. Все, кто на драконах, рассказывают новости там, на складах.

ГЛАВА 26

До утра из артанского лагеря неслись крики, звон железа, польхал огонь. На войско князя Бруна обрушились со всей яростью, те оказали отчаянное сопротивление, но перебили почти всех, не слушали никаких криков о пощаде, те, что за

стеной, сражаются открыто, а эти предательски ударили в спину...

Лишь от последних израненных куявов узнали, что и не слышали ни о каком нападении, все спали мирно, артане сами напали на них, на спящих, половину перебили раньше, чем куявы схватились за оружие и начали защищаться... Аснерд от стыда и отчаяния рвал волосы, ему страшились попадаться под руку, он метался разъяренный, искал виновных и не находил. От вспомогательного войска Бруна осталось только трое раненых, что затаились среди мертвых. Самого Бруна искромсали так, что едва распознали труп. Артан погибло много, очень много. Гибли и здесь, в лагере куявов, но еще больше зарезано холодно и безжалостно в отрядах, что расположились ближе всех к проклятой Стене Иггельда, так ее стали называть вскоре.

На расстеленном плаще принесли еще живого Волина. Аснерд ахнул, зарычал, а когда увидел страшную рану, вскрывшую старому соратнику грудь и живот, закричал таким страшным голосом, что по ту сторону стены куявы повскакивали с постелей и, дрожа, смотрели на север.

— Кто это?.. Волин, кто это сделал?.. Я убью... Нет, я из него буду жилы тянуть...

Волин, бледный как смерть, крови в нем почти уже не осталось, прошептал светлыми бескровными губами:

— Аснерд, надо уходить...

— Что? Волин, что ты говоришь?

— Надо уходить, — прошептал Волин. — Иначе погибнут все... Он убил меня... убьет и тебя...

Он затих, артане опустили головы. Герои не умирают, не сказав последних слов мудрости, они уже видят тот небесный мир, где зрят будущее, но еще могут общаться здесь, на то они и герои. Их последние слова — всегда истина, всегда откровение. Волин сказал, что надо уходить. Иначе погибнут все, погибнет и сам непобедимый Аснерд.

Аснерд стоял у тела старого друга, с которым прошли столько дорог и троп, дрались спина к спине во множестве схваток, сражений, битв, выходили невредимыми из Зачарованных Лесов, поднимали сокровища древних магов из Баг-

ровой Шели, вдвоем разнесли войско славов на перекрестке Темных Дорог...

— Волин, — проговорил он тихо, — когда мы с тобой отступали?.. Даже знали, что погибнем, но ведь шли? И гибель нам предсказывали много раз... А мы назло всем жили и побеждали. А кости тех, кто пророчил нам, уже истлели. Убьет ли меня Иггельд?.. Может быть, может быть... хотя не представляю себе человека, что сумеет меня одолеть, но... когда мы отступали?

Он повернулся к молчаливым соратникам. Они стояли, понуриив головы. Многие забрызганы кровью, но этими пятнами стыдно гордиться — резали сонных союзников, стыд какой...

— Сжечь его тело здесь, — велел он. — И пепел захоронить тоже здесь. Нет, это дома мы пепел рассыпаем по степи, а здесь — нет. И поставить большой камень на его могиле. Пусть знают потомки, что артане добрались даже сюда. Здесь камни политы артанской кровью... Здесь мы дрались и умирали, чтобы очистить мир от грязи, лжи, предательства и всего того, что внесли в мир, созданный Творцом, грязные и темные создания, отвергнувшие Творца!

Он бросил короткий взгляд, полный ярости, в сторону стены, верх которой усеяли, как черные неопрятные вороны, жители Долины. С трудом удержался от желания погрозить кулаком — нелепый и недостойный настоящего мужчины жест, — прорычал глухим голосом:

— Мы отомстим!.. Клянусь над твоим телом, Волин, мы пробьем эту проклятую стену!.. Мы ворвемся в проклятую Долину!.. Мы убьем драконов!

Он резко отвернулся, кивнул Щечину, тот подошел с непривычной для него суетливостью, вместе пошли через лагерь, заново осматривая место боя, оценивая урон. Щечин повторял за спиной Аснерда причитающим, совсем не артанским голосом:

— Волин... Волин!.. Аснерд, это же Волин...

Аснерд громыхнул:

— Я знаю, вы с ним прошли столько войн и всегда были непобедимы в паре... Но я тоже друг Волина. И мне горько,

как и тебе. Больно и горько. Крепись... Мы должны все перенести. Перемочь и победить!

Щецин прошептал потрясенно:

— Как они... решились? Я в это не поверю! Это колдовство! Это подлое колдовство!

Аснерд ступал медленно, осторожно, везде темно-красные лужи, артанская кровь пламенеет на всех камнях, не впитывается, а мелкие трещины в сплошной каменной плите уже заполнились, покрываются коричневой корочкой. Убитые по большей части с искаженными ужасом лицами, тем самым ужасом, что возникает в момент, когда острая сталь рассекает горло, пробивает череп или крушит шейные позвонки. Некоторые убиты коротким и точным ударом узкого ножа в глазницу, эти не успели даже испугаться, лежат со спокойными лицами, жутко смотреть, когда из глазниц все еще сочится алая жижка.

— Что там за люди? — вопрошал Щецин. — Аснерд, ты с ними общался!

Аснерд вспомнил чистое светлое лицо Игтельда, пробормотал с горечью:

— Птенчик вспомнил, что он птенчик орла.

— А мог бы и не вспомнить, — сказал Белозерц. — Возилс бы со своими ящерицами... Это мы заставили в нем проснуться орла, да?

— Да, — ответил Аснерд. Голос его стал тверже. — Да, теперь это орел. Но и мы не жирные гуси. Посмотрим, что сможет орел против артанского льва!

Он говорил нарочито бодро, но в животе холодная тяжесть. Сотни артан полегли глупо и позорно. Вдобавок по всей Куявии станет известно, что артане напали на лагерь союзников и всех перебили. И хотя он примет все меры, чтобы это не вышло из лагеря, но все равно станет известно, знает по горькому опыту, что хорошую весть надо тянуть, как каменную глыбу, а дурная летит сама даже навстречу ветру.

Самое страшное — катапульта сгорела целиком и полностью. Когда ее бросились гасить, там уже оставалась пара головешек да щедрая россыпь горячих углей, на которых можно испечь быка. Последняя катапульта! Теперь снова про-

сить Придона, чтобы прислал еще. И еще. Придон придет, ничего не скажет, сам понимает, какой позор переживает он, Аснерд, великий военачальник и опытнейший воин. Но от этого не легче, что Придон понимает.

За ними двумя пристроились Фриз и Улан, молодые, но опытные военачальники. Оба шли на пару шагов позади, Аснерд чувствовал их вопрошающие взгляды.

— Наши воины угнетены, — донесся унылый голос, Аснерд узнал Фриза. — Ничего на свете не страшимся, но колдунов побаиваемся... Потому и всюду истребляем! Сейчас же в стане только и разговоров, что о колдунах. Вроде бы заполнили незримо всю Долину, портят оружие, насылают слабость...

Улан фыркнул:

— Еще бы не слабость! Протрясешься ночь в полусне, кровь стынет от холода, утром едва разгибаешь застывшую спину. Я сплю в шатре, все равно меня трясет... А жечь костры на всех — дров не хватит. Здесь и так уже вырубил и сожгли все, даже кустики.

— Не говоря о том, — добавил Фриз похоронно, — что ночью драконы могут опускаться совсем низко. И камни падают уже точно...

Аснерд сцепил зубы. Эти камни с драконов — вроде бы ерунда, два-три человека могут убить за ночь, для десяти тысячного войска это незаметно, но люди в небо смотрят с ужасом. Одно дело в битве, когда смерть лицом к лицу, когда можешь погибнуть, но можешь и победить, а здесь ужас от неизбежности. Сидишь себе у костра, греешься, и сверху падает глыба. Хорошо, если убьет сразу, но может убить лишь твоего лучшего друга, а тебя искалечит, оставит жить ползающим уродом с перебитыми ногами.

— Одно только благо, — сказал он раздраженно, — наши воины перестанут исчезать близ куявского стана этих проклятых союзников!

Военачальники переглянулись. В последние дни в самом деле одинокие артане, что пробовали поохотиться среди скал, исчезли бесследно. Вчера отправили целый отряд на их поиски, никто не вернулся.

Иггельд с военачальниками сидели за большим столом в нижнем зале, Пребрана устроила для них небольшой пир, на столе блистали выпуклыми боками чаши с хорошим вином, под стенами полыхали оба очага, там жарилось, пеклось, по всему помещению поплыли аппетитные запахи жареного мяса с луком, крепкого вина, везде витал тонкий пьянящий аромат победы.

Князя Цвигун, Северин, Иствич и знатнейшие беры выглядели, на взгляд удивленного Иггельда, странно одинаковыми. Потом сообразил, что именно их сделало похожими: блестящие возбуждением глаза и ликующие лица. Всех распирает от гордости, ведь не просто дали бой артанам и уцелели, а сами явились в их лагерь, устроили резню, спровоцировали истребление их же союзников, а потом, пьяные от пролитой крови, вернулись с победой!

Он поерзал в неловкости: смотрят в самом деле как на вождя. Сперва, понятно, покорялись, помнят его вспышку ярости, когда казнил Белга, самому вспоминать гадко, теперь же глядят так, будто и в самом деле верят, пойдут за ним, уже не переспрашивая. А это еще хуже, лучше бы спорили, переспрашивали, не так страшно, когда переубедил, а не заставил...

Князь Цвигун с чашей в руке, стоя, говорил, как они пошли и всех побили, и хотя все это знают, участвовали, но слушали с удовольствием, добавляли, а когда он закончил, вскочили с мест и потянулись с чашами через стол к Иггельду. Звонко стукнулись медными краями. На стол щедро плеснули вином — дар богам за победу. От Иггельда потребовали ответной речи, и в это время через распахнутое окно донесся звук боевой трубы.

Иггельду это ничего не говорило, труба и труба, но князь Северин прислушался, сказал со значением:

— Просьются на переговоры!

Князь Иствич тоже прислушался и добавил:

— От них один человек...

А Онрад сказал с удивлением:

— Ого, просится к нам! Ну и наглые...

Иггельд сказал торопливо:

— Надо идти. Кто бы это ни был, надо послушать. Может, решили сдаться?

— И вообще побросаются в пропасть, — добавил Иствич чересчур серьезным голосом, — чтобы нам не возиться?

Со смешками поднимались, Иггельд едва не выскочил бегом, труба переговорщика спасла от речи в ответ на похвалбу князя. К дому уже бежали двое гонцов, еще издали размахивали руками. Князь Северин крикнул весело:

— Да слышали, слышали!.. Небось сам Аснерд трубил? Рев такой, что и на другом конце Долины слышно.

— Аснерд, — подтвердил гонец. Он смотрел на Иггельда влюбленными глазами. — Он там, внизу... Хочет говорить с самим Иггельдом, он так и сказал.

Князь сказал веско:

— Не в его положении выбирать, с кем говорить!

За спиной Иггельда довольно загалдели:

— Все верно!

— Ишь, поджал хвост!

— Прищепили, вот и поджал!

— А че хочет?

Иггельд поморщился, на ходу вскинул обе ладони.

— Я сейчас поднимусь на стену, все узнаю. Держитесь достойно, а то как...

Князь Цвигун расхохотался:

— Как кюявы, верно!.. Ладно, ребята, будьте серьезными, будто уже хороним артан. Не теряйте достоинства, га-га-га!

Иггельд с разбегу взбежал на первые ступеньки, дальше пошел медленнее, степеннее, ведь и в спину смотрят, а наверх вообще вышел спокойно, с достоинством, с самым что ни на есть равнодушным видом.

Аснерд на огромном коне в двух шагах от ворот, удобно швырять камнями, но на стене чувствовали, что для Аснерда это вроде комариных укусов, молчали, следили за ним настороженно, но уже без страха. Иггельд подошел ближе, чтобы оказаться прямо над ним, крикнул:

— Кто просил о разговоре со мной?

Аснерд поднял голову, Иггельд мгновенно понял, что воевода сразу уловил оттенок, когда не «желал говорить», а

«просил о разговоре», понял холодновато-презрительный тон зрителя драконов.

— А, Иггельд, — ответил он, избегая прямого ответа, — я рад, что ты пришел сразу. Уважаешь, значит, старика. Это хорошо, старость уважать надо. Но как-то противно говорить вот так, когда у меня шея чуть не скручивается... Почему бы не продолжить переговоры в спокойной обстановке за столом, еще лучше — накрытым?

Он сдержанно улыбался, Иггельд на миг увидел прежнего веселого и доброжелательного героя, уже стареющего, но еще полного сил, что помогал Придону добывать меч бога. Иггельд тряхнул головой, сбрасывая наваждение, ответил со спокойствием в голосе:

— Уж не думаешь ли, что ради тебя отворим ворота?

Аснерд признался:

— Это было бы здорово... Но я не гордый. Могу и через стену, если у вас найдется веревка, чтобы меня выдержала. Хотя с моим пузом вроде бы несолидно, как коту по стене...

— Веревка найдется, — ответил Иггельд и посмотрел на толстую шею артаняна. — Но это время придет позже.

Аснерд все понял, но сделал вид, что не заметил намека, значит — жаждет переговоров, сказал укоризненно:

— Тебе нравится вот так сверху говорить со старшим? А я задираю голову так, что шея болит.

— Можешь вернуться, — ответил Иггельд и добавил мстительно: — И лечь, ведь у тебя была нелегкая ночь.

Аснерд напрягся, Иггельд видел, как потемнело лицо артанского полководца. Конь стоял неподвижно, даже не встряхивал гривой.

— Да, — ответил наконец Аснерд. — Да, ночь жуткая. Вы сумели сделать то, чего не добилась вся куявская армия.

Иггельд спросил с интересом:

— Что же мы сделали?

Он видел, с каким жадным вниманием ловят каждое слово артанского полководца Цвигун, Северин и другие старшие военачальники.

— Заставили себя уважать...

— Это мы сделали еще в прошлый раз, — напомнил Иггельд.

— ...и заставили себя бояться, — закончил Аснерд. Он сам чувствовал, что в его суровом голосе звучит неподдельное удивление. — А это самый благоприятный для вас момент, чтобы начать переговоры.

— Зачем? — спросил Иггельд. Поправился: — Почему?

Аснерд прогрохотал мощно:

— А ради кого сражаетесь, повторяю, столь упорно и доблестно? Ради Тулея, что бежал от наших войск как заяц?.. Бросил столицу, бросил людей... Разве не его обязанность обнажить меч и защищать страну до последней капли крови, до последнего вскрика? Вы сражаетесь за правителя, которого вообще нет!

На стене настала тишина. Иггельд ощутил, даже не поворачивая головы, что его люди поникли. Аснерд прав, их Долина — последнее пятнышко, куда еще не ступило копыто артанского коня. Но это не значит, что вот так возьмут и отдадут его артанам.

— Ты прав, — сказал он медленно, — нам вроде бы не из-за чего сражаться, как... куявам. Тулея нет, войска нет, все города и земли захвачены вами. Но, Аснерд, под шкурой любого куява, если хорошенько поскрести, найдешь просто человека. Это уже потом, расселяясь по разным землям, человек становится куявом, артанином, славом... Так вот сейчас, когда пала Куявия, нам вроде бы не из-за чего сражаться как куявам, но есть из-за чего стоять насмерть как людям.

Аснерд задрал голову, теперь он в самом деле казался Иггельду мелким и незначительным человечком на карикатурной лошади с растопыренными ногами.

— Что-то я тебя не понимаю, — проговорил он в затруднении. — Был бы ты артанином, я бы сказал, что деретесь ради славы, чести и доблести. Но куявы... Из-за чего? Не понимаю. Но вижу, что будете драться. По глазам вижу, по голосу слышу, по всем вашим рывам заметно. Но я, ты же знаешь, к тебе расположен... И помню твою неоценимую помощь! Потому еще раз напоминаю: время для вас самое выгодное! Вы можете сдать на самых выгодных условиях. Вы

можете выговорить даже право оставить в живых своих драконов! Подумайте, не это ли для вас самое главное? Не ради ли драконов вы забрались так высоко в горы?

Иггельд быстро посмотрел направо, налево. Люди стояли поникшие, артанского военачальника слушали со страхом и надеждой. Аснерд просто и убедительно напомнил о страшной мощи артан, об ужасающем разгроме всех куявских войск, о таких захваченных крепостях, как Шарукань, Белая Вежа, Черный Утес, считавшихся неприступными, о взятых с легкостью городах Плотск, Резаньск, Орешек и многих других, чьи стены не уступали крепостным, о неизмеримых землях, населенных густо, что покорились, смирились, покорно платят дань захватчикам, а те нагло глумятся над их святынями, в их храмах устраивают конюшни.

— Не трать слов, артанин, — сказал Иггельд, он нарочито не назвал Аснерда по имени. — Возвращайся и начинай штурм. Или осаду, что хочешь. Все равно вы умрете здесь все.

Аснерд хмыкнул, повернул коня, держался он молодежески, но Иггельду впервые почудилась в движениях старого полководца усталость. Князя и военачальники смотрели вслед, князь Цвигун вздохнул:

— Ответил красиво, достойно!.. Но как мы его доняли, а? Ведь он обещал даже драконов пощадить!

— Врет, — бросил Иггельд.

— Как, сам Аснерд?

— Да, — ответил Иггельд кратко. — Щадить или не щадить драконов — не в его власти.

Уцелевших куявов из войска князя Бруна даже Аснерд не решился добить, они ушли на равнину, где разнесли вести, что одна крохотная горная долина все еще держится, сражается, даже наносит тяжелые удары лучшему полководцу Артании. Это ответная песня Куявии, разбитой, униженной, раздавленной, опозоренной. Она звучала пока что едва-едва, но ее слышали. Ее слышали! По стране пошли слухи, что в дальнем горном гнезде нашлись орлы, что защищаются, не покоряются... и не покорятся. И если погибнут, то своим

примером навсегда станут укором тем, кто покорно склонил шею, только бы сохранить свою посуду и тряпки в доме.

Придон пообещал прислать особо мощные катапульти, что смогут забрасывать камни даже на другой конец Долины. Никто и ничто не укроется, а во всей Долине не останется места, куда теперь не будут падать камни. Аснерд через трубачей постарался, чтобы об этом узнали в Долине. Иггельд предпочел, чтобы лучники на стене смолчали дома о таком грядущем. Но те, конечно же, поделились новостью с домашними.

Вся Долина гудела, к радости Иггельда, особого страха не было: всяк прикидывал, в каких пещерах и щелях укрыть жен и детей, где расширить, приспособить для жилья. Аснерд выслал горцев-артан навстречу большим катапультам, чтобы поскорее доставить их на место. Начали поступать бревна, ремни, искусно вырезанные части из дерева, выкованные кузнецами металлические части. Катапульти поспешно собирали под присмотром опытных мастеров, пробовали, но прибывшие принесли и не совсем уж радостные вести.

Куявия еще от людей Антланца узнала, что в горах остался непокоренный клочок куявской земли, а потом слухи подтвердили остатки людей Бруна. О Долине Иггельда говорили, спорили, передавали друг другу вести, слухи. Эта битва выросла до невероятных размеров. Здесь, оказывается, с одной стороны дерутся черные, как будто вымазанные в смоле, дурно пахнущие великаны-артане, а им противостоят сверкающие чистые и прекрасные обликом куявы, исполненные чистоты, благородства и доблести. Они упорно бьются с подлыми и бесчестными артанами, исполненными мерзости, трусости и коварства...

Услышав это, Аснерд заскрипел зубами, велел начать обстрел стены, а сам ушел в шатер и почти сутки не показывался, пребывая в тяжелом состоянии духа. До чего же непостоянен человеческий дух, совсем недавно сами же куявы справедливо считали себя подлым и бесчестным народом, даже гордились и бравировали этим, а вот артан полагали народом доблестным, отважным, преисполненным чести, благородства и верности слову.

Теперь же, по слухам, по всей стране начали исчезать артане. Нет, нападать никто не нападал, все артанские отряды передвигаются по Куявии, встречая только униженные полклоны, но если артанин остается на ночь в одиночестве в куявском селении, то утром могут не найти. А если и найдут, то утонувшего в реке, упавшего в колодец, придавленного рухнувшим деревом...

Даже те куявы, что покорились и служили артанам, начинали посматривать дерзко, с невинным видом интересовались, правда ли, что какие-то горцы посмели не покориться великому и непобедимому Придону?

Иггельд, пользуясь передышкой, сам перевозил на Малыше десятки мешков муки, Чудин и Шварн, а также Яська по три раза в день вылетали на склады, забирали запасы. Один склад артане обнаружили и сожгли, но Шварн успел не только уйти, но и набросился на них сверху, побил со своим драконом, растоптал и уничтожил весь отряд. Вернулся бледный, с выкатившимися глазами, губы тряслись, а когда рассказал Иггельду, тот похвалил:

— Да ты успокойся, успокойся!.. Ничего с ним не случится. Мой Черныш тоже человечины попробовал, и — ничего. Людоедом не стал.

Шварн посмотрел дикими глазами.

— Да при чем тут Храпун?.. Это я попробовал, я!

— Человечины?

— Да! Я же убивал людей, понял?

Иггельд кивнул, чувствуя легкую печаль.

— Шварн, я думал, ты старше меня... А ты, оказывается, еще не убивал.

— Ох, Иггельд! Тебе хорошо, ты — железный. А я как вспомню, как они кричали... Как же, стойкие и несокрушимые! Когда Храпун придавил и рвал на части, они ж... у меня в ушах до сих пор эти крики!

Яська за сутки ухитрилась слетать на ближайший склад Антланца четырежды, Апоница ликовал, принимая мешки с мукой, пекарни работают день и ночь, хлеба едва хватает на

всех, и запасы уже тают. Усталый дракон уполз в нору, а она отправилась уже в сумерках к дому Иггельда. Он увидел издали тоненькую едва ковьяющую фигурку, подхватил и внес на руках в дом.

Она слегка брыкалась, в ее глазах он видел только непонятную печаль, прижал к груди, по-братски чмокнул ее в лобик. Она фыркнула:

— Скучаешь?

Он насторожился:

— О ком?

— Иггельд, перестань, — сказала она рассерженно. — Как будто я не вижу! И отпусти меня, я же понимаю, что в мыслях ты несешь совсем не меня.

Он со вздохом отпустил, она сразу устремила к столу, жадно похватила кусочки хлеба, сыра, напомнив ему ту бедную и вечно голодную девчонку, какой была десяток, нет, даже больше, лет тому. Похудевшая, с потемневшим лицом и заострившимися скулами, торопливо жевала, мрачно глядя в столешницу, сразу же начала отвечать невпопад, а когда он протянул руку и положил ей на плечо, вздрогнула и посмотрела дикими глазами.

— Это я, сестренка, — сказал он ласково. — Что со мной, уже понятно, а что с тобой? Что-то случилось?

— Да, — ответила она рассерженно. — Да!

— Что?

— Артане напали, — ответила она зло. — Артане!.. Не знаешь?

— Прости, — сказал он, — я не знаю, чем я тебя обидел... В самом деле обидел?

Она раздраженно качнула головой, с усилием заставила губы растянуться в улыбке.

— Нет, Иггельд, нет. Разве можешь кого-то обидеть? Ты добрый. А я вот нет. Я недобрая, я злая, я бессердечная и вообще я редкостная дура!

Глаза ее заблестели, начали наполняться влагой. Нижняя губа задрожала, он поспешно привлек ее, она уткнулась ему лицом в грудь, плечи затряслись.

— Все будет хорошо, — сказал он ласково. Начал гладить

по голове, плечам, перебирать ей волосы, почесал уши, она любила в детстве, когда чешут уши, словно маленький дракончик, повторил: — Все будет хорошо... Мы слишком много перенесли в детстве, теперь боги нам дадут дорогу полегче. Не тревожься. Все будет хорошо. Все будет, моя Яська, все будет...

Она всхлипнула, поспешно отстранилась, быстро вытерла ладонью мокрое лицо, влажные глаза.

— Ох, Иггельд!

— Все будет, Яська, — повторил он. — Я чем-то могу помочь?

— Мне никто помочь не сможет, — прошептала она, — даже я сама.

Опустив голову, она поспешно выскочила из-за стола. Он проводил ее долгим взглядом. Напомнила о Блестке, хотя и так не забывает, но Яська затронула больное место, ведь мог хоть раз взять Блестку на руки, прижать к груди, поцеловать в щеки, ведь не весь же из животной страсти, в нем же плещется океан нежности, почему не выплеснул на Блестку ни капли? Может быть, все повернулось бы иначе...

От двери послышались уверенные голоса князей Цвигуна и Северина. Он вздохнул, сделал каменное лицо и приготовился обсуждать, как еще насолить артанам.

Перевозка зерна — перевозкой, но по дороге Иггельд на большой высоте пролетал над артанским лагерем и всем велел так делать. Туда не поднимутся даже стрелы Франка и Меривоя, а всяк в артанском войске понимал, что с драконов каменные глыбы могут безнаказанно ронять с любой высоты. Иггельд велел брать камни, когда летят за продовольствием, дракозники так и делали, и пусть камни падали обычно без вреда для артан, разве что двух за все время убило каменными осколками, а еще одним, как ударом острейшего топора, срезало шест со скачущим конем — эмблемой Артании, падающие с неба глыбы вызвали раздражение, страхи, так не свойственные артанам, и тягостную обреченность.

Артане бестолково толклись по всему стану, затевали ссоры, часто сверкали боевые топоры. Аснерд грозил рубить головы, кто начнет затевать свары, но сам срывался, орал, смотрел бешеными глазами. Артане, думал он яростно, мы — артане! Нам на горячих коней, да чтоб бескрайняя степь, чтоб частый стук копыт, чтоб земля мелькала под конским брюхом так, что не земля уже, а серое, струящееся, как дым, полотно... а мы вместо горячей жизни заперты в каменном мешке! Нет, нам даже хуже, чем тем, кто по ту сторону крепостной стены: у тех нет выбора, а у нас за спиной дорога вниз, на зеленые равнины, где тепло, где воздух напоен ароматами трав, где бабочки, стрекозы, где коня можно разогнать во всю мощь и нестись, пьянея от восторга...

Иггельд все реже поднимался на стену, там в последние дни шла вялая перестрелка, но сегодня звонко и требовательно протрубил рог, к воротам подъехал молодой артанин. Он трубил долго, пока со стены не прокричали раздраженно, чего это он тут раскрякался, если не перестанет, то они сами его перестанут. Он ответил, что прибыло послание от самого Придона, великого завоевателя Куявии, грозного потрясателя вселенной, надежды и защитника всех стран и народов...

На стену поднялся князь Цвигун, оглядел рогодую, спросил:

— Чего тут дудишь?

Артанин прокричал, не скрывая раздражения:

— Слово от Придона, великого завоевателя Куявии...

Князь прервал зычным голосом:

— Заткнись, дурак. Куявия не завоевана. Если думаешь так, то войди в ворота.

Артанин позеленел, крикнул зло:

— Слово от Придона, этого не достаточно?

— Говори, — разрешил Цвигун.

Артанин взгляделся в его склонившееся над каменным барьером лицо.

— А ты кто?

— Князь Цвигун, — ответил Цвигун. — Как видишь, я со своим войском тоже не уничтожен. И пусть моего войска всего два человека... но я не сдался, дурак. Я есть. Говори!

Артанин сказал уже не так вызывающе:

— Здесь командует Иггельд. Где он?

Кадом чуть было не послал сразу же за Иггельдом, но Цвигун покачал головой, сказал насмешливо:

— Да и ты вроде бы не Аснерд... Хочешь — говори, нет — убирайся.

Артанин молча повернул коня. Кадом тихонько сказал с упреком:

— Зря ты его так. Интересно же, что Придон хотел нам сказать.

— Не спеши, — успокоил Цвигун. — Сейчас они приведут и самого Аснерда. Ты еще не чувствуешь, что ветер уже в наши паруса?

Артанин послал коня галопом, со стены видно, как он остановился возле единственного шатра. Оттуда вышли трое, могучую фигуру Аснерда узнали сразу. Один метнулся к коням, привел бегом, Аснерд взобрался в седло, ему что-то говорили, размахивали руками, он отмахнулся с небрежностью.

Когда его конь повернулся мордой в сторону стены, Кадом прокричал радостно:

— Ты прав, они вытащили самого Аснерда!.. Добронег, сбегай за Иггельдом!

— Стоять! — рыкнул Цвигун. — Добронег, займись своим делом, ковырайся в носу. Дорогой Кадом, вы теряете свою знаменитую хватку. Подумаешь, сам Аснерд едет!.. Ну и пусть едет. Мало ли чего едет? Вот окажется там, внизу, под стеной, хорошенько объяснит нам, тугоухим, чего он желает, тогда мы, может быть, и решимся побеспокоить такого великого и очень занятого человека, как Иггельд... Если он, конечно, окажется на месте. Не сидит же он в ожидании послов от Аснерда? Иггельд у нас — полководец, не чета всяким так аснердам. Аснердов хоть пруд пруди, их как лягушек по весне, мы же видим разницу, пусть и этот артанин увидит!

Князь Кадом смотрел с восхищением, сказал виновато:

— Вы правы, дорогой князь. Я все никак не могу оправиться, ведь мое войско они разметали, как дикий кабан раз-

брасывает сухие листья. Но вы правы. Пришло время чуток и покуражиться.

— Сладкое время? — поинтересовался Цвигун.

Кадом простонал:

— Ох, какое сладостное!..

Аснерд подъехал все такой же огромный, грузный, но сверху скорее приплюснутый, вообще трудно трепетать перед человеком, на которого смотришь вот так, с высокой неприступной стены. Оба князя смотрели с живейшим интересом, подбирали едкие реплики. За их спинами шумно дышали люди с оружием, заглядывали через плечи, а справа и слева по всей стене и по всему навесу над воротами негде яблоку упасть.

Молодой артанин снова протрубил в рог, крикнул звонко, сильным рассерженным голосом:

— Слово от Придона, покорителя Куявии...

Оба князя заржали в один голос, за ними захохотали и другие, что уже слышали разговор князей. Аснерд нахмурился, артанин поперхнулся, Аснерд рыкнул густым медвежьим голосом:

— Придон желает сказать слово самому Иггельду. Где он?

Князь Кадом поинтересовался с ехидцей:

— А где Придон? Что-то не разгляжу...

Со стены крикнули весело:

— Наверное, измелечал Придон!

Аснерд нахмурился еще сильнее, рыкнул:

— Мне поручено передать самому Иггельду!

Князь Цвигун сказал, издеваясь:

— Аснерд, я — князь Цвигун, я выше тебя по роду-племени. Для тебя честь, что я тебя вообще слушаю. Говори или убирайся, твои мелкие штучки не проходят. То сопляка присылал говорить с самим Иггельдом, то сам явился... погоди, тут мне что-то князь Кадом шепчет... Что?.. А, ну ладно, ладно. Вот что, Аснерд, тут рядом со мной князь Кадом, у него очень доброе сердце. Мягкое даже. Когда мы были в твоём лагере, ну тогда, ночью, он только пятерых зарезал, потом стошнило... Так вот, уговорил уважить твою старость, твою

дряхлость, твою трухлявость. Сейчас мальчишка сбегает за Иггельдом. Если наш вождь ничем не занят, то, может быть, если у него нет других дел, ну совершенно, он изволит как-нибудь прийти сюда... Руслан, сбегай за Иггельдом! Но не торопи, понял? Вдруг у Иггельда дела, понял?

На стене замерли, смотрели не дыша, Аснерд лишь хмыкнул, отъехал чуть и неторопливо разговаривал с молодым артанником. Тот злился, бросал яростные взгляды, но Аснерд — в это не могли поверить на стене — терпел, терпел, терпел!

Иггельд явился достаточно быстро, хотя Цвигун поспешно встретил его на середине ступеней, все рассказал и посоветовал еще немножко потянуть, унижить артанского полководца, раз уж такая возможность, это взвеселит войско, ободрит, прибавит сил.

— Да ладно, — отмахнулся Иггельд. — Он же в самом деле уже старик!.. Пусть скажет да едет отдыхать. Да и любопытно, что сказал сам Придон.

— Сам Придон, — повторил Цвигун уважительно. — Боги, да мы потрянули Придона!

Иггельд вышел на стену, перед ним расступились с такой почтительностью, словно шел сам Тулей, он склонился над каменным бортиком.

— Я здесь, — крикнул он. — В чем дело?

Аснерд развернул коня, неспешно помахал рукой.

— А где же здравствуй? Раньше ты был вежливым.

— Тебя придется убить, — ответил Иггельд. — А я не хочу никакого тепла к человеку, который скоро умрет.

Аснерд хмыкнул:

— Это я умру?

— Да, но лучше, — сказал Иггельд, — как Ральсвик и Волин. Они мне чужие. Отныне пусть и ты будешь... просто чужим. Что ты хотел?

Аснерд долго смотрел в его лицо, наконец кивнул молодому артанину, тот подъехал ближе. Аснерд проговорил глухо:

— Придон прислал самые мощные катапульты. Они могут забрасывать камни хоть на тот конец Долины. Теперь вам нигде не спрятаться. Все дома будут разрушены...

Иггельд поторопил:

— Давай послание самого Придона. А катапульты вас не спасут. Вы все умрете здесь.

Аснерд посмотрел на молодого воина. Тот выехал вперед и заговорил сильным звучным голосом, слова тоже были сильными и звучными, от них повеяло ледяной стужей, угрозой, все на стене и воротах сразу ощутили себя стоящими на краю бездны, куда тащит свирепый злой ветер. И спастись можно, только ухватившись за дружески протянутую руку артанина...

Иггельд стряхнул наваждение, сказал громко:

— Мы знаем умение Придона расставлять слова так, чтобы сердце затрепетало от любви и нежности!.. Но сейчас он божественный дар обратил во зло. И боги такого не потерпят. Он потеряет свой бесценный дар, так как использует не для великих целей богов, что улучшают породу людей, а для... для чего пользуется дивным умением? Это позор Придона. Это падение Придона. Придон будет наказан, низвергнут!

Аснерд слушал внимательно, ничуть не удивился, хотя трубач рядом с ним смотрел на Иггельда как на безумца.

— Отказываетесь сдать крепость?

— Придон для нас не бог, — ответил Иггельд с насмешкой. И добавил после паузы горько: — Уже не бог.

Аснерд кивнул, он посматривал на Иггельда изредка, чтобы не стоять с задранной головой, Иггельду почудилось, что полководец его прекрасно понимает. Даже не надо объяснять, когда именно Придон перестал быть богом для кувов. Сам догадывается.

Трубач смотрел на Иггельда со сверхъестественным ужасом, конь под ним попятился и остановился только на два корпуса позади горообразного Аснерда.

— Твой ответ? — спросил Аснерд.

Рука его подобрала повод, он готовился повернуть коня, взгляды их встретились.

— Артане будут уничтожены, — сказал Иггельд. — Это весь мой ответ.

Оба артанина повернули коней, на стене смотрели молча, никто не двигался. Иггельд ощутил, что в голове все еще

звучат страшные слова Придона, а в сердце холодной змеей заползает ледяной страх. Придон в самом деле умел подбирать слова. Даже если не старался напугать, заставить слаться немедленно, все равно его слова угнетали, как будто тело ощутило на себе цепи.

— За дело, — проговорил он с усилием. Гортань занемела, язык поворачивался с усилием. — Грядет великое испытание...

ГЛАВА 27

Никто не желал своим злом, но слова Придона распространялись через слышавших его на стене сперва по семьям, потом по соседям. Вскоре Долина судачила о страшной мощи артан, что захватили всю Куявию, но вот им готовы оставить и драконов, и все имущество, им нужно только, чтобы признали власть артан, назвали Придона правителем Куявии.

Многие, поддавшись магической силе слов, вздохнули и сказали, что в самом деле обороняться дальше бессмысленно. Зачем дразнить артан, ведь в Долине нет своих полей, рано или поздно припасы кончатся. А на драконах не навозиться, особенно если будут гибнуть, как уже сгнуло столько защитников. А эти дикари с топорами не отступятся, им очень важно овладеть последним клочком куявской земли.

Иггельд слушал внимательно. Князь Цвигун то и дело общал о брожениях в народе, наконец Иггельд приказал в охрану стены включить не только самых лучших стрелков, но и самых верных, на которых мог положиться целиком и полностью. Народ все-таки устал, после бурного веселья, ликования, празднования победы по случаю удачной вылазки то ли наступило похмелье, то ли навалилась усталость, но когда артане установили гигантские катапульты и начали бросать через стену камни, Иггельд своими ушами слышал за спиной разговоры, что вообще-то можно бы выслушать артан, поторговаться, договориться, условиться, ведь куявы как раз сильны в торге...

Сегодня он заснул почти под утро, и сразу же, как показа-

лось, крепкая мужская рука опустилась на его плечо. В кратчайший миг он оказался с мечом в руке по ту сторону ложа. Взгляд, в котором не осталось ни капли сна, холоден и жесток.

Северин с изумлением покачал головой.

— Я еще не видел, — сказал он уважительно, — чтобы двигались... так быстро. Там человек с той стороны. Говорит, что пробрался, минуя артан.

Иггельд спросил быстро:

— Где он?

— Внизу. Там уже собрались Цвигун, Апоница, Якун и другие.

— Пойдем. Не нравится мне это...

Внизу в зале в окружении десятка наиболее знатных долинцев стоял невысокий человек в звериных шкурах. Волосы падают на плечи, босой, подпоясан широким ремнем из толстой грубой кожи, ножны пустые. Иггельд окинул быстрым взглядом, отметил, что с такой толстой подошвой не страшны никакие острые камни, прям копыта, и вообще во всем жилистом теле ни капли жира, что выдает типичного горца.

Завидев Иггельда, чужак легко и без подобострастия поклонился. Иггельд спросил настороженно:

— Как прошел?

— Артан или вашу стражу? — спросил горец высоким голосом.

— И то, и другое.

Горец сдержанно усмехнулся.

— Не тревожься, князь. Никто другой не сможет. Даже среди моих братьев никто не прошел бы по тем стенам, где прошел я, а мы — лучшие скалолазы в этих горах! Меня зовут Меран, я младший из клана реличей. А пробрался с единственной целью... Нет, не разведывать. Вы не знаете, но слух о вашей стойкости прокатился по всей Куявии!.. Люди устыдились своего малодушия. Оказывается, им нужно лишь подать пример. До этого твердили, что поступают всего лишь так, как поступают все. Не сдадутся они, сдадутся другие, и тогда эти другие захпают все, что бросят победители...

Его слушали жадно, но Иггельд поинтересовался:

— Кто ты, Меран? Ты говоришь очень гладко, ровно. Ты не похож на дикого горца.

Меран отвел глаза в сторону.

— Кто я? Так ли это важно?.. Я ничего от вас не прошу, я пришел только дать. Мои новости укрепят ваш дух. Держитесь с той же стойкостью. Куявия просыпается, устыдившись малодушия и трусости. Артане еще не подозревают, что ходят по тонкому льду, а тот уже трещит у них под ногами. Куявия — бездна, что проглотит десяток таких войск!.. Надо только, чтобы лед тронулся. Вы это сделали... Уже по всей Куявии артане не рискуют оставаться в одиночку, ходить по одному. Им везде улыбаются, но артане не знают, кто держит в рукаве нож и, стоит отвернуться, вонзит в спину! Артане ездят уже только отрядами, но и это спасало их только первую пару недель. Теперь наши, собравшись в ватаги, нападают и на отряды. И, вы не поверите, бьют артан, бьют!

Цвигун усмехнулся, бросил:

— Почему не поверим? Мы их тоже не гладим.

— Вы герои, — возразил Меран серьезно, — но теперь, глядя на вас, начинают бить по всей Куявии и простые люди, простые... князья и беры. Держитесь!.. Теперь все с надеждой смотрят на вас.

Военачальники переглядывались, в глазах надежда и недоверие. Якун спросил страстно:

— Можно ли этому верить?

— Нужно, — бухнул Шварн.

— Это правда, — сказал Меран. — Вы зажгли этот огонь надежды. Во всех уголках Куявии узнали имя князя Иггельда...

Иггельд буркнул:

— Так уж сразу князь?

— Доблестного князя, — сказал Меран с жаром. — Благородного, отважного, мудрого... и все-все, что присобачивали только древним правителям, сейчас видят в вас, светлый князь!

Цвигун быстро взглянул на Мерана, на других, но никто не повел бровью на «светлый князь», так как «светлый» — это уже не просто князь или не простой князь, у светлого в под-

чинении с десятков князей, он не князь только своего племени, он князь объединения племен, это уже крупный правитель... По лицам других он видел, что все приняли этот титул как само собой разумеющееся, ведь только их Долина продолжает войну со всей Артанией, значит, их Долина сейчас — вся Куявия...

— Вы, — продолжал Меран, — единственная сейчас путеводная звезда и надежда Куявии! Уже не только беры и беричи собирают отряды против артан, простые поселяне ловят одиноких артан, и ни один не уходит из их рук живым!..

— Слава богам!

— Из Славии обещают прислать войско в помощь, но это тоже лишь благодаря вам — славы не стали бы помогать, если бы помогать было некому. А так пришлют в помощь не Тулею, а... всей Куявии, а Куявия, по их словам, жива до тех пор, пока сохраняется хоть одна крепость, не занятая артанами, если хоть где-то бьются против артан! Вы понимаете, насколько много зависит от вас?

Его слушали в потрясенном молчании. Беловолос плакал, слезы бежали ручьями по бледному лицу, он не смел их вытереть, чтобы не отвлечь внимание от разгорячившегося горца. Чудин раскраснелся, у него подозрительно блестели глаза, он шмыгал носом, складывал ладони на груди, а Апоница вообще хватался за сердце, то бледнел, то краснел.

— Мы выстоим, — начал князь Цвигун, — мы...

Страшный грохот прервал его слова. Весь дом содрогнулся, с потолка посыпалась пыль, мелкая каменная крошка. На улице раздались крики. Иггельд схватился за меч, выбежал на площадь. Из всех домов выскакивали полураздетые люди. Из-за далекой стены выростали трепещущие дуги, со стороны артан летят огромные камни, многие — раскаленные в огне. Еще в воздухе во все стороны разлетались желтые шипящие искры, камни казались невероятно огромными.

Раздался крик, мощный удар сотряс землю. Камень, пролетев почти до середины Долины, упал среди домов, раскололся, осколки разлетелись в стороны, с сухим стуком вонзаясь в оконные рамы, двери. Второй камень обрушился на крышу другого дома, проломил, исчез.

Мужчины, уже принимавшие участие в тушении прошлых пожаров, торопливо направляли людей за водой, других гнали на крыши. Камни поменьше, но горячие, падали на кровли, под ними сразу начинало дымиться. Если оставить так, вскоре вспыхнут огоньки, потому такие камни заливали водой как можно быстрее.

Артане, как понял Игтельд, что не могли согреться возле костров, начали обстрел из особо мощных катапульт сразу же, как только их собрали, а собирали даже ночью при свете факелов. Он огляделся, князя Цвигун и Северин уже деловито направляли потоки людей, Иствич увел часть в сторону ворот. Женщины с криками вытаскивали рухлядь, уносили в дальний конец Долины, мужчины хмуро гасили пожары. Земля содрогалась от ударов, в домах от сотрясения со стен срывались мисники, полки, вываливались оконные рамы.

— И это выдержим, — проговорил Апоница, бледный и решительный, — даже если все дома порушат! В пещерах будем жить! Ты как-то жил?

— И выжил, — ответил Игтельд. — Ладно, смотрите здесь, а я пока проведу Малыша. Как он ночь сумел пережить без меня?

Пока шел к пещерам, в груди разрасталось чувство вины. До прибытия беженцев драконы бегали свободно по всей Долине. Сейчас не понимают, за что их наказывают, так как приказ жить только в дальней части Долины, где пещеры, а лучше вообще все время сидеть в пещерах, воспринимают как наказание, и так стыдно смотреть в чистые невинные и ничего не понимающие глаза, когда большой и сильный зверь униженно заглядывает тебе в лицо, виновато скребет землю хвостом и спрашивает: ну когда ты меня простишь? Ну когда ты перестанешь сердиться?

С Малышом вообще сплошной шем в груди, тут и неприязнь к нему за то, что Черныш погиб, а Малыш занимает его место, и любовь несмотря ни на что, потому что Малыш — вылитый Черныш, весь в него, все повадки, привычки и ужимки, и тоже забегает вперед и просит: ну прикажи мне что-нибудь, ну дай мне показать, какой я послушный, как я тебя люблю и слушаюсь!

Малыш, как и Черныш, чуял его приближение издали, выбежал, завизжал тонким поросячьим голосом, зазвенело в ушах, а со скал покатились мелкие камешки. Закованные в панцирь бока гудели под ударами огромного хвоста. Иггельд закрылся руками, выдержал натиск с ритуальным облизыванием, заверил, что любит, правда любит, наконец Малыш плюхнулся на пузо, Иггельд взбежал на загривок, но и там Малыш чуть не вывернул шею, пытаясь дотянуться и лизнуть замечательного папочку, у которого сидел когда-то на коленях и даже ползал по нему, как по дереву.

— Летим, — сказал Иггельд. — Да, как обычно, на склад...

Да, конечно, ответил Малыш взглядом, раскрытой пастью, вилянием хвоста, приседанием, прыжками. Все как скажешь! Хоть в пламя, хоть в воду — только скажи.

Иггельд вздохнул, сердце щемило от жалости. Оставшийся без хозяина, исхудавший, Малыш так отчаянно старался понравиться Иггельду, с такой надеждой заглядывал в глаза, что наворачивались слезы, а в груди жгло, словно туда высыпали горсть углей.

— Люблю я тебя, — шепнул Иггельд, в глазах зашипало, все расплылось, по щекам побежали горячие слезы. — Мы оба теперь одиноки... Ты и я — сироты. Люблю я тебя, Малыш, люблю...

Лагерь артан облетели по дуге, Аснерд держит сыновей с луками в руках в первых рядах. Они и спят там, а возле них всегда в готовности будители с пучками стрел. А когда-то надеялся, что сможет летать над артанскими войсками и сверху прицельно выбивать военачальников, нагоняя на остальных тоску и страх их бессилием...

Горы уходили вниз, среди привычных вершин и плоскогорий одно пятно сразу кольнуло глаз неправильностью. Иггельд задержал дыхание, в который раз это видит, а все не может привыкнуть: пепелище на месте домов в Городе Драконов и горы щебня на том месте, где раньше были котлованы с драконами! Какую же надо иметь ярость, чтобы не толь-

ко убить всех драконов, но и засыпать гигантские ямы, навалить камня, побросать сверху трупы последних жителей!

Малыш услышал вздох сверху и тоже вздохнул, тяжело и горестно. Иггельд невольно усмехнулся: у тебя-то, зверюшка, какие горести — ешь, спи да играй с другими драконами. Повезет — так и с людьми.

— Ниже, — проговорил он, — еще чуть...

Малыш торопливо снизился, так спешил выполнить желание, что вообще перестал махать крыльями, они просто провалились ближе к острым вершинам, пока Иггельд не сказал быстро:

— Все, хватит. Все понятно... Давай вон туда, там есть небольшая площадка, ты сядешь, ты же у меня умный...

Конечно-конечно, чуть не заорал Малыш, но движениями гибкого тела постарался показать, что он не просто умный, а очень умный и послушный, все делает сразу, повторять не надо, потому что очень любит и слушается...

— Да-да, — ответил Иггельд. — Я тебя тоже люблю...

Теперь он хорошо видел, как по узкой горной тропке поднимаются около двух десятков человек, сопровождают верхами три катапульты небывалого размера. Все едут конными. Никто из артан не смотрел на небо: рядом край обрыва, за которым бездна, колесо катапульты время от времени почти повисает над пустотой, вот-вот рухнет, увлекая за собой быков...

Иггельд пролетел чуть вперед, тропка то расширялась, то сужалась, но затем пошла настолько узенькая, что даже люди должны будут передвигаться только по одному, прижимаясь к стене, сбоку зияет страшная пропасть.

Он невольно ощутил уважение к артанам, ведь никто из них не лазил по таким горам, но сумели привести в долину десятитысячное войско! Правда, без катапульт, а сами катапульты придется разбирать и в этом месте перетаскивать по частям, иначе не доставить. А сейчас уже вечер, впереди неслется исполинская тень, будто не на драконе, а вообще на огромной грозовой туче.

Малыш послушно опустился на каменную плиту, затих. По знаку Иггельда лег и даже закрыл глаза. Небо постепенно

темнело, Иггельд осторожно выглянул из-за каменного гребня, снизу доносятся скрип, сдавленные голоса, артане уже сами подталкивают тяжелые телеги с частями катапульта, две тянут неразобранными, непонятно, как надеются пройти самое узкое место над пропастью, где даже человек идет, прижимаясь к стене...

Артане, похоже, здесь уже ходили. На единственную удобную для ночевки площадку они дотащились в тот миг, когда солнце исчезло за вершинами гор, тени стали угольно-черными, а в небе начали проступать первые звезды. Иггельд внимательно наблюдал, как разожгли костер, выпрягли волов, вытирали потные бока, кормили, коням подвязали мешки с овсом к мордам повыше, закрывая глаза, чтобы не видели близкую пропасть.

Катапульти гуськом замерли дальше, иначе пришлось бы на узких уступах заночевать людям. Иггельд долго выжидал, пока артане наконец расселись у единственного костра. Сидеть пришлось в два ряда, хвороста в обрез, вместе с дымом поднимался аромат жареного мяса. Иггельд шепотом велел Малышу не двигаться, пока не позовет, начал потихоньку спускаться по веревке.

Снизу от костра донеслись голоса:

— Ты уверен, что это пролетел дракон?

— А кто же еще?

— Да вроде драконы по ночам не летают...

— Не летают, — согласился раздраженный голос, — но ты же слышал, как пахнуло!.. А куры точно не летают. Да и нет таких огромных кур...

— Постой, — сказал кто-то встревоженно, — а что, если дракон там наверху сидит?

Другой голос, уверенный и сильный, пробасил лениво:

— С какой стати? Если видит в темноте, то полетит домой.

— А если не видит? Кое-как дотянул до этой горы, сел, а утром полетит дальше.

— А что будет делать сейчас?

— Он или мы?

— Он...

— Что и мы — спать. Дурак он, что ли? Это в моем отряде не все умные...

Иггельд завис над их головами. Едва слышно сказал одними губами: Малыш, жги катапульти! Жги. Сердце стучало часто и сильно. Он задержал дыхание, оттолкнулся и разжал пальцы. Доспехи затрудняли движения, он едва не упал под тяжестью железа, но обнаженный меч мгновенно оказался в его руках.

Артане застыли ошарашенные. Иггельд крикнул звонким страшным голосом:

— Да, здесь заснете! Навсегда.

Они только успели рассмотреть, как чужак метнулся в их сторону, похожий на сверкающую скалу из железа. Меч в его руках, казалось, исчез, только блистающая в багровом свете костра полоса окружила сверкающим облаком. Первые удары прозвучали, как будто хозяйка часто-часто двигала ножом, нарезаая морковку, затем лезвие меча начали встречать топоры, зазвенел металл.

Иггельд рубил как можно быстрее, здесь уже не узкая горная тропка, в подтверждение его страхов в спину сильно ударило, затем еще два удара по плечу, он переступал через трупы, ломился вперед, увлекая за собой артан, те уже опомнились, поняли, что перед ними один-единственный куяв, окружили с топорами в руках, и он сражался яростно и уже без всякого страха, принимал десятки ударов, рубил и крушил в ответ. После каждого его удара артанин либо падал, либо, шатаясь, отступал из схватки, роняя топор. Зато доспехи пока еще держали, хотя тело вскрикивало, стонало.

В десятке шагов выше по тропе вспыхнул огонь. Пламя взметнулось разом, мощное и яркое, одним толчком. Иггельд увидел за спинами артан хищные силуэты катапульти. Артане начали оглядываться, он двумя ударами сразил двух, остался один, молодой, с широко распахнутыми глазами, в которых возник страх, дикий, панический, не свойственный артану перед другим человеком.

Иггельд быстро оглянулся. Малыш вытянул лапы и грациозно, просто как бабочка, сел на край площадки. За ним бездна, куда он с удовольствием опустил крылья. В глазах от-

Он перебирал в голове моменты схватки, но все мелькало: сверкающие топоры, испуганные лица с непонимающими глазами, блеск меча и ощущение недоброй тяжести в руке. Когда ж привыкну убивать людей, это же не первые убитые, у артан как-то проще, радуются, не мучаются потом, а у него тяжесть в груди и даже в животе.

Дракон поднялся выше, на востоке наметился рассвет. Хоть и не верит в разные пророчества и предзнаменования, но все равно это знак, добрый знак. Он увидел рассвет раньше других, рассвет над Куявией...

Малыш несколько раз поворачивал голову, в чистых детских глазах удивление и вопрос: а куда теперь? Или я лечу правильно?

Можно возвращаться, мелькнула мысль, он спас крепость от этих новых катапулт. Можно даже, на будущее, снова сделать там, наверху, навес с камнями. А то и вовсе высадить одного человека, чтобы свалил подходящую глыбу вниз на тропу. Здесь она все время поднимается вверх, и хороший камень пронесется, как злой кабан, оставляя за собой щепки от катапулт и кровавые пятна от сопровождающих.

Все можно, но можно сделать больше, больше, на самом деле больше. Малыш растопырил крылья, парил, счастливый, что может оставаться вот так подолгу с обожаемым хозяином, наконец Иггельд крикнул:

— Давай прямо!.. Нет, чуть левее!.. Вниз, на равнину.

На равнину, добавил про себя, захваченную артанами. Если народ волнуется, стыдится своей участи, своей покорности и трусости, то надо показать, что не все покорились. Надо просто показать.

Яська каждое утро поднимала Скулана на рассвете, выволакивала из пещеры и взлетала по ветру, чего Скулан очень не любил. Но если против ветра да еще невзначай пролететь чуть дальше, не успеть свернуть до стены, то можно поймать смертоносную стрелу одного из двух героев, что сбивают драконов так же просто, как другие сбивают летящих низко гусей.

Антланец построил еще один склад, еще ближе к Долине, так что можно за день четырежды, а то и пять раз отвезти муку и другие продукты. На складе каждый день придумывали новые постромки, по-другому навязывали мешки, чтобы втащить на дракона сразу же, ведь даже от скорости погрузки может зависеть судьба защитников. Антланец прислал самых храбрых, они уже на второй день перестали шарахаться от дракона, сами таскали тяжелые мешки и закрепляли на спине крылатого чудовища. Они же придумали целое сооружение из веревок, усовершенствовали, на пятый день дракон просто опускался на брюхо, подлезал снизу, а потом стоило лишь встать, как вся сбруя оказывалась на нем, мешки свисают по обе стороны, а широкие ремни насажены кольцами точно на шипы гребня.

Но всякий раз она делала небольшой крюк, рисковала, подлетая к долине, где расположились артане, с востока. Там высокая гора, старая, но гордая, с блестящей вершинкой, в расщелинах, уступах, выступах и карнизах, точно такая же и на другой стороне. К ней примыкает стена, перегораживающая горловину Долины Иггельда, на ней всегда стрелки из лука, просто воины, готовые метать камни с высоты, но на горе, что на стороне артан, пусто, пусто, пусто...

И сегодня тоже пусто. В груди сжалось, она уже толкнула Скулана, чтобы ушел в сторону и полетел по широкой дуге, от артанского стана надо подальше, сейчас защищает только гора... как сердце радостно дернулась. Она не поняла, что увидела, но руки затрепыхались, как и сердечко, а чуткий Скулан тут же повернул, сделал круг в обратную сторону.

Человек исчез, скрытый камнями, дракон медленно опускался, растопыря крылья. Яська высмотрела крохотную ровную площадку, Скулан недовольно хрюкнул, но все-таки начал снижаться, в последний момент сложил крылья, дабы не сломать о стену, плюхнулся на все четыре лапы.

Яська соскочила с дракона и помчалась со всех ног, спотыкаясь, поскользываясь, держа глазами камни, где видела человека. Камни расступились, она увидела, что незнакомец все так же держит лук на коленях, но не поднимает, смотрит, как мчится к нему, легкая и быстрая, как горная коза.

Запахавшись, Яська едва не набежала с разбегу, сумела остановиться с трудом, спуск крутой, и как о стену ударилась о странное выражение его лица. Он смотрел без вражды, но и без узнавания, и только тогда воскликнула в ужасе:

— Ты... ты не Меривой!

Гигант чуть кивнул, глаз по-прежнему не сводил, будто кот за мышью, сказал сильным звучным голосом:

— Да, меня зовут Франк.

Она попыталась попятиться, но за спиной крутой подъем, а от этого гиганта не уйти, смертная тоска залила грудь, по глазам этого Франка поняла, что она смертельно побледнела, поникла.

— Ты... так похож...

— Да, — ответил он так же просто и звучно, — Меривой — мой брат. Нас даже отец путает. Мать нет, но отец путает. А ты, значит, Яська?

Она прошептала в испуге:

— Откуда ты знаешь?

Он пожал плечами.

— Я ведь брат, забыла?.. Он чуть сильнее меня, но я подогадливей. Не бойся, ты мой враг, но я не подниму руку на женщину, которой бредит мой брат.

Яська задохнулась, прижала руки к груди, ее испуганные глаза сразу заблестели, засияли, как звезды, заблестали, вся осветилась изнутри, словно в ней вспыхнуло крохотное солнце.

— Он обо мне... вспоминал?

Франк фыркнул, на его лице боролись неприязнь и некоторое удовлетворение, что его брат так ценим. Все-таки не простая девка, а повелительница драконов! Женщина-воин, о такой только мечтать можно. В Артании все мужчины с ума сойдут от зависти, когда его брат... если его брат...

В голове смешалось, вообще не мог мыслить большими кусками, мысли воина должны быть короткими и резкими, как удар артанского топора.

— Он бредит тобой, — буркнул он. — Сумасшедший.

Она сказала прерывисто:

— Это я, я сумасшедшая! Зачем говорили о нашем будущем, ну зачем?

— Не знаю, — ответил Франк. — Сейчас война, женщина-воин. Вы не можете говорить о будущем! Или говорить можете, но...

Он запнулся, опять получалось слишком долго и сложно. Яська сказала поникшим голосом:

— Да, я знаю.

Франк поднялся, он возвышался над нею больше чем на голову, ее макушка доставала ему только до середины груди. Она отступила, устрешенная его нечеловеческой мощью, от которой сразу повеяло угрозой.

— Возвращайся, — сказал Франк мрачно. — Мои стрелы сбивают драконов, как другие сбивают в небе уток. Я узнал тебя, потому мои стрелы в туле. Но в следующий раз уйдут в цель. Мои стрелы не знают промаха. Сейчас война!

— Война... — прошептала Яська, — война...

Франк сделал несколько шагов вниз, повернулся, теперь он смотрел на нее снизу, сказал коротко, ей почудился в его суровом голосе намек на участие:

— Любые войны когда-то кончаются.

Горы проплывали далеко внизу, Яська всматривалась, страстно желая, чтобы хоть на часок получить такое же острое зрение, какое было у ее Зайчика или хотя бы как у этого Скулана. Артане все в долине, их победное половодье остановлено Стеной Иггельда, так ее называют, сердце начинало биться чаще при упоминании имени брата, что стал сильным, красивым и, самое удивительное, вожаком, хотя в детстве всегда сторонился шумных ватаг.

Горы поднимались со всех сторон дикие, острые, она всматривала ровную площадку, но везде острые камни, а площадки не площадки вовсе, а россыпи острых глыб, дракон сломает лапы, изранится, а то и вовсе разобьется.

Крохотная фигура почти на пике возникла, казалось, прямо из сверкающего снега. В руках появился лоскут, затрепетал по ветру. Яська пугливо всматривалась, дракон по ее сиг-

налу пошел кругами вниз, человеческая фигурка выростала, сердце застучало пугающе громко.

— Перестань, — приказала себе Яська вслух. — Перестань, дура...

Дракон выровнял полет и пошел по кругу.

— Я не тебе, — сказала Яська сердито. — Это я — дура, а ты у меня умный. Но ты уж пожалей меня, дуру, опустишь еще. Вдруг да...

Дракон сделал еще два круга, человек укрупнился, наконец она рассмотрела его запрокинутое к небу лицо, из груди вырвался ликующий вопль. Дракон как подстегнутый пошел вниз, и тут словно острая игла пронзила сердце: а если это снова Франк, он обещал второй раз не шадить. Это же он сбил ее Зайчика. Он и... Меривой, как он красиво стоит внизу и призывно машет плащом!

Дракон опустил ниже, Яська наконец рассмотрела узкую полоску, на которую нацелился Скулан. Меривой еще раз указал на нее, отпрыгнул в сторону. Дракон наполовину сложил крылья, иначе не протиснуться, выставил лапы, заранее откинулся назад, почти сел на зад, встречный ветер наддул полуразвернутые паруса, и дракон остановился на краю пропасти.

Меривой бегом обогнул скалу, увидел их, лицо стало белым как мел.

— Я не думал, — крикнул он, — что так опасно!

— Ничего, — ответила она задорно, — если бы брякнулись, все равно бы вниз не упали!

Он бесстрашно приблизился, оказавшись почти рядом с мордой дракона, справа или слева не зайти: с одной стороны отвесная скала, с другой — пропасть. Яська быстро освободилась от ремней, соскользнула по гладкому боку, Меривой чуть отступил, она подбежала и остановилась в смущении.

Некоторое время оба смотрели друг на друга неотрывно, сказать надо друг другу так много, потом Меривой начал разводить руки в стороны, а Яська так же молча бросилась ему в объятия. И так, крепко-крепко сцепившись, стояли, как мо-

гучий дуб и тонкая рябинка, что выросла под его защитой, ветви переплелись, сердца стучат, как молоточки.

Яська закинула голову, его огромное лицо нависает сверху, сказала с торопливым стыдливым смешком:

— Мой дракон, наверное, решил, что я сошла с ума. Изодня в день летаю, высматриваю...

Меривой сказал тихим громыхающим голосом:

— А я вообще рехнулся... Словно горный баран на эти вершины... или просто баран?.. а сам думал, ну чего станешь меня высматривать? С какой стати вообще вспомнишь?

— Дурак, — сказала она сердито.

— Дурак, — согласился он счастливым голосом.

— Еще какой...

Широкая надежная ладонь поддерживала ее спину, Яська откинулась чуть, выгнувшись тонким станом, так удобнее смотреть в его лицо, но зато непроизвольно прижалась бедрами. Их взгляды проникали друг в друга, как лучи полуденного солнца в темные комнаты.

За спиной жутко всхрапнуло, послышался треск, будто каменотесы отламывали большой кусок скалы. Ладонь Меривоя упала на рукоять топора, он молниеносно обернулся, загораживая Яську всем телом. Дракон, жутко изогнувшись, вывернул морду к небу и, едва держась над пропастью на трех лапах, с жутким треском свирепо скреб когтями под нижней челюстью.

— Чего это... оно? — спросил Меривой осевшим голосом.

— Съел что-нибудь, — ответила Яська. — Чесун несчастный... Не могу отучить!

Меривой понаблюдал, с каким остервенением дракон чешется, невольно повел плечами, у самого зачесалось между лопатками, перебросилось на бока, поясницу, возник зуд за ушами, в подмышках.

— Зачем отучать, — возразил он угрюмо, — если чешется...

— Так он же все равно не может!.. — объяснила она возмущенно. — Посмотри, какая там чешуя! Еще один дурень, ничего не понимает.

Меривую почудилось, что дракон, продолжая остервене-

ло чесаться, посмотрел на него с надеждой. Чешуя идет внахлест, стальные когти скользят с чешуйки на чешуйку. Оставив Яську, Меривой подошел ближе. Дракон, что чешется, вот так комично выворачивая шею и закрывая глаза, не страшен, и Меривой, вытащив кинжал, поскреб узким лезвием снизу, запуская его под чешуйки.

Дракон вздрогнул, глаза расширились, замер, страшась спугнуть неожиданное счастье, осторожно скосил глаза на человека. Меривой поскреб еще, дракон вытянул шею, стараясь раздвинуть чешуйки, но природа все учла: шея дальше не растягивалась, а чешуйкам хватило размера, чтобы защищать нежную кожу.

Сзади Яська прошептала в восторге:

— Я даже не догадывалась, что так можно!

Меривой ответил гордо:

— А что такого? Дракон — тот же конь, только с крыльями. Если можно щеткой против шерсти, то можно и...

Дракон томно выгибался, Меривой скреб, слышался скрип металла по камню, дракон осторожно и деликатно, чтобы не напугать человека, лизнул его в обнаженное плечо. Яська сказала с шутливым негодованием:

— Предатель!

Меривой засмеялся, очень довольный:

— Он просто хитренький. Ну как после этого не почесать такого подлизу еще?

Яська прижалась боком, Меривой оставил дракона, обнял девушку. Дракон посмотрел на Яську с ревнивым укором. Она же счастливо смотрела на Меривоя снизу вверх, дракон своим чесаньем сломал какую-то крохотную стенку, отмел хвостом многие вопросы, и все, кроме них двоих, казалось далеким, как и весь мир, где-то очень внизу, а здесь только они вдвоем и звездное небо у их ног.

— Я нашел пещеру, — похвастался Меривой. Взглянул на Яську, поправился смущенно: — Не пещеру, а скорее шель... но если чего, вдвоем поместимся. В смысле — спрячемся. Дракон, конечно, не влезет, даже если пузо подберет... Его нельзя как-нибудь уменьшить?

Яська удивилась:

— Как?

— Не знаю, — сказал Меривой. — Я как-то видел дракона, что вишни воровал! Схватил одну ягоду всеми четырьмя лапами и прет ее, всюю махая крыльями, едва не развязывая пупок...

— У них пупка нет, — объяснила Яська авторитетно. — Они же рождаются в яйцах. Беспупковые, не то что ты!

— А у тебя пупка разве нет?

— Ну...

— Покажи, не верю. Ты тоже, наверное, из яйца! Правда, из самого красивого...

Она отбивалась, он схватил ее на руки и понес в щель. Дракон зевнул, проводив их взглядом. Похоже, все-таки не дерутся, как обычно, а все-таки играют, что для людей совсем непривычно. Зато привычно, когда дерутся. Драться они могут всегда и подолгу. Звери так долго не дерутся, даже самые кровожадные. А люди — да, могут.

Меривой нес ее бережно, прижимая к груди и то выставляя локти, то поворачиваясь к скальным выступам плечами, чтобы те не напали на его Яську.

— Я теперь не знаю, — вырвалось из его груди горькое, — зачем эта война... если такое между нами? Никакая война и никакие победы того не стоят!

— Артанин, — сказала она с нежным упреком. — Что у тебя за крайности?

— Мы такие, — ответил он горячо. — Если ликовать, то чтоб до небес наши песни, если горевать — мир чернеет и звери замертво, если любить — то богов корежит завистью!.. Когда скачем, ликуя или скорбя, то издали и не понять: ураган ли идет, сметая все живое, или же артанин несется, смеясь или горюя!

ГЛАВА 28

С утра небо стало серым, тонкие перистые облака шли плотно, в два ряда, солнце обозначилось большим желтым пятном, словно смотрит сквозь непромытый бычий пузырь, которым беднота затягивает окна. Лишь изредка наползал

просвет, Долину заливало радостным оранжевым огнем, все оживало, женщины улыбались, мужчины расправляли плечи, в серых скалах появлялись и ярко блистали красные, синие, золотистые искорки.

Дракон появился над Долиной, сделал полукруг и сразу пошел вниз, выбрав место прямо перед пещерами. Шварн и Чудин выгружали с телег мясо, иногда драконов приходится кормить и здесь, не только у Антланца, Апоница вскинул руку, чтобы помахать Яське, но рука застыла в воздухе.

Скулан опустил резво, красиво, спружинил на четырех лапах и чуть не подпрыгнул от избытка силы, словно хорошо выпался и готов лететь снова как угодно далеко. С его спины вслед за Яськой слез огромный молодой мужчина с суровым, даже свирепым лицом. Апонице почему-то показалось на миг, что он увидел внезапно помолодевшего Аснерда. Черноволосый, обнаженный до пояса, артанин с головы до ног, от него сразу пахло жестокостью и смертью. Шварн и Чудин застыли, как лягушки перед огромным ужом.

Яська хлопнула Скулана по лбу.

— Брысь в пещеру!..

Скулан лизнул ее руку, красный язык достал и артанина, тот не повел бровью, Скулан с грохотом костяной брони понесся к пещерам, вскидывая толстый зад, а Яська, покосившись на троих зрителей, ухватила гиганта за руку.

— Пойдем. Я познакомлю тебя с братом, если он прилетел. Или сразу ко мне?

— К тебе, — ответил гигант могучим, как ураган, голосом. — Что мне братья, сестры, весь мир?

Они повернулись и пошли в сторону домов, дракозники не отрывали от них глаз: за спиной гиганта покачивался в легком чехле лук, подобных никто не видел и не представлял, что такой могут сгибать руки человеческие.

Шварн сказал тихо, чувствуя, как дрожит голос:

— Как я понимаю, Яська захватила пленного?

Чудин промямлил:

— Да уж... ответный удар!

— Ответный?

— Ну да, — сказал Чудин. Он не отрывал взгляда от уда-

дящейся пары. Рядом с гигантом Яська казалась совсем крошечной. — Сперва артанка захватила было в плен нашего Иггельда, но убежала одна, увести не сумела. А теперь вот Яська...

Шварн зябко передернул плечами.

— Вы заметили, что у него за стрелы?

— Я заметил лук, — сказал Чудин.

Апоница подошел, сказал за их спинами:

— Стрелы — цельнокованные дротики. Не он ли сбил Яськиного Зайчика? Такой может продырявить даже каменную шкуру Аснерда. Да только не станет по Аснерду.

Молодые дракозники переглянулись, Шварн спросил с подозрением:

— Почему?

— Ничего не заметили особенного?

— Да он весь особенный!

— Ну да, это конечно... Еще не видели Аснерда вблизи? А если тот же Аснерд, но лет на тридцать моложе?

Полдня этот артанин, Меривой, как вскоре узнали, не показывался из дома Иггельда. Вообще его никто не видел, даже вездесущие слуги, а сам Иггельд в эти дни патрулировал горные тропки и разбивал все катапульты и тараны, что пытались подвезти к артанскому войску.

Во второй половине дня Яська спустилась в нижний зал, потребовала у Пребраны побыстрее пожарить мяса, ни в коем случае не свинины, сама унесла наверх. Слуги сгорали от любопытства, но лишь ближе к вечеру Яська, а за ней этот гигант спустились по лестнице и, ни на кого не глядя, вышли на площадь.

Похоже, весь город уже знал о таинственном незнакомце, все тарасили глаза, Яська и Меривой двигались, ни на кого не глядя. Встретили князя Цвигуна, Яська ошетибилась, готовая к отпору, но князь, к ее облегчению, лишь скользнул по ним отстраненным взглядом, словно здесь толпами ходят вот такие, и, отвернувшись, спокойно продолжал степенный разговор с князем Кадомом.

Яська и Меривой прошли через весь город к стене, оттуда молча смотрели, как он легко взбежал вслед за Яськой на-

верх, каменные ступеньки проседали под его весом. На стене задерживаться не стали, прошли в самый конец, где уперлись в гору, вскарабкались повыше, цепляясь за выступы, высматривали артанский лагерь. Князь Цвигун ради такого случая тоже взобрался на стену и, делая вид, что дает ценные указания защитникам ворот, не покидал стену, стараясь понять, что же странный гость будет делать, станет или не станет стрелять в своих соотечественников.

Меривой с Яськой сидели тихо, из артанского лагеря начала выдвигаться для стрельбы камнями тяжелая катапульта. За ночь и полдня заново перетянули ремни, заменили излохмаченный брус, теперь, громяхая колесами, выползла на ударную позицию. Пятеро артан крутили ворот, солнце блесло на их крутых плечах, переливалось на тугих мускулах. Метательную балку оттянули до упора, поместили камень, старший взмахнул рукой. Двое силачей выдернули штырь, и освобожденная гигантская рука метнула камень.

Цвигун пригнулся, но камень пролетел над стеной. Слышно было, как с силой ударился в каменное. Похоже, в стену дома, но это увидели потом, а сейчас смотрели с замершим дыханием, как в воздухе страшно блеснуло, словно ударила короткая молния.

Гигантская катапульта вздрогнула, вздернутая кверху деревянная длань с пустой выемкой для камня разлетелась, словно огромная сосулька, по которой ударили молотом. Блестящая стрела, больше похожая на копье, вонзилась в раму, та треснула.

Цвигун быстро повернулся к горе, ощутил, что и все тоже смотрят в ту сторону. Артанин молча накладывал другую стрелу. Он стоял во весь рост, не прячась, хотя Яська дергала за руку и явно уговаривала, судя по ее отчаянной жестике, не показываться.

Рядом с князем Цвигуном охнул князь Северин:

— Вот это выстрел!.. Но жаль парня...

— Почему? — спросил Цвигун, но сам понял, что вопрос глупый.

— Непросто ему стрелять по своим... Представляю, что у него в душе.

А старый князь Кадом проговорил невесело:

— Не хотел бы я на его место. Всем бы нам чтобы все ясно и просто. Без вот такого... гм... надрыва.

Аснерд вздрогнул, отшатнулся. Полог шатра не дрогнул, но внутрь широко шагнул могучий приземистый человек, седые волосы до плеч, на лбу их придерживает обруч. Светильник за спиной, лицо оставалось в тени, но Аснерд воскликнул пораженно:

— Вяземайт!.. Откуда?

Вяземайт подошел, положил руку Аснерду на плечо, некоторое время пытливо всматривались друг в друга. Вяземайт похудел, осунулся, суровые морщины углубились, их стало больше, только глаза горят все тем же неистовым огнем.

— Ты от Придона? — спросил Аснерд.

Вяземайт покачал головой, отвернулся, подыскивая взглядом скамью, отступил и сел за стол. Аснерд смотрел на поникшие плечи, все еще огромные, настоящие валуны, обкатанные морскими волнами, опомнился, хлопнул в ладоши. Звук такой, что в дальнем загоне тревожно подпрыгнули и заметались кони, а люди оглянулись на горы: где это лопнула скала?

Полог откинулся, молодой артанин поймал сердитый взгляд Аснерда, исчез, вбежали сразу трое, торопливо поставили на стол блюда с холодным мясом, рыбой, зажаренной на вертеле птицей, пару кувшинов и два медных кубка.

— Подкрепись, — велел Аснерд. — Я вижу, когда ты... ну, выдоен, как коза у вдовы.

Вяземайт рассеянно отщипывал тонкие волоконца мяса, глаза смотрели в пространство, Аснерд сел напротив и смотрел, как верховный волхв ест. Всегда приятно угощать и смотреть, как гость ест, почти так же приятно, как жрать самому, и хотя Вяземайт всегда ест как воробей, но все же за накрытым столом как-то уютнее, даже светильники горят ярче.

— Я из Родстана, — ответил наконец Вяземайт. Он налил из кувшина, в кубке заколыхалась, пенясь, темно-красная поверхность, потек горьковатый аромат жги-травы. — Пом-

нишь, вторая столица... Нет, не Сарынь, та давно не в счет... Родстан — город колдунов, магов, волшебников и чародеев... Я не думал, что этих умников так много...

— И чем кончилось? — спросил Аснерд жадно. Взглянул на Вяземайта, сказал торопливо: — Прости, сорвалось... Такое спрашивать — это не знать тебя.

— Красивый город, — произнес Вяземайт задумчиво. — Очень красивый. Даже красивее Куябы, хоть Куяба роскошнее и богаче. Трудно представить, да?.. Красивее, красота не в богатстве, не в пышности. Они хоть и куявы, но в Родстане сумели... А какие там библиотеки! Сколько книг, свитков, табличек!.. А колдуны чуть ли не все. Даже слуги стараются чему-то научиться, вызнать, подняться. Все чародеи туда стягиваются, чтобы общаться с себе подобными, состязаться, вызнавать друг у друга секреты, меняться знаниями и мощью. Я уж подумал в какой-то момент, что мне конец... Уж очень они сильны.

Он осушил один за другим два кубка, налил третий, но выглядел таким же изможденным, усталым.

— В магии?

Вяземайт кивнул.

— Да, в магии тоже.

— А еще в чем?

— В основном, — ответил Вяземайт. — В основном... У них есть убеждения, в отличие от остального скота, кои называют себя людьми, жителями богатой и славной Куявии. А убеждения — это, скажу тебе, то гранитное плато, на котором строится крепость. Если же на песке или на болоте, как поставлена вся Куявия, то... сам видел, что мы сделали с Куявией. А эти... гм...

Он снова налил жги-травы, выпил залпом и налил до самых венчиков. Глаза заблестели, на впалых щеках проступил слабый румянец.

— Теперь там одни руины? — спросил Аснерд.

— Да.

— Ты силен... — протянул Аснерд. — Один против целого города? Я слышал, куявы в колдовстве искуснее всех на свете!

— Может быть, — ответил Вяземайт задумчиво. — Они... да, оказались искуснее. Я же — сильнее.

Аснерд покачал головой.

— Я думал, это важно только для воинов... А для магов — кто искуснее.

— Они искуснее, — повторил Вяземайт, — но у них не было... моей ярости, хотя это не совсем так... у них не было моей правоты... или моей уверенности в правоте... в магии это очень важно. У них убеждения, уже это делает их из скотов людьми, но у них не было убежденности! Если нет абсолютной убежденности, ты в сотни раз слабее. Они все время сомневались, колебались, спорили друг с другом, а я ломился, зная, что я — прав!.. Ладно, когда-нибудь, долгими зимними вечерами будем сидеть у костра... или в теплом доме, под вой ветра в трубе расскажу все до мелочей. А там есть что рассказать, много удивительного случилось... Сейчас же главное — последний город Куявии взят. Больше не осталось на этой проклятой земле ни клочка, куда бы не ступало копыто нашего коня!

Аснерд обеими руками подвинул к нему блюда.

— Ты ешь, ешь!.. Что ты даже не клюешь? Муравей больше жрет. Набирайся сил.

Вяземайт потянулся к кувшину, пальцы остановились на подороге. Глаза не отрывались от лица Аснерда.

— Погоди... Что-то не так?

— Да нет, — сказал Аснерд бодрым голосом, — все хорошо!

— Не бреши, Аснерд. Ты всегда мог брехать гладко, но я твои брехни вижу за полет небесной стрелы. Что случилось?

Аснерд отвел глаза, а когда поднял на старого друга взгляд, Вяземайт с изумлением и тревогой увидел в нем стыд, тревогу и смятение, которых никогда не зрил в несокрушимом и всегда уверенном Аснерде.

— Родстан, — ответил Аснерд с трудом, словно глотал каменную глыбу, — Родстан... не последний клочок земли. Вот только сейчас мы перед последним. Да, везде наши конные отряды вышли на границы Куявии с другими державами, но

здесь нам не дают войти. Ты не поверишь, если я скажу, кто там командует!

Вяземайт не сводил с него пристального взгляда.

— Кто?

— Помнишь, нас везли с Придоном в Долину Дивов?.. Мы были у Англнца, приходил молодой парень, что вообще меча в руках никогда не держал!.. И не хотел становиться воином!

— Помню, — проронил Вяземайт. — И сестру его, Яську, помню. Красивая и отважная девушка-воин, мечта наших молодых мужчин! Она как раз и отвезла нас четверых. Оттуда не вернулся Конст, он был дивом... ты не знал?.. но умер артанином.

Аснерд поперхнулся.

— Дивом?

— Да, уж поверь. Я знал это всегда.

— Но... почему? Кто, как не ты, с пеной у рта доказывал, что надо истребить всех дивов, всех драконов? Почему смолчал?

— Эх, Аснерд, мощь в тебе как у бури, а понимаешь меньше мыши. А зачем убивать Конста, если именно тогда величайшая из побед, когда врагу не сносишь голову острым топором, а делаешь... другом? Убить — это еще не победа. Или слишком простая победа, туповатая, воинская, когда не можешь одержать настоящей... а настоящая в том, что див стал артанином! Вот это и есть победа. Он жил и умер артанином.

Несмотря на предельную усталость, он разгорячился, на щеках проступили красные пятна. Аснерд кивнул, сказал насмешливо:

— Теперь понимаю, за что так ненавидишь куявов. Их уж точно артанами не сделаешь... Да, так вот этот Иггельд, так его зовут, если помнишь, и защищает эти камни! Ему подчиняются, не поверишь, сбежавшие от нас с равнин князья и беры. Как он их прижучил, ума не приложу, но командует всем он. Они перед ним на задних лапках. Надо сказать, очень умело командует.

Вяземайт долго молчал, лицо осунулось, постарело, и морщины стали еще глубже. Аснерд подумал с раскаянием,

что не стоило вот так взваливать на верховного волхва еще и свои заботы, а ведь взвалил же, вроде бы просто рассказал между прочим, как дела. Не рассказал, а пожаловался, не попросил помощи в лоб, но в то же время и попросил...

— Как твои дети? — поинтересовался Вяземайт. — Знаю, лезут всегда впереди всех, в отца пошли. Хотя бы одного мне в волхвы, а то все — герои с топорами...

Аснерд стал темным, как грозовая туча. К лицу прилила тяжелая кровь, грудь раздулась, там зародилось глухое рычание.

— Лучше не спрашивай...

— Прости, — сказал Вяземайт торопливо. — Я не знал, что... Почему-то мне казалось, что они живы и здоровы. Видимо, старею, забываю...

Аснерд молчал, упершись взглядом в столешницу, там трещало и прогибалось дерево, из груди донесся тяжкий стон. Вяземайт вздрогнул, такого с Аснердом еще не было, наконец Аснерд проговорил с великом трудом, голос сипел и прерывался:

— Я не знаю, что с моими сыновьями...

— Как это?

— Меривой, говорят, ушел к куявам.

Вяземайт отшатнулся, смотрел пристально, покачал головой.

— Быть такого не может!

— Может, — сказал Аснерд хрипло. — Ладно, не к куявам, а к Яське, той самой... Да, как раз пара. Но почему не он ее, а она его забрала?

Вяземайт уточнил педантично:

— Забрала у нас, но не у тебя. Тебя он наверняка любит и чтит.

— Он любит и чтит эту воительницу на драконе!

— Он ее только любит, — уточнил Вяземайт. — А тебя любит и чтит. Еще не проверял, что сильнее?

Аснерд сказал упавшим голосом:

— И проверять не буду. Не рискну.

Глаза старого волхва странно блеснули, наклонил голову.

— Может быть, — проговорил он в раздумье, — ты и прав... А что второй?

— Франк? Забился в дальний угол, никого к себе не подпускает. Говорит, что мог бы помешать раньше... но не говорит, в чем. На поле не выходит, опасается, что придется вступить с братом в перестрелку.

Вяземайт вскинул брови.

— Он его побаивается? Прости, я не это хотел сказать. Тогда еще хуже, Аснерд, чем я думал.

Аснерд прорычал в тоске:

— Что может быть хуже?

— Он может считать, что Меривой с Яськой в чем-то правы. А ты сам знаешь, что при равных силах побеждает правый. Все хотим чувствовать себя правыми. Вот мы пришли в Куявию, чтобы исполнить волю Творца: истребить колдунов и драконов, никто не смеет творить чудеса, кроме самого Творца, а землю должны населять только созданные его руками! А грабим только попутно, это все мелочи... Но нам труднее было бы воевать, если бы пришли только ради грабежа. И шкуры свои берегли бы больше, понимаешь?

Аснерд долго молчал, криво усмехнулся, сказал горько:

— Так, может быть, и пришли только ради грабежа?.. Ладно-ладно, шучу. Ты, я вижу, совсем выдоен. Отдыхай, набирайся сил. Могу дать охрану и телегу, чтобы отвезли тебя в Куябу, там у Придона отоспишься и отожрешься.

Вяземайт поморщился.

— Да я и на коне не разучился. А могу и не только на коне... Я из Родстана прямо к тебе потому, что ощутил что-то...

— Чего ощутил?

— Не знаю. Ощутил, что сейчас нужен. Очень нужен, хотя и не признаешься. Так что давай без этих всяких, мы же старые волки, чего хитрить друг перед другом? Не молодые петушки. Теперь вижу, ты застрял перед этой стеной, да?.. Да еще эта... ну, трудность с детьми.

Аснерд, вспыхнув, прорычал:

— Трудность?

— А что, беда? Трудность, — возразил Вяземайт. — Оба живы и здоровы. Да, еще одна хорошая новость... Ты у меня

в долгу за эту весть, смотри! Спляшешь, когда скажу. Даже если будешь лежать и помирать, все равно встанешь и станцуеть... Что за новость? А, я еще не сказал?.. Тот колдунишка, что Придон послал с сыном Щецина Вереном, сумел-таки!.. Твой сын Тур возвращается!

Замороженное лицо Аснерда начало оттаивать, губы дрогнули, поползли в стороны.

— В самом деле? Не врешь?.. Ну, ты в самом деле просто... Спасибо, Вяземайт!

Вяземайт отмахнулся.

— Это Придон вспомнил и послал за ним. Я бы не вспомнил, прости. Мы знаем, что мужчины рождаются для битв и красивой гибели. А Придон хоть и цар, но еще и певец с нежным сердцем... Тура везут к нему, так что давай здесь заканчивать побыстрее, чтобы встретить его там. А то стыдно будет, если он сюда явится!

— Стыдно, — согласился Аснерд. — Все смотрели на меня, как на ураган, что все сметает на пути. А тут — застрял!.. А почему везут? Он сам, что...

Вяземайт скупно улыбнулся.

— Это я от усталости заговариваюсь. Сам едет на коне, все такой же молодой, сильный и красивый. Скоро увидишь... Нет, Придон велел отвезти его прямо в Арсу. Ну ничего, скоро и мы там будем.

Через два дня Вяземайт ввалился в шатер, еще больше осунувшийся, долго и жаднопил, потом рухнул на лавку и откинул голову на высокую резную спинку. Глаза закрылись, Аснерд уже думал, что волхв заснул, но Вяземайт поднял веки, заговорил ясным и очень деловым голосом:

— Стену от колдовства охраняет колдовство. Не знаю чье. Когда пробовал проникнуть глубже, словно глыбу льда проглотил, все начало замерзать изнутри. Похоже, эта стена теперь стала частью горы, а горы защищают сами подземники. Так что чарами не смогу ни обрушить, ни рассыпать в песок, ни даже растрескать.

— Почему? Ты же силен?

Вяземайт сказал уязвленно:

— А ты не силен? Защищаться всегда легче. Сейчас я от

подземного народца. Целый день уговаривал... Помнишь, отвели всю воду из-под башен колдунов? А пару сами и обрушили?

— Ну-ну!

— Так вот, — буркнул Вяземайт, — отказались наотрез. С иггельдовцами живут в дружбе, за подземное золото не ссорятся. Даже выносят наверх за хлеб и рыбу. Они рыбу почему-то обожают... Сказали, что мы вскоре уйдем, а с теми жить, что вообще-то понять можно. Так что придется самим что-то мудрить. Пока не знаю что, давай думать. Я пока прикидывал только свои штучки, но они не помогут. Что у нас есть?

Аснерд огрызнулся:

— Только наша отвaga и острые топоры в руках! Всю Куявию с этим прошли, но здесь лбами о стену. Пробовали тараны, катапульты — все побито. Последнюю мой же Меривой, сукин сын, и разбил. Он в любой конец лагеря может добросить стрелу!

Вяземайт спросил быстро:

— Но не стреляет?

— У него что, совсем совести нет?.. Здесь же мы, артане!

Вяземайт хмыкнул, глаза стали задумчивыми.

Ночью Беловолос и Чудин безостановочно поднимали в звездное небо драконов, сбрасывали в полной тьме тяжелые глыбы, ориентируясь только на горящие вдоль стены факелы и отсчитывая от них нужное расстояние. Едва возвращались, добровольные помощники, что уже перестали бояться драконов, загружали камнями снова, крылатые звери разгонялись, взмывали вверх и пропадали в темноте.

Из артанского лагеря несколько раз доносились крики, значит, хотя бы часть камней поражает врага, а главное — сеет страх и уныние, что разъедают волю и силу сильнее, чем тяжелые раны. На стене зажгли бочку со смолой, пытались рассмотреть, что же там происходит. Во второй половине ночи Шварн не выдержал и вывел из пещеры своего дракона, еще тощего после болезни.

Решительно махнул рукой:

— Грузите и нам!

— Не заморишь своего Храпуна? — спросил князь Цвигун. — Насквозь светится...

— Ничего, пару леток сделает, прогреется. Только не валите камней, как Чудину, у него не дракон, а камневоз...

Втроем сделали четыре вылета, на стене вслушивались в непрерывный грохот, крики, шум. Потом чуть утихло, и Шварн увел усталого дракона. Артане прижимались один к другому под скальными навесами, избегали падающих с неба камней. Правда, если камень падал вблизи, то осколки залетали и под навесы, ранили, рассекали тело до костей.

Слабый рассвет окрасил небо, факелы загасили, из бочки с остатками смолы поднимался жалкий сизый дымок. В артанском лагере люди выходили из-под каменных укрытий, поспешно разводили костры и падали возле них в изнеможении, засыпали. На стене зло смеялись: простоять всю ночь, прижимаясь друг к другу, чтобы под каменными уступами поместилось как можно больше народу, не просто даже для таких закаленных и выносливых героев, как артане.

От артанского лагеря отделились двое всадников. Один из них вскинул медную трубу, в холодном утреннем воздухе звонко и требовательно пропел вызов на переговоры. На стене переглянулись. Князь Онрад спросил недовольно:

— Опять переговоры? О чем? Все уже сказано...

Князь Северин хохотнул:

— А может, артане хотят нам сдаться?

Цвигун фыркнул, сделал широкий жест, приглашая всех наверх, неспешно поднялись, перешли на широкой навес над воротами. Вообще-то князь Цвигун гордился возможностью вести беседы с артанами, Иггельд отбыл поднимать народ на равнине, а здесь можно показать себя перед прославленным артанским полководцем...

К его удивлению, рядом с трубачом на коне сидел молодой грузный человек с длинными седыми волосами, лоб украшает серебряный обруч с камнем медового цвета над переносицей. Он вперил в князя Цвигуна острый взгляд, сразу

вычленив в нем главного, князь ощутил холодок по всему телу.

— В чем дело? — спросил Цвигун надменно. — Где Аснерд? Я не собираюсь слушать его слуг.

Седой человек сказал громко:

— Ночью вы сбросили камни с драконов. Вам повезло, а нам нет — один упал на Аснерда... Он умирает. Мы просим перемирия на сутки. Он умрет к вечеру. За ночь устроим краду и тризну, а утром возобновим бой. Согласны?

Князь Цвигун опешил:

— Да, гм, да, конечно... Аснерд был, кто спорит, великим героем... Кто мог подумать, что погибнет так нелепо! Наверное, самый большой камень попал ему прямо в темечко.

Седой человек взглянул остро, кивнул.

— Ты прав. Иначе как бы удалось свалить артанина?

Он повернул коня, трубач поспешно пустил коня следом. Князь Цвигун смотрел вслед, сопел, морщил лоб. Князь Северин вскрикнул радостно:

— Аснерд! Это же наше счастье!.. Одного за другим выбираем сильнейших!

— Их выбил Иггельд, — поправил Цвигун. — Одно не пойму... Зачем просить перемирия? Ведь не две же армии стоят друг против друга. Или опасаются, что снова перелезем ночью через стену?

— Так это ж волхв, — буркнул Шулика с презрением. — Что они понимают в сражениях?

В городе в это время Яська сбегала вниз, набрала на широкое блюдо мяса, сыра, рыбы, хлеба, бегом понеслась наверх, но Меривой уже проснулся, тер кулаками глаза. Изумился:

— Когда ты успела?

— Да вот успела!

Она опустила блюдо прямо на ложе, встала на колени и, смеясь, подала ему большой жареный, еще горячий кусок мяса. Меривой покраснел, вскочил, ухватил ее и швырнул в постель, накрыл одеялом по самый подбородок, встал на колени возле ложа и сам подал ей, порывшись на блюде, горсть вишен.

Яська возмутилась:

— Ты кем меня считаешь? Я что, воробей?.. Может быть, я тоже, как артанин, ем только сырое мясо?

— Мы не едим сырое мясо, — запротестовал Меривой

— Да? — удивилась Яська. — А я тако-о-о-ое слышала... Значит, ты меня не съешь?

— Съем, — заявил Меривой.

Он отставил блюдо на столик, ухватил Яську, в это время за окном послышались радостные крики. Яська ощутила, как напряглись его плечи. Некоторое время он прислушивался, держа ее в объятиях, потом бережно отпустил, на щеках проступила бледность.

— Что-то случилось? — спросила она в тревоге.

Не отвечая, он бросился к окну. Яська видела, как он высунулся в оконный проем, обдирая плечи, до пояса, всматривался в народ на площади.

— Что там? — спросила она.

Меривой повернулся, бледный, с трясущимися губами. Ей показалось, что он взглянул на нее с ненавистью, затем опомнился, подбежал и быстро начал целовать в макушку, как ребенка.

— Прости, прости...

— Да что случилось?

— Аснерд умирает, — ответил он дрожащим голосом. — Отец, отец!.. Яська, прости, я не могу, чтобы он умер, не поймав меня! Я хочу, чтобы сказал мне последнее слово... Он любил тебя, Яська, он восхищался тобой. Это от него я услышал о тебе, какая ты красивая и отважная... Яська, я бегу, прости!

Он торопливо ухватил перевязь с артанским топором, пальцы вздрагивали, перебросил через плечо. Гигантский лук остался в углу комнаты, пучок стрел тускло блестел в свете масляного светильника. Яська выбежала следом, народ на площади шарахался в стороны при виде бегущего гиганта. Яська неслась за ним легкая и светлая, как горная лань. У самых ворот Меривой остановился, Яська налетела, как на скалу. Он ухватил на руки, приподнял и поцеловал. Яська обня-

ла за шею и повисла, как на дереве, но Меривой с нежной настойчивостью расцепил ее пальцы, опустил на землю.

— Я вернусь, — повторил он. — Я только попрощаюсь с отцом...

— Меривой, у меня на сердце как будто могильная плита! Я боюсь, я очень боюсь.

— Я вернусь, — ответил он с нежностью, от которой у нее навернулись слезы. — Я всегда буду с тобой, Яська! Я очень тебя люблю. Я даже не знал, что я могу вот так... Я не могу без тебя.

— Это я не могу без тебя, — возразила она просто. — Если не вернешься, я умру.

Он поцеловал ее и, быстро повернувшись, побежал вверх, перепрыгивая сразу через три ступеньки. Наверху сразу расступились, Меривой снял с плеча моток веревки, закрепил за каменный зубец, и тут снова его обхватили за шею тонкие сильные руки. Яська рыдала, цеплялась, как дрожащий вьюнок хватается в поисках опоры за деревце, он обнимал и целовал ее на виду молчаливых долинников, что отодвигались все дальше, чтобы не мешать, не вмешиваться, дать им пространство.

— С тобой случится! — выкрикнула Яська сквозь слезы. — С тобой случится страшное!.. Я не смогу!.. Меривой, не ходи!

— Там мой отец, — ответил Меривой. — Я его очень люблю.

— Меривой, я боюсь!..

— Не бойся, я тут же вернусь...

— Меривой, я боюсь за тебя!.. Я за всех боюсь, я уже всего боюсь!

Он крепко поцеловал в зареванное лицо, мокрые глаза, ухватился за толстую веревку и почти прыгнул со стены. Видно было, как быстро-быстро перебирает руками, иногда просто скользит. Взвился легкий дымок из-под ладоней, веревка вот-вот вспыхнет, но каменным ладоням огонь не страшен. Меривой скользил почти до земли, там выпустил веревку, ее тут же подняли наверх.

На бегу он обернулся, помахал рукой, Яська навсегда запомнила его полное любви и обожания лицо, огромные страдальческие глаза.

ГЛАВА 29

Аснерд осмотрел щель под широким выступом, велел углубить, расширить, а отколотые камни сбрасывать в пропасть. Следующую катапульту, а она прибудет, можно прятать здесь. Да и шатер стоит перенести поближе, а то этой ночью камни в самом деле рухнули близко... Он видел эти глыбы, такая рухнет на темечко — волосы... того... растреплет.

Воины слушали его, мрачнели. Углублять и расширять пещеру — это распрощаться с надеждами закончить с этой Долиной быстро. Не говоря уже о том, что не ремесленники, чтобы долбить стены, и что нечем долбить, кроме топоров. Аснерд и сам понимал, что говорит не то, чего ждут, вышел в самом скверном расположении духа.

От сверкающей в утреннем солнце, как огромная вставшая на дыбы серая глыба льда, стены бежал огромный человек. Обнаженный до пояса, с могучей фигурой — Аснерд узнал сына и не поверил глазам, Франк должен быть у шатра, оглянулся, так и есть, Франк там, поднялся, бросил лук, свинья, ринулся навстречу бегущему. Они сшиблись, обхватили друг друга, и наконец-то Аснерд поверил, что видит Меривоя.

— Ах ты ж! — заорал он, прибавил шагу. Братья разомкнули объятия, Меривой бросился навстречу с криком:

— Отец!.. Ты жив!

Аснерд остановился, огромный и массивный, как скала. Меривой набежал, едва не сбив с ног, обхватил, жадно прижался. Сердце Аснерда дрогнуло, Меривой прильнул к нему, как испуганный ребенок, с неохотой высвободился из могучих рук, но Меривой снова жадно обнял.

— Что случилось? — спросил Аснерд твердым голосом. — Что тебя выгнало из куявской норы, предатель?

Их окружали артане, в руках топоры, взгляды исподло-

бья, лучники наложили стрелы. Меривой сказал с радостным облегчением:

— Куявы... в самом деле... не самые умные! Кто-то пустил слух, будто ты смертельно ранен дурацкими камнями, что сбрасывали ночью с драконов... Вот я и прибежал...

Артане переглядывались, говор стал громче. Раздвинув толпу, появился Вяземайт.

— Этот слух пустил я.

Меривой вздрогнул, глаза расширились.

— Зачем?

Вяземайт смотрел строго, в глазах беспощадная ясность.

— Как зачем? Ты, предатель, среди артанского лагеря! Этого мало? Тебя будут судить за измену. За всю эту войну ты — первый артанин, кто настолько обесчестил свое имя!

Меривой вздрогнул, сзади по кивку Вяземайта подошли Герман и Рогач, могучие, как столетние дубы, ухватили за руки, быстро и умело связали обе кисти за спиной толстой веревкой. Он не отрывал взгляда от Аснерда. Тот помрачнел, в глазах, обращенных к Вяземайту, сверкнул гнев. Подбежал Франк, непонимающе смотрел на брата, на отца, повернулся к Вяземайту, тот выдержал его взгляд, горестный и умоляющий, только чуть дрогнул бровью. Собравшиеся артане шумели громче, грозный рокот напоминал шум морского прибоя.

Аснерд проронил глухо:

— Да, сын мой... Артания — это все. Для нее человек должен забыть даже любимую женщину, женщин много, Артания — одна. Ты выбрал женщину, чужую женщину... а значит — предал Артанию.

Они стояли в широком кольце, Меривой в смертной тоске огляделся. Вспомнился горестный крик Яськи, ее тяжкое предчувствие беды, умоляющие глаза.

— Я не предал, — вырвалось у него с яростью, — ни артан, ни артанскость!.. Здесь против нашей орды бьется горстка артан...

Аснерд прорычал:

— Ты что мелешь?

— ...настоящих артан, отец! Они больше артане, чем мы!.. Я не предал, я не предал!.. Я не предал, будьте вы все!.. Их здесь тысяча или даже меньше, но не страшатся драться против всей Артании!.. Знают, что они — одни, что помощи нет, не спасут, не помогут. Они бьются отважно и яростно. Они не сдадутся, не откроют врата. Да, их горстка, они все погибнут. Но погибнут, отец, красиво! С небес кричат хвалу им, а не нам. Ты понимаешь, что даже наши предки кричат хвалу им? У этих куявов даже женщины таскают камни на стены и сбрасывают на головы... на головы осаждающих... так разве они трусы?

Его страстную речь, так непохожую на всегда короткие реплики, слушали в угрюмом молчании. На суровых лицах Меривой не видел ни пощады, ни снисхождения, ни даже понимания. А Вяземайт уловил его заминку, сказал с насмешкой:

— Ты хотел сказать, на головы артан, верно?.. И что же, стыдно стало?

Меривой покачал головой, выпрямился, в лице гордость и отвага.

— Не за себя. За того стыдно, кем сюда пришел. Была великая гремющая слава — садануть всей отвагой, удалью и нашим презрением к гибели в могучую и спесивую Куявию! В подлую, трусливую Куявию, гордую черными башнями магов, богатством, огромным войском, закованным по ноздри в железо!.. Но скажи мне, где слава в осаде этой крохотной Долины, где даже нет воинов, таким несметным войском? Я не вижу этой славы! Я вижу... я вижу совсем другое, сам подбери название.

Воины молчали, лица оставались каменными, только его брат Франк смотрел отчаянными глазами, переводил взгляд с жестокого лица верховного волхва на отца, оглядывался на неподвижные ряды воинов. Рогач и Герман молчали, отводили взоры.

Вяземайт украдкой бросил взгляд на лица собравшихся, не понравилось, сказал громко и веско:

— Меривой, ты во многом прав. К сожалению, прав. Мы сейчас выглядим... не совсем красиво. Но это, как сам зна-

ешь, последний оплот, где разводят драконов. А драконы, как не созданные Творцом, должны быть уничтожены. В этом наша вера, в этом наше предназначение! Для этой особой миссии Творец и выделил из всех народов нас, артан.

Он с беспокойством посматривал на угрюмое лицо сына Аснерда. Меривой, Франк, Тур, Олекса и другие дети воеводы всегда отличались ровным дружелюбным нравом и полным нежеланием не только сушить головы над умными вопросами, а вообще думать. Их рост, могучая стать, каменные мышцы и двухпудовые кулаки и так выделяли из рядов простых воинов, привлекали женские взоры, а старики говорили одобрительно, что богата и сильна земля артанская, если все еще рождает таких героев. Но сейчас Меривой хмурит брови, на ровном лбу морщинки, чего никогда не было. Он не старается спасти жизнь, для этого слишком отважен, артанин с головы до пят, но размышляет, усомнился, а любое сомнение — это остановка на быстром победном пути.

— Аснерд, — обратился он громко, — ты отец не только этого человека, но и всего этого войска. Тебе решать, виновен он или нет.

Аснерд стиснул челюсти, взгляд, который метнул на Вяземайта, мог сровнять его с землей, но Вяземайт не дрогнул, укрытый в несокрушимые доспехи веры.

— Виновен... — произнес наконец Аснерд, — или не виновен, пусть решит артанский суд воинской чести и мужества. Я решать не могу, я — пристрастен. Да свершится как скажут воины!

Он сгорбился, отступил, сразу постарев, а морщины обозначились, как трещины на каменной стене. Из толпы один за другим выходили военачальники. Оруженосец Аснерда забежал вперед к шатру полководца и откинул полог. Военачальники исчезали внутри, Франк ухватил Аснерда за руку, придержал:

— Отец, это же твой сын!.. Это мой брат, наконец!

— А на другой чаше весов — Артания, — проронил Аснерд глухо.

— Какая Артания, отец!.. Они же его убьют!

— Вовсе не «они», — сказал Аснерд. — Решает Артания. Этот суд воинов — голос самой Артании.

Франк сказал отчаянно:

— Не верю я в этот голос. Мой брат разрушил самую большую катапульту, все на него злы. Его любит прекрасная женщина-воин, мечта артан, ему завидуют! Вяземайту вообще не верю, он не человек вовсе. Если и был человеком, то очень давно.

Аснерд кивнул, соглашаясь.

— Сейчас он не человек, а голос артанских богов. Но разве не таким должен быть волхв?

— Я не верю, — дерзко возразил Франк, — что этот старик толкует волю наших богов верно. Разве могут наши боги не радоваться, что единственная на всю Куявию женщина-воин, повелительница могучих драконов, не нашла в Куявии достойных мужчин и обратила взор на артанина?.. Я знаю, брат передавал ее слова, она пойдет за ним, куда он скажет. Пойдет за ним в огонь и в воду, в его дом или в пустыню. Где он захочет, там и будет ее дом! Разве это не счастье? Они не могут друг без друга, а любви боги радуются, разве не так?

Аснерд сказал глухо:

— Любовь — что оконная занавеска, сын мой... Узор может быть и миленький, но мира уже не увидишь. А мы, артане, должны видеть все, боги от нас требуют большего, чем от других существ. Другие просто живут, как вон куявы, что лишь скот, только двуногий, как-то научившийся шлепать губами и носить одежды. А мы, артане, должны нести в мир истину и порядок! Да, на острие наших топоров, человек по природе труслив и ленив, в дерьмо сам лезет, а к добру надо — пинками.

Он шагнул в шатер, оруженосец посмотрел на Франка враждебно и опустил перед ним полог.

Солнце поднималось все выше, наконец застыло в середине неба. Вокруг шатра на расстоянии стража, никого не подпускали, дабы непосвященные не услышали возбужден-

ные голоса командиров, в самом лагере тоже спорили, ссорились, кое-где даже сверкали обнаженные клинки.

Наконец из шатра вышел Вяземайт, подал знак трубачу. Тот ухватил рог, над лагерьем пронесся хриплый надрывный рев. Следом глухо и недобро отзывалась под частыми ударами туго натянутая на обручи кожа. Созывать никого не пришлось, все сгрудилось у костров поблизости, все еще выпаривали из костей холод высокогорной ночи. При появлении Вяземайта, Аснерда бодро вскочили, расправили плечи. За волхвом и первым героем Артании шли самые уважаемые воины, знатоки законов чести, достоинства мужчин и высшего проявления мужской доблести — кодекса артанских воинов.

Меривой и со связанными за спиной руками стоял гордо, без робости смотрел в суровые недоброжелательные лица. Его поставили спиной к ровной скале, он оперся о гладкую поверхность, широкие плечи разведены, взгляд тверд.

Вяземайт вскинул руку, говор умолк. Лицо верховного волхва было строгим и суровым.

— Боги посылают нам тяжкие испытания, — сказал он глухим, но таким сильным и звучным голосом, что докатился до самых дальних. — Самое простое: захватить Куявию — мы сделали. Куда труднее выбить врагов из собственных сердец. А эти враги: слабость, малодушие, желание остановиться и, подобно куявам, начинать просто жить, как бездумно живут козы, свиньи и куявы. Но у артан есть то, чего нет у свиной и куявов, у нас есть — Цель!.. Суд рассмотрел поступок Меривоя и вынес решение.

Он отступил, вперед шагнул Фриз, хмурый и немногословный воин. Лицо, испещренное шрамами, суровое и жестокое.

— Виновен, — сказал он коротко.

Обвел молчаливых воинов пристальным взором горящих глаз, так же молча шагнул назад. Вяземайт взглянул на бледного Франка, спросил громко:

— Каков приговор?

Фриз сказал с презрением:

— Волхв, мы не хлебопашцы! У воинов слово «виновен» всегда означает «смерть».

Вяземайт повернулся к Меривою. Тот приподнял подбородок, взгляд спокойный и ясный. Против него встала дюжина лучников, натянули луки. Меривой сказал громко:

— Эй, Берг, твоя стрела пройдет над плечом!.. А ты, Весел, целься чуть левее, а то зацепишь плечо... Прощайте, друзья!.. Я не посрамил честь артанина. Но пусть нас рассудят боги... и наши потомки. Яська, я очень люблю тебя!.. Я буду тебя ждать...

Вяземайт наклонил голову. Воздух наполнился зловещим свистом. Франк перехватил взгляд Аснерда, сам смотрел отчаянными глазами. Если Меривой устоит, — значит, боги взяли его сторону. И придется тут же развязать ему руки, признать правоту, отпустить с почетом на стену, где его ждет жена — повелительница драконов...

Франк задержал дыхание и напрягся, словно стрелы сейчас ударятся в его каменную кожу. Но что ей стрелы простых лучников, они с Меривоем — дети каменного исполина, в них стрелять или рубить простыми топорами — лишь тупить острое железо. Стрелы разлетятся в мелкие щепки, лезвия топоров и мечей выщербятся или завернутся, будто из сырой глины...

Послышался горестный вскрик. Это дернулся и покрылся смертельной бледностью Аснерд, в глазах загорелась люта́я испепеляющая ненависть. Он метнул огненный взгляд на Вяземайта. Десяток стрел впился в обнаженную грудь Меривоя с такой легкостью, как будто он простой смертный с рыхлым телом торговца. На губах Меривоя играла прежняя печальная улыбка. Он тоже бросил взгляд на Вяземайта, все понял. Да, волхв свято уверен, что имеет право вот так колдовством помогать суду, чтобы во славу Артании, и потому не дрогнул под взглядами Аснерда, Меривоя, Франка и всего войска.

Взгляд Меривоя погасал медленно, голова опустилась на грудь, ноги не согнулись в коленях, стоял так же красиво и гордо, привалившись спиной к каменной стене. Стрелы погрузились до половины, тонкие струйки крови задержались

на тугом поясе, соединились и теперь переливались широкой красной струей.

Вяземайт проговорил громко:

— Боги сказали свое слово!.. Их воля нерушима. Но Меривой был нашим героем, и крада ему должен быть достойной. Приготовить погребальный костер, как если бы отправлялся в последний путь великий вождь!

Аснерд слышал, как рядом яростно задышал Франк. Верховный волхв снова себя выдал, даже героев не хоронят, как великих вождей. Это признание вины и попытка как-то ее умалить, сладить, закрыть стеной ревушего пламени и заглушить треском горящих бревен.

Солнце опускалось, багровело, но лишь усилило блеск. Глаза слезились, множество солнц заблестало в горах, на скалах. На стене заговорили о дурных предзнаменованиях. Яська стиснула пальцы, в груди тревога и тоскливая боль, словно там поселилась змея и грызет сердце.

Небо окрасилось в пурпур, а прозрачный воздух словно заполнился кровавой пылью, солнце стало совсем огромным, смотрело на мир с нещадной свирепостью. Из оранжевого превратилось в исполинский малиновый щит, но блеск по-прежнему слепил глаза. Рядом с Яськой задвигался князь Цвигун, всмотрелся, проронил неуверенно:

— Что-то не понимаю... Если Аснерд при смерти, то кто вон там?

Вдоль каменной стены, почти сливаясь с нею, проехал всадник, за ним еще с десяток, все в сравнении с ним мелкие, словно подростки на козах, а он двигался, как плывущая гора, огромный и пугающе грозный. Яська не успела рассмотреть, из артанского стана вырвался на быстром коне человек с развевающимися по ветру черными волосами, направил коня галопом в сторону крепости. Лучники насторожились, князь Цвигун сказал резко:

— Не стрелять, дурачье!

Всадник огромен и страшен, обнаженный до пояса, широкоплечий, весь в грудах мышц, с белесыми шрамами, с

яростным лицом. Остановил коня прямо под стеной, Яська узнала Франка. Он был бледным, глаза влажно блестя, губы дергались.

— Франк! — закричала она отчаянно. — Франк, что с ним?.. Скажи, пока у меня сердце не разорвалось!

Он прокричал:

— Горе нам!.. Я больше не воин, Яська. Я уйду из этого стана... Они не правы, не правы! Они не могли так делать!.. Они не правы!

Он кричал, как в агонии, лицо задергалось, искривилось, а блеск из глаз побежал по щекам двумя блестящими дорожками. Широкое каменное лицо дергалось, кривилось, но он даже не утер слезы, смотрел в ее лицо, что становилось таким же мертвенно-бледным.

— Что с ним? — спросила она.

Он мотнул головой, но даже не оглянулся в сторону стана.

— Там сейчас готовят краду. Собрали все бревна. Как только тело Меривоя уложат, вспыхнет огонь... и душа его вознесется к нашим богам. Я верю, они его не осудили! Это люди осудили, но не боги... и я больше не хочу быть с такими!.. Прощай!

Он круто развернул коня, стегнул и дал шпоры. Оскорбленный конь дико завизжал и стрелой ринулся прочь. Яська успела заметить, что Франк помчался не в лагерь, а мимо, к тропе, что ведет вниз, в Город Драконов, а оттуда на равнину. Видела и застывшие лица князей Онрада и Северина, ее кто-то попробовал взять за плечи, увести вниз, отстранилась мягко, но решительно.

— Нет, — прошептала она. — Нет, я не хочу, чтобы он ждал меня долго... Простите меня.

На левом конце стены все еще свернутая в моток веревка. Яська проверила, хорошо ли закреплен конец на зубце, сбросила, ухватилась. Князь Цвигун смотрел на нее со странным выражением, лицо тоже начало кривиться, глаза заблестели. Князь Онрад совсем уж несолидно шмыгнул носом, торопливо вытер глаза.

— Яська, — проговорил князь Онрад просительно, — мо-

жет быть, не стоит, подумай... Меривую было бы радостнее знать, что ты жива и здорова, что живешь, радуешься всему...

Он запнулся, а из-за его спины добавил с надеждой Кадом:

— Да что там, Яська! Кто любит, тот жаждет, чтобы любимая и после его смерти жила долго и счастливо! Он сам все для этого делает!.. Меривой хотел бы, чтобы ты была счастлива и... возможно, когда-нибудь даже нашла себе хорошего человека, растила бы детей...

Яська слабо улыбнулась.

— Спасибо вам.

Веревка легко заскользила в ее ладонях, Яська спускалась не так стремительно, как Меривой, но быстро, а когда ноги коснулись земли, повернулась и пошла к артанскому стану, ни разу не оглянувшись в сторону крепостной стены с усеявшим весь верх народом, что скорбно смотрел ей вслед. Шла сначала медленно, взгляд выхватил в глубине артанского лагеря сложенные крест-накрест ряды бревен, ускорила шаг, а потом и помчалась со всех ног, уже не в силах сдержаться.

Навстречу ударил ветер, словно она летела на драконе, сорвал капюшон, длинные золотые волосы выплеснулись искрящейся волной, крупными локонами упали на плечи, спину и вытянулись за нею, рассыпая золотые искры.

Всадники выметнулись навстречу, что-то спрашивали, она замедлила бег, маленькая, безоружная, остановить ее не решились, поехали по обе стороны, Яська с острой болью в груди неотрывно смотрела на четыре ряда бревен, сложенных крест-накрест, двое артан уже поливают торцы растопленной смолой, а на самом веру, на роскошном алом плаще тело Меривоя, настолько огромное, что ступни торчат за края бревен.

Вокруг крады знатные артане, она узнала Вяземайта и Аснерда, военачальников, чьи имена известны куявам. Вяземайту подали зажженный факел, он хотел заговорить, но глаза поймали подходившую женщину. Брови взлетели вверх, зрачки сузились.

Яська уже перешла на шаг, дыхание выровнялось, уже почти спокойная, живущая в другом мире, только с горящим

лицом и звездными глазами. Выхватила факел, Вяземайт покорно отдал, ощутив в ней силу большую, чем в нем. Яська с факелом подошла к бревнам, повернулась к застывшим артанским воинам.

— Он был лучший, — сказала она с болью. — Лучший из людей!.. Небо не простит такое убийство.

Никто не двигался, она поднялась наверх, склонилась над Меривоем. Факел держала в далеко отставленной руке, чтобы не капал горячей смолой на его обнаженный торс.

— Меривой, — произнесла она тихо, но все услышали, у молодых воинов на глазах выступили слезы, а старые потупили головы, чувствуя, как в груди остро кольнуло. — Меривой... тебе не придется меня долго ждать... Я быстроногая, догоню, и к тем дальним вратам рука об руку...

Она склонилась к его губам, рука опустила факел, ее золотые волосы накрыли Меривоя нежным покрывалом. Пламя побежало вверх слабой струйкой, быстро растеклось в стороны, скрыло. В просветы огня воины видели, как она обняла могучую шею Меривоя уже обеими руками, прильнула всем телом, прижалась крепко-крепко, чтобы не оставял, защитил и там, куда отправляется сейчас.

Огонь ревел и гудел, возгоняясь к синему небу. Поднялся ветер, сверкающим роем взлетели пурпурные искры. Стена огня окружила краду с четырех сторон. Кто-то вскрикнул, показалось, что Меривой поднимается, завеса огня стала плотнее, сухой жар заставил отодвинуться даже Аснерда и Вяземайта. Вяземайт посмотрел искоса на искаженное лицо Аснерда, тихонько отступил, исчез.

Воины, отодвинувшись, продолжали смотреть на огонь неотрывно. К Аснерду подошел Щецин, после гибели Волина он старел не по дням, а по часам, почти не покидал шатра. Густые черные волосы, едва тронутые инеем, быстро редели, обнажая лоб, покрывались сединой.

— Аснерд, я ничего не скажу про эту краду... Кто прав, кто виноват — узнаем в небесном чертоге. Но сейчас понятно: надо уходить...

Аснерд вздрогнул, бледный и трепещущий, глаза почти белые, Щецину показались дикими, как у зверя.

— Ты о чем?

— Надо уходить, — повторил Щецин. — Эта куявка нанесла удар нашему войску больший, чем все богатыри и драконы этой проклятой Долины!

Аснерд прорычал:

— Говори яснее!

Щецин взглянул в его темное от горя лицо, вздохнул. Аснерд и сам бы все понял, просто сейчас от горя его разум темен, сказал тихо, почти умоляюще:

— Мы знали, что куявы — трусы и что всегда цепляются за свои жалкие жизни. Но эта куявка... молодая и полная звериной силы!.. Да любой наш вождь счел бы великим счастьем взять ее в жены!.. Эта куявка бесстрашно ступила в огонь, Аснерд! О ней будут говорить, а потом начнут петь. О нас забудут, а про твоего сына и эту куявку сложат песни, легенды. О них будут рассказывать, на их примере учить верности, чести, любви, самопожертвованию, беззаветной преданности... Войско увидело, что по ту сторону не жирные, обгадившиеся от страха свиньи. Мы потеряли самое главное, Аснерд!.. Мы потеряли чувство превосходства. Нам всегда помогала уверенность, что мы — лучше. А сейчас эта юная куявка разбила ее с такой легкостью, словно молодой лед. Ты посмотри на людей, Аснерд! Посмотри в их лица. В глазах слезы, Аснерд. Они только что обрекли на смерть... но вот сейчас голыми руками выдернули бы из огня обоих.

Часть III

ГЛАВА 1

Мутно-сиреневые тучки застыли на бледной голубизне полуденного неба. Малыш на лету повернул голову, в глазах вопрос, Иггельд кивнул, и дракон могучими взмахами вскарабкался выше. Облака остались далеко внизу, бледное небо налилось синевой. Если подняться еще, синева превратится в темнеющую лиловость, проступят первые звезды.

В разрывы облаков земля внизу казалась зеленым ковром, брошенным на неровное поле. Тоже нехорошо, он не дракон, чтобы с такой высоты рассматривать даже муравьев.

— Давай ниже, Малыш, — сказал он и для верности постучал ногой. — Вниз, вниз.

Дракон поспешно сложил крылья, и не просто сложил, а наклонился и пошел вниз, как падающая из поднебесья стрела, что все время набирает скорость. Сердце остановилось, желудок поднялся к горлу, холод охватил все тело.

— Хва...тит, — прохрипел он, когда зеленая трава начала превращаться в деревца, можно различать домики, угадать пятнышки пасущегося скота.

Малыш с готовностью начал выравниваться, но, тяжелый как гора, опустился еще на добрых три-четыре броска дротика, пока выровнялся и полетел прямо. Ревущий ураган, что пытался сорвать Иггельда с сиденья, сменился легким ветерком в лицо.

Дракон повернул голову, в глазах тот же вопрос, Иггельд сказал громко:

— Молодец, молодец!.. Я тебя люблю. Так и лети.

Внизу блеснуло, потом еще и еще. Показалось, что солнечный луч отражается от поверхности озера, Малыш несся как стрела, в глаз кольнуло еще пару раз, и тогда шевельнул коленом, дракон послушно сложил крылья, ветер засвистел в ушах, а тело стало легче.

Зеленая трава окончательно превратилась в лес, хоть и крохотный, на опушке часто и зло поблескивал холодный свет. Земля приближалась, появились крохотные двигающиеся точки, он различил фигурки всадников. Все кружили вокруг поблескивающего крупного шара размером с сарай, внутри проступала фигура сгорбленного человека с поднятой рукой. Короткие злые искры вылетали из шара, всадники шарахались, кто-то упал, остальные прицельно пускали стрелы, те отскакивали от оболочки шара.

Дракон снизился, Иггельд рассмотрел множество мелких точек, уже неподвижных, разбросанных вокруг этого сверкающего круга.

— Давай, Малыш, — прошептал Иггельд, — давай... если бьется с артанами, значит — наш. Даже если это див или колдун...

Всадники заметили налетающего дракона слишком поздно. Тот выставил лапы, крылья в стороны, пронесся над самой землей, сбивая, сметая, разбрасывая, как разбрасывает взбешенный лось кучу сухих листьев. Затем развернулся, пробежал по земле. Иггельд съехал по гладкому боку и ринулся вперед с обнаженным мечом.

Дракон понесся рядом огромными прыжками, опередил и погнался за редкими всадниками, что сумели удержаться в седлах или же ухитрились снова туда вскочить. Иггельд бросился к шару. Там высокий худой старик, бледный, с трудом удерживал над головой трясущуюся руку.

— Помощь! — выкрикнул Иггельд.

— Хорошо, — прошептал старик.

Он закрыл глаза и повалился на землю. Сверкающий шар моментально исчез. Иггельд подхватил колдуна одной рукой,

тело оказалось легким, будто держал не человека, а ягненка. Правый рукав халата заправлен за пояс, Иггельд не сразу сообразил, что старик однорукий.

Последнего всадника, что ринулся прочь, Малыш догнал, сбил с коня, а потом всякий раз сбивал, когда тот пытался встать. Так отделились далеко, Иггельд наконец подозвал дракона, артанин же притворился мертвым. Или в самом деле Малыш переломал все кости.

Иггельд огляделся, за спиной плотный лес, впереди равнина, лишь у самого горизонта пара зеленых холмов, можно бы перевести дух, а то и развести костер. Старик застонал, открыл глаза. Иггельд осторожно отпустил руки, старик отступил на пару шагов и сел на землю.

— Ноги не держат, — сообщил он с виноватой улыбкой. — Сейчас отдохну, пройдет. Спасибо, что так вовремя...

Иггельд поинтересовался:

— А зачем вам это?

— Что? — спросил старик, но Иггельду показалось, что прекрасно его понял.

— Драка с артанами, — объяснил Иггельд. — За спиной лес, можно спрятаться. В густой лес всадники не ринутся.

Старик покачал головой.

— А зачем?.. Все погибло. Мой друг и властелин погиб. Страна захвачена врагами. Женщина, которой я посвятил всю жизнь, меня замечает не больше, чем домашнего таракана. Друзья и враги погибли... Я Барвник, всегда был при Тулее, но теперь и Тулея нет.

— Я все-таки разведу костер, — сказал Иггельд. — Моему дракону надо перевести дух. Даже я устал на его заливке, но я сидел, а он крыльями махал за двоих!..

Старик вяло усмехнулся. На дракона посматривал с любопытством, но без страха. Иггельд сказал на всякий случай:

— Он не кусается.

— Верю, — ответил Барвник. — Просто никогда не видел дракона без вживленного штыря. Надо сказать, вы совершили великое...

Иггельд торопливо отправился за хворостом, принес огромную кучу, старик лежал на спине, закрыв глаза. Малыш

сидел столбиком рядом, завил хвостом, выворачивая пласты земли. Старик открыл глаза, Иггельд свалил хворост, достал трут и огниво.

Старик понаблюдал, сказал мирно:

— Недавно прошли дожди, мох отсырел. Позвольте, помогу...

Он указал пальцем на поставленные шалашиком щепочки, там сразу же вспыхнул оранжевый огонек, впился острыми зубками в прутики, послышались щелчки. Иггельд поспешно подкладывал сухие веточки, потом уже не только сухие, сказал завистливо:

— Хотел бы я быть вот так... колдуном.

— Точно? — переспросил Барвник. В голосе прозвучали странные интонации. — А если пришлось бы отказаться от драконов?.. Юноша, нельзя идти по разным дорогам одновременно. Вы сразу делаете выбор: быть умным или сильным. Но и потом приходится все время выбирать, отказываться...

— Понимаю, — вздохнул Иггельд. — Нет, драконов ни на что не променяю. Расскажите о себе, хорошо?

Он раскрыл походный мешок, разогрел мясо, на ломти хлеба положил пласты сыра и тоже прогрел над огнем, сыр расплавился и покрыл хлеб красивой ноздреватой массой. Старик ел сперва вяло, потом распробовал, а за едой начал рассказывать о дивной жизни во дворце, где он овладевал тайнами магии. Именно тайнами, само применение не интересовало, он не старался извлечь из нее пользу или упрочить положение при дворце, где постоянные интриги, борьба за место поближе к Тулею. Была прекрасная жизнь, полная тайн и очарования, но разом все рухнуло. Рухнуло страшно, рухнуло ужасно, безнадежно...

— Почему безнадежно? — спросил Иггельд. — Долина... Ветров все еще держится. Даже, я бы сказал, без особых усилий!

Барвник взглянул исподлобья. Подумал, буркнул:

— Долину Иггельда вы назвали по-старому, Долиной Ветров. Это значит, что либо ему завидуете и не хотите признавать успех соперника, или, что менее вероятно, вы и есть

Иггельд, но настолько скромны, что просто неестественно для мужчины и куява...

Иггельд улыбнулся, развел руками.

— Молчу, молчу!

Барвник некоторое время изучал его из-под косматых бровей. Лицо менялось, наконец пробормотал:

— Да, вы — Иггельд. Все-таки разбираюсь в людях. Я слышал о Долине, но, признаюсь, не верил. В тяжкие времена простолюдины всегда сочиняют небылицы о молодом и сильном герое на белом коне. А если еще и вовсе на драконе... Я разбираюсь и в драконах, по крайней мере, знаю о многих видах, но такого огромного и сильного еще не видел... И когда вся Куявия затоплена этим нашествием, для людей надо придумать легенду, что где-то есть город, который не сдастся.

— Мы не просто не сдаемся, — сообщил Иггельд. — Мы уже истребили два войска, что посылали к нам в горы.

Барвник отмахнулся:

— Да, слышал, слышал... Но полагал, легенды. Мягко говоря, преувеличение. Неужели Ральсвик в самом деле погиб?

— Не только Ральсвик. Мы сделали вылазку, сожгли катапульты, а их полководец Волин... тоже пал.

Глаза старого мага блеснули из-под кустистых бровей.

— Судя по заминке в твоём голосе, могу догадаться, кто его сразил.

Иггельд сказал:

— Вы очень сильный маг. Вам нужно только быть среди своих, укрепиться духом. Я отвезу вас в Долину, все увидите сами. А там, глядишь, не станете искать гибели в таких вот схватках.

— Тогда почему вы здесь?

Маг смотрел на него все так же исподлбья, в глазах недоверие. Иггельд сперва не понял холодка и сочувствия в голосе старика, а когда сообразил, ощутил, как лицо запылало от прилива крови.

— Вы подумали... — сказал он, запинаясь, — что мы... разбиты? Я уцелел... потому что сбежал?

Старый маг развел руками.

— Я этого не говорил, — молвил он глухо. — Дорогой герой, это сказали вы сами.

— Мы побеждаем, — ответил Иггельд с жаром. — Побеждаем!.. Мы разбили два войска, сейчас там третье... оно бьется о стены и тает с каждым днем. Сам знаменитый Аснерд в отчаянии, все время вызывал меня на переговоры! Придон перестал посылать подкрепление!.. Я вылетел посмотреть, что случилось... и вижу, что Придону сейчас не до моей долины. Там управятся без меня! Там воины получше, чем я. Все-таки я всего лишь пастух драконов, не человек с мечом в руке!

Он краснел, бледнел, горячился, доказывал, глаза то вспыхивали, как жар, то становились умоляющими, он до глубины души ужасался, что ему могут не поверить, а это ведь так стыдно, так стыдно. Барвник поглядывал искоса и с удивлением, что за человек, не растерял еще эти понятия, где только жил, в лесу или в пещерах, что ли...

Он уже насытился, доел горячее мясо, чувствуя в животе приятную тяжесть. После схватки тело стонет от недостатка сил и готово глотать собственные кости, так что давай кормись. Этот скромный пастух драконов еще не понимает, что приготовила ему судьба... на той дороге, которую выбрал сам. Эпоха великих бедствий порождает великих героев. Самое чистое золото получается из самого горячего горнила, самая яркая молния сверкает в самую сумрачную бурю. Этому пастуху, как он себя называет, пришлось тяжело, но он шел наперекор судьбе, поступал не так, как все или как надо, а как считал правильным, справедливым... А если бы все шло тихо и спокойно? Кто бы знал об этом нетребовательном пастухе?

— И что ты увидел? — спросил Барвник. — Признаюсь, я жил долго, но на драконах никогда не поднимался к небу. Да и вообще я не любил покидать свою комнату с книгами...

Иггельд кивнул, принимая признание в слабости, так он расценил и то, что старый маг обратился к нему уже на «ты», проговорил с некоторым удивлением:

— Мне сперва казалось, что Куявия сожжена и растоптана копытами артанских коней. Но я летал везде, видел, как мало артан в стране на самом деле!.. Только ужас перед ни-

ми, перед их мощью делает их вездесущими и всезнающими... И неверие в наши силы.

— Бедствия, — промолвил Барвник, — как грозовые тучи: издали кажутся черными, а над нами только серыми.

Иггельд кивнул, дивясь мудрости однорукого мага, добавил, воодушевленный поддержкой:

— И еще я увидел, что и они не из камня и железа... По крайней мере те, с кем сталкивался и кто остался в степи навсегда...

— Бедствие, — повторил Барвник, — пробный камень доблести. Не будь бедствий, узнали бы тебя как героя?

Иггельд запротестовал:

— Я не хочу быть героем! Я хочу вырастить удивительно-го дракона, который бы не только понимал меня, но и мог говорить! Я читал, что в старину такие драконы были. Я хочу выращивать и воспитывать всяких и разных драконов...

Барвник хмыкнул. Иггельд насторожился, Барвник кивнул:

— Говори, говори.

— А что не так?

— Нет, все верно.

— Но вы засмеялись... хоть и молча.

Барвник развел руками.

— Есть ли на свете хоть один человек, которому бы удалось все задуманное?.. Но только большинство таких, что мечтают стать тцарами, властелинами земель, величайшими из магов. Да что там большинство, почти все о таком мечтают! И все для того, чтобы лежать, жрать от пуза и ничего не делать. Лишь единицы хотели бы заниматься любимым делом. Они готовы рвать жилы на любимой работе... Но именно таким судьба и подбрасывает крепкие орешки...

— Орешки?

— Да, — ответил Барвник. Скупно улыбнулся. — Возможно, этот орешек тебе не по зубам. Но все равно грызть надо.

— Если надо, — ответил Иггельд просто, — будем грызть.

Барвник взглянул остро.

— А ты не очень рискуешь?

— Чем?

— Долиной Игтельда. Если падет, это ударит по всей Куявии. Все только говорят о вашем общем подвиге!..

Иггельд кивнул.

— Мы сейчас вернемся, а там вы, дорогой Барвник, сможете принять участие в обороне. Я же отправлюсь к одному горному властелину, попрошу помощи. У него крохотное владение высоко в горах. У него нет войска, но зато есть три или четыре десятка крепких таких деточек...

— Это об Антланце из рода Гормедов? — спросил Барвник. — Да, десяток его сыновей может составить ядро будущего войска.

— Да я не о войске, — ответил Иггельд смущенным голосом.

— Да, — произнес Барвник, — да, конечно. Но к неожиданностям будь готов!

Вдали затряслись вершинки деревьев, ближе и ближе, донесся треск, и, ломая кусты, на опушку выметнулся Малыш — огромный, поджарый, весь в блестящем металлом панцире, с радостно распахнутой пастью и вытаращенными от удивления глазами. Барвник напрягся, Иггельд сказал ворчливо:

— Что обалдел? Лягушку увидел? Не понял, почему не растет?.. Ладно, сейчас полетим обратно.

Барвник проговорил с натужной улыбкой:

— Как он вовремя... Только поговорили о возвращении в Долину, он тут же...

— Это я его позвал, — сказал Иггельд. Заметив удивление в глазах Барвника, поспешно добавил: — Нет, не магией! Достаточно сказать шепотом, у них невероятный слух... Давайте я помогу вам взобраться.

— Помоги, — согласился Барвник. — Я теперь даже по ровным ступенькам поднимаюсь с передышками.

ГЛАВА 2

Малыш прыгнул с места, Иггельд следил за Барвником, заметил, как старый маг застыл, но в глазах не ужас, а собственное старикам опасение резких движений, он долгое

время страшился двинуть даже глазными яблоками, хотя ремнями прикреплен так, что и другой дракон не сумел бы его сдернуть с сиденья. Малыш все поднимался и поднимался, обожает смотреть на мир свысока, с его зрением он все равно отчетливо видит каждого муравья, а приятнее видеть и далеко...

За спиной Барвник кряхтел, ежился в плаще. Иггельд чувствовал, что старик осмелел, смотрит во все глаза по сторонам. С полудня небо затянуло тучами, но после захода солнца тучи как-то незаметно растаяли. Воздух утяжелился, словно намокшая тряпка, на землю не падает ни капли. Иггельду казалось, что дождю неоткуда взяться, но темнеющее небо начало вспыхивать слабыми призрачными зарницами, все ближе и ярче, он поразился облачным горным хребтам, что появились из ниоткуда — цвета червонного золота, исполинские, гора на горе, плывущие медленно и грозно.

Сильно и густо запахло дубовой листвой, прелыми листьями, даже кисловатым запахом муравьиных куч. Все ароматы стали ярче, насыщеннее, даже на такой высоте ощутил, как пахнет расцветший будяк из дальнего оврага, эти цветут даже осенью... Или почудилось?

Малыш замахал крыльями чаще, но, судя по их наклону, начинает медленное плавное снижение: горы уже на горизонте, а там за двумя рядами пиков их долина, которую уже уверенно называют Долиной Иггельда...

Он оглянулся, спросил:

— Ну как полет?

Барвник ответил с живостью в голосе:

— Невероятно!

— Нравится?

— Как такое может не нравиться? Сразу видишь, что человек — любимец небес. Без плавников, а плавает по самым дальним морям, без крыльев — а поднимается к небосводу!

С этой высоты горы кажутся спинами застывших и окаменевших драконов, о которых так любил рассказывать Апоница. Гигантских драконов, что создали мир, а потом заснули навеки, превратились в горные цепи. Эту легенду, подумал Иггельд, могли создать только дракозники, никто другой

не может взглянуть на горы вот так сверху и увидеть, что в самом деле похожи на спины исполинских драконов: пики — шипы исполинского гребня, сами горы — выступы и роговые наросты на пластинах панциря... Эти драконы то лежат рядком, то налезает друг на друга, затевая игры, да так и окаменели.

Так же точно летели и тогда, в тот дивный и потерянный день, когда на эти горы со страхом и восторгом смотрела артанка, которая не Артанка вовсе, а Блестка, гордая сестра Придона.

Он вздохнул, сунул руки под мышки, съежился, плащ пришлось отдать старику, печально и трепетно вспоминал Блестку в тот первый день, когда только-только захватил ее в плен, когда еще между ними не было ни особенной вражды, ни этого странного противостояния: длинные темные волосы, заплетенные в толстую косу, чистые ясные глаза, обыкновенное лицо, сильно обожженное солнцем, светлое платье, легкое, не скрывающее сильное, здоровое и в то же время чистое непорочное тело молодой девушки...

Она ничем, ну просто ничем не отличается от других, это не Итания, из-за которой началась страшная битва двух могучих держав. Она не отличалась ничем, пока не улыбнулась тогда. Но она ему улыбнулась!.. Как улыбнулась, а это значит, что могла бы улыбаться еще, если бы сам все не испортил.

Внизу все быстрее и быстрее плыли, укрупняясь, горы. Наконец побежали, понеслись, замелькали. Барвнику казалось, что сверкающие льдом пики проносятся под самим брюхом дракона. Иногда крылатый зверь чуть проваливался в воздушных ямах, Барвник ахал и судорожно хватался за сиденье, но острые как ножи вершинки каким-то чудом оказывались внизу, дракон летит легко и свободно, человек впереди спокоен, и Барвник всякий раз запоздало понимал, что ничего страшного не происходит, так летают постоянно, все знакомо, дракон издали видит и ямы, и восходящие потоки теплого воздуха.

Иггельд услышал тонкий вскрик, в испуге оглянулся. Старик указывал вниз пальцем. Иггельд присмотрелся — да-

леко внизу быстро удалялась крошечная фигурка. Человек медленно брел по горной тропке, поднимаясь выше в горы.

— Что там? — крикнул Иггельд. — Еще один беженец...

Старый маг прокричал ему в спину:

— К старости плохо видишь вблизи, зато хорошо — вдаль. Это Щажард — правая рука Тулея, знаток управления страной, вместилище всех тайн...

Иггельд стукнул Малыша ногой, тот заложил крутой поворот, обоих резко наклонило в сторону, натянулись и затрещали ремни, тела потяжелели, выровнялся и полетел обратно, быстро снижаясь.

Человек в испуге прижался к стене, огромный дракон опустилса впереди в полусотне шагов, загородив дорогу. Иггельд расстегнул пряжку, крикнул старому магу:

— Не слезайте, я сейчас приведу!

— Нет, — огрызнулся старик, — сейчас спрыгну и побегу впереди тебя. Что-то он не похож на Щажарда, но одежда Щажардова...

Иггельд, посмеиваясь, соскользнул по выпуклому боку, похожему на скалу, покрытую крупным пластинчатым доспехом внахлест, пошел без торопливости к человеку. Тот вжался в каменную стену, оттуда из тени затравленно зыркал осторожными шупающими глазами. Лицо самое что ни на есть простецкое, хитроватое, с бегающими глазками, спина полусогнута, как у прислуги, что привыкла кланяться, вообще не смеет держаться ровно, чтобы не раздражать хозяев, только господа могут ходить с прямыми спинами и смотреть свысока. Но одежда в самом деле странноватая: богатый роскошный плащ, свежие срезы на тех местах, где находились явно из чистого золота пряжки и крючки, драгоценная ткань из Вантита, шитье золотыми нитями по краям обшлагов, к тому же беженец в сапогах, что сами по себе целое состояние, а под плащом вязаная рубашка из драгоценного пуха редкой птицы, что живет в лесах Вантита и по ночам кричит человеческим голосом...

— День добрый, — сказал Иггельд. — Мы не враги.

Человек шмыгнул носом, сказал угрюмо:

— Да уж вижу, ваша милость... раз на драконе, то не артане, точно.

Иггельд кивнул в сторону дракона.

— Там на загривке сидит очень старый человек, которому трудно спускаться. Он хотел бы задать пару вопросов.

Человек опасно смотрел на дракона.

— Я, конечно, понимаю, что эти звери вас слушаются, но кто знает, что у них на уме! Возьмет такой и хватанет, а зубы вон какие... Одно слово — зверь.

— Все равно придется подойти, — сказал Иггельд.

— Понимаю, — ответил человечек со вздохом. — Да я что, я только опасаясь, ваша милость, но не перечу...

На лице Барвника сильнейшее разочарование. Он спросил сверху:

— Скажи, уважаемый, откуда на тебе этот плащ и эти сапоги?

Человечек заколебался, глаза быстро метнули по сторонам пытливые взгляды. Иггельд сказал резко:

— Только отвечай быстро и четко! Перед тобой не простой дракон, он чует ложь и сожрет сразу же. Выбирай!

Беженец вздохнул, плечи поднялись и опустились.

— А что рассказывать, — буркнул он нехотя. — Мы сперва скитались вместе с Тулеем, потом он нас отпустил. Сказал, с ним опасно, наверняка скоро погибнет. Видать, чуял, что выдадут. Вот и ушли мы с моим господином Шажардом прямо в горы. Там башни колдунов, артане туда не сунутся... ну, все так думали. Высоко в горах застала ночь, а что за ночи в горах — настоящая зима среди лета!.. Начали замерзать, а у нас ни еды, ни топлива, чтобы разжечь костер... Чую, что до рассвета еще далеко, солнце бы согрело, но не дотянем, застынем до смерти. Мой господин и говорит: у нас обоих совсем не зимние одежды, замерзнем. Если я отдам тебе свою одежду — останешься в живых. Если ты отдашь мне одежду, останусь живым я. Но я великий и знающий многие тайны человек, моя жизнь нужна стране, мне умирать негоже. А ты — простолюдин, человек заурядный, твоя смерть — не событие. Лучше ты отдай мне свою одежду...

Он умолк, угрюмо зыркнул на Иггельда быстрыми глазами простого здорового человека.

— И что ты сделал? — спросил Иггельд и показал взглядом на Малыша. Тот приподнял голову и посмотрел на человека оценивающим взглядом.

— Что я сделал, что я сделал, — сказал беженец быстро, — что каждый бы на моем месте!.. Отвечаю ему, что да, я простолудин, никаких государственных тайн и вообще знаний у меня нет, всю жизнь навоз убирал да тарелки мыл, читать-писать не умею, но и я человек, значитца... К тому же еще и куяв, а нам жизнь дорога, так что мне начхать на все, что не есть я... Для нас, простых людей, нет разницы между жизнью знатного бера или даже князя и жизнью его слуги. А интересы страны — плевать, мне мои интересы дороже. На том стоит Куявия.

Барвник слушал молча, сказал с печалью:

— Да, мы не артане... И что дальше?

Беженец, ободренный его печальными словами, в которых не ощутил угрозы, сказал уже живее:

— А что дальше? Он же государственный человек, об интересах страны... Чтобы не замерзли оба, снял с себя этот плащ, в самом деле очень теплый, сапоги тоже сам снял, клянусь, отдал мне. Еще и сказал, клянусь, что, видать, плохой он правитель... Ну вот и все. К рассвету уже окоченел, а я в двух одежках остался жив, на мне две рубахи, двое штанов, а в мешке — мои сапоги и мой дырявый плащ, ночью я укрываюсь обоими.

Барвник вздохнул, сказал Иггельду надтреснутым голосом:

— Я узнал все, мне достаточно.

— Тогда летим, — ответил Иггельд.

Малыш дождался, когда на спине перестало топать и скрестись, оттолкнулся мощно и бросил свое мускулистое тело в синее небо. Крылья ударили по воздуху, с удовольствием примяли, швыряя тело высоко-высоко. Встречный ветер ревел и тонко свистел в ноздрях. Малыш фыркнул, закрыл их особыми кожистыми складками, нужны только в таком вот стремительном полете, когда так хорошо...

Иггельд пару раз оглядывался на старого мага, но тот сгорбился, пребывая в скорбной задумчивости, даже не смотрел на дивный вид с высоты.

Долина раскрылась там, внизу, как ровная и пустая котловина среди отвесных гор, в самом деле похожая на дно исполинского чугунного котла, треснутого, с отвалившейся с одного боку узкой вертикальной полоской, через которую и можно мелким человечкам попасть в тот удивительный котел.

Дракон сделал широкий полукруг, зашел с другой стороны и пошел резко вниз, у Барвника желудок поднялся к горлу. Каменистая земля надвигалась снизу стремительно, во все стороны разбежались дома, скалы. Дракон падал на ровное место, крылья трещали и лопотали на ветру, по земле широким кольцом понесся ветер, поднимая пыль.

Желудок резко опустился, сразу став тяжелым, как будто в нем оказался валун, Барвник не успел глазом мигнуть, как скрежетнул камень под когтями дракона, зверь мягко присел к земле, а потом и вовсе лег.

Иггельд сбросил ремни, повернулся и расстегнул пряжку на поясе Барвника.

— Это и есть наша Долина!

От далеких домов показались люди, но посмотрели и пошли по своим делам, а из пещер выскочили двое, один сразу замахал руками, заорал:

— Иггельд!.. Иггельд вернулся!

Иггельд соскользнул вниз, помог спуститься Барвнику. К ним подбежал худощавый средних лет мужчина, с хорошим добрым лицом и глазами ребенка. На старика смотрел вопросительно, Иггельд сказал:

— Шварн, это Барвник, сильнейший маг во всей Куявии. Но он истощен, ослабел, ему нужно отдохнуть и прийти в себя. Позаботьтесь о нем, а я вернусь на равнину, там много дел.

Шварн кивнул, в широко расставленных глазах вопрос, но смолчал, хотя выражение такое, что Иггельд насторожился, спросил быстро:

— Случилось что?..

— Нет-нет, — ответил Шварн быстро. — Ты... не отвлекайся, не отвлекайся!.. Сейчас главное — бить артан. Бить и гнать. Так что хорошо, что ты привез этого... мага.

Последнее слово он произнес с сомнением.

— Он в самом деле маг, — заверил Иггельд, — я видел его в бою. А что, вам маг в самом деле нужен?

— У артан появился Вяземайт. Если начнет магические штучки, то хорошо, если здесь будет сильный колдун.

Барвник часто дышал, плечи еще вздрагивали, осматривался с удивлением, Иггельд угадал в нем человека, что никогда не покидал больших городов, а таких диких гор еще не зрил. Шварн улыбнулся как можно приветливее, спросил у Иггельда:

— Где поселить? Могу у себя, двое беженцев, что жили у меня, погибли на стене, комната свободна...

— Лучше ко мне, — сказал Иггельд, — у меня весь верхний этаж пуст...

В груди кольнуло, а солнечный свет померк, сердце сжали холодные пальцы. Шварн и Барвник посмотрели с беспокойством.

— Ты не слишком рискуешь, — спросил Шварн, — когда носишься с утра до ночи, а потом еще и ночью? И ты, и Малыш — не железные.

Иггельд сказал зло:

— Сам знаешь, что случилось со страной, что хотела прожить без риска! Что случилось с людьми, что боялись риска!.. Черт бы побрал весь народ, что страшится риска!

Его вспышка гнева была неожиданной, он сам ощутил ее нелепость, но Шварн лишь вобрал голову в плечи, смолчал, хотя такое на него не похоже, что-то скрывает, зато Барвник коротко взглянул на раскрасневшееся от гнева лицо Иггельда, вздохнул, узкие плечи поднялись, вбирая голову, опустились в бессилии, как показалось Иггельду. Совсем не старческий голос прозвучал со старческим прикашливанием, хрипотцой, неуверенностью:

— Ты прав, мы стараемся его избегать... Но если необходимо, идем на больший риск... да-да!.. чем осмелились бы

даже склонные к безрассудному риску артане. Только мы, куявы, понимаем всю глубину, а порой и абсурдность своего риска, знаем, чем рискуем! От того, что знаем, что мыслим, нам еще страшнее...

Он умолк, подбирая слова, Иггельд спросил с недоверием:

— И что, все же рискуете?

— Да.

Иггельд покачал головой:

— Трудно поверить.

Барвник вздохнул, посмотрел искоса, из узкой груди вырвался новый вздох. Иггельд видел, что старый маг колеблется, поглядывает в нерешительности, наконец проговорил:

— Иггельд, ты идешь, возможно, на последний бой... Хотя это и рано говорить, но... я скажу тебе. Придон бессмертен и даже неуязвим. Он и до меча Хорса был величайшим из героев. Да, уже тогда мы ничего не могли противопоставить! Уже тогда... И вот, это безумный план, конечно, но пошли на смертельный риск, позволив выкрасть из нашего города меч. С ним Придон вообще стал бессмертным и неуязвимым богом и сейчас в Куябе ждет известий от Асерда.

Иггельд отшатнулся, а Шварн громко ахнул, глаза полезли на лоб.

— Как? Вы могли не дать вынести меч?

— Могли, — ответил Барвник.

— Так почему же...

— С героем Придоном бороться очень трудно, — сказал Барвник. — И без меча захватил почти всю Куявию!.. На одной только отваге, обиде, жажде мщения, которые сумел своими песнями передать мужчинам Артании. Но с бессмертным Придоном, ставшим богом, бороться невозможно. И сам Придон это видит...

Иггельд вскрикнул:

— Так на что надеетесь? Кто поведет людей на бой с бессмертным?..

— Бессмертный тоже может проиграть.

— Как?

Барвник посмотрел на дракона, на Шварна, тот взял старого мага под локоть и попытался увлечь в сторону домиков.

— Иггельд, — сказал Барвник настойчиво, — даже боги не имеют полного бессмертия! Погоди, юноша, дай ему объяснить, от Иггельда зависит даже больше, чем вы от него ждете... Боги теряют силы, если мало приносят жертв, а когда перестают приносить вовсе, умирают. А у героев всегда остается уязвимое место, это закон Творца, это всеобщий закон, его не обойти. У кого-то, при всей неуязвимости, остается уязвимой пятка, у кого-то колени, у одного героя, помню, крохотный листок прилип к спине, когда купался в молоке бессмертия, и в это место много лет спустя его поразили... Я знавал героев с булатным телом, но у одного осталась кишка из простой плоти, у других глаза, и все рано или поздно погибали!.. Один герой, в далеких лесах Славии, вообще сумел свое уязвимое место отделить от себя и держать в хрустальном яйце, которое, в свою очередь, запрятал в утку, утку в зайца, зайца поместил в сундук, а тот спрятал в густых ветвях могучего дуба где-то на удаленном одиноком острове, где никогда не бывало людей... Но и он, как понимаешь, не бессмертен. Кто-то когда-то доберется...

Голова Иггельда закружилась, он ощутил холод и страх, будто только что летел на драконе над вершинами гор и вдруг дракон под ним исчез.

— Но что с Придоном? — напомнил он.

Глаза мага, красные, с набрякшими веками, смотрели устало, скорбно, но в них горел и не погасал крохотный огонек, даже не огонек, а слабые искорки.

— Придон сильнее всех, — сказал он кратко. — Мы не смогли бы его одолеть. Даже без меча Хорса в его руке!..

— Не понимаю, — проговорил Иггельд. — А зачем же ему еще и меч? Кто поведет людей на верную смерть?

Барвник поднял голову, в лице проступила непривычная твердость.

— Не знаю, но вести надо.

— Они погибнут!

— Не все, — ответил Барвник.

— А что... Придон?

Барвник помолчал, лицо задергалось, ответил хриплым голосом:

— Все равно надо идти. Вести войска. Захватить... то есть освободить Куябу. Надо ворваться во дворец и скрестить оружие с самим Придоном! Да, бессмертным и неуязвимым. Иггельд, мы пошли на огромный риск, принеся в жертву Дуная, Тулея, отдав ему Итанию... Теперь надо сделать все, чтобы эти жертвы не были напрасными! Все наши расчеты... нет, какие там расчеты!.. все расчеты врут, но вся наша мудрость, весь наш опыт и все наше знание людей и того тайного, что толкает их на поступки, говорят...

Он запнулся, Иггельд сказал быстро:

— Что говорят? Отвечай!

— Что мы победим, — почти прошептал Барвник. — Боги дают победу только тем, кто умеет жертвовать. Нет, не так, как ты подумал. Истекающих кровью баранов на алтарь — это для простолюдинов! Иначе они не поймут. Простолюдины не поймут. Как, впрочем, и бараны... Для них это и есть жертва богу — простая и понятная. Скотом, птицей, зерном... Но мы, настоящие, жертвуем более высоким. Понимаешь? Вот сейчас мы и пожертвовали... И жертва наша столь велика, что я не знаю, не перевесит ли это на небесных весах бессмертие Придона и его нечеловеческую мощь? Иггельд, в нашем мире недостаточно быть сильным! Недостаточно быть очень-очень сильным. Надо быть достаточно сильным, чтобы не позволить себе стать сильным сверх меры... Вся наша надежда на то, что Придон этот соблазн побороть не сумел...

Иггельда охватил ледяной озноб.

— Так вы, — вскрикнул он, — даже не знаете?

— Мы надеемся на это, — ответил Барвник измученным голосом. — Я просто тебе ответил, что мы, куявы, тоже умеем рисковать! И рискуем, когда уж рискуем... большим, чем артане.

Голос упал до шепота. Шварн подхватил Барвника под мышки, ноги мага подкашивались, Шварн торопливо повел, почти понес в сторону дома Иггельда. И снова почудилось, что Шварн чего-то недоговаривает, отводит взгляд.

Малыш лежал, распластанный как жаба. Глаза с любовью и преданностью следили за человеком. Хвост со скрипом

двигался из стороны в сторону. На камне оставались царапины, похожие на рисунки горбатых мостиков.

— Летим обратно, — сообщил Иггельд. — Там и перекусим... если отыщем.

Малыш ликующе взвизгнул. Иггельд взобрался на загрибок, Малыш поскорее прыгнул в небо, пока папа не передумал, расправил крылья и залопотал ими по воздуху часто-часто, как утка. Иггельд еще раз внимательно всмотрелся с высоты — вроде бы все спокойно, на стене дежурят лучники, артане даже не атакуют, собрались огромной толпой, в центре что-то горит, дым поднимается черный, чадный...

Дракон пошел в сторону Долины, Иггельд постарался думать о том, что ждет впереди, неприятное чувство неясной потери засело занозой в груди.

ГЛАВА 3

Антланец вышел навстречу, едва Малыш опустился в сторонке от главного дома. Огромный, массивный, он выглядел выше ростом и помолодевшим: сбрил бороду, подрезал волосы, перевязал на артанский манер кожаным ремешком. Во дворе обучались на чурбанах молодые воины. Иггельд кивнул в их сторону с надеждой:

— Неужели готовишь к боям?

— А ты думал?

Он обнял широко и радостно, Иггельд задержал дыхание, кости затрещали, даже в глазах потемнело. Антланец что-то говорил весело, а когда к Иггельду вернулись слух и речь, он услышал довольное:

— ...сотню молодых и ловких обеспечу сразу же!.. Вот прямо щас брошу клич, а к вечеру соберутся. А дальше только пустим слух, что непобедимый Иггельд... не красней, не красней!.. непобедимый Иггельд, тот самый, который... словом, Иггельд спускается с гор на равнину, собирает войско под свою светлую... а ну покажь, ладно, просто под свою руку.

Он повел, похлопывая по спине, от чего Иггельд едва

удерживался, чтобы не побежать, сохраняя равновесие. Из дома навстречу выскочил народ, все кланялись, смотрели во все глаза, кланялись так низко, что Иггельд усмотрел насмешку, не могут же кланяться так, как будто он незнаемо кто, зашумался, но сделал каменное лицо и пошел прямо, не глядя по сторонам.

Антланец усадил за огромный стол, что начал как по волшебству заполняться блюдами, слуг почти не видно, зато поплыл дразнящий аромат приготовленного в ягодах мяса, птицы.

Иггельд сглотнул слюну и напомнил:

— Малыша покорми, ладно?

— Уже кормят, — успокоил Антланец. — Ты что, всерьез думаешь, что я тебя буду кормить раньше, чем эту смешную зверюшку? Наивный... Ты ешь, ешь, а я пока вслух рассуждать буду, мне так думается легче. Перво-наперво надо сразу заявить, что в нашем войске никаких вольностей! Понял? Никаких. В смысле, как при Тулее, что совсем вожди распустил, отчего такое непотребство и случилось. Пока воюем, никаких вольностей, это понятно, но и потом вся власть отныне в руках достойного и мудрого человека, которого изберут жрецы по указанию богов. Вся власть — как военная, торговая, так и вся на местах, землях, в вотчинах и удаленных крепостях.

Иггельд усомнился, сказал с набитым ртом:

— Такое не пройдет! У нас не Артания.

Антланец с грохотом опустил двухпудовый кулак на свободный край стола.

— Сейчас, когда мы в такой выгребной яме, что стыдимся друг на друга смотреть, все пройдет! Видят, насколько нужна твердая рука и железный кулак. Куявию ввергли в это самое не артане! Это мы туда страну затащили своими раздорами, распрями, своеволием. А потом... потом будет видно. Возможно, удержать удастся не все, я не такой легковёрный, но артане нас кое-чему научили, спасибо им! Отныне власть в Куявии никогда не будет такой никчемной, как при Тулее.

Рано утром Антланец взял всех сыновей, оставив управлять хозяйством дальнего родственника, в самом деле собрал и посадил на коней сотню неплохо вооруженных мужчин и повел их за Иггельдом. Правда, это он так всем говорил, на самом же деле это Иггельд, не имея войска, не имея ничего, кроме меча и дракона, шел с ними, вернее — ехал на прекрасном белом жеребце, но считалось, что ведет их Иггельд, тот самый Иггельд, а они только смотрят ему в рот и бегом выполняют все его мудрые, а как же иначе, пожелания.

Мальша Иггельд хотел отправить домой, но тот так визжал, скулил, припадал брюхом к земле, подлизывался и прикидывался умирающим, что Антланец всерьез рассердился, что обижает ребенка, да пусть идет с ними, ему же интересно, молодой еще... Иггельд скрепя сердце велел парить сверху, опускаться только по знаку или свисту, Антланец, одобрив, добавил:

— Ты же можешь с него видеть за сто верст, где что делается?.. Или не можешь?

— Могу, — буркнул Иггельд.

— Так чего же от такого счастья отказываешься?

— Чтобы народ не пугал...

— Пусть не пугаются, — отрезал Антланец. — В Новой Куявии драконы не будут жить как собаки за высоким забором, да еще в забытой всеми Долине! Пусть везде живут!

Снег все еще лежал на склонах, но к полудню, когда остановились на первый короткий отдых, исчез, оставшись далеко вверху на самом гребне. Мохнатые серые тучи клубились уже под ногами, похожие на неопрятный туман. Сквозь разрывы можно видеть скалистые склоны, отвесные стены, а еще дальше — зеленый клочок земли.

Вечером они двигались вдоль отвесной стены по узенькой тропке, когда камни окрасились пурпуром, словно их залило кровью. Антланец забормотал про знак, что подают боги. Мол, быть артанам в беде и быть великой крови. Иггельд смолчал, знамения всяк толкует по-своему.

Вечером сидели у костра, беседовали, над головой медленно угасал прекрасный закат, потом так же медленно за-

жигались холодные звезды. Иггельд про себя злился, на Малыше легко слетел бы на равнину за считанные мгновения, но Антланец прав, время одинокого и загадочного героя прошло. Если жаждет поднять простой народ на борьбу с врагом, то надо и жить, как простой народ, передвигаться, как простой народ, а не по-царски: верхом над облаками.

Ехать приходилось дальней дорогой, по той, что вела к его Долине напрямую, постоянно двигались артанские конные отряды, обозы. Лазутчики рассказывали, что везут теплую одежду, еду, все еще пытаются перетаскивать катапульти, но по дороге их разбивают камнями неизвестные. И хотя отряд Антланца мог выдержать любую схватку, сам Антланец постоянно повторял, что они замахнулись сейчас на большее, чем просто одолеть очередной артанский отряд. Артан сколько ни лупи, на смену погибшему придет другой, в Артании народ плодится как мухи: ежегодно десять тысяч человек садятся на коней впервые.

Иггельд тревожился, все-таки пополнение к Аснерду поступает, хотя и не столько, как тот жаждет. Остается надеяться, что долинники сумеют все перемолоть. Да и Барвник, судя по всему, маг очень сильный.

Дважды встречали горные селения, где жители совсем недавно услышали о нашествии артан. И хотя артане им ничего не сделали злого, но каждый кипел возмущением и жаждал истребить чужаков. Первую ночевку сделали в Низовцах, а утром, объявив всем, что отправляются на Верхние Вязы, свернули, предварительно отъехав подальше, на дорогу к Омутью. Антланец все время рассылал вперед верных людей, те проверяли, нет ли артанских отрядов. Коман, его старший сын, все еще молодой и горячий, кипел жаждой сразиться с людьми, что завоевали ужасную славу непобедимых, Антланец посмеивался, приговаривал:

— Уже скоро, скоро...

Впереди пустили Бусела и Крицу, а юного Ногайку, который слишком уж рвался в бой, Антланец держал при себе, на привалах учил быть сдержанным, осторожным, расчетливым, отваге это не помеха.

На следующий день встретили небольшое горное село, где жители, предупрежденные Буселом и Крицей, высыпали навстречу. Иггельд ехал впереди на белом коне, покрытом красной попоной, народ впереди разом колыхнулся, словно колосья пшеницы на поле, все опустились на колени.

Антланец довольно хмыкнул, Иггельд застеснялся, начал вертеть головой, отыскивая того, при виде которого все вот так, одна из женщин подошла, припала к его стремени, поцеловала сапог.

— Князь ты наш светлый, — сказала она с великой любовью и нежностью. — К стопам твоим припадаем! Имя твое прокатилось по всей стране от края и до края. Устыдился народ, уже ворчат на своих князей, что так легко предались артанам. Многие беричи уже сели на коней и, сбившись в ватаги, бьют артан из лесов да гор. Уже и знатные беры собирают войска...

Иггельд раскрыл рот, собираясь запротестовать, он-де даже не берич, куда уж до князя, но прервал Антланец, спросив с интересом:

— Неужто бьют?

— Начинают, — поправила женщина. Она высокого роста, немолодая и, как догадался Иггельд, явно войт или староста селения. — Еще не бьют, но приказов артан не слушают, огрызаются, а когда те чего-то требуют, грозятся поднять против них народ. Иной раз даже бьют мелкие отряды артан, когда те слишком уж вломятся в их владения, начинают жечь и своевольничать. Ведут себя дерзко, тут же шлют жалобы Придону, уже сами артане с такими не связываются...

Антланец крякнул, сказал довольно:

— Прекрасно!

— Князь Радосвят, что первым... или из первых принял артанскую власть, недавно изрубил две сотни артан, что вроде бы вторглись в его владения и разорили его дворец. Он тут же отправил жалобу Придону, хотя мы знаем, что артане просто ехали мимо...

Антланец довольно расхохотался.

— Узнаю родных куявов!

Она развела руками:

— Приходится так... Артане сильны, они — один народ, один человек, одна воля. А мы друг с другом спорим, все время оглядываемся, не ткнет ли сосед в спину ножом, чтобы забрать себе огород, козу, женщину. Вот только сейчас начинаем без оглядки.

В селе девушки надевали им на шею венки из горных цветов, старики призывали поддержку богов, а молодые парни просились в их войско. Иггельд слушал жадно, от волнения в глазах щипало. Подъехал Антланец, подмигнул. Иггельд едва выговорил дрожащим голосом:

— Что говорят, что говорят... Только бы все это было правдой!

— Правда-правда, — подтвердил Антланец с благодушием хозяина, который сам все организовал, чтобы ублажить дорогого гостя. — Все это началось как раз с тебя, жук!.. Да, с твоей Долины Драконов, что артане вознамерились предать огню. Всего-то и гордости было у Куявии, что башни колдунов да драконы, но колдунов повергли, а если еще и драконов втопчут в камни... Но ты держался, держался, а слухи о твоей доблести прокатились по всей Куявии. А ты все держался, и это как острый нож в сердце всем нам... нет, как острый нож в сердце нашей трусости! Люди ворчали, но все ждали, что артане вот-вот возьмут твою Долину. И тогда бы все смирились снова. Но ты держался... и люди сперва начали насмеяться над артанами, что Куявию захватили, а какой-то горский князек им разбил в кровь морды, а потом и сами втихомолку взялись за оружие.

Иггельд сказал торопливо:

— Их бить нетрудно, если понять, что нужно делать... и чего делать нельзя. Только ты это... какой я горский князек?

— Да ладно тебе! Никто не поверит, что ты не князь. А начнешь говорить такое, людей обидишь, а оно тебе надо — людей обижать? Вот видишь, так что пусть будет князь. Даже светлый.

— Светлый, — запротестовал Иггельд, — уж чересчур! И даже князь — чересчур.

— Да брось думать о мелочах. Словом, сейчас, даже пади твоя Долина, уже не остановить то, что началось. Но вы там

выстояли, даже истребляете их, как соколы бьют гусей. Об этом знают, об этом передают с восторгом, с каждой новостью добровольцы скачут во все стороны, а здесь карабкаются по скалам от села к селу... даже ночами, рискуя сорваться в бездну, но только бы поскорее обрадовать друзей! Это наполняет сердца куявов отвагой. Всюду повторяют твое имя, рассказывают и про твои орлиные владения, и про твоих драконов...

Иггельд сказал поспешно:

— То ты меня в князя, а теперь еще и о каких-то владениях... Нет у меня владений! И не князь я, не князь! Не дури людей.

Антланец отмахнулся, будто отгонял мелкую муху.

— Да какая разница? Сейчас каждый может называться князем, хоть глампом...

— Что такое гламп?

Антланец отмахнулся:

— Откуда я знаю?.. В войну многое придумывается. Потом, когда война закончится, разберутся... По опыту знаю, на войне всегда новые князья появляются. Не говоря уже о берах и беричах.

— Мне это не надо, — ответил Иггельд. — Мне нужны только драконы! Много, разных...

— У князя драконов может быть много, — сказал Антланец многозначительно.

В каждом встречном селе проводники передавали их маленькое войско местным, те тут же выделяли лучших охотников и знатоков дорог, вели самыми удобными и короткими горными тропами. Проводники жадно прислушивались к разговорам людей, которые своими действиями меняют мир, лишь однажды проводник, уже немолодой поджарый охотник, косматый и резвый, сам похожий на горного барана, взмолился пламенно, обращаясь к Иггельду:

— Прости, что вмешиваюсь, великий!.. Но твоя скромность превосходит твою доблесть, а стране нужно, чтобы ты решился на великое деяние... Это ты думаешь, что рожден выращивать драконов, а боги тебя, возможно, предназначили совсем для других дел!.. Сейчас твое имя овеяно славой, ува-

жением, почтением, страхом и надеждой! Артане тебя страшатся и проклинают, по всей Куявии повторяют твоё имя как единственного полководца...

Иггельд воскликнул:

— Полководца? Да я и десятерых не смогу вести в бой, всех растеряю!

— Тогда не полководца, — возразил проводник упрямо, — а свершителя, освободителя!.. Полководцы что, полководцы у тебя будут. Те, кто служит сейчас артанам, сразу переметнутся, стоит тебе спуститься с наших гор. Ну, не переметнутся, а встанут под твою руку и кровью своей будут искупать вину перед тобой и отчизной. Об этом уже и артане догадываются, слух идет по землям, недовольство артанами перешло в ненависть. Беричи точат сабли, везде садятся на коней. Даже простонародье ловит и убивает одиноких артан, виданное ли дело! Только сойди с гор! Сойди с гор, и вся страна всколыхнется, обретя вождя!

Он говорил быстро и жарко, лицо горело чистым огнем, а глаза сверкали, как звезды. Неграмотный горец, ничего не видевший в жизни, кроме овец и голых скал, говорил ярко, образно и зажигательно, будто обучался при дворе. Антланец снова подмигнул Иггельду. Дескать, вот так и ты, дурак дураком при своих драконах, а когда пришла нужда, то и пылающим маяком станешь, что ведет заблудившихся в ночи куявов.

Сам он рассылал во все стороны сыновей, а его Болгор и Коман почти на конный переход держались впереди. Вздуряженный ими народ во всех городах и селах гудел, как разбуженные пчелы. Люди выходили из домов, собирались кучками, спорили, радовались, а многие тут же торопились домой, чтобы первыми сесть на коней и явиться под стяг уже признанного героя.

Еще несколько дней двигались окольной дорогой по узким горным тропам, одолели два перевала, с десятков быстрых горных рек. Отряд разросся втрое. Антланец уверял, что настоящее столпотворение начнется, когда спустятся на равнину. Малыш парил, как горный орел, едва видимый с земли.

Иггельд несколько раз подзывал, торопливо кормил, снова отпускал, не было времени сесть на загривок и озирать горы, каждую минуту теребят, требуют совета, решений, указаний, он говорил какие-то слова, сам поражаясь, что его бред слушают, выполняют да при этом еще не прыгают вниз головами со скал в пропасти.

Сегодня ехали по длинному узкому ущелью, уставшие кони едва передвигали ноги. Антланец уверял, что, когда ущелье кончится, распахнется простор, там впереди прекрасный тихий городок Любень, отдохнут сами и дадут отдохнуть коням, а то и вовсе сменят.

Иггельд, уже усталый и чуточку раздраженный медлительностью, вот бы на драконе, погрузился в думы, что сразу перешли в сладкие и мучительные грезы. Перед внутренним взором сразу заблестали гневные прекрасные глаза, раздулись изящные крылья тонкого носа, а губы отвердели, застыли как камень.

— Блестка, — прошептал он едва слышно, — что мне сделать, скажи?.. Да, я уже знаю твое имя, Пребрана сказала... Нет, я ее пальцем не тронул! Ведь помогала тебе!.. Пусть даже против меня... Прости, Блестка, на меня свалилось слишком много, я не готов ни к обороне Долины, ни к этому вот торжественному схождению с гор, ни... тем более!.. к встрече с тобой, чьим именем у меня начинается день, длится и заканчивается... Нет, я оправдываюсь, а это недостойно. К встрече с любовью каждый должен быть готов, пасет ли овец, коней, драконов, князь или тцар — все равно, мы все соискатели твоей улыбки, твоего взгляда, твоей милости...

Впереди Антланец насторожился, привстал в стременах. Иггельд видел, как выпрямилась спина, плечи раздвинулись, от всей крупной фигуры повеяло тревогой.

— Что случилось? — спросил Иггельд.

— Сюда прет крупный отряд, — сказал Антланец, не отворачиваясь. Добавил: — Конный, конечно.

Рука Иггельда потянулась к мечу. Сыновья Антланца окружили, готовые защищать своими телами. Ногайка крикнул торопливо:

— Лучше отступить!.. Здесь нас всего десять человек...
— Остальные где? — рявкнул Антланец.
— Дорога трудная, — сказал Чуб, оправдываясь. — Отста-
ли...

Иггельд оглянулся с тоской, дорога, по которой только что ехали, манила прохладой, зеленью, жизнью.

— А их сколько? — спросил он.
— Много! — выкрикнул Ногайка. — Больше двух сотен!
— Тогда отступим, — сказал Иггельд. — Двадцать к одному — многовато.

Он начал поворачивать коня. Грохот копыт стал слышнее, из-за поворота выметнулись артанские всадники на горячих быстрых конях. Здесь артане все как один обнаженные до пояса, крепкоплечие, солнце блестит на молодой здоровой коже, скачут весело, беспечно, Иггельд услышал шуточки, смех.

— Поздно! — прокричал Чуб.

Ногайка, самый сметливый, несмотря на юность, крикнул звонким, почти детским голосом:

— Эй, как проехать в Черномлык?

Передний артанин прокричал веселым голосом:

— Прямо, никуда не сворачивая!.. Вы чьи люди? Улана?
Тогда почему с вами нет Черемши?

Ногайка расхохотался.

— А вы не знаете, что с ним приключилось?

— Нет, — ответил артанин заинтересованно.

Они съехались ближе, Ногайка выхватил меч и быстро ударил артанина по голове:

— Вот что!

Голос его был лютый, он весь стал крупнее, словно раздувшийся перед боем петух. Артане оцепенели, Ногайка успел ударить еще одного, и тут артане схватились за топоры. Рядом с Ногайкой уже дрался Чуб, справа рубились холодно и мрачно братья Бусел и Крица, угрюмые и нелюдимые великаны, кричал и ругался Кольцо, он рубился сразу с тремя артанами, успевая парировать удары их топоров огромным щитом, а его меч всякий раз находил брешь, то один артанин, то другой отшатывались, брызгая кровью...

Иггельд нанес удар на мгновение позже, чем Ногайка рассек голову первому артанину. Холодное бешенство овладело им, он рубил, рассекал, повергал, тяжелые удары сотрясали его тело, но чувствовал себя, как могучий дуб, по которому бьют камнями. Меч обагрился кровью, при взмахах с лезвия веером срывались красные капли.

Он чувствовал себя горной лавиной, что сметает на пути все живое, сносит деревца, кусты, камни. Полуголые люди выростали перед ним, он видел оскаленные рты, бледные лица, в ушах неумолчный крик, тут же эти люди исчезали под копытами его коня, он рубил и крушил новых, что выростали следом, справа и слева так же неумолимо надвигались великаны Антланец и Вакула.

Их удары настолько страшны, что веселье артан сдуло как ледяным ветром. Они пятились, отряд смят, кони визжали и кусались, люди никак не могли выбраться из толчеи. Великаны Антланца встали в тесном ущелье от стены до стены, чтобы артане не смогли зайти со спины. Первые две линии артан вырублены начисто, в глубь их отряда вклинился Иггельд, за ним едва поспевали сам Антланец и Вакула, Бусел держался за их спинами, но он так ловко орудовал длинной пикой, что нередко страшные удары великанов обрушивались на уже окровавленные головы врагов.

И все-таки артане опомнились, дрались в обороне, устояли, затем начали теснить закованных в железо всадников. Иггельд видел искаженные стыдом и яростью лица, артан в двадцать раз больше, но дали себя потеснить, это позор, и даже полное истребление этих куявов не смоеет позора...

Иггельд рубился в бешенстве, меч рассекал все, что попадалось под удар: щиты, рукояти топоров, тела артан, конские головы. В воздух взлетали отрубленные руки с зажатыми топорами, по нему били уже со всех сторон, его товарищи отступили, их отжали, а он все рубился, в помятых латах, забрызганный кровью. В черепе шумело, кровь заливала глаза. Во всем теле жар, меч потяжелел, но конь дико ржал, вздымался на дыбы, копыта крушили тонконогих артанских коней, а длинный меч Иггельда рассекал незащищенные тела всадников.

Половина отряда горцев уже на земле, остальные шатались в седлах, артане кричали торжествующе, Иггельд видел, как наконец упал с коня Антланец, а Чуб наклонился к конской гриве, его руки обхватили толстую шею, и конь послушно выбрался с потерявшим сознание хозяином из сечи.

Земля грохотала, гремела, в глазах стояло красное зарево. Он вскинул руку с мечом, грохот стал оглушающим. Артане тоже закричали, но ничего победного не осталось в их крике. Иггельд кое-как стер кровь с глаз, не поверил тому, что увидел: с вершины гор неслись, ударяясь о стены, огромные камни. За ними быстро спускались люди в звериных шкурах. Артане падали, сраженные камнями, кони ржали в испуге, поднялась пыль, артане заматались, их единственный шанс на спасение или хотя бы на отсрочку гибели — отбросить горстку куявов — упустили, а камни выбили их отряд, как крупный град выбивает молодые стебли.

Люди в звериных шкурах спрыгивали на дно ущелья, уцелевшие артане пытались драться, даже успели встать в круг, но их попросту забросали камнями, а сбитых с коней быстро и безжалостно добились.

Иггельд пошатнулся, множество рук подхватили. Все шаталось, покачивалось перед глазами. Лица казались огромными, чудовищными, перекошенными. Лба коснулось мягкое, а когда исчезло, зрение очистилось. Его окружили лохматые люди со зверскими грубыми лицами, все в шкурах, с длинными ножами, похожими на мечи с загнутым лезвием.

Опираясь на меч, подошел Антланец. Он был бледен, кровь текла из плеча, одна рука бессильно повисла вдоль тела.

— Спасибо, — сказал он хриплым голосом. — Спасибо, ребята!

— Не за что, — ответил один из горцев густым басом. — Эти артане перестали соваться в наши горы... Но что-то их заставило сегодня.

Антланец быстро взглянул на Иггельда. Тот кивнул, Антланец сказал громко:

— Они прослышали, что Иггельд спускается с гор, чтобы освободить Куявию. И пытались его остановить!

Горцы возбужденно закричали, толпились вокруг. Вожак спросил с радостным недоверием:

— Иггельд? Это верно? Тот самый?

— Точно.

— Но где же он?

— Где он? — закричал другой громко. — Скажи, мы бросимся ему навстречу, вся надежда...

Антланец молча указал на Иггельда. Жест торжественный, величественный, а сам, подумав, опустился на колено. Иггельд едва не заорал, чтобы не валял дурака, что он из него делает, зачем позорит, но горцы расступились, сразу замолчали, в торжественной тишине все медленнее, подражая Антланцу, опустились на колени. Кто-то не выдержал, упал и принялся целовать Иггельду ноги. Вожак, стоя на коленях, поднял к Иггельду просветленный взор. Слезы покатались по его крупному грубому лицу.

— Надежда, — прошептал он. — Спаситель наш!

Иггельд бросил на Антланца свирепый взгляд, что горцы явно расценили как неукротимую ярость еще не остывшего после боя героя-полководца.

— Это вы — мои спасители.

Горцы поднимались с колен, но окружили тесной толпой, стремясь коснуться хотя бы благословенного коня, а еще лучше — стремени, сапога великого героя, спасителя, надежды на освобождение. Иггельд то смотрел прямо перед собой, как положено полководцу, то бросал умоляющие взгляды на Антланца, но к игре подключились и его сыновья, кланялись Иггельду с преувеличенным почтением.

— Куявия, — выдавил он с трудом. — Не обо мне речь... Давайте думать о Куявии!

ГЛАВА 4

С гор на равнину он выехал единственный из первого отряда; кто кое-как держался на коне. Антланец с его железным здоровьем тоже пытался ехать верхом, но вскоре пришлось уложить на телегу. Там же, на телегах, везли еще пятерых,

все — сыновья Антланца, их помяли сильно, остальных пришлось похоронить там же, на месте схватки. За ним теперь ехали верхами около семи сотен вооруженных чем попало простых горцев, но Иггельд со шемом в душе вспоминал лица молодых парней, что остались там.

Антланец постанывал во сне, но раны на нем заживали не по дням, а по часам: сказывалась радость, что ни один из сынов не погиб, хотя все готовы сложить головы, и никто не прятался за чужие спины.

По дороге присоединились песиглавцы и двое беров с наспех собранными дружинами. Наскоро принесся присягу Иггельду, тут же выехали вперед, просматривали окрестности. Слух о сошествии на равнину Иггельда звучал как сошествие с небес на землю и несся впереди. Со всех сторон к их войску стягивались как отряды молодых и горячих беричей, так и разбойничьи шайки. Разбойники с жуткими, покрытыми шрамами лицами падали под копыта коня Иггельда и умоляли позволить им пролить кровь за родную землю.

Даже простолюдины оставляли дома и, схватив косу или вилы, шли с его войском. Если и сомневался вначале, что за ним пойдут, то теперь сам едва удерживал слезы, глядя на их самоотверженность, готовность отдать жизни за ту землю, которую совсем недавно предали. Все шли как на веселье, на праздник, с радостными лицами, часто затягивали песни.

Наконец спуск вывел на последний, уже невысокий перевал, а впереди открылась бесконечная зеленая равнина. Спасительные горы остались за спиной. Кони вышли в пугающе просторную, просто бескрайнюю степь, чуть ли не артанскую, и благословенные горы теперь отдалялись с каждым конским шагом. Иггельд ощутил беспомощность, но посмотрел на веселые лица воинов, напомнил себе, что эта равнина надолго станет его родным домом. По крайней мере, пока последний артанин не покинет ее пределы.

Антланец наконец перебрался из телеги в конское седло. Бледный, повязка с засохшими пятнами крови выглядывала из-под железного шлема, но телегу отослал в задние ряды, а сам ехал рядом с Иггельдом, как пастух поглядывая за теми

из сынов, кто серьезных ран не получил и сейчас двигался далеко впереди.

— Тревога, — сказал он негромко. Рука двинулась к рукояти меча, поморщился от боли в раненом плече. — Подождем.

— Где? — спросил Иггельд.

— Просто замри, — посоветовал Антланец.

Бусел остановился далеко впереди, ухитрившись отыскать небольшой холм. Рука предостерегающе вскинута, даже конь застыл с поднятым копытом. Антланец после паузы поехал к нему. Иггельд стегнул коня и оказался на вершинке раньше раненого исполина.

Вдали пыльное облако, в недрах сверкают искорки, так выдают себя обнаженные мечи или острия поднятых к небу копий. Но, мелькнула тревожная мысль, так же блещут и топоры, которые артане любят подбрасывать на скаку, чтобы похвастаться мастерством.

Он быстро оглядел войско. Народу много, но не выдержат удара артанской конницы, не выдержат...

Бусел сказал быстро и радостно:

— Это наши!

— Кто?

— Куявская панцирная конница!

Куявская, мелькнуло в голове Иггельда, еще не значит, что наша. Он крикнул Чубу:

— Давай со своей сотней вперед. Остальным остановиться. Оружие к бою!

Мальша позвать, что ли, мелькнула мысль, поднял голову к небу, где он там, бедный, неплохо бы покормить, сам большой, догадается, в небе увидел маленький крестик, все хорошо, и тут же устыдился. А что, если в самом деле артане, а среди них два каменных великана Меривой и Франк, чьи стрелы разбивают в щепки даже столетние дубы?

Пыльное облако медленно относилось ветром в сторону. Проступила плотная колышущаяся масса, над нею остро блистают искры — это вскинутые к небу копья, вскоре глаза различили крохотных скачущих всадников. Идут плотным стро-

ем, как ходят куявы, солнце высвечивает доспехи. Все блестит, как жар, горит победным огнем.

Куявская конница их заметила, у Иггельда перехватило дух, когда над скачущей массой полыхнул трепещущий огонь — это тысячи рук выдернули из ножей мечи и вскинули над головами. Сердце дрогнуло в страхе — это сигнал к бою, но остроглазый Бусел прокричал издали:

— Они приветствуют вас, великий князь!

Конница все убыстряла бег, Иггельд ощутил, как под тяжестью скачущих коней подрагивает земля. Под артанской тоже вздрагивает, он помнил это жуткое ощущение, но сейчас куявское войско сопровождает ровный мощный гул, и сердце застучало трепетно и радостно.

Ни одно облачко не заслонило солнца, всадники блестят доспехами, великолепной упряжью, богатыми попонами. У многих на шлемах кичливо колышутся пестрые перья диковинных птиц. Железные щиты дивной работы украшены серебром, богатой насечкой, а сами всадники выглядят сильными, сытыми, здоровыми, готовыми в бой, в любую сечу.

Они сбавили бег, подтягиваются задние, и вот уже к холму, откуда за ними наблюдал Иггельд, текут плотные как смола живые реки. Иггельд рассмотрел радостные лица под шлемами искусной работы, успел залюбоваться панцирями столичных оружейников, где сталь такой высокой закалки, что никакая стрела не пробьет, надо иметь немалую силу и тяжелый топор, чтобы повредить такую скорлупу, и к тому же эти панцирные конники целиком в железе: руки и ноги скрыты щитками из лучшей стали, а под панцирями углядел кольчуги, что укрывают тела в уязвимых местах сочленений.

Сколько ни грабь Куявию, подумал невольню, эта богатейшая страна все равно может выставить как горы золота, хлеба, мяса и рыбы, так и прекрасное войско, вооруженное до зубов и укрытое доспехами так, что не снилось даже богатым вантийцам.

Только бы снова не разбежались, мелькнула мысль, но отогнал, вскинув руку в приветствии. В ответ конница дружно грянула: «Слава!» Передние ряды остановились у подножия.

на них чуть наперли, но тоже остановились, а вперед начала протискиваться группа всадников, одетых особенно богато и пышно.

Он смотрел, смотрел, сердце наполнялось и гордостью за такую мощь, и недоумением, что эта мощь не сокрушила артан сразу же, едва те дерзнули переступить разделяющую их страны реку, не стерла в пыль, когда те шли по просторам Куявии, не вбила копытами в землю, когда те только дерзнули осадить стольный град!

Снова и снова рассматривал закованных в железо воинов: идут стеной, любовался горделивыми всадниками — увешаны оружием, веселые, здоровые, хоть сейчас в бой — и побегут неустрашимые артане, слышал рядом насмешливое покряхтывание Антланца, этот тоже не понимает, почему такая сила не бьется с артанами... нет, наверное, понимает, он долго жил и многое понимает даже чересчур хорошо, а сердце время от времени вздрагивало от приветственных воплей, ибо чаще всего звучало его имя.

За этим могучим войском показались цветные повозки, запряженные рослыми конями. Следом пышно одетые слуги несли пурпурные носилки. Антланец закряхтел, указал глазами:

— Зришь?.. Кого-то очень важного несут.

— Догадываюсь, — ответил Иггельд мрачно.

— Кого?

— Важного, — повторил Иггельд в нервном раздражении.

— Ты еще не обо всем догадываешься, — сказал Антланец наставительно. — Носилки такого цвета могут заказывать только наместники края.

Иггельд нервно заерзал в седле. Наместники — это вторые люди после тцара. Это мелкие тцары, что правят своими краями. В их руках вся власть, у них даже свои войска, свои знамена, они следят за выполнением законов, установленных великим тцаром, сами устанавливают свои краевые порядки и назначают собственные повинности, налоги, подати.

— Знаешь, — сказал он торопливо, — люди такого ранга как-то не по мне. Ты бывалый, тертый... поговори с ним сам, ладно?

Антланец захохотал. Он поглядывал на Иггельда, откидывал голову и хохотал все громче. Иггельд нахмурился, Антланец же начал ржать с подвыванием и похрюкиванием. Конь забеспокоился, Антланец всхлипывал и хватался обеими руками за гриву, гукал, гоготал, наконец только открывал рот и знаками умолял пощадить, не убивать, вот-вот либо лопнет от хохота, либо раны разойдутся, как створки перловицы.

— Да молчу я, — сказал Иггельд сердито, — молчу! Что смешного? Ты вот какой толстый и важный...

Бусел тоже принялся хохотать, Иггельд нахмурился и выдвинул коня на корпус вперед. Разряженное и сверкающее войско остановилось, образовался проход, по нему кони с длинными цветными перьями на головах везли легкие закрытые повозки.

Достигнув подножия холма, кони остановились, из повозок выскочили пышно одетые люди. Иггельд принял их за вельмож, но это оказались слуги, почтительно помогли выйти хозяевам: кто из слуг опускался на одно колено, выставив как ступеньку другое, кто просто подавал руку, а кто-то ставил изящные скамеечки. Эти люди тоже встали у своих повозок, а когда приблизились носилки, почтительно обнажили головы.

Иггельд застонал, представив себе, что придется разговаривать с таким могущественнейшим человеком.

— Антланец, — сказал он торопливо, — что я должен: опуститься на одно колено? Или на два?.. Или просто поклониться? Говори, ты должен знать все эти штучки!

— Увидишь, — ответил Антланец загадочно.

— Что увижу?

— Все.

— Свинья!

— Ты все увидишь сам, — повторил Антланец.

— А если не пойму?

— Поймешь. И сообразишь, что делать дальше.

— Я не такой сообразительный...

— Ты что, глупее своего дракона?.. Он уже все понял.

Иггельд невольно вскинул голову: в небе темнел крестик.

медленно плыл по кругу. Слуги с носилками остановились, занавески кольхались от легкого ветерка. Иггельд видел, как появилась рука, пальцы унизаны перстнями, затем мясистое красное лицо. Один из слуг поставил длинную табуреточку, опустился на колено. Иггельд с трепетом смотрел на человека, что появился из носилок, опираясь на склоненную голову слуги. Это явно один из самых могущественнейших князей, хозяев страны, от него веет спесью, кичливостью, осознанием своей мощи и власти.

Антланец проговорил тихонько, словно наместник края мог слышать:

— Это Хуртеча, наместник Верхней Куявии. Говорят, у него дворец, которому и Тулей мог бы позавидовать...

Наместник в таком же пурпурном, как и его носилки, плаще, только плащ тончайшей выделки, вышит золотом и усыпан драгоценными камнями. На голове широкая шапка из меха заморского зверя, на лбу бриллиант неслыханных размеров, сверкает, как утренняя звезда в ночи, а верх шапки украшен красными перьями жар-птицы, что водится за далекими морями.

Даже сапоги и те усыпаны камнями: по верху и по шву идут цепочки некрупных рубинов, казалось, будто по ногам проскальзывают быстрые язычки красного огня.

Хуртеча снял шапку, обнажив белые волосы, и медленно начал подниматься к Иггельду.

— Так что мне делать? — быстро зашептал Иггельд. — Говори, гад!

— Сейчас все увидишь, — шепнул Антланец.

— Скотина, — сказал Иггельд в отчаянии.

Наместник поднимался медленно, грузно, а за ним в отдалении шли беры, приехавшие в повозках. Они тоже сняли шапки, двое во цвете лет, остальные в возрасте, когда уже не берут в руки оружие, все в дорогих одеждах, от их вида за версту несет мощью и спесью.

Иггельд с трепетом смотрел на приближающегося наместника. Грузный, величественный, волосы седые, уже редкие, отсюда хорошо видна просвечивающаяся розовая лысина, но багровое лицо исполнено силы, могущества, высокий

люб говорит о мудрости, а тяжелое крупное лицо напоминает, что сильный человек остается сильным в любом возрасте, только сила мышц переходит в силу ума, а вспыльчивость и быстрый гнев заменяется твердостью характера.

Иггельд перехватил взгляд наместника, устремленный на него, заерзал в седле. То взгляд человека, который не задумываясь отправляет десятки тысяч воинов в самую горячую сечу, откуда нет возврата, который мановением руки велит тысячам крестьян оставить работу на полях и возводить дамбы или разом идти в лес и гнать на него, могущественного хозяина, всякое зверье, дабы он мог влечь поохотиться.

— Может быть, — прошептал Иггельд, — мне хотя бы слезть с коня?

— Сиди, — зашипел Антланец.

Хуртеча, грузно ступая, поднялся на холм. Стояла торжественная тишина, даже кони перестали фыркать и переступать ногами. Иггельд тоже застыл, двигался только наместник. Все следили, как он подошел к коню Иггельда и, держа шапку в одной руке, другой расстегнул бриллиантовую пряжку на горле, сорвал с себя роскошнейший плащ и постелил на землю. Дыхание остановилось у Иггельда в горле, а наместник взялся за стремя.

Иггельд как мог старался держать лицо неподвижным, но сейчас, глядя сверху вниз на седую голову могущественнейшего человека, едва удерживал в себе смятение. Наместник поднял голову. Их взгляды встретились. Некоторое время они смотрели друг другу в глаза, Иггельд услышал, как рядом хмыкнул Антланец, опомнился, слез, наместник почтительно придерживал ему стремя.

Иггельд инстинктивно старался не наступать на дивной работы плащ, но все же слышал, как под сапогом хрустнуло. Он раскрыл объятия, вспомнил, как обнимаются вельможи при встрече, наместник на миг припал к его груди, но тут же отстранился и, с трудом опустившись на одно колено, сказал громко:

— Я приветствую... освободителя!

Иггельд сгорал от стыда и смущения, чувствуя себя вором, что вот прямо у всех на глазах украл чью-то славу или

чьи-то деньги, все это видят, а он еще и должен улыбаться, словно ничего не случилось. Войско разразилось приветственными криками, всюду застучали в щиты рукоятями мечей, запели трубы, затрубили в рога и рожки.

- Антланец тоже что-то выкрикивал, а когда перехватил сердитый взгляд Иггельда, преувеличенно низко поклонился, да так, что едва не растянулся во весь рост.

- Не зная, что дальше делать, Иггельд стиснул челюсти и с каменным лицом взобрался на коня. Там он вроде бы при деле, можно взять повод, руки хоть чем-то заняты, а бараньим взором можно окидывать все огромное войско и морщить глубокомысленно лоб.

Наместник тут же взял коня под уздцы и повел между рядов войск. Там орали, бросали в воздух шапки, кричали в восторге. Иггельд едва держался в седле, Антланец чуть заметно подмигнул, но, судя по лицу, даже его впечатлило, что могущественнейший наместник держал стремя, как простой слуга, а сейчас ведет коня под уздцы, подчеркивая полное и полнейшее подчинение воле и власти человека, сумевшего дать отпор артанам, выстоять, постоянно наносить им урон, а теперь собирающего войнство на последний, сокрушающий бой.

Дворец наместника потряс даже видавшего виды Атланца, а Иггельда вообще сразили громадность, великолепие и мощь величественного здания. Оно располагалось на невысоком холме, по слухам, насыпанном руками пленных, которых потом порубили, к дворцу вели широкие мраморные ступени, такие белые и сверкающие, что захватывало дух.

По обе стороны лестницы выстроились знатные люди. Воздух звенел и трепыхался в приветственных кличах. Ступени застелили дорогой тканью пурпурного цвета, а когда Иггельд поднялся до самого верха, где у раскрытых врат дворца ждали с цветами в руках молодые красивые девушки, все смотрели на него с обожанием, он едва не споткнулся, так ошеломило богатство раскрывшегося зала.

Воздух наполнили тончайшие ароматы изысканных благовоний, во всех светильниках дорогое масло из восточных стран, вдоль стен из особых роскошных ваз поднимаются сизые дымки — сгорает душистое дерево. Между вазами статуи в полный рост, одни из белого мрамора, другие искуснейшими мастерами изготовлены из железа. Иггельд увидел со всех сторон рубиновые глаза, устремленные на него одного. Холодок пробежал по спине, пришлось стиснуть челюсти, вскинуть подбородок и с самым надменным видом вступить в зал.

Весь дворец, как понял сразу, есть вместилище сокровищ. Несметных и неслыханных. Их здесь столько, что, возможно, и жить негде, вон стен не видно из-за обилия огромных картин в золоченых рамах, ковров, драгоценных ваз, в зале столы из чистого серебра, из такого дерева, что дороже серебра и золота, столы и столики из вантийского янтаря. Богатство и роскошь не просто бросаются в глаза, а ошеломляют и оглушают, Иггельд на это выпятил нижнюю челюсть и шел угрюмый и настороженный, надеясь, что Антланец двинется сзади, всегда готовый подсказать, выручить, помочь.

Ему предложили отдохнуть, Иггельд взглянул на Антланца, тот качал головой, Иггельд ответил осторожно:

— Мы не устали в дороге, а вы здесь отдыхали достаточно. Полагаю, что пора поговорить о деле.

Наместник воскликнул:

— Вот слова истинного героя!.. Да, мы отдыхали достаточно, а теперь, под дланью настоящего воителя, мы готовы... но сперва, как водится, на пир, на пир!

Иггельд покосился в сторону Антланца, тот довольно оскалил зубы и плотоядно потер руки. Иггельд ответил с некоторой неохотой:

— Да, если такой обычай. Но не стоит приглашать слишком много людей.

Наместнику это явно не понравилось, жаждет задать такой пир, чтобы дым коромыслом, но поклонился и сказал государственным голосом:

— Да, конечно... Только самых необходимых. А столы ве-
лю накрыть в малом зале.

Но когда перед Иггельдом распахнули двери в этот ма-
лый зал, он сперва решил, что над ним пошутили. Зал не-
имоверен, а ряд столов вообще уходит в бесконечность. Да и
стоят в три ряда. А в сторонке, на особом помосте, покрытом
красным сукном, расположился длинный стол, по обе сторо-
ны не больше дюжины кресел.

И все места, или почти все, уже заняты богато одетыми
мужчинами. При его появлении словно ветер пронесся по
огромному залу: поднялись все как один человек. Иггельд
похолодел, жутко чувствовать на себе несколько сотен пар
внимательных глаз, он старался выглядеть невозмутимо, но в
желудке появилась обледенелая глыба.

— Сюда, — слышался рядом почтительный голос Хур-
течи.

Придерживая под локоть, он повел его к креслу посреди-
не, что отличалось от остальных высокой спинкой, на ней
огромный золотой орел с распростертыми крыльями. Иггельд
опустился на покрытое красным бархатом сиденье, стараясь
двигаться степенно и важно. Справа от него сел Морог, этот
обещал помощь богов земли, слева Гвердь, этот обещает
поддержку богов воды, дальше Мжига — поклялся в благово-
лении богов леса, еще дальше прославленные полководцы,
герои, знатные беры, могущественные властелины и хозяева
огромных богатств и вотчин.

Сам наместник, к удивлению Иггельда, не стал садиться,
он отстранил от него слуг и прислуживал ему сам. Иггельд не
знал, куда деваться, был готов провалиться сквозь сиденье
или вместе с креслом, не мог видеть, как этот седой величе-
ственный человек, при одном имени которого все почти-
тельно обнажают головы, прислуживает ему, е м у!

Антланец, на беду, сидел за общим столом, но все же по-
старался сесть так, чтобы видеть Иггельда и чтоб тот его ви-
дел. Иггельд перехватил подбадривающий взгляд и едва не
показал в ответ кулак. Даже за этими тремя рядами столов
расположились знатнейшие люди края, для простых беричей

столы накрыли в большом зале, а для простонародья выкатили из подвалов бочки во двор, расставили там простые дощатые столы, а по углам двора приготовили бочки со смолой, что будут полыхать жарким огнем всю ночь, чтобы пиршество не прерывалось и никто не посетовал на скупость наместника.

Пир ошеломил, а пестрая вереница слуг, что вносила широкие блюда, не заканчивалась, воздух наполнился запахами изысканных яств, специй, душистых трав. Перед ним ставили жареное мясо, приготовленное с разными съедобными корешками, что разжигают голод, чередовали с жареной птицей от крупных, откормленных орехами гусей до крошечных тушек скворцов, все либо хрустело оранжевыми корочками, либо плавало в маслянистой жидкости, пахнувшей остро и призывно. Все подавалось, уносилось, во всем ритм, Иггельд зачастую не успевал даже отщипнуть и распробовать, как уносили и ставили новые блюда, горячие, истекающие сладким соком, брызжущие ароматами...

Время от времени кто-нибудь поднимался и провозглашал здравицу в честь непобедимого Иггельда, а после сороковой или пятидесятой смены блюд и множества опустошенных кувшинов с вином его стали называть уже победоносным. Счет блюдам он уже давно потерял, где-то на второй сотне ошеломление медленно начало переходить в раздражение, а на третьей сотне окрепло, чтобы на четвертой сотне перемены блюд вообще превратиться в каменную скалу.

Антланец поднялся, никто уже не обратил внимания, все пьют друг с другом, обнимаются, спорят, кто-то пытается петь, его урезонируют. Он подошел к Иггельду, шепнул:

— Чего такой серьезный? На тебя смотрят!.. Давай я сам налью тебе беленького винца, мне понравилось. Белое вино нужно для здоровья, а здоровье нужно, чтобы пить красное...

— Легко в веселье, — буркнул Иггельд, — тяжело в похмелье.

— Что делать, много пить вредно, а мало — скучно. Вино следует пить только в двух случаях: когда есть вот такой

замечательный повод, как сейчас, и когда никакого повода нет.

Он хохотнул басом, очень довольный, наместник прислушался, тоже засмеялся сдержанно, сказал сокрушенным тоном:

— А я вот часть своего состояния потратил на вино, часть на женщин, а остальными средствами, увы, распорядился очень глупо.

Иггельд обвел глазами зал, все покраснелись, речи становились бессвязными, сказал со сдержанным недовольством:

— Все же мне кажется... пить надо меньше...

Антланец хохотнул, а наместник мягко улыбнулся, принимая слова Иггельда как шутку, сказал понимающе:

— Люди, которые говорят, что пить надо больше, и те, которые уверены, что пить надо меньше, сходятся в одном — пить надо...

Антланец захохотал громче, с кубком в поднятой руке пошел обратно, по пути хлопая по плечам беров и военачальников, которые понравились, а те в ответ радостно желали ему здоровья и поднимались, чтобы чокнуться краями кубков.

Пир раздражал Иггельда, как нелепое действие заблудившихся людей. Все это шумное многолюдье, хвастовство богатством, все как-то нехорошо и не вовремя, он наконец-то набрался отваги и сделал вид, что для него пир закончился, но вместе с ним, к его смущению, разом поднялись и все в зале. Он застыл, одеревеневшей рукой сделал знак всем сесть, оказывается — угадал, все опустились дружно, только военачальники, что сидели с ним за особым столом, остались на ногах.

Хуртеча поклонился:

— Прошу доблестного Иггельда, а также этих знатнейших людей моего края в мою рабочую комнату... Как и желает наш предводитель, взглянем на карту, прикинем, что у нас есть, чем располагаем, что можем получить.

Рабочая комната оказалась едва ли меньше пиршественного зала, но в центре в самом деле огромный стол, а на нем

цветная карта. Иггельд воспрянул духом — наконец-то займутся делом. Антланец подмигнул, знает, у кого явное преимущество.

Карта роскошная, на тонко выделанной телячьей коже, настолько искусно соединенной, что не найти швов, а реки, горы, города и даже болота нанесены ярко, красочно, скопления войск отмечены фигурками из золота, серебра, меди, бронзы. Из меди и бронзы — не от бедности, изяществом и отделкой поражают воображение, а лишь для того, дабы добавить разнообразия в конные и пешие войска, размером в половину мизинца.

Иггельд невольно засмотрелся на эти чудеса: даже конные фигурки различаются: есть легкие войска, есть тяжелая панцирная конница, есть всадники с копьями, есть разведчики на сухих подтянутых конях с тонкими ногами и змеиными шеями...

— Что скажете, дорогой Иггельд? — спросил наместник.

Взгляд его был остр, Иггельд почти видел, как работает быстрый беспощадный мозг этого могучего властелина, как появилась и начинает укрепляться мысль, что если этот пастух драконов окажется просто пастухом, то надо как-то переманивать симпатии войска...

— Великолепно, — сказал Иггельд искренне. — Правда, недостает драконов, а они, как боевая сила, немало помогли сдерживать натиск артан в нашей Долине... А так замечательно! Не могу налюбоваться картой, фигурками. Правда, если указывают на расположение войск... гм...

Все внимательно слушали, Хуртеча спросил весьма уязвленно:

— А что не так? Все верно...

Иггельд покачал головой.

— Это у вас панцирная конница князя Елинды?

— Нет, это тяжелая конница бера Ясинеца.

— Шутите? — удивился Иггельд. — Когда последний раз пролетал над теми краями, а это недавно, то видел, что войска бера Ясинеца на постое в Мысниках, а это в пяти днях от указанного места. Зато эти богатые земли, судя по обилию тяжелой конницы, князя Клестоярда, я видел сверху знаме-

на, уже под его тяжелой рукой... Он сможет прокормить свои быстро растущие войска. Не похоже, что готовится ударить на артан, скорее торопливо подбирает земли ослабевших соседей.

Наместник хмурился, сопел, но вокруг зашумели, Антланец громко обронил замечание, что Иггельду с дракона видно лучше, и наместник, уловив, что симпатии наездник драконов не растерял, а укрепляет, развел руками и сказал с улыбкой:

— Да, вам сверху виднее... Но что скажете про наше войско?.. У меня еще три тысячи пехоты в Сосновцах. Могу набрать тысячи четыре лучников из охочих крестьян в Нижних Долинах. Это тоже мой край!

— Хорошо бы, — ответил Иггельд осторожно, — но двигаться по Предгорью я не стал бы.

— Почему?

— Дорогу загораживают двенадцать тысяч отборнейшей конницы Годлава, а они на стороне артан. Других дорог там нет, леса да болота... Чуть левее — сорок тысяч ратников у Ельника, из них десять — панцирных, и тоже с артанами. Правда, его войско разбросано малыми отрядами по всей стране, но стоит свистнуть — тут же соберутся в единый кулак. Да и у Шванди, Рудника и Евлана немалые войска, что приняли сторону артан и пока что покидать их не собираются. Так что меня пугает не артанская мощь, я знаю ей цену, а наша собственная дурость, трусость, легковерие и... куявскость.

— Куявскость?

— Или куявистость, — отмахнулся Иггельд. — Я не могу вообразить, чтобы артане вот так отшатнулись от своего правителя! За что?.. Тулей их ущемлял? Притеснял? Отбирал вольности, донимал налогами?.. За что предали своего правителя?.. Не могу вообразить, чтобы так поступили славы. Если присягают своему великому князю, то верны до гроба. Или пока не нарушит собственную присягу. Но почему такое у нас?..

Он поднял взор от карты, все опустили взоры. Хуртеча развел руками:

— Возможно, это от ощущения нашей силы...

— Да, — сказал Иггельд, — возможно. Но давайте вернемся к карте.

Слушали его жадно, для него карта — все тот же вид с пролетающего в небе дракона. Он сразу отмечал неточности, сообщал, где болото в такую сушь пересохло, а значит — можно вывести войска в неожиданном месте, где обмелела река и возможен брод, где вспыхнули лесные пожары, и Хуртеча тут же ставил пометки на карте, передвигал фигурки.

Анланец наблюдал со стороны, уголки тяжелого рта дрогнули, поползли в стороны. Увлечись, Иггельд уже забыл, что он пастух, указывает, показывает, советует, распоряжается, двигает фигурками, а на самом деле — он об этом еще не подозревает, — передвигает огромные людские массы. Узнай об этом — устрашится, пальцы дрогнут, но сейчас говорит быстро и уверенно, намечает пути удара, возможного отхода, места сбора войск, накопления сил перед новым наступлением, вплоть до похода на столицу...

ГЛАВА 5

Крохотный городок Валки, где находился дворец наместника, превратился в нечто вроде столицы Куявии. Туда потянулись беры и беричи, знатные воины, вотчинники, правители земель и воеводств, многие знатные воины. Правда, иные признали власть артан и даже платили им подати, но сейчас большинство заколебалось, после неудачной осады Долины Иггельда артане показались не такими уж и несокрушимыми.

Иггельд за три дня в Валках только дважды успел выбраться за город, звал Малыша, долго летал, высматривая скопления артан, намечал пути движения большой массы войск. Малыш все посматривал вопросительно и делал робкие движения помчаться в горы.

— Я бы рад, — вырвалось у Иггельда, — быстрее тебя бы полетел, да некогда, Малышик ты мой...

Далеко внизу люди останавливались, махали руками. Малыш по движению Иггельда растопырил крылья пошире и

смешно перевалился с боку на бок, приветствуя. Снизу долетели тоненькие крики.

— Поднимайся выше, — велел Иггельд торопливо. — Я не знаю, что им отвечать, а не ответить — невежливо.

Мальш охотно вскарабкался выше, пошел по широкому кругу, надо посмотреть, нет ли где направляющихся в их сторону артан, незаметно начал забирать в сторону гор, Иггельд сказал со вздохом:

— Ну слетай, слетай, только без меня!.. Я не могу, занят. А ты слетай, посмотри на дракончиков, подерись и пообнимайся. И за меня тоже... Думаешь, не скучаю?

Когда вернулся на землю, а Малыш умчался в небо, Антланец подъехал, держа в поводу белого жеребца, сказал одобрительно:

— Молодец, здорово придумал!

— Что?

— А на драконе над городом и окрестностями. Подтвердил, так сказать. Ни один полководец не озирает еще поле битвы, не готовил его вот так, с дракона. Все на коне да на коне, а что с него увидишь?

Иггельд вскочил в седло, разобрал повод. Двенадцать телохранителей молча выждали, двинулись следом.

— Да иди ты, — сказал Иггельд сердито. — Что вы все другой смысл ищите? Я просто соскучился по Малышу. Заодно и осмотрел сверху, где и как удобнее идти. А вовсе не старался кому-то пустить пыль в глаза.

— Ладно, ладно, — ответил Антланец покровительственно, — пыль тоже надо пускать уметь. Здесь все, кто бы ни приехал, начинают захлеб говорить о некоем Иггельде, его доблести, мудрости... представляешь?.. и воинском искусстве. Не знаешь, о ком это? Вот-вот, и я не знаю. Но если они знают, то так пусть и будет.

Ворота в город распахнуты, пришлось ехать между рядами народа, все кланяются, и ему пришлось кланяться, в воздух взлетают шапки и чепчики, он милостиво вздымал руку и устало улыбался.

Подъезжая к дворцу наместника, передал коня слугам, сказал Антланцу со злостью:

— Какая доблесть, какое воинское искусство в бросании камней с дракона? Какая мудрость у парня, что жил в горах и ничего, кроме любимых драконов, не видел?

— Не мешай людям творить легенды, — возразил Антланец. — Стране нужен герой...

— Здесь героев хватает!

— То не такие, — отверг Антланец. — Герои поединков, герои богатства, герои интриг, героини... А вот ты...

Он многозначительно замолчал.

— Что я? — спросил Иггельд затравленно.

— Ты — герой, способный повести массы, — сказал торжественно Антланец. — Мальчик — пастух драконов!.. Ну и хорошо, что тупой и неграмотный. У нас все грамотные, советников у тебя много. Зато народу приятно, что их поведет что-то такое таинственное, особое, непонятное...

— Это я — непонятное?

— Ты, — подтвердил Антланец. — Полководцы себя уже показали! Да, показали. Пусть на них в подземном мире Ящер воду возит... И советники тцара показали, да и сам тцар... Эх, да что о мертвых? Когда обгадились все, да-да, все, тогда приходится надеяться только на чудо. Ты и есть это чудо!.. Чудо в перьях. Или в драконьей чешуе.

Иггельд прислушался к шуму за окном, выглянул, лицо стало несчастным.

— Знаешь, — сказал он тоскливо, — я все это представлял совсем не так.

— А как?

— Ну, я примкну к воителю, что начнет собирать войско. У меня уже есть какой-то опыт борьбы с артанами, могу оказаться полезным.

Антланец захохотал, его широкие ладони с треском опустились на колени.

— Ха-ха, а эти все надеются примкнуть к тебе!

Иггельд с самым несчастным видом смотрел в окно. На площади народу становилось все больше. На его окно указывали пальцами, кто-то подбросил шапку. Слышно было, как выкрикивают его имя. Потом эти крики стали громче, настойчивее, настырнее, он вздохнул и отошел от окна.

Собралось, как определил Антланец, еще не настоящее войско, а то, что именуется ополчением, хотя в этом странном ополчении и самые знатные беры с прекрасно обученными и вооруженными с головы до ног отрядами, и простолюдины, и даже разбойники, что ощутили себя куявами. Даже земледельцы, что вовсе не обязаны братья за оружие, платят налоги, чтобы их защищали, сейчас явились с хорошими мечами, в кожаных или даже пластинчатых доспехах. Может быть, потому, что у мужчин любовь к оружию в крови, доспехи и мечи заводили и держали в доме для красоты и любования даже те, кто никогда воевать не мыслил, но теперь они влезали в эти доспехи, брали мечи в руки и являлись под его знамя.

Два дня Иггельд дал на отдых, за это время на Малыше облетел почти всю Куявию, уточнил расположение войск, наметил дороги. Антланец всем рассказывал, что для него, Антланца, порхать на драконе под облаками и над ними — плевое дело, даже уговорил Иггельда взять с собой, дабы осмотреть страну сверху. Раны почти поджили, но все равно Иггельд привязывал его покрепче, опасаясь, что богатырь сомлеет от высоты и бросков дракона из стороны в сторону.

Когда войско выступило, направляясь в глубь Куявии, Антланец тоже держал в голове картину далекой поверхности земли, увиденную своими глазами. Хуртеча остался в Валках, обещал посылать вдогонку обозы с продовольствием, дабы освободители грабежами не уподобились артанам.

По дороге присоединялись мелкие отряды, Антланец все вертел головой по сторонам, высматривал новых воинов, а когда проезжали мимо Коротянска, уютного и плотно заселенного городка, сказал с воодушевлением:

— Сытый городок! Пару сот воинов можем набрать и отсюда. Смотри, народ здесь весьма, весьма!.. Могут и доспехи купить добротные, и мечи булатные. Вон в моем отряде почти у всех из сырого железа! Да и город большой, посмотри.

Но Иггельд смотрел совсем в другую сторону. Антланец проследил за его взглядом. Там медленно проплывало старенькое заброшенное кладбище, скрылось за деревьями, медленно выступило с другой стороны. Заметны и свежие за-

хоронения, даже травка не успела вырасти на свежевскопанной земле и на земляных бугорках. Деревья покачивали ветвями, зеленые, говорящие без грусти о зарытых у их корней людях.

Иггельд хмурился, Антланец спросил удивленно:

— Чего насупился?

— Плохое село, — ответил Иггельд с неохотой. — Погляди, как вросли в землю камни, а могилы заросли травой! Нет, на этих надежды мало. Разве что поставить их в задних линиях...

Антланец оглядывался на заросшие травой земляные холмики. Многие уже сровняло с почвой дождями и ветрами, у некоторых и камни с именами утащили, чтобы перевернуть и на обратной стороне выцарапать новое имя.

— Ну что ж, — рассудил он, — дело житейское. Здесь народ практичный...

— Кто спорит? — ответил Иггельд. — Потому и топчут наши поля артанские кони. Отпор артанам давать непрактично — ведь убить же, гады, могут!

Антланец засмеялся.

— Вот ты о чем... Вообще-то верно. Но и таких надо брать, чтобы жизнь медом не казалась! Ишь, привыкли, чтоб другие отдувались... Но теперь этих других, очень умных, оказалось столько, что вся страна уже... это... умная! Так что возьмем силой. И поставим не в задние ряды, а в передние. Чтоб или дрались, или дали себя убить. В любом случае нам двойная польза.

— Какая?

— Сами увидят и другим покажут, что чересчур хитрым все равно не вывернуться. Артане же заморятся, пока их перебьют, нам легче потом их с коней ссаживать.

— А если бросятся наутек, то сомнут и задних?

— Да, — сказал Антланец вяло, — у нас такое случается.

Он погрузился в тягостное молчание, дальше долго ехали молча, каждый думал о своем, но когда проезжали мимо второго небольшого на этот раз города, Иггельд засмотрелся на кладбище за городской стеной, Антланец видел, как посветлело лицо их военачальника.

— Эти лучше? — спросил он.

— Намного, — ответил Иггельд. — Мы разве дикие артане?.. Это они не знают могил своих предков. А мы не только знаем, мы... мы защищаем. Взгляни на это кладбище! Могильные камни ухожены, трава выполота. Здесь предков чтят. Нынешние жители лягут костями все до единого, но не позволят дикарям глумиться над могилами родителей.

Проехали мимо, Антланец оглядывался, предположил в сомнении:

— Возможно, хороши только в защите своих домов, города?.. А поведем в чужие для них земли. Для них соседнее село — уже другая страна!

— Сейчас вся Куявия — одно общее село, — ответил Иггельд.

К полудню добрались до городка Кромы. Еще раньше, перед самым городком, встретили небольшой отряд с молодым беричем во главе. Он сразу понравился Иггельду чистым открытым взглядом, решительностью во взоре и тем, как держался: с достоинством, уважительно, но без малейшего подобострастия.

Антланец прогудел довольно:

— Назови свое имя, воин!

— Подгорный, — сказал воин. — Берич Подгорный из рода Ведоры. На службе у рода князя Рина Большезубого.

— Желаете влиться в наше войско? — спросил Антланец.

Он не сомневался в ответе, больно отважный и гордый вид у воина, тот смутился, опустил взор, щеки слегка зарумянились.

— Не могу...

— Почему?

— Я на службе у рода Рина Большезубого, — объяснил Подгорный. — Князь недавно умер, сейчас правит его жена... Гертруда...

— Молодая? — поинтересовался Антланец.

Подгорный с неохотой кивнул:

— Молодая, но какое отношение...

— Да так, — ответил Антланец весело, — я только спросил. Интересно стало, с чего бы вроде и готов в войско, и не идешь...

Подгорный вспыхнул, сказал разъяренно:

— Я не знаю, о чем вы... Но не могу уйти без позволения хозяина, которому давал обет служить!

Антланец спросил хитро:

— А спрашивал?

— Много раз, — отрезал Подгорный зло. — Если хотите, на коленях умолял отпустить на войну с артанами! И последний раз упрашивал сегодня, час назад, когда узнал, что ваше войско идет мимо!

Антланец покосился на Иггельда. Тот пожал плечами.

— Это легко решить.

— Как? — заинтересовался Антланец.

— Где имение княгини? — спросил Иггельд.

Подгорный указал на скрытое до половины в зелени сада роскошное двухэтажное здание. Его окружал вынесенный далеко вперед забор, а над высокими воротами виднелась ажурная башенка с вартовыми. Антланец сказал задумчиво:

— Я бы не сказал, что такие ворота остановят артан...

— Княгиня признала власть артан, — сказал Подгорный и добавил сердито: — А что ей еще оставалось делать?.. Посильнее вельможи преклонили головы!

Ворота распахнули, увидев Подгорного, а с ним въехали и с десяток воинов Иггельда, остальная масса войска вслед за военачальниками двигалась мимо. Подгорный проскакал к ступеням у входа, что-то прокричал. В окна уже выглядывали мужские и женские головы.

На крыльцо вышла очень миловидная молодая женщина. Высоко подведенные брови еще выше поднялись в наигранном удивлении, спросила капризным голосом:

— Доблестный Подгорный, так ли несете службу? Вам же сказано...

Иггельд прервал громко:

— Благородная Гертруда, пока вы не брякнули чего-нибудь такого, за что должен буду немедленно вздернуть, уве-

домляю, что я, Иггельд из Долины... Ветров, веду войска на битву с артанями, которым вы присягнули на верность. И доблестного берича Подгорного забираю с собой.

Она ахнула, пошатнулась, словно ее ударили. Глаза стали круглыми, обиженными. Взгляд метнулся от Иггельда к Подгорному, снова к Иггельду.

— Вы полагаете, что можете вот так просто... взять и увести? А клятва верности? А присяга, что переходит из рода в род?

Иггельд сказал резко:

— Да, полагаю. Сейчас война! И мне плевать на ваши игры с клятвами. Подгорный пойдет со мной, я освобождаю его от клятв перед вами и вашим родом.

Княгиня вскрикнула:

— Подгорный, я запрещаю вам идти с этим... с этим человеком!

Иггельд обратил мрачный взор на Подгорного, тот краснел, бледнел, наконец развел руками.

— Я ничего не знаю, — сказал он растерянно, — насчет военного времени... Меня такому не учили. Все, что я знаю, — служить верно и честно. Я знаю, что только сама Гертруда может освободить меня от клятвы служения ее роду.

Иггельд посмотрел на княгиню.

— Освободите, — сказал он.

Она ответила с победным блеском в глазах:

— Ни за что!

Иггельд повернулся в седле, Антланец подъехал ближе. Иггельд кивнул на ворота.

— Там достаточно высоко, чтобы ее видели издали... Повесь эту артанскую пособницу!

Антланец повел бровью, Коман и Болгор соскочили на землю, из-за спины княгини выметнулись люди с оружием, Коман оскалил зубы, страшно затопал ногами, защитники пугливо попятились. Антланец схватил сзади Подгорного и сжал в объятиях. Тот вспикнул, захрипел.

Болгор зашел сзади Гертруды и положил ладони на ее плечи. Бусел и Крица, обнажив мечи, озирались по сторонам, но напуганные обитатели особняка разбежались. Гертруда с

ужасом смотрела на Иггельда. Иггельд обратил взор на Подгорного.

— Глупо сражаться за человека, который думает только о своих интересах, а судьбой Куявии не интересуется.

Подгорный задвигался в железных объятиях Антланца, ответил хрипло, тяжело, но с достоинством:

— Пока я не отпущен со службы, я выполняю ее приказы.

— Но она тебя не отпустит.

Подгорный сказал убитым голосом:

— Я знаю. Но моя честь не позволяет...

Иггельд медленно повернулся к хозяйке:

— Я приговариваю вас к повешению на воротах собственного дома. Если хотите, чтобы я хоть чуть был снисходительнее, я советую сейчас же освободить этого благородного юношу от его присяги.

Она в ужасе вскинула высокие брови:

— Вы вольны надо мной, но не над моими подданными!

Иггельд кивнул.

— Да, это верно... Эй, Коман! Принеси веревку. Не найдешь шелковую, можно простую...

Коман, жутко улыбаясь, вытащил из седельного мешка веревку. В молчании все смотрели, как он умело и быстро сделал петлю, повернулся к молодой вдове. Иггельд сказал нетерпеливо:

— Вина княгини доказана, больше здесь задерживаться нечего. Заканчивай, а завтра я пришлю сюда другого хозяина.

Они поворачивали коней к воротам, когда раздался ее пронзительный крик:

— Господин!.. Подождите!.. Моя слабость виной!.. Мне так страшно одной, а только он доблестный и неустрашимый защитник...

Иггельд обернулся, указал в сторону Подгорного. Княгиня поторопила:

— На колени, Подгорный!.. Скорее же!.. Данною мне властью освобождаю вас от службы и всех повинностей, которые вы обязывались исполнять мне и моему роду. Можете встать.

Подгорный не встал, а подпрыгнул, сияющий, счастливый.

Иггельд спросил хмуро:

— Что теперь?

— Я ваш, — ответил тот с жаром. — Располагайте мною! Хоть к Ящеру в подземный мир, хоть на артан, хоть телеги таскать вместе с лошадьми — все выполню, роптать не стану!

Иггельд двинулся в Родстан, но застал там одни развалины, оттуда пошел в Немежу и Уржuzель. Кроме Елинды, его сопровождали теперь Ясинец, Рогоза — все великие и знатные, именитые и могущественные. Слух докатывался до ближайших городов и деревень, спешно прибывали беры со своими прекрасно вооруженными отрядами, беричи с небольшими группками, мелкие вотчинники, песиглавцы, даже простые мужики, им оружием были простые дубины, вилы или косы. Тоже клялись истребить артан до единого, хотя им от артан доставалось меньше всего.

Из Верхней Куявии, помимо обещанных Хуртечей семи тысяч конников и лучников, приехали даже женщины на легких быстроногих конях: хорошо вооруженные, умелые в скачке. Иггельд заколебался, как с ними поступить: артане поднимут на смех, потом озлился и позволил присоединиться к своему войску, более того — позволил самим выбрать место, где будут сражаться. Навстречу всякий раз выбегал народ, бросал под конские копыта зерно, призывал богов дать им счастье.

Пока что двигался по землям, где артане прошли, но не остались, край бедный в сравнении с другими, а в Куявии сел и городов слишком много, чтобы везде расставить артанские гарнизоны.

Время от времени он отъезжал в сторону, за ним везли телегу, нагруженную мясом. Мясо выкладывали на расстеленные скатерти, не кормить же дракона самого Иггельда с земли. Малыш по сигналу Иггельда опускался, жадно и торопливо лопал, телохранители в сторонке почтительно наблюдали, как их предводитель обнимается с драконом, как этот ужасный зверь целует ему руки, что значит даже драко-

ны признают его власть, да как смеют эти ничтожные артане все еще существовать на земле...

Иггельд ждал, пока Малыш проглотит последний кусок, только тогда говорил волшебное слово «Полетаем», и дракон начинал скакать в диком восторге, а потом плюхался животом на землю, вжимался, чтобы любимому папочке легче взбираться ему на загривок.

— Да люблю я тебя, — говорил Иггельд, — люблю...

Малыш от счастья прыгал в небо с такой силой, что Иггельда едва не размазывало по спине, как перловицу на камнях.

В каждом из встреченных городов или сел ему отводили лучший дом, окружали надежной охраной. Сперва Иггельд пробовал протестовать, но Антланец настоял, сослался на военную необходимость — вождя надо беречь, Иггельд смирился.

Однажды под окнами такого дома шум раздался громче обычного, зазвенело железо, Иггельд поморщился, Антланец сразу же все понял, отправился навести порядок, но двери распахнулись, в помещение вошли пятеро рослых грузных мужчин в сильно иссеченных доспехах. Иггельд ощутил оторопь, почудилось, что уже встречал их, хотя мог поклясться, что видит впервые. Все выглядели жестоко израненными, хотя все держались на ногах крепко, повязки на головах, руках и груди пропитались кровью.

Антланец тоже вытаращил глаза, оглянулся на Иггельда, нахмурился, рука поднялась к амулету на груди.

— Кто вы, ребята?.. Или это колдовство?

Самый старший из пятерки сказал хриплым усталым голосом:

— Меня зовут Третьяк, последний раз меня видели здесь, на равнине, лет десять назад. Как и моих братьев. Правда, вот мои племянники Горюн и Ранк спускаются с гор чаще... Иггельд, сразу скажу, что мы признаем твою власть и клянемся в верности.

Иггельд сказал настороженно:

— Может быть, сперва приведете себя в порядок, отдохнете, а потом эти клятвы?

Третьяк покачал головой.

— Ты не понял, а вон твой телохранитель уже все сообразил. Я — Третьяк, вот — Холод, а это — Ярый. Ты не слышал наши имена, да и кто их слышал? Но мы — братья Тулея. Да, того самого... Мы вчера попытались отомстить за брата, у нас в горах кровная месть — святое дело, но получилось... гм...

Антланец хмыкнул.

— Ребята, не глумите! Мстить надо самому Придону, а это невозможно.

Раненые переглянулись, Холод сказал сухо:

— Мы были во дворце нашего брата. Мы думали, что погибнем, но все получилось... совсем не так. Мы отыскивали Придона, изрубили в капусту. Но зарубить до смерти не дала... Итания. Мы оставили его истекающего кровью. Так что мы, можно сказать, отомстили. Но теперь пришли не ради личной мести. Ты собираешь войска, наши руки будут не лишние. Мы всего лишь пастухи овец и останемся ими! Не жаждем княжеств, их предлагал брат, но у нас крепкие руки и верные сердца. Мы присягаем тебе на верность, пойдем за тобой и будем сражаться, пока не изгоним всех артан до последнего!

На них смотрели с ужасом, недоверием, почтением. От каждого слова веяло искренностью, в то же время казалось невероятным, что сумели проникнуть в самое охраняемое место во всей Куявии, изрубить самого бессмертного Придона.

Ярый покачнулся, лицо залила смертельная бледность. Иггельд сказал торопливо:

— Помогите им!.. Пусть отдохнут, все подробности потом, потом. Скажи лекарям, надо осмотреть их раны. И то дивно, что топор Придона их все-таки пощадил...

ГЛАВА 6

Иггельд с помощью Антланца уже который день трудился над воззванием, что надо распространить по всей Куявии. Осторожный Антланец пробовал писать в общих словах, в

духе старых традиций, Иггельд устал с ним спорить, все порвал, сел и написал свой вариант. Антланец прочел, схватился за голову.

— «Вставай, Куявия!» — прочел он с недоумением. — Ты что же, к кому обращаешься? Надо сперва перечислить всех наместников со всеми их должностями, званиями, почестями, потом — беров, крупнейших вотчинников... Эх, ладно, что дальше... ага... перечисление жестокостей артан: осквернение святынь, гнет, насилие, непомерные подати... Это сойдет, хотя ты, сидя в своей Долине, не знаешь, что гнет со стороны беров и беричей не меньше, если не больше, а уж подати дерут, куда там артанам!.. Но — сойдет, сейчас на артан можно все вешать, дабы сердца воспламенить праведным гневом...

Иггельд морщился, сказал с неудовольствием:

— Ты давай по сути, по сути!

— А вот тебе и по сути... Ага, вот, «...даже все избегающие кары да возьмут оружие и выступят на врага, за что будет им прощение...», это ты загнул, беры такого не позволят, или вот: «...беглые рабы обретут свободу в борьбе с врагом, а пролившие в ней кровь обретут свободу и право селиться в любых землях...», да разве кто из беричей отдаст тебе своих рабов?.. «...Держава наша куявская, потому все куявы должны выступить на защиту. Бедные — с дубиной или вилами, беричи — на конях и в полном вооружении, беры — с хорошо вооруженными отрядами. От каждого по его силе и мощи спросится, и после победы каждому воздастся по его заслугам...» Вот это хорошо, здесь скрытая угроза! Пусть призадумаются. Укрыться в нашей стране не удастся: соседи с удовольствием донесут, что такой-то ничем не помог, а только греб под себя, пока другие за отчизну кровь проливали...

— Ты читай, читай, — сказал Иггельд нетерпеливо, — там дальше самое спорное.

— Где?.. Тут вроде бы... Ага, замахнулся ты... «...В борьбе за свободу от врага, за спасение Отечества...», это хорошо, что с прописной буквы, «...ценен тот, кто больше сделал для ее блага. Потому нет препон для людей даже самого низшего звания стать песиглавцами, беричами или даже берами. Ве-

ликая буря прокатилась по Куявии с артанами, но еще более грозная буря движется навстречу с нами, и на очищенной от врага земле возникнет новый, очищенный и возрожденный народ. После победы всяк получит по заслугам. К оружию, куявы! К оружию, Куявия!.. Да не вложим мечи в ножны до тех пор, пока хоть один артанин останется на земле Куявии!»... Гм, последнее хорошо, но уж очень ты замахнулся насчет свобод. И два раза повторил «очищенный»...

— Да ладно тебе с «очищенным»! Почему замахнулся?

— Не думаю, что хоть один тцар решится такое утвердить.

Иггельд сказал нетерпеливо:

— Утвердим сейчас мы, на воинском совете. И с этим воззванием поднимем всю Куявию. И кого бы потом ни избрали тцаром, ему ничего не останется, как следовать этим заветам. Иначе разъяренный народ разорвет его в клочья!

Антланец подумал, покачал головой. В глазах мелькнуло уважение.

— А ты, брат, не только в драконах разбираешься. Ты прав, от такого трудно отступиться.

За окном раздались крики, шум, конское ржание. Антланец бросился к окну, прислушался, метнулся к двери. Створки распахнулись, ввели под руки израненного молодого парня. Кровь сочилась с разбитого лба, плечо и рука перевязаны белыми тряпицами, алая кровь выступила большими пятнами, но глаза парня горели боевым возбуждением.

— Княже! — воскликнул он. — К стопам твоим припадаем!

Антланец довел его до стола, раненый все порывался упасть Иггельду в ноги, но Антланец силой усадил за стол и придерживал за плечи, чтобы тот не встал.

— Есть хочешь? — спросил он. — Нет?.. Во, дикий... Эй, принесите вина!.. Что случилось, рассказывай.

Парень снова попытался выбраться из-за стола, Антланец не пустил, парень сказал быстрым захлебывающимся голосом:

— Наш город, едва услышал, что ты спустился с гор и поднимаешь народ, сразу же закрыл ворота перед артанами!.. У нас городок маленький, артанского гарнизона не было.

А тут как раз большой отряд ехал мимо, хотели заехать, отдохнуть пару дней, запастись зерном для коней... Озлились, что их не пустили, хотели с ходу взять город, но стены у нас крепки, а за ними собралось неплохое ополчение... тогда эти степные волки пошли на хитрость! Сделали вид, что ушли, а сами затаились в ближайшем лесу. Ополчение вышло из города, двинулись вам навстречу, прошел слух, что вы, ваша милость, идете по дороге из Кром... Вот тогда артане и выскочили из лесу! На беду, по нашей простодырости ворота отворены...

— Боги! — воскликнул устрешенный Антланец.

Остальные слушали внимательно, молча, но лица их помрачнели, из груди то у одного, то у другого вырывался горестный вздох.

— Артане ворвались, — продолжал рассказывать парень, — но тут случилось то, что нельзя и представить!.. Все, кто был на улицах, бросились на них кто с чем. Мужики выскакивали из домов с топорами, вилами, кольями, женщины бросали из окон чугунные горшки и сковородки... Что тут началось! Песиглавцы не дрались с такой яростью, как простые мужики. Много их полегло, но артан почти не осталось, когда наконец ринулись обратно к воротам... Мало их выскочило, а пятерых мы похватали живыми!

Антланец воскликнул, не веря своим ушам:

— Артан, неустрашимых артан взяли в плен?

— Да, — подтвердил парень с гордостью, — но лучше бы им не попадаться в руки разозленного мужичья... Такое с ними сделали, пока те от мук помиралы, что уж не знаю, какие еще зверства человек может выдумать! На что уж песиглавцы люты, но до такого... гм... Словом, город залит кровью, своей и чужой, но вместо плача там песни и крики о мщении. Это уже твой город, повелитель драконов!

Антланец сказал многозначительно:

— Повелитель людей и драконов... И теперь уже и городов.

Иггельд стиснул челюсти.

...Разведчики донесли, что с запада приближается крупное войско отважного воителя, что уже давно бьет артан, постепенно превращая крохотный разбойничий отряд в настоящее войско. Сейчас у него семь тысяч сборного войска, которым он маневрирует очень умело, артанскую конницу встречает длинными копьями, засыпает стрелами, а потом в мгновение ока превращает свое войско из тяжелой панцирной конницы в легконогую, подобную артанской.

И зовут этого героя, как донесли Иггельду, Ратшей.

Иггельд ахнул, возликовал, переспросил жадно:

— Ратша? Точно?.. А какой он?

Гонец указал на горизонт, где грозно заблестало множество искорок.

— Сейчас увидишь, господин. У него тяжелое войско, но оно может налететь, как свирепая буря, а потом рассеяться, как легкий ветерок. А этот Ратша всегда впереди. Он не только великий полководец, но и самый отважный воин из всех, кого я только видел.

Искорки превратились в яркие блики, весь горизонт закрыло тяжелой массой, что неслась стремительно, неукротимо, а бег начала замедлять, когда между войсками осталось не больше полуверсты.

Впереди на рослом гнедом жеребце неся широкий в плечах воин в добротных доспехах, конический шлем открывал широкое суровое лицо. В сотне шагов от Иггельда с военачальниками он перевел коня на шаг, ехал все такой же огромный, каким привык его видеть Иггельд, невозмутимый, в великолепных доспехах без всяких украшений. Солнечные блики соскальзывали с гладкого шлема, лицо неподвижно, сурово, но губы начали раздвигаться в сдержанной улыбке.

— Приветствую, — сказал он зычным голосом военачальника. — Слышал, ты сумел дать отпор в нашей горной Долине... а сейчас собираешь войско здесь, на равнине!

— Ратша! — воскликнул Иггельд. Он пустил коня навстречу, поравнялся, обхватил старого друга, обнял, прижался к его груди. Некоторое время оставался так, не хотелось уходить из надежного защищенного мира, наконец с усили-

ем и неохотой отодвинулся. — Как хорошо, что ты пришел... Как хорошо!

Ратша сдержанно улыбнулся.

— Почему?

— Потому что теперь поведешь все это огромное войско! — сказал Иггельд с жаром. — Потому что теперь вся эта масса людей на конях и с оружием в надежных руках. Ты умеешь воевать, ты не запятнал себя служением артанам, ты — настоящий воин!

Ратша слушал с недоумением, перехватил напряженный взгляд Антланца, нахмурился, ответил после паузы:

— Знаешь, такие дела с ходу не решаются. Давай остановим войска на отдых, а сами соберемся на совет. Там и решим.

Он снова бросил быстрый взгляд на Антланца, Иггельду показалось, что они разительно похожи, словно родные братья, хотя Ратша чуть выше и потоньше в поясе, но что-то у них настолько общее, что уже оба всматриваются друг в друга с ревнивым вниманием.

Войска остановились на привал, после короткого отдыха предстоит встретиться с артанским войском, не самым крупным, но и не мелкими летучими отрядами. Ратша от немедленного совещания военачальников увильнул, исчез. Иггельд трижды наведывался в его шатер лично, потом повелел сообщить, как только Ратша появится.

Лишь поздно вечером, когда по всей равнине запылали костры, у шатра Иггельда послышались грубые мужские голоса, уверенные и властные, забряцали шпоры. Телохранители вскрикнули предупреждающе, донесся могучий бас Антланца, мужественный голос Ратши, полог отлетел в сторону.

В шатер первым вошел Ратша, Иггельд едва удержался от страстного желания броситься к нему и прижаться к груди, но этот жест еще тогда, при первой встрече, был немножко нелеп, по росту уже давно догнал Ратшу, а в плечах, пожалуй, даже чуточку шире. Следом двинулся Антланец, огромный и довольный, как сытый бык, подмигнул Иггельду.

— Ну что, нас и здесь не покормят?

Иггельд растерянно огляделся по сторонам.

— Здесь?

— Ну да, — ответил Антланец весело. — У кого же еще должны быть лучшие вина, лучшие девки?.. Ладно-ладно, не ищи. Мы знали, куда идем, так что поели загодя.

— И попили, — добавил Ратша.

— И попили, — согласился Антланец. — Видишь, что значит, когда встречаются такие старые волки?

За ними вошли еще пятеро военачальников, со смехом и шуточками расселись за столом. Ратша с одобрительным видом положил руки на огромную карту.

— Кормят у тебя, скажем так, как у последнего простолюдина, — сказал он, — зато такой подробной картинки не сыскать даже у Тулея. Хотя с таким драконом...

— Дракон ему карту не составлял, — напомнил Антланец.

Он сел напротив Ратши, оба все еще присматривались друг к другу, но теперь Иггельд не заметил настороженности и даже враждебности, как в те первые минуты. Сейчас оба присматривались друг к другу, как будто мучительно старались понять: кто кого бросит на землю, если на поясах? Правда, Антланец почти вдвое старше Ратши, но зато тяжелее, массивнее, а силу его рук Иггельд помнил хорошо.

Он обратился к Ратше:

— Уже осмотрел войско?

— Да, почти...

— И как впечатление?

— Доволен, — ответил Ратша. Подумал, снова повторил: — Доволен. Добротное войско! И хороший у всех настрой.

Иггельд выдохнул с огромным облегчением:

— Прекрасно! Значит, принимаешь?

Ратша вскинул брови. Широкое лицо не изменилось, только в глазах появилось вопросительное выражение.

— Что?

— Войско, — сказал Иггельд нетерпеливо. — Объединенное войско!

Военачальники молчали, поглядывали на одного, на дру-

гого. Ратша сдвинул плечами, будто поправляя сползающую кольчугу.

— Не вижу объединенного, — ответил он. — Мой семитысячный отряд влился в твоё сорокатысячное войско. Уже по одному этому командовать должен ты. Но есть и другие соображения...

Иггельд слышал вздохи облегчения, военачальники расправляли спины, поглядывали друг на друга с довольными усмешками. Антланец довольно крикнул, погладил себя по животу.

— Какие? — спросил Иггельд рассерженно и с таким сильнейшим разочарованием в голосе, что улыбнулся Антланец, заулыбались военачальники, последним губы раздвинул Ратша.

— Серьезные, — сообщил Ратша. — Я уж молчу, что люди здесь не менее опытные, чем я, но служат тебе. Верно и преданно служат! Я не мальчишка, я могу отличать, когда служат верно и преданно, а когда только громко и напыщенно говорят о беспримерной преданности. Если по справедливости, то кто из них мог бы занять это место? На нем — ты. По праву. Я переговорил со всеми, никто не представляет никого другого во главе войска. Да и я не вижу. Иггельд, ты уже давно не тот мальчишка, что с крохотным дракончиком за пазухой бежал из Города Драконов. Ты даже не тот властелин Долины, которого я оставил тогда... ну, ты знаешь, когда. Ты изменился, Иггельд!.. Ты стал жестче, злее, непримиримее. И в то же время ты добр и чист, просто не понимаю, как у тебя это уродство, на взгляд полноценного куява, сохранилось. Но все видят твою доброту, чувствуют чистоту твоей души и видят твои успехи как полководца и героя! Что еще?.. Если не успеваешь с какими-то мелочами, то у тебя есть мы. Я, Антланец, Рогоза, Елинда, Ясинец, да всех не перечислить... Мало?.. Да у нас светлых голов уйма, только свистни! И все сбегутся выполнять твои приказания.

Антланец хмыкнул, обронил со смешком:

— Не знаю уж, что думали эти братья Тулея, когда шли сюда... я — человек недоверчивый, у меня сразу шерсть ды-

бом, но когда они взглянули на Иггельда, то поняли, что могут только держать ему стремя. И вот теперь даже они в твоём войске. Почему?

Иггельд сказал раздраженно:

— Откуда я знаю?.. Но какой из меня вождь? Я вам навождюю!

За два-три дня народу в городе прибавилось вдвое, люди ночевали на городских площадях, разведя костры. Не всем прибывшим берам находились достойные их положения квартиры, а уж простые песиглавцы и беричи разбивали шатры за городом, начиная от врат. Толпы же простых крестьян коротали ночи у костров, а утром сбегались к дому наместника, где остановился Иггельд.

Улицы бурлили, заполненные народом, знатные беричи не замечали, что рядом идут простые мужики, а песиглавцы не хватались за рукояти мечей в раздражении, что их пихает сиволапое простонародье. Все жадно смотрели на дворец, ждали появления Иггельда.

Иггельд сам терялся в этой пестроте, никогда не думал, что на свете столько народов, одежд, перед его окнами проходили смуглолицые кетичи, спустившиеся с предгорий Родопов, коренастые черноволосые бойки, похожие на быстрых злых жуков, белокожие и белолицые лемки, словно сошедшие со снежных гор эльфы, угрюмые, настороженные гуцулы с их смертоносными маленькими топорами на непомерно длинных рукоятях, с лязгом и грохотом скакали отряды силчей, невесть каким образом прибывшие из Нижней Куявии, и даже бесстрашные воители боярты, что приезжали всегда на огромных конях, в сопровождении хорошо вооруженных слуг, что ходили не на слуг, а на испытанных песиглавцев.

Весь город заполнил такой гомон, что испуганные галки не решались садиться в гнезда. Кроме цокота копыт, звона железа, в разных концах под звуки рожков, труб и боевых рогов звучали воинственные песни, где мало мелодий, зато в избытке крика и обещаний перебить всех артан, развешать их трупы на деревьях и позволить воронам наедаться до отвала.

Иггельд страшился выйти на улицу, народ тут же обнажал головы и падал на колени, песиглавцы кричали «Слава!» и стучали рукоятями мечей в щиты, беричи бросали в воздух шапки и шлемы, беры с достоинством преклоняли колено и салютовали обнаженными мечами.

Город кипел, бурлил, клокотал. Даже по ночам мимо костров то и дело проносились всадники, для них отворяли ворота, они уносились во тьму, торопясь поскорее донести до самых дальних городов весть, что Повелитель Драконов, остановивший нашествие артан, спустился с гор и вот передает воззвание к своему народу, призывает встать на защиту Куявии и обещает ей новое обустройство.

По всей Куявии собирались отряды, нападали на мелкие отряды артан, соединялись в войска, но, правда, при появлении больших соединений артан предпочитали рассыпаться по окрестным лесам.

Через месяц треть Куявии была в руках местного ополчения, артане же оставались в Нижней и Срединной Куявии и в Междуречье, перестали ездить в одиночку, но даже малые отряды несли потери. На ночь артане вообще запирались в укрепленных городах и крепостях. Восстание ширилось, набирало силу, Иггельд спешно рассылал опытных воинов во все концы, где собирались вооруженные отряды. Крестьяне, обрадованные возможностью перейти в благородное сословие, вооружались до зубов и охотились за одиночными артанами, нападали и на мелкие артанские отряды. Как и песиглавцы или беричи, они для своих нужд захватывали коней и пропитание всюду, где могли найти, попутно насиловали женщин, убивали мужчин, не разбирая: мужик ли, песиглавец или берич — все равно виноваты, что до сих пор не взяли за оружие и не присоединились к ним.

Опытные воители, вдохновленные словом Иггельда, брали эти отряды под свою руку, поспешно превращали в послушное воинство, уже вооруженное не только яростью, но и умением дружно встретить бешеный напор легкой артанской конницы.

В доме наместника день и ночь трудились переписчики, к Иггельду носили на подпись его обращение к народу, он

прикладывал еще и печатку на кольцо. Бумагу тут же отдавали гонцу, тот мчался, меняя коней, в дальний конец Куявии, где еще не взялись за оружие, а только ворчали на артан, скрипели зубами, но восстать пока что не отваживались.

Иггельд не мог понять, голова кружилась от непонятной перемены: преподлейший народ, который он любил и ненавидел, что так грязно и трусливо предал свою страну, предал именно тогда, когда она находилась на вершине славы, сейчас брался ее защищать, униженную и опозоренную, брошенную под копыта артанских коней.

К концу первого месяца, как спустился с гор и вступил в Междугорье, под его началом было войско, которое — он боялся в это поверить — уже превосходило по числу артанское! И хотя артане — прирожденные воины, каждый артанин в самом деле стоит троих, а то и пятерых куявов, но это в одиночных схватках, не в сечах, когда полк на полк, войско на войско. Закованным в железо куявам приходилось опрокидывать артанские полчища и обращать в паническое бегство, хотя соотношение один к пяти совсем не в пользу куявов.

Полдня летал над Куявией, всматривался в дороги и расположения войск, а когда спустился, огорошил всех решением разделить войско на две части. Одну под началом Антланца послал по широкой дуге через Полесье в Срединную Куявию, а другой — под рукой Ратши через Нижние Долины и Заречье на брод под Камышином.

— Там почти нет артан, — втолковывал на военном совете. — Артан нет, но зато богатые и населенные земли. Там у князя Велигора немалые войска. Сейчас под присягой у артан, но когда подойдете с такой силой, думаю, переприсягут... А между Нижней Долиной и Заречьем край князя Озбириша. У него хороши и крепости, и гарнизоны, я посмотрел, никто никуда не делся. Пусть соберет их в один кулак. Твое войско, Ратша, сразу утроится. Встречу назначим через две недели под Куябой.

Он произнес это просто, буднично, но словно солнечный луч ворвался в зал и осветил его лицо. Военачальники смот-

рели с трепетом. Еще почти вся Куявия в руках артан, еще не дали им ни одного большого сражения, а уже планирует, как возвращать стольный град!

— А ты? — спросил Антланец чуточку ревниво. — Ты с кем пойдешь?

Иггельд усмехнулся.

— Я возьму небольшой отряд и пойду прямо.

— Ого!

— Я не полководец, — объяснил Иггельд. — Мне проще с маленьким отрядом. А вам на Малыше буду передавать все важное. И расположение артан, и где войска куявов...

Антланец и Ратша переглянулись. Антланец засмеялся, сказал Ратше:

— Он сам не понимает, что это и есть полководец. А маленький отряд — это телохранители, что всегда с вождем. А нам будут передавать приказы...

Иггельд смутился:

— Я не то хотел сказать!

— Но сказал правильно, — заверил Антланец. — В час добрый!

С собой Иггельд взял всего три десятка, но сразу же три превратились в тридцать, а вскоре с ним двигались уже три тысячи человек. Правда, войско настолько разношерстное, что от него разбежались жители деревень, бросая на произвол дома и скотину. Он сам понимал, почему от его полуразбойничьего войска приходится бежать мирным людям: артане разбили основные куявские войска, разбили вспомогательные, разгромили и все наспех собранные, а остатки отступили в леса, в горы, торопливо перегруппировывались, зализывали раны, так что в разоренном крае остались только принявшие власть артан да расплодившиеся разбойничьи шайки.

Его войско состояло наполовину из разбойников, приходилось железом и кровью заставлять их подчиняться, принять дисциплину. Артане прошли огнем и мечом всю страну, но во многих областях артан вообще не видели, там земли оставались не разоренными войной, вельможи и знатные люди предпочли уйти поближе к горам, где искали укрытие вблизи башен колдунов. Если уцелели, их захватит Ратша, он

пройдет близко, если нет — к ним дойдет слух, что в Камышине собралось большое войско Антланца, вернее — должно собраться.

Сам он брал в свое войско всех, кто достаточно отважен, чтобы взять в руки оружие. Кто из них был беглым рабом, кто сыном вельможи, кто преступником — не интересовало. За эти две недели, что назначено до встречи под Куябой, он шел быстро и победно, с ним всегда была богатая добыча. Все видели, что он удачлив, силен, отважен, с дракона умеет выслеживать богатые обозы, вовремя замечает большие отряды артан, с которыми не справится, но не упускает тех, которых может настичь и истребить.

Его люди в восторге, он не делал различия, кого грабить: куявов или артан. Артан истреблял потому, что враги, куявов — все должны помогать в борьбе с захватчиками. Кто не помогает, тот пособник этих проклятых дикарей!

Отряд его превратился в небольшое войско, оно оставалось почти таким же быстрым, как и сами конные артане. До встречи под Куябой оставалось трое суток, он продвигался без особой спешки, не останавливался, часто вступал в сражения, но после каждого сражения его войско не таяло, а увеличивалось. Как горная лавина, катилось оно через просторы Куявии, сбивало заслоны, брало войска. Время от времени Иггельд призывал Малыша, пересаживался с седла на загривок верного друга, озирали быстро меняющийся мир сверху, летал к Ратше и Антланцу, сообщал новости, указывал на карте, где расположены артане, сам замечал, что не просто тычет пальцем, а в самом деле указывает, куда направить войска, в какое место ударить, где обойти, где выставить заслоны.

Три огромных войска смыкались гигантскими клиньями, захватывая Куябу в клещи. Теперь уже все увидели, что Иггельд именно прозорливо разделит войско на три части, иначе такое немислимое по размерам вскоре начало бы страдать от бескормицы.

Иггельд ехал впереди, рядом с ним примкнувший недавно с небольшим отрядом жутко изуродованный матерый воин Вихрян, одна половинка лица сожжена почти до кости, со второй чуть лучше, но все равно вид ужасен, брови и ресни-

ны сторели вместе с кожей, жутковато видеть уцелевшие глаза, когда все обезображено. С Вихрян пришли около сотни людей, повадками больше похожие на разбойников, но Иггельд сразу оценил их как людей умелых и опытных.

Вихрян говорил мало, старался не попадаться на глаза, понимал, как люди смотрят на его лицо и что чувствуют, Иггельд и не заметил бы его, но Вихрян очень умело руководил отрядом. За то время, что присоединился к Иггельду, состоялось пять сражений, пусть мелких, но Вихрян не потерял ни одного человека, хотя с отрядом лез в самые опасные места, дрался умело и храбро.

Заинтересовавшись, Иггельд приблизил его к себе, часто советовался, удивлялся, что простой воин знает так много о военном деле, о хитростях, о построении войск, а потом узнал от его окружения, что Вихрян вообще-то из знатных, но где-то кому-то вроде дал в морду, его чуть не казнили, но потом помиловали и только отобрали все, а самого выперли в простые воины.

Вообще Вихрян удивлял не только познаниями в воинском умении. Сегодня он ехал рядом с Иггельдом, по ту сторону Иггельда покачивались в седлах Подгорный и Кольцо, поддразнивали друг друга, и Вихрян остановил коня, всматривался в дорогу, склонившись с коня. Там, почти у самых конских копыт напыжилась и приподнялась на всех четырех лапах жаба. Вид у нее грозный, привстала на кончики пальцев, покачивалась на них, стремясь подняться как можно выше, напугать противника.

Вихрян поклонился, сказал громко:

— Прости меня, уважаемая лягушка!.. Пожалуйста, проходи.

Он свернул коня на обочину, объехал жабу и снова пустил коня по дороге. Иггельд смолчал, озадаченный, а Кольцо сказал удивленно:

— Ты че?.. Сдурел? С чего ты кланяешься жабе?

Вихрян медленно покачал головой. Испещренное, как выжженный шлак, лицо не дрогнуло, а голос прозвучал ровно и равнодушно:

— Не всякой, не всякой. Эта осмелилась не уступить мне дорогу! Мне, такому огромному и на коне. Видел, как бросила вызов на поединок?.. Такого противника надо уважать!

Подгорный и Кольцо переглянулись. Берич поднял голову к небу, губы зашевелились — то ли запоминал, то ли слагал песню, то ли матерился.

Кольцо подумал, сказал негромко:

— Да, в чем-то ты прав. Отвагу надо поощрять... во всем. Пусть куявам станет стыдно. Чтобы их ткнуть мордой в собственную трусость, уместно поклониться даже лягушке. Любая храбрость всегда достойна поклона. И все храбрые люди достойны еще больше.

Подгорный подумал, сказал убежденно:

— Только дура эта жаба.

— Все бабы дуры, — сообщил Кольцо глубокомысленно. — А чего дура?

— Дык пеший конному разве ж бросает вызов?

— Действительно, дура... Впрочем, а если она ждала, что Вихрян слезет и будет биться на равных? Ну, кто дальше плюнет или кто больше комаров съест? Я бы побыл судьей, а че?

ГЛАВА 7

В городе Мысники, за сутки до Куябы, приехал на поклон Твердохлеб, князь из рода Шелюковичей. Иггелду шепотом сообщили, что у Твердохлеба одних только городов во владениях больше сотни да тысяча деревень. Если собрать его отряды в одну армию, то получится войско не меньше, чем у вторгшихся в Куявию артан.

Иггелд покосился в окно, по площади как раз стройными рядами по шестеро проходили прекрасно вооруженные и обученные конные отряды. Во главе каждого ехал сотник на богато украшенном коне, а поравнявшись с дворцом, взмахивал мечом, кричал «Слава!» — и здание дворца всякий раз вздрагивало от мощного рева из множества здоровых глоток.

— Что ж, — сказал он ровным голосом, почти не скрывая отвращения, — будем считать, что вы сохранили войска и людей для этого решающего часа... И теперь готовы послужить Куявии.

Твердохлеб слегка поклонился, глаза быстро-быстро ошупывали лицо молодого полководца, которого чернь называет Освободителем.

— Да, — подтвердил он напыщенно, — я принес ложную присягу артанам, именно ложную... Надо было сохранить... такова жизнь. Разве мы не куявы?.. Я просто обманул артан. Теперь готов повести мои войска освобождать свои земли...

Иггельд покосился на Подгорного, Кольцо, стоят по бокам неподвижные, суровые, но за их спинами в полной готовности застыли их люди. Гнев ударил в голову, Иггельд ощутил, как голос становится хриплым и жарким:

— Не ваши земли, а всю Куявию пойдут освобождать эти люди. Пойдете вы с ними или нет — я пока еще не решил!

Князь отшатнулся, на лице отразилось негодование. Он воскликнул:

— Как это?.. Это мои земли, это мои люди!

— Уже нет, — отрезал Иггельд. — Человеку, который запятнал себя сотрудничеством с врагами, в то время как другие проливали кровь... грозит лишь веревка! Кольцо, как у нас насчет веревок?

Кольцо быстро выступил вперед. Злые, хищные, как у рыси, глаза ошупали взглядом толстую шею князя, он сказал зловеще:

— На такую жирную найдется даже шелковая. Все-таки князь! Древний род...

Иггельд бросил коротко:

— Ладно, если ты такой щедрый — вешай на шелковой.

Он повернулся, и уже у дверей догнал истошный вопль князя:

— За что?.. Благородный Иггельд, помилуй!.. Моя дурость виной!.. Пощади!

Иггельд уже за дверным проемом обернулся, с сомнением посмотрел на упавшего на колени князя. Тот размазывал

по бледному от ужаса лицу слезы, трясся, хватался за ноги поднимающих его Подгорного и Кольца.

— Что не нравится? — спросил Иггельд. — Веревка?.. Лучше топором по шее?

— Лучше! — твердо сказал Кольцо. — Что ж князя вешать, как вора какого-то? Это простой люд вешают, а благородным срубляют головы.

Иггельд отмахнулся:

— Ладно, руби, законник.

Князь вскричал:

— Возьми моих людей, возьми землю!.. Жизнь оставь только, жизнь!

Иггельд кивнул Кольцу:

— Ладно, оставь его. Пусть живет. Но людей его разбей на малые отряды и влей в войско. А с землей... подумаем, как поступить.

Он захлопнул за собой дверь, на душе гадко: жестоко и грубо с таким немолодым человеком, но, с другой стороны, вся жизнь жестокая и грубая. Этот князь ничуть не хуже и не лучше князя Бруна, но тому не повезло, а мог бы на месте Бруна оказаться этот Твердохлеб. А Брун мог бы точно так же выждать момент, переметнуться на сторону очередных победителей и снова сохранить земли, богатства, власть, а то и приумножить за счет обнищавших или погибших соседей.

Ненадолго оставив войско, он облетал на ошастливленном Малыше Куявию вдоль и поперек, вовремя увидел, как из Артании перешло пограничную реку могучее конное войско. За все время нашествия из Артании постоянно мчались в Куябу новые искатели приключений, но в последнее время их перехватывали и побивали на ходу. Артане наконец поняли, что нечто изменилось, придержали удалцов, собрали их под командованием старого опытного полководца Оргоста. Куявы начали нападать на их войско еще с первого дня, как только Оргост перешел граничную реку, но войско двигалось, почти не замечая мелких укусов. Иггельд велел уничтожать по пути припасы, вывозить зерно, чтобы артанское

войско поневоле разбилось на мелкие отряды. Оргост вовремя понял опасность, начал собирать телеги и увозить продовольствие.

Быстрое конное войско ташилось едва-едва, легкие артанские кони гарцевали вокруг обоза, но отдаляться не решились: откуда ни возьмись появлялись куявы, всегда впятеро больше числом, выпускали тучу стрел и бросались в отчаянную атаку. Если артане стыдились сразу вернуться обратно к войску, живым не возвращался никто.

И все же Оргост двигался хоть и замедленно, но неуклонно, как тень ползущей по небу грозовой тучи. По оправдавшей себя воинской тактике упорно пускал во все стороны конные разъезды, иначе можно погубить войско, собирал сведения, делал поправки и снова вел войско, избегая ловушек.

В это же время в лагере куявов Вихрян подозвал Подгорного и велел быстро:

— Сотню Кольца — влево, пусть пройдет за рощей и собьет два разъезда!.. А ты бери две сотни, для тебя тоже есть добыча...

Берич спросил недоверчиво:

— Откуда знаешь?

— Иггельд сообщил, — ответил Вихрян коротко.

Подгорный смерил взглядом едва заметную в синеве черную точку.

— Как?

— Видишь, поворот делает? Крылья сложил. А теперь повернул влево. Выполняй!

Подгорный вскочил на коня и помчался к сотне Кольца. Потом взял еще две сотни, конников Ранка и Третьяка, сбил разъезды, зашел с тыла, отчего артане решили, что окружены, остановились, поспешно стали готовить воинский стан к обороне. Но никто не напал, двинулись снова, но уже с великой осторожностью, опасаясь нарваться на большие силы, так как куявские конные отряды, переняв их тактику, перехватывали и уничтожали разъезды.

Артане встревожились, двигались тесными отрядами, каждую минуту готовые к бою. Сотни Третьяка, Ранка, Казана, Осташко и других молодых военачальников, что щеголяли

один перед другим удалю, перехватывали обозы с продовольствием, разрушали мосты, убирали с пути все, что артане могли бы использовать для себя, будь это кусок хлеба или клок сена для коней.

На ночь артане выкапывали ров и выставляли удвоенную стражу, но развеселившиеся от таких успехов куявы поднимали в ночи крик то справа, то слева, звенели оружием и делали вид, что вот-вот набросятся всем скопом. Артанам приходилось стоять всю ночь с оружием в руках, каждую минуту ожидая стремительной атаки.

На четвертую такую ночь люди уже засыпали стоя, оружие валялось из рук, а днем спали в седлах, опустив головы. Лошади нередко выходили из строя и шли туда, где видели зеленую траву. Знаменитый боевой дух артан быстро падал, и хотя все готовы сражаться, никто не отступит перед трусливыми куявами, что не решаются напасть честно, без сна и еды даже самые выносливые начинают чувствовать себя слабее женщин.

Хуже того, от бескормицы начали падать кони. Куявы смелели день ото дня, нападали на отдельные отряды, что шли в охранении. Завязывались бои, появились первые пленные артане, что само по себе сперва было великой диковинкой, а потом на пленных артан стали смотреть, как на нечто обычное, Иггельд велел не беречь их для выкупа или обмена пленными, а тут же казнить, чтобы у артан развеялись презрительные слухи о мягкотелости куявов.

Для большей убедительности он велел сажать пленных на колья и расставлять на пути наступающего войска — артане все еще двигались в направлении Куябы. Артане, похоже, приходили в дикую ярость, клялись отомстить, это Иггельд учитывал, но теперь они видели и беспощадную жестокость куявов, Иггельд строжайше запретил вступать в любые переговоры, неумолимо истребляли артан везде, куда дотягивались руки.

Он похудел, почернел, от ненависти лицо потемнело и стало похожим на вырезанное из дерева. В глазах полыхала ярость, желваки то и дело выступали под кожей и перекаты-

вались, зловещие и рифленые. Но теперь в нем властность полководца, все убедились, что ведет не простое сражение, а настоящую войну на полное истребление артан, и преисполнились почтения к его мудрости, так опередившей возраст.

Огромное войско артан, что с веселыми песнями перешло границу покоренной Куявии, даже не самой Куявии — ее нет! — а куявских земель, сейчас тащилось из последних сил, со стонами и хрипами, рассчитывая только на богатства и крепкие стены Куябы, где сам Придон с его богатырями. Все гонцы, что слал в отчаянии к Придону Оргост, неизменно перехватывались дозорами. Игтельд страшился подумать, что стряется, если хоть один проскользнет в Куябу и войско Придона поспешно выйдет навстречу.

Пока что даже с этим ослабленным войском вряд ли удастся совладать в одном решительном бою, а если оба войска соединятся...

— Пленных не щадить! — повторял он. — Все разъезды истреблять. Да, истреблять! Там же, где встретили. Это не игра, а война! Победа близка, нам нужно только самим не упустить ее из рук.

Когда до Куябы оставалось двое суток, он решился и ночью напал на артанский стан. Еще вечером с Малыша хорошо запомнил, кто и где, в полночь обрушился, как смертельный вихрь. Но, будучи осторожным, две трети войска оставил сторожить дороги, а сам повел отборную часть, люди которой уже отметились в прошлых боях.

Сам Оргост, опытнейший военачальник, вынужден был в страхе бежать из шатра, телохранители сцепились с невесть откуда вынырнувшими из тьмы врагами, их намного больше, а Оргост — не мальчишка, чтобы вот так схватиться за топор и погибнуть красиво как воин, но бессмысленно как военачальник.

Он примчался на другую сторону стана, где уже все с топорами в руках и быстро строились, ожидая нападения, принял командование и повел их навстречу врагу.

Сражение продолжалось всю ночь, неизвестно, чем бы кончилось, но подоспела посланная Придоном тысяча кон-

ников под командованием отважного Волога. Те сумели пробиться через ряды врага, и счастье покинуло куювов. Под утро стан был освобожден, но потери были ужасными. Оргост с горечью смотрел на изрубленный шатер, у входа застыли тела его стражей. Удар нацелен очень метко и четко, чувствовалась рука очень опытного военачальника. Он уже слышал о неуловимом Иггельде, что сперва нападал на артанские отряды в одиночку на своем проклятом драконе, потом сумел организовать оборону высоко в горах, а теперь явился в Нижнюю Куявию как освободитель и даже, тьфу, спаситель.

Нет, если его кто-то и недооценивает, то только не он, Оргост. Уже видно, что удар нанесен в самое уязвимое место. И в то же время можно поклясться, что стан по-прежнему окружен и к Куябе придется пробиваться своими силами. Что ж, до нее совсем рукой подать, не может быть, чтобы Придон не услышал и не помог...

Иггельд со стыдом вспоминал те дни, когда Придон с небольшим войском вышел из Куябы, прошел через встречные куювские войска Антланца и Ратши, как раскаленный камень через рыхлый снег, почти без помех прорвал и его оборону, соединился с Оргостом. В куювском лагере сперва обрадовались, как же, теперь артане в осаде все, даже Придон со своим небольшим отрядом, уже поредевшим, не вырвутся, тут им и смерть, место удобное: излучина реки, берег с той стороны крутой, не выберутся. На всякий случай отгородились глубоким рвом, землю сложили в виде высоченного вала.

Да, никто бы не выбрался, Иггельд был уверен, что Придон в ловушке, но артанский герой сумел темной ночью переправиться со своими телохранителями через реку вплавь, ударил с той стороны и учинил такую резню, что все решили, будто явилось новое войско... А когда всей массой поперли туда, осажденное артанское войско забросало вязанками хвоста ров и ударило в спину.

Стыдно сказать, но артане снова гнали и уничтожали их весь остаток ночи, утро и половину дня, а прекратили преследование только потому, что сами едва держались на ногах

от усталости. Иггельд тогда метался на Малыше, пытался соединить разрозненные бегущие массы, потом просто указывал путь, а когда избиение прекратилось, собирал уцелевших в одно место. Но даже после такой кровавой бойни их оставалось намного больше, чем артан. И когда артанское войско победно вступило в Куябу, Иггельд в ярости заявил:

— Клянусь, ни один из вошедших в наш стольный град с артанским топором в руке не выйдет живым!..

— Клянусь! — прокричал Антланец.

— Клянусь! — сказал Ратша резко.

— Клянусь! — проговорил Вихрян сурово.

— Клянемся! — сказали братья Казан и Осташко, могучие военачальники из племени тугенов.

— Разбить воинский стан, — велел Иггельд, — в виду главных ворот Куябы! Пусть несокрушимый Придон видит, что мы не разбиты. Мы проиграли сражение... мы проиграли много сражений, но войну мы выиграем. Артане будут уничтожены, Куявия станет свободной.

Антланец посмотрел на него, добавил многозначительно:

— И сильной. Теперь вижу, будет сильной.

Стан начали разбивать напротив главных ворот Куябы, но Иггельд не учел, что войск с Антланцем и Ратшей прибыло немерено. За два дня воинский стан превратился почти в такой же по численности город, как и сама Куяба. А люди все прибывали, за неделю город окружили воинским станом, одних шатров для военачальников пламенели сотни и сотни, а когда наступала ночь, то казалось, что само небо опустилось на землю: яркие точки костров тянулись от городских стен по всем направлениям, казалось, до края света.

Артане затихли, из города вылазок не делали, но Иггельд понимал, что взять Куябу так, как взял ее Придон, не удастся, а пытаться взять штурмом — нелепо. Стены сами же сделали настолько высокими, что никому не перебраться. Ворота не пробить никаким тараном, да и сам знал по опыту защиты своей Долины, что тараны — слабая надежда, если на охране ворот не полные олухи.

Иггельд ежедневно объезжал Куябу на коне в сопровождении военачальников, но больше слушал их доводы, чем

смотрел на город. Он столько раз поднимался на Малыше и осматривал город сверху, искал слабые места, что мог нарисовать на песке расположение всех домов и дворцов. А слабых мест... не находил. Придон — великий воин, и хотя о нем говорят лишь как о смелом рубаке и отважном герое, но сейчас выказывает себя умелым полководцем, прекрасно управляется с огромными массами войска, искусно защищает огромный город.

В Куябе масса сокровищ, артане не расстанутся с ними по доброй воле. Скорее с жизнью, чем с такими богатствами. В степной стране, где города только в самой северной части, да и то из дерева, недолговечные, быстро сгнивающие, невозможно накопить сокровища, потому артане ошалели от сказочных богатств Куявии, хватали все, до чего дотягивались руки, поспешно отправляли добычу в Артанию, вереницами тянулись обозы, сюда — пустые, а обратно — нагруженные так, что колеса увязали в земле даже при сухой погоде.

Успели вывезти, по мнению артан, богатства неслыханные, небывалые, сказочные, но на самом деле едва ли десятую часть. Позже отряды повстанцев начали перехватывать обозы, и артане последний месяц все сокровища из других городов, поместий и загородных имений свозили в Куябу, чтобы отправить все под охраной сильного отряда. Так что сейчас в Куябе столько золота, драгоценных камней, дорогих изделий, что ни один артанин с ними не расстанется иначе как вместе с жизнью.

Из ополчения он создал полк, а потом и полчище, укомплектовав доспехами, заменив вилы и топоры на мечи и копья. Теперь, когда артане остались в Куябе да еще в двух-трех городах, можно без помех наладить производство добротного оружия. Они окружили тройным кольцом Куябу, в передних рядах расположились копейщики на случай, если артане обезумеют настолько, что решатся на вылазку, за ними лучники, еще дальше — пешие ратники, и только за ратниками располагалась тяжелая панцирная конница, среди них и расцвели, как дивные цветы, шатры военачальников.

Со спины Малыша хорошо видны бесконечные обозы, все тянутся к стану, туда же — вереницы груженных коней, повозок, телег, все загружено битой дичью, птицей, овощами, фруктами. Мясо гонят в лагерь в виде стад коров, овец, коз, все это кричит, мычит, блеет, воздух дрожит от неумолчного гула, что достигает небес, Малыш в полете вздрагивает и делает огромные глаза, не понимая, что творится внизу.

— К шатру! — сказал ему с загровка всемогущий и всезнающий папа.

Малыш с готовностью наклонил правое крыло, приподнял левое, ветер пошел обтекать по дуге. Пестрая земля начала приближаться, Малыш уцепился взглядом за пурпурное пятно. Когда войско разрослось, Иггельд махнул на все рукой и начал сажать дракона прямо в лагере, слишком далеко, если на окраине. Да и Антланец настоял, вождь не должен считаться с мнением всяких там пугливых, вождь, он на то и вождь, чтобы отличаться от остальных, так что пусть у остальных полководцев только кони, а у верховного — и конь, и дракон.

Народ привычно разбежался, Малыш плюхнулся прямо перед входом в шатер, огромный, роскошный, да только гребень Малыша на уровне флажка на шатре, а в длину впятеро больше. Люди закрывались от ветра, поднятого крыльями, телохранители, тоже отбежав, создали живую цепь и не подпустили посторонних уже и к дракону.

Иггельд поспешно соскользнул на землю, Малыш повернул к нему голову, в глазах вопрос: все ли сделал правильно, Иггельд обнял, поцеловал:

— Сейчас тебя покормят, а потом лети...

Антланец подошел, без боязни похлопал Малыша по широкому лбу.

— Ты чего ребенка гонишь?.. Пусть полежит, отдохнет.

Малыш благодарно лизнул Антланца в лицо. Тот поперхнулся, закрылся руками. Иггельд сказал язвительно:

— Видишь? Сразу сообразил, что защищаешь. А там, глядишь, выпросит, чтобы побегать по лагерю, людей попугать, какую-нибудь конячку сожрать...

Антланец засмеялся, снова с удовольствием похлопал по толстой лобовой плите над глазами.

— Да, сообразительный... Военачальники просят собрать совет. Пора выработать план. Куяба вот она, а еще не знаем, как брать будем.

Иггельд обернулся: белые стены Куябы красиво и вызывающе блещут под прямыми лучами солнца. Хорошо видны фигурки на высоких башнях, на стене их меньше, но не успеешь подступиться, как изнутри по широким ступенькам взбегут сотни и тысячи артан с длинными копьями в руках. Да и не придется отпихивать лестницы, здесь по высоте стена такая же, как и в его Долине, лестницы сломятся под своей же тяжестью.

— Это задача, — согласился он.

— Но ты решишь?

— Решим на совете, — сказал он осторожно.

Антланец оглянулся на пурпурный шатер.

— Красивый, — сказал он, — и красный, что значит вождевый. Но у Мальвреда просторнее. Соберемся там?

— Да хоть где, — ответил Иггельд бездумно.

К ним подходил Ратша, Иггельд перехватил его предостерегающий взгляд, но согласие уже вылетело, Антланец принялся похлопывать Малыша и показывать всем, что и он с драконом дружит, вот тоже обнимается, вместе даже охотились и чуть ли к бабам не ходили в обнимку, Ратша же взял Иггельда под локоть, ввел в шатер и сказал негромко:

— Не забывай, ты — вождь.

— Да вроде бы помню, — буркнул Иггельд, — а что?

— Да так, — ответил Ратша. — У нас слишком привыкли к вольнице, из-за чего артане и бьют постоянно.

— Буду иметь в виду, — ответил Иггельд с натугой. — Ох, не люблю это...

— Ничего, — утешил Ратша бессердечно, — когда тебя злят, ты ведешь себя как вождь. В остальное время, правда, тряпка. Хоть ноги вытирай.

Вечером к его шатру прибыла целая толпа знатных людей, учтиво приглашали на воинский совет, который он же,

оказывается, и собрал. В шатре князя Мальвреда, где уже собрались и почтительно ждут.

Еще издали Иггельд увидел ярко освещенное красным огнем место, полыхает смола в бочках, освещающая целую площадь с самим шатром в середине, слышны из-за шелковых стен песни, пьяные выкрики, громкие голоса. Пышно одетые слуги с низкими поклонами распахнули перед ним тонкий полог, в лицо пахнуло горячим ароматом изысканных блюд, умело зажаренного мяса молодых оленей, запахами дорогих вин.

Князь Мальвред заспешил навстречу, Иггельд стоял столбом, пока князь не взял под руку и не отвел к единственному креслу с высокой спинкой. Слуга поставил перед ним чашу дивной работы, хотел налить вина, но князь отобрал кувшин и собственноручно наполнил по самые венцы.

Иггельд увидел, что все взоры обращены на него, не сразу догадался, что от него ждут, наконец взял кубок с вином и поднялся во весь рост.

— Выпьем за здоровье нашего гостеприимного хозяина!

Он не успел поднести кубок ко рту, как Мальвред крикнул могучим голосом:

— Никто не выпьет ни капли, пока... не воздадим славу нашему герою, нашему полководцу. Нашему освободителю! Первую чару — за него!

Стены задрожали от громовой здравицы. Все стояли со вскинутыми над головами чашами, чарами и кубками. Иггельд с неловкостью поклонился, тоже поднял кубок и, стоя, поднес к губам. Все в молчании ждали, пока осушит до дна, затем, как жаждающие кони, припали к сосудам, и он поверил, что никто еще не пил, а все сидели и смотрели в полные чаши, ждали его появления.

Вино вносили в больших кувшинах с запечатанными горлышками, сразу на столы. Иггельд видел, как вкатили на изящной тележке толстую бочку из сверкающего серебра. Два юных виночерпия, чистеньких и румяных, ловко двигались вокруг столов, наполняя быстро пустеющие чаши.

Иггельд уточнил у Мальвреда негромко:

— Это... военный совет?

Князь понял, широко улыбнулся, скрывая неловкость.

— Велика наша земля и обильна, потому при каждом удобном случае садятся пить и есть, а потом снова едят и пьют. Так уж сложилось, решения рождаются на пирах тцара и его близких! А уже потом, на трезвую голову, заново продумывают, что да как сделать лучше. Дорогой Иггельд, зато всех увидите во всей их дури, спеси, невежестве, отваге, хитрости... Что трезвые прячут, сейчас на виду. Понаблюдайте, это же ваши люди! На них опираться. Но лучше сразу прикинуть, на кого можно опереться, на кого только опустить ладонь, а кого благосклонно одарить улыбкой, но близко не подпускать...

Иггельд положил руки на стол, поглядывал на лица собравшихся, стараясь делать это не слишком явно. Столы сдвинуты плотно, все сидят тесно, касаясь спинами друг друга, воздух горячий, тяжелая смесь пахучего масла светильников с запахами жареного мяса, дорогого вина, пота и пряностей. Все говорят, перебивая друг друга, и чем больше выпито, тем громче и бесцеремоннее речи, откровеннее жесты, заметнее щель между сказанным и недосказанным.

Еще когда шел к этому шатру, видел, как во всем воинском стане начался веселый и бестолковый пир. И хотя стены Куябы несокрушимы, враг силен и отважен, но всех обуюло предчувствие скорого окончания войны, такой позорной вначале и такой успешной теперь. По всему лагерю песни, звенят трубы, пищат рожки, гремят большие бубны, а на телегах все подвозят бочки с вином. Прибыли купцы, днем при свете дня, а ночью при факелах продают яркие ткани, дорогие безделушки, и, дивное дело, народ покупает, у многих все еще оставалось и серебро, и даже золото. Прибыли танцовщики и танцовщицы, а следом и вовсе веселые женщины, далеко не все из них торгующие любовью, есть и просто любительницы мужского общества.

Сейчас же, сторонясь дурацкого, по его мнению, веселья, но избегая обвинений в артанскости, мол, что за куяв: не пьет вина и не ест сала, вынужденно сидел за праздничным столом, вместо того чтобы вольно и красиво ширять в поднебесьях на Малыше, бороться с воздушными волнами, тече-

ниями, потоками, струями, подчинять себе этот мир, он поднимал чашу с вином, отхлебывал — да видят, что пьет, нарезал сало и ел мелкими ломтиками: дескать, артанскость не коснулась.

Мальвред уговаривал Иггельда пить так, чтобы все с ног валились, да не смеет никто пить меньше походного князя, наконец Иггельд разозлился, вызвал двух стражей, те вытащили Мальвреда с его места, Иггельд велел вывести пьяного князя на свежий воздух, его выволокли с охотой всегда приятно применить силу к знатному, Иггельд вышел следом, сказал взбешенно:

— Какой пир?.. Артане все еще в Куябе!..

— Да, но...

Мальвред покачивался в руках дюжих стражей, обрюзгший, оплывший, как воск на солнце. В слабом свете догорающего заката его лицо казалось старым и больным.

— Какие, к черту, «но»? Пьяных не допущу к осаде. Все!

— Однако...

— Молчи, — сказал он бешено. — Ты говорил хорошо и правильно, про пьяных и трезвых, но это только слова, чтобы... Не смей спорить!

По взмаху его руки стражи радостно потащили князя к ближайшей бочке с водой, а уже осень, вода холодная, принялись окунать с головой. Иггельд стиснул кулаки, ноздри раздувались, как у дракона, телохранители бросили ладони на рукояти мечей и так же зло озирались по сторонам.

Иггельд всхрипнул, как конь, пошел, раздраженный, к своему шатру. Вдгонку через стенку шатра доносился стук ножей и звон чаш. Хмельные голоса завели веселую песню про удалого купца и трех купчих. Дюжие глотки подхватили, слышно, как кто-то пустился в пляс.

Малыш лежал у самого входа смирный и печальный. Телохранители, что всегда оставались при шатре, взяли и его в кояцко, не подпуская посторонних.

— Соскучился? — спросил Иггельд.

Малыш, не ожидавший такого скорого возвращения, ринулся навстречу. Иггельд прикрыл лицо руками, отбивался,

терпеливо ждал, пока обрадованный зверь вылизет с головы до ног. Телохранители отступили, закрылись щитами.

— Тихо, тихо, — засмеялся Иггельд. — Дай обниму... а теперь дай взобраться...

Малыш с готовностью плюхнулся на брюхо, глаза изумленные и обрадованные, не часто удается полетать в ночи, похоже, тоже начинает чувствовать очарование, когда над головой звезды и блистающая луна, земля едва просматривается в серебристом призрачном свете, зато из темноты красными огоньками смотрят странные цветы костров, за городскими стенами светятся дома и сараи, а весь огромный город кажется одним сверкающим облаком, где свет множества каганцов сливается в ровное чистое пространство дня.

Он подпрыгнул, часто-часто забил крыльями и взлетел без разбега, что обычно требовался всем драконам, исключая только Черныша. Этому трюку Иггельд учил Черныша долго и старательно, на случай, если попадут в передрыгу, когда не до степенной пробежки перед прыжком в воздух, но Малыш, кажется, научился сам.

Ветер прижал к жесткой спине, ревел в ушах, Иггельд согнулся, еще не остыла злость на глупейший и такой несвоевременный пир, вспомнил растерянное лицо князя Мальвреда, а потом как стукнуло по голове: да он же накричал на этого могущественнейшего из князей, заявил ему, что пьяных не допустит к осаде, и князь даже не пикнул, не удивился и не возмутился, что дикий пастух с гор распоряжается, командует, решает, как осаждать Куябу, кого допустить к осаде, а кого отстранить...

Черт знает что такое... Наверное, князь просто растерялся от такой наглости.

ГЛАВА 8

На высоте Малыш перестал месить воздух, как проворная баба тесто, растопырил крылья и как бы весь распластался, довольный. Ветер сразу утих, зависли в абсолютном без-

молвии, между небом и землей, отрешенные, особые, еще не боги, но уже и не простые бегальщики по земле.

Ночь выдалась на редкость тихая, ясная. Изогнутый серпик луны всплыл сверкающий, умытый, по черному бархату остро горят мириады звездочек, лунный свет падает ровный, чистый, даже очищенный, отбеленный, призрачный. Если присмотреться, на земле тоже множество звездочек: крохотных багровых, алых, пурпурных, даже оранжевых, видно даже густое кольцо из таких звездочек... Каким крохотным выглядит все из поднебесья!

Сейчас там, далеко-далеко внизу, из труб дым поднимается прямой, между небом и домами протянулись сизые веревки. Непотревоженно в тихом, пропитанном ароматами трав и цветов воздухе стрекочут кузнечики, поют сверчки...

Малыш громко вздохнул, оглянулся. Иггельду почудилось удивление и беспокойство в глазах дракона, опомнился, поймал себя на том, что дергается, сжимает кулаки, а сердце стучит громко и часто. Драки с артанами, обустройство войска, теперь осада Куябы — все отвлекает, заставляет думать про эти пустяки, но едва вот так на Малыше и в поднебесье, чтобы никого и ничего лишнего, то сразу прямо в небе очертания ее лица с обвиняющими глазами, горькая улыбка на губах, вздернутые в удивлении брови...

Ураган уже бушевал в груди, вырывал с корнем деревья, ломал дома, заборы, сносил мосты и дамбы. Малыш в нерешительности ударил довольно сильно крыльями, оглянулся, снова растопырился, прислушался, все не может понять, что же сделал не так, что нужно сделать, чтобы им были довольны, чтоб похвалили, чтобы сказали, что он хороший.

Иггельд даже привставал, всматривался в меняющийся образ, губы шевелились, а сердце то стучит так, что готово выпрыгнуть, то замирает, словно перестало биться с того дня, как он обнаружил, что пленница исчезла. Еще тогда на поиски вылетел с остановившимся сердцем и похолодевший, застывший, такого могла бы к жизни вернуть только она, и когда крушащие стрелы героев неожиданно легко пробили панцирь Черныша, тот самый несокрушимый панцирь, ко-

торый никто не мог пробить даже мечом, почти не ощутил ничего, кроме острой тоски, что так и не отыщет ее, так и не скажет ей...

— Ты хороший, хороший, — сказал он невпопад. — Я люблю тебя, невинная душа с перепончатыми крылышками!

Далеко впереди показалась темная туча. В угольных недрах глухо рокотало и блистали сполохи. Он заколебался, не зная, не собьют ли молнии, Малыш степенно шел прямо, не устрашимо, но, кажется, обрадовался, что папочка все же подал знак и направил перепончатокрылого сыночка по крутой дуге вверх. Он сделал вид, что недоволен, не дали подраться с тучей, но послушно пошел свечой.

Туча оказалась массивнее, когда надвинулась, они успели подняться на три ее четверти, молнии засверкали справа и слева, а вместо грохота раздался злой треск, будто ломали сухие стволы деревьев.

Малыш с усилием бил крыльями, темные клочья тучи свивались в тугие комья, их некоторое время несло по бокам. Когда он поворачивал голову, Иггельд заметил в выпуклых глазах страх, детский хохолок на макушке трепетал по воздуху. Оба видели не дальше чем на длину вытянутого копья, по блестящей чешуе плясали синие извилистые молнии.

— Ладно, — сказал Иггельд громко, — мы просто вышли погулять. Попали под дождь, пора возвращаться!

Малыш с облегчением сделал вид, что он бы поратоборствовал с грозой еще, но он такой послушный, такой послушный, поспешно сложил крылья и пошел по косой снижающейся дуге.

Артане, чтобы не дать подкрасться к стенам Куябы незаметно, сожгли все предместья, чувствовали, куявы придут. Прибывшие первыми отряды Ратши еще застали догорающие дома, дым поднимался черными коптящими тучами. Теперь пришлось заниматься и этими плачущими людьми, изголодавшимися, отчаявшимися, он должен думать о том, как предоставить им кров и еду, в его руках сила, а в человеческом обществе сильные должны заботиться о слабых. Его ко-

мандиры занимались тем, что отправляли их в края, где еще уцелели от артанской ярости посевы и дома.

Взять Куябу лобовым штурмом не получится, видели все. С таранами не стоит и пытаться, все равно что лучинкой тыкать в стену, со второй недели прибытия войска умельцы начали мастерить осадные башни. Строили высокими, насколько возможно, чтобы не опрокидывались при движении, укрывали с лобовой стороны железными щитами.

Все войско смотрело, как первая тяжело покатила, застревая на каждой выбоине, к городской стене. По восемь пар высоких колес с каждой стороны, но все равно башня выглядит поставленным стоймя поленом. Со стены смотрели, как на диковинку, не сообразили, что это и зачем, пока там из-за заборчика не поднялись стрелки и не пустили рой стрел.

Трое артан сразу выронили из рук топоры и свалились со стены, в лагере радостно завопили. Куявские стрелки продолжали осыпать артан градом стрел. Еще двое упали, пока артане не спохватились, разбежались, а потом вернулись уже со щитами, привели лучников, началась ожесточенная перестрелка.

Иггельд вызвал Мальвреда, потребовал:

— Давай, князь, думай, как сделать башни еще выше!.. Это потруднее, чем выпивать каждый день по бочке вина...

— Ну не скажи, — возразил Мальвред. — Видать, ты еще не пил как следует. Башни сделать выше нетрудно...

— Так сделай, — приказал Иггельд. — Подумай, если башни окажутся выше стен, то наши лучники смогут бить их на выбор! Тем не укрыться, зато наших достать не смогут!

— Такие башни сделать нетрудно, — повторил Мальвред, — да только не стронешь с места, рассыплются под собственным весом. Уж больно высокие стены поставили наши владыки!.. Сами теперь страдаем.

Иггельд стукнул кулаком по столешнице.

— Эх... Тогда строй побольше числом. Все-таки урон наносим.

— Сделаем, — пообещал Мальвред. — У нас народу мно-

го. От безделья готовы на любую дурь. Но можно и вовсе по-куявски...

— Как?

— Да просто окружить город рвом, ловчими ямами, натывать острых кольев. Конница не прорвется, можно пьянствовать, пока артанам совсем жрать нечего будет. Либо помрут, либо выйдут и погибнут в ямах, на кольях да на косах.

Иггельд поморщился.

— Видимо, я все-таки не совсем куяв. Это лучший путь, признаю, но понимаю, почему артане такой войной брезгают.

Мальвред развел руками, на широком мясистом лице сияла улыбка полнейшего довольства.

— За три дня приготовим десять таких башен!

Ратша и Антланец подошли вместе, у них тоже куча вопросов, но засмотрелись, как и Иггельд, надвигающиеся в их сторону пышные носилки. Их несли четыре дюжих раба, но по тому, как пыхтели и гнули спины, Иггельд решил, что в носилках по крайней мере трехмесячный дракон. Телохранители выступили вперед, рабы взглянули на выставленные копы и торопливо опустили носилки.

Занавески раздвинулись, показался рыхлый и очень тучный человек. Пахнуло животным теплом, как от усталого коня после долгой скачки, выбрался, рабы поддерживали под руки. Когда выпрямился и одернул на себе одежду, дорогую и расшитую золотыми нитями, Иггельд ощутил, что смотрит в лицо очень знатного сановника. Непомерно толстое лицо, жирные щеки, заплывшие глазки, взгляд острый, оценивающий, в скупых движениях осторожность и странное достоинство, чувствуется властность, умение вести себя как с толпой челяди, так и с высокими людьми.

Толстяк с усилием поклонился.

— Черев, — сказал он сдержанным голосом, — наместник Лесогорья, бер из рода Улиновичей, советник тцара Тулея, распорядитель большинства дворцовых или околосдворцовых дел. Я не приносил присягу артанам, просто удалился в одну из деревень, а моими землями управляла родня. Они и ладили как-то с артанам.

Ратша спросил с любопытством:

— А как крестьяне? Не выдали артанам?

Черевое сдержанно усмехнулся.

— И даже сами не повесили. Хотя кто бы им помешал? Видимо, я управлял неплохо. Доблестный Иггельд, я пришел предложить свои услуги. Понимаю, дворец еще не взят, но это дело двух-трех дней. А там я понадоблюсь... Вы даже не представляете, сколько на вас обрушится дел! Я умею отсеивать важное от неважного, а из важного отбираю то, что можете решить только вы. А остальные важные дела могут и долгие решать ваши помощники, как вот...

Он поклонился в сторону Ратши, Антланца. Иггельд кивнул, сказал в некотором нетерпении:

— Верю. Как только дворец захватим, приходите и начинайте налаживать работу.

В лагере с интересом наблюдали за поединками, что разворачивались между лучниками на башнях и стрелками на стене. Так длилось с неделю, потом артане, раздраженные потерями, применили катапульты. Осадные башни начали разбивать, пока те подползали к стене. На каждой такой башне находилось не меньше десятка лучников, а то и по два, почти все гибли под обломками.

Пришлось от башен отказаться, тогда Мальвред придумал насыпать земляной вал, благо народу много, и оттуда вести обстрел. Работы оказалось больше, чем с башнями, зато ее могли делать все, а не особые умельцы, к тому же такой вал можно поднять даже выше стены, работа закипела.

Артане быстро смекнули, чем это грозит, сделали вылазку и всех перебили с великой легкостью. Взбешенный разгильдяйством, Иггельд отрядил большой отряд для охраны. Когда артане сделали новую вылазку, их встретило упорное сопротивление. И хотя артане все же перебили строителей вала, им самим нанесли урон, отступали очень поспешно, а строителей вала и так хоть отбавляй, даже песиглавцы и беричи готовы рыть землю и носить в корзинах к валу.

Иггельд мрачнел, горевал о множестве погибших, но Мальвред утешал сурово тем, что, несмотря на все потери,

народу в лагере становится все больше, Куяба окружена таким плотным кольцом, что мышь не выскользнет. Народ прибывает и прибывает, так что можно отдавать троих куявов за одного артанина — тех в городе больше не становится!

Часть куявов постоянно рыла длинные рвы, куда сваливали всех убитых, как артан, так и куявов, не до торжественных погребений, враг все еще в их святом городе! К счастью, начались осенние холода, по утрам лужи сковывает ледком, а иначе трупы своим зловонием вызвали бы мор в самом лагере.

То и дело являлись делегации от военачальников, настаивали на штурме. Иггельд смотрел в глаза, спрашивал в упор:

— В самом деле полагаешь, что можно вот так в лоб?

Редкий отвечал согласием, но большинство разводили руками:

— Светлый княже, народ зубами скрежешет!.. Я не могу удержать отряд. Если промедлим еще, сами полезут на стену. Перебьют же дурней как мух.

— Что за дурь?

— Не знаю, княже. То ли дурь, то ли стыд наконец-то проснулся.

Он сам видел, что удержать народ нет возможности, это еще не войско, сплоченное железной дисциплиной, а скорее гигантское народное ополчение, всенародное, всекуявское. Он скрипел зубами, но вынужден был согласиться на штурм. Нелепый, преждевременный, неподготовленный, основанный лишь на кипении страстей, он скорее бы назвал это артанскостью, чем присущей куявам осторожностью, мудростью и рассудительностью. Куявы за последние месяцы растеряли остатки благоразумия, а едва собирались по двое-трое, то говорили не о бабах и пьянке, как обычно, а о растерзанной и сплюндрованной отчизне, о жертвенности, о защите отечества, о куявской вере и ценностях куявства, которые тоже нуждаются в защите.

И вот сейчас эти горячие головы, выходя из-под его власти, готовы начинать штурм самостоятельно, если он не разрешит своей волей, не укажет направление главного удара.

Антланец сказал раздраженно:

— Да черт с ними!.. Меньше будет смутьянов. Куда ударить? Да укажи на ворота. Пусть расшибают лбы.

Иггельд жжал кулаки, на лбу собрались глубокие складки.

— Конечно, я хочу послушания... но эти смутьяны не других шлют под вражеские стрелы, а идут сами. Вся их вина в том, что Куявию любят чересчур страстно...

— Во-во, — сказал Антланец, — чересчур. То знать о ней не хотели, а то прозрели!.. Совесть заговорила?

— Слишком долго жили в благополучной стране, — сказал Иггельд с горечью. — Вон артане живут в... неблагополучной, вечно голодают, потому и готовы отдать за Артанию жизни. А нам надо, чтобы петух в задницу...

Рано утром почти десять тысяч человек уже ждали часа с длиннющими лестницами в руках. Впереди собирались толпы мужиков с мешками земли, вязанками хвороста. По сигналу ринулись вперед, сбросили ношу в ров, по ней пробежали охотники с лестницами, приставили к стенам и удерживали, в то время как другие поспешно карабкались наверх.

Артане сбрасывали булыжники, что сразу очищали лестницы сверху донизу, а тех немногих, кому позволяли подняться повыше, спокойно и насмешливо сталкивали длинными копьями. Причем спихивали в сторону, чтобы длинная лестница, скользя по стене, сбивала и валила таких же отважных.

Иггельд наблюдал с холодной яростью. Артане настолько уверены в дурости штурма, что даже не разожгли огонь под котлами со смолой, хотя время было, не сбросили на штурмующих ни единого бревна и, похоже, даже не вызвали на стены подмогу из города.

Антланец сказал за спиной:

— А все-таки кое-чего добились...

— Чего?

— Взгляни на ров.

Рва не было. Его не только засыпали разом вокруг всего города, настолько велики силы атакующих, но кое-где нача-

ли даже насыпать вал, да потом отступили под градом стрел со стены.

— Это уже немало, — согласился Иггельд. — Теперь в самом деле можно думать о серьезном штурме.

Из ее окна видно всадников, что подъезжают группами и поодиночке к дворцу. Блестка гадала, что привело в такое время, но мысли ползли рассеянные и вялые. Самые яркие воспоминания глушила, заталкивала в самый темный чулан памяти: сильные руки, что прижимают ее, бездыханную, к его твердому телу, горячие губы, ту странную волну во всем теле, что поднимается в ответ на его поцелуи...

Снизу доносились грубые резкие голоса, ржание коней. Слышались топот, приглушенные крики, недовольная брань. Мальчишки быстро уводили коней, счастливые, что помогают таким знатным воинам, Блестка слышала стук подкованных металлом каблуков на мужских сапогах — это прибыли из далекого клана улеговичей, там их дальние родственники.

Уже две недели она в родной Арсе, но только вчера родственники наконец-то определились со своим отношением к ней. Сперва же, с ужасом вспоминала тот день, видела всего лишь презрение в глазах родни, сразу призналась, что побывала в постели злейшего врага Иггельда. Только молчаливый Ютлан не оставлял ее, она перестала вздрагивать, когда возникал рядом.

Он за это тяжелое лето сильно повзрослел, раздался в плечах. В свои двенадцать лет выглядел намного старше, хотя оставался все таким же угрюмым и нелюдимым. Почти никто не знал, где спит и ест, в своей комнате появлялся редко, не ночевал. Блестка чувствовала в нем некий темный зов, вздрагивала, но Ютлан всегда тянулся к ней, и она его любила... как любят матери и безобразных детей.

В дверь послышался осторожный стук, она подала голос, в щели показалось испуганное лицо с одним глазом.

— Госпожа, — донесся из коридора робкий голос, — Рокош просит вас пожаловать на семейный совет.

Она грустно усмехнулась, тяжкое время настало для Ар-

тании, если из пещер пришлось выйти их прадеду Рокошу, в прошлом герою-поединщику, потом герою-полководцу, который однажды снял с себя не только оружие, но и одежду, ушел в леса, питался, как зверь, травой и корешками, затем исчез в пещерах, где, как поговаривали, ищет Камень Абсолютной Мощи. Никто не узнал в этом заросшем до колен седой бородой старце известного героя, он вышиб кулаком ворота, прошел в главный зал, где при его появлении сами собой вспыхнули все светильники, за окном зацвело засохшее дерево, а его топор, что висел на стене еще с тех времен, зазвенел, ударяясь о стену.

Теперь этот Рокош взял бразды власти в свои дряблые, но все еще сильные руки. И вся Артания признала его власть... за исключением, конечно же, князя дальних земель, князя Рослинника.

В нижнем зале за огромным столом собрались на совет ее родственники, главы крупнейших родов и земель Артании. Рокош сидел в кресле с высокой резной спинкой, символом власти, рослый, хотя и согнутый годами, с высохшим телом, только толстые жилы говорили о неимоверной силе этого человека. Он уловил ее появление первым, поднял голову. Она спускалась по ступенькам напряженная, скованная, но со спокойным лицом, да не увидит хоть кто-то, что она смертельно напугана, что в груди смятение, что недоброе предчувствие заполонило сердце.

Все смотрели на нее, как ей почудилось, с неким новым выражением. Она остановилась на последней ступеньке, некоторое преимущество в росте, спросила ясным голосом:

— Посылали за мной?

Рокош замешкался с ответом, а остальные смотрели молча, хмуро, в глазах прежняя неприязнь. Блестка провела по ним требовательным взглядом, Рокош поднялся и с легким поклоном, явно вынужденным, указал на свободный стул с высокой спинкой:

— Прошу тебя, Блестка. У нас сейчас важный совет. Займи место, нам очень нужно твое мнение.

Она решила сойти со ступеньки, заметила осторожно:

— Раньше меня не звали на такие советы.

— Раньше у нас было больше мужчин, — ответил Рокош. В голосе прозвучала боль. — Сейчас ты — самая старшая из детей моего внука Осеннего Ветра. И твой голос будет услышан.

Блестка горько усмехнулась. Если бы ее голос был услышан богами, все в этом мире было бы иначе. Все молча ждали, пока она села, положила локти на широкие дубовые поручни, выпрямилась, как и надлежит дочери тцара и все еще артанке.

Рокош не стал садиться, возвышался над столом, высокий и сгорбленный. Бороду по возвращении не сбрил, но сильно укоротил, как и волосы, теперь видно, что этот богатырь еще в состоянии сломить бычий хребет ударом кулака или разбить каменную скалу. Глаза хмуρο мерцали. Блестка не сводила с него взора, и он, не в силах выдержать укора, повернулся и отошел к окну, выглянул, словно очень озаботили привязанные у коновязи кони.

— За эти дни многое стало известно, — сказал он, не поворачиваясь. — Ты не сказала, что нанесла Иггелду тяжелую рану его же кинжалом. Он едва-едва оправился. Ни один из нас еще не скрестил с ним оружия, ты это сделала первая!.. Ты — настоящая артанка, Блестка. И если сразу же не покончила с собой, когда обесчестил, то только потому, что выбирала удобный момент для жестокой мести.

Селигер, ее двоюродный дядя, сказал горячо:

— Во второй раз он бы уже не выжил!

Рокош кивнул.

— Он бы не выжил и в первый, если бы не кольчуга под рубашкой! Вот трус, а? В Куявии не осталось мужчин.

В его грубом голосе звучало безграничное презрение. Блестка сидела, гордо выпрямившись, не шелохнула даже бровью, словно к ней это не относится, хотя каждое слово ранило острее, чем кинжал Иггелда.

Она спросила ровным безжизненным голосом:

— Я счастлива, что стали ко мне относиться иначе. Но, побывав в огне, я перестала быть прежней доверчивой дурочкой. Все меняемся... Теперь скажите мне просто, к чему весь этот разговор?

Селигер досадливо крикнул, но смолчал, глаза беспомощно отыскали Метаву, но тот опустил взор долу. Блестка посмотрела в упор на Севежа, этот никогда не уронит взгляд и не опустит голову, но тот сделал вид, что рассматривает топоры на стене за ее спиной.

Рокош посмотрел на всех по очереди, лицо затвердело, кожа на скулах натянулась до блеска. Глаза как будто окаменели, даже голос прозвучал мертво, словно шел из каменной стены:

— Я вижу... все согласны, чтобы сказал я. Дело в том, Блестка, что единственные, откуда не послали своих мужчин на войну с Куявией, это племя князя Рослинника. Даже из земель Тхора пришли, а это самые непримиримые наши враги, но Горицвет отдал жизнь, чтобы покорить их и ввести туда законы Артании... но Рослинник... этот остался. Слышала о землях, куда еще не ступали копыта наших коней?

Она кивнула.

— Слышала.

— Так вот, получилось, что Рослинник сохранил всех своих людей. В Артании впервые такое неустойчивое положение.

Он умолк, заколебавшись. Все молчали, она сказала негромко, не сумев убрать сильнейшую горечь из голоса:

— Неустойчивое? Это значит на вашем мужском языке воинов, что он сейчас сильнее. Верно?

Все снова промолчали, отводили взгляды, только Севеж кивнул:

— Не совсем верно, Блестка, но ты понимаешь... Нам только междоусобицы сейчас недостает! Неважно, кто победит, но крови прольется немало.

Она горько усмехнулась.

— Когда это артан страшила пролитая кровь? Или сейчас уже страшит?

— Когда это кровь своих воинов, — сухо ответил Рокош, — и когда ее и так мало... Словом, старейшие мужи приняли предложение Рослинника отдать тебя ему в жены.

Голос его прервался, Блестка видела, как дернулся кадък, словно сглотнул ком в горле. Все отводили взгляды, и

по общему молчанию поняла недосказанное: Рослинник получит право и на трон в Арсе. Он станет новым тцаром Артании. Он заслуживает, так как сумел уберечь своих людей от жестокой кровавой и абсолютно ненужной войны с Куявией, копил силы, не давал вторгаться в свои владения, а когда Артания резко ослабела, делает молниеносный рывок к власти.

Она поднялась, все воззрились в сильнейшем удивлении, спохватилась, села, лицо неподвижное, но голос прозвучал едко:

— До этого времени женщины Артании были вольны в своем выборе!

— Ты не просто женщина, — подчеркнул Рокош. — Ты — единственная тцарская дочь. От твоего брака зависит очень многое. Слишком многое!

Она кивнула, ответила с той же горькой иронией:

— Значит, наши свободы являются свободами лишь до тех пор, пока никого не задевают.

Рокош сделал отметающий жест.

— Блестка, я не хочу влезать в споры. Я вышел из пещер, чтобы спасти положение... а потом уйду снова. Придон прислал из Куявии сына богоравного Скилла и назначил его наследником Артании и Куявии разом. Когда выберем совет, чтобы вырастил его достойным и передал ему власть, я умру спокойным. А сейчас совет сказал свое слово. Что ответишь ты?

— А чего вы ждете?

— Ответа, — сказал Рокош строго, — достойного дочери Артании.

— Ах да, — ответила она с насмешкой. — А дочь Артании должна уметь жертвовать своими интересами ради интересов страны? Только что не признавали меня дочерью Артании... пока не оказалось, что могу принести пользу!.. Эх, мудрец, много лет провели в пещерах, но так и не поняли важного... Ладно, отвечу сразу, не выпрашивая время на раздумье. Катитесь к Ящеру, вот мой ответ!

Она поднялась, гордая и с прямой спиной, и, не глядя ни

на кого, словно никчемные слуги или просто забредший в комнату скот, вышла, глядя прямо перед собой, держа лицо, плечи, спину неподвижными.

...Верховный жрец призвал милость богов к кувяскому войску, его помощники разошлись по лагерю. Везде приносили жертвы, сжигали на плоских камнях сердца волков и медведей, дабы боги даровали победу. Военачальники уводили войска и ставили перед своим участком стены. Иггельд, имея такое преимущество в людях, решил начать штурм со всех сторон. Если у артан и хватит людей, чтобы защищать стены по всему периметру, то все переменится, если где-то удастся прорваться, перелезть или пробить стену.

А пробивать намеревался сразу в трех местах. Антланцу удалось склонить на свою сторону горных гномов или же не столько склонить, сколько купить, пообещав им в полное распоряжение новые рудники. Они обещали проникнуть под стены и обрушить их слева от городских врат, где сразу откроется малая площадь на противоположной стороне города, а самое главное — тайный проход во дворце Бивингов, так как дворец вплотную примыкал к ней. А уж из дворца множество дверей вели как в город, так и на стены.

Елинда больше всего возлагал надежд на этот дворец, в нем можно сразу укрепиться, а из окон трехэтажного здания легко обстреливать артан в городе. Он уже собрал самых отважных и отчаянных сорвиголов, ждал только сигнала.

Рогоза выставил свои полки на той стороне города, Ясинец подготовился к штурму со стороны главных ворот, а остальные разобрали лестницы и готовились карабкаться на стены. На этот раз многие запаслись веревками с крепкими крючьями.

Иггельд вышел из шатра — тесно, растопырил руки и покорно поворачивался, а двое оруженосцев прилаживали тяжелые доспехи поверх кольчуги. Под кольчугой толстая вязаная рубаха из козьей шерсти, что сама по себе держит наколенники стрел и старается не пропустить к телу острые лез-

вия. Антланец собственноручно нахлобучил полный шлем с прорезями для глаз, что надежно закрывает уши и затылок, пробасил:

— Больно дуреешь в бою, прешь, как лось по весне!.. Если соратники не успеют прикрыть тебе спину, пусть хоть железо прикроет...

— Да ладно тебе, — буркнул Иггельд. — Я ж буду это... руководить штурмом.

Антланец хмыкнул:

— Знаю я твое руководство. Первым ринешься. Даже знаю, почему.

— Почему?

— А дурак потому что, — сказал Антланец хладнокровно. — Стыдно, видите ли, что другие проливают кровь, а ты за их спинами. Дурак, ты не за спинами, а издали руководишь боем! Можно даже с дракона!

Иггельд посмотрел поверх массивного плеча Антланца на огромную долину, заполненную людьми с оружием так, что скоро начнут задыхаться от тесноты.

— Хорошо. Тогда начинаем.

Антланец рывкнул весело:

— Наконец-то!.. Позволь, по старой дружбе, ударить по главным вратам?

Иггельд спросил хмуро:

— Зачем?.. Или горишь мстью, что тогда тебя так изранили? Антланец, ты гораздо ценнее во главе ста тысяч, чем во главе десятка. Ты — князь. Забыл, как умело снабжал мою Долину продовольствием? А кто, как не ты, первым начал собирать ополчение? Более того, я хотел тебе поручить...

Он задумался, заколебался, неожиданно пришла совсем другая мысль, дикая, нелепая, нахлынуло такое отвращение к звону мечей, яростным крикам, виду крови, разрубленных голов, что поморщился, сквозь стиснутые зубы вырвался глухой стон. Антланец спросил растерянно и с испугом, что так не шел к его огромной массивной фигуре:

— Что?.. Хочешь меня отстранить?

— Нет, — ответил Иггельд медленно, — совсем напротив. Ты очень хорош, Антланец! Ты живешь этим, замечаешь ка-

ждую мелочь, от тебя не укроется ни треснувшее копыто во всем войске, ни слабо затянутый ремень под челюстью, ни плохо заточенный меч... Потому хочу поручить большее, чем просто ломиться в запертые ворота.

Антланец как будто даже посерел лицом, выпрямился, а с его фигурой это страшно, взбугрилась чудовищная грудь, раздались плечи. Взглянул почти враждебно:

— Что?

— Взятие Куябы, — ответил Иггельд.

Антланец опешил. После молчания спросил густым, но на последнем слове сорвавшимся в бездну голосом:

— Взятие... взятие всей Куябы?

— Да, — ответил Иггельд. Улыбнулся. — Ты жаден до воинской славы, я — нет. Руководи взятием, твое имя войдет в летописи! О тебе будут грезить женщины. Все еще будет!

Антланец покачал головой, в глазах изумление, радость и сильнейшее недоверие, что сменилось вовсе непониманием.

— Иггельд... Ты отказываешься от такой славы?

— А зачем она мне? — ответил Иггельд угасшим голосом. — Обо мне не грезят.

— Ну да, — возразил Антланец. — Я точно знаю...

— Для меня все женщины, — оборвал Иггельд, — в одной-единственной. Ладно, давай сигнал!

Антланец повернулся, вскинул руку, подержал, резко опустил. Зазвучала труба, справа и слева тут же повторили сигнал, звонкий зов покатился по всему лагерю, дальше и дальше, медленно охватывая исполинским кольцом гордо вздыбленный, как вставший на дыбы конь, город. Трубы звучали и звучали, кровь вскипала в жилах, пальцы судорожно сжимались на рукояти меча. Только что чувствовал отвращение к любым схваткам, но сейчас властная сила, более могучая, чем он сам, взяла его и потащила, повлекла, заставила кивком подозвать оруженосца с конем, привычно скрипнуло седло.

Мимо пробежал Вихрян, жуткое безбровое лицо горит ненавистью, он указывал вытянутым мечом вперед, хрипло кричал, за ним неслись вооруженные люди.

ГЛАВА 9

К обеду удалось захватить шесть домов, сквозь проломы вливались новые войска, артане дрались яростно, каждая пядь земли полита кровью, трупы лежат плотно, поставить ногу негде. Иггельд изнемогал от жары, тяжести доспехов, кое-как выбрался обратно, мимо него бежали к пролому люди, мелькали топоры, копья, мечи, палицы, грохотала земля под копытами, а он позволил подхватить себя под руки, усадить на колоду, кто-то сунул бурдюк с молодым вином, горло обожгло холодом.

Из пролома вывели Вихряна, ноги подгибались, усадили рядом. Иггельд передал бурдюк, Вихрян прохрипел:

— Благо... дарю... Что за... бой... Никогда...

По обезображенному лицу текли не капли пота, целые струи. Он припал к бурдюку жадно, пил долго, все не мог оторваться, иссушенное тело требовало влаги, в горле сипело, а грудь часто вздымалась.

— Ничего, — проговорил Иггельд. — Надо только, чтобы это — последний...

— Размечтался, — сказал Вихрян хрипло.

— Будем стараться, — сказал Иггельд, — чтобы без войны.

Он поднялся, в теле все еще усталость, но молодое тело набирает силы быстро, меч снова потерял вес, Вихрян тоже поднялся, Иггельд велел:

— Посиди, переведи дух.

— А ты?

— Уже наотдыхался.

Вихрян ответить не успел, по земле пробежала косая тень. Ярко-зеленый, как молодой листок, дракон быстро снижался, уже выставил лапы с огромными блестящими когтями и свесил голову, высматривая место для посадки. Народ разбежался, дракон ударился о землю, пропахал борозды и сразу улегся. Голова упала без сил, бока схлопывались часто, из полураскрытой пасти вырывались клубы дыма.

Со спины скатился Шварн, бледный, с безумно вытаращенными глазами, на голове кровь, упал на землю и, приподнявшись на руках, закричал с надрывом:

— Иггельд!.. Иггельд, беда...

Иггельд бросился к нему, Шварн с трудом поднялся, сделал шаг, ноги подломились. Он упал на колени, Иггельд подбежал, рядом оказался Вихрян, подхватили под руки. Голова Шварна запрокидывалась, коричневые ступки накрыли раны на щеке, испятели рубашку, но потерял крови явно много, глаза закатываются, оба едва слышали шепот:

— Беда... артане...

— Что? — вскричал Иггельд страшным голосом. — Что артане? Захватили Долину?

— Еще нет, — прошептал Шварн, — но... Аснерд в ярости... Погибли оба его сына... Нет, один погиб, другой ушел...

Иггельд напрягся, но спросить про Яську не успел, вмешался Вихрян, спросил быстро и требовательно:

— Что с обороной?

— Вот-вот рухнет... Аснерд обезумел... Говорят, принес кровавые жертвы и упросил богов всю оставшуюся жизнь вместить в один сегодняшний день! Теперь он бессмертен, Иггельд. Бессмертен и неуязвим. Схватил топор и рубит ворота. На него валят целые скалы, но ему все нипочем... Артане гибнут, но рвутся на приступ. Им уже давно не присылают ни катапульт, ни людей. Они знают, что обречены... Иггельд, у артан сейчас Вяземайт, это его заклятия помогли сдвинуть камень от ворот! А в Долине беженцы, драконы, семьи, дети, Барвник, Иргильда, все богатства, что ты привез...

Иггельд в бессилии огляделся, стиснул кулаки. В пролом вливается нескончаемая лента куявского войска, в городе захвачен, похоже, еще один дом. Шварн смотрел с надеждой, но молчал, здесь, оказывается, еще важнее — великая битва за взятие столицы, последняя схватка с артанами...

Вихрян побледнел, страшное обезображенное лицо налилось тяжелой кровью. Казалось, она сейчас брызнет наружу, в глазах впервые появился страх. Иггельд оглушительно свистнул. Над лесом показался летящий прямо над верхушками деревьев черный дракон. Иггельд указал на землю, Малыш послушно начал снижаться. Вихрян ошалело вертел головой, ну и слух у этих рептилий. Когда дракон выставил лапы и

опустился, Вихрян подхватил меч и бегом бросился к дракону, обгоняя Иггельда.

— А ты куда? — крикнул Иггельд.

— С тобой! — крикнул Вихрян.

Иггельд ухватил за плечо возле дракона, сказал торопливо:

— Вихрян, ты не десятник, верно? Но что бы с тобой ни случилось раньше и кем бы ты ни был, тебе лучше остаться. Я, командующий всей этой армией, оставляю тебя вместо себя! Я знаю, что ты сумеешь руководить лучше меня. Это великая честь, а имя человека, который ворвется во дворец Тулея, будет прославлено и... очищено, если в прошлом чем-то себя и запятнал. Возьми центр города! Ты вернешь себе все, что потерял, и... обретешь намного больше, чем имел.

Губы Вихряна дрогнули в горькой усмешке.

— Спасибо, Иггельд, за честь. Ты сам отказываешься от такой громкой славы... ради чего? Всего лишь чтобы не пустить врага в крохотную горную долину. У тебя там более дорогое, чем слава спасителя Куявии. Так ведь?.. Спасибо, Иггельд. Тогда поймешь... у меня в той долине тоже нечто дороже, чем... чем громкая слава героя, освободившего Куябу.

Иггельд смотрел непонимающе, чуть не брякнул, что не видел Вихряна среди любителей драконов, но что в Долине может быть еще ценного, помимо драконов?

Завидя их возле Малыша, с криком подбежал Ратша:

— Что стряслось?

— В Долине беда, — сказал Иггельд торопливо.

— А что со штурмом?

— Продолжайте! Продолжайте!.. Теперь Куяба почти наша!

Ратша выпрямился, плечи раздались в стороны, в нем появилась величественность, от всей фигуры повеяло силой и властью, он открыл рот... посмотрел на Иггельда и Вихряна, что карабкались на дракона, заорал:

— Ах, а вы, значитца, бла-а-агародныя?.. Пожертвовали мне от щедрот?.. Так вот вам...

Он понесся, как разъяренный бык, с разбега прыгнул на переднюю лапу дракона, покарабкался наверх, ни разу не

поскользнувшись на гладких как лед костяных пластинах панциря Малыша, на спине плюхнулся между шипами гребня и победно посмотрел на обоих. Иггельд закричал во весь голос:

— Антланец!.. Антланец!.. Все на тебе — все! Не вздумай отдать Куябу!

Антланец заорал издали, на бегу:

— А вы куда?

— Ненадолго!.. Артане прорвались к драконам...

Малыш прыгнул, ударил крыльями. Его швырнуло вверх, внизу люди пригнулись от сильнейшего удара ветра. Кто-то упал, его покатило, другие присаживались на корточки, только Антланец не шелохнулся, смотрел вслед быстро исчезающему дракону.

Дракон нес их легко, быстро, гордый тем, что любят, приказывают, хвалят. Шварн на своем драконе вскоре отстал, затерялся в облаках. Вообще Иггельд велел ему дать отдохнуть себе и дракону, но Шварн заявил, едва держась на ногах, что сейчас в Долине дорог каждый человек, тем более дракон. Даже усталый дракон — дракон, а не овца.

Горы проплывали внизу с устрашающей медлительностью. Иггельд дергался, но не подгонял Малыша, тот и так, чувствуя нетерпение хозяина, машет крыльями изо всех сил, под ногами Иггельда скрипят шитки, стонут могучие легкие, вздуваются и опадают бугры мышц, похожие на ожившие холмы.

Все сидели, согнувшись и скорчившись, свирепый ледяной ветер пронизывал до костей. Облака проплывали далеко внизу, похожие на заснеженное поле. Но скоро дракон пошел по длинной дуге вниз, облака начали разрастаться, пошли навстречу. Иггельд первым увидел Долину, вскрикнул в отчаянии. Серая каменная стена уцелела, но обломки ворот на земле, через жуткий зияющий пролом блистающим голыми плечами потоком вливаются артане. Пролом мал, десятки человек, яростно орудуя топорами, расширяют дыру, но это простые воины, а страшные нечеловеческой мощью артан-

ские герои уже в городе, в Долине, где драконы, где в одной из пещер дракониха Сапуха, с ней двенадцать дракончиков, на них столько надежд, им исполнилась пара недель, не больше...

На месте артанского лагеря пустота, горы трупов за полет стрелы от стены в обе стороны, потом Иггельд понял, защитники, видя, что выдержать напор не могут, сами разбили ступеньки, ведущие на стену. Стрелки там, наверху, осыпают бегущих артан роем стрел, но те, как хищные муравьи, устремляются к цели, через город... к пещерам.

Мальш закричал страшным скрежещущим голосом. У воюющих ослабели тела, рукояти выскользнули из омертвевших пальцев, а с неба, как огромное огненное копьё, ударила жаркая струя огня. На земле расцвел страшный огненный цветок с загнутыми кверху лепестками. Крики донеслись громче, заметались горящие люди. Иггельд заставил дракона сесть прямо на площади. Ратша и Вихрян соскользнули на землю, встали на пути бегущих артан.

Мальш снова дохнул огнем, два десятка человек, бегущих навстречу, вспыхнули, как живые факелы. Раздался страшный крик, артан отшвырнуло горячим вихрем, как горсть соломы. Мальш покосился на Иггельда испуганными глазами: правильно ли делаю, Иггельд прокричал:

— Правильно!.. Молодец!.. Убивай чужих, убивай, убивай!

С мечом в руке ринулся за обнаженными до пояса одинаковыми людьми, что сумели проскочить раньше, сейчас несутся к пещерам и ныряют в них, быстрые, как голодные волки. Ратша и Вихрян остались с Малышом, к ним сбегались уцелевшие горожане и воины, собрались в отряд и, как могли, перегородили дорогу, хотя часть артан ухитрилась огибать их по широкой дуге, спеша к пещерам.

Иггельд бежал со всех ног, в черепае стучала только одна мысль: боги, не допустите, не допустите, чтобы эти люди добрались до выводака, на который Апоница возлагал столько надежд, над которым плакал и пел от счастья...

Его меч взлетал, бегущее впереди обнаженное до пояса тело вздрагивало, Иггельд догонял следующего, снова взмахивал тяжелой полосой остро заточенной стали. Изрытая пе-

щерами стена приближалась, оттуда глухой шум, ноги начали подкашиваться, но он наддал сильнее, добежал, задыхаясь, убил в спину еще троих и ухватился за каменный выступ, чтобы не упасть от ужаса и отвращения.

Навстречу вытекает ярко-алый ручеек, уже ручей, но это не кровь дракона, та намного светлее, а от вида этой холод по коже. Широкий вход вдернул его в пещеру, глаза еще не привыкли после яркого солнечного дня к полутьме, но там в глубине — звон металла, тяжелое дыхание, ругань и звуки ударов железа по дереву, металлу, плоти.

Трупы загораживали дорогу, перепрыгивал с разбегу. Глаза быстро приморгались, у дальней стены грохот, лязг, крики, пахнет смертью. Сражается дюжина человек, один из них, настоящий гигант, каждым ударом повергает нового противника, Иггельд наконец понял, что это и есть Аснерд, знаменитый несокрушимый Аснерд, что проломил стену и убил драконов, убил двенадцать беспомощных дракончиков...

Бешенство захлестнуло мозг, на миг показалось, что бежит через лютую ночь с замерзающим Чернышиком за пазухой, а этот человек выдернул на мороз и жестоко убил...

Он услышал свой яростный крик. Тело налилось звериной силой, перепрыгнул вал из трупов, вскрикнул:

— Все наружу!.. Я убью его здесь!

Люди, что сперва застыли от нечеловеческого крика, замерли, потом попятились к выходу из пещеры. Остался Аснерд, выше всех на голову, вдвое шире в плечах, плоть от плоти этих камней, гранитное тело, голова как валун, горящие глаза. Иггельд сквозь грохот в ушах услышал удивленный рев:

— Иггельд?.. Вот что жизнь делает с человеком!

Он шагнул вперед, слегка прихрамывал, кровь заливала лицо, раны покрыли грудь, плечи, спину, но на лице боевое иступление, свирепая радость. В руке забрызганный кровью топор, его не смогли бы поднять и десять человек, но Аснерд двигал им с легкостью. Вторая рука свисала вдоль тела, Аснерд явно старался пошевелить пальцами, с каждым разом двигались лучше, сжимались в кулак, а под гладкой как камень поверхностью руки вздувались толстые мышцы.

— Ну что, — зарычал он ликующе, — разве я не выполнил клятву?..

Иггельд перевел дыхание, ослепление начало покидать разум, но холодная ярость осталась. Он шире расставил ноги, взгляд стал прицельным.

— А теперь я выполню свою, — ответил он.

— Какую? — спросил Аснерд.

Он остановился напротив, перевел дыхание, острые глаза следили за каждым движением Иггельда.

— Ни один артанин не уйдет, — ответил Иггельд. — А пленных не берем.

Аснерд глубоко вздохнул, повел плечами. Раны на глазах устрешенного Иггельда затянулись, кровь свернулась в коричневые комочки и осыпалась на землю. Аснерд расхохотался, сделал шаг вперед, поднимая огромный топор.

— Ты забыл, — сказал он почти жалеюще, — что я из рода горных великанов.

— Но это мои горы, — ответил Иггельд дрогнувшим голосом. — Не твои.

Топор и меч сшиблись в воздухе. Руки онемели, Иггельд ощутил, что еще чуть, и выпустит отяжелевшую рукоять, отступил, но Аснерд остался на месте, на широком лице расплылось изумление. Он перехватил топор другой рукой, Иггельд все понял, но переключивать меч в левую не стал, онемение проходит, бросил быстрые взгляды по сторонам. Слышно, как на выходе из пещеры идет бой, артане здесь, врываются в дома, повсюду лязг железа...

Он стиснул челюсти и сам шагнул вперед. Аснерд всхрапнул, как огромный конь.

— Силен, волчонок... Но настолько ли?

Он вскинул топор, страшный звон железа, даже у входа в пещеру люди глохли и падали на колени. Аснерд взревел, ударил снова, снова. Иггельд всякий раз парировал удары, трещали руки, плечи, заныла даже шея, он содрогался всем телом, задержал дыхание.

Аснерд прорычал:

— Ну что, волчонок? Язык проглотил?.. От страха поджилки трясутся?

— С мертвецами не разговариваю, — ответил Иггельд и вновь ощутил, что голос звучит сильно и ясно. В тело таким водопадом хлынула неведомая мощь, что едва не закричал от чувства, что сейчас разорвет на куски. — Твой день кончился, Аснерд!

Аснерд остановился, Иггельд смотрит, как лев на молодую дрожащую лань.

— Ты... — проговорил Аснерд дрогнувшим голосом.

— Да, — ответил Иггельд, в ответ над головой прогремел гром, а в горах прокатилось эхо. — А мой — начался.

Он сделал быстрый шаг навстречу, Аснерд вскинул топор. Сверкающее лезвие рассекло железное древко топора, голову Аснерда и остановилось, застряв на уровне челюсти. Грузное тело качнулось, начало заваливаться назад, увлекая за собой Иггельда. Он с силой дернул меч, лезвие пошло обратно со скрипом, будто выдвигалось из огромного каменного валуна. Аснерд грянулся оземь, земля вздрогнула, под массивным телом быстро растекалась красная лужа.

Из-за спины бил яркий трепещущий свет, у входа все еще сражались, оттуда доносились крики. Аснерд лежал на спине, огромный, с рассеченной головой и залитым кровью лицом. Руки разбросал в стороны, могучий и красивый, сумевший выполнить все свои клятвы, проживший красивую жизнь и погибший, как и хотел, — красиво.

Усталость рухнула на плечи, как падающая гора. В глазах потемнело, он ухватился за стену и, цепляясь за камни, кое-как выбрался на яркий свет. Ветерок опалхнул лицо прохладой. Перед пещерами множество тел, да и дальше, сколько достигает глаз, землю усеивают трупы. Ни один артанин не ушел, да и не пытался: их цель была ворваться к драконам — это сделали. Даже когда бежали мимо домов, а в них бросали с крыш камни, горшки, мебель, стреляли из луков, никто не повернул, не бросился в дома. Устремились в пещеры, бросились на драконов, гибли сотнями, но убили Скулана, Ворчуна, Ушана, Сапуху и всех ее детенышей.

Он стоял, покачиваясь на дрожащих ногах, во рту жгла едкая горечь. Что Куяба, всего лишь город, там всего лишь люди. С нашествием покончено, уже понятно, чья Куяба че-

рез несколько дней даже без штурма, после обычной осады. Здесь же рухнуло все... Драконов нет в обжитом мире, если не считать Малыша и Храпуна. Самку надо искать в диких местах, где не ступала нога человека. Там драконы могут быть... но могут и не быть, и тогда получится, что артане выполнили возложенную на них Творцом великую миссию. Если волхвы не наврали насчет их предназначения.

Вдали пробежал человек с поднятым над головой коротким мечом, прокричал:

— Иггельд!.. Иггельд — в твоём доме... Скорее!

Он вздрогнул всем телом, первой мыслью было безумное: Блестка, но тут же отбросил дикую мысль, откуда в его доме сейчас эта гордая артанка, заставил себя отпихнуться от надежного камня и поспешить к домам, ветер обжигал кожу холодом, сил прибавилось, вскоре почти бежал, словно Блестка в самом деле там, ждёт...

От его дома страшный трепещущий свет, будто перед невыносимо ярким светильником часто-часто взмахивает полупрозрачными крыльями бабочка. Этот жуткий свет бросал на землю и на весь мир мертвенные тени, что двигаются, дергаются, пугающе закружилась голова.

Жуткий свет вырывался из окон и распахнутых дверей. Через площадь дома стали прозрачными, как горный хрусталь, а скала из темного гранита обрела глубину, превратилась в огромную глыбу льда с замороженными листьями, водорослями, лягушками. Свет тек по земле, там вспыхивали искры, поднимался белый как мел туман.

На площади перед домом еще длился бой, слышался громовой рев Ратши. Иггельд ворвался в дом, глаза успели привыкнуть и к трепещущему свету, что стал уже слабее, все двери распахнуты, свет блещет в нижнем зале, под ноги выкатился полумертвый человек в горячей одежде, побежал на четвереньках, завывая от ужаса. Иггельд с мечом в руке вбежал в зал...

Вяземайт — он узнал его сразу по длинным седым волосам — медленно надвигался на Барвника. Тот в лохмотьях обгорелой одежды скорчился в углу, ноги дергаются, пытался отползти, на бледном перекошенном лице отчаяние. Вме-

сто пустого рукава, раньше заправленного за роскошный пояс халата, жалко болтается культипка, не длиннее ладони. Халат распался на клочья, на груди Барвника дымится мясо. Иггельд с тошнотой уловил запах горелой плоти.

В двух шагах, лежа на спине, жадно хватал воздух Вихрян. Даже Иггельд понял, что Вихрян живет последние минуты: железо доспехов сгорело, оплавилось, испепелив кожу и глубоко войдя в плоть. Он хрипел, кровь выступает изо рта и тут же застывает коркой от страшного жара, но все пытался привстать. Иггельд наконец увидел, кого старается закрыть своим телом: над ним наклонилась, стоя на коленях, неподвижная, как статуя, вся в сером, Иргильда. Из ее глаз непрерывным дождем падали крупные слезы.

— Вяземайт! — закричал Иггельд страшным голосом. — Аснерд убит!.. Артане гибнут!

Вяземайт быстро повернулся. Лицо перекошено, со лба срывались крупные мутные капли. Он весь дрожал от напряжения, с вытянутых рук разлетались языки белого трепещущего огня, вонзались в грудь Барвника. Тот, сцепив зубы, все еще шептал, творил заклатья.

Иггельд быстро шагнул к Вяземайту и вскинул меч. Вяземайт рывком выбросил обе руки в сторону Иггельда. Острые струи огня вонзились Иггельду в грудь. Он остановился, потрясенный, словно дерево, по которому ударили молотом.

Вяземайт тяжело дышал, от лица и глаз шел чистый ясный свет.

— Мы все умрем, — прохрипел он. — Но... Артаня спасена...

Иггельд крикнул:

— Она погибла!

— Нет, — шепнул Вяземайт хрипло, — не поймешь... Наши жизни — что? Могу сейчас в Вантит или за дальние моря... Даже в свою Артанию... Но — зачем? Мы выполнили...

Он выбросил из обеих рук грохочущий огонь. Иггельд содрогнулся всем телом, но с изумлением ощутил, что цел, даже не ранен.

— Вяземайт! — вскрикнул он. — Это мои горы... Что твой

огонь Степи против моих ледников, моих снежных шапок, замерзших озер?

Лезвие обрушилось, как молния с грохочущего неба. Вземайт даже не вскинул руки, не стал защищаться, хотя Иггельда кольнула острая мысль, что старый волхв мог бы исчезнуть из-под удара. Стальная полоса раскроила голову и остановилась в середине груди. За спиной хрипело, Иггельд быстро выдернул меч из мертвого тела и развернулся в одно движение.

Иргильда кричала отчаянно Барвнику:

— Он умирает!.. Он умирает!.. Сделай что-нибудь! Спаси!..

Барвник дышал тяжело, в груди хрипело, на губах выступила пена. Глазные яблоки повернулись с таким трудом, что даже Иггельд ощутил, как трудно умирающему Барвнику что-то сказать или сделать.

— Он умирает!.. — прокричала Иргильда отчаянно. — А он снова защитил тебя... Тебя, мерзавец!.. Тебя, сделавшего его таким... Сволочь! Мерзавец!.. Как ты мог?..

Иггельд сделал к ним шаг и остановился. Боевой жар покидал тело, меч стал тяжел, а в груди разлилось тяжелое чувство беспомощности.

Барвник захрипел, взгляд обратился на Иггельда, потом, видя, что Иггельд уже перед ним, снова на Вихряна. Иггельд, страшась, что не так понял, поспешно бросился к умирающему воину, ухватил и, не поднимая, чтобы не причинить еще большую боль, перетащил ближе к Барвнику. Иргильда с плачем ползла на коленях, бережно поддерживая Вихряну голову.

Барвник перевел взгляд на Иргильду, Иггельд вздрогнул, ощутил непонятное колебание старого мага. Истончившаяся душа уловила жадную тоску по Иргильде, которая, оказывается, вовсе не злобная и высокомерная дрянь, это всего лишь защитный панцирь на душе, как на теле носят мужчины, Барвник всегда знал это и хотел ее, у него чувство огромной вины перед ней...

Рука Барвника рывками скользнула к груди, пальцы нащупали на цепочке серый камешек размером со смятую грушу. Иргильда торопливо села рядом с Вихряном, положила его обезображенную голову себе на колени. Узкая холеная

ладонь с великой нежностью легла на изуродованный лоб, вбирая боль и нестерпимый жар. Слезы бежали по смертельно бледным щекам, падали ему на лицо. Вихрян с трудом раздвинул губы в благодарной усмешке.

Она увидела, зарыдала громче, Иггельд удивился, с какой невероятной нежностью сняла голову Вихряна и опустила на пол, а сама на коленях подползла к Барвнику, слезы безостановочно текли по прекрасному холеному лицу.

— Спаси!.. Он отыскал меня и через двадцать лет!.. У меня только он, только он... Спаси, умоляю тебя!.. Спаси, сделай что-нибудь!

Она рыдала, умоляла, кричала, повернулась к Вихряну и упала ему на грудь, иступленно целовала его обезображенное тело, отпрянула и развернулась к Барвнику, глаза ее казались слепыми от неистовой боли.

— Спаси!.. Умоляю, умоляю, умоляю!

Она бросилась целовать руку Барвника, исцеловала его пальцы, орошая их слезами. Он с трудом высвободил руку, между пальцев потекли мелкие колечки цепочки. Иггельд вздрогнул под взглядом мага, говорить тот не мог, но взгляд сказал многое. Иггельд выхватил кинжал и торопливо раздвинул стиснутые в предсмертной судороге губы Вихряна. Глаза воина уже заволакивало пеленой. Иргильда рыдала, снова упала на обезображенную грудь. Дрожащая рука Барвника тянулась толчками, но застыла на полпути.

Иггельд торопливо выхватил крохотный кувшинчик из руки мага и, все еще придерживая кинжалом разведенные челюсти Вихряна, вылил чародейское снадобье в рот. Иргильда подняла голову, неверящими глазами смотрела то на Вихряна, то на Барвника.

Старый маг взглянул на нее, во взгляде было прощание со своей единственной любовью, которую пронес через всю жизнь. И горькое признание, что дурак он, а не мудрец, ведь мог бы этот напиток сам...

В природе многих людей, прочел Иггельд в его угасающем взоре, рассуждать умно, но поступать нелепо. Люди живут поступками, а не идеями...

У старого одинокого мага, которому некому даже глаза закрыть, хватило сил, чтобы самому опустить веки, и он застыл, вытянувшись всем телом.

Иргильда плакала, разрывалась в крике, бросалась на неподвижное тело Вихряна, обвиняла, что бросил после того, как отыскал, после всего-всего, и вдруг ее крики оборвались. С легким звоном въевшиеся в тело расплавленные куски железного панциря посыпались на пол, словно пересохшие комочки грязи. Красная сожженная кожа разглаживалась, уступая место чистой. Сырое мясо выправлялось, выравнивалось. Проступило незнакомое широкоскулое лицо с широко расставленными глазами, квадратным подбородком, что в мгновение ока покрылся рыжей бородкой.

Человек — это все-таки Вихрян — дико повел глазами по сторонам. Иргильда обхватила его голову обеими руками, прижала к груди. Иггельд слышал ее счастливый до безумия крик: «Ревель, живой!», но в это время из-за окна донеслись крики, звон оружия, сильно запахло гарью. Он повернулся к дверям, пронесся через переднюю комнату и выскочил на площадь.

Из домов выскакивали женщины и даже дети с домашними ножами в руках. Сердце екнуло, не увидел ни Ратши, ни его воинов, но от дальней стены, перегораживающей вход, донесся крик, звон металла, снова крики. Там все еще кипел жестокий кровавый бой, но Малыш возвышался над полем схватки: как только артане стягивались где-то в отряд, дракон врзался туда всей массой, крушил, разметал страшными ударами лап и хвоста. Набегали воодушевленные долинники, рубили, крушили, повергали. Отважные артане, потеряв всех героев, уже не могли драться с драконами, долинники же сражались мужественно, опускались на землю не раньше, чем смерть застилала взор, но и мертвые, казалось, стремились ухватиться за ноги врагов.

Далеко впереди виднелась огромная, закованная в железную фигуру. Ратша яростно размахивал мечом, прорубываясь через артанские ряды.

Иггельд прокричал:

— Аснерд погиб!

Ратша обернулся, в прорези шлема блеснули глаза, гулкий голос прорезал с радостным недоверием:

— Точно?

— Да! — прокричал Иггельд.

Ратша заорал страшным голосом, что перекрыл шум битвы:

— Аснерд убит!.. Убит!..

— Убит, — повторил Иггельд. Он быстро и точно рубил, принимал на щит удары и снова рубил, с каждым ударом повергая нового чужака. — Больше не...

Ратша снова обернулся, крикнул:

— Кто же смог... такое чудище?

Иггельд пробился, встал рядом.

— Да вот смог.

Ратша взревел, пошел крушить вперед, как могучий бык, что топчет молодую траву. Иггельд едва поспевал за ним, по обоим стучали острия топоров, копий, щелкали стрелы, он закрывался щитом и рубил, рубил, рубил, когда сквозь рев бури услышал вскрик Ратши:

— Я видел... Вяземайт тоже в городе!.. Он еще опаснее!

— Уже нет, — ответил Иггельд.

Ратша бросил в его сторону недоверчивый взгляд, тут же закрылся щитом, содрогнулся всем телом, а его меч рассек грудь огромного артанина с топором размером с весло.

— Точно?

— Точно...

— А где он?

— Ушел за Аснердом!

— Вяземайт?

— Барвник и Вихрян начали, я закончил, — объяснил Иггельд. Они двигались сквозь артан, как два огромных валуна, что катятся по мелкой траве. Удары, что сыпались со всех сторон, Иггельд отражал с легкостью, подумал с изумлением, что мог бы стать и неплохим воином, очень даже мог, если бы захотел сменить прекрасную работу воспитателя драконов на эту кровавую дурь. — В пещерах... уже ни... артанина!.. Ратша, я не понимаю, где Яська? Я не просто соскучился, мне уже страшно...

ГЛАВА 10

Ратша не успел ответить, над площадью пронеслась тень. С неба в самую гущу артан рухнул огромный зеленый дракон, с трудом выдохнул слабую струю огня. С десятков артан сразу же погибли под чудовищной тяжестью, сверху скатился разъяренный Шварн, в руке короткий меч.

— Смерть артанам!

— Назад! — крикнул Иггельд запоздало, но ни Шварн не отступил, ни артане не дрогнули, завязался жестокий бой, Шварн неумело отмахивался, Храпун устало ревел и мотал огромной головой, одного за другим ухватил двух чужаков, посмеавших напасть на хозяина, слышался хруст костей, брызнуло кровью, артане яростно рубили громадного зверя, усталого настолько, что не мог подняться. Набросились на Шварна и дракона, там яростный крик, рев, полный страха и боли, звон железа, треск костяного панциря...

Иггельд и Ратша с малым отрядом ломились через артан, как быки через кустарник, артан убивали в спины. Последние пали под их ударами, Иггельд рухнул на колени перед телом Шварна. Тот еще жив, кровь бурунчиками выплескивалась из страшных ран, слабо улыбнулся, задвигал губами, но ни звука не протиснулось через сжатые зубы. Он затих, застыл.

За его спиной тяжело вздымался громадный бок, Храпун распластался, как огромная рыба на берегу, придавленный усталостью и собственной тяжестью. Кровь текла из немногих ран, но для дракона это не раны, пустяки, заживет, когда Иггельд перевел взгляд на голову дракона, в груди остро кольнуло. Три страшные раны почти отделили огромную голову от туловища. Тело еще живет, борется, зарастивает раны, еще не знает, что умрет, что уже мертво...

— Почему? — прокричал Иггельд. — Почему?.. За что?.. Почему столько потерь?..

Ратша молча обнял за плечи — бессильный жест сочувствия. В глазах едко зашипало, заволокло туманом, подбородок запрыгал. Острая боль в груди разрасталась, он стиснул челюсти, все еще идет бой, все еще гибнут люди...

Рука с плеча исчезла, Иггельд вытер глаза, огляделся. Сзади догонял рев — это Малыш, до макушки забрызганный кровью, закончил крушить артан там, позади, догнал, торопливо лизнул в мокрое лицо, засопел с глубоким беспокойством и сочувствием.

Оранжевым пламенем загорелись два крайних дома, сизый дым стремительно ввинтился в чистое небо. Раненых артан добивали без жалости, а остатки разбитого войска теснили к пролому в воротах. С той стороны появились горцы. Артане непонимающими глазами смотрели на внезапное отступление куявов, опустили топоры и жадно переводили дыхание в ожидании новой атаки. Воздух наполнился тяжелым грохотом, земля задрожала.

Огромная каменная лавина, подготовленная горцами, разом накрыла остатки артанского воинства. Трое успели отбежать, но их догнали и сбили с ног прокатившиеся следом валуны, растоптали, расплющили и остановились, красные в жертвенной крови чужаков.

Ратша крикнул, сказал осевшим голосом:

— Добро всегда побеждает зло, значит, кто победил, тот и добрый...

Но шутка повисла в воздухе. Все еще не верилось, что конец, конец всему огромному артанскому воинству, что уже погибли кажущиеся бессмертными исполины: Аснерд, Вяземайт, Щецин, Белозерц, Фриз...

Иггельд присмотрелся к Малышу, едва не заплакал снова от жалости и сочувствия. Лоб Малыша рассечен тяжелым ударом; чувствуется удар секиры почти равного по мощи Аснерду гиганта, морда обожжена, кровь запеклась на ноздрях, щитки на груди раздроблены, костяные плиты на боках стали шершавыми, зарубка на зарубке, острые шипы на хвосте обломаны, а ведь Малыш на глазах Иггельда не раз колотил хвостом и по гранитным стенам, ни одна иголочка даже не тупилась...

Он слабо лизнул Иггельду пальцы, язык был сухим и горячим. Один глаз налит кровью, поврежден, над другим костяной щиток надколот острым железом. Иггельд обнял ог-

ромную голову обеими руками. Ком в горле не давал дышать, он сказал тихо:

— Люблю я тебя, люблю... Только не покидай меня, сердце мое не выдержит.

Ратша приблизился, опираясь на меч, сказал хрипло:

— Он хорош... Мы защищали друг друга! Не спина к спине, я берег его пузо, зато он дрался за нас двоих, а мы, сам видишь, стоим тысячи! Он их огнем, лапами, хвостом, зубами... Я не думал, что этот щеночек — такая жуть в бою!.. Только Вихрян куда-то делся.

— Нашелся, — сказал Иггельд. — Эх, Куябу без нас...

— Почему? — оскорбился Ратша. — Еще успеем! Город агромадный.

— Вряд ли Малыш сможет нас обратно. А на конях...

Ратша покачал головой:

— Обижает, княже... даже светлый княже. С чего бы ему в драке распускать крылья? Все под панцирем, все цело под панцирем. Может быть, только крылья у него и целы. Так что надо парню дать отдохнуть, а там... поглядим.

Малыш лизнул Иггельду пальцы, засопел, заглянул в глаза. Иггельд обнял за голову, чувствуя, как сердце купается в нежности к этому преданному и любящему зверю.

— Что, в самом деле сможешь?.. А ну покажи крылья...

Малыш застыл, напрягся. На спине быстро пошли раздвигаться щитки, блестящие металлом, открывая нежные тонкие кожистые крылья. Потрескивало, хрустнуло разок, наконец крылья распахнулись во всю мощь. Малыш смотрел с ожиданием.

— Хорошо, — сказал Иггельд. — Я посмотрю, что оставляю... И сегодня же вернемся. Надо отыскать Яську.

Из-за спины донесся гул голосов, Ратша повернулся. К ним шла галдящая толпа воинов, князь Иствич держится на ногах сам, хотя его и поддерживал старший сын, на Иггельда поглядывал ревниво и с подозрением. Лицо князя было бледным до синевы, а причину Иггельд понял, когда увидел, как князь бережет бок, куда намотали столько тряпок, что князь, и без того грузный, выглядел настоящей копной.

Он отдал Иггельду салют пощербленным мечом, голос хрипел и перехватывался в груди:

— Артане... все!.. До последнего... Ни один не ушел, ни один не захотел...

Иггельд кивнул:

— Прекрасно.

А князь Онрад, счастливый и с вытаращенными от изумления глазами, почти прокричал торопливым сбивающимся голосом:

— Доблестный Иггельд, с того дня, как вы ушли собирать ополчение... к артанам не подвезли ни единой катапульты!.. У них не было еды, начался голод! Мы догадывались, что это вашими усилиями все по дороге... Артан зажало в этой долине, как в мышеловке! Им оставалось либо умереть медленно и серо, либо броситься и... вот так красиво.

Ратша хмыкнул:

— Что за артане, если бы не выбрали красоту? Хвастуны.

— Почти треть погибла, — добавил Иствич, — когда пробивали стену, многих убили, когда они сразу в пещеры... Как же они драконов ненавидят!

Иггельд стиснул челюсти. В одном оказались не готовы, но эта мелочь оказалась роковой. Можно было поднять в воздух и сохранить если не всех драконов, то хотя бы великолепную Сапуху, у артан уже нет героев-лучников, что сбивают драконов, как уток, но все драконы находились в тесных пещерах, артане ворвались, как муравьи в пчелиные улья...

Подошел князь Цвигун, израненный, в побитых доспехах, очень серьезный, сообщил надтреснутым голосом:

— В пещерах погибли князь Кадом, князь Северин, бер Гомель, а также многие беры и беричи. Все ринулись за артанами и пытались жизнями защитить тех драконов, которых сами не любили и боялись.

Иггельд озирает разгромленную Долину с тоской и едкой горечью. От жителей Долины в живых меньше половины, от беженцев — горстка, но зато и артан больше нет.

Ратша отлучился вроде бы ненадолго, но появился уже повеселевший, от него пахло вином, спросил искательно:

— С делами как?

Иггельд повернулся к князю Цвигуну:

— Оставляю Долину на ваше мудрое руководство. Вы уже знаете, что делать. Я вынужден как можно быстрее вернуться под стены Куябы. Там уже начался штурм. Ноги артанина больше не останется в Куявии!

Глаза князя вспыхнули, как светильники.

— Неужели правда? Неужели с артанами и там будет так, как... здесь?

Иггельд кивнул, за спиной слышалось могучее дыхание, словно дышала приближающаяся огнедышащая гора. Лицо князя несколько одеревенело, глаза застыли, весь напрягся. Иггельд не глядя протянул руку, ладонь легла на теплый нос дракона. Горячий язык нежно лизнул ему пальцы.

— Держитесь, — сказал Иггельд тепло. — Трудно, жестоко, но теперь все будет легче. Я только отыщу Яську...

Цвигун напрягся, лицо застыло, в глазах отразилась мука. Он переступил с ноги на ногу, из груди вырвался горестный стон, развел руками, снова с ноги на ногу, наконец раздвинул каменные губы, громыхнул тяжелым голосом:

— Знаешь, Иггельд...

Вокруг стало тихо. Даже со стороны горящего дома наступила мертвая тишина, огонь не смел трещать пылающими бревнами, а дым застыл, словно узор на морозном стекле. Люди то отводили взоры, то смотрели на Иггельда с великим сочувствием.

— Яська с Меривоем уже в небесных садах, — сказал наконец Цвигун с великим трудом. Он сглотнул ком в горле, сказал хрипло, с болью: — Творец забирает лучших... Прости, Иггельд. Они погибли давно, но мы не решались тебе сказать. О них скорбели и у нас, и даже в артанском лагере.

Малыш лег, Ратша молча покарабкался на спину. Лицо было темным, взглянул сверху с глубоким сочувствием и страданием в глазах.

— Иггельд, нас ждут. Надо завершить.

Иггельд, как деревянный, повернулся, его шатнуло, десятки рук подхватили, помогли поставить ногу на лапу Ма-

лыша. Сверху свесился Ратша, протянул руку. По щекам Иггельда катились слезы.

— А что Вихрян?.. — спросил Ратша негромко. — Его не берем? Или он...

— Жив, — ответил Иггельд, страшная боль прозвучала в голосе. — Только он один за все свои муки что-то получил... Я же только теряю, теряю, теряю.

Малыш хоть устал, но летел ровно, без натужного хрипа. Правда, забираться в поднебесье не стал, но и не требовалось: расправил крылья и ловил воздушные потоки, можно скользить с высоких гор на равнину, ни разу не взмахнув кожаными парусами. Встречный ветер не донимал, можно не орать, и Ратша, воспользовавшись случаем, пересказывал подробности, как били артан, как наконец-то покончили с ними в горах, потом потребовал, чтобы Иггельд пересказал, как они били артан, как наконец-то покончили с ними, как освободили Долину.

Иггельд спросил хмуро:

— Зачем? Ты же сам рассказал!

— Как зачем? — возразил Ратша сварливо. — Приятно поговорить, какие мы молодцы. Да и вообще... Очнись! Я же вижу, что у тебя за взгляд.

— Что за взгляд? — пробормотал Иггельд настороженно.

— Думаешь, только я замечаю? Ты дрался за дом с такой яростью, словно освобождал свою артанку. Так и не знаешь, кто она, где ее искать?

Иггельд скорчился, молчал. Не столько от порывов ветра, сколько от стыда и неловкости. Ратша дотянулся, ткнул кулаком в спину.

— Отстань, — ответил Иггельд с неохотой. — Я не знаю, где она, но имя теперь не тайна. Я в самом деле надеялся, что она в артанском лагере. Ее видели в шатре Аснерда. Но потом исчезла...

— Как ее зовут? — спросил Ратша заинтересованно.

— Блестка, — ответил Иггельд неохотно. И добавил совсем хмуро: — Она сестра Придона.

Ратша озабоченно присвистнул, закутался в плащ и до самой Куябы не проронил ни слова, не пошевелился. Город сверху показался крошечным, игрушечным, что утопает в огромном, как море, и цветистом, как яркое платье женщины, базаре. Правда, это не базар, а воинский лагерь осаждающих, но на базар походит намного больше. Ратша сразу же выругался, Иггельд смолчал, незачем сейчас перестраивать на воинский лад, это же последняя крупная битва в этой войне...

С высоты не сразу видно, что идет величайшее сражение за всю войну, но когда Малыш начал опускаться, заметили и начавшиеся пожары, идвигающиеся массы людей, похожие на скопления муравьев после теплого дождя, а когда еще ниже, то и бои.

Малыш никак не мог выбрать свободное место поближе к городу, внизу наконец догадались, побежали в разные стороны, Малыш торопливо пошел вниз, выставил лапы, опустился грузно, тяжело, сразу же лег и закрыл глаза. Дыхание из широких ноздрей вырывалось горячее, сожгло остатки втопанной в почву травы и превратило саму землю в сухой камень.

Пока Иггельд и Ратша слезали с Малыша, к дракону почти выбежал, как прирученный медведь, князь Рогоза, обычно грузный, сейчас подтянутый, брызжущий энергией и молодостью, хотя ему уже за пятьдесят, другие в его возрасте начинают нянчить внуков. Но Рогоза, став правой рукой Антланца, ликовал, формируя из вчерашних землепашцев и лесорубов могучее войско, создавая заново тяжелую конницу, заказывая стальные панцири, булатные мечи, щиты, луки, копья, посылая в Вантит купцов, чтобы закупить там в большом количестве сильных и в то же время быстрых коней. И чем больше работы наваливалось, тем больше расцветал, распрямлялся, а во взоре появлялось от большого полководца, что умеет охватывать единым взглядом все войско разом и в то же время замечать мелочи.

— Где Антланец? — спросил Иггельд.

— В городе, — отчеканил Рогоза. Князь выпрямился, даже вытянулся перед Иггельдом, смотрел преданно, с верно-

стью во взоре. — Осталось захватить еще два-три дома, и можно навалиться на дворец, где засел Придон с остатками!

Иггельд нахмурился.

— Это человек, который наставлял меня, как надо руководить, находясь вдали от боев?.. Ладно, уже ничего не сделаешь. Барвник сказал что-то вроде, что мы все рассуждаем умно, а вот поступаем...

Рогоза сказал быстро:

— Да, конечно... Но что у тебя с лицом? Кто погиб?

— Драконы, — ответил Иггельд с горечью. — И моя Яська...

— А те... Аснерд, Вяземайт...

— Истреблены, — отмахнулся Иггельд. — Без всяких красотостей, как крысы. Но Яська... ее уже не вернуть. И погибли драконы, а это невосполнимо.

По честному лицу Рогозы видно, что это вовсе не потеря, а вот гибель Аснерда — великий праздник, поспешно заверил:

— Восстановим, все восстановим!

— Как? — спросил Иггельд горько.

Рогоза с удивлением оглянулся на Ратшу, тот криво улыбнулся, мол, Иггельд еще не понимает, какая в его руках власть. Лицо Иггельда стало темным, словно для него погасло солнце. Рогоза не решился сказать ни слова, даже не шелхнулся, когда Иггельд прошел мимо и направился к своему страшному дракону. Малыш при виде хозяина поднялся и приветливо помахал хвостом. Под лапами коровья туша, о нем люди Рогозы позаботились сразу, Малыш ел спокойно, с расстановкой, уже утолив первый голод. Иггельд жестом велел не подниматься, осмотрел раны, лапы, глаза, похлопал по щеке.

— Моя маленькая зверушка... Ты такой огромный снаружи и такой крохотный внутри!.. Я люблю тебя, птенчик. На тебе все заживает, заживает...

Малыш взвизгнул от счастья, извернулся и лизнул в лицо. Я люблю тебя, папка, сказал он глазами, визгом, движениями хвоста, лап и всего тела. Я тебя очень люблю, я тебя обожаю!

— И я тебя очень люблю, — ответил Иггельд. — Очень...

Ратша то посматривал на них, то поворачивался к городу. В Куябу текли уже два потока: через пролом и в распахнутые настежь ворота, но там и там давка, добровольцев чересчур много, все стремятся в бой, последний бой, о котором можно рассказывать всю оставшуюся жизнь.

— Что нам делать?

Иггельд сдвинул плечами.

— Все уже сделано, — ответил он почти равнодушно. — Куяба, считай, взята. Мы для Куявии свое дело сделали. Теперь займусь своими делами, их могу решить только я.

Он долго прилаживал седло, застегивал ремни, на месте второго сиденья закрепил две тулы с большими металлическими стрелами. Когда спустился за связкой дротиков, Ратша подошел ближе, поинтересовался спокойно, с ленцой:

— Думаешь, Малыш отдохнул?

Мурашки побежали по спине от насмешливого взгляда. Иггельд ответил быстро, чувствуя, что начинает оправдываться:

— Мы летали намного дольше и дальше. А раны у него... это царапины.

— Ну, — сказал Ратша, — если ты вздумал просто прогуляться...

— Да, — ответил Иггельд с вызовом, — да.

Ратша кивнул.

— Слушай, а почему не предлагаешь мне второе сиденье? Или этот зверь уже не поднимет?

Иггельд сказал торопливо:

— Да я не собираюсь в бой! Или что-то рисковое. Просто пролечу взад-вперед... По кругу, если понадобится.

— Да, конечно, — снова согласился Ратша. — Если не драться, то можно и одному. Хотя вдвоем можно и когда без драки.

Он замолчал, в глазах спокойная беззлобная насмешка. Иггельд отвернулся, но глаза зашипало, руки ослабели. Попытался и не смог залезть по крупным плитам чешуек. Сзади хмыкнуло, он слышал, как Ратша переступил с ноги на ногу, затем шаги начали приближаться. Иггельд быстро повернул-

ся и, чтобы Ратша не увидел его лица, поспешно обнял, прижался, но внутри от этого жеста как будто открылись плотины: из глаз хлынули долго сдерживаемые слезы, побежали по щекам, срывались крупными каплями на плечо Ратше, быстро промочили рубашку. Тот обнимал его, как двадцать лет тому обнимал отец, похлопывал по спине, гладил. Густой голос тихо прогудел над ухом:

— Твои полеты, боюсь, не тайна... Вот даже Рогоза поглядывает как-то не так. Но пока помалкивает. Вождь должен быть свят и чист от людских слабостей.

Иггельд проговорил срывающимся голосом:

— Какой из меня вождь... Я и сейчас только о ней и думаю. Надо рассчитывать, куда и сколько послать войск, как дать сражение... а у меня ее лицо перед глазами! Я схожу с ума, Ратша?

В окружении возбужденных военачальников почти пробежал Рогоза, уставился в их сторону. Ратша выпустил Иггельда из объятий. Тот поспешно отвернулся к дракону.

— Я сейчас возьму меч, — сказал Ратша. — Мне кажется, это взад-вперед... да и по кругу... бывает опасным. Всякие бывают круги.

Иггельд пристыженно взобрался, разобрал ремни, Ратша явился скоро, старый бывалый воин, не только при мече, но и доспехи успел сменить на более легкие, скованные лучшими оружейниками, по прочности не уступающие толстым железным дверям в казну Тулея.

— Едем, — сказал он, усаживаясь за его спиной. — Что-то ремни поистерлись...

— Разбогатею — сменю, — буркнул Иггельд.

Малыш, донельзя счастливый, что хозяин снова с ним, не послал летать одного и смотреть сверху, ликующе прыгнул без разбега, мощно и так резко ударил крыльями, что прогнулся не только воздух, но и земля, так показалось Ратше. Правда, взвизгнул от боли в раненой лапе, но услышал только Иггельд. Их вжало в костяную броню, Ратша даже сквозь толстое седло из трехслойной кожи ощутил все шипы. Земля быстро осталась далеко внизу, еще несколько взмахов, когда тело наливалось свинцом, а кровь отливала в пятки,

раздувая ноги так, что едва не лопаются сапоги, и они оказались под облаками. Дракон растопырил крылья, сделал полукруг, а потом часто-часто хлопал крыльями, понесся, как опаздывающий за стаей гусь, даже шею вытянул, чешуйки раздвинулись, обнажая беззащитную кожу.

Ратша помалкивал, Иггельд сделал промах, не указав дракону, куда лететь, тот уже знает, часто летают этим путем, и вот выдал хозяина, поторопившись выполнить еще не высказанный приказ.

Внизу проплыла едва заметная извилистая полоска воды. Иггельд услышал, как за спиной удовлетворенно хрюкнуло, подумал с запоздалым раскаянием, что так и не сказал, куда летят, не так было бы стыдно, хотя бы дракону сказал внятно и громко, а то совсем уж...

— Со спины дракона Артания так близко, — сказал Ратша громко. — А до Арсы далеко?

— Скоро будем, — ответил Иггельд и прикусил язык, но уже поздно, проговорился. Сказал торопливо: — Насколько помню, мы летели как-то в прошлом году вот так же, скоро будет лесок, два кургана, а там еще река и на той стороне уже сама Арса...

— Ага, — сказал Ратша глубокомысленно, — то-то я думаю, что за места знакомые... Не узнаешь?

— Что за места?

— Да вон там грабили повозку, не помнишь?.. Или не здесь?

— Не помню, — огрызнулся Иггельд. — Не помню, понял?

Ратша умолк, но его молчание многозначительнее, чем крик.

ГЛАВА 11

По дороге миновали одинокую грозовую тучу, странно видеть ее внизу, плывущую, как грязная льдина по золотой реке. Леса уже покрылись золотом с ярко-красными пятна-

ми, трава уже почернела, утренние морозы сожгли, вбили в землю.

С огромной высоты все казалось засыпано желтым или червонным золотом с редкими проплешинами черной земли. Громадные курганы, которые насыпали по несколько месяцев, смотрелись как мелкие кротовые кучки, и когда Иггельд наклонился и начал всматриваться, Ратша повертел головой, не мог понять, что он видит, пока не узрел мелкое пятнышко, что вроде бы мерцало, вибрировало, как вибрирует и дрожит в теплом воздухе плотный комариный рой.

Дракон на растопыренных крыльях пошел по дуге вниз, пятнышко начало увеличиваться, распадаться на мелкие отдельные крапинки, и Ратша наконец рассмотрел множество скачущих всадников. Не меньше тысячи, несутся лихим галопом, просто стелются над травой, все коричневые, одинаковые, и даже когда дракон снизился еще и еще, все казались одинаковыми, словно все кони от одного жеребца и одной кобылы.

— Хороший отряд, — крикнул Ратша. — К счастью, не в сторону Куявии идут... Я бы сказал, что даже удаляются. Так сказать, наискосок удаляются!

— Скачут из Арсы! — прокричал Иггельд. Он свесился, удерживаемый ремнями, прикрыл глаза ладонью, всматривался, крикнул снова: — Непонятно!..

— Что?

— Почему из Арсы!.. Там сейчас нет никакого войска!

— Ну и хорошо, — ответил Ратша. — Жаль, что нас только двое!

Он захохотал, представив себе, что вот сейчас бы самое время захватить Арсу, как артане захватили Куябу. Ответный удар, чтоб знали, не только артане могут в дальние походы. Ответ может быть молниеносным и очень болезненным.

В голове промелькнули сладкие картины мщения, а спина под ним словно провалилась, тело потеряло вес, грудь похолодела от ужаса, затем дракон растопырил крылья и остановил падение, зато всадники совсем близко. Широкая тень с растопыренными крыльями пронеслась по земле, кони ис-

пугались, а всадники начали поднимать головы, смотрели в небо.

Иггельд вскрикнул, словно ударили в спину ножом. Ратша повертел головой, привстал, Иггельд неотрывно следил за рослым всадником на единственном черном коне, огромном жеребце с развевающейся гривой. Они видели только широченную коричневую спину, развевающиеся по ветру черные как смоль волосы, потом Ратша рассмотрел нечто голубое. Дракон обогнал всадников, повернул, делая широкий круг, и теперь Ратша понял, что поперек седла у всадника на черном жеребце брошена женщина. Ветер сорвал с нее платок и красиво треплет темные длинные волосы.

— Ого! — крикнул Ратша. — Это что же, обряд похищения невесты?

Иггельд застонал, выкрикнул что-то злое хриплым сорванным голосом. Дракон снизился еще, пролетел почти над самыми головами всадников. Иггельд всматривался до боли в глазах, всадники рассерженно кричали, многие сорвали с плеч луки и торопливо накладывали стрелы.

Женщина приподняла голову, Иггельд услышал за спиной удивленный вскрик Ратши:

— Ого, да это та самая артанка!..

Малыш, чуя желание хозяина, летел над всадниками, не отставая и не обгоняя, Иггельд жадно смотрел в ее лицо, женщина тоже посмотрела и отвернулась. Ее везли, как овцу, как похищенную из стада овцу, но не захотела даже взглянуть в его сторону, это ударило в сердце, словно вонзили раскаленный добела нож.

— Возвращаемся, — прохрипел он. — Возвращаемся!.. Назад, я говорю!

Малыш нехотя заработал крыльями, начал подниматься в воздух. Всадники победно заорали, несколько стрел слабо ударили в панцирную грудь дракона, другие бессильно описали дугу в воздухе и вернулись к земле.

Иггельд бормотал что-то, раскачивался, Ратша крикнул в спину:

— Ты чего? Что с тобой?

— Не захотела на меня смотреть! — выкрикнул Иггельд. — Не захотела...

— Да, — подтвердил Ратша. — Ну и что?

— Ее умыкают из дома по согласию!.. Это такой обряд у этих дикарей, такая игра!..

— Да, — снова подтвердил Ратша. — А что в этой игре плохого?.. Ах, что досталась не тебе? А ты забыл...

Иггельд закричал, как раненый зверь, дракон вздрогнул, торопливо забил крыльями, их вдавило в твердую спину, а Ратша сцепил челюсти и напрягся, переживая полуобморочное состояние.

— Да, — проговорил Иггельд горько, — да, я был редкостной сволочью... Теперь я получил сполна! Самую лучшую женщину, ради которой можно жить и умереть, сейчас увозят, как овцу, перебросив поперек седла, а я... что я?.. я могу только кусать локти. Я сам все разрушил. Я сам. Я сам убил себя...

Ратша наклонился вперед, стараясь уловить слова, что выхватывал и уносил ветер. Иггельд даже не ощутил, когда старый воин похлопал по плечу.

— Да, — крикнул Ратша ему прямо в ухо, — ты — дерьмо. Ты обидел ее, обидел крепко. Но откуда ты взял, что будет счастлива с тем, другим?.. Борись за нее!

Иггельд прокричал в отчаянии:

— Как?

— Догони и уподи на колени! — гаркнул Ратша. — Признайся же наконец, что вел себя как дерьмо! Не мне признайся, я это давно вижу, а ей!

— Она тоже знает, — выкрикнул Иггельд в отчаянии.

— Знает, но ты еще и скажи! Вслух. Скажи громко. Скажи, что больше так не будешь... или будешь?

Иггельд вскричал в муке:

— Да как ты можешь?.. Я с того дня, как исчезла, сам для себя стал таким палачом, такие муки себе удумал... Я все время в огне, все знаю, как был несправедлив и как она страдала!

Ратша гаркнул люто:

— Так поворачивай же Малыша, дурак!.. Разворачивай эту лошадь с крыльями. Догоняй!.. Борись за нее, дурак, борись!.. Это женщины за лучших мужчин борются, а серых подбирают серые. А ты что, серый? Борись!

Малыш развернулся с охотой, да еще так круто, что у обоих едва не оторвались головы, а глаза налились тяжестью, выпучились, кровь прилила к лицам с такой силой, что зашипало, будто попали в кипяток. На короткое мгновение ветер стих, затем снова ударил навстречу, пытался раздвинуть губы и наполнить глотку.

Далекая желто-красная земля поплыла все быстрее и быстрее. Малыш начал медленно снижаться, уже догадавшись, кого преследуют, но пока шел высоко. Далеких крохотных всадников заметили, когда на горизонте распустились дивными цветами яркие шатры. Еще дальше гордо поднимаются массивные деревянные дома в два и даже три этажа, все окружены мелкими приземистыми сараями, конюшнями, множеством пристроек.

Всадники неслись к шатрам, Иггельд прикинул с тоской, что не догонят, но всадники промчались мимо, дракон все снижался, те прискакали к деревянным домам раньше, торопливо спешили, Иггельд увидел, как широкоплечий гигант легко соскочил на землю, ухватил Блестку и, бросив ее на плечо, побежал в бревенчатый терем.

— И что теперь? — вскрикнул Иггельд в отчаянии.

— Да что за дурак? — заорал Ратша в бешенстве. — Воюй за нее!.. Тот ее на коня, а ты — на дракона!.. Он увез в свое племя, а ты увози в свое!.. Это женщина, дурак!.. Из-за чего началась война?

Иггельд сцепил зубы, в глазах потемнело от бессильной ярости.

— Да гори оно все... — прорычал он. — Все равно я — конченный человек... Малыш, жги этот дом!

— Зачем? — вскрикнул Ратша, но осекся, дракон круто развернулся, уже пронеслись над домом, зашел сбоку и, снизившись так, что едва не задел крышу, выпустил длинную

струю огня. Они уже пролетели, а за спиной звенели отчаянные крики, шум, треск.

Дракон развернулся снова, на этот раз всадники держали луки натянутыми. В воздух взвился рой стрел. Все целились в грудь дракона, где у него сердце, и, к счастью, никто не промахнулся. Иггельд слышал частые щелчки, а Малыш выпустил еще струю огня, поджигая дом с другой стороны.

Они пронеслись над крышами, Ратша оглянулся, заорал ликующе:

— Ты прав!.. Ее вывели из дома... Быстрее, да быстрее же!..

Дракон развернулся по крутой дуге, ремни затрещали и врезались в их тела. Двое воинов бегом уводили Блестку от горящего дома к соседнему. Ратша ухватил дротик и приготовился метнуть, но те бегом затащили Блестку в дом. Малыш со злости плюнул огнем с такой силой, что сорвало крышу, пламя влетело вовнутрь через окна и сорванные двери.

Когда в третий раз поднялись над домами, Ратша торжественно орал и указывал на третий, последний дом. Такой же, как и другие два, трехэтажный, из толстых бревен, с затейливой деревянной резьбой, возвышался несколько в стороне, а два уже горели ярким пламенем, настолько жарким, что никто и не пытался тушить, люди метались, открывали двери конюшен, выпускали коней, а огонь перебрасывался на сараи, пристройки...

— Жги и третий! — кровожадно прокричал Ратша. Он размахивал дротиком. — Больше некуда скрыться!

Иггельд заколебался, дракон уже развернулся и угрожающе шел над мечущимися людьми, стрелы звонко щелкали о его прочный панцирь.

— Жги! — наконец сказал Иггельд. — Большой дом! Вот этот!

Малыш с ликованием выпустил узкую струю огня. Ударившись о стену, она раскрылась, как раструб полевого лютика, стала похожа на огненную лепешку. Дракон пронесся над крышей, а когда развернулся, дом уже пылал, будто залитый горящей смолой.

Люди метались и кричали, за спиной орал и бросал дротики Ратша. Иггельд видел, как там внизу падали, пронзенные тяжелыми остриями, Ратша промахивается редко, уже приноровился к скорости дракона. Снизу неся людской крик и безумное ржание испуганных коней, но все перекрывал треск и рев огня, грохот рушащихся перекрытий. Дома горели, как стога сухой соломы, никто и не пытался спасти, погасить, даже не пытались вытащить оттуда добро, разбегались с криками, уводили женщин и детей.

— Вот она! — заорал Ратша.

— Где?

— Разуь глаза!

Пятеро мужчин уходили бегом, между ними легкая женская фигурка, крупный воин держал ее за руку. Дракон послушно пошел вниз, Ратша замахнулся дротиком, но бросить не решился, схватил меч, спохватился, сунул в ножны и обеими руками ухватился за ремни.

Лапы дракона коснулись земли, в тот же миг Ратша расцепил пряжку, с мечом и щитом прыгнул, скатился по спине, как с покатога холма. Пятки ударились о твердое, он с криком загородил дорогу бегущей пятерке.

— Иггельд!.. Хватай эту дуру!.. На жабу!.. Увози!..

Его меч взлетел, в воздухе рассыпались искры, раздался звон, трое из мужчин молниеносно ухватились за топоры и успели встретить натиск. Ратша зашатался под градом ударов, но доспехи держали, а двое из нападавших выронили древки топоров, один пытался ладонями зажать широкую рану в груди, другой просто осел, будто кончик меча достал не в середину лба, а подрубил коленные жилы.

— Увози! — прокричал Ратша, он умело отбивал удары третьего, а когда сразил, увидел набегающих воинов, их разинутые в гневе рты и вскинутые топоры, прокричал изо всех сил: — Увози Блестку!.. Будь мужчиной!

Он набрал в грудь воздуха, заорал дико, вздувая жилы на шее и вены на висках, ринулся навстречу. Иггельд все видел, Ратша бьется уже с десятком противников, бросился к тем, что тащили Блестку, повернулся к Ратше, тот успел указать

на Блестку, лицо перекошено от нечеловеческих усилий сдерживать натиск. Иггельд сделал шаг к ней, но лицо обожгло стыдом, повернулся и бросился к Ратше, врубился, разметал, огромный и страшный, как дикий зверь, закованный в доспехи. Вдвоем потеснили, опрокинули, но среди треска огня и падающих крыш их видели, слышался неумолчный свирепый крик, из огня и дыма появлялись все новые и новые полуголые тела...

Бой был страшен, они рубились сперва плечо к плечу, а потом уже спина к спине. Когда куявы не бегут, успел подумать Иггельд с мрачной гордостью, они чего-то стоят и в бою. Полуголые тела после каждого удара обильно окрашивались кровью, отступали, шатаясь, падали, мешая другим добрататься и нанести удар, что чаще всего лишь царапал доспехи.

Головы гудели от пропущенных ударов, но войлочная подкладка под шлемом смягчала, они рубили и рубили, потом разом делали пару шагов в сторону, чтобы выбраться из-за вала трупов, и снова рубили, страшные, залитые кровью, озверелые, с горящими глазами и ненасытными мечами, сеющими смерть, смерть, смерть...

Иггельд чувствовал, что руки начинают наливаться тяжестью, меч едва не выскальзывает из пальцев, бросил короткий взгляд на Ратшу, тот дерется, стиснув зубы, но, перехватив взгляд, буркнул:

— Дурак... Надо хватать ее...

— Сам дурак, — прохрипел Иггельд. Он принял на разбитый щит удар сразу трех топоров, одним ударом срубил две руки, а третьего ранил в плечо. — Сам...

Совсем близко в стене огня загрохотало, земля вздрогнула. Из пламени выкатились горящие черные бревна, одно ударило под ноги трем артанам, те с криками рухнули, а бревно, подпрыгнув, остановилось на их телах. Жутко запахло горелым мясом, раздалась дикие вопли.

Ратша сказал саркастически:

— Пусть теперь рассказывают, как они поют под пытками боевые песни!

Жар высушивал пот и заставлял руки все еще поднимать-

ся и наносить удары, закрываться щитом. Иггельд рубился, едва успевая парировать удары, в голове звенело сильнее, меч вот-вот выскользнет из ослабевших пальцев. Рядом слышится хрип изнемогающего Ратши, Иггельд все думал, что бы сказать на прощанье, говорят же, что герои не уходят из жизни, не сказав последних слов мудрости, но то ли он не герой, то ли еще не последние мгновения...

Снова загрохотало, раздались крики ужаса. Из огня и дыма выметнулась исполинская туша, смела целую толпу, смяла, раздавила, Иггельд отшатнулся и упал, а горячий язык моментально облизал ему лицо, стер кровь. Рядом прокричал Ратша:

— Жабик!.. Ах ты, моя жабочка... Умница! Это ничего, что без команды, я прощаю! Даже хвалю. Иггельд, скорее на свою боевую жабу!.. Мы еще можем...

Дракон взревел, выпустил струю огня поверх Иггельда. Извернувшись, он увидел, как целую толпу набегающих с поднятыми топорами удалцов смело, как огненной метлой. Ратша ухватил за плечо, помог встать, кое-как забрались наверх, дракон ревел, плевался огнем, хватал пастью, давил всеми четырьмя лапами, земля содрогалась от его рева.

Едва Иггельд ухватился за ремни, Малыш поднялся, сделал два огромных прыжка, распахнул крылья и поспешно прыгнул в небо. Иггельд застегнул ремень, за спиной пыхтел Ратша, ругался сдавленным голосом.

Внизу море огня, дома горят жарко, уже не дома, а раскатившиеся бревна. Поднимался чистый прокаленный сизый дым, полыхали все постройки. Народ метался, как растревоженные муравьи. Ратша свесился набок, всматривался в дым, но Иггельд увидел первым, дракон понял и метнулся вниз, прошел над домами.

Среди бегущего люда только одна фигурка стояла недвижимо, лишь закрывалась от слепящего жара руками. Малыш тяжело бухнулся рядом, Ратша соскочил и схватился с кем-то, а Иггельд ухватил Блестку на руки, легкую, невесомую, словно ребенок. Воздух обжигал лицо, со всех сторон стоял крик, Малыш непрерывно плевался огнем, Иггельд уже не

помнил, как взобрался наверх с Блесткой на руках, Ратша отступал, отбиваясь от наседавших артан.

Спина качнулась, дракон поднимался на все четыре, сам озверел от жара, Ратша заорал, подбежал и прыгнул на лапу. Дракон ухватил пастью ближайших артан, что не страшились схлестнуться с куявским исполином, остальные в страхе отступили, попятились, а дракон с хрустом жевал человека, посмотрел на остальных голодными глазами.

— В небо! — велел Иггельд. — Побыстрее!

Малыш прыгнул с такой силой, что всех троих едва не размазало по жесткой спине. Иггельд держал Блестку крепко-крепко, слышал ее частое дыхание, темные волосы стекали по его лицу, хотелось зарыться в них и замереть, но позволил Ратше пристегнуть себя всеми ремнями, сказал негромко прямо в ее розовое ухо:

— Не бойся. Держу крепко.

Она не шевелилась, его пальцы дрогнули, когда сообразил, что их подбрасывает ее часто бьющееся сердце. Блестка смотрела прямо, ответила не сразу, с задержкой:

— Как вы здесь оказались?

— Случайно, — ответил Иггельд. — Мы смотрели прямые дороги...

— Зачем? — спросила она.

Он не нашелся с ответом, а сзади громыхнул Ратша:

— Иггельд, не бреши!.. Ну, совсем не умеешь брехать, сколько я тебя учил?.. Брехать надо уметь. Особенно — женщинам. Блестка, он чуть ли не каждый день летает к вашей Арсе. Догадайся, почему?

Блестка ответила холодно:

— Да уж... ты врать умеешь.

Иггельд стиснул челюсти, внутри буря, сказал резко, как бросился в омут:

— Он прав. Я летал, чтобы увидеть тебя. Хоть краешком глаза. И видел тебя не раз... Могу рассказать, я не забуду ни одного из этих дней!

Встречный ветер свистел в ушах, трепал волосы. Блестка подвигалась чуть, устраиваясь в его руках поудобнее, голос прозвучал едва слышно:

— И куда теперь?

— Ко мне, — ответил Иггельд. — Нет, не в цепи... Я хочу, чтобы ты стала...

За спиной громко вскрикнул Ратша:

— Эй-эй, что там случилось? Похоже, вся Арса садится на коней!

Далеко внизу проплывал игрушечный город, десятка два больших домов, три дворца, множество домов из камня, из бревен, а вокруг сотни, если не тысячи ярких разноцветных шатров. Между ними носились крохотные фигурки, множество всадников галопом выскакивали за пределы города, собирались в отряды, а в самом городе спешно выводили коней, новые сотни конников выезжали за город. Блистали крохотные искорки на обнаженных топорах.

Иггельд умолк, перебитый на самом важном месте, а Блестка чуть наклонила голову, сказала с насмешкой:

— Поздно спохватились!.. Что значит Ютлана нет... Он бы их в одиночку.

Крохотный город остался за спиной, Ратша спросил:

— А где этот... который в одиночку?

— Отправился в Куябу. Было видение, что у Придона наступит тяжелый день, и нужно, чтобы рядом был Ютлан... Тогда все будет хорошо.

Ратша умолк, а Иггельд проговорил с усилием:

— Я, конечно, прервал твою свадьбу, но я не мог, прости... не мог этого вынести! Я умру, если ты выйдешь за другого. Но, прежде чем умереть, буду драться за тебя.

Она извернулась в его руках, с удивлением посмотрела в искаженное страданием лицо.

— Что?.. О чем ты?.. Ах, решил, что это с моего согласия?

Иггельд задохнулся от неожиданности, за спиной гулко захохотал Ратша. Могучий удар по плечу Иггельда едва не сломал ключицу.

— Ну, что я говорил? А ты все: «Нехорошо мешать даже собачьей свадьбе»!

Иггельд ощутил, что Блестка напряглась, начал невпопад оправдываться, спросил жалким голосом, страшась услышать не то, на что жадно надеялся:

— А как же... Обычай умыкания...

— Царских дочерей не умыкают, — ответила она гордо.

— Но мы же видели...

Ратша громыхнул за спиной:

— Наглецы девку захватили врасплох. Пошла собирать ягоды, вот ее и умыкнули.

— Не совсем так, — ответила Блестка, — но все же он сумел... Но готовился к этому давно. С тех пор, как я ему отказала.

Ратша спросил быстро:

— А когда отказала?

— Две недели тому, — ответила она и осеклась. Две недели тому вернулась из плена, где ее держали в цепях, но эти двое могут истолковать так... как на самом деле. — Вообще-то он давно хотел меня в жены...

— А кто это? — спросил Ратша. — Мне показалось, что он не совсем дикий.

— Он вождь крупного племени, — ответила Блестка. — Это Рослиник. Единственный, кто сохранял независимость...

Иггельд молчал, переваривал сногсбивающую новость, потом горячая кровь ударила в голову жаркой волной, он стукнул ногой Малыша в бок, крикнул:

— Малыш, обратно!

Дракон без особой охоты начал разворот, очень широкий, на хозяина оглядывался с удивлением и укором. Морда слева черная, опаленная в огне, как и все четыре лапы.

Ратша спросил с непониманием:

— Ты чего? Что задумал?

— Мы клянемся делать все для своих женщин, — ответил Иггельд, отчаяние звучало в хриплом голосе, — но всегда делаем только для себя! Малыш, обратно!

Она переспросил тихо:

— Малыш?.. Он очень похож на... Черныша... Это... его сын? Так похож!

— Но Черныша уже не будет, — ответил он отрывисто. Сам ощутил, что чересчур резок, сказал, извиняясь: — Прости, но человек даже первую собаку запоминает навек. А то был... то был Черныш.

Глаза его влажно заблестели. Сердце Блестки стиснулось: неужели до сих пор переживает гибель своего дракона? И не может ей простить потерю?

— Пожалуйста, не убивайся. Я сама лила слезы по Чернышу.

Малыш взмахивал крыльями вяло, но Арса показалась почти сразу, едва дракон повернулся к ней головой. Иггельд постучал ногой, Малыш хрюкнул недовольно, глаза смотрели с опаской на крохотные дома, Иггельд сказал успокаивающе, то ли для него, то ли для Блестки:

— Тихо-тихо, не бойся. Ничего палить не будем.

Домики приближались, выросли. Множество всадников унеслись к далекому столбу дыма, что поднимался из-за горизонта и ввинчивался в небо, но, когда увидели направляющегося на Арсу громадного дракона, тут же повернули коней.

Иггельд велел сделать круг, надеялся, что увидят Блестку, но снизу сразу полетели стрелы. Он холодел при мысли, что и здесь могут найтись сверхбогатыри, чьи стрелы пробивают драконий панцирь, подумал, что если даже так, то пусть погибнут, лишь бы Малыш сумел сесть, здесь земля ровная, как стол, зато Блестку доставят домой.

Малыш недовольно взреывал, хрюкал, из ноздрей повалил дым. Иггельд крикнул предостерегающе:

— Огня не пускать!.. Понял? Огня не пускать!

Сперва полетели в сторону от города, там ровная чистая земля, но всадники на легких стремительных конях оказались там раньше. Тогда быстро послал дракона прямо через дома, терема, заборы, вокруг главного дворца артанских тцаров огромный просторный двор, народу почти нет, сказал Малышу торопливо:

— Вниз!.. Быстро!.. Никаких кругов! Ты сядешь, давай быстрее, сразу!

Малыш вытянул лапы, перемахнул поверх крыш, мелькнул последний забор, дракон выглядел громадным псом, перемахнувшим через забор. Земля дрогнула, он рухнул посреди двора на все четыре.

Из окон слышались крики, жутко закричали насмерть перепуганные кони. Одна лошадь оборвала повод и в диком страхе носилась по двору. Крики все усиливались, в окна выглянули испуганные непонимающие лица. Женщины сразу начинали визжать, мужчины бледнели, исчезали, он понимал, что вот сейчас распахнутся все двери, оттуда выбегут с оружием.

Первым на крыльце появился высокий сутулый старик с белой бородой и белыми как снег волосами. Волосы падали на плечи, лоб перехвачен простой веревочкой, все притихли, Иггельд ощутил значимость этого человека. Да он и выглядел необыкновенным: лицо в глубоких морщинах, толстые руки перевиты синими вздутыми жилами, грудь и плечи настолько широки, что с трепетом подумал о тех временах, когда этот человек был воином. Испещренное глубокими морщинами лицо было свирепым, в глазах злость и жажда крови. Не говоря ни слова, нагнулся и поднял прислоненный к косяку двери громадный топор, призывно огляделся. Из дома выскакивали мужчины, становились за его спиной. Иггельду показалось, на лицах неустрашимых артан все же проступил страх.

— Ты дома, — сказал он Блестке. — Я знаю, ты никогда меня не простишь... потому даже не прошу прощения.

Она внимательно посмотрела ему в лицо.

— У тебя шрам на щеке. И еще на виске. И на подбородке...

— Да, — ответил он коротко. — Уже не болят. Болит другая рана.

Лицо потемнело, из груди вырвался короткий вздох. Глаза Блестки погасли, догадалась, когда получил эти шрамы.

Ворота распахнулись, во двор ворвались на полном скаку всадники. Блестка поспешно встала, замахала руками:

— Это я, я!.. Я вернулась!

Могли полететь десятки стрел, Блестка с замиранием сердца заметила Гордислава, чьи стрелы пробивают любые доспехи, и героя Верена, который одной стрелой способен пробить ствол столетнего дуба насквозь, оба уже натянули страшные луки. Иггельд встал, глупо и бесстрашно, словно и

не куяв, руки в стороны, оружия нет, выстрелить сейчас легко, никакая кольчуга не выдержит стрелу из лука Верена, но все же позорно стрелять вот так даже в самого лютого врага...

Рокош сделал шаг вперед, но с крыльца не сошел. Он сам подобен грозовой туче, глаза сверкают, а пальцы на рукояти топора сжались до скрипа.

— Что произошло?.. Сперва Рослиник, теперь...

Блестка ухватила за руку Иггельда, соскользнула по жесткому панцирю, Иггельд отпустил ее пальцы, когда уже почти коснулась земли.

— Я отвечу, — сказала она звонким голосом. — Рослиник ворвался со своим отрядом и похитил меня, когда мужчины уехали на большую охоту. Кто-то сумел усладить даже охрану, даже Ровена и Черпеца, которые всегда находились при мне!.. И еще этот кто-то открыл запертые ворота... Надеюсь, наши старейшины отыщут этого человека.

Рокош перебил торопливо:

— Но что... Рослиник? Что он сказал?.. Как отпустил?

— Рослиник убит, — ответила она холодно. — Вот он убил... Иггельд!

Иггельд даже без оружия выглядел огромным, грозным и пугающим в своей мощи. Иссеченные и побитые в страшной сече доспехи на нем сидели, как собственная кожа, всяк чувствовал, что не затрудняют движений, а драться умеет, все уже знали, умело и беспощадно.

Он не сказал ни слова, не сводил глаз с Блестки. Блестка заговорила снова, голос полон горечи:

— Мы дожили до того, что Рослиник, что не показывался из своей норы, явился и похитил меня прямо из Арсы!.. Мы дожили до того, что один меня хватает в моем же доме, а другой... другой перехватывает по дороге!

Иггельд сглотнул ком в горле. Ратша смотрел сверху с глубоким сочувствием. Дракон лежал тихо, даже не шевелил хвостом, чтобы снова не пришлось драться, когда красный призрачный зверь так больно обжигает морду и лапы.

— Малыш, — сказал Иггельд вполголоса, — улетаем. Назад, домой.

Блестка оглянулась, брови взлетели, как подброшенные порывом ветра.

— Сейчас? Вот так... после всего?

Игтельд огрызнулся:

— Блестка, я спасал тебя не для себя.

Она посмотрела с недоверием.

— Я понял, что ты в руках насильника, — ответил он неуклюже. — И я... освободил тебя. Не спас, освободил. Прощай! Ты ничего мне не должна.

— Но...

— Ничего, — ответил он, и затаенная ярость прорвалась в голосе. — Ты что же хочешь, расплатиться?

Дракон с готовностью поднялся, Блестка отступила на пару шагов от ожившей громады. Дракон подобрал лапы под брюхо, с силой оттолкнулся, в воздухе ударил крыльями, кончиками достав до земли. Взметнулся сор, люди попятись, кто-то упал, сбитый с ног сильнейшим порывом ветра. Блестку толкнуло в спину, Рокош растопырил руки, но она с разбега пробежала мимо.

Когда ветер утих, дракон уже был не крупнее коршуна в небе и все время уменьшался, поднимаясь выше и выше. Рокош спросил с недоверием:

— Рослиник... в самом деле?

— Да, — ответила она потерянным голосом. — Да, он уже больше нас не потревожит.

Рокош спустился с крыльца, глаза быстро бегали по сторонам, словно пересчитывал уцелевших. Обернулся, спросил с надеждой:

— Так что же, может быть, собрать войско?

— Зачем? — спросила она безжизненно. Глаза продолжали смотреть в синее небо. — Зачем?

— Самое время попробовать убедить их примкнуть к Артании... На известных условиях.

Она покачала головой.

— Разговаривать не с кем. Нет Рослиника, нет его лучшей тысячи. Нет самого города Тырнова.

Слышно было, как одновременно с Рокошем ахнули еще несколько человек.

— Даже города?

— Эти двое на драконе, — произнесла Блестка устало, — да и сам дракон... просто истребили город. И всех в городе. Так что туда можно послать хоть десять человек. Ну, сотню... А те земли отныне наши.

Она пошла в дом, непривычно сутулясь, чего никогда раньше не делала. Видимо, очень измучилась, когда ее везли, как добычу, поперек седла, а потом на этом ужасном звере...

ГЛАВА 12

Малыш летел медленно, редко взмахивая крыльями. Ратша ошупывал колено, начинает деревенеть, бурчал, бормотал, наконец сказал с откровенной злостью:

— Не понимаю. Просто не понимаю!

Иггельд спросил с тоской, не поворачивая головы:

— Чего?

— Иногда ты мудр, как... как бобер какой-нибудь, а иногда совсем лось из дальнего леса. Почему, ну почему не повез ее прямо домой? Почему повернул свою жабу с крыльями? Ты не понял, что Блестка была в твоих руках?

— Не знаю, — ответил Иггельд убито. — Не знаю, почему повернул. Показалось, что так надо. Да, я сваял дурака. Да, была в моих руках.

— Дурак, — сказал Ратша с сердцем.

— Дурак, — согласился Иггельд. Он горбился больше, чем приходилось из-за ветра, голос звучал так, словно выползал из-под упавшей скалы. — Но я... не смог иначе.

— Эх, — сказал Ратша с досадой, — не понимаю я... Нет в тебе жизни, нет священной ярости! Тебя же куры лапами загребут!.. И как только народ за тобой идет? Почему? Ты ж свое отдаешь, с себя последнюю рубаху снимаешь и отдаешь!.. И от других требуешь...

Иггельд испугался, сказал торопливо:

— Что ты, что ты! Когда я требовал? Никогда. Нет, это ты брось, не говори на меня такое.

— Не требовал? — уличил Ратша. — Ты криком кричал!.. Только молча, правда. Но все равно все слышали!

Воздух стал холодный, дракон поднялся повыше, так почему-то лететь легче, холод замораживал дыхание, леденил ноздри. Ратша закашлялся, глотнув слишком много морозного воздуха, выругался, попытался сплюнуть, но комок не то примерз, не то вылетел льдинкой. Иггельд слышал за спиной раздраженную ругань, горбился, сжимался в ком, а в сердце стучало невеселое: да, потерял... Но все-таки сделал для нее хоть что-то доброе. Вот так бы всю жизнь летать вокруг нее, лучше — незримо, оберегать от всего и всех, заботиться, беречь... После всего злого, что он наделал, теперь всю жизнь искупать вину, беречь и защищать...

Он так погружен в горькие думы, что не сразу заметил внизу неладное. Очнулся от крика Ратши, вздрогнул, раскрыл глаза. Малыш красиво неся над зеленой равниной, изредка перемежаемой лесами, видны квадратики распаханной земли, золотые скирды и стога, крохотные домики, а впереди показались блистающая Куяба, ее белоснежная стена, сверкающие дворцы...

Малыш начал снижаться, Иггельд протер глаза. Что-то неладное в облике Куябы, за спиной рычит и ругается Ратша, но город вроде бы как город... Он ахнул, посреди Куябы исчезло здание, что казалось нерушимым: дворец Тулея! Даже не Тулея, Тулей просто захватил и сидел в нем два десятка лет, а построили неведомые мастера прошлого, строили, говорят, двести лет, он казался нерушимым и вечным, как горы.

— Сажай прямо на развалины! — крикнул сзади Ратша. — Сажай!

— Не лучше ли за городом? Чтобы народ не пугать?

Ратша выругался:

— Сейчас ты создаешь законы, еще не понял?.. Ты — самый сильный, у тебя в руках вся власть.

— Ну и что? — ответил Иггельд, но нетерпение разъедало сердце, как горячая вода ест лед, двинул коленом, и чуткий дракон, уловив приказ, присобрал крылья, начал спускаться,

над грудой развалин сделал круг, внизу люди поняли, начали разбегаться.

Дракон опустил не на развалины — риск прищемить лапу или хвост, когти проскрежетали по каменным плитам площади. Поднялась пыль, люди закрывались ладонями и руками. Пыль быстро осела, все увидели громадного черного дракона, символ власти Куявии, и человека на загровке покорного его воле чудовища.

Иггельд торопливо спустился, навстречу бежал бледный Рогоза.

— Что случилось? — спросил Иггельд резко.

— Мы взяли город, — выкрикнул он. — Придон погиб... Итания — тоже.

Иггельд вскрикнул:

— Что? Почему — Итания? Кто ее... посмел?

Само небо, казалось, обрушилось на голову: что за нелепость — погибла женщина, за обладание которой началась самая жестокая и кровопролитнейшая война!

— Сама, — ответил Рогоза, задыхаясь. — Как и он... Придон. Он убил себя, потом она.

Иггельд стиснул челюсти, в голове загудело, на короткий миг череп пронзила острая боль, оставив странную пустоту и равнодушие. Хорошо, сказал кто-то в нем второй, расчетливый, что Придон сам... Иначе уничтожил бы половину моей армии. Если не всю. Непонятно, как воевать с бессмертным богом. Правда, Барвник намекал на холодный расчет, построенный на громадном риске... Но Итания! Выходит, ее война с Придоном была всего лишь войной двух половинок одной души.

— Понятно, — прошептал он. — Где Антланец?

Рогоза сказал тихо, потерянным голосом:

— Антланец погиб. С ним погибли Коман и Болгор, Третьяк и Далич, погибли Бусел, Крица, Вакула, доблестный Крестец со своими сыновьями, многие погибли... Победа досталась дорого.

Мир стал черным в глазах Иггельда. Как из глубокой пропасти, он услышал свой изменившийся голос:

— Как... как могли погибнуть? Это вы... дворец?

— Не мы, — сказал Рогоза торопливо. — Это... это потом!.. Явился ребенок... ну, подросток, младший брат Придона. Восхотел забрать тело Придона...

— Отдали бы, — прозвучал сзади голос Ратши. Он вышел из-за спины Иггельда и встал рядом. Глаза требовательно и недружелюбно смотрели на князя. — Пусть похоронят в своей Артании по своим артанским законам. Негоже мстить мертвому.

— Отдали! — вскрикнул Рогоза. — Конечно, отдали!.. Какая уж тут месть, когда у всех праздник! Но кто-то брякнул, что хорошо бы Придона похоронить здесь, ведь он за Итанией пришел... и жизнь отдал за нее. Да и она, теперь уже видно, не могла без него. Не удавалось в жизни, только в самом конце сумели, так пусть хоть в смерти... Дескать, надо в одной гробнице, в одном склепе... а то и в одном гробу.

Он остановился, лицо становилось то красным, то бледным, то вовсе синело. В глазах появился ужас пережитого.

— И что? — спросил Иггельд. — Прогнали мальчишку?

Рогоза вскрикнул в страхе:

— Нет! Конечно же, нет!.. Мы видели, что за мальчишка. И что у него за конь... и пес, что вовсе не пес, а такой волк, что... Нет, отдавали Придона, все отдавали!.. Но мальчишка, послушав, решил, что в самом деле надо их вместе. И потому, так и сказал, забирает обоих.

Ратша прорычал раздраженно:

— И что же? Позволили?

Рогоза отшатнулся, показалось, что зарычал сам дракон, хотя тот мирно лежит пузом на каменных плитах, даже кожаные шторы опустил на глаза, чтобы не пугать народ, только уши подрагивают, улавливая малейшее движение и голоса.

— Если бы!.. — сказал Рогоза плачущим голосом. — Теперь думаю, что лучше бы позволить!.. Да что там думаю — вижу. Мы такие же дураки, как и ты, пытались остановить...

Ратша вскрикнул:

— Мальчишку?

Рогоза обернулся, зло указал на безобразный холм из белого мрамора, кое-где окрашенный красными пятнами.

— Там Антланец и все остальные герои. Когда мальчишке надоело срывать дуракам головы и бросать волку... да, конь тоже ел людей, тогда этот мальчишка... мальчишка?.. просто трянул стены и обрушил дворец. А мы, дураки... он же грозился обрушить, предупредил!.. Я, когда увидел, как он подскочил к колонне, сразу опометью прочь, а сзади грохот падающего свода, треск стен... Поверишь, меня толкнуло в спину, как если бы лапой дракона, и катило по ступенькам, а потом еще и по площади!

Ратша прокричал:

— А мальчишка? Под руинами?

Рогоза ответил зло:

— Если бы!.. Разбросал, будто сухие листья. Итанию и Придона вынес. Целы, закрыл своим телом, да и на нем ни царапины. Уложил в чью-то повозку, сел и поехал. Все разбегались, ты бы видел его коня и его хорта!..

Ратша попятился, оглянулся на дракона.

— Давно уехал?..

— Вчера... уже к вечеру.

Ратша быстро взглянул на солнце.

— Сейчас только полдень! Он едва отъехал от Куябы! Неужели никто не остановит?

— Много было таких, — ответил Рогоза угрюмо, — что пытались. Еще когда ехал сюда.

Ратша снова оглянулся на дракона, тот дремал, Ратша посмотрел на Иггельда.

— Мы должны догнать! — сказал он резко. — Придона — пусть, но Итания — наше сокровище!.. Иначе что? Получается, что артане добились своего? Добыли Итанию и увезли в свою дикую страну Боевых Топоров?

Собравшиеся неуверенно зашумели. Иггельд уловил в голосах страх, нежелание связываться с непонятным подростком и в то же время жажду догнать и отнять тело Итании.

— Пусть едет, — ответил он неуверенно. — Они страдали, они любили, им нелегко было друг без друга... так пусть же хоть сейчас...

Ратша закричал:

— Ты не понимаешь!.. Ты все делаешь не так!.. Мы не должны, не должны так!.. Пойдем, догоним, отнимем!

Иггельд покачал головой.

— Нет.

— Почему?

— Это неправильно.

Ратша заорал:

— Это для тебя — неправильно! А для меня — правильно!

И вот для них, посмотри, правильно!

Народ неуверенно зашумел. Кто-то в задних рядах обнажил меч и помахал в воздухе, пуская в глаза Иггельда слепящие солнечные блики.

— Я не пойду, — ответил Иггельд. Он ощутил, что голос звучит нетвердо, повторил: — Не пойду! Все-таки это неправильно.

Ратша тоже уловил колебание, прокричал:

— Малыш меня послушается?

Иггельд буркнул:

— В какой-то мере. Если не потребуешь особенного...

Ратша вскарабкался на загравок, начал пристегиваться ремнями, лицо злое и решительное, крикнул вниз:

— Кто со мной еще?

Мужчины в страхе отступили, но, к их удивлению, вперед выдвинулся один немолодой суровый воин в посеченных доспехах. Глаза смотрели прямо, на лице отражалась отвага.

— Что можешь ты, — сказал он кратко, — то смогу и я.

Ратша свесился, протянул руку. Послышался звучный хлопок, ладони сомкнулись, Ратша дернул на себя, но воин не взлетел, как ожидал Ратша, поднялся медленно, осторожно, сел сзади и начал по-хозяйски разбираться с ремнями.

— Как его заставить взлететь? — крикнул Ратша.

— Не надо этого делать, — сказал Иггельд. — Нехорошо. Но... как хочешь.

Он подошел к морде дракона, сказал громко:

— Слушай Ратшу. Вот он у тебя на шее. И... возвращайтесь поскорее!

Ратша тут же заколотил в нетерпении обеими ногами.

— Взлет!.. Вверх!.. Да быстрее, жаба с крыльями!

Кожаные шторы на глазах дракона медленно поднялись. Иггелдду стало не по себе от устремленного на него непонимающего взгляда. В глазах дракона укор, изумление, немой вопрос.

— Ладно, — ответил Иггелд, морщась. — Здесь близко. А потом сразу завалимся есть и отдыхать. До-о-олго!.. Потерпи немного. Понимаю, ты устал... Давай, лети! Слушайся Ратшу. И возвращайтесь скорее. Больше я никогда тебя не отпущу... без себя.

Ратша злился, выходил из себя, будто младший брат Придона не тащился на телеге, а уносился на крылатом драконе, Малыш наконец поднялся, присел было, чтобы метнуть себя в воздух, но в усталых лапах не осталось прежней силы, вздохнул, пробежался, пугая людей, лишь на дальнем конце площади тяжело поднялся в воздух, резко повернул, чтобы не удариться о высокие стены домов, пронесся над головами. Иггелд успел увидеть его морду и устремленный на него любящий взгляд, подумал, что это он, Иггелд, помнит только о своем Черныше, других в сердце не пускает, но этот Малыш его любит, обожает, любит верно и преданно, всегда старается угодить, понравиться, чтобы любимый родитель похвалил его, ведь он, Иггелд, и для него — обожаемый и всемогущий родитель...

— Возвращайся быстрее, Малыш, — прошептал он. — Ты... мой дракон. Мой ребенок. Я тебя очень люблю.

Ночь наступила непривычно рано, в горах привык встречать наступление темноты позже. В окна сыро тянуло болотом, фонтаны продолжают разбрасывать водяную пыль, звезды расплывчатые, подмигивают, как портовые шлюхи, в то время как в горах смотрят чисто и строго. Трупы из сада уже убрали, уцелевшие птицы в ночной тиши пели громко и старательно, словно отработывали щедрое жалованье.

До поздней ночи осаждали князя, беры, наместники, управляющие, а он, как мог, распоряжался, потому что все смотрели только на него, как на верховного распорядителя,

только от него ждали этих самых правильных указаний, решений, законов. Только под утро, когда Черевко вытолкал уменьшающуюся толпу за двери, он сел на подкашивающихся ногах за стол. Черевко сам поставил перед ним тарелку с холодным мясом, отправил слугу за вином, спросил встревоженно:

— Что-то случилось?

Иггельд, белый как полотно, смотрел в окно. Звезды меняли цвет, подмигивали, расплывались в тумане. Показался узкий серпик, полупрозрачный, истончающийся на глазах.

— Ратша не вернулся, — проговорил он.

Черевко взглянул быстро, в глазах промелькнуло нечто, чего Иггельд не уловил, повернулся к светильнику и добавил огня. Иггельд по спине вельможи видел, что тот думает, но сказать не решается.

— Ратша — герой, — сказал он неуверенно. — Но там еще и Малыш... Малыш один может разогнать целую армию!

Черевко наконец повернулся, взглянул прямо в глаза.

— Прикажи, утром пошлю туда отряд, — предложил он. — Думаю, уж прости, этот Ютлан, так он назвался, поехал дальше. А твой вспльчивый друг и дракон... остались. Прикажешь похоронить их там?

Иггельд запустил обе пятерни в волосы, рванул. Боль не отрезвила, вскричал от боли в груди:

— Но почему?.. Почему я только теряю?.. Черныш, Яська, Антланец, Вакула, Худыш, да всех не перечислить, а теперь еще и Ратша? А Малыш, мой Малыш, я же мог тебя остановить, ты же не хотел лететь, ты все чувствовал, ты знал, но... послушался! Что за безумие пронеслось по нашим странам, выкашивая лучших, устилая землю телами молодых и сильных, а ручьи наполняя кровью?.. Боги, я все отдам, от всего откажусь, только сохраните мне Ратшу и... Малыша!

Черевко в полнейшей беспомощности развел руками.

— Даже боги не могут свершившееся сделать несвершившимся. Иггельд, возьми себя в руки. А затем и страну. Если оставить так, как было при Тулее, то и получим, что было при Тулее. Как это ни противно нам, куявам, но кое-что надо взять от Артании. И даже от артанкости!

Мир застыл, потерял краски. Иггельд улетел на прекрасном драконе, растворился в синем безоблачном небе, шли дни, а вчера в Арсу прибыла повозка с гробом. Ютлан к Придону не успел, не успел... Волхвы сказали, что чужие маги сумели задержать в пути на целые сутки. Если бы застал Придона живым, все было бы иначе.

Знатные люди бережно сняли широкий гроб. Под толстой крышкой, залитые медом, мирно покоились два тела. Наконец-то мирно, наконец-то не слышно их рассерженных голосов. Каменотесы срочно расширяли семейный склеп Осеннего Ветра. Придона с Итанией сперва хотели поместить рядом с матерью, но Рокош велел для них сделать отдельную комнату, а место возле матери пусть ждет Осеннего Ветра. Пока не найдено его костей, пока нет тех, кто бы видел его гибель, он жив. И еще может вернуться. Герои бесследно не исчезают.

По всей Артании была печаль, но женщины ходили с гордыми, хоть и заплаканными лицами. Подростки расспрашивали стариков про Куявию, где растворилась огромная артанская армия, не иначе как хитростью и чародейством, сами мечтали поскорее получить право брать в руки боевые топоры и отомстить за гибель героев.

Она сидела у окна без мыслей, без дум, бесцельно смотрела вдаль. Сердце билось ровно, в груди разрасталась пустота. Не сразу обратила внимание на скачущих ко дворцу всадников, но, судя по их крику, случилось что-то необычное.

Потом увидела, как по широкой улице едут... куявы. Да не простые куявы, а куявские воины: в дорогих доспехах, высокие, крупные, настоящие богатыри, таких отбирают по всей стране. Впереди на белоснежном рослом жеребце слегка покачивается в такт красивый молодой гигант с белокурыми волосами, широкоплечий, в блестящем панцире, с плеч ниспадает дорогой пурпурный плащ. Только он с непокрытой головой, остальные в шлемах. Иггельд, вскрикнуло сердце. Конь выступает гордо, помахивает роскошной гривой, Блестка издали оценила его стремительную красоту, силу продолговатых мышц и звериную выносливость.

Всадники, сопровождающие куявских наездников, выглядели просто жалко вблизи этих великолепных героев, подъехали к дворцу, остановились. Некоторое время ничего не происходило, Блестка извелась, Иггельд выглядит блестящим красавцем, но она видит усталые складки у губ, заострившиеся скулы, напряжение и отчаянность во взоре. Он устал, измучен, даже истерзан, неизвестно, что скажет, артане пока просто ошеломлены такой дерзостью, как ни обезлюдела Артания, горстку героев сотрут в песок...

На крыльцо, где каменные ступени сразу начали проседать под тяжестью, вышел все тот же высокий старик с короткой седой бородой.

— Я Рокош, — сказал старик. Голос без звонкости, но и без старческого дребезжания, сильный густой голос. — Рокош Длинноволосый. Это моего правнука привезли в гробу... с его женой! Я шестьдесят лет назад оставил великую и радостную Арсу, но, как видишь, пришлось вернуться... Да, великую и радостную Арсу оставил, и вот сейчас на ступенях опустевшего дома... Ты будешь говорить со мной, пришелец!

Иггельд, не слезая с коня, сдержанно поклонился.

— Я готов говорить с любым, кто принимает решения. Меня зовут Иггельд, я — пастух драконов. Волею судьбы мне пришлось спуститься с гор... на равнине встретил, как я понимаю, твою правнучку Блестку. Ты однажды оставил Арсу великой и радостной, но и сейчас можешь оставить ее... хотя бы мирной. А с миром придет и величие, Артания залечит раны. Я убил, хоть и не своей рукой... Придона, я отвечаю за его смерть. Это большая потеря, я хочу возместить... предложив себя взамен.

На площади наступила мертвая тишина. Старик спросил неторопливо, Иггельду почудилось, что уже все понял, но спрашивает для других:

— Как?

— Я прошу тебя, — сказал Иггельд громко, — как старшего и как взявшего власть в свои руки... прошу отдать мне Блестку в жены.

За спиной, а затем и по всей площади пронесся рокот,

словно ветер пробежал по густому пшеничному полю. Мужчины глядели с ненавистью, все едины.

Рокош смотрел исподлобья. Молчание длилось долго, Иггельд успел передумать все на свете, наконец Рокош перевел взгляд на толпу, голос прозвучал сдержанно, ровный, похожий на поверхность покрытого льдом озера:

— Да, мы уже знаем, ты не пастух, хотя на этот раз не на драконе. Но послушаем, что скажут наши мудрые...

Вперед вышел, опираясь на палку, сгорбленный старик, борода едва ли не до земли, седые волосы скрывают лицо. В толпе говор начал затихать. Он остановился, откинул волосы, показалось коричневое, изрезанное морщинами лицо. Заговорил старческим дребезжащим голосом, но в нем звучала мощь волхва, который умеет пользоваться голосом и умеет ставить слова так, что становятся словами того, кто слушает:

— Мы не можем противиться воле своих богов, Артания — открытая страна. Любой чужак может стать артанином, если докажет силу, отвагу и мужество, если блюдет честь в чистоте и не роняет достоинства... Любой чужак может посвататься к артанке, взять в жены и остаться жить у нас или увести в свои земли, но... если докажет, что достоин быть ее мужем. Поступить иначе — потерять лицо Артании. Да разве не так вели себя куявы, когда наш доблестный Придон посватался к их принцессе?

Начался говор, быстро перешел в ликующие, гневные и просто веселые вопли. Рокош, который слушал старика, нахмурившись, вскинул руки и прокричал:

— Достойные слова! Так и поступим. А пока, друзья, расходитесь и принимайтесь за свои дела. Мы будем решать... как поступить. А ты, неустрашимый... можешь сойти с коня, как и твои спутники. Вас и ваших коней покормят и напоят, пока решим, в чем твое испытание.

Иггельд слегка наклонил голову:

— Спасибо. Не сомневаюсь, что коней покормите раньше, чем нас.

— А как же иначе? — спросил Рокош.

— Да... гм, — сказал Иггельд, смешавшись, — я думал, только мы так поступаем по отношению к драконам.

Рокош сказал на диво мирным голосом:

— В чем-то даже куявы — люди.

— Спасибо, — ответил Иггельд.

Князь Рогоза уже слез, стоял бледный, рука на рукояти меча. Признался, вздрагивая:

— Я уж думал, что нас разорвут!

— Да, — согласился Иггельд мрачно, — Артания не слишком-то обеднела героями... Вот посмотри на те морды!

Рогоза зябко повел плечами.

— Да-а... Я думал, тут уже все пусто. Эх, жаль, что так получилось с твоим Малышом. Мы все его любили. На нем можно бы налететь, схватить Блестку и увезти без всяких артанских испытаний! А ну как пошлют собирать обломки меча, как мы заставили Придона?

Иггельд сглотнул ком в горле.

— И что я докажу? Докажу совсем другое...

ГЛАВА 13

Коней распрягли, Иггельд вежливо поблагодарил, отказавшись идти в хоромы, все двенадцать его героев расположились в тени огромного раскидистого дуба. Старейшины совещались долго, из дома вынесли стол, поставили под деревом, а молчаливые подростки, серьезные и очень угрюмые, расставили кувшины с напитками и отварами.

Солнце перешло на западную половину, те же подростки вынесли на деревянных блюдах груды мелких жареных птиц. Иггельд, стараясь не показывать виду, жадно всматривался во все окна. На них смотрели отовсюду, но так и не заметил, чтобы мелькнуло лицо Блестки, ее узнал бы сразу.

Князь Рогоза прислушивался к разговорам артан, мрачнел, тихонько подсел к Иггельду.

— Мы сунули головы в пасть льву, — сказал он тихо. — Рокош сумел убедить артан, что твой приезд за Блесткой — оскорбителен. Мы что, хотим новую войну?

Князь Цвигун услышал, сказал раздраженно:

— Какую войну? Все герои Артании остались в нашей земле.

— В Артании герои рождаются каждый год, — возразил бер Кольцо, уже бер. — Тысячи пятнадцатилетних, которым в прошлом году еще было нельзя в походы, в этом садятся на коней. Артане всегда готовы к подвигам, не то что мы. Они беднее, им нечего терять...

Рогоза зябко передернул плечами.

— Боги упаси! Знаю их подвиги!

— Артане не считают, что потерпели страшное поражение, — сказал Цвигун. — Они вообще в упор не видят поражения!.. Слышите победные песни?.. Еще бы, разгромили Куявию, поставили на колени, это час их величайшей славы!.. Погибли герои? Но им уготованы места за столом рядом с богами. Для артан главное — красиво жить, красиво умереть. Они погибли красиво: Придон, Аснерд, Вяземайт, Меривой, Меклен, Ральсвик... О них уже поют песни! Ими гордятся, их именами назовут детей по всей Артании. Если ты надеялся, что они сломлены, — ты жестоко ошибся. И наш приезд может вызвать новую войну!

Иггельд прервал хмуро:

— Я не считаю артан сломленными. Но я приехал не затем, чтобы что-то доказывать. Я приехал потому, что... Вы знаете, зачем я приехал... Я не могу уехать без Блестки. Если не смогу увезти, то сам сложу голову.

Облака наливались багровым, солнце наполовину скрылось, жутко и зловеще смотрело через пелену, словно огромный налитый кровью глаз. Уже не подростки, а крепкие молодые воины сменили посуду на столе, принесли из холодных погребов настои жги-травы и плакун-корня. За всем следил немолодой мужчина с золотой серьгой в ухе, с бритой головы свисал длинный клоч волос, лицо сильное, значительное, властное. Вообще-то следить за ними лишнее, тем более такому человеку, в нем чувствовалась сила рожденного двигаться тысячами, а не тремя слугами, Иггельд посматривал украдкой, не удивился, когда тот приблизился, слуги задвигались быстрее, он проследил, как на столе расставляют чаши и кубки, словно невзначай поинтересовался:

— А что сейчас в Куявии? Кого выбрали тцаром?.. К нам вести доходят поздно.

Иггельд ответил с полнейшим равнодушием:

— Меня.

Человек с золотой серьгой внимательно всмотрелся в его лицо.

— И ты даже не упомянул о такой... малости?

— На то и малость, — ответил Иггельд. И добавил изменившимся голосом: — А вот Блестка — это все.

Человек с серьгой проговорил медленно:

— Я волхв Валдай и, когда вижу мудрого, ставлю выше героев топора и магии. Ты мудр не по годам. И когда поручил другому брать Куябу — тцарское решение. Дело тцара — думать о стране, а не бросаться на стены! Ты мудр, Иггельд.

— Да? Почему же только сейчас понял, что Артания... своим вторжением спасла Куявию?

Валдай невесело улыбнулся.

— Боюсь, наши так далеко не заглядывали.

— Я постараюсь взять не только Блестку, — сказал Иггельд.

Волхв улыбнулся одними глазами, понял, так же незаметно удалился.

Князья бурчали громче, Иггельд поднялся, не пора ли напомнить, но из дома на крыльцо вышел Рокош, за ним десятка два старейшин, среди которых Иггельд увидел и тех, кто в молодости явно ворочал горами. Последним вышел молодой гигант с красивым и яростным лицом, Иггельд вздрогнул, почудилось, что увидел помолодевшего Аснерда. Гигант прожигал его яростным взглядом, его держал за руку Валдай и что-то настойчиво шептал на ухо.

Рокош молча смотрел на куявов, все встали, Иггельд сделал несколько шагов вперед. Рокош остался на ступенях, смотрит сверху вниз, голос пророкотал медленно и властно, как неторопливый и сознающий свою мощь гром в исполинской туче:

— Мы совещались долго, ты это заметил... Горячие головы, они есть в любом возрасте, доказывали, что вы, куявы, поручили Придону вроде бы одно, но на самом деле, по сво-

ей куювской хитрости, сразу три... Тебе надо бы что-то подобное. В отместку! И — тоже на полгода. Но что-то подсказывает, что если так и мы, то это... ну, негоже. Будто куювы какие-то! Будто хотим избавиться трусливенько, мол, где-то да сгинешь. Нет, мы не куювы.

Иггельд слушал внимательно, сердце стучало часто и сильно.

— Мы решим все здесь, — добавил Рокош. — Готов ли ты?

— Готов, — ответил Иггельд.

Рокош повернул голову. Молодой гигант сделал шаг вперед, волоча вцепившегося Валдая.

— Это Тур, — произнес Рокош, — он рвется сразиться с тобой. Как ты уже догадался, вижу по тебе, это сын Аснерда... Все его братья погибли, как и отец, но сила погибших отныне в нем, ибо погибли праведно. Но волхвы решили иначе...

За его спиной раздвинулся народ. Из дома на крыльцо вышел, а затем и спустился во двор подросток. Он смотрел в землю, но когда поднял голову, Иггельд застыл, превратился в лед. В глазах подростка бушевал багровый огонь.

— Это Ютлан, — произнес Рокош. По его бледным губам промелькнула недобрая усмешка: — Младший сын Осеннего Ветра. Брат Блестки, как ты уже понял... Тебе надо всего лишь победить его в схватке. Но Ютлану еще полгода нельзя брать в руки оружие, так что схватка будет без оружия. Согласен?

Из дому вышла и остановилась справа от Рокоша Блестка. Лицо ее было смертельно бледным, она исхудала за эти дни, в глазах плескалось море боли.

Иггельд посмотрел на нее, в груди кольнуло, ответил ясным голосом:

— Да, конечно.

Рокош кивнул, пряча торжествующий блеск в глазах, сказал громко:

— И все засвидетельствуют, что схватка с твоего согласия. Победитель тот, кто бросит другого наземь. Если убьет или переломает кости... что ж, на то воля богов!

— Согласен, — ответил Иггельд. — Я на все согласен. Я умру, но не отступлюсь от Блестки!

Багровый огонь в глазах подростка стал злее, яростнее. Иггельд стиснул челюсти, в груди разрасталась тоска, но вместе с нею и облегчение, что вот сейчас решится, наконец-то избавится от терзающей его боли. Этот нечеловек, так легко разрушивший дворец Тулея, разрубит все узлы, ответит на все вопросы...

Рокош сказал громко:

— Тогда начинайте!..

Иггельд снял перевязь с мечом, угрюмые соратники приняли бережно, отступили. В напряженном молчании растегнул пряжку второго пояса с ножнами двух ножей, отбросил в сторону. Показал пустые руки, сделал шаг вперед. Багровый огонь в глазах подростка стал пурпурным, он коротко оглянулся, отыскал взглядом Блестку, после паузы повернулся к Иггельду.

Немного боли, сказал себе Иггельд, и все... Муки прекратятся. Она увидит, что я погиб от руки ее младшего брата, сердце ее взвеселится... или хотя бы чуть дрогнет? Может, даже заплачет над его бездыханным телом?

Ютлан не двигался, Иггельд чувствовал, что проще сдвинуть гору, чем поднять этого подростка, зато он в состоянии весь отряд поднять одной рукой и так швырнуть оземь, что обратятся в прах даже кости. Ютлан все еще не шевелился, Иггельд снова заметил его быстрый цепкий взгляд, брошенный на бледное лицо Блестки. Когда он повернул голову к Иггельду, огонь в глазницах стал оранжевым.

— Я не стану с ним бороться, — сказал он. Иггельд вздрогнул, впервые услышав голос младшего брата Придона. — Я признаю себя побежденным.

Он даже не взглянул на Иггельда, повернулся и пошел обратно. Ошеломленный Иггельд видел, как Блестка ухватила младшего братца и крепко-крепко прижала к груди. Рокош застыл, потом медленно, Иггельду послышался скрип суставов, повернулся к Ютлану.

— Ты признаешь...

— Да, — прервал Ютлан.

— Ты признаешь себя побежденным куявом?

Ютлан спросил:

— А что такое — куявы?

Бледное лицо Рокоша побагровело, налилось дурной кровью, губы стали синими. В руках воинов закричал и начал вырываться Тур. Рокош стал шире, раздулся, глаза засверкали, но после короткой страшной паузы плечи опустились, повернулся к Иггельду, голос захрипел, как у пса, что подавился костью, слова выкатились тяжелые, злые, раздавленные признанием поражения:

— Боги на твоей стороне... Ты победил... бери ее.

Иггельд взглянул на Блестку. Она поцеловала Ютлана, крепко-крепко обняла, сошла вниз и остановилась на самой нижней ступеньке. Взгляды их встретились.

— Что мне боги, — обронил он с болью. — Есть и выше власть.

Лицо Блестки было спокойным, веки чуть приспущены, только на щеках метался лихорадочный румянец. В огромном дворе стояла мертвая тишина. Оба чувствовали на себе сотни пар глаз, воздух застыл, а взметнувшийся ввысь листок остановился, будто попал в незримую глыбу янтаря.

— Я тебя выиграл, — сказал Иггельд.

— Да, — ответила Блестка, — ты победил.

Рокош сказал громко:

— Да не усомнится никто в нашем слове! Ты выполнил все. Ты завоевал ее, наше сокровище, нашу несравненную Блестку. Бери, она пойдет за тобой всюду. Это не куявка, что не может оставить свое теплое гнездо... Артанская женщина всюду идет с мужем, в радости и горести, в здоровье и в болезнях. Будешь ли на вершине славы или будешь изгнан и будешь влачить жизнь жалкого нищего — она останется верной и преданной женой!

В толпе неуверенно закричали, в воздух взлетели шапки.

Иггельд пристально смотрел на Блестку. На ее бледных щеках проступил румянец. Она впервые подняла на него глаза. Он задохнулся от обилия света в этих бездонных коричне-

во-лиловых озерах. Она смотрела на него неотрывно, губы ее слегка шевельнулись.

— Блестка, — сказал он тихо. — Они думают, что я тебя завоевал... Наивные! Они не понимают, что тебя так завоевать нельзя. Невозможно. Но я знаю, ты пойдешь со мной, как будто я тебя в самом деле завоевал. Но я только сейчас понял... Я понял, я все понял! Я думал раньше, что все понял и все уже знаю, но только сейчас, вот в эту минуту... Блестка, я снова дурак, я совершил ошибку. Я не должен вот так. Это нехорошо, это нечестно!.. Так завоевывать женщин нельзя. Так нельзя завоевывать любимых женщин. Так поступать с любимыми нельзя, но я понял только сейчас, благодаря вам, артанам. Я люблю тебя, Блестка! Я очень тебя люблю.

Он обернулся, Кольцо бегом подвел коня. Телохранители вскакивали в седла. Рокош, не веря ушам, спустился на пару ступенек. Пальцы сжались, но рукояти боевого топора в них нет, кожа жутко заскрипела, как мельничьи жернова.

— Ты что? — сказал он громовым голосом. — Отказываешься от победы? Что за куювская хитрость?

— Такой победы мне не надо, — ответил Иггельд. Он вскочил в седло, наклонился к Блестке. Она не отрывала от него взгляда, он сказал негромко: — Это не победа. У нас, куювов, тоже есть... по крайней мере, у тех, кто прошел эту войну, есть достоинство. Но прошу позволения... приехать еще раз. Или прийти пешком... Уже без всяких клятв... и попробовать еще раз.

Она впервые разомкнула губы, он услышал голос, полный недоумения:

— Но... почему?

— Помнишь, еще в нашу первую встречу ты сказала... а я не поверил, что у вас женщин не отдают, не завоевывают, не выкрадывают, не покупают... даже победами, они вольны в выборе?.. Позволь, я приеду еще раз.

Она ответила, глядя ему прямо в глаза:

— Я буду ждать.

Никто из артан не вымолвил слова, куювы повернули коней, раздался грохот копыт, всадники вихрем вылетели через распахнутые ворота.

Багровое солнце опустилось за небокрай, пурпурные облака медленно темнели, подернулись снизу лиловой каемкой. По степи пролегли глубокие тени, похожие на трещины, ведущие в преисподнюю.

Арса осталась позади, скачущий впереди князь Цвигун перевел коня с галопа на рысь, затянул песню, сильные глотки дружно подхватили эту застольную, она же и походная, красивую и грустную песню-гимн, в которой мужество, веселье, готовность отдать жизни за то, чтобы на белом свете жилось лучше:

Гей-но, наповным повныя чары,
 щоб через винцы лилося!
 щоб наша доля нас не чуралась,
 щоб краше в свити жилося!!!

Они ехали большую часть ночи, а утром, переночевав и выкупав коней в реке, понеслись дальше. С каждым конским скоком он удалялся от Блестки, в груди разрасталась тревога: не сглупил ли? Свободная и независимая, не предпочтет ли одного из тех, кто ближе и напористее?

— Ты свободна, Блестка, — прошептал он навстречу ветру. — Отныне никаких оков, никаких обязательств!..

Он видел Куявию сверху не раз, сейчас двигались по прямой, как птица летит. Через несколько дней пошли куявские земли. К вечеру завидели среди леса глухую деревушку. Пастух, наигрывая грустную мелодию, шел за стадом коров. Иггельд вздрогнул, в груди ожила сладкая боль, заворочалась, пошла по всему телу.

Он пустил коня рядом.

— Что за песня у тебя такая... рвущая душу?

Пастух отнял от губ дудку, синие глаза серьезно взглянули снизу вверх на огромного всадника.

— Был такой, — сказал он тихо, — что любил, очень любил... Заставлял горы ронять слезы, деревья опускали ветви в скорби и сочувствии, а земля стонала. Его песни... это и мои песни.

Один из мужчин, что вышел забирать корову, сказал угрюмо:

— Это песня про меня.

— А как звали этого певца? — спросил Иггельд. — Кто он был? Где жил?..

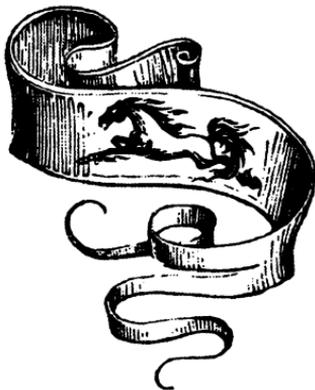
Пастух пожал плечами.

— Наверное, где-то близко.

— Он жил в Степи, — сказал кто-то.

— Нет, — возразил другой. — Он мог жить только в горах, а сюда спускался с новыми песнями. В горах... ну, ближе к богам! Он делал людей другими.

Иггельд промолчал. Телохранители посматривали вопросительно, пришпорил коня и помчался через село. Утром на горизонте заблестает Куяба. Теперь его столица, откуда начнется новое завоевание Блестки. Уже — иначе.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	45
Глава 5	58
Глава 6	72
Глава 7	86
Глава 8	100
Глава 9	113
Глава 10	128
Глава 11	145
Глава 12	160
Глава 13	173
Глава 14	188
Глава 15	202
Глава 16	216
Глава 17	227

ЧАСТЬ II

Глава 1	239
Глава 2	255
Глава 3	269
Глава 4	286
Глава 5	300
Глава 6	313
Глава 7	326
Глава 8	338
Глава 9	349
Глава 10	360

Глава 11	373
Глава 12	386
Глава 13	399
Глава 14	412
Глава 15	423
Глава 16	435
Глава 17	449
Глава 18	464
Глава 19	478
Глава 20	487
Глава 21	499
Глава 22	516
Глава 23	527
Глава 24	539
Глава 25	552
Глава 26	571
Глава 27	590
Глава 28	607
Глава 29	623

ЧАСТЬ III

Глава 1	635
Глава 2	642
Глава 3	653
Глава 4	665
Глава 5	680
Глава 6	691
Глава 7	705
Глава 8	719
Глава 9	735
Глава 10	749
Глава 11	759
Глава 12	775
Глава 13	786

Литературно-художественное издание
Никитин Юрий Александрович
КУЯВИЯ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Тагирова*
Художественный редактор *Е. Гузнякава*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректор *В. Авдеева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 16.01.2007.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 42,0.
Тираж 5000 экз. Заказ № 742.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»

E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо»

E-mail: project@eksmo-sale.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

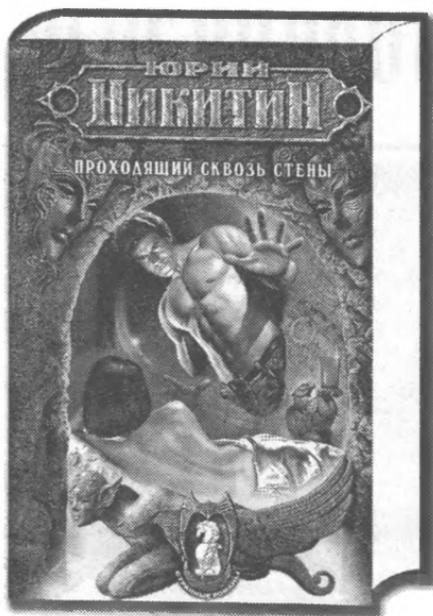
ЮРИИ НИКИТИН

**НОВЫЙ РОМАН
от автора легендарного цикла
«ТРОЕ ИЗ ЛЕСА»!**

ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ

www.nikitin.wm.ru

www.eksmo.ru

Он старательно качался в спортзале, потреблял препараты, наращивая мускулы, как все мы, питался модифицированными продуктами. И однажды ощутил, что рука погружается в бетонную стену, словно в мягкую глину...

**Также в 2006 году вышли новые романы мастера:
«Трансчеловек», «Последняя крепость»,
«Возвращение Томаса»**

ГРАНДМАСТЕР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

И ЕГО НОВЫЙ РОМАН

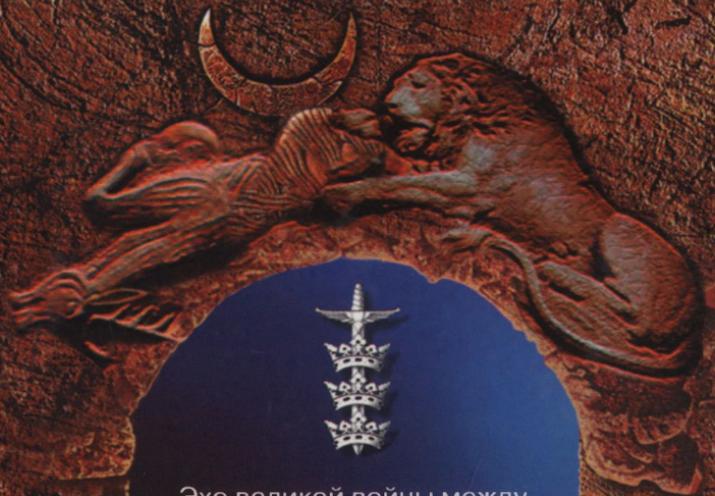
«ПО ТУ СТОРОНУ ОГНЯ»

Экипаж «солнечного крота» во главе с Кузьмой Ромашиным исчезает в петле времени. Теперь никто не знает, удастся ли отважным исследователям вернуться из путешествия в недра Солнца...

Эхо великой войны между
Артанией и Куявией докати-
лось до затерянной в горах
Долины Драконов. Мальчонка
Иггельд, спасший крохотного
дракончика от гибели, не
желает воевать: Куявия и
Артания далеки, однако кто
избегает войны, того она
находит сама. Отряды артан
подошли к Долине Драконов,
богатыри сражаются с бога-
тырями, маги с чародеями,
колдуны с волшебниками.
Но это только начало
великой битвы.

ISBN 5-699-20373-7

9 785699 203734 >